АПОКАЛИПСИС

В ИСТОЛКОВАТЕЛЬНОМ И НАЗИДАТЕЛЬНОМ

Я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть.

Апок. VI.

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПО ИСТОЛКОВАТЕЛЬНОМУ И НАЗИДАТЕЛЬНОМУ

ЧТЕНИЮ

АПОКАЛИПСИСА

С БИБЛИОГРАФИЧЕСКИМ УКАЗАТЕЛЕМ

Составил Инспектор Симбирской Духовной Семинарии

М.Барсов

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
СВЯТО-ТРОИЦЕ-СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКОГО
ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ
"СКИТ"

ЛР № 062043 от 19.01.93 г. Подписано в печать 7.09.94.
Формат 70×100/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 20,64.
Тираж 5000 экз. Заказ 445.
Редакция «Скит», Москва, ул. Радужная, д. 16.
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИПО Профиздат,
109044, Москва, Крутицкий вал, 18.

АПОКАЛИПСИС СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА

Исторические сведения об Апокалипсисе

1) Во время жестокого гонения на христиан, воздвигнутого Домицианом, св. Апостол Иоанн, вышел невредимым из кипящей смолы и заточен был на остров Патмос. Тяжкое было тогда испытание для Церкви Божией: уже второй раз целый мир, в лице Римских Императоров, вооружился против Царства Христова, у которого не было другого оружия в страшной борьбе сей, кроме терпения, не было другой отрады, кроме упования на помощь Господню. Но тяжесть гонения истощала самое терпение некоторых сынов Церкви, а всеобщее восстание против христианства, не только не ослабевавшее, но еще возраставшее с течением времени, колебало самое упование верующих на торжество истинной веры и благочестия над неверием и нечестием. Первые пастыри малого стада Христова почти все уже положили живот свой, по примеру Самого верховного Пастыря, за духовных овец своих: из 12-ти Апостолов один Иоанн оставался на земле, и он был в заточении. Среди сих обстоятельств, сердце сего Апостола не могло не сокрушаться печалью об участи братьев своих во Христе Иисусе, к которым он преисполнен был живою любовью. Посему тягостные дни заключения своего на пустынном острове он проводил, без сомнения, в пламенных молитвах к Господу, прося облегчения для верующих, — и Господь не умедлил Сам предстать возлюбленному ученику Своему, дабы даровать чрез него наставление и утешение Церкви Своей, не только на то время, но и на все веки существования ее на земле. *Аз Иоанн, и брат ваш и общник в печали и во царствии и в*

терпении Иисус Христове, бых во острове, нарицаемом Патмос, за слово Божие и за свидетельство Иисус Христово. Бых в дусе в день недельный: и слышах за собою глас велий яко трубы, глаголящия: Аз есмь Алфа и Омега, Первый и Последний; и: яже видиши, напиши в книгу и посли Церквам, яже суть во Асии: во Ефес и в Смирну, в Пергам и в Фиатир, и в Сардис, и в Филадельфию и в Лаодикию. И обратихся видети глас, иже глагола со мною: и обратився видех седмь светильников златых: и посреде седми светильников подобна Сыну человечу... И егда видех Его, падох к ногам Его, яко мертв: и положи десницу Свою на мне, глаголя ми: не бойся, Аз есмь первый и последний: и живый и бых мертв, и се жив есмь во веки веков, аминь. И имам ключи ада и смерти. Напиши убо, яже видел еси, и яже суть, и им же подобает быти по сем. (Апок. 1, 9-19). Св. Тайновидец написал все, что видел и слышал, и, без сомнения, предал книгу свою тем Церквам, к которым она первоначально назначена Самим Господом. Это было в последнем десятилетии первого века христианского.

2) Апокалипсис, или пророческая книга Нового Завета, есть ничто иное, как Богодухновенная, возвышенная песнь о торжестве *Агнца* над древним змием, или Господа нашего Иисуса Христа над диаволом и его орудиями (Апок. 1, 17-18; 5, 6-14; 11, 15-18; 12, 10-11; 15,3-4; 17, 13-14; 19, 5-8; 20, 10; 22, 3 и 12-13). *Созижду Церковь Мою,* сказал некогда Спаситель, и *врата адова не одолеют ей;* теперь открывается, сколько то нужно для утешения и утверждения верующих, самая судьба Церкви в продолжение всех веков до обновления мира и наступления Царства славы, открываются действия Искупителя нашего в Божественной силе и славе Его, так что Апокалипсис справедливо можно назвать *Евангелием Господа Иисуса Христа, воскресшего из мертвых.* Здесь разрешение всего Священного Писания; здесь оканчивается то великое действие Промысла Божия для искупления и спасения человека, которое началось в раю обетованием о *Семени жены,* долженствовавшем *стереть главу змия.* Посему-то Сам Господь говорит: *блажен чтый и слышащий словеса пророчествия и соблюдающий писанная в нем, время бо близ.* Т. е., блажен тот, кто, внимая откровению Господа о судьбе Церкви Божией, не усомнится в истине

торжества ее над врагами, или в окончательной победе Основателя и верховного Правителя ее над древним змием, над человекоубийцею искони, восставшим против Царства Божия и непрестающим вооружаться против него всеми силами и средствами ада! Блажен, уповающий на всемогущество кроткого Агнца, закланного для искупления мира и, по воскресении, приявшего честь и славу от Бога Отца всяческих: Он есть свидетель верный, первенец из мертвых и Царь царей земных, Он любит нас и омыл нас кровию Своею от всех грехов наших, и сотворил нас царями и иереями Богу и Отцу Своему: Ему слава и держава во веки веков, аминь! Блажен, кто не отступит от Него среди тяжких искушений, имеющих прийти на Церковь от древнего врага ее диавола, и не выйдет из ряда воинства Христова, которое увенчается некогда славою необыкновенной победы; — кто соблюдет написанное в пророчестве, стараясь иметь все качества воина Христова и одушевляясь в скорбях и муках земных упованием на участие во всемирном торжестве Церкви Христовой, под державною Главою Ее, и в царстве неизреченной славы и блаженства, имеющем открыться по скончании мира. Это утешение и укрепление в вере и уповании — не для одних верующих того времени, но для верующих всех времен. Тайна Божия, без сомнения, деется в мире: победа Иисуса Христа над диаволом совершается; судьбы Церкви и мира скончаваются; решительное торжество веры над неверием, света над тьмою, добра над злом, или, одним словом, Иисуса Христа, пречистого Агнца Божия, вземшего грехи мира, над диаволом, змием — обольстителем и убийцею, все ближе и ближе. Хотя завеса сих таинственных действий Божиих не вполне для нас открыта в самом Апокалипсисе, но мы ясно познаем из него, где надлежит искать ключ к разрешению значения великих переворотов в мире, и приготовляемся ко сретению могущих постигнуть нас искушений, мы верно предвидим то, чем некогда кончится продолжительная борьба противоположных начал в мире: и в этом неиссякаемый источник утешения для истинного христианина, который, по заповеди Спасителя, читает или слушает словеса пророчествия и соблюдает писанное в нем.

3) Все седмь Церквей, к которым первоначально назначена была пророческая книга Нового Завета, находились в юго-западном угле Малоазийского полуострова. *Ефес,* богатейший и славнейший город страны той, лежал при море: тогда святительствовал там Тимофей, избранный и рукоположенный Апостолом Павлом. *Смирна* — в 15 милях, к северу от Ефеса, и доселе богатый купеческий город: там был епископом Поликарп, ученик самого Иоанна Богослова, им же и рукоположенный, по свидетельству Тертуллиана. *Пергам* — еще севернее, в 17 милях от Смирны, некогда столица царства Пергамского. *Фиатира* — также к северу от Смирны, но ближе Пергама. *Сардес* — к востоку от Ефеса, в 10 милях от него. *Филадельфия* — еще восточнее Сардеса на расстоянии 8 миль от него. *Лаодикия* — в 10 милях от Сардеса. Таким образом, назначение Апокалипсиса к 7 Церквам Малоазийским можно и должно понимать в прямом и буквальном значении. Но это однако ж не противоречит древнему и новому мнению ученых и правомыслящих толкователей, что сии седмь Церквей образуют собою церкви всех мест и времен. В самом деле: 1) и все писания Апостольские назначались первоначально к известным церквам или лицам, но в то же время относились и ко всем верующим: тем более это должно сказать об Апокалипсисе, который, 2) содержа в себе откровение, касающееся всего христианства и даже всего мира, не мог быть частным посланием к известным только церквам: кроме того, 3) число седмь имеет некоторое таинственное значение в целом Апокалипсисе: седмь духов пред престолом Божиим, седмь свещников, седмь звезд, седмь светильников, седмь рогов и седмь очес Агнца, седмь печатей, седмь труб, седмь таинственных громов, седмь фиалов ярости Господней и пр. С достоверностью можно полагать, что число сие выражает собою полноту, по числу ли дней творения Божия, в которое *совершишася небо и земля и вся украшения их,* или по другой какой-либо причине. Посему, под именем седми Церквей прилично разуметь и здесь Вселенскую Церковь во всем ее пространстве и продолжении времени, — сие новое превосходнейшее творение Божие, которое вполне совершится и украсится по скончании всех веков, *егда будет Бог всяческая во всех.* Не без особенного, конечно, намерения

избираются те, а не другие, седмь Церквей, которым Сам Господь дает наставления похвалу или укоризну, угрозы и обетования: в совершенствах и недостатках сих Церквей не обрел ли Господь живого изображения многоразличного духа, направления, подвигов и дел христианских народов, живущих и действующих в разные времена? Во всяком случае, сии послания Господа нашего Иисуса Христа, вместе со всем Его откровением, относятся и к нашему времени, и к нам, чадам Его Церкви: истина сколько утешительная, столько же страшная для благоговейного христианина, с верою внимающего Писанию! Заметим еще, что каждое послание надписывается *Ангелу* Церкви. Кого разуметь должно под сим именем? Без сомнения, епископов или предстоятелей церквей, как разумели св. Отцы, Богомудрые толкователи Писания. Ибо союз верующих со своим Епископом столь тесен и неразрывен, что они вместе составляют как бы одно лицо. Такие Святители, как Тимофей или Поликарп не имели, конечно, недостойных их слабостей; однако же Ангелу Ефесской Церкви делается укор в ослаблении любви к Господу, т. е. недостатки некоторых членов Церкви относятся как бы к лицу ее Епископа. Это вполне выражает отношение пастыря к своей пастве, по которому он стоит во главе своего стада, как Сам Иисус Христос во главе всей Своей Церкви; т. е. где нет Епископа, там нет Церкви, нет стада Христова. На страшном суде Господнем каждый верующий последует за своим пастырем, который, представши Домувладыке и Судии, скажет: *се Аз и дети!* (Воскр. Чт. ч. XI, стр. 92-96)*.

Содержание Апокалипсиса и смысл его таинственных образов

Содержание Апокалипсиса составляет ряд таинственных видений, которые созерцал св. ап. Иоанн, будучи в состоянии пророческого восхищения. После вступления, в нем изображаются, 1) видение Сына человеческого посреде седми светильников златых и высочайшие препоручения от Него к седми Церквам восточным; 2) видение седми таинственных печатей, разрешаемых Агнцем; 3) видение седми Ангелов с

* Ссылки в тексте и библиографические описания даются по изданию 1902г. без изменений *(примеч. ред.)*

седмью трубами, под седьмой печатью; 4) видения, по гласе седьмой трубы, именно: а) видение жены, облеченной в солнце и *змия* чермнаго, б) видение зверя из моря и зверя от земли, в) видение Агнца на Сионе, трех Ангелов, парящих посреди неба, Сына человеческого с серпом в руке, и Ангела — с тем же орудием, г) видение седми фиалов ярости Господней, д) видение жены любодейцы, сидящей посреди моря на седмиглавом звере, е) видение последнего суда над Вавилоном, зверем и лживым пророком; *брак* Агнчий и торжество истинного Победителя; 5) видение тысячелетнего Царствия Христова на земле, и последующего за ним страшного суда Господня; 6) видение нового неба и новой земли и нового Иерусалима, с Небеси сходящего. Откровение заключается подтверждением истины и важности содержащихся в нем пророчеств; обетованием Самого Господа о скором пришествии Своем; внушением христианам неусыпного попечения о достойном приготовлении себя к сретению Его, и желанием св. Тайновидца скорого пришествия Господня.

Первое видение составляет как-бы вступление к самому откровению. Сын человеческий, являясь Тайновидцу среди седми светильников златых, показывает чрез то, что Он есть верховный Владыка всех Церквей христианских, что они, возженные Его благодатию и силою, могут и должны светить только около Него и для Него, что Он силен и властен передвигать сии светильники с мест их, или — упразднять Церкви, если найдет их достойными того. В Его деснице седмь звезд, т. е., в Его непосредственном ведении и управлении все предстоятели и учители Церквей, и все служение и дела христиан, руководимых ими. Облеченный в подир и препоясанный поясом златым на персях, Он, по самому виду Своему, являет Себя Первосвященником Церкви, т. е. Первосвященником вечным, *по чину Мельхиседекову.* Пламенные очи Его назирают все, самое сокровенное, в человеке; меч уст Его есть то всепроницающее слово Божие, которое *острейше паче всякаго меча обоюду остра, проходящее до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным.* Подобныя халколивану нозе Его означают непоколебимое

утверждение Его владычества над миром. Он — первый и последний, т. е. предвечный и бесконечный, следовательно, истинный Бог; живый и был мертв, следовательно, истинный и человек. Он имеет ключи ада и смерти; следовательно, есть Владыка всякой жизни, ибо Ему по воскресении *дана всякая власть на небеси и на земли.* Таким образом, Господь наш Иисус Христос предстал Тайнозрителю в Божественном ополчении Своем, как Глава и Царь Церкви и как Вседержитель мира, страшный для врагов Его. Он Сам повелел Иоанну описать это, говоря: *напиши, яже видел еси и яже суть,* дабы одно изображение Его величия укрепило веру и возвысило надежду христиан, изнемогавших под тяжестью гонения на Церковь. Но — напиши, *и яже будут посем,* присовокупил Он; следовательно, имел открыть Тайнозрителю и самые действия Своего могущества и власти в хранении Церкви и поражении врагов Ее. Посему дальнейшие видения должны быть изображением сих Божественных действий Господа нашего Иисуса Христа. Но, предварительно, Он обращается к самим верующим, как бы подданным царства Своего, дабы обратить первее всего внимание их на собственные их обязанности и показать, чего им опасаться и надеяться должно, когда будут совершаться суды Его над миром. Таков смысл Его посланий к седми Церквам. *Со второго видения* начинают открываться высочайшие определения Божии о судьбах мира и Церкви, оканчивающиеся последним страшным судом Господним, за которым следует уже видение нового неба и новой земли. — Св. Тайновидец зрит престол на Небеси и Бога, сидящего на нем: это — изображение того, что Господь есть Владыка и Судия мира, что Он, управляя Вселенной, непрестанно совершает Суд Свой над народами, что на небе, в определениях Сего вечного, всемогущего и праведного Судии, надлежит искать объяснения всех происшествий, совершающихся на земле. Так и древние пророки видели Господа, когда Дух Святый открывал им о судьбах царств и народов. Вокруг престола была радуга: знамение вечного союза между Богом и человеком, которого не в силах разрушить никакие брани и возмущения на земле. Двадцать четыре старца, на других престолах, означают, видимо, пред-

ставителей Ветхозаветной и Новозаветной Церкви, по числу колен Израилевых и Св. Апостолов. Молния, громы и гласы, исходившие от престола, знаменуют непрестанную деятельность природы, силы которой всегда готовы быть орудием награждающей или наказующей, благословляющей или поражающей десницы Божией. Седмь светильников — седмь Духов Божиих, или седмь благодатных даров Духа Святаго, которыми Он запечатлевает избранных Своих. Море — предел, разделяющий временное от вечного, как два противоположных берега. Серафимы, как предстоятели в Небесном Богослужении, созерцая недосягаемую глубину и высоту совершенств Божиих, непрестанно славословят Пресвятую Троицу, а за ними, и старейшины человечества, слагая с себя венцы, воздают славу и честь Творцу и Промыслителю мира. Итак, вот верховный Совет Божий, откуда нисходят все определения о судьбах наших! Какие же определения Божии о Церкви Христовой и о мире, враждебном ей? Св. Иоанн зрит в деснице Божией книгу, совне и внутри исписанную и запечатанную седмью печатями: это, без сомнения, Небесная история христианства и всего человечества. Там содержатся неисповедимые суды Божии о мире; там изображены и внутренние и внешние судьбы рода человеческого; но все еще запечатлено полным числом печатей, следовательно, никому неведомо и непостижимо. Кто ж разрешит сии таинственные печати? Никто, кроме Искупителя и Спасителя человеков, сокрушившего державу диавола Божественною силою Своею и примирившего человека с Богом неизреченным смирением и истощанием славы Своей пред Отцем Небесным. Посему, среди престола Божия, как Посредник между небом и землею, является Агнец, Который заклан на жертвеннике крестном за грехи целого мира, но, разрушивши врата адовы, *яко лев от Иуды* воскрес из мертвых и совоскресил искупленного человека. В таинстве жертвы и прославления Его сосредоточиваются все пути провидения Божия о роде человеческом: кто же может и открыть их, кроме сего Агнца? — Един от старцев, представителей Церкви Христовой, еще прежде явления Агнца, напомнил об этом Тайнозрителю, указав на два пророчества Ветхого Завета: это значит, что

вера в торжество Искупителя одинакова и в Ветхозаветной Церкви, как и в Новозаветной. — У Агнца *рогов седмь и очес седмь, еже есть седмь Духов, посланных во всю землю;* ибо как Сам преисполнен был по пророчеству Исайи, дарами Духа Святаго, так исполнил ими, по прославлении Своем, и Св. Церковь. Итак, *Сей прииде и прият книгу от десницы седящаго на престоле,* и, среди всеобщего торжества и благохвалений на Небе и на земле, начал разрешать ее печати. Достойно замечания, какое участие вся тварь приемлет в судьбе человека! Подробное объяснение видений, представлявшихся св. Тайнозрителю, по разрешении каждой печати, представляет трудности, вполне непобедимые. Все пророчества имеют такое свойство, что, до окончательного исполнения своего, изображают истину как бы полуоткрытою. Дух Святый, провозвещая будущее, вместе с тем запечатлевает его таинственными образами, без сомнения, с тем благим намерением, дабы, с одной стороны,истинное любомудрие в верующих обретало в пророчествах хотя не полный, но при всем том благотворный для них свет ведения о премудрых путях Промысла Божия, — с другой, дабы неверие и нечестие врагов истины не могло дерзновенно восставать против определений Божиих. Посему и пророческая книга Нового Завета до тех пор будет заключать в себе много сокровенного, пока не совершится все, что в ней написано; а полное совершение ее пророчеств, очевидно, есть вместе совершение всего Домостроительства Божия. Впрочем, многие черты сего откровения для нас уже яснее, чем для древних читателей его. К сожалению, позднейшие толкователи принимались за объяснение Апокалипсиса, большею частью, с предзанятыми мнениями и произвольные догадки полагали за начало объяснения; кроме того, слишком далеко простирали свои предположения, не столько обращая внимание на главный предмет пророчества, сколько стараясь удовлетворить любопытству мнимо — точным определением самых времен его. Между тем, всякое произвольное предположение, особенно возбуждаемое одним любопытством, в подобных изъяснениях не только не позволительно, но даже преступно, потому что может подать повод к нареканию на самое Откровение. Лучшие и

благонамереннейшие толкователи, основываясь на тех местах Апокалипсиса, где есть в нем прямое и удобопонятное объяснение более главных его образов, и, соображаясь с некоторыми мнениями Св. Отцев Церкви об этом предмете, относят расематриваемую нами часть пророчества к судьбе древнего мира, с которым в непрестанной и продолжительной борьбе была юная Церковь Христова, пока совершенно не восторжествовала над ним. Без всякого сомнения, этим объяснением не исчерпывается вполне смысл пророчества; но оно, при всем том, много проясняет для нас пути Вышнего Промысла в хранении и возращении Церкви Христовой; отличаясь же почти везде более или менее прямым приложением символических пророчеств к событиям истории, оно в себе самом имеет ручательство за свою достоверность. Исходным пунктом сего объяснения служит 17 глава Апокалипсиса, где Ангел Господень открывает св. Тайнозрителю значение некоторых таинственных образов. Все черты сего откровения показывают, что в нем представляется древний Рим. А так как с 17 главою в неразрывной связи находятся все видения под 7-ю и 6-ю трубами, то объяснения на них, по крайней мере — *первого* и ближайшего, должно искать в событиях Римской истории, пред временем разрушения Рима. Обращаясь потом к началу откровения, с достаточным основанием находят в нем изображение последней судьбы Израиля, отвергшего истинного Христа и вооружившегося на св. Церковь Его. Среди сих откровений об иудеях и язычниках, двух главных врагах христианства, весьма выразительными чертами описывается третий, не менее злобный, но более язвительный, враг Церкви в лжеучителях или еретиках. Так исполнялось первоначально слово пророческое: рече Господь Господеви моему: *седи одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножие ног Твоих.* С падением царства Иудейского с поражением ересей, и, наконец, с разрушением язычества в лице Римской Империи, вера Христова восторжествовала, и видимое Царство Христово на земле утвердилось. Это означает видение тысячелетнего царства Христова на земле, которое неосновательно некоторые думали понимать в буквальном значении. По времени сего царства, снова будет

великое восстание против св. Церкви и высочайшего Главы Ее, Господа Иисуса Христа; но тогда враги будут поражены совершенно, и потом весь род человеческий предстанет на страшный суд Христов, за которым последует вечное мучение нечестивых, вместе с диаволом, и вечное блаженство праведных, вместе со Христом. (Воскр. Чт. т. XI. стр. 122-127).

О том же, ***Герике***

Апокалипсис (который по внутреннему расположению представляется как одно целое) состоит из двух групп, из которых одна дополняет другую и вместе каждая закончена сама в себе от начала до конца; от этого книга *разделяется на две главные части. Первая* (после краткого пролога) гл. 1, 4 до конца 3 гл. содержит возбуждающее к постоянству и вере в пришествие Господа обращение к семи, уже во время Апостолов, процветавшим Церквам великих городов Малой Азии. Это обращение проникнуто святою важностью, которая то со властью увещевает и угрожает, то с любовью обещает, и представлено сначала, в виде вступления, ко всем Церквам вместе (гл. 1, 4, до 20), потом подробно каждой в отдельности (гл. 2, 3). Послания к семи Малоазийским Церквам изложены в одинаковой, почти симметрической форме, но с чертами самой тонкой и ясной индивидуальности, с великою точностью и глубиною и вместе разнообразием и жизненной свежестью. Они несомненно имеют историческую основу и вместе глубокое пророчественное значение для Церкви всех времен; за этим следует от гл. 4, 1 до гл. 22 (гл. 22, 6 и сл. с кратким эпилогом) *вторая часть* книги — собственно откровение, выраженное символически. Здесь безостановочно, одну за другою, хотя не без вводных или объяснительных отступлений, Агнец открывает седмь печатей книги будущего, в числе которых последняя (седьмая от гл. 8, 1) заключает в себе таинственную полноту событий, выражаемую седмикратным звуком ангельских труб, три последние (от гл. 8, 13) заключают троякое горе, последнее (от гл. 11, 14), между прочим, седмикратное излияние седми чаш Божественного гнева, до славного окончания (от гл. 19) совета и царства Божия во второе пришествие Христово.

Сначала следует открытие седми печатей (гл. 6-8); четыре первые из них представляют в свете божественного откровения главные черты истории мира и ее эпох; в пятой и шестой — образы истории мира в отношении собственно к царству Божию в его раскрытии; открытие седьмой печати вызывает явление седми Ангелов с седмью трубами; потом — звук седми этих труб (гл. 8 до 15); четыре первые из них (означение, как кажется, *физических и геологических* страданий мира) образуют основу для пятой и шестой трубы (исторического и вместе физического значения); прежде звука седьмой трубы седмь громов указывают на таинственно великие, *божественные действия, направляющие ход мира;* при звуках седьмой трубы следует предвозвещение окончания совета Божия в различных фазах борьбы (между Христом и антихристом); наконец, являются, как главное содержание седьмой трубы, седмь чаш гнева (гл. 15 до 19), при излиянии которых оканчивается та все более и более усложнявшаяся борьба. — Эти три главные видения суть как бы три драмы, простирающиеся как первая, вторая, третья пророческая картина до конца мира, которые, развивая всегда последующее из последней, седьмой части предыдущего и в нестрого последовательных, но частью одновременных исторических рядах, пророчески возвещают новый мир и пророчески осуществляются. Касается ли вторая часть Апокалипсиса в своей исторической основе только Иерусалима и Рима, или только Рима, это должен решить экзегет; но что Апокалипсис не ограничивается только Иерусалимом и Римом апостольского времени, — это очевидно из общего начала изъяснения, и, во всяком случае, и в Апокалипсисе (как во всех, именно ветхозаветных пророчествах) пророчество имеет (хотя оно всегда прикрыто более или менее темным покровом и в отдельных чертах не совершенно ясно, пока не получит исполнения) с одной стороны, переднюю и заднюю части, которые взаимно поддерживаются одна другою, с другой — различные пророческие картины, которые, сколь, по-видимому, ни сильно совпадают в выражении пророчества, при объяснении не должны быть смешиваемы.

Сообразно этому, могут быть объясняемы и соединяемы с целым и *отдельные* пророчества. Происхождение Апокалипсиса, во всяком случае, соответствует глубоко чувствовавшейся всегда в христианстве потребности; желание разрешить великую загадку явления и развития на земле царства Божия, которое было живо во все времена Церкви, не должно было оставаться без пророческого слова, которое бы ее разгадало. Как ни прикровен смысл Апокалипсиса в частностях, но, по крайней мере, следующее выражено в нем ясно: во-первых, все, что случается в царстве Божием на земле, имеет свое основание и своего Распорядителя в невидимом мире; потом, все катастрофы в Церкви суть вместе катастрофы в истории мира, и все катастрофы в истории мира суть катастрофы в Церкви; далее, в каждом отдельном великом событии скрыт бывает всегда ряд других новых; потом, орудие Божие в истории мира суть как любвеобильные Ангелы, так язва, война, горе, нужда: ибо вся история мира и Церкви, вся история борьбы и победы царства Божия есть длинный ряд язв, далее знаменательные события царства Божия в высшей степени важны и многосторонни, и бывают тем обширнее и запутаннее, чем ближе цель; наконец, цель эта есть бесконечно славная, есть венец всей истории. Эти ясные положения служат главным содержанием таинственной, седми печатями запечатанной книги. Господь грядет! Его царство победит всякую противную силу. Наша вера есть победа, которая побеждает весь мир! Небо и земля погибнут, но слово Господне пребудет во век! Благо тому, кто верит сему! — Отражая святые звуки этого Божественного слова в душе верующего, книга заключается (гл. 22, 20) краткими, но многосодержательными словами: 'Αμην ερχου κυριε 'Ιησου! (Введение в Новозаветные книги Свящ. Писания. Перев. под редакц. Архим. Михаила. II. 128-130).

Время и место написания Апокалипсиса

Герике

Если теперь Апостол Иоанн, по его собственному показанию, был писателем Апокалипсиса; то можно затем приблизительно определить *и время и место* написания Апокалипсиса. Писатель рассказывает гл. 1, 9: εγω Ιωαννης... εγενομην εν Πατμω. Таким образом, время написания Апокалипсиса надобно полагать *после* ссылки Иоанна на

Патмос и притом, *по самому* существу дела, без сомнения вскоре после нее. На Патмосе Апостол стоял в самом средоточии цветущих христианских Церквей Малой Азии и Палестины, Египта и Африки, Македонии, Греции и Италии, и на этой страже открыт был ему внутренний взор на будущее царства Божия на земле. Высокое значение и вместе с тем и длинный ряд полученных откровений *не позволяли ему на долгое время удержать их только в уме своем* и не последовать Божественному повелению (гл. 1, 10; 14, 13) записать их (в связи и в порядке). — Если ссылку Иоанна на Патмос надобно полагать в 68 году, и Иоанн тотчас после ссылки возвратился в Ефес; то и Апокалипсис был написан в 68 г. или же весьма скоро после, и притом в Ефесе, или вообще в Малой Азии. И с этим временем написания Апокалипсиса согласуется все, в чем выражается внутреннее свойство Апокалипсиса, отчасти даже прямо и положительно указывается, именно, на это время его написания. Прежде всего, что разрушение Иерусалима уже совершилось, на это нигде не указывается в Апокалипсисе, и едва ли можно представить, чтобы этот факт в писании с таким характером остался не упомянутым, если только он действительно совершился. Во многих местах Апокалипсиса Иерусалим предполагается еще существующим (гл. 11, 1. 2 — при прямом предположении его существования говорится о храме Божием, о жертвеннике, о дворе и т.д. и повелевается измерить храм, что, кажется, должно указывать на продолжающееся еще существование храма, хотя бы в виду близкой катастрофы, а гл. 11, 2 — вместе с тем попрание святого града язычниками и гл. 11, 13 — разрушение города отчасти чрез землетрясение только еще предсказывается). Надобно обратить еще внимание и на место гл. 17, 11 (точнее — стихи 7-12; срав. с гл. 13, 18), из которого каждый, кто толкует Апокалипсис имея в виду исторические отношения времени или, по крайней мере, такое понимание полагает в основу богословского его толкования, определенно увидит написание Апокалипсиса вскоре после Нерона. Существование и содержание посланий Апокалипсиса никак не требует, вопреки сему, отнесения Апокалипсиса к более позднему времени. — Все Церкви, к которым обращается

Апокалипсис, частью несомненно существовали действительно в то время, частью, по крайней мере, могли существовать и притом уже продолжительное время, как требует сего содержание посланий. Правда, во многих из посланий предполагается состояние развращения, вызванное лжеучителями с языческим оттенком, о чем еще не говорят ранние Павловы послания, и что вообще в апостольское время было еще в зародыше. Но частью, время, в которое написан Апокалипсис, было уже *позднее* апостольское время, частью же полемика посланий Апокалипсиса не заключает в себе ничего, в чем выразился *поздний* характер *вполне развитого лжеучения* с таким направлением, а таким образом содержит в себе то же, что находится уже в Евангелии от Иоанна и посланиях, — борьбу против отрицания тайны благочестия в учении о воплощении Сына Божия. К тому же заключению приводит, наконец, и так естественное здесь сравнение Апокалипсиса с Евангелием и посланиями Иоанна. Евангелие и послания Иоанна едва ли были написаны до 80 года, а, вероятно, позднее. Печать, лежащая на языке Апокалипсиса, вполне еврейская, между тем в Евангелии и посланиях Иоанна греческий элемент является в более чистом виде. Еврейский отпечаток Апокалипсиса нельзя производить ни из различия *только* предмета, ни из еврейского подлинника (оригинала) Апокалипсиса, ибо что касается последнего, языка Апокалипсиса, то *первоначальным языком* Апокалипсиса (соответственно его назначению для обществ, говорящих на греческом языке, его символическим обозначениям при помощи букв греческого алфавита, часто приметному в нем греческому оттенку и его свободной зависимости от 70-ти) надобно признать язык греческий, о котором только и говорит историческое предание. — Итак, тот колорит в свою очередь указывает на написание Апокалипсиса значительно прежде написания Евангелия и посланий, если писатель при написании еще не так свободно владеет греческим языком и все еще тяготеет к еврейскому; равным образом, и большая ровность и ясность мышления, приметная в изображении евангельском и в первом послании, указывает опять на раннее и притом значительно раннее написание Апокалипсиса (Введение в Новозаветные книги Свящ. Писания. II. 142-144).

О подлинности Апокалипсиса и каноническом его достоинстве

Вопрос о подлинности той или другой книги решается на двоякого рода основаниях — на основаниях *внешних,* — заимствуемых из истории, из того, что известную книгу древность чрез целый ряд веков постоянно признавала произведением того лица, имя которого она носит, — и на основаниях *внутренних,* заимствуемых из самой книги. Приложим эти основания к решению нашего вопроса; — и мы увидим, что Церковь всегда сохраняла и передавала векам последующим предание об Апостольском происхождении Апокалипсиса, и что самая книга, если и отличается несколько от других писаний Апостола Иоанна, — зато в существенном носит на себе ясные следы происхождения от того же св. Апостола Иоанна.

1. Первое непосредственное свидетельство о подлинности Апокалипсиса с ясным обозначением имени писателя встречается в первой половине второго века, у св. *Иустина* мученика, в его разговоре с иудеем Трифоном. Сказавши Трифону о будущем воскресении плоти, Иустин присовокупляет к этому еще учение о тысячелетнем царстве Христовом, и, приведя в подтверждение своего мнения места из ветхозаветных пророков Исаии, Иезекииля и других, ссылается потом и на свидетельство новозаветного Апокалипсиса: «Ибо и у нас, — говорит Иустин, — некоторый муж, по имени Иоанн, один из Апостолов Христовых, в откровении, бывшем ему, предсказал, что уверовавшие в нашего Господа тысячу лет проведут в Иерусалиме, и потом будет для всех всеобщее восстание и суд». — Евсевий, в своей церковной истории, говоря о Иустине, замечает, что он упоминает об откровении Иоанна и ясно усвояет его этому Апостолу. Блаженный Иероним, приписывая Апокалипсис Иоанну Богослову, говорит, что Иустин даже писал на него толкование, вместе с Иринеем. А это уже указывает на давнее существование Апокалипсиса в Церкви. Таким образом, первым непосредственным свидетелем подлинности Апокалипсиса является уроженец и житель Ефеса (последнего места пребывания Апостола Иоанна), современник Поликарпа (ученика того же Апостола), член

Ефесской Церкви (к которой, между прочим, написан Апокалипсис — 1, 4. 11; 2, 1). И он свидетельствует открыто, без малейшей тени сомнения, не опасаясь встретить ни откуда противоречия, говорит так, как говорит обыкновенно о предмете, всем известном. Нельзя думать, будто Иустин *первый* отзывается об Апокалипсисе таким образом: сам он не мог придти к этой мысли, если бы никто раньше его не высказал ее, если бы, то есть, со времен Апостолов Апокалипсис или вовсе не был известен в Церквах Апостольских, для которых писан, или был отвергнут, как еретический, неподлинный. Притом же Иустин посылает вышеозначенное свое сочинение (где упоминается об Апокалипсисе, как о творении Апостола Иоанна) в Ефес: значит, предполагает, как общеизвестную истину, что Апокалипсис существует там со времен апостольских и признается за Апостольское произведение теми, кто в состоянии знать об этом. Возражают: «Иустин придерживался хилиазма; очевидно, он был заинтересован считать Апостольским произведением книгу, в которой находил подтверждение своих любимых мыслей». Но этот свидетель так искренен, что тут же присоединяет, что большая часть лучших христиан думает об этом совершенно иначе. Итак, не сказал ли бы он с одинаковой искренностью и того, что эта противная сторона отвергала Апокалипсис? Хилиазма св. Иустин не мог выдавать за господствующий в мнениях своего времени потому, что он был истинен, и потому, что мог встретить противоречие. Апокалипсис же, напротив того, он прямо и безусловно приписывает Апостолу Иоанну, который и для противной партии был столь же достоуважаем, как и стороною, придерживавшейся хилиазма. Следовательно, в этом отношении он не боялся встретить какого-либо противоречия, — так как это было открыто признаваемою истиною. Иначе Иустин не решился бы так открыто и так смело писать об Апокалипсисе, приписывать его Апостолу Иоанну, не посмел бы в глаза обманывать целое апостольское христианство и Церковь Ефесскую, не посмел бы ссылаться на эту книгу перед противниками хилиазма. То правда, что в разговоре с Трифоном Иустин имел дело не с врагом хилиазма, но после этот разговор

вручил он православным христианам. Явно, что здесь Иустин ссылается на книги, признаваемые всеми — на Исаию, Иезекииля и других пророков: значит, и Апокалипсис, как ставимый наравне с ними, имел такой же решительный и важный авторитет, — то есть, апостольское происхождение его было признаваемо всеми. *Мелитон, епископ Сардийский,* по свидетельству Евсевия, написал целую книгу об Откровении Иоанна. Само сочинение не дошло до нас: нам остается делать на его счет предположения. Что-нибудь одно: или Мелитон написал это сочинение против Апокалипсиса, отвергая его подлинность, или он признавал Апокалипсис подлинным. Допустить первое мы никак не можем. Тогда бы, очевидно, и его Сардийская, и другие Малоазийские Церкви навсегда отвергли эту книгу, как произведение неподлинное, о чем бы не умолчал Евсевий. А если Мелитон не отвергал Апокалипсиса, — значит, признавал его подлинным. И если бы Мелитон говорил об Апокалипсисе, как о книге еще сомнительной, то подписал бы свою книгу не περι αποκαλυψεωζ Ἰωαννου, а: περι αποκαλυψεωζ Ἰωαννου τηζ λεγομενηζ или φερομενηζ (т.е. считаемый за Иоаннов), или как-нибудь еще иначе. Да и нельзя представить себе, чтобы такой ученейший и славнейший муж, каков был, по сказанию древности, Мелитон, решился писать сочинение о книге сомнительной и явно отвергаемой. Свидетельство Мелитона важно для нас потому, что это свидетельство лица уже умершего в 177 году, — следовательно жившего во времена, непосредственно следовавшие за кончиною Апостола Иоанна. Значит, Апокалипсис был действительно подлинен, если его приводили под именем произведения Апостола Иоанна скоро после его написания. С другой стороны, Мелитон был епископ Сардийский, то есть, епископ одной из Церквей, к которым написан Апокалипсис (1, 11). И вот что говорится в Апокалипсисе про эту Церковь: *вем твоя дела, яко имя имаши яко жив, а мертв еси. Буди бдя и утверждая прочая, имже умрети: не обретох бо дел твоих, скончаных пред Богом твоим. Поминай убо, како приял еси и слышал еси, и соблюдай и покайся. Аще убо не бдиши, прииду на тя, яко тать, и не имаши почути, в кий час прииду на тя. Но имаши мало имен и в Сардии, иже не оскверниша риз своих*

(3, 1-4). Читая такой отзыв о подведомственной ему Церкви, хотя и не в ее современном состоянии, Мелитон не был ли заинтересован отвергнуть подлинность самой книги, где встречается подобный отзыв? И если он этого не сделал, то не потому ли, между прочим, что подлинность ее была несомненна? Если он не приводил доказательств в защиту подлинности Апокалипсиса, то не потому ли, что в его время и на его месте это было излишним? не потому ли, что это значило бы доказывать то, чего никто и не подвергает сомнению? Мелитон, нарочно путешествовавший по востоку для изучения ветхозаветных книг на месте самых событий, исключивший из своего ветхозаветного канона все книги апокрифические, — мог ли не изучить книги Нового Завета (особенно, если писал о них)? мог ли не исключить из канона новозаветного книги сомнительные, если бы такие ему встретились?

Поликарп епископ Ефесский, в письме к Виктору и Церкви Римской, перечисляя знаменитых деятелей, украшавших Церкви азийские, упоминает между ними Иоанна, «который возлежал на персях Господа, был священником и носил дщицу, был исповедником и учителем». По мнению Генстенберга, здесь выражается характер Иоанна — применительно к трем его различного рода писаниям. Слова: «который возлежал на персях Господа», — выражают характер Евангелия; слова: «был священником и носил дщицу, был исповедником», — имеют отношение к Апокалипсису; слова: «был учителем», — относятся к посланию, где так часто встречается приветствие: *дети мои* (1 п.гл. 2, 1. 12. 18; 3, 18; 5, 21).

До нас сохранилось в церковной истории Евсевия, написанное около 177 года, *послание Галльских и Виенских христиан* Церквам азийским и фригийским. В этом послании встречаем чрезвычайно много заимствований из Апокалипсиса. Например, Ветхий Эпагаф описывается здесь, как настоящий ученик Христов, следующий за Агнцем, куда бы Тот не вел его:» — выражение Апокалипсиса (14, 4). О другом мученике Санкте говорится, что он был орошаем и укрепляем живою водою, текущею из небесного источника — чрева Христова; так и обещается в Апокалипсисе (7, 17; 21, 6);

Здесь же говорится о том, что жестокость мучителей не насытилась муками страдальцев, а стала свирепствовать даже и над мертвыми телами, — «чтобы исполнилось Писание: *обидяй да обидит еще и праведный правду да творит еще* (22, 11)». Все это дает нам глубокий взгляд на положение, какое занимал Апокалипсис в Церкви. Мы встречаемся здесь не только с бездеятельным теоретическим убеждением в его подлинности; мы видим также, что он во время гонений составлял центр взглядов и чувств Церкви, что из него в особенности истекало бесстрашие мучеников, что его угрозы и обещания так сильно влияли на умы верующих, что вся злоба язычников была осмеяна и предана стыду. Мы видим высокую важность, какая принадлежала этой книге Писания, которую христиане затрудняются понимать даже в наши спокойные времена.

Феофил, епископ Антиохийский, — по свидетельству Евсевия, — в книге против Гермогена, африканского живописца, признававшего вечность материи, «приводит свидетельства из Откровения Иоаннова». Но если он пользовался Апокалипсисом, приводя из него места против ереси Гермогена, — то подлинность этой книги, очевидно, была несомненна, по крайней мере, в его время, близкое ко времени написания Апокалипсиса, — и в его Церкви, имевшей своим пастырем, незадолго до него, Игнатия, *ученика* Евангелиста Иоанна.

По свидетельству Евсевия, *Аполлоний, епископ Ефесский,* конца 2 и начала 3 века, преемник Иринея по времени, пользуется свидетельствами Апокалипсиса в своем сочинении, направленном против монтанистов, основавших свои хилиастические мнения на Апокалипсисе, как творении, написанном достовернейшим Апостолом. Если бы Аполлоний не имел никаких исторических сведений о том, что Апостол Иоанн написал Апокалипсис (а эти сведения ему, конечно, собрать было легко в Ефесе, в котором долго жил Апостол Иоанн, по своем возвращении с Патмоса, где написал Апокалипсис), то он, очевидно, скорее взял бы сторону противников монтанизма и назвал бы его книгою подложною.

Между сочинениями *св. Ипполита,* перечисленными на его кафедре, найденной на дороге Тивуртиевой, на Веровом

поле, и не дошедшае до нас, видим сочинение: *защищение Апокалипсиса,* где, по свидетельству Андрея Кесарийского, Ипполит защищал подлинность и Божественное происхождение Апокалипсиса с той целью, чтобы удачнее рассуждать со своими противниками (*алогами,* как думают). И в сочинении: *о Христе и антихристе* он пользуется Апокалипсисом, как несомненно признаваемою подлинною книгою св. Писания.

Св. Ириней, епископ Лионский, в своем опровержении ересей очень часто пользуется Апокалипсисом и нередко писателя его называет учеником Господним. — Главное же место, на которое указывает и Евсевий, как на важнейшее, есть то, где Ириней защищает число 666, находящееся в Апокалипсисе, против не подлинного числа 616, — защищает тем, что число 666 стоит во всех точнейших и древнейших списках, и тем, что так читали те, которые лично видели самого Иоанна. — Из этого видно, что во времена Иринея было *много списков* с Апокалипсиса, между которыми можно было отличить *сохранившиеся древнейшие* от новых и неточных, — *что объяснением его занимались многие, — содержание его возбуждало живой интерес.* Хотя нигде в своих сочинениях Ириней не говорит о том, почему так думает он об Апокалипсисе, — однако, на основании различных мест, в которых он делает упоминание об этой книге, мы имеем право заключать, что в своем суждении о писателе Апокалипсиса он вполне следовал общему церковному преданию. — Свидетельство Иринея тем важнее, что он был уроженец Малой Азии, ученик Поликарпа (ученика Апостола Иоанна), по свидетельству Иеронима и Папия (слушателя Евангелиста Иоанна). Мог ли он не знать малоазийские предания, относившиеся к Апостолу Иоанну, — особенно, если, по Тертуллиану, был omnium doctrinarum curiosissimus explorator, если с ревностью слушал все, относившееся к преданию апостольскому и, по собственному признанию, «писал это не на бумаге, а на сердце»? — Сам же он в свое время всех сомневавшихся в подлинности какой-нибудь книги отсылал в Церкви, основанные Апостолами, где хранились самые автографы; убеждая так, он сам не мог не показывать примера. — И вот, уверившись в подлинности

всех новозаветных книг, Ириней и цитирует их все; наряду с писаниями Апостольскими указывает и на Апокалипсис, — явный знак, что в его время в Церкви Православной Апокалипсис получил право, наравне с писаниями Апостольскими, обличать еретиков, как книга, приобретшая себе авторитет Божественный, как такая книга, против авторитета которой не мыслимы были и возражения с противной стороны. Здесь не видно ни опасения возражений, ни мысли о защите. Защита (если можно так выразиться) была бы пустою игрою слов; к чему бы служила она, когда стоило только расспросить самовидцев Апостола или взглянуть на надписания древнейших списков, чтобы увериться в подлинности Апокалипсиса? — Возражают: «Ириней придерживался *хилиазма:* что же удивительного, если он имел интерес поддерживать Божественный авторитет книги, в которой находил поддержку для своего образа мыслей?» — Но, заметим, хилиазма придерживалась только одна часть православных, которой другая с самого начала противодействовала. Разногласие вышло из-за содержания книги (одни стояли за буквальный способ толкования, другие — за аллегорический); а подлинность ее была признаваема равно обеими сторонами.

Тертуллиан часто ссылается на Апокалипсис, и всегда при этом называет писателя его: «Апостолом, святым Иоанном, Иоанном Богословом». — И признает он подлинным Апокалипсис не потому (как думают одни), что монтанисту (а значит, и хилиасту) естественно было держаться за Апокалипсис, как за подтверждение своих мыслей; — и не потому, что в Карфагене, где жил Тертуллиан, издавна было в обыкновении выдавать это писание за произведение Апостольское (как думают другие). Подлинным признает он Апокалипсис вследствие древнего предания. Значит, важнейшего противоречия в Церкви насчет этого вопроса при Тертуллиане не было: иначе такой человек, каким был Тертуллиан, не оставил бы без замечания и опровержения важнейшего противоречия против Апокалипсиса; а он упомянул об этом случайно, мимоходом. Свидетельство его тем важнее, что он представил исторические исследования о подлинности писаний, приписываемых в его время Иоанну

и, по примеру Иринея, как сам справлялся в Церквах, основанных Апостолами, о начале священных писаний христиан, так и других отсылал туда же для вернейшего исследования.

Климент Александрийский в своих Строматах и Педагоге приводит многие места из Апокалипсиса, называя его писателя — Иоанна Апостолом, — приводит без колебания, как будто он не слыхал о возражениях «алогов». — А хорошо известный характер Климента делает его свидетельство полновесным. Сам же он замечает, что во всем относительно священных книг сообразовался с тем, что слышал об учениках Христовых — Петре, Иакове и Иоанне.

И ученик Климента, *Ориген* приписывает Апокалипсис Апостолу Иоанну. — «Что сказать об Иоанне, возлежавшем на персях Иисуса, который, оставив одно Евангелие, сознался, что можно бы написать столько книг, сколько не вместил бы их и самый мир? — Он написал Откровение, получив повеление умолчать и ничего не писать *о гласах семи громов*». В другом месте, пересчитывая новозаветных писателей, он говорит решительно: «еще и Иоанн присоединяется с трубою своих посланий и Апокалипсиса». — Таким образом, Ориген не встречал в свое время значительного возражения против подлинности Апокалипсиса. Не мог не знать он противоречия «алогов», но так мало придавал ему значения, что не счел даже нужным и упомянуть о нем, не только что заняться его опровержением. И все это для нас тем важнее, что Ориген был самый жестокий враг хилиазма и ревностнейший оспариватель его: согласился бы он признать апостольскую подлинность книги, в которой тогдашние хилиасты находили для себя единственную опору, если бы не имел достаточных исторических свидетельств о том, что Апокалипсис написан Апостолом и Евангелистом Иоанном? — Если Ориген признавал Апокалипсис книгою подлинною, то делал это на основании древнейшего предания, сохранившегося в церквах; — и это тем вероятнее, что он предпринимал путешествия по христианскому миру с нарочитою целью представить исторические исследования о подлинности писаний, известных под именем писаний Евангелистов и

Апостолов. Ориген прямо ставит Апокалипсис в числе книг, признаваемых всеми, и отделяет его даже от книг смешанных. Возможно ли, что бы это было мнение только его частное или даже неискреннее? — Очевидно, Ориген не мог позаимствовать такого мнения у хилиастов, или делать это из угождения к ним, — если он хилиазма терпеть не мог и всегда сильно нападал на него. А не явно ли отсюда, что здесь говорится о признании Апокалипсиса книгою Апостольскою торжественном и всеобщем?

Св. Григорий Нисский говорит об Апокалипсисе, как о творении Евангелиста Иоанна: «слышу, что Евангелист Иоанн в таинственных писаниях говорит загадочно, что в точности должно непременно гореть духом и быть хладным для греха: *о, дабы студен был еси или горящ,* говорит он (3, 10).

То же должно сказать и о *Ефреме Сирине.* Вот, для примера, его слова: «тогда (во второе пришествие Господа) раздерутся небеса и откроется Царь царствующих, пречистый и славный Бог наш, подобно страшной молнии, с силою многою и несравнимою славою, как проповедал и Иоанн Богослов, говоря: *се грядет со облаки и узрит Его всяко око и иже Его прободоша, и плач сотворят о Нем вся колена земная* (1, 7)».

Что касается до *Евсевия,* то в своей Церковной истории он говорит, как различно думали об Апокалипсисе в его время, — и затем два раза называет Апокалипсис сперва в числе книг, признаваемых всеми (ὁμολογουμενα), а потом в числе книг спорных, т. е., по поводу которых есть мнения, разноречащие (αντιλεγομενα, или νοθα), причем опять замечает, что некоторые спорят о подлинности его, другие же, напротив, относят его к книгам, признаваемым всеми. Отсюда открывается, что во времена Евсевия перевес был на стороне признающих подлинность Апокалипсиса, и что сам Евсевий скорее склонялся на сторону признающих его, чем на сторону сомневающихся в нем, тем менее — отвергающих его. Замечательно, что сам Евсевий подробно не объясняется об Апокалипсисе, а собирает только с большим тщанием свидетельства и мнения древних об этой книге, и особенно подробно излагает мнение Дионисия

Александрийского. Итак, если бы в церковном предании от времен Апостольских не сохранилось ясных и решительных свидетельств об Апостоле Иоанне, как писателе Апокалипсиса, — то ужели бы Евсевий так решительно причислил его к книгам, *признаваемым всеми?* Да и в других своих сочинениях Евсевий цитирует Апокалипсис, как подлинное писание Апостола Иоанна, как новозаветный авторитет.

Св. Афанасий Великий говорит в 39 послании «о праздниках» об «Апокалипсисе Иоанна», как «источнике спасения», и ставит его между книгами Богодухновенными. У *Августина* встречаются выражения вроде таких: Ioannes Apostolus in Apocalypsi; Ioannes Evangelista in eo libro, qui dicitur Apocalipsis; Apocalypsis ipsius Ioannis, cujus est hoc Evangelium.

Иероним высказывает, что знает о сомнениях насчет подлинности Апокалипсиса, но говорит и то, что эти сомнения не так основательны, чтобы могли поколебать веру его собственную, или веру Церквей, окружающих его. Он говорит об Иоанне, как об Апостоле, Евангелисте и Пророке, называя его Пророком именно потому, что он написал пророческую книгу — Апокалипсис.

Наконец, *33 правило собора Карфагенского* приписывает Апокалипсис Апостолу Иоанну, ставя его между книгами каноническими, — наряду с писаниями Апостольскими. Итак, мы видим, что, начиная с первых веков, со времен, близких ко времени написания Апокалипсиса, до 4 века включительно и далее, Церковь всегда смотрела на него, как на произведение св. Иоанна, Апостола и Евангелиста, руководясь в этом случае преданием. Но если какая-нибудь священная книга прошла через 4-й век, — это строгое время, когда сделаны тщательнейшие розыскания, собраны и рассмотрены памятники веков прошедших, спрошено предание, — и единогласно признана Богодухновенною, — то ее подлинность является выше всякого сомнения.

Итак, *толик имуще облежащ нас облак свидетелей* (Евр. 12, 1) в пользу подлинности Апокалипсиса, — имеем ли право заподозревать его подлинность? — Или надо отнять всякую силу у доказательств внешних, или надо допустить,

что в этом случае они решают всякое недоумение. В опровержение той истины, что Церковь *везде* и *всегда* признавала Апокалипсис писанием Апостольским, Богодухновенным, Иоанновым, указывают: 1) На то, что лица, жившие близко к временам апостольским, раньше св. Иустина, как-то: *Климент Римский, Варнава, Ерма, Игнатий, Поликарп, Папий,* вовсе не упоминают об Апокалипсисе, хотя им упомянуть о нем было очень кстати: Поликарп был непосредственный ученик Евангелиста Иоаннна; Игнатий — ученик Поликарпа, писал к Церквам Ефесской, Смирнской, Филадельфийской, к которым написан и Апокалипсис; Папий — слушатель Апостола Иоанна; Ерма, Климент и Варнава — мужи апостольские. 2) На то, что об Апокалипсисе не упоминается в *повествовании о мученичестве Поликарпа,* ученика Иоанна Богослова, *составляющем послание Церкви Смирнской,* к которой писан Апокалипсис. 3) На то, что в *85 Апостольском правиле* опущен Апокалипсис из числа «святых» новозаветных книг. 4) На *60 правило Лаодикийского* (360 года) *собора.* 5) На *св. Григория Богослова,* который пересчитав канонические книги Нового Завета и не упомянув Апокалипсиса, прибавляет: «теперь все имеешь книги; а какие есть, кроме них, те — не в числе подлинных». 6) На *св. Амфилохия Иконийского,* который не включает Апокалипсис в число книг Богодухновенных и достоверных и отзывается о нем так, что «иные причисляют к священным книгам, а многие называют неподлинным». 7) На *св. Кирилла Иерусалимского,* который, в своем 4 огласительном поучении, советуя оглашенным читать только принимаемые Церковью книги обоих Заветов и не касаться апокрифов, и приведя по порядку все ветхозаветные и новозаветные книги, принимаемые в его время Церковью, и не сказав ни слова об Апокалипсисе, прибавляет: «а прочие писания все да будут вне сих и должны считаться второстепенными,» — а в своем катехизисе, говоря об антихристе, берет свидетельства о нем не из Апокалипсиса, чего бы ожидать естественнее, а из книги Даниила; — следовательно, признавал его книгою апокрифическою. 8) На *Пешито,* сирский перевод, конца 2 века, в котором нет Апокалипсиса. 9) На то, что *христиане восточные* — несториане и яковиты не имеют в своем законе

Апокалипсиса. 10) На то, что *Кай,* римский пресвитер, живший в конце 2 и начале 3 века, признавал Апокалипсис произведением еретика Коринфа. 11) На то, что *Дионисий Александрийский* не признавал Апокалипсис произведением Иоанна Апостола. Отвечаем: 1) Действительно, в дошедших до нас писаниях мужей апостольских не упоминается Апокалипсис. Но если внимательно перечитать их писания и ближе познакомиться с их содержанием и характером, то окажется, что их молчание нимало не опровергает подлинности Апокалипсиса и в некоторых случаях подтверждает только подлинность их собственных писаний. Начнем со св. Климента Римского.

Климент, ученик Апостола Павла, пишет от имени Римской Церкви в Коринф послание, по тому же поводу, по какому и Апостол Павел писал два послания к Коринфянам, — то есть, с целью уничтожить распрю между ними и снова водворить любовь, целомудрие, единодушие. Не должно ли же было ожидать, что Климент прежде всего приведет изречения Апостола из двух посланий его к Коринфянам? Не естественно ли было для Климента в подобных обстоятельствах подкрепить свои увещания и угрозы словами и увещаниями апостольскими? Ведь писания Апостола Павла, должно думать, составляли главнейшее руководство для мужа апостольского — св. Климента. А особенно послание к Римлянам не должно ли было, так сказать, просвечивать везде в послании из Рима? — Что же, между тем, находим мы в этом послании! — То же вероучение и нравоучение, какое проповедовал и Апостол Павел и все прочие Апостолы, — но все это изложено у Климента его собственным языком по-своему, независимо от способа выражения и изложения апостольского. Однажды только упоминает здесь Климент об Апостолах Петре и Павле, — да и то без упоминания о том, что они написали нечто, относящееся к данному случаю; он ни разу не приводит их изречений в подтверждение своих мыслей. Из двух посланий Апостола Павла к Коринфянам встречаем здесь только неясное, краткое указание на одно первое. Ни о втором послании к Коринфянам, ни о послании к Римлянам, ни об остальных посланиях Павловых, здесь вовсе и не

упоминается и почти нет намека. Не приводит Климент буквально ни одного места и из четырех Евангелий. Ветхий Завет, между тем, цитирует он весьма часто, из него выписывает целые отделения. Что же доказывает все это против писаний Апостольских? Ровно ничего. Послания к Коринфянам, послание к Римлянам, все Павловы послания и Евангелия подлинны так явно и беспрекословно, что гораздо легче заподозрить послание Климента (как это уже действительно и случилось), чем заподозрить эти писания в подложности. А если молчание Климента об этих новозаветных книгах не говорит против их подлинности, — хотя упомянуть о них представлялось много поводов; — тем менее может значить сколько-нибудь молчание его об Апокалипсисе, *о котором говорить не представлялось и нужды.* А когда представился повод Клименту употребить *выражения апокалипсические,* — он и употребил их *в своем творении о девстве.*

То правда, что и *Варнава* не делает указаний на Апокалипсис; но вправе ли мы ожидать этих указаний, если в первой части своего послания (догматической) он приводит цитаты из одного лишь Ветхого Завета, а во второй (нравоучительной) не приводит ни одного выражения даже из наставлений Павла, как бы кстати ни было это. Не следует забывать, что послание Варнавы, спутника Апостола Павла, может быть, древнее Апокалипсиса, — написано раньше его. Мог ли же Варнава заимствовать что-нибудь у возлюбленного ученика Христова?

В книге *Ермы «Пастырь»* мало указаний на Ветхий Завет, еще меньше — на Новый. Но некоторые иносказания его явно *заимствованы из Апокалипсиса.* Это доказано в особом сочинении об этом предмете Ларднером.

Св. Игнатий Богоносец говорит собственными словами и не приводит библейских мест буквально; везде только *намекает* на места из Апостольских писаний, только подражает им, но не цитирует их буквально и поименно. Так и следовало писать непосредственному ученику Апостола, внимавшему живой его речи, знакомому с ним не столько по книгам, сколько по устной беседе с ним. Удивительно ли, что те самые новозаветные места, которые мы теперь читаем, сохранились в его памяти несколько в

другом виде? — При всем том, в посланиях Игнатия встречаем довольно следов Апокалипсиса, — и следов таких, которые проглядеть может разве читатель поверхностный или упрямый. В послании к Ефесянам, Игнатий говорит: «нет ничего лучше мира, ибо им уничтожается всякая брань небесных и земных духов». «Война на небе» (πολεμοζ επουρανιοζ), — это необыкновенное выражение находится только в Апокалипсисе (εγενετο πολεμοζ εν τω ουρανω), в главе 12, ст. 7. А что Игнатий при этом имеет в виду действительно сатану (апокалипсического) — на это указывают предыдущие слова: «единомыслием вашей веры разрушаются гибельные дела сатаны», — далее читаем следующие слова: «вера и любовь к Иисусу Христу есть начало и конец жизни (αρχη και τελοζ); вера — начало; любовь — конец». *Аз есмь начаток и конец,* говорит Иисус Христос в Апокалипсисе (1, 8; 22; 13). Дальше говорится у Игнатия: «будем все делать так, как бы Он Сам был в нас, чтобы мы были Его храмами, а Он был в нас, Богом нашим. — Те же мысли и в том же порядке встречаем и в Апокалипсисе: и *вселится с ними: и тии людие Его будут и сам Бог будет с ними, Бог их.*

Мы могли бы привести много других мест из посланий св. Игнатия к Ефесянам, Филадельфийцам, Смирнянам, но опускаем их, не желая утомлять внимание читателей.

В послании *Поликарпа* к Филиппийцам встречается много мест новозаветных, но не буквально выписанных, а перемешанных с его собственными выражениями. Все эти места по большей части заимствованы из посланий Апостола Павла (кроме посланий к Колоссянам и Солунянам) и из первого послания Апостола Петра. Из Евангелия Иоаннова Поликарп не приводит ни одного слова; из его первого послания приводит только одно место, да и эти две строчки попали сюда как будто случайно. И как это однако нимало не говорит против Евангелия и послания, — так, не может что-нибудь доказывать и против Апокалипсиса, — тем более, что о Филиппийцах и не говорится в Апокалипсисе. Впрочем, и здесь встречаются некоторые места, заставляющие предполагать знакомство Поликарпа с Апокалипсисом. Об Иисусе Христе Поликарп говорит, что «Ему служит все дышущее, и что Его кровь взыщет Бог от неверующих Ему».

Но и то и другое нигде не изображено так сильно, как в Апокалипсисе (гл. 5, 13).

По Евсевию кажется, что *Папий* не знал Апокалипсиса; но это только кажется. Не было у Папия нарочного и особенного известия об Апокалипсисе; но доказано ли то, что у него нельзя встретить даже и следа Апокалипсиса, даже упоминания о нем? — По крайней мере, Андрей Каппадокийский прямо ставит Папия между свидетелями богодухновенности Апокалипсиса. — Не об одном Апокалипсисе, но и о всех Павловых посланиях Папий не упоминает в своих отрывках. Ужели по одному этому должны мы заподозрить все Павловы послания, — и между ними послание к Колоссянам, в котором упомянуто о Церкви в Иераполе (4, 13), где епископом был Папий, и которое уже по этому одному должно было быть очень известным и весьма почитаемым в этих странах? — Не сказал ничего Папий и о Евангелии св. Иоанна, — о котором известий мы могли бы ожидать у него с большим правом, чем об Апокалипсисе; — и однако, как это нимало не опровергает подлинности Евангелия от Иоанна, так не говорит и против Апокалипсиса.

Нимало не удивительно и то, что мы не встречаем Апокалипсиса в *послании Церкви Смирнской, описывающем мученичество Поликарпа;* писатель его Еварест обо всем говорит собственными словами и вовсе не имеет обыкновения к своим словам примешивать фразы и выражения библейские.

Апостольское 85 правило опускает Апокалипсис, вероятно, потому, что во время составления этого правила Апокалипсис еще не сделался общеизвестным в Церкви.

Что касается до 60 правила Лаодикийского собора, то важность этому правилу уже потому не может быть придаваема, что оно исходит от собора только поместного, — если уже не согласиться со Шпиттлером, весьма основательно и в то же время остроумно доказавшим неподлинность и позднее происхождение этого прибавления, в особом сочинении.

Что касается до св. Григория Богослова, Амфилохия Иконийского и Кирилла Иерусалимского, то опущение ими

в своих новозаветных каталогах Апокалипсиса не могло быть следствием их неуверенности, потому что тогда бы они из любви к истине решились скорее вовсе отвергнуть эту книгу, как подложную (как это они действительно и делали с подобными книгами). Андрей Кесарийский, современник св. Григория, ручался за его веру в Апостольское происхождение и Богодухновенность Апокалипсиса, — и ручательство его тем вернее, что сам Григорий доказывал Божество Сына Божия словами Апокалипсиса: *Сый и иже бе и грядый Вседержитель* (1, 8), наравне со свидетельствами писаний несомненно Апостольских, и что речение Апокалипсиса, равно как и речения Евангелия Иоанна, он называл «великими и высокими речениями». Сам же Амфилохий, оканчивая перечисление книг, делает о всех книгах священных, не исключая и Апокалипсиса, такой отзыв: «сей да будет неложнейший канон Богодухновенных писаний». — Св. Кирилл употребляет об Иисусе Христе название: *Царь царем и Господь Господем,* взятое из Апокалипсиса (19, 16). — Согласнее с историческими обстоятельствами думать, что Апокалипсис не был вносим в каноны, назначаемые для всеобщего употребления, по его таинственности и прикровенному смыслу. Дозволение читать и толковать его всякому принесло бы больше вреда, нежели пользы. Для предотвращения разных толков, некоторые из Отцев сочли нужным предоставить времени разрешить недоумения, устранить сомнения о достоинстве Апокалипсиса и утвердить его подлинность во всех церквах. — Притом смутные обстоятельства Церкви тех времен усиливали между христианами мысль о тысячелетии. Почему, если бы книга, употребляемая еретиками на поддержание этой несправедливой мысли, открыто и всеми признана была Богодухновенною, то ложное учение могло получить вид истины, к вреду самих христиан. Опасаясь увеличить печальные обстоятельства Церкви, некоторые, впрочем, немногие, пастыри содержали Апокалипсис тайно, не вводя чтение и употребление его в Церкви.

Если нет Апокалипсиса в известном ныне списке в *Пешито,* — то, как доказали Эйхгорн и Гуг, первоначально он там находился и выключен оттуда уже после времен

2 Зак. 445

Ефрема Сирина. И действительно, основываясь на том, что Феофил Антиохийский употреблял его, можно с полною достоверностью принять, что Церковь Сирская уже во 2 веке включила его в каталог книг священных. Несомненно, по крайней мере, то, что во 2 веке он был уже известен Сирским христианам (как это видно из примера того же Феофила), а в 4-ом принят ими, как книга подлинно Апостольская, потому что Ефрем Сирин приводит его в своих сочинениях, как каноническое писание Нового Завета.

Христиане, так называемые, *восточные,* т.е. несториане и яковиты, по невежеству, исключили из канона все, что не читалось публично в Церкви. А что подлинность его признавали яковиты, — за это ручается уже то, что в 12 веке яковитский епископ Амида, Дионисий, или *Яков Вар Салиби* написал комментарий на весь Новый Завет, и в том числе и на Апокалипсис.

Свидетельство *Кая,* или *Гаия,* сохранил до нас Евсевий в церковной истории. Если слова его брать отдельно, — то вообще смысл их будет таков: «Керинф под мнимыми откровениями, которые он выдавал под именем великого Апостола, старался ввести и распространить свой чувственный хилиазм». — Но каков собственно их исторический смысл? — Разумеет ли Кай здесь то, что Керинф действительно написал сочинение (αποκαλυφειζ), под именем великого Апостола, которое, как совершенно отличное от истинного Апокалипсиса, нужно отнести к числу Апокалипсисов подложных; — или это тот самый Апокалипсис, какой имеем теперь, — и, следовательно, Кай указывает на него здесь, как на подложный? — Чтобы решить этот вопрос, обратимся к самому Евсевию и посмотрим, по какому случаю приводит он это место: приводит ли он его, как свидетельство об Апокалипсисе, или с какою-нибудь другою целью, — и как сам он понимал его? — При внимательном рассмотрении оказывается, что Евсевий приводит указанное место как свидетельство не о настоящем Апокалипсисе, а о ереси Керинфовой. Так, в 26 главе говорил он о Менандре, в 27-й — о Евионитах, в 28-й — переходит к Керинфу и о его последователях приводит два свидетельства из древних писателей, ясно характеризующие их учение. Но, говоря об Апокалипсисе, он ни слова не говорит о том, чтобы Керинф подменил его, или чтобы Кай почитал его за произведение Керинфа. — Не забудем и того, что Ипполит, признававший подлинность Апокалипсиса, написал против Кая целую главу, — где он между тем не нападает на него за присвоение Апокалипсиса Керинфу. Блаженный Иероним, знавший это место в сочинении Кая, также не принимал его о настоящем Апокалипсисе; — потому что, во-первых, нигде не упоминал о нем, хотя и имел к тому повод; а, во-вторых, не держался бы об Апокалипсисе мнения противоположного. — Точно так же понимал это место блаженный Феодорит: — иначе не сказал бы во множественном числе: «κηρινθοζαποκαλυφειζ τιναζ επλασατο, — Керинф сочинил какие-то откровения». Да и само по себе невероятно, чтобы Кай разумел здесь Апокалипсис новозаветный. Если бы так, — то современники его, уверенные в подлинности Апокалипсиса Иоаннова, не оставили бы этого без возражения. Почему же должен был решиться на это Кай? Не забудем и того, что Ориген был в Риме именно во время епископства Зефирина, то есть во время спора, был единственно по желанию видеть римские церкви, — не мог, стало быть, не познакомиться с Каем; — и между тем тот же Ориген ставит Апокалипсис в ряд книг подлинных, чего, конечно, не было бы, если бы он встретил спор о подлинности его в Римской Церкви. — Да и отчего же, наконец, Римская Церковь приняла его в свой канон? — Всего вероятнее, что Кай говорит об *Апокалипсисах Керинфа.* — Во всяком случае, авторитет одного Кая еще не составляет большой важности при единодушном свидетельстве древнейших отцев.

Слова Дионисия Александрийского помещены в церковной истории Евсевия. В них должно различать две части: 1) *свидетельство* и 2) *суждение самого Дионисия.* Рассмотрим порознь эти части и оценим их критически.

1) Вот свидетельство Дионисия! «Некоторые из наших предшественников совершенно отвергали и всячески опровергали эту книгу. Рассматривая каждую главу ее порознь, они называли ее неосновательною и бессвязною. Говорили, что и надпись ее ложная: то есть, будто бы эта

книга написана не Иоанном, и не есть Откровение, потому что на ней лежит непроницаемая завеса; будто бы писатель сего сочинения не принадлежит не только к числу Апостолов, но и к числу святых, или вообще — членов Церкви. Написал ее, говорили, Керинф, основатель ереси, названной по нему *Керинфовою;* он же дал ей и это заглавие, желая свой вымысел украсить достоуважаемым именем. Главный пункт сего учения состоял в том, что тысячелетнее царство Христово будет *земное.* Но так как Керинф был человек, преданный телу и слишком плотолюбивый, то к чему стремился сам, тем выражал свои мечты и о царстве: все ограничивалось у него удовлетворением чрева и животных побуждений, то есть, пищею, питьем, брачными узами, — а чтобы придать этому почетнейшее значение, — празднествами, жертвоприношениями и жертвенными пирами». — Что это были за люди, которые отвергали Апостольское происхождение Апокалипсиса и приписывали его Керинфу? — *Некоторые,* отвечает, во-первых, Дионисий: значит, — *не один,* но и не многие, — а, *может быть, человека два-три.* На это скажут: «речь идет здесь только о писателях: но писатель может быть проводником мыслей целой значительной партии». Но, с другой стороны, верно так же и то, что писатель может предлагать свое частное, единоличное мнение. А что партия эта была незначительна, это видно, кроме выражения (τινεζ) «некоторые», и из того, что противополагаются «многие», признающие достоинство Апокалипсиса. — Во-вторых, по Дионисию, это были: «из наших предшественников»; другими словами: они жили раньше второй половины третьего века, раньше 247 года, в который Дионисий сделан был епископом, раньше времени написания его книги: *об обетованиях.* — Но задолго ли прежде? об этом Дионисий не говорит. — Но если этого он не сказал, хотя должен был сказать, то значит, *не мог сказать.* Но в таком случае не объяснимо выражение τινεζ. Сам Дионисий, непосредственно за изложением мнения этих «некоторых» говорит: «напротив, я не дерзаю отвергать эту книгу». (Духов. Беседа 1873 г. № 22.355. № 23. 369. № 24. 392).

Внутренние доказательства подлинности Апокалипсиса

Шаффа (перевод Михайловского)

Кроме того, мы имеем ясное *свидетельство самого писателя,* которое дозволяет принять что-нибудь одно: или считать этого писателя за *Апостола* Иоанна, или за намеренного бесстыдного обманщика. Но этим последним возмущается всякое здравое нравственное и религиозное чувство. Между тем как в Евангелии он говорит о себе самом только в третьем лице и посредством разных описаний себя, а в Апокалипсисе он не раз называет себя *Иоанном* (1, 1; 4, 9, 22, 8). Это потому, что он здесь выступает пророком, а ведь и в Ветхом Завете не встречается безымянных пророчеств (особ. Дан. 8, 1; 9, 2; 10, 1). Правда, он не прилагает к себе прямо эпитета — «апостол» или «евангелист», но он ясно выказывает себя обличенным апостольским авторитетом: — *во-первых* — органом столь важного и обширного откровения, какое Господь не сообщал же кому-нибудь, стоявшему ниже его, наприм., какому-нибудь ефесскому пресвитеру, состоявшему в его власти; *во-вторых* — предстоятелем малоазийских Церквей (1, 4), которым в таком тоне и с такою карающею силою, мог писать только Апостол. Другой какой-нибудь Иоанн чрез это стал бы в открытую борьбу с исторически установившимся отношением верховного надзора Апостола к этим Церквам, особенно к ефесским, и поэтому с первого раза ему, по крайней мере, нужно было бы яснее определить себя пред ними и точнее засвидетельствовать о своем божественном посольстве (буде он действительно сподобился того), если хотел привлечь их внимание и не желал быть принятым с насмешкою. Разве Павлам и Иоаннам (3 Иоан. 9, 10) не приходилось бороться с врагами их апостольского достоинства? Под именем Иоанна читатель в такой связи просто мог прямо признать только Апостола и Евангелиста с этим именем. Это мнение и было принято всею Церковью, как показывают свидетельства отцов и надписи на манускриптах до тех пор, пока основание апокалипсических надежд в дальнем будущем и недостаток более глубокого понимания в некоторых богословах не пробудили в них предубеждений не в пользу *содержания* книги.

Впрочем, сомнения в апостольском происхождении и каноническом достоинстве Апокалипсиса имеют для себя основание не в одних только догматических предубеждениях. К ним еще нужно присоединить значительные критические затруднения, которые только новейшие ученые исследователи выставили в надлежащем свете, и хотя, конечно, может статься и преувеличили их. Если беспристрастно сличать это произведение с другими приписываемыми Иоанну творениями, то и по содержанию и по форме представится такое *разительное различие,* что, кажется, принужден будешь допустить что-нибудь одно из двух: или Апокалипсис не считать произведением пера Иоанна Апостола, или — Евангелия и послания. Если где в области библейской критики, то именно здесь благонамеренное научное сомнение имеет себе некоторое основание. Различие это можно подвести под три пункта: 1) По языку и слогу, так как в Апокалипсисе греческий язык сильно проникнут евреизмом, неправилен, отрывист и похож на бурный горный поток; напротив, язык Евангелия и посланий, хотя тоже не без еврейского оттенка, гораздо чище, спокоен и плавен. 2) По психологическому настроению и по всему тону писателя, так как писатель Апокалипсиса обнаруживает в себе слишком живую и разражающуюся в грандиозных образах фантазию, — священный гнев против врагов Божиих, одним словом, «Воанергеса» сына грома, который готов низвесть с неба огонь (Лук. 9, 54-56); напротив, писатель Евангелия почти в каждой строке выказывает в себе тихое созерцательное настроение, самоуглубление, нежное веяние любви и мира, выказывает ученика, который возлежал на груди премилосердного Спаса. 3) По богословской точке зрения: между тем как писатель Апокалипсиса кажется вращающимся в сфере феократического воззрения ветхозаветных пророков и проникнут образом мыслей христиан из иудеев; писатель Евангелия и посланий, исходя из самого духовного и возвышенного воззрения на воплотившееся Слово, христианство в его особенностях изображает как какое-то новое, самостоятельное учреждение, составляющее в то же время венец всех прежних откровений.

Некоторые ученые думают это явление объяснить тем, что Апокалипсис был написан двадцатью годами позже других Иоанновых писаний. Но если бы эта книга была написана вскоре после смерти Нерона, что, как уже замечено, очевидно противоречит преданию, все-таки Иоанну было тогда (в 69 г.) уже, по крайней мере, 60 лет, а в таком возрасте слог, темперамент и религиозное мировоззрение обыкновенно еще не испытывают никаких важных перемен. Не видно также, зачем ему нужно было изучать греческий язык лишь в Малой Азии, тогда как этот язык был во всеобщем употреблении, и например: Иаков, может статься, никогда не выходивший за пределы Палестины, свободно и правильно выражается на нем. Действительно, писатель Апокалипсиса, как думает и Луккé, вовсе не выказывает в себе только что начинающего учиться по-гречески, напротив, весьма знакомого с греческим языком и владеющего им свободно; евреизмы и неправильности отчасти обусловливаются содержанием и нарочно подобраны, частью составляют исторические и поэтические фигуры, частью вообще принадлежат к идиомам новозаветных книг, которые повсюду, и притом в самом Евангелии Иоанна больше, чем в Павловых посланиях, имеют свое основание в еврейском языке, подобно тому, как Новый Завет основывается на Ветхом. Таким образом, нужно поискать какое-нибудь другое объяснение, если хотят признать в писателе Апокалипсиса одно лицо с писанием Евангелия и посланий Иоанновых. А такое-то объяснение мы находим, с одной стороны, в особом духовном состоянии писателя Апокалипсиса, который писал, руководясь не умом (νοῦς), не вседневно владеющим собою сознанием, но во время восхищения духовного (см.: 1 Кор. 14, 14 и д. и Апок. 1, 10), и был, более всякого писателя какой бы то ни было новозаветной книги, просто страдательным орудием, так сказать, диктующего Святаго Духа; а с другой стороны — в особенности самого предмета, для которого особенно и исключительно и приличен был один только символическо-пророческий язык Ветхого Завета, особенно язык Иезекииля, Даниила и Захарии, так как он совершенно далек от идиом в литературных языческо-греческих произведениях того рода. Задача пророка и по

содержанию и по форме совершенно иная, чем историка и писателя. Тот любит выражения поэтические, особенные, старинные, торжественные, полнозвучные и сильные, а историку, напротив, по душе речь ясная, простая, определенная и общепонятная. Так, например, слог Исаии далеко не одинаков, смотря по тому, излагает ли он просто только историю, или пишет в пророческом восхищении. И само по себе не невозможная вещь, что один и тот же Апостол в различные времена был наделен различными дарованиями писателей и притом в различных степенях. До нас дошли образцы многостороннего гения в истории литературы почти от всех образованных наций. Так, стало быть, необходимы отступления от природы вещей, особенно когда Иоанн писал рассматриваемое творение спустя долгое время после Евангелия.

Впрочем, это только одна сторона дела. Различие между Апокалипсисом и другими творениями Иоанновыми много раз рассматривали с различных сторон. Но между ними есть также разительное сродство как в возвышенном и в самом простом образе изложения, так и в отдельных фразах, так и во всем духе и смысле. В доказательство этого мы напомним внимательному читателю о лирических отделах Апокалипсиса, укажем на хвалебные песни прославленных святых пред престолом Агнца, изливающиеся из глубочайшего поклонения и самого блаженного покоя (4, 8 и д. 5, 8 и д. 7, 9 и д. 4, 1 и д. 15, 3 и д.), бесподобном описании нового Иерусалима и окончательной феократии, во время которой навсегда сочетаются между собою Небо и земля, Бог и его народ, и когда все вещественное, одухотворившись, будет сиять светом Божественной славы (гл. 21 и 22), упомянем о выражении искреннего ожидания Невестою прихода Небесного Жениха, причем Тайновидец из восхищенного состояния переходит к молитвенной жизни воинствующей Церкви (22, 17, 20). Далее, — истинно Иоанново учение о лице Иисуса Христа, Которому и Тайновидец, подобно Евангелисту, прилагает самые высокие сказуемые (предикаты), Которого он изображает началом и концом, источником жизни, предметом божественного поклонения от Ангелов и всей твари, Владыкою и Судиею

всей Вселенной (1, 17; 2, 8, 17; 3, 14; 20, 11 и д. 21, 6; 22, 13) и вне примирительной страдальческой кончины Которого он не знает спасения (1, 5; 5, 9, 7, 14; см. 1 Иоан. 1, 7; 2, 2). Особенно поразительно название «Слово» (Λογοζ) (Апок. 19, 13; сн. 5, 5), которое употребляется о Христе в Новом Завете еще только в предисловии Евангелия, да во вступлении первого послания Иоаннова. Кроме Иоанна, из всего сонма писателей апостольского века никто не мог написать Апокалипсиса. Еще менее можно представить когонибудь из мужей апостольских, которому бы можно было хотя с какою-нибудь вероятностью приписать это творение.

Наконец, как содержание и форма Апокалипсиса *заставляют Иоанна признать его писателем*, так и наоборот — личные качества Иоанна, кажется, требуют от него написания какого-нибудь Апокалипсиса. Мы знаем, что эта книга вошла в канон и образует приличное и необходимое его заключение не без особенного водительства Промысла. Далее, мы полагаем, что полнота христианского откровенного учения столь же необходимо требует пророчества, предначертания будущих судеб Царства Божия чрез непогрешимый орган, поколику это Царствие на земле необходимо имеет свое развитие, есть история постоянной войны и победы, и поколику ожидание славного второго пришествия Господня составляет существенный элемент христианской жизни. А в таком случае, более всех других Апостолов был способен быть органом таких откровений о будущей судьбе и имеющем некогда последовать совершенстве Церкви — и печатью ее священных первоисточников, именно, *тот* ученик, который восприял особую меру дара прозорливости, глубокомыслия, который с молитвенным благоговением и любовью проникнут был жизнью Богочеловека, и у Владыки Церкви пользовался искреннею доверенностью, тот ученик, который умирающим Искупителем избран был в опекуны Его осиротевшей Матери, следовательно, некоторым образом в Его наместники, и который, как Патриарх Апостольской Церкви, больше всех Апостолов прожил на земле и видел Ее скорби и бедствия, Ее победы и надежды. А в таком случае, Тайновидец Иоанн — Апостол совершенства, как своими

освещенными естественными дарованиями, так своим положением и судьбою, так сказать, был предопределен к Откровению самого глубокого жизненного начала, как последней цели Церкви, так что юноша-старец в форме Апокалипсиса, над чудным зданием своего Евангелия, только воздвиг величественный купол с золотою надписью, выражающей благочестивое сильное желание: «ей, гряди, Господи Иисусе» (Апок. последняя глава, предпослед. стих). (Духов. Вестн. 1864 г. Май, стр. 48-59).

Опровержение гипотез о происхождении Апокалипсиса

И. Успенского

Таких гипотез две. Одна считает Апокалипсис малоазийским, но не апостольским произведением, т.е. не признает апокалиптика Иоанна за Апостола Иоанна. Эта гипотеза, очевидно, лишает Апокалипсис того значения, какое он имеет в решении вопроса о малоазийском пребывании ап. Иоанна; по этой гипотезе апокалиптик Иоанн действительно находился в тесной связи с Церквами Малой Азии, но был ли в М. Азии ап. Иоанн? — на этот вопрос Апокалипсис не может дать никакого ответа. Такое мнение о происхождении Апокалипсиса принадлежит той партии ученых, которая, считая 4-е Евангелие подлинным произведением ап. Иоанна, не признает возможным приписать тому же Апостолу Апокалипсис и в апокалиптике видит не ап. Иоанна, а Иоанна пресвитера.

Относительно этой гипотезы прежде всего нужно заметить, что самая личность пресвитера Иоанна, насколько о ней известно из предания, довольно сомнительная. Единственное свидетельство, которое дает повод говорить о пресвитере Иоанне, — место из сочинений Папия, сохранившееся у Евсевия, чрезвычайно неопределенно и дает место только догадкам и предположениям, противоречащим одно другому. Довольно указать на то, что некоторыми оспаривается даже, на основании того же свидетельства Папия, самое существование пресв. Иоанна, как личности отдельной от ап. Иоанна.

«Пресвитер Иоанн, говорит Ренан, подобно привидению, тормозит всю историю Ефесской Церкви и служит

для критиков причиной столь многих затруднений. Нельзя, говорит он далее, опровергнуть совершенно догадку тех, которые видят в нем только тень ап. Иоанна, которую принимали за действительное бытие».

Но, признавая даже самостоятельное существование пресвитера Иоанна, ни в каком случае нельзя признать в нем апокалиптика уже по одному тому, что в таком случае он был бы более известен, и предание о нем более определенно, чем те скудные сведения, которые дошли до нас и которые допускают даже отрицание его существования. Совершенно не объяснимо это, так сказать, пренебрежение к мужу, произведение которого пользовалось таким авторитетом и считалось книгою боговдохновенною, который и сам пользовался, — как об этом свидетельствует его предполагаемое произведение — Апокалипсис, огромным значением среди малоазийских христиан, находился с ними в самых близких, непосредственных отношениях и был руководителем семи главных Церквей М. Азии. Уже с той одной стороны разбираемое предположение вызывает такие вопросы и представляет такие затруднения, удовлетворительное решение которых, если держаться строго истории едва ли мыслимо. Еще больше трудностей и несообразностей представляет эта гипотеза о пресвитере Иоанне, как писателе Апокалипсиса, если рассматривать ее с точки зрения самого Апокалипсиса. Предполагая даже, что пресвитер Иоанн был епископом Ефесской Церкви, считая его за одно лицо с тем Иоанном, о котором упоминают апостольские постановления (VII, 46), предполагая далее, что он действительно пользовался в своей Церкви уважением и авторитетом, и в таком случае он не мог бы писать в таком внушительном и повелительном тоне даже к одной Церкви, а тем более к предстоятелям других Церквей, по отношению к которым он был равен. История апостольского времени не представляет нам примеров даже того, чтобы кто-нибудь из Апостолов писал тем христианам, которых он не знал и среди которых не проповедовал. Если же пресвитер Иоанн решается писать семи Церквам и их представителям, то это значило бы тогда, что он был известен всем этим Церквам, что он много трудился среди них, и что

именно эти-то его труды и попечения — с одной стороны, а с другой — то, что он был самовидцем и учеником Христа, как читаем мы о нем у Папия, дают ему право и власть писать семи епископам главных малоазийских городов послания во внушительном и строгом тоне. Но ничего подобного допустить нельзя, потому что, во 1-х, если бы пресвитер Иоанн был учеником Иисуса Христа и имел такое важное значение в деле евангельской проповеди, то, как справедливо замечает Ренан, нужно бы непременно ждать упоминания о нем или в книге Деяний, или в посланиях ап. Павла к Церквам малоазийским, среди которых, по разбираемой гипотезе, должен был находиться и действовать пресвитер Иоанн, — тем более нужно ждать этого упоминания в посланиях Павла, что в них этот Апостол посылает приветствия многим лицам, менее важным и менее известным, чем этот авторитетный муж. Во 2-х, если бы действительно пресвитер Иоанн много трудился для малоазийских христиан, жил долгое время и в Ефессе, и в Смирне, и в Пергаме, был известен и в Филадельфии, и в Сардах, и в Лаодикии, и везде пользовался высоким уважением и авторитетом, почти равным авторитету Апостолов, то было бы неразрешимою загадкою: почему такая почтенная и высокоуважаемая личность так неблагодарно забыта, забыта всеми семью Церквами. Где-нибудь и какой-нибудь отголосок сохранился бы об этом многозначительном и всюду будто бы известном при своей жизни муже апостольском; хоть какая-нибудь черта из его жизни сохранилась бы в памяти какой-нибудь малоазийской Церкви, кроме очень немногих и притом очень туманных и сомнительных памятников, каково упомянутое уже свидетельство Папия, и еще предание о двух гробницах в Ефессе. Мало того, Поликрат, епископ Ефесский, в своем послании к Виктору Римскому, перечисляя ряд епископов, которые праздновали Пасху в 14-й день Нисана, и о которых мы вовсе не знали без этого указания, ничего не говорит о знаменитом пресвитере Иоанне, не ссылается на его авторитет.

Итак, предположение, что писатель Апокалипсиса был не Апостол, а пресвитер Иоанн, не говоря уже о его

противоречии церковному преданию и отеческим свидетельствам, утверждающим апостольское происхождение Апокалипсиса и необъяснимым со стороны рассматриваемой гипотезы, не оправдывается также и характером тех отношений, какие существовали у пастыря к пасомым в апостольское и после апостольское время, а стоит, напротив, в решительном и необъяснимом противоречии с этим, так сказать, духом апостольского времени, и вместо одной трудности — примирить в ап. Иоанне написание и Евангелия и Апокалипсиса, — трудности, как увидим, больше фиктивной, чем действительной, — рассмотренное нами мнение ставит их несколько и притом более запутанных и более существенных.

По другой гипотезе, высказанной в недавнее время Шольтеном, Апокалипсис не подлинное, а подложное произведение под именем апокалиптика и ап. Иоанна. Шольтен, на основании того высокого авторитета, каким пользуется апокалиптик у малоазийских христиан, видит в нем «не какого другого Иоанна, как только Иоанна Апостола, и притом такую личность, которая получила Откровение». Но признать при этом Апокалипсис подлинным произведением значило бы, по словам самого Шольтена, видеть в Апокалипсисе «самое древнее и авторитетное свидетельство, что Иоанн стоял в близком отношении к Малой Азии». Но так как Шольтену нужно, во что бы то ни стало, доказать противное, то по его мнению, Апокалипсис написан каким-нибудь христианином — иудаистом, который, по обычаю того времени, чтобы придать больше веса своему произведению, «избрал ап. Иоанна носителем Откровения, которое он получил от Иисуса». Вообще сущность гипотезы Шольтена, которую он выдает за свое собственное убеждение, состоит в следующем: автор Апокалипсиса — неизвестный писатель, выдающий свои собственные видения под именем ап. Иоанна, который *по этой самой книге* давно уже умер (XVIII, 24; XXI, 14); а апокалипсический Иоанн есть ни больше ни меньше, как «вымысел автора», как говорит Шольтен. Если так, говорит в заключение голландский ученый, то Апокалипсис «не представляет никакого доказательства тому, чтобы ап. Иоанн жил в Малой Азии.

Напротив, он убеждает в противном. Немыслимо, чтобы кто-нибудь в 68 году, когда в Малой Азии был написан Апокалипсис, мог посвятить Церквам этой же самой страны книгу под именем и авторитетом этого Апостола, если бы действительно Иоанн жил и действовал там в продолжение последних десятилетий первого столетия», и потом также «немыслимо, чтобы при жизни Иоанна издал кто-нибудь под его именем книгу, которая произошла не от него». Прежде чем приступим к разбору этой гипотезы, мы не можем не обратить внимания на ту странную, ничем не прикрытую систему уверток, к которой прибегает ученый критик. Говоря о посланиях ап. Павла к Колоссянам, Ефессянам и к Тимофею и считая их подложными, Шольтен видит в них доказательство против малоазийского пребывания ап. Иоанна на том единственно основании, что эти послания явились под именем Павла, а не Иоанна; теперь Апокалипсис, по мнению Шольтена, также произведение подложное, но явившееся под именем не Павла, но Иоанна; — и единственно только в силу этого, как мы видели, говорит против того же факта пребывания в Малой Азии Иоанна. Если является подложное произведение в Малой Азии под именем ап. Павла, то это, по Шольтену, прямое доказательство, что в Малой Азии не знали ап. Иоанна, и что, следовательно, этот последний там не был: является такое произведение под именем Иоанна, и в таком случае «немыслимо, чтобы этот Апостол жил и действовал там». Едва ли такая система доказательств может быть названа научною.

Что касается самой гипотезы Шольтена, то она полна внутренних противоречий и не выдерживает самой поверхностной критики. Шольтен считает «немыслимым», чтобы кто-нибудь решился написать в Малой Азии книгу от имени Апостола, который жил там и действовал. Если подобный обман Шольтен признает немыслимым, то тем более немыслим он ни со стороны обманщика, ни со стороны обманутых в том случае, какой предполагает Шольтен, т.е. когда неизвестный писатель и Малоазийские Церкви знали, что ап. Иоанн никогда не был в Малой Азии. Если, как думает Шольтен, ап. Иоанн никогда не был в Малой Азии

и никого не знал там, то мог ли один написать, а другие поверить тому очевидному в Апокалипсисе факту, что ап. Иоанн находился в самой тесной и внутренней связи с малоазийскими христианами? Шольтен говорит, что Апокалипсис, если считать его подлинным произведением ап. Иоанна, представляет несомненное свидетельство пребывания этого Апостола в Малой Азии, что апокалиптик Иоанн не кто другой, как Иоанн Апостол, и что, наконец, малоазийские христиане признавали Апокалипсис подлинным произведением ап. Иоанна, — если так, то гипотеза Шольтена представляет дело в следующем виде: кто-то пишет книгу, в которой вводит говорящим лицом ап. Иоанна и заставляет его вести такую речь к малоазийцам: я, ап. Иоанн, никогда не бывший в Малой Азии, как вы сами знаете, и уже умерший, как это вы увидите из моих же слов (XVIII, 24; XXI, 14), был на острове Патмосе, находился и теперь нахожусь в самых близких и тесных отношениях к вам, знаю все ваши тайные дела и помышления, хорошее и дурное, за первое хвалю, за второе порицаю и т.д.: малоазийцы принимают эту книгу за истинную, богодухновенную книгу, за подлинное произведение ап. Иоанна, видят в его словах: «я, — Иоанн, брат ваш» — указание на действительного Апостола, верят и как бы припоминают, что он жил с ними, много трудился у них, хотя они его и никогда не видали, говорят потом, что он жил у них до времен Траяна, что он написал Апокалипсис и Евангелие, делал то и другое. Такова гипотеза профессора Шольтена. Что думал этот критик об умственных способностях обманщика и обманываемых, когда строил свою гипотезу, когда предполагал, что какой-то неизвестный писатель вводит в своем произведении ап. Иоанна, говорящего о себе, что он хотя Апостол, но не тот, который принадлежал к числу 12-ти, тот уже умер, а что он другой ап. Иоанн, которого не только малоазийцы никогда не видели и не знали, но которого никто никогда не видел и не знал, что он личность не действительная, не историческая, а малоазийские христиане тотчас после появления Апокалипсиса узнали, что этот Апостол у них жил и трудился? Если бы Шольтен, идя так поспешно вперед в изыскании

разных «вероятностей», оглядывался при этом назад, проверял бы свои предположения, то едва ли бы он тогда поверил самому себе. Сказав, что немыслимо допустить подложность Апокалипсиса, если ап. Иоанн жил в Азии, он тем более должен бы сказать, что такой подлог еще более немыслим, если ап. Иоанна совсем не знали малоазийские христиане. Мы не можем не согласиться с Ренаном, который так характеризует Шольтена, как критика: «он, говорит Ренан, факты подчиняет мысли и редко стоит на чисто исторической почве».

Ренан считает глупым обманщика, но неизмеримо глупее были, по Шольтену, обманутые, которые, никогда не видавши у себя ап. Иоанна, не только признают Апокалипсис его произведением, но тотчас же начинают уверять самих себя и других, что ап. Иоанн был в Малой Азии и жил там долгое время. Мы только не понимаем того, каким образом малоазийские христиане при такой глупости могли быть способными к такой очень сложной и требующей не малого образования и глубокого знания человеческой души умственной работе, как составить определенный и цельный образ человека, характер его нравственного и религиозного мировоззрения на основании одного литературного памятника; а малоазийские христиане, по Шольтену, создали такой образ Иоанна и создали так искусно, что Евангелист Лука в своем Евангелии относительно личности Иоанна руководился «тем характером, какой он, Иоанн, уже принял, соответственно Апокалипсису, в иудейско-христианском предании».

Таким образом, если немыслимы ни подлог со стороны неизвестного писателя, ни обман со стороны малоазийских христиан, то сама собою падает и гипотеза о подложности и неподлинности Апокалипсиса; она оказывается полною внутренних противоречий, уничтожающих даже всякую правдоподобность тех предположений, из которых так неудачно и совершенно произвольно склеена вся гипотеза Шольтена. (Вопрос о пребывании св. ап. Иоанна Богослова в Малой Азии. Христ. Чт. 1879, ч. I. 281-289).

О том же, *Н. Рождественского*

(Против Ренана)

Ни в одном пункте предзанятость и зависимость Ренана от новейшей рационалистической школы в Германии не выразились с такою наглядностью и очевидностью, как в отношении его к главному источнику сочинений его об антихристе т. е. к Апокалипсису. Считая Апокалипсис только за «вероятно» подлинное произведение Иоанна Богослова, или, по крайней мере, за сочинение, посланное к малоазийским Церквам от имени Иоанна, с ведома, согласия и одобрения этого Апостола (XXI-XXXVIII, стр. сн. 295 и др.). Ренан, вслед за вождями тюбингенской школы, повторяет давно высказанное и достаточно опровергнутое критикой мнение «о специфически иудейственном» характере этой книги, о выражении в ней воззрений партии иудействующих христиан, о враждебности ее тенденций основным воззрениям Апостола Павла, и т. п. (367, 378 стр. и дал.). Без достаточных оснований он приписывает автору Апокалипсиса иудейскую идею о тысячелетнем «земном» царстве Мессии и дерзко называет Апостола любви «фанатическим иудеем» (349 стр.), проникнутым духом чрезмерной иудейской национальной гордости и исключительности (377 стр.). Нельзя вообще довольно надивиться безвкусию Ренана в отношении к произведениям Иоанна Богослова. Ренан серьезно уверяет своих читателей, что если в Евангелии Иоанна с трудом можно признать идеи Иисуса, то в Апокалипсисе от этих идей не осталось никакого следа. Останавливаясь на внешней стороне Апокалипсиса, на символическом языке и таинственных образах этой книги, Ренан восклицает: «как все это далеко от Евангелия Иисуса! Автор Апокалипсиса смотрит на все чрез потоки крови и зарево пожара. Здесь ничто не напоминает больше о светлом, чистом солнце Галилеи», и проч. (378 и дал.). Ренан смотрит на Апокалипсис как на «последнее слово иудейской письменности», как на «венец этой письменности», как на «последнее, завершительное звено» иудейских пророчеств (368 стр.). Всех этих и подобных предзанятых суждений об Апокалипсисе Иоанна Богослова Ренан легко мог бы

избежать, если бы, отрешившись от воззрений новотюбингенской школы на эту книгу, стал на объективно-историческую почву при исследовании вопросов о происхождении и характере ее. Уже по одному тому обстоятельству, что Тайнозритель облек свои созерцательные образы в апокалипсическую форму, существовавшую в древней ветхозаветной письменности Иезекииля, Даниила, Ренан не сделал бы поспешного заключения, что автор христианского Апокалипсиса проникнут был воззрениями иудеев позднейшего времени. Впрочем, Ренану нельзя было стать на беспристрастную точку зрения при рассмотрении Апокалипсиса потому, что основная идея этой книги наперед была предрешена и определена у него гипотезою, что — «это книга о Нероне», что под именем антихриста в ней разумеется Нерон, имеющий снова после своей смерти, явиться на землю «и разыграть заключительную роль в мировой драме в качестве антихриста» (см. стр. 1, во Введении). Ренан называет эту идею «источным началом», «матерью Апокалипсиса» (279 стр.), и считает ее настолько верною, что не допускает возможности сомневаться в справедливости своей художественной гипотезы. Однако, критика успела уже доказать, что для оправдания этой, далеко не новой, рационалистической гипотезы, Ренан не привел в своем сочинении никаких новых данных, которые не были бы указаны раньше его рационалистами, и которые, тем не менее, оставляют во всей неприкосновенности за гипотезою ее гипотетический характер. Не вдаваясь в подробный разбор всех предположений и соображений, приводимых Ренаном в подтверждение поддерживаемой им гипотезы, — это завело бы нас слишком далеко,укажем для образца на ту группу доказательств, которые Ренан приводит в оправдание этой гипотезы в главе об исторической судьбе Апокалипсиса (стр. 370-381). Ренанобо описание истории и судьбы Апокалипсиса в христианской Церкви ясно покажет нам, насколько он свободен от тенденциозного толкования исторических фактов и насколько вообще дорожит исторической правдой. По словам автора (366 стр.), «после примирения между Римскою империей и христианскою Церковию в IV веке по Р. Х., судьба Апокалипсиса

подверглась сильному угнетению»; это произошло, по мнению его, от того, что те из христианских учителей, которые не отделяли уже будущности христианства от будущности империи, не могли считать откровенною «революционную» книгу, проникнутую фанатическою ненавистью к Риму и, вместе с гибелью Нерона, предвозвещавшую конец римскому господству. Поэтому почти вся просвещенная часть Восточной Церкви, получившая эллинское воспитание, враждебное иудейско-христианским представлениям о тысячелетнем царстве Мессии, признавала Апокалипсис не подлинным. По мысли автора, Апокалипсис с той поры стал казаться для просвещенных христианских учителей книгою, «компрометирующей» достоинство откровенной христианской письменности, что и послужило поводом к отрицанию ими его подлинности. На самом же деле, если сомнения в подлинности Апокалипсиса и высказывались на Востоке некоторыми раньше примирения Римской империи с Церковью, — именно, во II и III веках, по основаниям совершенно другого рода, нежели какие навязывает Ренан христианам, то в IV веке, несмотря на изменившиеся политические отношения империи и Церкви, в среде восточных христианских учителей, совершенно вопреки голословному утверждению Ренана, господствовало единогласное признание его подлинности и канонического достоинства. Разумеется, Ренан не указывает ни одного исторического свидетельства, которое могло бы служить к подкреплению его гипотезы о неблагоприятном отношении к Апокалипсису восточных учителей Церкви по тем побуждениям, какие он навязывает им, потому что ничего подобного не было в действительности. Он не цитирует не только большинства восточных учителей IV века, но буквально ни одного из учителей, который бы когда-нибудь и где-нибудь, не только прямо, но хотя бы только косвенно выразил мнение о «революционном» характере Апокалипсиса и о его враждебных тенденциях в отношении к Римской империи, по очень простой причине, — потому что ни одного такого учителя на свете не существовало. Взамен того Ренан довольствуется вот какими аргументами в пользу своей

гипотезы: «Иоанн Златоуст, говорит он, не написал ни одной беседы на Апокалипсис; Епифаний в сочинении о ересях и Евсевий в Церковной Истории упоминает о некоторых еретиках, не признававших подлинности Апокалипсиса; Дионисий Александрийский, писатель III-го века, говорил (на самом же деле никогда не говорил), что «он ничего не понимает в Апокалипсисе», следовательно, умозаключает Ренан, «вся (почти) просвещенная часть Восточной Церкви» в IV веке признавала Апокалипсис не подлинным, потому что видела в этой книге революционные тенденции в отношении к Римской империи». Насколько следует его заключение из приведенных Ренаном посылок, предоставляем судить самим читателям, находя со своей стороны опровержение подобных умозаключений ниже задачи критики. Укажем еще на одну несообразность в гипотезе Ренана. По его мнению, те христианские учители, которые не отделяли будущности христианства от будущности Римской империи, после установившегося согласия между Римским государством и Церковью дорожили этим союзом и находили Апокалипсис книгою, «компрометирующею» достоинство христианской письменности и оскорбительною для чести Римской империи. Между тем сам же он говорит (стр. 366), что латинские писатели и во время господства христианства в Римской империи не отрицали ни подлинности Апокалипсиса, ни его канонического достоинства. Казалось бы, что если где, по естественному порядку вещей, то именно, на Западе Апокалипсис должен бы был встретить оппозиционное отношение к себе в среде христианских писателей, если бы, на самом деле, он проникнут был ненавистью к Риму, или, по крайней мере, если бы христиане не соединяли с ним такой смысл. Впрочем, пословица говорит: не любо — не слушай, а лгать не мешай! Ренан утверждает также, что в первые три века Апокалипсис понимался в христианской Церкви в смысле, навязываемом ему Ренаном. Так как в подтверждение этого автор по вышеупомянутой причине также не мог привести никаких исторических данных, — то он находит, по крайней мере, для себя, несомненным, что смысл этот был известен «некоторым посвященным лицам» (364 стр.). К числу этих

мнимо «посвященных» Ренан относит авторов «четвертой книги Ездры» и «Вознесения Исаии», составителей сивиллиных поэм иудейского происхождения и Викторина Пиктавийского, писавшего будто бы во второй половине II-го века толкование на Апокалипсис. Об Иустине мученике и Мелитоне Сардийском Ренан выражается уже с меньшею решительностью и говорит, что «они», по-видимому, имели почти полное понятие о смысле Апокалипсиса (365 стр.), не приводя, впрочем, никаких подтверждений и для этого скромного предположения, так как неоткуда было взять их, кроме прихотливой фантазии, на которую ссылаться в ученых сочинениях не принято. Но зато Коммодиан, писатель второй половины III-го века по Р. Хр., по словам Ренана, «ни на одно мгновение не сомневался», что Нерон должен воскреснуть из ада и явиться в качестве антихриста. К сожалению, те сочинения этого писателя, которыми пользуется Ренан в настоящем случае, как документами для своего мнения, относятся к гораздо позднейшему времени сравнительно с эпохою жизни Коммодиана (Христ. чт. 1874 г. ч. 1, стр. 112-116).

Книга Бытия и Апокалипсис

Начало Евангелия Иоанна, без всякого сомнения, стоит в тесном, внутреннем соответствии с начальными словами книги Бытия: «*В начале* сотвори Бог небо и землю» (Быт. 1, 1). Апостол видел в этих словах указание начала материального мира. Слова эти — протест против всех теорий вечности материи, против умозрений, отождествляющих Творца с творением, или считающих материю созданием низшей или враждебной Богу силы. — Желая выразить свой взгляд на обширный мир Божий, соединяющий в себе духовные и материальные существа, и показать взаимное отношение их, Евангелист говорит: «*В начале* было Слово и Слово было у Бога» (Иоан. 1, 1). Как в кн. Бытия первый момент существования видимого мира выражается словами: «И рече Бог: да будет свет: и бысть свет» (1, 3) и определяется отделением света от тьмы, так и Евангелист называет вечное Слово действительно *истинным светом*, «который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (1, 9), — духовным

светом, освещающим духовную тьму, которая Самого Его же «объяла».

Проводя параллель далее, мы найдем и в Апокалипсисе черты того же близкого знакомства с кн. Бытия, которая была всегда предметом его размышлений и слова и образы которой глубоко запечатлелись в нем. Что же мы видим здесь? В начале Апокалипсиса Господь открывает Себя ученику под теми именами, которые имеют особый смысл и значение для того, кто приготовился к пониманию их частым и напряженным размышлением об истории творения. «Аз есмь Альфа и Омега, начало и конец», говорит Господь, который есть и был, и грядет, Вседержитель. Не бойся: Я есмь первый и последний» (Апок. 1, 8. 17). Это значит, что Господь, Которого Апостол познал, Которому служит и Который возлюбил его любовью брата, — не пророк только, не только сын Давида, Христос не только Сын Божий, в низшем смысле, подобно многим другим, — но Он был с Творцом мира прежде самого отдаленного прошедшего, которого не может обнять ум человеческий, — существованию Его не будет конца; Он не только был *«в начале*; но *Сам начало* (Ап. 1, 8), «начало создания Божия» (3, 14), носящий имя Вседержителя (Шаддай), которое, как имя Божие, было особенно известно Аврааму (Быт. 17, 1) и Иакову (Быт. 35, 11), которое, в отличие от другого имени — Иегова, характеризует патриархальный период богоявлений (Исх. 6, 3). Если мы возьмем это имя в связи с характером явлений Господа Иоанну (Апок. 19, 11-13), если обратим внимание на весьма известное и вообще принятое предание о том, что Апокалипсис написан несколько лет ранее Евангелия, — то увидим, конечно, в этом откровении новой истины и нового имени Апостолу, основное начало веры, которая после так ясно выразилась в Евангелии и сделалась основанием христианского богословия.

Еще более поразительное соответствие между кн. Бытия и Откровением Иоанна представляет преобладающая в Апокалипсисе форма представлений блаженной жизни прародителей, изображенной во 2 и 3 гл. кн. Бытия. Эта история блаженной жизни не была главным предметом учения Господа. Однажды только, в утешительной речи

раскаявшемуся разбойнику, Господь употребил слово *«рай»* (Лук. 23, 43). Однажды только для объяснений таинства брака, коснулся Он первобытной истории (Марк. 10, 6-8). Но в Откровении Иоанна понятия о ней выдаются весьма ярко и представление ее встречается очень часто. В обетовании Церкви Ефесской говорится: «побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божия» (Апок. 2, 7). В конце длинного ряда пророческих видений Иоанн отождествляет славу нового Иерусалима, о котором пророчествовали Исаия и Иезекииль, со славою восстановленного рая. В этом раю — «чистая река воды жизни, светлая как кристалл», такая, какую люди могли представлять себе в Эдеме. Здесь — «по ту и другую сторону реки древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой, и листья дерева для исцеления народа». (Апок. 22, 1-3). Здесь «ничего уже не будет проклятого», что было в первоначальном раю, и что сделало из этого прекрасного места дикую пустыню (Апок. 22, 3). Здесь, наконец, произнесется новое имя: «Альфа и Омега, начало и конец, первый и последний», имя, связывающее начало бытия мира со славным концом его.

Всеми, указанными выше, сходными чертами не ограничиваются апокалипсические представления райской жизни, изображенной во 2 и 3 гл. кн. Бытия. Не место входить здесь в подробные объяснения таинственных символов видений Иоанна, указанных в 12 гл. Апокалипсиса; достаточно сказать, что из них видно, что представления бытописания постоянно носились пред ним. То, что называют *первоевангелием*, выражается в словах: «вражду положу между тобою и женою, и между семенем твоим, и между семенем тоя, той твою блюсти будет главу, и ты блюсти будешь его пяту» (Быт. 3, 15). Какой бы смысл ни придавали этим словам, и как бы ни понимали исполнение обетования, выраженного в них, — ясно, — что Иоанн знал их, когда писал о великом драконе, древнем змие, называемом диаволом и сатаною, обольщающем всю вселенную (Апок. 12, 9). Таким образом св. Писание в первый раз отождествляет змея-искусителя с тем таинственным злым лицом, которое в конце явится врагом, обольстителем, сатаною. Еще более

сходства между кн. Бытия и Откровением Иоанна представляет язык описания змея. Когда дракон увидел, что низвержен на землю, начал преследовать жену, которая родила младенца мужского пола ..., и пустил змей вслед жены воду, дабы увлечь ее рекою ... и рассвирепел дракон на жену и подошел, чтобы вступить в брань с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа» (Апок. 12, 13-17). Вся история борьбы между Церковью и миром, все страдания и гонения на святых Божиих, уподобляющие последних Христу и делающие их частью истинного «семени жены», — проходят пред нами, выраженные языком мессианских пророчеств; между тем личное исполнение их обетований на Иисусе Христе выражено таким же языком бытописания: «и родила жена младенца мужского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным, и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его» (Апок. 12, 5).

Если, таким образом, обетование, указанное Иоанном в 1 гл. (ст. 51), имеет несомненную связь с Вефильским видением Иакова, то, с другой стороны, необходимо признать, что служение Ангелов, исполняющих волю Божию относительно Его Церкви, утверждения Царства Христова, и таким образом, «восходящих и нисходящих к Сыну человеческому», — нигде так живо не выражено, как в Откровении Иоанна. Ангелы семи Церквей (Апок. 1. 2. 3), четыре Ангела (7, 1), «7 Ангелов, которые стояли пред Богом» (8, 2), множество Ангелов вокруг престола, число которых было «тьмы тем и тысячи тысяч» (5, 11), — все это представлялось Иоанну исполнением того чудесного обетования, которое он слышал тотчас после своего призвания к апостольству. (Воскр. Чт. 1874, ч. I. 121-124).

Библиографический указатель к Введению

1) Об Апокалипсисе в Библ. Словаре Верховского. Т. 1, стр. 107-111.

2) Апокалипсис. Библ. п. сл. В. Ч. 1874. I. 158-159.

3) *Н. А. Никольского.* Апокалипсис и обличаемое им лжепророчество. (Происхождение Апокалипсиса в отношении к главным моментам истории Апостольской Церкви. Ближайшие обстоятельства написания Апокалипсиса). Прав. Обозр. 1879 г. I. 640-665, II. 46-84.

4) *Ульгорна.* Об Апокалипсисе Иоанна Богослова. (Разные взгляды) см. в Обозр. немецкой богословской журналистики. Прав. Обозр. 1867 г. XXIII. 150.

5) *Его же.* Об отношении Папия Иерапольского к ап. Иоанну Богослову, писателю Апокалипсиса. Там же. 248-255.

6) *Гебгардта.* Учение Апокалипсиса и его отношение к учению Евангелия и посланий Иоанна. Прав. Об. 1874. I. 253-255. (В Об. апологетической литературы на Западе).

7) Об Апокалипсисе, как историческом памятнике гонений Нерона — см. в ст. Обе:»Из истории гонений христ. Церкви». Прав. Обозр. 1880. II. 418-425.

8) Библ. зам. о книге Ренана: Антихрист. Хр. Чт. 1873. II. 781-782.

9) *Э. Ренан.* Антихрист. Париж. 1873 г. (Библ. зам.) Чт. в Общ. 1874. Февр. 143-146.

10) *Ф. Яковлева.* Исторические сведения об Апокалипсисе, каноническом достоинстве и цели написания его в кн. «Апостолы». Вып. 2, стр. 89-101. Достопримечательности Апокалипсиса. Там же. стр. 456-487.

11) *А. Жданова.* Отличительные особенности Апокалипсиса по его характеру и содержанию в Предисловии к ст. «Откровение Господа о 7 азийских Церквах». Чт. в Общ. 1890. IX. Сент. 247.

12) *Фаррара.* Первые дни христианства. Общие черты Апокалипсиса. стр. 445-455.

ГЛАВА I-III.
ОТКРОВЕНИЕ ГОСПОДА О 7 МАЛОАЗИЙСКИХ ЦЕРКВАХ

Состояние Церкви в Малой Азии в конце апостольского периода. Семь апостольских посланий

В. Михайловского

Семь посланий, записанных во второй и третьей главе Апокалипсиса, дают нам возможность бросить взгляд на светлые и темные стороны Церкви к концу первого века, особенно в Малой Азии, а посредственно и в других странах. Эти послания все довольно одинакового настроения и изложены в чудном порядке, который в главных чертах весьма хорошо развил еще *Бенгель*. Они содержат: 1) повеление Христа написать послания Ангелам упомянутых Церквей; 2) славное описание Иисуса, которое указывает лучше всего на Его величественное явление (1, 13 и д.) и служит основою и ручательством за дальнейшие обетования и угрозы; 3) обращение к Ангелу, т. е. ответственному предстоятелю Церкви, разуметь ли под ним только какого — нибудь особого епископа, или сонм учителей и пастырей. Как бы то ни было, а Ангелы суть представители Церквей. Это обращение, или самое письмо непременно состоит: а) из краткой характеристики современного нравственного состояния Церкви, рассматриваемого как со светлых, так и с темных сторон, с приличною похвалою и порицанием; б) из увещания или к покаянию, или к верности и терпению, смотря по господствующему настроению тех, к которым обращена речь; в) из обетования победителю, оканчивающегося ободрением: имеющий ухо, чтобы слышать, тот слушай, что Дух говорит Церквам (Апок. 2, 26 — 29; 3, 5 и д. 12, 21 и д.), или излагаются в обратном порядке, как, например, в первых трех посланиях (2, 7, 11, 17).

Седмеричное число Церквей в свою очередь разделяется на два отдела, из которых в первом три, а в последнем четыре, подобно тому как в апокалипсических видениях встречается седмеричное число печатей, труб и чаш. Каждый раз повторяющийся ободрительный зов: «кто имеет уши» и т. д. состоит из десяти слов. Конечно, это не пустая игра слов, но приноровление к ветхозаветному численному символу, по которому три есть символ божества, четыре символ мира или человечества; нераздельные семь — произведения трех и четырех, а также иначе двенадцать (трижды четыре) символ неразрывной связи между Богом и человечеством, а число десять (семь и три) означает округление, полноту и совершенство.

Что же касается нравственно-религиозного состояния Церкви и ее представителей, то в посланиях представлено описание его трех родов, именно:

1. Нравственно-религиозное состояние *в Смирне* (2, 9) и в *Филадельфии* (3, 8) *преимущественно хорошо и чисто*. Оттого-то в этих двух посланиях и нет никаких увещаний к покаянию в тесном смысле этого слова, но только ободрение в верности, терпении и радости среди страданий.

Церковь в *Смирне*, древнем, еще и доселе цветущем городе[1] в Ионии, при смирнском морском заливе, отстоящем от Ефеса на 18-часовом пути, была крайне бедна и терпела гонения, и ожидала еще более тяжких бедствий, но утешалась при взгляде на венец жизни. Если Апокалипсис, как говорит самое древнее и достоверное предание, написан только в 95 году, в таком случае, ничто не противоречит древнему мнению, что еще в то время был настоятелем этой Церкви достоуважаемый Поликарп[2].

[1] Смирна или Ицмир, как ее называют турки, в настоящее время имеет около 130000 жителей, между которыми более 20000 православных и армянских христиан, и в то же время служит средоточием римско-католических и протестантских миссионерских действий в Малой Азии.

[2] Эту мысль недавно снова защищал Генгстенберг (Comment. 1, 168) против де-Ветте и других, которые написание Апокалипсиса относят к 68 году. Если Поликарп потерпел мученическую кончину в 161 (по другим в 167 г.), в таком случае, он, как сам сказал, служил Своему Божественному Учителю и Господу 86 лет и оттого-то тем менее желал изменить Ему. В 107 году Игнатий встретил его уже епископом Смирнским, а по Иринею (advers haer. III, 3 и у Евсевия IV, 14), Тертуллиану и другим древним свидетелям, он был поставлен во епископы этой Церкви еще Апостолами, именно Иоанном.

Филадельфия — город, построенный Атталом Филадельфом и названный по его имени (в настоящее время называется Алашер) в Лидийской области, в стране богатой вином, но перенесшей много землетрясений, — была местом также крайне бедной и немногочисленной, но очень верной, духовно-цветущей Церкви, которая за свои земные скорби и притеснения имеет быть обильно вознаграждена на Небе.

2. Нравственно-религиозное состояние *преимущественно дурное* и *опасное* в *Сардесе* (3, 2) и в *Лаодикии* (3, 15). Оттого-то мы здесь встречаем резкий упрек и сильное увещание к покаянию.

Церковь в *Сардесе,* который до Креза был цветущей столицей Лидийского царства, но в настоящее время бедная пастушеская деревушка, по мнению и по внешним обрядам была христианской, но не имела внутри себя ни веры, ни жизненной силы христианства и оттого ей было близко духовное омертвение. Впрочем среди развращенной массы было несколько душ таких (3, 4 и д.), которые не запятнали своего поведения, не выделяясь из-за этого отщепенцами от Церкви, для того, чтобы, как ныне говорят, составить церковь противоборствующую, оппозиционную.

Церковь в *Лаодикии,* богатом торговом городе во Фракии, неподалеку от Колосс и Иераполя (Кол. 2, 3; 4, 13, 15), где в настоящее время находится только бедное опустошенное местечко по имени Эски-Гиссар, по высокому о себе мнению, богата была духовными дарами и безукоризненна, но, на самом-то деле, и бедна, и слепа, и нага, — пришла в крайне опасное состояние равнодушия и холодноватости, выход из которого к прежней решительности и горячности гораздо труднее, чем переход от естественной холодности к вере. Оттого высказана страшная угроза: *изблюю тебя из уст Моих* (охладевшая тепловатая вода возбуждает к этому, вызывает тошноту и рвоту). Впрочем, и Лаодикийцы не доведены до отчаянного состояния, но Господь с любовию ударяет в их сердца и под условием искреннего покаяния обещает им участие в брачной вечере Агнца (3, 20 и д.).

3. Нравственно-религиозное состояние *смешанное-среднее,* именно в *Ефесе* (2, 2-4, 6), в *Пергаме* (13-15) и в *Фиатире* (ст. 19). Оттого-то здесь и сопоставлены похвала и упрек, и обещание, и угрозы.

Ефес, тогдашняя метрополия Малоазийской Церкви, достаточно уже известная из истории Павла и как местопребывание Иоанново, хотя выдержал борьбу с лжеучителями-гностиками, от которых пришлось предостерегать его еще Павлу (Деян. 20, 29), и соблюл в целости принятое учение, но уже ослабил ревность первой любви, и оттого-то сильно призывается к покаянию. Таким образом, он служит представителем довольно нередко в разных церквах повторяющегося состояния умершей и окаменевшей ортодоксии. Ревность о соблюдении в чистоте учения хотя весьма важна, но она не имеет цены без живого благочестия сердечного, без деятельной любви.

Пергам, самый северный из этих городов в Мизии, резиденции азиатских царей из Атталлова рода, некогда знаменитый богатою библиотекою, но в настоящее время маленький турецкий городок, с двумя тысячами жителей, по имени Бергамо, — был местом такой Церкви, которая в затруднительных обстоятельствах доказала свою большую верность, но в недрах своих терпела приверженцев опасных гностических ересей. За такой недостаток в строгом управлении Церковью и она призывается к покаянию.

Церковь в *Фиатире* — цветущем торговом городе в Лидии, на месте которого в настоящее время стоит довольно известное селение по имени Ак-Гиссар, отличалась самоотвержением, деятельной любовью и терпением, но была тоже слишком снисходительна к пагубным лжеучителям, искажавшим христианство языческими правилами, пошлостями и мерзостями. Обе последние Церкви, особенно, Церковь Фиатирская, составляют прямую противоположность Церкви Ефесской и служат представительницами ревностного практического благочестия, в связи с теоретическим свободным пониманием веры. Так как учение всегда имеет более или менее влияние на жизнь, то и такое направление есть опасное отступление, и только та Церковь в истинно здравом и цветущем состоянии, в которой гармонически соединены друг с другом и взаимно помогают друг другу чистое учение и чистая жизнь, вера и любовь, теоретическое православие и практическое православие и практическое благочестие.

Справедливо просвещенные учители Церкви издревле в этих семи Малоазийских Церквах видели первообраз жизни и быта Христианской Церкви в ее обширных размерах и вообще до самого конца ее земного существования. Нет ни одного смешанного, или доброго, или худого состояния, на которые бы эти послания не содержали образца или приличного к тому спасительного учения. И в этом случае, как и в других, слово Божие и история Апостольской Церкви имеют свою приложимость ко всем временам и отношениям, и содержат неисчерпаемое обилие научения, предостережения и утешений для всякого положения и для всех степеней нравственно-религиозной жизни. (Духов. Вестн. 1864 г. Май стр. 59-65).

О семи Малоазийских Церквах в их прежнем и нынешнем состоянии, изображенном в пророчествах Иоанна Богослова

Пророчественные видения ветхозаветных св. писателей указывают нам на многие разрушения, которые по судам Божиим должны были поразить и в свое время поражали города и целые страны, — предъизображают развалины Вавилона, Ниневии, Тира, Иудеи, Аммона, Моава, Эдома. Представляя в разрушении древних городов и царств действие *тайны нечестия,* они сами составляют неотъемлемую часть *великой тайны благочестия.* Грехи и неправды людей привлекли на землю разрушения, предсказанные Богодухновенными мужами, и совершенные человеческою жестокостию. Все карающие суды Божии были предвозвещены посредством каких-нибудь признаков и знамений, и такие предзнаменования сбывались всегда только там, где преизобиловало нечестие. И если бы все другие предречения слова Божия не производили никакого действия на ум и сердце грешника, доселе не раскаянного, то одни памятники сих грозных судов и пророческие указания на них должны внушить ему чувство страха и благоговения к угрозам правосудного Бога, должны побудить его к испытанию путей своих и неукоснительному обращению к Богу всем сердцем.

Но для христианина, который исповедует закон Божий, и, между тем, не оставляет путей греха, есть еще другой глас

судов Божиих, глас грозный и вместе милостивый, который скорее и прямее может дойти до его слуха. Ему представляют поучительный урок развалины не только стран, населенных некогда язычниками, но и тех городов, где Апостолы основали Церковь, и где учение Иисуса Христа некогда процветало во всей чистоте и силе. Да познает он, что *у Бога нет лицеприятия,* и что праведный Судия *виновного не приемлет за невинного. Имеяй уши слышати да слышит, что Дух глаголет церквам.*

Семи Малоазийским Церквам — *Ефесской, Смирнской, Пергамской, Фиатирской, Сардийской, Филадельфийской и Лаодикийской* было дано Самим Богом такое имя, выше которого не может желать и ожидать для себя никакая Церковь. Это были *седмь светильников златых,* среди которых шел Тот, Кто есть *первый и последний,* Кто *жив и был мертв,* Кто *живет во веки веков и имеет ключи ада и смерти* (Апок. 1, 16-18.20). Ангелы или предстоятели сих Церквей были *седмь звезд* в Его деснице (ст. 16,20), и потому кто, имея уши слышать, не должен ли во смирении веры, с сыновним страхом, с полным чаянием назидания, услышать что Святый Дух глаголет сим великим Церквам первобытного христианства?

Ангелу Ефесския церкве напиши: — вем твоя дела, и труд твой, и терпение твое, и яко не можеши носити злых, и искусил еси глаголющияся быти Апостолы, и не суть: и обрел еси их ложных: и понесл еси, и терпение имаши, и за имя Мое трудился еси, и не изнемогл еси. Но имам на тя, яко любовь твою первую оставил еси. Помяни убо, откуду спал еси, и покайся, и первыя дела сотвори: аще же ни, гряду тебе скоро, и двину светильник твой от места своего, аще не покаешися (2, 1-5).

Итак, Церковь Ефесская похваляется за свои первые дела, — за труды, терпение и противление ложным учителям; но вместе осуждается за оставление своей первой любви, и слышит страшную угрозу, что ее светильник будет сдвинут со своего места, если она не покается. — Ефес находился на берегу Эгейского моря, на прекрасной равнине, между двумя горами, при реке Каистре, которая славилась своими лебедями, воспетыми во многих произведениях греческих поэтов. Он принадлежал к числу древнейших городов Ионии,

был ее метрополией, славился своею обширностию, народонаселением, богатством, и, по свидетельству Страбона, составлял знаменитейшее торговое место всей Малой Азии. Особенную важность придавал ему храм Дианы, которую чтила вся Малая Азия (Деян. 19, 27). Храм строили в продолжение 220 лет. Он справедливо почитался одним из семи чудес мира; имел 425 футов в длину и 200 — в ширину, и был украшен 127-ю колоннами Паросского мрамора, принесенными в дар Диане от различных государей. Стены храма состояли из огромных кусков мрамора, покрытых снаружи медными и серебряными досками. Здесь же был обширнейший амфитеатр, в котором свободно могло поместиться 20000 зрителей. О великолепии и красоте его и теперь свидетельствуют обломки множества барельефов и угол мраморного фронтона. Но для христиан Ефес всего замечательнее многими церковными событиями. Апостол Павел, во время своих путешествий, лично посетил Ефес, проповедовал здесь более двух лет и распространил отсюда славу чудес и Евангелия по всей Проконсульской Азии, а в Милете имел трогательное прощание с Ефесской Церковью (Деян. 19, 17-38). Обремененный узами в Риме, он написал послание к Ефесянам и предостерегал их от тех же лжеучителей, которых явление предсказывал при своем прощании с ними. Один из учеников апостольских, св. Тимофей, спутник Апостола Павла, был первым Ефесским епископом, во времена Иоанна Богослова, и мучеником. В Ефесе же, по сказанию предания, скончался Иоанн Богослов. Здесь также был впоследствии один из великих соборов Церкви — Вселенский 3-й, и в Ефесской Церкви Пресвятая Дева Мария торжественно исповедана Богородицею.

Но в настоящем состоянии этот светильник первенствующей Церкви, согласно предсказанию, сдвинут со своего места. Ефесяне забыли увещание Апостола Павла обновляться духом, исполнять, из любви к Богу все добродетели и общественные обязанности и подвизаться во всеоружии веры и молитвы (Еф. гл. 4-6); они не обратились, по гласу Апостола Иоанна, к своей любви, — первой любви, и не сотворили первых дел, не покаялись, — и город их, древнее богатое торжище всего мира, теперь представляет грустную картину совершенного разрушения. Взор путешественника, ищущего древнего Ефеса, прежде всего останавливается на печальном болотистом берегу, при устье реки, запруженной песком и илом; далее — низкий кустарник, скрывающий шакалов, волков и других хищных зверей; гнилое болото заменило прежнюю реку, протекавшую по обширной и плодородной равнине; в тенистых прудах свободно плавают целые стаи водяных птиц, между которыми встречаются и древние обитатели Каистра — лебеди. Несколько мраморных колонн указывают на древнюю набережную, которая возвышалась в то время, когда река была судоходной, а Ефес составлял обширнейший рынок Азии. На неизмеримой равнине тянутся по возвышению кучи развалин, которые простираются на несколько миль. Часть древнего амфитеатра выказывается из ребер холма, а внизу лежат развалины Дианина храма; спереди и теперь еще видны места, на которых стояли порфировые колонны, составлявшие портик храма и увезенные в Константинополь для украшения храма святой Софии. Вместо древнего великолепного Ефеса, небольшая деревня Аиа-Солук поднимается из-за кучи развалин; она населена сотнею мусульман, которые жмутся на вершине холма; здесь тянутся арки водопровода, и стоит мечеть, сделанная из прежней церкви Иоанна Богослова. И вот все, что осталось от древнего христианского Ефеса! Ни одной семьи, ни одной души христианской не встретите там, где некогда была великая Ефесская Церковь, где собирались Святители и пастыри Вселенской Церкви. Во всем мире читают послание к Ефесянам: только в Ефесе его никто не читает. Так сдвинут с места своего, так угас этот светильник первобытного христианства!

И Ангелу церкве Смирнския напиши: тако глаголет первый и последний иже бысть мертв и се жив есть: вем твоя дела и скорбь, и нищету, но богат еси: и хулы глаголющихся быти Иудей, и не суть, но сонмище сатанино. Не бойся ничесоже, яже имаше пострадати. Се имать диавол всаждати от вас в темницы, да искуситеся: и имети будете скорбь до десяти дней. Буди верен даже до смерти, и дам ти венец живота (2, 8-10).

Смирна, так же как и Ефес, принадлежит к числу древнейших малоазиатских городов. Различные предания приписывают первоначальное основание ее то Танталу, то Амазонкам, то Ефесской царевне Смирне, которая, говорят, принуждена была, подобно Дидоне, оставить отечественный город и со своими спутниками основала колонию в Эолии, при подошве горы Синилы. Город был построен на берегах реки Мелеса, и здесь-то, по всей вероятности, родился Гомер, названный от имени реки Мелезигеном. После различных несчастий, перенесенных Смирною от землетрясений, пожаров, моровой язвы, войн, разоренная Лидийцами, она была великолепно возобновлена восторженным почитателем Гомера — Александром Македонским, который глубоко постигая, подобно Петру Великому, как необходимо мореплавание для благосостояния городов и государств, подвинул ее ближе к морю. С этого времени Смирна сделалась одним из замечательнейших городов и, по своему счастливому местоположению, обширной торговле и многочисленности жителей, скоро получила над многими малоазиатскими городами совершенный перевес, который и доселе удерживает.

Просвещенная и славная в языческой древности, Смирна не менее замечательна и в истории первых времен христианства, как город, весьма рано озарившийся светом Евангелия и удержавший среди смут многочисленных гонений, в чистоте сердца, в трудах и терпении, залог веры и благочестия. Основанное в Смирне Иоанном Богословом здание веры Христовой непоколебимо в ней утвердилось, и Апостол не только не угрожает Смирнской Церкви грозными судами Божиими, тогда как предрекал их Церкви Ефесской, но, хваля ее, как богатую верою в самой нищете и скорби, обещает ей венец живота. Но Церкви предстояли великие подвиги христианского терпения для достижения обетованной награды. Ей предрекается десятидневное страдание, и она претерпела бедствия десятилетнего гонения, бывшего при Диоклитиане. Скоро после Апостольских времен она видела пред собой живой образ христианских подвигов и мученической кончины в своем пастыре, святом Поликарпе. И теперь еще видны остатки амфитеатра, в

котором св. Епископ принял венец мученичества. Гроб Святителя-мученика и доселе сохраняется и благоговейно посещается Смирнскими христианами в день, посвященный его памяти. Научаемая таким примером страдальчества, Смирнская Церковь не ослабевала в вере и благочестии во всех бедствиях, какие она испытывала до настоящего времени. В 177 году христианской эры город был опустошен землетрясением; но Марк Аврелий восстановил его еще в лучшем виде. Спустя долгое время, он был осажден и почти разрушен Сарацинами, потом возобновлен императором Алексеем, затем весьма много потерпел от татар, под предводительством Тамерлана, и, наконец, распространен и обогащен под турецким владычеством. В новейшее время для Смирнских христиан, более, чем когда-нибудь, возобновилась потребность терпения, к которому с такою силою убеждения и одобрения призывал их Апостол Иоанн. В 1770 году, когда русские сожгли турецкий флот в Чесменском заливе, Смирнский паша, раздраженный этим неслыханным подвигом, вздумал выместить его на бедных жителях Смирны: в один воскресный день, когда все христиане молились в храмах, Турки внезапно напали на них и перерезали до полуторы тысячи безоружных Греков; такое же бедствие постигло Смирну в 1828 году, во время греческой инсурекции, хотя Смирнские христиане не принимали в ней никакого участия: кровопролитие на Хиосе отозвалось здесь; в продолжение нескольких дней возили сюда Хиосских Греков и умерщвляли их на площади. Таким образом было убито до 800 человек. Их тела долго лежали непогребенными, наполняя воздух зловонием и распространяя заразу между убийцами. В то же время и все Смирнские христиане были осуждены на истребление ожесточенными почитателями Магомета, и только деятельное и благоразумное участие европейских консулов спасло жизнь многим тысячам беззащитных страдальцев, обреченных на неизбежную гибель. В начале прошедшего столетия в Смирне считалось 28 000 жителей, и между ними 11 000 были христиане православного, армянского и римско-католического исповедания, каждое со своими церквами, монастырями и епископами. Как Церковь христиан

православного исповедания, Смирна доселе удерживает в чине церковной иерархии достоинство Митрополии и имеет два храма: — св. Григория и св. Фотина. В настоящее время Смирна имеет до 120 000 жителей, и в нынешнем своем состоянии она превосходит все древние христианские города здешнего края.

И Ангелу Пергамския церкве напиши: тако глаголет имеяй меч обоюду изощрен: вем дела твоя, и где живеши, идеже престол сатанин: и держиши имя Мое, и не отвергся еси веры Моя и в Моя дни, в няже Антипас свидетель Мой верный, иже убиен бысть в вас, идеже живет сатана. Но имам на тя мало, яко имаше ту держащих учение Валаамово, иже учаше Валака положити соблазн пред сынми Израилевыми, ясти жертвы идольския и любы творити. Тако имаши и ты держащия учение Николаитско; его же ненавижду. Покайся: аще ли ни, прииду тебе скоро, и брань сотворю с ним мечем уст Моих (ст. 12-16).

Церковь Пергамская одобряется Господом за то, что содержит Его имя и не отверглась веры в Него, хотя была насаждена среди развращенного язычеством города и подвергалась ужасам Домицианова гонения. Но в ее недрах явились люди, которые рано были заражены ересью и совершали дела, ненавистные Господу. Они считали себя учениками Николая, пришельца Антиохийского, одного из семи диаконов; держались скверных суесловий и прекословий лжеименного разума; разрешали идоложертвенные и любодеяния, за что и уподобляются Валааму; хвалились глубоким и таинственным знанием духов и Ангелов, и были родоначальниками гностической секты, которая в первые времена Евангелия искажала его нелепыми толками и суеверием. С такими людьми Господу надлежало сразиться мечем уст Своих, если они не покаются. Итак, Церковь Пергамская сияла уже не столь чистым светом, как Смирнская, и ее ожидала участь более мрачная. В настоящем состоянии Пергам, хотя еще довольно многолюден, но далеко уступает Смирне и числом христиан и благосостоянием жителей. Но Пергаму не сказано, как Ефесу, что светильник его сдвинется со своего места: и этот город существует и доселе, под именем Бергамо и имеет не

менее 50 000 жителей. Он лежит на севере от Смирны, на расстоянии от нее около 64 миль, и расположен на роскошной и прекрасной равнине, усеянной во многих местах оливковыми деревьями. За 250 лет до Рождества Христова он был возведен евнухом Филотером в степень столицы государства, которое включало в себя Лидию, Карию, Фригию и другие малоазиатские земли. В то время он славился науками и искусствами и вмещал в себя величайшую на свете библиотеку, которую особенно умножил Эвмен 2-й до того, что число свитков в ней простиралось до 200 000. Библиотека оставалась в Пергаме и по окончании этого царства, — после того, как оно, по странному завещанию Аттала Филометора, перешло в руки римлян; уже Антоний перевез в Рим это богатое сокровище наук и подарил его Клеопатре. В Пергаме также изобретен пергамент, который древним заменял бумагу. Поводом к его изобретению было то, что Птоломей запретил вывоз из Египта папируса. Пергам также славился великолепным храмом, посвященным Эскулапу, и привлекал к себе множество народа со всех сторон. Жрецы были медиками, и в храме всегда толпились больные, искавшие врачевания в молитве и бдении. Пособия недужным открывались в снах и видениях чрез жрецов, которые давали лекарства, будто бы указанные им богом врачевания. Поэтому-то Эскулапа и называли в древности «пергамским богом», и, по всей вероятности, в Пергаме, как и в других местах, ему воздавали почести под видом живого змея, которого содержали в храме и принимали за самое божество. В этом же городе были выбиваемы монеты, изображавшие Эскулапа с жезлом, который был обвит змеем. И как Иоанн Богослов изображает сатану под именем *змия великаго, змия древняго* (Апок. 12, 3, 9), то, кажется, можно за верное полагать, что, называя Пергам престолом и жилищем сатаны, он намекает на боготворение змея, имевшего жилище в языческом храме. Но Церковь христианская, окруженная таким мраком суеверия, не затмила своей веры: и этот светильник древнего христианства и ныне сияет, хотя слабым, но чистым светом среди ночи мусульманства. Между жителями Пергама можно насчитать до 200 армян и до 1500 греков: те и другие имеют

свою церковь. Греческая церковь освящена во имя св. Феодора Стратилата. Это единственное место для православного богослужения, и о нем, по возможности, заботятся Смирнские митрополиты. Церковь стоит на склоне холма и представляет здание маленькое и бедное; в ней уцелел только алтарь от древних времен, все прочее переделано или построено заново; образа старинной греческой живописи до того почернели, что даже при самом сильном сиянии солнца и при свете неугасимых лампад нельзя рассмотреть изображенных на них ликов. И, несмотря на чрезвычайную бедность храма, здесь, как и в самом великолепном здании, славословят Господа с искренним жаром сердца, и добрый священник нашел способы завести школу, в которой обучается более тридцати человек детей. Пораженный множеством остатков древности, взор христианского путешественника с благоговением останавливается здесь на развалинах церкви св. Иоанна Богослова, сооруженной Феодосием в то время, когда он велел приделать к своей державе крест, в знак того, что вера Христова сделалась господствующей во всей Вселенной. Эта церковь была лучшим образцом греческой христианской архитектуры после Константинопольского храма Святой Софии. Ее развалины и теперь изумляют своей огромностью, свидетельствуя в то же время о древнем многолюдстве христианского народонаселения в тех местах, где теперь живут почти одни мусульмане. Они превосходят вышиной все прочие здания городские, как будто печально смотря на мрачные приюты магометанства, которые лежат у их ног. Длина развалин 225 футов. Они состоят из слоев римского кирпича, глыб мрамора и множества архитектурных украшений. До сих пор уцелели два ряда гранитных колонн, разделявших храм на две части и поддерживавших галерею, где молились женщины. Алтарь, так же еще сохранившийся, составляет полуциркульную пристройку, в 160 футов в окружности, увенчанную куполами, которые в вышину имеют 100 футов. Двери, противоположные алтарю, очень высоки и ведут в трапезу, своды которой поддерживаются массивными столбами. Осматривая эти величественные остатки древнего христианства, путешественник привлекается тусклым светом лампады, которая горит пред старинным, почерневшим от времени образом Божией Матери, повешенным на голой и осыпавшейся стене. Бедный Грек, провожатый, непременно остановится на этом месте, преклонить колени, прочитать короткую молитву и благоговейно приложиться к Ее образу. После этого на его печальном лице появляется улыбка, и в глазах, омраченных слезами, блестит луч тихого удовольствия. Он не знает истории храма, по которому ходит, ни истории того святого мужа, которому храм был посвящен, но он верует в простоте сердца, и его вера, бесхитростная, непритворная, теплая, трогательнее всех глубокомысленных толкований.

И Ангелу Фиатирския церкве напиши: тако глаголет Сын Божий, имеяй очи Свои, яко пламень огнен, и нозе Его подобны халколивану: вем твоя дела и любовь, и службу, и веру, и терпение твое, и дела твоя, и последняя больша первых. Но имам на тя мало, яко оставляеши жене Иезавели, глаголющей себе быти пророчицу, учити и льстити моя рабы любодействовати и снести жертву идольскую. И дах ей время, да покается от любодейства своего, и не покаяся. Се Аз полагаю ю на одре, и любодеющия с нею в скорбь велию, аще не покаются от дел своих. И чада ея убию смертию: и уразумеют вся церкви, яко Аз есмь испытаяй сердца и утробы: и дам вам комуждо по делом вашим. Вам же глаголю и прочим сущим в Фиатире, иже не имуть учения сего, и иже не разумеют глубин сатаниных якоже глаголют: не возложу на вы тяготы иныя. Токмо имате, держите, дондеже прииду (ст. 18-25).

Фиатира — небольшой Лидийский городок, не ознаменованный в политической истории никаким замечательным происшествием. Римляне, распространяя мало-помалу свои завоевания в Азии, овладели им без всякого усилия. Тит Ливий говорит, что Антиох собрал свои войска в Фиатире и повел их на римлян, но был разбит при Магнезии, а вследствие того и Фиатира, со всеми соседними землями, обращена в римскую провинцию.

Но в истории христианства Фиатира заслуживает особенного внимания. Жители ее прежде многих других изъявили готовность принять христианскую веру, и приняли ее тогда, когда она еще только начала разливать свет свой

по Азии. Апостол Павел, находясь в Филиппах, встретил одну женщину, родом из Фиатиры, по имени Лидия, торговавшую пурпуровой краской, которою славился ее отеческий город. Лидия приняла от Апостола крещение и просила избрать ее дом своим местопребыванием в Филиппии (Деян. 16, 14, 15, 40). Может быть, этот случай способствовал тому, что Евангелие в Фиатире распространялось ранее и скорее, чем в других местах Малой Азии, и что этот город сделался одним из семи светильников Малоазийской Церкви. Евангелист Иоанн хвалит ревность, терпение и любовь к ближнему Фиатирских христиан, но вместе с тем упрекает их в некоторых грехах, свойственных новообращенным язычникам. В этой Церкви так же, как и в Пергамской, с самого начала явилось несколько нечистых растений, которые смешались с добрым зерном. Тот, Которого очи, *яко пламень огнен,* попаляющий плевелы, узрел их в Фиатире и отделил от своей пшеницы. Он произносит угрозу страшного поражения против тех, которые сделались виноваты в любодеянии, вкушали от идольских жертв и не покаялись, тогда как им дано было время для покаяния. На них-то и должна была пасть вся тяжесть угроз Господних. Но в Фиатире было также довольно много праведников для спасения города: и он существует доселе, тогда как пали и исчезли величайшие города. Вместе с Сардесом и Филадельфией, он принадлежал к числу главнейших лидийских городов. Он лежит между Пергамом и развалинами Сардеса, на прекрасной равнине, орошаемой рекою, при подошве горы. Нынешнее его название у турок «Ак-Гиссар», т. е. Белая крепость. К этому городку ведет длинная аллея из кипарисов и тополей. В конце ее видны куполы и минареты мечетей, а по сторонам возвышаются ряды холмов, которые окружают весь город. И теперь еще Фиатира составляет довольно замечательный город; в ней можно насчитать от 6 до 7 тысяч душ жителей; в ее окрестностях выделываются шерстяные и бумажные ткани, а внутренность города представляет многолюдный и деятельный рынок, на котором пред толпящимся народом разложены драгоценнейшие товары Азии, разбиты шатры и подвижные лавки купцов. Особенную прелесть местоположению Ак-Гиссара придает обилие вод, которые омывают город со всех сторон. При ежегодном разливе, эти воды сбегают с холмов, окружающих ак-гиссарскую долину, напояют низменные места и оплодотворяют расположенные на них сады и огороды, потом нарочно устроенными каналами входят в город и освежают его атмосферу. Но при всей красоте местоположения, город выстроен и частные дома расположены весьма дурно, так что в нем трудно узнать древнее жилище Греков, которые особенно любили красоту архитектуры. Только развалина одного большого древнего строения, колонны храмов и древних великолепных домов и много других памятников с греческими надписями, свидетельствуют о греческом происхождении города. Обломками колонн, карнизов и других архитектурных украшений усеяно целое кладбище. Может быть, это остатки от храмов Дианы, чествование которой было очень распространено в Азии и не ограничивалось одним Ефесом. Судя по многим открываемым здесь надписям, можно даже заключить, что Диана считалась покровительницею Фиатиры, пока истинный свет Евангелия не рассеял мрак языческого многобожия. Утомленный неправильностью расположения и безобразием домов, взор путешественника поражается еще более смутною картиною. Город со всех сторон окружен кладбищами, и вороны, привлекаемые запахом трупов, слетаются туда в таком множестве, что затмевают собой свет солнца. Садясь на кровли домов, на поля, они как бы накидывают на них черные траурные покровы. Зрелище печальное и возмутительное для путешественника! Чувствуешь на душе тяжкое впечатление; мысль поражается представлением смерти и бренности всего земного. Грустную также картину представляет нынешнее состояние христианства в древнем отечестве Лидии. Христиане православного исповедания составляют здесь 300, а армянского — 30 домов; число их вместе простирается до 1 500 душ. Те и другие имеют по церкви. Греческая церковь стоит посреди кладбища и почти совсем вросла в землю, так что в нее надобно спускаться по нескольким ступеням. Но и в этом мрачном подземелии доселе горит неугасаемым светом светильник древней Апостольской Церкви.

И Ангелу Сардийския церкве напиши: тако глаголет имеяй седмь духов Божиих и седмь звезд: вем твоя дела, яко имя имаши, яко жив, а мертв еси. Буди бдя, и утверждая прочая, имже умрети: не обретох бо дел твоих скончанных пред Богом твоим. Поминай убо, как приял еси, и слышал еси, и соблюдай и покайся. Аще убо не бдиши, прииду на тя, яко тать, и не имаши почути, в кий час прииду на тя. Но имаши мало имен и в Сардии, иже не оскверниша риз своих: и ходити имут со Мною в белых, яко достойни суть (3, 1-4).

Церковь Сардийская, к своему несчастию, резко отличалась от Пергамской и от Фиатирской: ни та ни другая не отверглась своей веры, и только обе они слышали жалобы Господни на то, что между своими членами имели людей, делающих зло и обреченных на погибель. Но в Сардесе, хотя этот город был весьма обширен, и его Церковь была основана одним из Апостолов, едва можно было найти несколько лиц, которые не осквернили риз своих. Церковь казалась живою, но на самом деле была мертва. Однако Господь долготерпелив; Он не хочет смерти грешника, но хочет его обращения и спасения. Он милосердует и о Сардийской Церкви, возбуждает ее от греховного сна, напоминает ей принятое ею учение, внушает покаяние, предостерегает от имевшего постигнуть ее наказания. Но настоящее состояние Сардеса показывает, что угрозы Божии, пренебреженные людьми, обращаются в действительные наказания. — Сардес некогда был столицей Лидийского царства. Здесь находился огромный и великолепный храм Цибелы, которая составляла такой же предмет поклонения Лидийцев, каким для Ефеса была Диана. Здесь же был блистательный двор Креза; здесь Эзоп изрекал свои нравоучительные апологи, а Солон дал назидательный урок богатейшему из монархов древности, сказав ему, что богатство — не защита от превратностей судьбы. За 550 лет до Рождества Христова, Сардес был взят Киром; спустя полвека, этот город сожгли афиняне; землетрясение разорило его при Тиверии; но, скоро обновленный, он стал на чреду семи светильников Малоазийской Церкви. Как невнимателен он был к угрозам, произнесенным против него Иоанном Богословом, это видно из того, что при Юлиане-

Отступнике идолопоклонство распространилось здесь быстрее и успешнее, чем в других местах; за то и постиг его день неожиданного посещения Божия: мертвое дерево посечено до корня. В Сардесе теперь вовсе нет жилищ человеческих, нет ни одной души человеческой. Только по временам мимоходом появляются здесь орды хищных туркменов со своими верблюдами и стадами, разбивают по полям шатры и удаляются, истребив всю зелень. Как место древней христианской Церкви, этот город потерял все, что только можно потерять, даже самое имя; и между кочующими посетителями его путешественник-христианин напрасно стал бы искать хоть одного поклонника имени Христова. Великолепные остатки Сардеса возбуждают много грустных воспоминаний и внушают самые торжественные мысли. По одним только развалинам и можно узнать место древнего города, само имя которого без этих примет осталось бы неизвестным. На равнине и теперь еще виден остаток изящного храма Цибелы; пять уцелевших колонн поддерживали огромную толщу мрамора; от нее остался только обломок. От Герузии или Крезова дворца остается груда чрезвычайно прочных кирпичей. Акрополис сардийский и теперь имеет тот же вид и занимает такую же местность, какие известны по описаниям древних: с передней стороны треугольная плоскость с наклоном, сзади — обрывистая, недоступная пропасть. Но для христианского путешественника замечательнее всех этих мест остатки двух церквей: Панагии и св. Иоанна Богослова. Это, может быть, единственные здания первобытного христианства, не совсем истребленные рукою времени, на которые можно указать в настоящее время.

И Ангелу Филадельфийския церкве напиши: тако глаголет Святый истинный, имеяй ключ Давидов, отверзаяй, и никтоже затворит, затворяяй, и никтоже отверзет: вем твоя дела: се дах пред тобою двери отверсты, и никтоже может затворити их: яко малу имаши силу, и соблюл еси Мое слово, и не отвергся еси имене Моего. Се даю от сонмища сатанина глаголющияся быти иудеи, и не суть, но лгуть: се сотворю их, да приидут, и поклонятся пред ногама твоима, и уразумеют, яко Аз возлюбих тя. Яко соблюл еси слово терпения Моего, и Аз соблюду тя от

годины искушения, хотящия приити на всю вселенную, искусити живущия на земли (ст. 7-11).

Обетования Господни так же непреложны, как и угрозы: и Филадельфия более всех других городов, упомянутых в Апокалипсисе, доселе сохранила свою целость и свой христианский характер. Основателем ее был Аттал Филадельф, царь Пергамский, от которого она и получила свое имя. Город стоит на холме, при подошве горы Тмола, и увенчан акрополисом. Внизу стелется чрезвычайно богатая, и теперь еще обрабатываемая покатость, которая вся покрыта садами и виноградниками. В городе немного остатков древнего греческого искусства; уцелевшие стены и каменные толщи относятся к периоду византийскому. От несчастных времен вторжения в Малую Азию турков осталась близ города стена из человеческих костей, связанных цементом. Это памятник жестокости Баязета, свидетельствующий о тех ужасах, которые влекли за собой сопротивление его могуществу. Филадельфия одна из всех малоазиатских городов долго не сдавалась туркам, и хотя преклонилась пред неодолимым могуществом Баязета, но договаривалась с самым гордым победителем из Оттоманов, и восемнадцатилетним сопротивлением доказала неверным, что может сделать сила веры. В настоящее время отрадно и утешительно для христианского путешественника найти здесь христианство в более цветущем состоянии, чем во многих других местах Турецкой империи. Между малоазиатскими колониями и церквами, Филадельфия доселе стоит, как «столп на обширном зрелище развалин». Народонаселение христиан и теперь здесь довольно многочисленно, имеет своего епископа и 25 церквей. Из памятников первобытного христианства доселе остаются развалины храмов, основанных, по всей вероятности, вскоре за временем земной жизни Иисуса Христа; между ними отличаются остатки храма Иоанна Богослова. В городе везде видны признаки многолюдства и довольства; куполы и минареты свидетельствуют о значительности мусульманского населения; дом правителя Филадельфии представляет огромное и великолепное строение, украшенное внутри и снаружи всей роскошью востока. Гостеприимство и доброта жителей

снискали им, среди окружающего их варварства, лестное имя «доброго и вежливого народа». Как бы в ознаменование прежней святости этого места, теперь называют его «Аллах-Шер», т. е. Божий город; и это название невольно напоминает пророческое обетование: *напишу на побеждающем имя Бога моего и имя града Бога моего* (ст. 12). Неправды человеческие многократно доказывали и доказывают, как грозны карательные суды, изрекаемые Богом; но Церковь Филадельфийская, сохранившая Его слово, остается доселе на земле, как памятник верности Его в исполнении Своих обетований, — остается в ожидании на Небесах высшей славы, обетованной побеждающим. Препрославленный Победитель ада исполнит на ней истину Своих слов: *побеждающего сотворю столпа в церкви Бога моего* (ст. 12). Он исполнит Свое слово так же верно, как верно то, что Филадельфия в то время, как все пало вокруг нее, осталась и остается доселе, по выражению самих врагов веры, как «столп среди развалин».

И Ангелу Лоадикийския церкве напиши: тако глаголет Аминь, свидетель верный и истинный, начаток создания Божия: вем твоя дела, яко ни студен еси, ни горяч: о, дабы студен был еси, или горяч! Тако, понеже тепл еси, и не студен еси, ниже горяч, имам тя изблевати из уст Моих. Зане глаголеши, яко богат есмь, и обогатихся, и ничтоже требую: и не веси, яко ты еси окаянен, и беден, и нищ, и слеп, и наг. Совещаю тебе купити от Мене злато разжженное огнем, да обогатишися: и одеяние бело, да облечешися: и да не явится срамота наготы твоея; и каллурием помажи очи твои, да видиши (ст. 14-18).

Глас Божий, раздающийся в Апокалипсисе, воздает какую-нибудь хвалу каждой из поименованных прежде Церквей: во всякой из них осталось что-нибудь доброе. Церковь Ефесская трудилась и не ослабевала, хотя и забыла свою первую любовь, за что и сдвинут ее светильник со своего места. В Пергамской и Фиатирской Церквах появилось несколько членов, оскверненных ересью и пороками, но тело было еще здраво и чисто: и сии Церкви принадлежали Христу. Даже в Сардесе, хотя этот город был уже мертв, осталось несколько лиц, которые не осквернили своих одежд и достойны были идти пред Господом в белых одеждах. Но

о Лаодикийской Церкви Дух Святый не изрекает ни одного одобрительного слова. Сия Церковь была ни горяча, ни холодна, а только тепла в вере и благочестии. Жители Лаодикии взирали на учение Иисуса Христа, как на предмет обыкновенный, и занимались им нисколько не более других житейских предметов. Жертва Сына Божия, принесенная на кресте, делала на умы их такое же впечатление, какое может производить простой дар, который бы они приняли от руки человека. Любовь Христова не более имела власти над их сердцами, как и всякая житейская привязанность. Они могли повторять первую и главнейшую заповедь и вторую — ей подобную, не обнаруживая в своих действиях никаких признаков глубокого благоговения пред святым законом любви. Никто ничего не делал так, как надобно все делать, — *от души, якоже Господу, а не человеком* (Колос. 3, 23); всякий думал, что можно служить и Богу и мамоне. Такая духовная теплота Лаодикийцев была несравненно хуже решительной холодности; потому что она допускала меньше надежды на исправление. Житель Сардеса скорее мог почувствовать, что им овладел хлад смерти, и призывать врача, чем житель Лаодикии, спокойно считающий тихое биение своего пульса, уверить себя, что к нему приближается смерть, которая поразит его, прежде чем он подумает о ней, среди обманчивых признаков сил и жизни. Теплые христиане — два слова, противоречащие одно другому — точно такими были и такими бывают во все времена. Таковы были христиане и Лаодикии. Зато как поразительно состояние этого города в настоящее время, и как оно отлично от того, чем он был некогда!

Лаодикия, ныне называемая турками «Эски-Гиссар», то есть Старая крепость, находится во Фригии, при реке Лике, близ Колоссы. Прежде она называлась «Диосполисом» и переменила это название на имя Лаодикии, которое получила от имени жены Антиоха II-го Сотера. В древности она славилась своей торговлей: плодородие почвы и прекрасная шерсть овец ее были неистощимыми источниками богатства. В ней родилось много людей, известных в истории, в том числе Гиерон, завещавший гражданам ее бесчисленные сокровища свои, и философ Зенон. В начале христианской

веры она не только не обнаружила никаких признаков упадка, но, напротив, взошла на высшую степень благоденствия. И хотя землетрясения, разрушившие в 65-м году по Рождестве Христовом, Колоссу, Иераполис и другие города, коснулось и Лаодикии, однако, она была возобновлена в прежнем виде во время Марка Аврелия. Три театра, огромнейший цирк, в котором могло помещаться более 30 000 зрителей, самыми своими остатками, еще замечательными и в настоящее время, равно как и много других развалин, свидетельствуют о древнем величии, богатстве, и многочисленном народонаселении Лаодикии, но в то же время составляют разительное доказательство того, что в этом городе, в котором все без исключения христиане подвергались упрекам Апостола Иоанна, жили люди, возлюбившие мир и его веселия паче Бога и добродетели. Иногда раскапывали эти развалины и в них находили, на значительной глубине, самые драгоценные куски ваятельного искусства; и если бы, как замечает один путешественник, кто-нибудь захотел в углублении грунта поискать остатков древности, то немногие из древних городов могли бы обещать большее число замечательных памятников. На самой поверхности разрушенной Лаодикии попадаются обломки мраморных украшений, карнизов, пьедесталов, колонн. Неизвестно, к каким эпохам греческого искусства надобно относить все эти следы художественных памятников; несомненно, впрочем, что Лаодикийский амфитеатр был построен после времен Апокалипсиса, — после того, как Дух Святый внушал Лаодикийцам ревновать и покаяться. Глас Божий не был услышан Лаодикийцами; сердца жителей не отверзлись для покаяния и для ревности к славе Божией. Зато какая разительная противоположность между участью Лаодикии и Филадельфии! Тогда как последняя стоит, подобно столбу, возвышающемуся на обширном зрелище развалин, первая предана совершенному разрушению. Турки пощадили Смирну и Филадельфию, но над Лаодикией обрушилась вся тяжесть их злобы и жестокости. Она подпала их власти в 1009 году и с того времени выдержала ряд бедствий, в продолжение которых все ее граждане были умерщвлены, епископ сослан в заточение, стада захвачены

и отогнаны. Теперь от древней Лаодикии остаются одни только памятники народного величия и блистательных мест, некогда посвященных удовольствиям и обольщению чувств. Теперь Лаодикия также лишена жителей, как ее жители были лишены всякого страха и любви к Богу, и как ее Церковь потеряла всю ревность к вере и добродетели. Этот город, бедный в самом богатстве своем, окаянный, и нищий, и слепой,и нагой, не внял внушениям и угрозам Божиим. За то он низложен с лица земли. Он представляет совершенную пустыню и не имеет других обитателей, кроме волков, шакалов и лисиц. Единственные лица человеческие, которые нередко здесь встречаются, суть кочующие туркмены; они как бы мимоходом здесь появляются и на время разбивают свои шатры на обширных развалинах древнего амфитеатра. Сердце подавляется скорбью, когда видишь, как все пусто и бедно там, где повсюду встречаются следы древней образованности, древнего изобилия; как по гробам уснувшего поколения бродит новый, невежественный народ; как над могилами мудрых кочующий поклонник Магомета раскидывает свою подвижную палатку, составляющую такую резкую противоположность с развалинами изящных и великолепных строений. Но какая отрада и утешение проливаются в душу, когда представляешь, что на всех этих следах разрушений напечатлены следы десницы всесильного и правосудного Бога, Который сколько грозен в своих прощениях и наказаниях, столько же, и еще бесконечно более, благосерд и щедродатель в обетованиях и наградах. (Христ. Чт. 1843 г. ч. III. 428).

ГЛАВА I

А. Вступление (ст. 4-8). Вступление к книге «Откровения», имеющей литературную форму послания (ср. 1, 4 и 22, 21), состоит из двух членов: 1) приветствия писателя семи Церквам, удостоенным Божественного откровения (ст. 4-6) и 2) указания на главное, основное событие Откровения, подтверждаемое в его непреложной истинности торжественною клятвой Самого Бога (ст. 7-8).

1) Приветствие Тайнозрителя семи Азийским Церквам (поименованным ниже в 11 стихе) содержит в себе все обычные части апостольских приветствий, употребительных в посланиях: а) имя писателя (Ιωαννηζ), б) кому назначается послание (адресат: ταιζ επτα εκκλησιαιζ и проч.), в) молитвенное пожелание духовных благ свыше (χαριζ υμιν και ειρηνη и д.) и г) благодарение или славословие (ст. 6).

в) Благословение. *Благодать вам и мир.* Пожелание мира было обычным общественным приветствием у иудеев времен Христа и позже. Господь Иисус Христос, как Израильтянин по плоти, Сам пользовался этим приветствием (Лук. 26, 37; Иоанн. 20, 19, 26) по отношению к ученикам Своим и им заповедал его, когда посылал их на проповедь (Мф. 10, 12-13).

Так как истинный мир, внутренний и внешний, есть дар божественной благодати (Апок. 22, 21), то в апостольских приветствиях χαριζ (благодать) предшествует ειρηνη (мир), как его источник.

Благодать и дары ее, молитвенно испрашиваемые Апостолом семи Церквам, проистекают — *от сущаго, и иже*

бе, и грядущаго. Всю фразу можно передать так: «благодать вам и мир» от Того, Кто носит имя «Сый, и иже бе, и грядый».

По истолкованию Андрея, Арефы и Икумения *«от сущаго»* и проч. равносильно — от Триипостасного Божества», именно: δ ων есть Отец, глаголавший к Моисею «εγω ειμι δ ωϖ (Исх. 3, 14); δ ηv — Христос Бог Слово, δζ ηv προζ τον Θεον (Ин. 1, 1); δ ερχομενοζ — Дух Святый, нисходящий на чад Церкви во св. крещении. В толковании Андрея сохранилось мнение св. Григория Богослова, который разумел под οων и проч. Сына. Арефа и Икумений предлагают и другое толкование: «может быть, не безосновательно, говорят они, прилагать δ ων и проч. к Отцу, потому что Он содержит в Себе начало, средину и конец всего сущего». Последнее толкование заслуживает предпочтения.

Сопоставление судеб ветхого и нового Израиля, иудейской, национальной, и христианской-всемирной — теократии показывает, что имя Иеговы, изъясняемое выражением «сый, и иже бе, и грядый», — имя, которое Сам Бог назвал «именем Своим навеки» (Исх. 3, 15), имеет глубокое соотношение с содержанием книги судеб нового Израиля и вполне уместно вначале ее точно так же, как в начале истории ветхозаветной теократии. Мысль об Иегове, вечном и неизменяемом Духе, Который царит над возникающими и исчезающими явлениями истории мира и человечества, во всемогущей деснице Своей содержит будущую судьбу всего мироздания, — эта мысль есть источник непоколебимого упования для верующих, приемлющих откровение, и постоянного страха для врагов Христа и основанной Им Церкви. («Откровение Господа о 7 Азийских Церквах. А. Жданова. Чт. в Общ. 1890 г. сент. стр. 254).

Семь духов (ст. 4). Иоанн седми церквам, находящимся в Асии: благодать вам и мир от Того, Который есть, и был, и грядет, и *от седми духов, находящихся пред престолом Его* (Апок. 1, 4). Выражение «седмь духов» не один раз встречается в Апокалипсисе, и тем необходимее поэтому выяснить подлинное значение его. Оно находится в следующих местах: гл. 1, 4. гл. 3, 1. гл. 4, 5 и гл. 5, 6.

Согласно с большинством толковников, под выражением «седмь духов» в выписанном тексте нужно разуметь Бога *Духа Святаго.* Здесь, как неоднократно и в других местах Писания, Он призывается с Отцом и Сыном и называется *Святым,* от Которого исходят благодать и мир. В Апокалипсическом приветствии ап. Иоанна, часть коего составляют выписанные выше слова, Бог изображается *Триединым,* именно там указывается на Бога Отца, «Который есть, и был и грядет», на Бога Сына, Иисуса Христа, «Свидетеля верного» и т.д. и на Бога Духа Святаго, в выражении «От седми духов, находящихся пред престолом Его».

Но, спросят, почему же здесь Св. Дух называется под этим образным выражением? На это ответим: Апокалипсис книга пророческая, отсюда и образная речь в нем; и так как седмеричное число всегда в св. Писании значит нечто священное или совершенное, то посему и в этом месте оно означает Святаго и совершенного Духа, Который, как ясно Он назван в Апокалипсисе (4, 5), есть «Дух Божий».

В доказательство этого представим несколько мест, в которых встречается седмиричное число, и значение коего представляется удобопонятнее.

В седьмой день, например, была суббота Господня, день, в который Господь почил, который Он благословил и освятил (Исх. 20, 10, 11). По повелению Божию, израильтяне семь дней обходили вокруг Иерихона (Нав. 6, 6. 15, 16). В притчах Соломона говорится: «семь мерзостей в сердце его», т.е. в сердце естественного человека, что указывает на совершенную испорченность его. Когда Елифаз Феманский утешал Иова, то, желая убедить его в совершенной милости Божией, сказал: «в шести бедах спасет тебя и в седьмой не коснется тебя зло» (Иов. 5, 19). Пророк Исаия, изображая времена, когда все язычники примут Евангелие, говорил: «и ухватятся семь женщин за одного мужчину в тот день» (Ис. 4, 1).

Не приводя, впрочем, других мест, в которых встречается и имеет особенное значение седмиричное число, — потому что таких мест очень много, — мы обратим только внимание на употребление и важность этого числа в книге Апокалипсис. Оно представляется любимым числом

писателя этой книги, так как мы читаем в ней седмь посланий к седми Церквам, о седми золотых светильниках, седми печатях, седми трубах, седми чашах гнева Божия, седми язвах, о седми светильниках огненных или духах Божиих, об Агнце с седмью рогами и седмью глазами. В 1, 16 упоминается о седми звездах; в 4, 12 о седми свойствах Божиих, далее — в 12, 3 читаем о драконе с седмью головами и в 13, 1 о звере с седмью головами.

Из этого очевидного значения и важности числа *седмь* ясно открывается, что выражение «седмь духов» означает всесовершеннейшего Духа, Бога Духа Святаго, имя Которого всегда стоит в апостольских приветствиях. При всяком же другом толковании трудно было бы объяснить, почему в Апокалипсическом приветствии не упомянуто о Св. Духе.

Такое понимание выражения «седмь духов» согласно не только со всеми местами Писания, в которых употребляется это выражение, как наприм. гл. 3, 1. 4, 5 и 5, 6, и которые не допускают другого толкования, но и подтверждается словами же Апокалипсиса в 5, 6.В этом месте читаем: «Агнец имел семь рогов, и семь очей, которые суть семь духов Божиих, посланных во всю землю». Семь рогов означают полную, всеобщую власть над всем, семь очей — совершеннейшую премудрость, и семь духов — всесовершеннейшего Духа, именно, как Он здесь называется, Духа *Божия*.

Совершенно согласно с этим и сказанное пророком Исаией в его предсказании о Духе Божием, Которого он изображает в седми следующих свойствах, говоря: «и почиет на Нем, то есть Спасителе Иисусе Христе, Дух Божий, Дух премудрости и разума, Дух совета и крепости, Дух ведения и благочестия, и исполнит Его Дух страха Божия» (Ис, 11, 2). Здесь мы так же имеем семь духов в одном Духе, Которым помазан был Иисус Христос; и это — помазание или «полнота Божества», о которой говорит Апостол, что она обитает во Христе телесно (Кол. 2, 9). В пророческих словах Исаии мы имеем как бы перечисленными или в отдельности упомянутыми те семь духов, которые, как всякого рода духи или дарования, но однако только как один Дух, посылаются «во всю землю».

Что же касается того, что Дух Божий изображается во множественном и именно седмиричном числе, то это для того, чтобы показать множественность Его дарований, а так же и различие Его служений и действий; они столько различны, сколько нуждаются в них люди, и столько разнообразны, сколько это потребно для Церкви Божией. «Семь», как множественное число, означает Святаго Духа отнюдь не по Его существу, Его лицу или Его природе; но указывает только различие Его служений и дарований (1 Кор. 12, 4-11).

Из сказанного очевидна ошибочность мнений, по которым под «семью духами» разумеют или семь Ангелов, или семь основных форм откровения Иисуса Христа, семь очей или семь свойств Иисуса Христа. Нигде Ангелы не поставляются в такое положение между Отцом и Сыном, как в этом; и меньше всего это могло быть здесь, где Отец и Сын молитвенно призываются, как источники благодати и мира для людей, что нельзя относить к Ангелам. Хотя Ангелы в св. Писании и называются духами, но нигде они не называются «Духами *Божиими*» (4, 5); потому что выражение «Дух Божий» заключает в себе понятие Божества и употребляется только в приложении к Св. Духу, и никогда к Ангелам или к другим каким-либо тварям. Достойно так же замечания, что хотя неоднократно упоминаются эти «семь духов», но нигде о *них* не говорится, чтобы они поклонялись Богу, или Агнцу, а это сказано об Ангелах, о четырех зверях (живых существах) и двадцати четырех старцах (Апок. 5).

Нам остается только еще объяснить слова «находящихся пред престолом Его». Если здесь под «семью духами» нужно разуметь Духа Божия, то следовало бы ожидать, что Он будет изображен находящимся не *пред* престолом, но на самом престоле. Но мы знаем, например, что Иисус Христос сидит на престоле Божием, как неоднократно читаем это в св. Писании; но мы читаем так же о Нем, что Он в одно время не сидел на престоле; побиваемый камнями, св. первомученик Стефан воскликнул: «вот я вижу небеса отверстыя и Сына человеческого, *стоящего* одесную Бога» (Деян. 7, 55). Но как это стояние или возстание с престола Господа Иисуса в минуту мученической кончины Его верного

свидетеля прекрасно изображает то величайшее участие, какое Иисус Христос показал Своему рабу, вставши с престола, чтобы укрепить его и потом принять к Себе, так и это изображение Св. Духа, «находящегося пред престолом», показывает, что Он будет послан и уже готов идти «во всю землю» и быть «иным утешителем» для верующих в Сына Божия. Стояние Духа Божия пред престолом отнюдь не означает здесь Его подчинения, так же как и выражение об Иисусе Христе, что Отец *послал* Его совершить дело искупления (Воскр. Чт. 1876 г. II. 1-3).

Толкование на ст. 5, *А. Жданова.* Непосредственно после семи духов подателем благодати и мира именуется Иисус Христос: *и от Иисуса, (иже есть) свидетель верный, первенец из мертвых, и князь царей земных* (ст. 5).

1) *Свидетель верный.* Слово μαρτυζ (*свидетель*) вообще, в употреблении у светских греческих писателей обозначает лицо, присутствующее при совершении какого-либо события, а также дающее показание об этом, преимущественно на суде. В языке писателей священных, и особенно новозаветных, оно нашло самое широкое применение и получило специальный, одному священному языку свойственный, так сказать, технический смысл. Оно прилагается: а) к пророкам, провозвестникам воли Божией (Апок. 11, 3; ср. 19, 10; Ин. 1, 7-8; 5, 33); б) — к Апостолам, не только как очевидцам жизни, деятельности и страданий Иисуса Христа (1 Петра. 5, 1), слушателям Его учения, но, главным образом, как проповедникам Евангелия (См. Лк. 24, 28; Дн. 1, 8; 2 32; 3, 15; 5, 32 и мн. др.); в) — к исповедникам, запечатлевшим свою принадлежность к церкви Христовой страданиями и смертью за имя Христово.

Термин μαρτυζ в самом широком смысле, во всех его многосодержательных значениях, приложим к Иисусу Христу, потому что Его служение объемлет в несравненной и преизбыточествующей мере служение пророков, Апостолов и исповедников. Иисус Христос есть δ μαρτυζ по преимуществу, единственный и совершеннейший, свидетельство Которого придает значение, смысл и цену свидетельствам Его служителей (σουλοζ) и последователей — Апостолов, пророков и мучеников.

Прилагательное «верный» (πιστοζ), присоединяемое в виде приложения с членом δ, дает очень важный оттенок речи писателя: оно сосредоточивает всю силу выражения на последней стороне служения Христова (мученичество, исповедничество). Во 2, 13 пострадавший за Христа мученик Антипа называется также о μαρτυζ, δ πιστοζ, не потому, δ πιστοζ, что истинны те убеждения, за которые он пролил кровь свою (это само собою разумеется), а потому, что он остался верен им и Христу до смерти. Равным образом и здесь: Иоанн Богослов не на то обращает внимание, что Христос был провозвестником истины, а на то, что Он умер исповедником ее (ср. 17, 6), и крестная смерть Его есть высшее завершение Его апостольской и пророческой миссии.

2) *Первенец из мертвых.* — Вкусив вольную смерть за грехи ветхого человека, Иисус Христос тем самым сопричислил Себя к бесчисленному множеству умирающих от века; но как Святый Божий, Он первый не видел тления (Дн. 2, 24); в Своем воскресении Он как бы вторично родился и положил начало новой благодатной жизни, стал вторым Адамом, родоначальником нового возрожденного человечества (1 Кор. 15, 45). В это смысле Он есть *первенец из мертвых* (ср. 1 Кор. 15, 20; Колосс. 1, 18).

3) *Князь* (русск. владыка) *царей земных.* Это второе (тесно связанное с первым) следствие крестного свидетельства Христова по отношению к Нему — облечение высшей царственной властию над всеми владыками земли. В Ветхом Завете устами пророков Бог возвещал о Мессии: «Я сделаю Его первенцем, превыше царей земных» (Пс. 88, 28); «дам народы в наследие (Ему) и пределы земли во владение» (Пс. 2, 8-9; ср. Дан. 7, 14; Ис. 9, 6-7 и д.). В Новом Завете ветхозаветные пророчества исполнились: Иисус Христос, доблестно отвергнувший все царства мира и славу их, предлагаемые князем тьмы, (Мф. 4, 8-10), всемогущею десницею Бога Отца посажден одесную Его по воскресении и вознесении, превыше всякого начальства и власти и силы и господства (Еф. 1, 21), как глава всякого начальства и власти (Кол. 2, 10; ср. Филипп. 2, 8-10), и, согласно книге Откровения, как Господь господствующих и Царь царей, ведет борьбу с враждебными Ему властителями, противниками власти Бога и Христа Его (Апок. 17, 14; 19, 16).

Тремя указанными предикатами, прилагаемыми ап. Иоанном к имени Иисуса Христа, исчерпывается вся полнота содержания, обозначаемого им; в них истолковывается, как выше по отношению к имени Иеговы, значение имени Иисус (Спаситель) и приложения к нему Христос (помазанник); словами ὁ μαρτυς, ὁ πιστος обнимается вся история умаленного, уничиженного состояния Мессии; в словах ὁ πρωτοτοκος των νεκρων и ὁ αρχων των βασιλεων и пр. содержится указание на Его прославление по воскресении: как ὁ πρωτοτοκος των νεκρων Христос — Владыка над умершими, так ὁ αρχων των βασιλεων της γης — Владыка над живыми (Рим. 14,9), облеченный, таким образом, всякою властью и на небе и на земле (Мф. 28, 18).

г) Славословие (ст. 5). *Любящу ны, и омывшу нас от грех наших кровию Своею: И сотворил есть нас цари и иереи Богу и Отцу Своему: Тому слава и держава во веки веков, аминь.* Благословение ап. Иоанн произносил от лица Триединого Бога, а славословие имеет своим предметом одного Иисуса Христа, потому что Ему собственно принадлежит откровение (1, 1; 22, 16), Он обращается с увещаниями к семи Церквам (гл. 2 и 3), как Судия и Владыка их, Он же снимает печати книги откровения (5 гл. и др.), ведет победоносную борьбу со зверем, лжепророком и сатаною (19 гл.), является, наконец, Судиею всего человечества (20 гл., ср. 1, 7) и воцаряется в небесном Иерусалиме (21 гл.); вся книга прямо и косвенно с начала до конца изображает прославление Богом и Отцом Агнца, а чрез Него и с Ним верующих в Него.

В славословии Иисусу Христу выражаются те же мысли, которые содержатся в рассмотренных предикатах Его, употребленных в благословении: различие заключается лишь в том, что в благословении сила выражения сосредоточивается на высоком достоинстве и значении лица Богочеловека, а в славословии — на Его заслугах и благодеяниях по отношению к верующим.

Определение лица Иисуса Христа в славословии представляют, как и в благословении трехчленный ряд, отдельные члены которого имеют также тесную прагматическую связь между собой (τῷ αγαπῶντι — любовь, λυσαντι — искупление крестною смертию, και εποιησεν βασιλειαν — прославление) и в целом вполне соответствуют эпитетам Христа в благословении (ὁ μαρτυς — крестная смерть, ὁ πρωτοτοκος — воскресение, ὁ αρχων — слава).

Итак, Иисус Христос прославляется за то, что Он, по любви Своей к роду человеческому (τῷ αγαπῶντι), искупил, освободил его от грехов кровью Своею. Сила греха представляется как бы узами, связующими человечество, или темницею, лишающею его свободы (ср. Римл. 5, 21; 6; 12, 18, 20, 23). Воскресший Спаситель растерзал адские узы, связующие людей законом греха, и, как Первенец из мертвых, второй Адам, основал на месте царства греха, рабства и смерти новое царство — святости, свободы и жизни (Чт. в Общ. 1890 г. Сент. стр. 268).

Толкование на ст. 6. *Сотворил есть нас цари — Богу и Отцу своему.* Чтобы уразуметь это царственное достоинство христианина, взойдем мыслию к высокому небесному званию. Известно, что в слове Божием сравнивается это звание с достоинством царским, верующие называются сынами и наследниками Царствия (Матф. 13, 38. Иак. 2, 5); побеждающим обещается сидение на престоле вместе с Иисусом Христом (Апок. 3, 21). На какую это славу, власть и силу указывает нам слово Божие? Какая честь и власть для человека там, где будет *Бог всяческая во всех* (1 Кор. 15, 28), где Ему единому будут воздаваемы от всех честь и слава во веки веков? И над кем царствовать там человеку? против каких врагов оказывать силу? Врагов там нет; и последний враг — смерть там уже не существует (Кор. 15, 54). Там полное торжество добра над злом, жизни над смертью, духа над плотью. Но это самое и выше всякой чести, силы и власти. — Какое здесь добро без зла? Какой победитель выше смерти? Какой властелин не имеет слабостей плоти? — Там *Бог всяческая во всех.* Но потому-то и высок будет человек, что в нем воссияет совершенный образ Божий; потому покорны ему будут все силы естества, что воля его будет всесовершенно покоиться во всесвятой воле Вседержителя. Впрочем, что сказано об этом более? *Не у явися,* говорит Апостол Иоанн, *что будем: вемы же, яко егда явится, подобни*

Ему будем (1 Иоан. 3, 2), — Ему, Которому *дадеся всяка власть на небеси и на земли* (Матф. 28, 18).

Если же столь несказанно велика будущая слава рабов Божиих, то не должны ли сиять в них и здесь признаки Царства небесного? Так, скажут нам, добродетель христианская в существе своем есть высокая сила, царственная: но может ли она царскую силу свою являть видимо в каждом? — О если бы она была в каждом! тогда все увидели бы царскую силу и власть ее. Возьмем в пример любовь христианскую. Не напрасно называется закон любви *законом царским* (Иоан. 2, 8). О, если бы этот один закон сохраняли все! «Если бы», говорит св. Златоуст, «любовь везде обреталася преизбыточно, какие бы проистекали бы блага! Не было бы нужды ни в законах, ни в судилищах, ни в наказаниях. Если бы все любили и были любимы: никто бы не обижал ничем никого, но и убийства, и брани, и междоусобия, и хищения, и лихоимства, и вся злая истребилися бы». Таковы царския действия любви! Желаете знать, какую дает она силу тем, кого соединяет? — «Где любовь, — привожу опять слова Златоустаго, — там един бывает множествен: если бо единодушны будут два или десять, уже един не един есть, но каждый из них бывает десятерократным, и обрящешь в десяти единого, и в едином десять». Что ж, если их тысячи? В каждом найдешь силу тысяч. И что еще? В каждом любящем найдешь и силу Божию всемогущую: *ибо пребываяй в любви в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает* (1 Иоан. 4, 16). Этого, кажется, довольно, чтоб уразуметь, какая царственная сила христианина. Обратимся к другому высокому свойству его. *Сотворил есть нас — иереи Богу и Отцу Своему.*

Чрез грех человек лишился права приступать к престолу благодати; Святое Святых небесное сделалось для него недоступным, — что и изображал Ветхий Завет, возбраняя вход в земное Святое Святых всем, кроме одного первосвященника: ибо это значило, по замечанию Апостола, что *не у явися святых путь, еще первей скинии имущей стояние* (Евр. 9, 8). Но когда великий Архиерей, прошедый небеса, Священник во век по чину Мелхиседекову, то есть и Царь и Священник (Евр. 7, 17), принес за всех великую жертву

Свою, тогда отверзлось для всех верующих в Него Святое Святых небесное: это, между прочим, означало, во время смерти Господней, и раздрание завесы, скрывавшей во храме Святое Святых (Мат. 25, 51). Теперь все мы, говорит Апостол, *имеем дерзновение входити во святая кровию Иисус Христовою, путем новым и живым* (Евр. 10, 19). Теперь приступили мы *к Сионстей горе, и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному, и тьмам Ангелов, торжеству Церкви первородных, на небесех написанных* (Евр. 12, 22, 23). Таково теперь священное звание христианина: ему даровано духовное священство пред Богом. Не таково ли было и первоначальное назначение человека, до его падения? Ему надлежало быть священнодействующим пред Богом, надлежало возносить от себя и от всех тварей чистую жертву хвалы и благодарения общему всех Создателю. Такую же, конечно, жертву будут возносить избранные Божии и там, со тьмами Ангелов, во граде Бога живаго, Иерусалиме небесном.

Что же здесь? и здесь, говорит Ап. Петр, вы *яко камение живо зиждитеся в храм духовен, святительство свято возносите жертвы духовны, благоприятны Богови Иисус Христом.* Но здесь, кроме жертвы хвалы и благодарения, требуются от христианина и другие жертвы Богу. Вот как рассуждает о сем вселенский учитель, св. Златоустый. В одной беседе своей, он, исчислив различные жертвы Ветхозаветные, говорит, что на место всех их в Новом Завете установлена одна жертва Христова. Но присовокупляет: «имеем и мы в себе самих различные жертвы, не те, которые совершаются по закону, а те, которые приличны Благодати евангельской». Таких жертв исчисляет он до 10-ти видов: таковы, кроме жертвы Евхаристии, жертва мученическая (Римл. 12, 1), то есть принесение тела или жизни в жертву Богу, жертва молитвы (Псал. 140, 2), жертва воскликновения (Псал. 26, 6), или славословия, жертва правды (Псал. 4, 6), — милостыни (Иак. 1, 27), хвалы (Псал. 49, 14), проповедания (Римл. 15, 16), или благовествования Христова, особенно такова жертва сокрушения духа и смирения (Псал. 50, 18). Действительно, если любовь христианская имеет свойство царское, то свойство священства духовного

преимущественно выражается другой главной добродетелью христианской — смирением и самоотвержением, — добродетелью, которая творит из всего существа нашего жертву, благоугодную Богови, которая освящает и все прочие добродетели.

Таково царское достоинство, и таково духовное священство истинного христианина. И вот для этого царства и священства духовного установлены царство и священство видимые. Для чего Господь *полагает помощь на сильнаго* (Псал. 88, 20)? Для того, да каждый из нас обретает готовую помощь в нуждах. Да обретает сама Церковь помощь против врагов своих видимых, и *да все тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте* (1 Тим. 2, 2). Для чего *возносит Господь избранного от людей Своих?* Дабы тем удобнее было возноситься всем избранным Божиим от царства земного к царству небесному. Для чего установлено священство? *К совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова* (Еф. 4, 12); для того, чтобы все желающие находили готовое посвящение себе в недрах Церкви, чтоб знали правильный чин служения Богу, чтоб все чада Церкви составляли едино тело Христово, одно освященное царство Божие. Так происходит род *истинно избранный, Царское священие, язык святый, люди обновления* (1 Петр. 2, 9). Но царство и священство видимые не предоставлены всем и каждому. Как один Бог *поставляет Царей, владеет Вышний царством человеческим и емуже восхощет даст е* (Дан. 4, 14); так *никтоже сам себе приемлет честь священства, но званный от Бога, якоже и Аарон* (Евр. 5, 9). (Воскр. Чт. ч. II, стр. 320-323).

Указание на главное, основное событие Откровения (ст. 7-8). Ст. 7. *Се грядет со облаки, и узрит Его всяко око, и иже Его прободоша и плач сотворят о Нем вся колена земная. Ей, аминь.* Ἰδοὺ, (се, вот), показывает, что в дальнейших словах заключается важная мысль, на которую читатель должен обратить все свое внимание (ср. 16, 15). Ἔρχεται — разумеется Иисус Христос, к Которому относилось славословие предшествующего стиха. Форма настоящего времени выражает уверенность писателя в наступлении действия. Μετα τῶν νεφελῶν — с облаками, окруженный облаками (ср. Дан. 7, 13, Марка 14, 62). В ветхозаветной символике облако служит выражением небесной славы, величия и могущества (Исх. 24, 15-16; 40, 24; ср. 3 Ц. 8, 10-11; 2. Паралип. 7, 1); грозная, мрачная туча есть символ гнева и ярости Иеговы, Который шествует на ней, как Царь неба против врагов (Псал. 96, 2, 3-4; ср. Пс. 103, 3). Как Судия, немедленно приводящий в исполнение Свои решения, Господь грядет на Египет, восседая на облаке легком (Исаии 19, 9). В книге у Даниила (7, 13-14) Мессия, Которому «дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему, шествует с облаками — μετα τῶν νεφελῶν. В позднейшей иудейской письменности Мессия получает наименование анани — облачный или бар — нивли — Сын облака. — Тот же образ представления удерживается и в Новом Завете: слава Божия в виде облака светлого осеняет гору преображения (Мф. 17, 5; Мрк. 9, 7; Лк. 9, 34-35); по изображению Самого Иисуса Христа, Он приидет на всеобщий суд на облаках небесных (Мф. 24, 30; Мрк. 14, 62; Лк. 21, 27). Таким образом, ερχεται μετα τῶν νεφελῶν выражает мысль о славном пришествии Христа, Царя, Владыки и Судии всего мира. Μετα ϖεφελῶν указывает не на то только, что Он приидет с целью суда или на славу, величие Его пришествия, но на то и другое вместе, как это можно видеть из параллельных мест, изображающих второе пришествие Господа (напр. Мф. 25, 31).

И узрит Его всяко око. В этих словах слава второго пришествия Господа противополагается уничижению первого: если в первый раз Иисуса Христа не признал даже избранный народ Божий (Иоан. 1, 11), то во втором пришествии Его увидят все (παζ οφθαλμοζ), не только верующие, но и неверующие, не исключая и иудеев και οιτινεζ αυτον εξεκεντησαν. Последнее выражение с подразумеваемым οφονται, имеет отношение к 19, 37 Евангелия от Иоанна — οφονται εισ ον εξεκεντησαν, а вместе с ним к пророчеству Захарии 12, 10.

В словах — *и плач сотворят о Нем вся колена земная* — αι φυλαι нужно относить не к «коленам» (слав.) израильского народа, как бы следовало, согласно пророчеству Захарии, но по Мф. 24, 30 к народам всей вселенной. Φυλη от φυω —

племя, род, общество людей, связанных единством происхождения, ср. Быт. 10, 32 по LXX, где αι φυλαι = евр. мишпахот. — κοψονται. κοπτεσθαι буквально означает «бить себя в лицо, грудь, голову», «биться, убиваться» и употребляется для выражения крайней степени скорби, горя или отчаяния. См. Лк. 8, 52; 23, 27; Апок. 18,9 и др. В Апокалипсисе оно встречается дважды с предлогом επι (1, 7 и 18, 9), указывающим на предмет, который служит причиною скорби и горя. Здесь причина скорби — Иисус Христос, пришествие Которого поразит страхом все враждебные Ему народы и племена земные; они будут *плакать* — κοψονται, но это не будут благотворные слезы радости или раскаяния; это — слезы и скорбь бессильной злобы и отчаяния после бесплодной и безуспешной борьбы с царством Мессии и после жестоких казней гнева Божия (См. гл. 16 и д., ср. 6, 15-17; гл. 19). (Чт. в Общ. 1890 г. сент. стр. 287).

Алфа и Омега. (Ст. 8). *Прот. Дебольского. Алфа и Омега* означают начало и конец, потому что на греческом языке, на котором Дух Святый даровал Новый Завет, алфа есть первая, а омега последняя буква в азбуке; тогда как в нашем алфавите первая и последняя буквы: аз или а и ѵ.

В Священном Писании алфою и омегою называется Христос Спаситель 1) по Своему *Божеству и Божественным совершенствам.* Как прежде алфы нет буквы и в алфавите; так первее Христа нет иного Бога. Христос есть *начало* без начала, и при том так, что не было времени, когда бы Его не было. Он *прежде всех, и всяческая в Нем состоятся* (Кол. 1, 17. Псал. 89, 2). И как омега есть последняя буква; так и после Христа нет никого и притом невозможно, чтобы Он когда-либо перестал существовать. *Глаголет Господь Бог: Да уразумеете, яко Аз есмь, прежде Мене не бысть ин Бог, и по Мне не будет* (Ис. 43, 12). Как алфа и омега объемлют собою прочие буквы; так и Христос совокупляет в Себе все совершенства в высочайшей степени. Посему Христос преимущественно есть алфа и омега по свойственной Ему *вечности* (Псал. 71, 5, 12, 26. Евр. 7, 3), и по единству *божественного естества* (Ис. 44, 6, 45, 5, 14). Ибо Бог во Св. Троице, или в трех лицах, един по существу (Втор. 4, 35, 32, 39. 1 Кор. 8, 4)

2) *По отношению к тварям.* Как вечный единый Бог и Господь, Христос есть *начало* всех тварей, потому что Он а) все создал и всему дал действительность и преемственное продолжение бытия (Ис. 48, 13. Псал. 3, 29-30), и в этом отношении Он Сам именуется началом создания Божия (Ап. 3, 14. Иоан. 1, 1-4); и потому, б) что все искупил и соделал блаженным (Деян. 4, 12. Евр. 12, 2), — искупил не в том смысле, как Творец, Который все создал, а в том, что, будучи Творцом всего, Он искупил нас, человеков, от праведного гнева Божия, и, как Богочеловек, действительно примирил с Ним. Христос есть также и *конец* всех тварей или последняя конечная цель. *Все создано Им и для Него* (Кол. 1, 16. Рим. 11, 36). Он есть цель врожденного, бесконечного стремления людей. Все, которые на своем поприще являются, как хорошие деятели и подвижники, находят в Нем вечный покой души и приобретают неувядаемый венец победы. Христос есть завершитель всего; всех ведет к вожделенному концу и к собственной славе. Но с достижением последней цели Он ни Сам не перестает быть, ни то, что Он доводит до совершенства, не уничтожается, а пребывает в вечной славе.

3) *По отношению к Священному Писанию,* Христос есть *начало* Священного Писания, не потому только, что Он есть начало всех вещей, а потому, что Ветхий Завет (Быт. 1, 3. 3, 15) и Новый (Мат. 1, 1. Иоан. 1, 18. 1 Петр. 1, 10-11) начинается Христом. Он есть *предмет, корень* и *зерно* заветов, потому что Писание о Нем свидетельствует (Иоан. 5, 39. Псал. 2, 2. Деян. 10, 43). Он есть и *конец* Писания. Им оканчивается Ветхий (Мал. 4, 2. 5, 6) и Новый Завет (Апок. 22, 13), и, кроме того, Христос есть последняя цель всего Священного Писания (Иоан. 20, 31). *Аз есмь алфа и омега, начаток и конец,* глаголет Господь (Ап. 1, 8. 21, 6). *Аз есмь алфа и омега, первый и последний* (Ап. 1, 2. 22, 13). (Стран. 1867 г. Янв. стр. 21-22).

Б. Видение Господа посреди семи светильников (9-20). После Апостольского приветствия и пророческого утешения ап. Иоанн в подробностях передает явление Иисуса Христа, возложившего на него обязанность возвестить волю Божию семи Азийским Церквам, а, предварительно, сообщает и

исторические обстоятельства, при которых он сподобился получить Откровение Господа.

Остров Патмос. *Норова. «Аз Иоанн, иже и брат ваш и общник в печали и во царствии и в терпении Иисус Христове, бых на острове, нарицаемом Патмос, за слово Божие и за свидетельство Иисус Христово».* (1, 9). Патмос — это дикая скала, отброшенная в море от цветущего берега Малой Азии, и откуда Божественный Иоанн прозревал в вечность. Он оставался в совершенном забвении до того времени, когда император Домициан начал посылать туда изгнанников. Его называют только Плиний и Стравон. В толпе ссыльных, которые вменяли себе за величайшее злосчастие удаление от царственного Рима, — и, с отчаянием в сердце, ступали на этот бесплодный берег, — явился некогда, по суду Кесаря, в конце его царствования, ссыльный, маститый старец, изнуренный претерпенными им мучениями. Этот старец был Иоанн, которого Епарх Азийский за проповедь слова Божия и свидетельство об Иисусе Христе послал в Рим к Кесарю. Но для Иоанна мрачный Патмос сделался тихим убежищем среди созерцательной жизни. Недугующие и беснуемые были им здесь исцеляемы, скорбные утешаемы; — он был им брат и общник в печали, по собственному его выражению. Здесь, восторженному духом, в день воскресный, явился ему Сын Божий, Альфа и Омега, посреди седми светильников, с седмью звездами в десной руке, изображавших седмь Церквей Азийских и их седмь Ангелов. Это явление Сына Божия любимому ученику Своему напоминает ответ Христа Спасителя Петру, когда он спросил Иисуса об Иоанне: *«Господи, сей-же что?»* Иисус сказал ему: *«аще хощу да той пребывает, дондеже прииду, что к тебе?... Изыде-же слово сие в братию, яко ученик той не умрет: и не рече ему Иисус, яко не умрет: но аще хощу тому пребывати, дондеже прииду, что к тебе.* (Иоан. XXI, 21-23). В настоящее время Патмос представляется в виде двух огромных гор, соединенных узким перешейком. Вершина одной горы увенчана городом, носящим имя Патмоса, и среди которого возвышаются твердыни монастыря св. Иоанна. Рассеянные по ребрам крутых скал, другие селения кажутся готовыми низринуться в море. Зубчатые и изрытые глубокими расселинами скалы

показывают следы вулканического переворота. Едва кое-где видна самая тощая зелень на тонких слоях земли, которая превращается в мелкую пыль от раскаленных лучей солнца. Патмос, находящийся в числе Спорадских островов Эгейского моря, отстоит на 40 географических миль от берега Малой Азии и имеет 18 миль в окружности, не считая изгибов. Хотя по местам разведены небольшие фиговые, апельсиновые и виноградные сады, особенно в узкой долине, на западной части острова, но это не вознаграждает бесплодности острова. Со всем тем, он оживлен промышленностью жителей, которые на легких ладьях заходят даже в Черное море для нагрузки хлеба, а вино привозят преимущественно с острова Санторина. Население острова весьма малочисленно и едва доходит до 1000 человек. Жители все христиане. Архимандрит монастыря почитается владетелем острова, в котором Покок насчитал до 300 церквей, что не весьма вероятно. Жители занимаются большей частью мореходством. Гавани Патмоса знамениты своим удобством и безопасностью, особенно так называемая гавань Ла Скала, находящаяся пред городом Патмосом или Патино. Две небольшие живописные скалы высятся по обеим сторонам, при входе в эту тихую и обширную гавань. Вы выходите на самый тот берег, куда ступил ссыльный Иоанн. Подымаясь на крутизны, на половине пути от берега до той вершины, где находится город Патмос и огромный монастырь св. Иоанна, вы увидите на отдельно выдавшейся скале скромную церковь о двух куполах, выстроенную на том месте, где Иоанн имел Божественное откровение: туда ведет глубоко иссеченная в камне дорога. Часовня имеет не более как девять шагов в длину и пять в ширину, и накрыта искусно сведенным готическим сводом. Иконостас имеет по два местных образа с обеих сторон; над царскими дверьми видно большое распятие, достигающее почти до свода. Вправо от церкви открывается мрачная пещера, поддержанная посереди, при входе, толстою квадратною колонною. По сохранившемуся здесь преданию, в этой пещере св. Иоанн начертал Божественный Апокалипсис. Глубокая расселина видна на верху пещеры. Некоторые писатели утверждали, что самое Евангелие св. Иоанна писано

4 Зак. 445

им на острове Патмосе, но положительнейшие предания удостоверяют, что оно было писано в Ефесе; что, пред начатием сего великого дела, Иоанн и христиане ефесские всенародно приносили моления и постились. Повествуют, что Иоанн произнес первые слова своего Евангелия: «в начале бе Слово», вышед из глубокого вдохновения, и что они были сопровождены внезапным громовым ударом. Григорий Туронезский, причтенный латинскою церковью к лику святых, пишет, что в его время показывали на вершине одной из гор, прилежащих к Ефесу, место, на котором, по преданиям, Иоанн писал свое Благовествование; оно было ограждено четырьмя стенами, без покрыши; уверяли, что дождь никогда не окроплял этого места во все время, когда Апостол занят был своим Божественным трудом, и что даже впоследствии дождь никогда туда не падал. Подлинная рукопись Евангелия св. Иоанна долго сохранялась в Ефесе; на нее указывали в третьем, в четвертом веке, о чем свидетельствует св. Петр Александрийский по выписке, находящейся в хронике Александрийской. Все красоты Священного Писания соединены в Апокалипсисе. Несмотря на глубокие тайны, облекающие каждую страницу этой книги, и в которых мы, между прочим, усматриваем изображение Церкви Христовой, гонимой, торжествующей и обретшей вечный райский мир; несмотря, говорим мы, на эти тайны, которые в совокупности могут только разъясниться со вторым пришествием Спасителя, — чтение этих страниц проникает душу невыразимою сладостью, преисполняет ее величием Божиим и растворяет ее любовью Сына Божия к людям, простирающеюся за пределы вечности. Возле пещеры Апокалипсиса показывают каменную купель, в которой св. Апостол крестил некоторых язычников острова Патмоса. Гонение на христиан при Домициане началось в 95 году, когда Иоанн был сослан в Патмос. На следующий год, 18-го сентября, Домициан был убит через год после ссылки Иоанна. Император Нерва освободил всех ссыльных, и поэтому св. Евангелист возвратился в Ефес в феврале или марте 97-го года, из чего выходит, что его заточение продолжалось 18 месяцев. Викторин, епископ Патавский, и Примаций, епископ Африканский, пишут, что Иоанн был

употреблен в Патмосе на разработку руды; но следы этой руды потеряны. Монастырь св. Иоанна, венчающий самую высокую вершину горного Патмоса, господствует, как цитадель, над скромным городом. Вид с этой вершины обнимает обширный горизонт Эгейского моря с рассеянными по нему островами. Конечно, взоры Божественного Евангелиста часто устремлялись к столь близкому отсюда берегу Малой Азии, где он лелеял, как кокошь, птенцов своих — те семь Церквей, которых символ он видел на небе и за которые он предстательствовал пред Сыном Божиим, возвещая им Его глаголы, полные любви и суда.

«Иоанн, сын громов, возлюбленный Иисуса, столп всех церквей мира,имеющий ключи неба, приобщившийся чаши Христовой, крещенный Его крещеньем, возлегавший, с полной верой, на персях Господа», еще при жизни своей видел исполнение пророчеств над Иерусалимом, и Божественная душа его скорбно провидела судьбы семи Церквей Азийских! — (Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе. Стр. 293).

Толкование на ст. 10 — 18. *А. Жданова. Бых в дусе в день недельный.* Πνεῦμα не означает здесь личности Духа Святаго, как думают некоторые толкователи, это — особенное внутреннее состояние, которое возвышается над обычным течением психической жизни и делает человека способным к восприятию Откровения (См. 21, 10: «вознес меня в духе на великую и высокую гору»);в Деяниях оно неоднократно называется εκστασιζ (10, 10; 11, 5; 22, 18). Апостол Павел ясно различает (1 Кор. 14, 14 и д.) две сферы душевной жизни: а) γινεσθαι εν τῶ νῶ (ср. 2 Кор. 12, 2 и д.) и б) γινεσθαι εν πνευματι (или εν εαυτῶ в Дн. 12, 11). Первое обозначает обыкновенное состояние души, сопровождающееся полным самообладанием и самоощущением, второе имеет место тогда, когда человеческий дух при воздействии Духа Божия добровольно становится Его разумным орудием и погружается в таинственную область невидимого и сверхестественного, причем он до известной степени освобождается от связи с собственным телом (2 Кор. 12, 2 — 4) и вместе с тем от стесняющих ограничений пространства и времени (Ср. Суд. 11, 29; Числ 24, 2; Иезек. 1, 3; 3, 22; 37, 1; 11, 5).

Божественное вдохновение осенило Иоанна εν ετηαοριακη ημερα — в день Господень (слав. *недельный*, русск. «воскресный»).

И слышах за собою глас великий, яко трубы глаголющая. Громкий голос (φωνη μεγαλη), внезапно поразивший духовный слух Тайновидца, не был голосом Иисуса Христа (см. ст. 13 и д.); потому что в 4, 1 — этот же самый голос приглашает Иоанна взойти на небо для того, чтобы видеть престол Бога, и Агнца, стоящего пред Ним (4, 2 — 3; 5, 6 — 9), и, следовательно, он не принадлежит самому Агнцу — Христу. Всего естественнее — предполагать, что голос принадлежал или Ангелу откровения, упоминаемому в 1, 1, или же, что вероятнее, — как в 4, 1; 10, 4, 8, совсем не приурочивать к какому-либо определенному лицу, потому что Апостол в указанных местах только слышал голос, а самого лица говорящего не видел.

Иоанн слышит таинственный голос *сзади* себя. По представлению древне-еврейской символики «слово, говорящее позади» (Исаии. 30. 21), исходит из уст путеводителя, наставника, который указывает истинный и правый путь. Отсюда вероятно, что сзади говорит тот Богом посланный руководитель Иоанна, который, осеняя его крылами своими, возбуждал и направлял внимание Тайнозрителя, управлял его действиями, когда последний находился в сверхестественной области духа. Притом едва ли что другое может в одинаковой степени поразить человека, возбудить его внимание и довести его слух, а в особенности зрение до высшей степени напряжения, как неожиданный голос сзади (ср. Иезек. 3, 12).

Ст. 13. *И посреди седми светильников подобна Сыну человечу, облечена в подир, и препоясана при сосцу поясом златым.* Что явившийся изображал собою лицо Иисуса Христа, — это показывают стихи 17-го стиха: «Я есмь первый и последний» и 18-го: «и был мертв, и се, жив во веки веков»; тоже можно усматривать из символов 13 -16 стиха. Тем не менее должно полагать, что Тайнозритель описывает явление заместителя Христа, Ангела Христа, — подобно тому, как ветхозаветные писатели описывают явление Иеговы под образом Ангела Иеговы. Ясные указания на это заключаются

в начале и в конце книги Откровения. В 22, 16 читаем: Я, Иисус, послал Ангела Моего засвидетельствовать вам сие в церквах», и в 1, 1: «и Он, т. е. Иисус Христос, показал откровение, послав чрез Ангела Своего, рабу Своему Иоанну». Различая лицо Посылающего (Христа, Иеговы) от посылаемого (Ангела), мы, однако, не можем и не должны последовательно проводить сделанное различие в истолковании многих сюда относящихся мест св. Писания, в том числе и разбираемого: в исполнении посольства Ангел действует, говорит совершенно так же, как должно было бы говорить и действовать лицо пославшее, — является людям облеченный всеми свойствами и полномочиями Пославшего, прилагает к себе даже наименования Его. Поэтому все, описываемое с 13 стиха, должно относить к Господу Иисусу Христу и рассматривать явление это, как явление Самого Христа.

Облечена в подир. Ποδηρηζ есть собственно прилагательное (от πουζ и αρω) и означает «доходящий, спускающийся до ног» с подразумеваемым χιτων, εσθηζ, σποσυτηζ или στολη — длинная, широкая одежда, доходящая до нижней части ног. Подобного рода одежды у восточных народов были присвоены царям, вельможам, священникам, вообще лицам властным и знатным. Слово ποσηρηζ ближе всего соответствует двум еврейским терминам: 1) меиль — верхняя одежда первосвященников (Лев. 8, 7), царственных особ (1 Ц. 18, 4), а равным образом и пророков (1 Ц. 28, 14), и 2) баддим (Иезек. 10, 6; ср. Дан. 10, 5) — льняная длинная одежда, в которой часто являются небожители. Видение Даниила (в 10 главе) во многих подробностях вполне сходно с видением Иоанна; поэтому естественнее думать, что ποσηρηζ Иоанна — баддим Даниила, и что Иисус Христос явился ему не в первосвященнической одежде (голубой и украшенной колокольчиками и гранатовыми яблоками), а в царственном одеянии, белом и блестящем. Это подтверждается и дальнейшим описанием личности Христа.

Другим царственным украшением прославленного Господа служит златой пояс на груди: *препоясана при сосцу поясом златым.* Пояс первосвященника не был золотым, а был только лишь украшен золотым тканьем и шитьем (Исх.

28, 8; 39, 5). Следовательно, и ποσηρης не был первосвященническою одеждою (ср. 15, 6, где являются семь Ангелов, облеченные в чистую и светлую льняную одежду и опоясанные по персям золотыми поясами).

Пояс составлял необходимую принадлежность длинной и широкой восточной одежды. При путешествиях, физической работе, военных действиях, — обыкновенно подпоясывались немного выше бедер, по чреслам, вследствие чего нижний край одежды поднимался вверх и давал, таким образом, возможность производить быстрые и сильные движения. Люди занятые, рабочие — раб, воин, посланник — иначе и не подпоясывались. Поэтому в символике св. Писания пояс на чреслах указывает на служебное или зависимое положение.Напротив, невозмутимая важность и величественное спокойствие, с каким являлись восточные владыки (и жрецы) требовали медленных движений и внушительной осанки. Отсюда — пояс, опоясанный по персям, благодаря которому сама фигура казалась имеющей более внушительные размеры, а одежда, спускалась к ногам и драпировалась красивыми складками.

Таким образом, золотой пояс на груди составляет одно целое с ποσηρης и дополняет изображение царственного величия Иисуса Христа, а потому было бы излишней натяжкой придавать ему самостоятельное символическое значение. По Андрею и Арефе, напр., сосцы, опоясанные златым поясом, изображают два Завета, Ветхий и Новый, напаяющие духовным словесным млеком верующих чад Церкви; по Эбрарду грудной пояс есть символ чистоты и непорочности прославленного тела Христова, между тем как препоясание по чреслам разделяет тело на две половины — верхнюю, вместилище чувства и мышления, и нижнюю, седалище низших чувственных возбуждений, которые не свойственны прославленному Христу. — Эти второстепенные представления не имеют никакой существенной связи с ясным и простым главным образом и могут лишь усложнять и затемнять его.

Ст. 14. *Глава же Его и власи белы, аки ярина белая, якоже снег.* Истинный смысл разбираемого признака уясняется из снесения его с параллельным местом пр. Даниила 7, 9.

Даниил видел «Ветхого деньми, т. е. Господа Саваофа; одеяние на Нем было бело как снег, а волосы главы Его как чистая волна»; в этом виде Вечный явился как Судия: «поставлены были престолы, и возсел Ветхий деньми» (ст. 9); «судьи сели и раскрылись книги» (ст. 10); ниже подробно раскрывается предмет и последствия суда (ст. 11 и д.). Здесь образ понятен: 1) убеленная благолепными сединами глава наглядно изображает вечное, домирное бытие «Ветхого деньми»; 2) седины, принадлежность маститой старости, служат символом властного авторитета в судебных делах, потому что старцы у евреев, как и вообще на востоке, пользовались высоким уважением (Лев. 19, 32 и др.), имели право власти и суда (старейшины — зекеним. См. Второзак. 22, 15 и д.; 25, 7; Руфь 4, 2; Иуд. 10, 6; особ. Иова 29, 7 — 9, 12 — 18). В приложении к Иисусу Христу образ этот, очевидно, будет иметь одинаковое значение. Верность параллели подтверждается словами и действиями Господа в Апокалипсисе: 1) Он называет Себя вечным: «Я — первый и последний» (ст. 17; ср. 2, 8); 2) во 2 и 3 главах Он производит Свой праведный суд над Церквами, как их Глава и Владыка; в 19, 11 Иоанн видит Сына Божия сидящем на белом коне, — «и сидящий на нем называется Верный и Истинный, который *праведно судит*». Ср. 1. 7. Итак, Иисус Христос явился облеченный славой, которую имел Он до начала бытия мира (Ин. 17, 5), властью над всеми (Мф. 28, 18; Апок. 2, 27), и правами верховного Судии (Иоан. 5, 22).

Что сила выражения сосредоточена на понятии Судии, видно из дальнейших слов: *и очи Его яко пламень огнен.* (Ср. Дан. 10, 6: «очи Его, как горящие светильники)». Эта черта два раза повторяется и уясняется в самом Апокалипсисе. В 2, 18 Господь, изрекая строгий приговор негодным членам Фиатирской Церкви, называет Себя Сыном Божиим, «у Которого очи, как пламень огненный», и затем, в 23 стихе, говорит: «уразумеют все церкви, что Я есмь испытующий сердца и утробы». Подобным образом, и в 19, 11 — 21 Сын Божий, «Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует», имеет «очи как пламень огненный». Ясно, что «очи как пламень огненный» указывают на всеведение вечного Судии, пред Которым «наг ад и нет покрывала пагубе»

(Иова 26, 6; 1 Кор. 4, 5), Который «открывает глубокое и сокровенное и знает, что во мраке» (Дан. 2, 22).

Ст. 15. *И нозе Его подобни халколивану, якоже в пещи разжены: и глас Его яко глас вод мног.* Χαλκολιβανω — начало χαλκολιβανον, и означает драгоценный металлический сплав с огненно-красным или золотисто-желтым блеском. Πυρουν (вообще подвергать действию огня, зажигать, прокаливать) очень часто употребляется в применении к металлам и означает «очищать чрез огонь». Перевод всего сравнения должен быть сделан так:стопы Его подобны халколивану, как бы (ωζ в том же значении, как у Иоан. 1, 14) очищенному чрез огонь (или прокаленному) в горниле (ср. Иезек. 1, 26 — 27).

«Стопы, ноги» в св. символике означают орудие для борьбы с врагами, для низложения, попрания их. Как грозный мститель беззаконий Эдома, Иегова говорит о Себе: «Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною; и Я топтал их в гневе Моем и попирал их в ярости Моей (Ис. 63, 3; см. также ст. 6-й; ср. Апок. 14, 20; 19, 15); по пророчеству Малахии (4, 3) праведники некогда «будут попирать ногами нечестивых, ибо они будут прахом под стопами их»; небесный вестник, который явился пророку Даниилу и сообщил ему о борьбе своей с князем персидским (Дан. 10, 20) , имел руки и *ноги*, подобные блестящей меди (10, 6). Крепость и блеск металла, очищенного чрез огонь и не тронутого ржавчиной, обозначают несокрушимую силу (ср. Мих. 4, 13: «встань и молоти, дщерь Сиона: «ибо Я сделаю рог твой железным и копыта твои сделаю медными и сокрушишь многие народы»). Ср. Апок. 2, 23. Эта символическая принадлежность приличествует Христу, потому, что Ему, по словам ап. Павла (1 Кор. 15, 25), и надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои». Ср. Апок. 19, 11 — 21.

И глас Его яко глас вод мног. Вода многа означает всякую большую массу воды (Числ 20, 11; Иезек. 32, 13; Авв. 2, 14 и др.); здесь всего естественнее разуметь волны моря, омывавшего скалистые берега Патмоса; поэтому Иоанн для описания силы голоса не раз прибегает к этому сравнению (см. 14, 2; 19, 6; ср. 17, 1; 17, 15). Оно нередко встречается

и у ветхозаветных писателей; Иезек. 43, 2 — глас Иеговы, как шум вод многих; ср. 1, 24 о шуме крыльев четырех животных; 3 Ездры 6, 17. Громовой голос Иеговы есть синоним Его всемогущества; «глас Господень над водами», воспевает псалмопевец: «глас Господень силен, — сокрушает кедры, заставляет их скакать подобно тельцу, — Ливан и Сирион подобно молодому единорогу, — высекает пламя огня, потрясает пустыню, обнажает леса» (Пс. 28, 3 — 9). В связи с предыдущим сравнением (стопы подобны халколивану) рассматриваемая черта показывает, что Иисус Христос, царственный, облеченный правами Судии Владыка, располагает и всеми средствами к тому, чтобы исполнить Свои праведные определения: Он может попрать преступников, как виноградные гроздья в точиле ярости и гнева Божия (Апок. 19, 5) и поразить их всемогущим дыханием уст Своих (19, 21; ср. 2 Солом. 2, 8; Исаии 11, 4).

Ст. 16. «Он держал в деснице Своей седмь звезд»; слав. точнее: *и держа в руце Своей десней седмь звезд. И из уст Его меч обоюду остр изострен исходяй.* С этим атрибутом Иисус Христос открывает Себя Пергамской Церкви (2 гл.), увещевает некоторых членов оставить заблуждения николаитов и, в случае нераскаянности, угрожает прийти и сразиться с ними мечем уст Своих (ст. 12, ст. 16); тем же мечем уст Господь поражает народы (19, 15), царей земных и воинства их, которых зверь и лжепророк собрали для борьбы против Сына Божия и Церкви (19, 21). С губительным действием обоюдо-острого меча, легко пронзающего ткани тела и поражающего его важнейшие внутренние органы, св. писатели часто сравнивают действие человеческой речи — льстивых и злобных слов нечестивых (Пс. 56, 5; 58, 8; 64, 4; Иеремии 9, 8 и др.), злой жены (Притч. 5, 4) и под.; это — с отрицательной стороны, — со стороны положительной рассматриваемое сравнение прилагается к грозным и гневным обличениям пророков (Осии 6, 5) и особенно к сильным и действенным глаголам Божиим (Ефес. 6, 17; Евр. 4, 12; Прем. 18, 15-16; Ср. Ис. 11, 4; 49, 2).

И лице Его якоже солнце сияет в силе своей. Οφιζ в русском и славянском передается словом «лице», но так, как в других

местах Апокалипсиса везде употребляется προσποων в значении лица (см. напр., 10, 1); то многие толкователи понимают οψιζ в смысле «общий вид, наружность». В том и другом случае смысл символа остается неизменным: лик, или вид Христа, сияющий как солнце, когда оно достигает полноты своего блеска, есть образ неизреченной славы Его, как Сына Божия, Солнца правды (ср. Мф. 17, 2).

В дальнейших словах 17 и 18 стихов Иисус Христос, прямо открывая Иоанну Свое Божественное и Богочеловеческое достоинство, тем самым, во-первых: устраняет все причины страха Тайновидца, пораженного таинственным видением, во-вторых, дает ключ к уразумению всех предшествующих символических образов, и в-третьих, дополняет их новыми определениями Своей личности, для которых язык символов не представлял соответствующих выражений.

Ст. 18. *И живый, и бых мертв, и се жив есмь во веки веков, аминь: и имам ключи ада и смерти.* καὶ ὁ ζῶν и *живый* — новое определение Божественной природы Христа. O ζῶν (евр. хай) в Ветхом и Новом Завете очень часто употребляется как эпитет Иеговы (Иис. Нав. 3, 10; 1 Ц. 17, 26, 36; Пс. 41, 3 и др.; Матф. 16, 16; 26, 63; Иоан. 6, 57, 59; Деян. 14, 15; 2 Кор. 3, 3; 6, 16; 1 Сол. 1, 9 и мн. др. Апок. 4, 9, 10; 5, 14; 7, 2; 10, 6; 15, 7).

Это наименование Иегова, Бог Израилев, усвояет Себе в противоположность бездушным, мертвым богам языческих народов (Второз. 32, 37-40). Как «живый — Он непрестанно обнаруживает Свою Божественную деятельность в истории мира, бодрствует и промышляет о человеке (отсюда клятвенная формула «жив Господь» — см. напр., 3 Цар. 22, 14; 4 Цар. 2, 4), «избавляет и спасает, умерщвляет и оживляет, поражает и исцеляет, совершает чудеса и знамения на небе и на земле» (Деян. 6, 26-27; Второз. 32, 39). Таким образом, как ὁ ζῶν, Бог есть Владыка жизни и смерти (ср. Пс. 103, 27-30, Деян. 17, 25).

Тройственный ряд определений лица Иисуса Христа — *первый, последний, живый* — выражает и обнимает всю полноту принадлежащей Ему Божественной жизни: πρωτῶν служит конкретным выражением предвечного, домирного

бытия, всего прошедшего до сотворения мира, εσχατοζ обозначает будущее, ὁ ζῶν связует и то, и другое в одно вечно пребывающее настоящее.

И был мертв, и се жив есмь во веки веков. Наименование ὁ ζῶν, характеризуя Божественную природу Христа, простирается и на человеческую сторону Его личности, потому что вследствие преискреннего единения с Божеством Его человеческое естество сделалось причастным Божественных свойств. Христос однажды умер (ср. Деян. 13, 34; Римл. 6, 9-10) по человечеству, но по воскресении из мертвых «уже не умирает, смерть уже не имеет над Ним власти» (Римл. 6, 9); как Богочеловек, первенец из мертвых, Он Сам становится вечным источником жизни и возрождения (Иоан. 6, 35, 48; 10, 28; 11, 25; 14, 6; 1 Иоан. 1, 2; 5, 20, Римл. 5, 23 и мн. др.).

С понятием о Божественной природе Иисуса Христа и искупительных заслугах Его, как Богочеловека, связуется Его власть над смертию и адом: *и имам ключи ада и смерти.*

Обладание ключами (ср. Мф. 16, 19: ключи царствия, Лк. 11, 52: ключ разумения; Апок. 9, 1: ключ кладезя бездны; Апок. 20, 1: ключ бездны) есть символ полной власти над известною областью с правом открывать и закрывать доступ в нее. Ад в св. Писании часто изображается в виде темницы или крепости с воротами и запорами (Псал. 9, 14; 106, 18; ср. Петра 3, 19), а смерть телесная, которая отверзает душе человека, неомытого кровию Христа, врата адовы (шеол — Пс. 88, 48-49), сама у прор. Исаии называется «вратами ада», «вратами преисподней» (Ис. 38, 10). Отсюда — образ «ключи смерти и ада».

Иисус Христос, Своею смертию победивший диавола, отнял у него власть над смертию (Евр. 2, 14) и адом, с которою связаны права верховного Судии над людьми: «Отец дал Сыну власть производить и суд» Иоан. 5, 27; ср. 22, 21), «и наступит время, когда все находящиеся в гробах услышат глас Сына Божия, и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения» (ст. 28-29). В этих словах Евангелия светит та же идея, которая проникает все изображение Христа в Апокалипсисе и соединяет в одно целое символы 13-16 стихов и слова Господа в 17-18 стихах.

Открыв Себя тайновидцу во всей полноте величия и власти, Христос приступает к отправлению Своего праведного суда, дает повеление Иоанну записать определения Свои и объясняет новые, никогда ранее не употреблявшиеся символы (ст. 20). (Чт. в Общ. 1890 г. сент. стр. 310).

Ангелы хранители Церквей (ст. 20). По учению св. Писания, престол Господа Вседержителя на Небеси окружают сонмы светлых духов, Архангелов и Ангелов, славословящих непрестанно Господа (Апок. 4, 8). А св. Церковь верует, что и места селения славы Божией на земле не лишены присутствия и осенения светлых духов, и что каждый из наших храмов имеет своих небесных предстателей, стражей и охранителей.

Еще в Ветхом Завете места особенных Богоявлений патриархам служили местом особенного явления и светлых духов на земле. Так, над алтарем, на котором вознесен был Исаак на жертву, явился Ангел, удержавший руку Авраама от заклания и изрекший благословения ему (Быт. 22, 11, 15). Иаков на пути в Месопотамию останавливается в Вефиле, (где впоследствии создан им жертвенник) и видит Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих над местом будущего алтаря (Быт. 28, 12). Во все время странствования сынов Израилевых в пустыне, *Ангел Божий ходяй пред полком* (Исх. 14, 19) зрим был над скиниею, днем — в виде облачного столпа, а ночью — в виде огненного (Исх. 40, 38). Давиду, над местом будущего алтаря в храме иерусалимском, явился Ангел, указавший ему, по мнению некоторых, то самое место, на котором прообразовательно вознесен был Исаак на жертву (2 Цар. 24, 16, 25). В позднейшие века иудейской истории — во времена Маккавейские, когда сирский военачальник Илиодор, влекомый корыстолюбием, простер руку свою на сокровища храма иерусалимского, и, несмотря на убеждения и слезы первосвященника Онии, вошел в храм с толпою воинов, явление грозных Ангелов в виде светлых юношей, готовых поразить святотатца, повергло его бесчувственным во вратах святилища (2 Макк. 3, 25, 26). Это явление показало всем язычникам, что, беззащитный, по-видимому, алтарь истинного Бога имеет своих невидимых охранителей и заступников.

Если же ветхозаветные святилища, в которых была только тень грядущих благ (Евр. 10, 1), осеняемы были присутствием небесных сил; то тем несомненнее должно веровать, что не лишены сего осенения и охранения храмы, в которых видимо является Сам Владыка Ангелов и человеков в таинстве Св. Евхаристии. К сему верованию руководствует нас св. Евангелист Иоанн Богослов, который в Откровении своем так передает слова Господа о семи Ангелах семи Церквей Малоазийских: *таинство седми звезд, яже видел еси на деснице Моей: и седмь светильник златых: седмь звезд, Ангелы седми церквей суть и седмь светильников, яже видел еси, седмь церквей суть* (Апок. 1, 20).

Правда, что под образом звезд, именуемых в изъяснении их Ангелами Церквей, должно разуметь и предстоятелей Церкви или епископов, принимая в соображение то, что ниже (во 2 и 3 главах Апокалипсиса) повелевает Господь написать к семи Ангелам; но тем не менее можно и должно доразумевать здесь совместное с тем указание и на невидимых предстоятелей или приставников церквей, которых первоначально и в собственном смысле, как прообразы епископов, назвал Господь Ангелами семи Церквей. Так разумели место сие великие учители Церкви Григорий Богослов и св. Епифаний. Первый говорит: «верую, что особенный Ангел покровительствует каждой церкви: ибо так научает меня Иоанн в Откровении». Почему, прощаясь с Константинопольскою Церковию, он взывал: «простите, Ангелы, надзиратели сей церкви и также моего здесь пребывания и отшествия отсюда». Последний, основываясь на тех же словах Апокалипсиса, называет Ангелов хранителями церквей и стражами алтарей. Не менее ясны и определенны слова св. Амвросия, который говорит, что для защищения всякой паствы Божией, Господь поставляет не только епископов, но определяет и Ангелов. Св. Василий Великий, утешая Никопольских пресвитеров, вытесненных арианами из храма, пишет к ним: «вас печалит то, что вы низвергнуты из ограды стен, — но вы водворяетесь в крови Бога Небесного, и с вами пребывает Ангел хранитель церкви (Никопольской)».

К сим свидетельствам св. отцов можно присоединить еще многочисленные видения Ангелов на страже алтарей

Господних, сохраненные в летописях Церкви. Так, о св. Архипе повествуется, что когда изуверные язычники устремили водный поток на разрушение храма христианского; то, по молитве праведника, Архистратиг Господень Михаил явился охранителем его и чудесно отвратил стремление вод от храма, посвященного имени его. Преподобный Аммоний видел в церкви светлого Ангела, стоявшего одесную алтаря и вносившего в свиток имена иноков, бодрственно стоявших на молитве, а изглаждавшего из него имена тех, которые по лености выходили из церкви до окончания Богослужения. Не раз в храмах христианских видим был чудный свет и слышалось неземное пение в то время, когда они стояли заключенными и никто в них не молился. В житии преп. Феодосия Печерского повествуется, что несколько татей согласились ограбить церковь Печерской обители и для сего, в урочную пору, ночью, подошли к ней, в намерении совершить святотатство еще до заутрени; но, к удивлению, они увидели в церкви свет и слышали голоса множества поющих. Думая, что опоздали, они скрылись неподалеку от церкви, выжидая, пока по окончании богослужения все братия разойдутся по кельям для отдыха. Но как же изумились они, когда, прождав долгое время, услышали удар в било, созывавший иноков на заутреню! Тогда они поняли, что на страже храма бодрствовали невидимые хранители, и в страхе и раскаянии исповедали пред преп. Феодосием греховный замысел свой. Были также примеры, что Ангелы в качестве блюстителей святыни алтарей, являлись строителями тайн Божиих вместо недостойных пресвитеров, и притом так, что для обыкновенного взора казалось, будто их совершали те же пресвитеры.

Сие и подобные благочестивые сказания руководствуют нас к тому заключению, что каждая из христианских церквей имеет своих невидимых предстоятелей и охранителей, и что, следовательно, входя в храм для молитвы, мы вступаем, так сказать, в земное небо, — *приступаем ко граду Бога живаго и тмам Ангел* (Евр. 12, 22), входим в молитвенное общение с блаженными духами, возносящими молитвы наши пред алтарь Вышняго (Апок. 8 ,3). Воскр. Чт. XVIII, стр. 295-297).

ГЛАВА II

Откровение Господа о Церкви в Ефесе (1-7 ст.)

Толкование на стих 5. *А. Жданова. Помяни убо, откуду спал еси, и покайся, и первае дела сотвори: аще же ни, гряду тебе (скоро), и двигну светильник твой от места своего, аще не покаешися.* Изобразив нравственное состояние ефесских христиан, Иисус Христос в первой половине 5 стиха обращается к ним с увещанием, в котором со строгою последовательностью указаны ступени, могущие возвести Ефесскую Церковь к прежнему совершенству, — во второй половине стиха Господь изрекает угрозу на случай нераскаянности.

Помяни убо, откуду спал еси. Христос призывает Церковь к самосознанию, которое бывает началом всякого исправления, советует ей сравнить прежнюю высоту ее нравственной жизни с настоящим унижением. Естественным следствием этого сравнения должно быть раскаяние и перемена нравственного настроения: και μετανοησον. Μετανοειν заключает в себе более простого осуждения прошлого и сокрушения о нем: оно указывает на зачатки другой, новой жизни (μετα — νοειν — переменить настроение). Перемена душевного настроения, усвоение прежних истинных начал деятельности — неизбежно должны были вести за собою прежние успехи в нравственной жизни и сопровождаться прежними делами. Отсюда: *и первая дела сотвори.*

В случае неповиновения увещаниям Христа и нераскаянности Церковь должна ожидать грозного пришествия Господа и строгого наказания от Него: *гряду тебе (скоро), и двигну светильник твой от места своего* и проч.

В наказание Мздовоздатель Христос угрожает сдвинуть светильник Ефесской Церкви с места его. Многие объясняют эту угрозу так, что по воле и попущению Христа не принесшая раскаяния Ефесская Церковь должна будет совсем прекратить свое историческое существование и исчезнуть из числа христианских церквей. По другим толковникам, передвижение светильника означает удаление неимущих христиан из Ефеса — туда, где более развита общественная благотворительность. Но необходимо признать вполне удовлетворительным объяснение древних толкователей — Андрея, Арефы и Икумения, по которым «движение светильника, т.е. церкви, есть лишение божественной благодати, вследствие чего церковь будет подвержена колебанию и обуреванию от духов злобы и от действующих с ними злых людей». Таким образом, Ефесской Церкви в случае ее нераскаянности грозили внутренние и внешние нестроения и неурядицы, а вследствие этого потеря ее прежнего значения.

Ст. 6. 14. 20. *Но се имаши, яко ненавидиши дел Николаитских, ихже и Аз ненавижду.* По достоверному преданию, николаиты происходили от антиохийского прозелита Николая, бывшего в числе семи диаконов иерусалимских (Деян. 6, 5), который отпав от истинной веры, сделался основателем секты антиномистов[1]. В Ефесе их ненавидели, и они отсюда были изгнаны (Деян. 2, 6), но их терпели в Пергаме, за что Тайнозритель и обличает Церковь

[1] Нельзя согласиться с аллегорическим пониманием этого имени, которое представляет *Генгстенберг,* пренебрегая совершенно незаконно историческими свидетельствами. Он видит в имени Николая (в Апок.) не собственное имя, но символическое указание, греческий перевод имени Валаама, которое значит губитель народа. Но 1) перевод этот буквально не верен: Николай значит победитель народный, а не губитель народа. 2) Апок. 2, 14, 15. Николаиты ясно различаются от валаамитов, хотя учение и жизнь их и представляются сходными между собою. Генгстенберг в подтверждение своего толкования говорит, что в Апокалипсисе все названия только символические. И это совершенно несправедливо: потому что имя писателя, наименование иудеев и имена церквей понимать следует в собственном смысле.

Пергамскую. С ними были сродны, хотя и не во всем, еретики, державшиеся учения Валаамова в Пергаме (2, 14)[1], и приверженцы Иезавели, лже-пророчицы Фиатирской (2, 20 и сл.). Они изображаются, как самые бесстыдные сектанты, которые увлекали христиан к участию в языческих жертвоприношениях идолам[2] и к разврату. Первые, слабые семена такого заблуждения видны еще в Церкви Коринфской. Они указаны под именами главных представителей мерзости языческого нечестия и идолослужения в народе Божием в Ветхом Завете. Валаам пророк, явившийся из язычества, по низким, корыстным побуждениям своим, через дочерей моавитских и мадианитских увлек израильтян к идолопоклонству и разврату (Числ. 25, ср. 31, 16), а язычница Иезавель, жена Ахава, избила пророков Иеговы и ввела идолопоклонство в Израиле. Безнравственность еретиков была соединена с каким-то высшим искусственно возбужденным вдохновением, на что указывает имя *«пророчица»* и с мнимым видением *глубин* Божиих, которые Тайнозритель называет *глубинами сатаниными.* Они, без сомнения, учили тому, что следует отвергнуть нравственность во всем ее объеме, чтобы быть истинным господином над нею и что можно предаваться всяким порокам: так как они касаются одного тела, а не свободного духа, который они унижают так же мало, как грязь — чистое золото. Такие ужасные нравственные начала, бросавшие стыд и поношение на христианское имя, во втором веке, действительно были проповедуемы большею частью гностиков, особенно николаитов. По свидетельству Иринея, Епифания и Иеронима, сам Николай изверженный диакон, был чистейший антиномист; по свидетельству же Климента Александрийского, он был строгим аскетом, воздерживался от супружеских отношений со своею женою и требовал умерщвления плоти, что было понято его учениками в смысле антиномистического разврата. В этом (последнем)

[1] Равно Петр (2 посл. 2, 15) и Иуда (ст. 11) обличаемых или безнравственных гностиков сравнивают с Валаамом.

[2] Edwloquta jagein. Ядение идоложертвенных и позднее составляло признак гностиков антиномистов.

случае мы можем видеть подтверждение того, как легко противоестественный аскетизм переходит в совершенную безнравственность. Отношение николаитов к Николаю могло быть совершенно похоже на отношение симониан к Симону волхву и коринфян к Керинфу (Начало Ересей Митропольского. Прав. Общ. 1861. VI. 483).

Ст. 7. *Имеяй ухо, да слышит, что Дух глаголет церквам.* Эти слова заключают в себе обычную формулу, которая часто употребляется для возбуждения внимания в читателях или слушателях (ср. Мф. 11, 15; 13, 9; 13, 43; Марк. 4, 9, 23; 7, 16, Лк. 8, 8, Апок. 13, 9). То Πνεῦμα имеет здесь тот же смысл, как и в Деян. 11, 12: сказал мне Дух (ср. Евр. 3, 7), и означает лице Св. Духа, глаголющего в пророках. Хотя церквам говорит Сам Христос (чрез Ангела), однако же сказано τo Πνεῦμα λεγει, — потому что и видение, и слава, которые ап. Иоанн слышит от Иисуса Христа, составляют действие силы Св. Духа, просвещающего дух Тайновидца и дарующего способность к восприятию и усвоению Откровения.

Награда. Побеждающему дам ясти от древа животнаго, еже есть посреде рая Божия. Здесь, как и во многих других местах св. Писания, христианская жизнь и деятельность мыслятся в форме борьбы, состязания, подвига (αγων — см. Филип. 1, 30; 1 Тимоф. 6, 12; 2 Тимоф. 4, 7). Борьбу «должен вести на земле родившийся человек, говорится в книге Ездры, чтобы, если будет побежден, потерпеть» наказание, «а если победит, получить» награду (3 Ездры 7, 57-58). Противники, с которыми должен бороться христианин, суть мир, как богувраждебное, антихристианское царство зла и смерти (Иоан. 13, 33, 1 Иоан. 5, 45), диавол, миродержитель тьмы века сего (Еф. 6, 11-17; 1 Иоан. 2, 13, 14; ср. Апок. 12, 11), и люди, насколько последние являются живыми представителями и носителями духа антихристова (1 Иоан. 4, 3-4). Подобно тому, как на мирских состязаниях победители увенчиваются наградами, и победители в подвигах целой жизни получают должное воздаяние за труд свой. Раздаятелем наград, естественно, является Судия и Мздовоздаятель — Христос. Эта мысль прекрасно выражена в 3 книге Ездры и может служить

комментарием к разбираемому стиху: «Я видел, говорит Ездра, на горе Сионской сонм великий, которого не мог исчислить; и все они песнями прославляли Господа. Посреди их был юноша величественный, превосходящий всех их, и возлагал венцы на главе каждого из них, и тем более возвышался: я поражен был удивлением. Тогда я спросил Ангела: кто сии, господин мой? Он в ответ мне сказал: это те, которые сложили смертную одежду и облеклись в бессмертную и исповедали имя Божие; они теперь увенчиваются и принимают победные пальмы. Я спросил: а кто сей юноша, который возлагает на них венцы и вручает им пальмы? Он отвечал мне: Сам Сын Божий, Которого они прославляли в веке сем. И я начал славить их, мужественно стоявших за имя Господне» (3 Ездры 2, 42-47; ср. Апок. 14, 1-5; 2 Тимоф. 4, 7-8).

Награду победителям из среды ефесских христиан составляет вкушение райского древа жизни. В Новом Завете, кроме разбираемого места, παραδεισος встречается еще Лук. 23, 43 и 2 Кор. 12, 4. У Луки означает вообще место упокоения и блаженства праведных душ. В послании к Коринфянам представления о рае более определенные: из сравнения 4 стиха со 2-м той же главы видно, что рай, место обитания блаженных, есть ничто иное, как третье небо, до которого был восхищен ап. Павел.

Παραδεισος Апокалипсиса нельзя отождествлять ни с раем, местом блаженства первых людей, ни с раем, находящимся на третьем небе, где праведники наслаждаются блаженством еще до всеобщего суда. Παραδεισος в книге Откровения есть святый город Иерусалим (21, 10), сходящий свыше (21, 2) и расположенный на обновленной земле; в нем находится престол Бога и Агнца (22; 3); от этого престола посредине городской улицы протекает чистая река воды жизни, прозрачная, как кристалл; по ту и другую сторону реки произрастает древо жизни, которое приносит плод ежемесячно, 12 раз в год, а листья этого дерева предназначаются для исцеления (или для служения εις θεραπειαν) народов. В этом описании рая Божия соединяются черты первобытного рая (древо жизни), прославленного, нового Иерусалима (ср. Исаии 52) и новой обетованной земли

(Иезек. 47, особ. ст. 12; река, ежемесячное созревание плодов, листья для врачевания — теруфа).

Из сказанного ясно, что время исполнения обетования Христова о вкушении плодов древа жизни нужно относить к будущей блаженной жизни в небесном Иерусалиме. А потому под древом жизни нельзя разуметь ни света евангельской истины, ни Духа Святаго, источника жизни, ни Самого Христа, ни Евхаристии. Необходимо в нем видеть древо, подобное тому, о котором повествуется в книге Бытия. Обыкновенно считают древо жизни только символом, который, по мнению толкователей, обозначает или вечную жизнь и вечное блаженство вообще, или сумму всех пособий и средств, доставляющих бессмертие обновленному человечеству, и тому под. Но едва ли можно удовольствоваться одним символическим истолкованием в его общей и абстрактной форме: в таком случае, нужно будет согласиться, что упоминаемая в 22, 1 вода жизни имеет совершенно одинаковое значение, а листья древа жизни, служащие для исцеления народов, нужно будет признать поэтической подробностью, рассчитанной на художественную полноту и законченность образа. Позволительно думать, что древо жизни, упоминаемое в Апокалипсисе, по своим свойствам аналогично с райским древом, питавшим наших прародителей.(Чт. в Общ. 1890 г. окт. стр. 364).

Откровение Господа о Смирнской Церкви (8-11)

А. Жданова

Толкование на ст. 10-11. *И имети будете скорбь до десяти дней.* Преследование, воздвигнутое против христиан искусителем, приведет, по предречению Господа, к тому, что их будут заключать в темницу (φυλακη), несомненно, по повелению языческой власти, и, по всей вероятности, по наветам иудейской синагоги. Кроме лишения свободы, угрожающего *некоторым* членам Церкви (εξ υμωντινεζ, ср. Лк. 11, 49; Иоан. 16, 17; Апок. 11, 9 и др.), и вся Церковь должна будет испытать на себе бедствия, гонения в продолжение дней десяти. Срок продолжительности гонения определяется различно, потому, что выражение υμερων δεκα

имеет множество различных толкований, из которых большинство основывается на употреблении числа десять в св. Писании Нового и, преимущественно, Ветхого Завета. Известные нам толкования сводятся к следующим двум основным группам: 1) десять дней понимается в смысле переносном или символическом и означает: 1) *неопределенный* и вместе с тем *продолжительный срок;* 2) *неопределенный* и *краткий срок;* 3) число 10 есть символ численной полноты и означает *строго определенный,* полный *период времени,* соответствующий высшим промыслительным планам Провидения, и притом период — *малой продолжительности;* 4) 10 дней = 10 *лет*; 5) 10 дней = *десять гонений* против всей Церкви; 6) 10 дней = 10 *эпох* или периодов *гонений* от основания Церкви до кончины мира; 7) 10 дней = *всегда*, потому что десять дней соответствуют десятословию, а соблюдение заповедей десятословия обязательно до тех пор, пока стоит мир. И очень немногие толкователи понимают в собственном, буквальном смысле.

Так как Иисус Христос словами 10 стиха имеет в виду поддержать бодрость духа и мужество смирнян, то в 10 днях невозможно видеть указание на продолжительное время гонения и тем более на непрерывность его до самой кончины мира (пункты 1, 6, 7): если бы смирняне поняли слова Христа в этом именно смысле, то они скорее должны были бы потерять всякую энергию духа и впасть в состояние безнадежности.

Не находя основания для символического толкования, разумеем под γμερων δεκα или ровно 10 дней, или «несколько» дней, немногим больше, немногим меньше десяти — безразлично. Постановка существительного ημερων перед числительным δεκα скорее благоприятствует последнему пониманию. Ср. Андрея: «но (гонение) только на 10 дней, а не на долгое время». Подобно и Арефа. За недостатком исторических сведений из древнего периода существования Смирнской Церкви невозможно решить, какое именно гонение предвозвестил Иисус Христос. Штерн склонен видеть десятидневное гонение в том гонении, во время которого пострадал св. Поликарп, потому что последний был 12-м мучеником и на нем закончился ряд

жертв в гонение Марка Аврелия. Но по количеству замученных жертв едва ли можно определить с точностью продолжительность гонения; к тому же, и ранее Марка Аврелия, как видно из мученических актов Пиония, смирняне подвергались преследованиям. Всего вероятнее, как нам кажется, приурочить десятидневное гонение к ближайшему народному собранию (комициям), когда фанатизм языческой черни, подстрекаемый внушениями сатанинской синагоги, всего легче мог воспламениться и вызвать жестокие меры против ненавистной, безбожной секты, презирающей святые обычаи старины.

Весь ход мыслей 10 стиха, имеющего целью ободрить смирнян и изгнать страх из их сердца, можно представить в следующем виде: не страшитесь предстоящих вам страданий; вас ввергнут в темницу, но это сделает диавол по попущению Божию для испытания веры вашей; вас будут гнать и преследовать, но гонение будет кратковременно, будет продолжаться всего дней десять; наконец, если кто во время гонения лишится временной жизни, тот получит в награду блаженство жизни вечной (ср. Мф. 10 28, 39).

Побеждаяй, не имать вредитися от смерти вторыя. Апостол Иоанн различает две смерти: первую, или физическую (2, 10; 6, 8; 9, 6; 12, 11; 13, 3, 12; 18, 8) и вторую, духовную (20, 6, 14; 21, 8): первая имеет место до всеобщего воскрешения мертвых и страшного суда, вторая — после них; одна — временная, другая — вечная. После всеобщего суда остаток людей, не вписанных в книгу жизни Агнца и не освобожденных по милосердию Божию и молитвам Церкви из области ада, ввергнут будет в озеро огненное, горящее огнем и серою (20, 14; 21, 8); это — место вечных мучений, смерть вторая (20, 10; ср. 19, 20), ожидающая, кроме нераскаянных грешников, и духов злобы (Чт. в Общ. нояб.-дек. 1890 г., стр. 502).

Буди верен даже до смерти и дам ти венец живота (ст. 10)

Господь требует от нас верности и постоянства в добре; Он хочет, чтобы мы, начав жизнь добродетельную, продолжали ее, несмотря ни на какие препятствия. Нет ничего хуже, как противоречить самому себе и быть

неверным своим убеждениям. — В часы благочестивых размышлений вера в откровенное слово Божие кажется единственным жезлом, опираясь на который, человек может безопасно проходить земное поприще. Что озарила эта вера, то остается ясным при всех переменах, какие бы впоследствии ни случались с нами. Для чего же мы во время борьбы с чувственностью пренебрегаем драгоценным сокровищем и из области света вступаем в область тьмы? Для чего меняем мир и блаженную свободу чад Божиих на беспокойство и рабство греховное? Во время разного рода несчастий и скорбей, когда мы невольно приходим к мысли об изменяемости всего земного, когда мы убеждены, что блажен только тот, кто отрешает свои мысли от преходящего и привязывает их к непременному и вечному, — в это время слово о вечности и жизни загробной служит единственной целью наших желаний и надежд. Почему же мы забываем это слово во дни счастья земного и тратим время на занятия мирские? Не значит ли это — сегодня идти вперед, а завтра назад, один раз служить Богу, а другой — диаволу? И если нам неприятен человек, на которого нельзя положиться, то каков должен быть подобный человек в очах Божиих?

И напротив, какое прекрасное зрелище представляет человек, верный своему долгу и званию! Господь обещает наградить верность *венцем живота.* Но самая верность не есть ли прекраснейший венец, для достижения которого мы должны употребить все средства?

Господь даровал нам эти средства и никогда не оставляет нас без Своей благодатной помощи. Он дал нам совесть, дабы этот невидимый наместник Его одушевлял, предостерегал и награждал нас на трудном пути добродетели. Он доставил нам возможность на крыльях молитвы переноситься чрез пространство и время, и с детским спокойствием идти навстречу будущему, — и в этой молитве указал оружие против всех коварных ухищрений диавола. Он даровал нам святилище Своей, всегда управляемой Духом Святым, Православной, Апостольской Церкви. В этом святилище предлагается нам, как меч духовный, Слово Божие; здесь источается для нас из священных таинств богатый, неиссякаемый источник спасения, духовное

укрепление и оживление. Здесь, в жертве Нового Завета, мы приемлем в себя Самого Христа.

Итак, непростительно нам, *облеченным во вся оружия Божия* (Ефес. 6, 11), *влаяться всяким ветром учения*, — когда у нас есть все средства для того, чтобы идти к достижению неувядаемого венца славы, который обещал Господь претерпевшим до конца.

Лучше быть мучеником за имя Христово, чем мучеником самолюбия и чувственности. Бог может лучше наградить, нежели мир. За малые труды дарует Он небо и блаженную вечность: *дам ти*, говорит Господь, *венец живота*. Будем же созерцать верою этот венец и простирать руки к достижению его.

Подумаем о том, что дело идет о решении судьбы на веки, и решимся улучшить и усовершить себя. Будем помнить, что только *узкая врата и тесный путь вводят в живот* (Матф. 7, 13). Воскр. Чт. XXIV. 147).

Откровение Господа о Церкви Пергамской (12-17)

Толкование на ст. 13-17. *А. Жданова.* В главной части Откровения о Церкви Пергамской (13-16) содержится: 1) раскрытие достоинств Пергамской Церкви (ст. 13), 2) — недостатков ее (14-15) и 3) увещание к покаянию, соединяемое с угрозою наказания в случае нераскаянности (ст. 16).

Ст. 13. *Вем дела твоя, и где живеши, идеже престол сатанин.* «Знаю, где живешь» — указывает на особенные условия, при которых проводила жизнь свою Церковь Пергама. В дальнейших словах эти условия раскрываются с большей ясностью: *идеже престол сатанин.* Что же означает пребывание в Пергаме сатаны, и в каком смысле нужно признать этот город местонахождением престола сатаны? В Пергаме находился храм Эскулапа (Pergameus deus); бог-целитель привлекал к себе поклонников и болящих не только со всей Малой Азии, но и из отдаленного Рима; не куда-либо в другое место, а именно в Пергам, обращался император Каракаала за исцелением от своей болезни. Целые семьи жрецов и храмовых прислужников находили себе пропитание от щедрот бога-врача. Со времени знаменитого

Галена при храме Эскулапа образовалось обширное учено-религиозное учреждение, напоминающее нынешние клиники, где право лечить было присвоено исключительно жрецам Эскулапа. Эскулап, покровитель врачей и врачевания, получил поэтому название σωτηρ, Θεοζ σωτνρ; он изображался сидящим на троне с жезлом в руке, — около жезла обвивался змей, символ волшебной и таинственной целительной силы (эмблема медицины). Это изображение вычеканивали на пергамских монетах; иногда даже изображали одного змея или дракона, который служил символом самого Эскулапа. В состав богослужения Эскулапу входили омовения водою из ключа, посвященного этому богу; кроме религиозного значения, этим омовениям приписывали и целебную силу. Вместе с Эскулапом в Пергаме чествовалась и Υγεια (Hygeia) богиня здоровья.

После Августа Пергам сделался для всей Малой Азии средоточием возмутительного и суеверного культа цезарей, который соединил в себе всю суть язычества, не полагавшего разделения между областью государства и религии.

Таким образом, в этом городе, можно сказать, сосредоточивалась вся религиозно-политическая сила язычества, и в этом отношении Пергам нужно поставить значительно выше даже знаменитой политической митрополии всей Азии — Ефеса. Поэтому вполне естественно, что именно в Пергаме Иисус Христос указывает престол сатаны. Может быть, на всем пространстве Римской империи и нашелся бы другой город, который превзошел бы Пергам и развитием грубых суеверий, и фанатизмом жителей, но необходимо помнить, что мы имеем пред собою сравнительную характеристику 7 городов проконсульской Азии, а из этих городов название «престол сатаны» всего более приличествует Пергаму.

Замечательно, что храм Эскулапа вместе с его учреждениями назывался καθεδρα. καθεδρα т. е. Эскулапа или дракона, под символом которого изображался Эскулап, может быть, и равняется разбираемому ο θρονοζ του σατανα (престол сатаны), (ср. 12, 9, где диавол или сатана называется великим драконом и древним змием; 1 Коринф. гл. 10). Кафедрою Эскулапа мог быть назван и сам город Пергам.

И не отвергся еси веры Моея и в Моя дни, в няже Антипас свидетель Мой верный, иже убиен бысть в вас, идеже живет сатана. Очень многие толкователи, которые в каждом слове Апокалипсиса ищут таинственного смысла, и имя Антипы понимают символически. Так, — Αντιπαζ разлагали на αντι *против* и παζ *весь*; в этом случае Антипа есть «противник всему», т.е. «миру», который обнимает «все»; а противник миру, враждующему против Бога, очевидно, есть союзник, друг и чтитель истинного Бога. Некоторые из старых протестанских толкователей умудрялись переводить это имя словами «противник папы»: αντι *против* и παζ παπαζ *отец, папа.* Эти умствования опровергаются уже тем, что Αντιπαζ, несомненно, есть сокращение имени Αντιπατροζ. Впрочем, и в Αντιπαζ-Αντιπατροζ, из αντι *вместо* и πατηρ *отец,* значит «вместо отца», «заменяющий отца», почти то же что ισοπατροζ, равный отцу, а последнее равносильно термину ομοουσιοζ; следовательно, в Антипе необходимо видеть ревностного поборника единосущия Сына с Отцем, исповедника православия против арианства; но так как самым замечательным борцом против ариан был Афанасий Александрийский, то по мнению Витринги, под именем Пергама мистически изображается город Александрия. Было бы излишним опровергать эти измышления: мы привели их только в качестве фактов, характеризующих метод толкования Апокалипсиса в сравнительно недавнее время.

Антипа был действительным историческим лицом; он, как говорит Андрей, «был мужественнейший мученик в Пергаме, *коего мучение я читал.* По мартирологам Восточной и Западной Церкви Антипа был епископ Пергама и за ревностное исповедание христианской веры был сожжен во внутренности медного раскаленного быка. По свидетельству Георгия Кедрина (XI в.), этот медный бык при Феодосии Великом перевезен был в Константинополь. Мученические акты Антипы в их первоначальном виде обязаны своим происхождением одному из жителей Пергама: в них, напр., говорится, что «*мы*, собираясь, воздаем благодарение Богу», что «то место, где совершилось мучение, до сего дня сияет чудесами» и пр. Полагают, что Антипа был замучен в 93 году, что согласуется с другими данными касательно времени

написания Откровения. Память священномученика Антипы в Православной Церкви празднуется 11-го апреля.

Ход мыслей в 13 стихе будет таков: в немногих словах указываются сначала неблагоприятные условия жизни Пергамской Церкви; мрак и тьма, окружающие престол сатаны, составляют наилучший фон, на котором со всей ясностью выступают светлые стороны христианского общества и становится более заметным и ярким свет, распространяемый светильником Церкви Пергама; далее изображается мужественная твердость ее членов, причем мысль переходит от общего к частному и останавливается на факте мученической смерти Антипы; в заключение для большего выражения похвалы Иисус Христос как бы говорит: «и все это совершилось в Пергаме, где живет сатана»; вследствие повторения начальных слов речь, таким образом, получает округленность и законченность.

С 14 стиха начинается описание противоположных, худых качеств пергамских христиан, которая заканчивается в стихе 15.

Ст. 14. *Но имам на тя мало, яко имаши ту держащих учение Валаамово, иже учаше Валака положити соблазн пред сынми Исраилевыми, ясти жертвы идольския и любы творити.* Валаам (см. Числ 22-25 гл.; 31, 16; Второз. 25, 5 и др. 2 Петра 2, 15-16) сын Веоров (по 2 Петра Восоров), родом из Пефора на Евфрате, известный прорицатель, был приглашен Валаком, царем моавитским, проклясть израильский народ, угрожавший безопасности Моавитян, но, вместо проклятия по воле Божией он должен был произнести пророческое благословение. После этого Валаам, по общему мнению толкователей, основанному на Числ. 31, 16, дал совет — склонить израильтян к блудодеянию и вкушению идоложертвенного, что и было приведено в исполнение (Числ 25, 1-3) с ведома и соизволения Валака. Впоследствии Валаам найден убитым в числе Мадианитян, павших от меча Израиля (Числ 31, 8). Позднейшие произведения иудейской письменности вносят Валаама в список самых опасных врагов израильского народа, которые не имеют права на участие в блаженстве будущей жизни.

15 ст. *Тако имаши и ты держащия учение Николатско, егоже ненавижду.* Сравнение касается израильского народа

и Пергамской Церкви: как в Израиле нашлись люди, поддавшиеся соблазну со стороны язычников, так и в Пергаме оказались последователи лжеучения Николаитов. Предшествующие слова *ясти жертвы идольския и любы творити* в применении к Николаитам некоторые толкуют в переносном и несобственном смысле: вкушение идоложертвенного и блуд должны будто бы обозначать в настоящем случае все пороки, похоти, лжеучения и пр. Но насколько мы знаем жизнь и учение Николаитов из древних исторических свидетельств, их теория и практика имели своими существенными пунктами действительное вкушение идоложертвенного и блуд во имя превратно понятых любви и свободы христианской. Как известно, первой заботой Апостолов касательно внутренней жизни Церкви было — предохранить верующих именно от этих опасных уклонений в язычество (см. Деяний гл. 15); раскрытию их пагубного значения для христианской Церкви ап. Павел посвящает значительную часть 1 послания к Коринфянам (см. с 5-й главы дал.). Поэтому и Иисус Христос направляет строгие обличения против разрушительной секты и указывает на ее прототип в Ветхом Завете. Там, как повествует Моисей, вспылал гнев Божий на Израиля, и Иегова повелел поразить отступников, причем всех умерших от поражения было 24 000 (Числ 25, *; по 1 Кор. 10, 8-23000), и тогда только «Иегова отвратил ярость Свою от сынов израилевых и не истребил их всех до одного в ревности Своей» (ст. 11). Это грозное проявление гнева Божия должно было служить поучительным примером для христиан Пергама и предостерегать их от уклонения в Николаитскую секту.

Ст. 17. *Побеждающему дам ясти от манны сокровенныя.* Что означает эта символическая «сокровенная манна»?

В решении этого вопроса толкователи разделяются на две группы. Одни отыскивают предмет, обозначаемый символ манны, в настоящей жизни: по Андрею и Арефе, «манна сокровенная есть хлеб жизни небесный, с небес для нас сшедший и сделавшийся для нас едомым», т.е. Христос, Которого верующие приобщаются в таинстве Евхаристии; по мнению Бернарда Клервосского, манна означает неизреченную сладость, которая соединяется с мистическим

созерцанием Божественного существа и дел Божиих; по С. а Lapide, это — сладостное ощущение душевного мира, подаваемое верующим свыше для утешения в скорбях настоящей жизни; по другим — благодать, спасающая избранных, слово Божие. Другая часть толкователей с полным правом и основательностью относит награду к будущей блаженной жизни. В этом случае манна означает или вообще сладость вечного блаженства праведников, или Самого Христа, как источник жизни и блаженства.

Последнее объяснение заслуживает предпочтения во многих отношениях. Духовная манна, поддерживающая жизнь духа у верующих во время земного странствования и составляющая залог вечной жизни (Иоан. 6, 51), есть Евхаристия, в которой верующие под видом хлеба и вина вкушают истинное тело и истинную кровь Христовы с верою и надеждою на преискреннее приобщение Христа в невечернем дне царствия Его. Земное приобщение Христа по причине телесного состояния членов Церкви сокрыто под чувственными и вещественными образами хлеба и вина, которые возводят ум к иному, высшему и духовному преискреннему приобщению, ожидаемому в жизни вечной. Небесная вечная Евхаристия и есть таинственная сокровенная манна, обетованная в награду верующим. Это будет духовное непосредственное насыщение Христом, источником жизни (ср. Апок. гл. 21). Манна именуется сокровенной потому, что до откровения вечного царства вознесшийся Христос, в духовном вкушении Которого будет состоять вечная Евхаристия, сокрыт в Боге. В какой форме будет совершаться вкушение сокровенной манны, об этом можно составить некоторое понятие из слов 16 псалма, где описывается блаженство праведника сравнительно с грубыми чувственными утехами грешника: в то время, как люди мира, для которых высшее благо заключается в пределах земной жизни, наполняют чрево свое, праведник в правде взирает на лице Божие и насыщается образом Божиим (ст. 15).

Другой вид награды, обетованной христианам Пергама: *и дам ему камень бел, и на камени имя ново написано, егоже никтоже весть, токмо приемляй.* Ψηφος λευκη (буквально —

камешек белого цвета) у древних обозначал счастливый жребий, где бы он ни выпадал: в суде, на играх, на выборах. Белым камешком древние отмечали счастливые дни и их же выдавали победителям на играх. Они же употреблялись на выборах, при баллотировках, в качестве избирательных шаров. Из этих трех значений необходимо принять истолкование Арефы и видеть в ψηφοζ λευκη наградный жребий победителя на играх, скачках, в театре и под. В языческом мире победа на каком бы то ни было состязании ставилась весьма высоко и увенчивалась щедрыми наградами. Пергам знаменит был своими гладиаторскими играми и звериными травлями. Любовь к зрелищам, без сомнения, не была чужда многим и из членов христианской церкви; может быть, некоторые из них и сами принимали личное участие в состязаниях в надежде получить победную награду. Как бы то ни было, участие в безнравственных и кровавых зрелищах языческих должно было служить для христиан сетью, которая снова могла увлекать их в язычество; театральные зрелища сближали христиан с язычниками, заставляли смотреть снисходительнее на языческие пороки, вынуждали участвовать в их религиозных церемониях и жертвоприношениях, которые соединялись со зрелищами; а это было переходной ступенью к николаитизму. Таким образом вторая награда заимствуется из сферы, знакомой всем жителям Пергама, и имеет, подобно первой, теснейшую связь с николаитским движением, вызванным некоторыми отличительными особенностями местной жизни.

Согласно данному объяснению, новое имя, известное только получающему, должно обозначать известный род и степень блаженства в будущей жизни, различные для каждого победителя — соответственно различным степеням нравственного совершенства и различным родам подвигов (1 Кор. 15, 41). Имя каждой отдельной награды есть имя *новое,* — потому что небесная награда не имеет ничего общего с суетными, тленными и скоропреходящими благами, которые выпадают на долю победителей в состязаниях языческих. (Чт. в Общ. 1891 года янв. — февр. стр. 30).

Толкование на ст. 18-28. *А. Жданова.* Главная часть определения по своему содержанию подразделяется на 4 отдела. 1) изображение добрых качеств Фиатирской Церкви — ст. 19; 2) ее недостатки — ст. 20; 3) суд Господа над дурными членами Церкви — ст. 21-23; 4) слово Его, обращенное к лучшей части фиатирского общества — ст. 24-25.

Ст. 19. ***Вем твоя дела, и любовь, и службу, и веру, и терпение твое, и дела твоя, и последняя больша первых.*** В сравнении с церковной жизнью Ефеса в Фиатирах замечается явление совершенно противоположное: в Ефесе первоначальная христианская любовь с течением времени все более и более охлаждалась и иссякла; здесь же все указанные добрые качества чем далее, тем более укреплялись и развивались, и приносили большие плоды (εργα) сравнительно с первыми временами существования Фиатирской Церкви ***(больша первых).*** Это преуспевание и служит предметом особенной похвалы из уст Господа.

Ст. 20. ***Но имам на тя мало, яко оставляеши жене Иезавели, глаголющей себе быти пророчицу, учити и льстити моя рабы, любодействовати и снести жертву идольскую.*** Иисус Христос осуждает общество фиатирских христиан за то, что оно без должного внимания, равнодушно и беспечно относится к вредной деятельности некоей жены Иезавели, которая, во-первых, присваивает себе звание пророчицы, во-вторых, проповедует, и с успехом, среди верующих лжеучение, подобно николаитскому.

Необходнмо смотреть на личность этой женщины, как на личность историческую, и видеть в Иезавели действительную фиатирскую лжепророчицу. Только при таком понимании находят себе надлежащее истолкование относящиеся к ней подробности в ст. 20, 22-23; между тем при символическом толковании они теряют всякое значение.

Называлась ли фиатирская лжепророчица в действительности именем Иезавели, в высшей степени сомнительно. Деятельность фиатирской лжепророчицы и израильской царицы имеют между собою много общего, так

что естественнее всего ожидать здесь, как в 14 стихе, подобного же исторического сопоставления, которое и выразилось в наименовании лжепророчицы Иезавелью, по примеру ее ветхозаветного прототипа: примеры этого рода нередки в св. Писании, см. Мф. 17, 10, 11 и 12; Мрк. 9, 11-13; 1 Кор. 15, 45, где Иисус Христос называется вторым Адамом; Апок. 11, 8: «трупы их оставит на улице великого города, который духовно называется Содом и Египет, где и Господь наш распят»; ср. 17, 5 — Вавилон великий.

Ст. 21-22. Иисус Христос изрекает строгое осуждение Иезавели и ее последователям, угрожает им наказанием, потому что мера Его долготерпения истощилась и Он нашел лжепророчицу неисправимою: ст. 21 — *и дах ей время, да покается от любодейства своего, и не покаяся.*

В дальнейших стихах 22-23, Иисус Христос изрекает наказание а) самой Иезавели, в) участникам в блуждении ее и с) детям ее, а затем указывает и цель наказания — открытое обнаружение пред всеми Церквами Божественного всеведения и правосудия.

а) Наказание Иезавели: *се аз полагаю ю на одре.* Ложе Иезавели, оскверненное блудодеянием ее, по закону возмездия, делается для нее ложем болезни: наказание вполне соответствует роду вины.

в) Наказание для последователей Иезавели: *и любодеющыя с нею в скорбь велию, аще не покаются от дел своих.* «Прелюбодеям» грозит кара Божия под условием, если они не отстанут от дел Иезавели: блуд и вкушение идоложертвенного называются «делами Иезавели» — потому, что она увлекала к ним и в то же время была главною руководительницей секты. Наказание «прелюбодеям» характеризуется общим выражением «скорбь великая», которая прежде всего может зависеть, по крайней мере отчасти, от посрамления уважаемой ими пророчицы, как главы секты, а в ее лице и всего лжеучения их, — затем, как должно полагать, эта скорбь будет состоять в каких-либо внешних бедствиях, напастях, имеющих посетить последователей Иезавели.

с) Ст. 23. Наказание детям: *и чада их умрут смертию.* Строгий суд Господа простирается и на детей лжепророчицы.

Цель его та, чтобы, с одной стороны, усилить наказание самой Иезавели чрез детей ее, так как она явилась разрушительницей семейных начал и потому сделалась недостойною иметь детей, — с другой стороны, чтобы истребить совсем злое развратное семя, подобно тому, как некогда Господь в правосудном гневе Своем погубил жителей Содома и Гоморры (Быт. гл. 19; ср. 4 Ц. 9, 7-9).

И уразумеют вся церкви, яко Аз есмь испытаяй сердца и утробы: и дам вам комуждо по делом вашим. «Узнают все народы», «узнают сильные земли», «узнают все сыны Израилевы» — так обычно заключают свои обличительные речи от имени Иеговы пророки Ветхого Завета (См. Исаии 37, 20; Иез. 17, 24; 23, 40-49; Иоиля 3, 17 и мн. др.). Та же отличительная особенность сохраняется и у новозаветного пророка, говорящего от имени Христа семи Азийским Церквам. В суде над Иезавелью, ее последователями и детьми, Иисус Христос явит славу Свою, как всеведущий Судия и всесильный Мздовоздатель.

Ст. 24-25. Возвестив определения Своего Божественного суда над той частью Фиатирской Церкви, которая уклонилась во главе с Иезавелью к языческим мерзостям, Иисус Христос обращается к той части христиан, которая осталась неизменно Ему преданной и верной:

Вам же глаголю и прочим сущим в Фиатире, иже не имут учения сего, и иже не разумеют глубин сатаниных, якоже глаголют: не возложу на вы тяготы иныя: токмо, еже имате, держите, дондеже прииду. «А вам, (т.е.) остальным (находящимся) в Фиатирах, которые не имеют учения оного, которые не познали глубин сатаны, как говорят (= так называемых глубин сатаны), — (вам) говорю: не налагаю на вас иного бремени, кроме (следующего): что имеете, соблюдите (удержите) до той поры, пока прииду».

В первой половине этого отделения нельзя не заметить явного и усиленного желания, как можно более разграничить и отделить здоровую часть членов Фиатирской Церкви от той, которая совращена и заражена лжеучением Иезавели.

Слова: *иже не разумеют глубин сатаниных, якоже глаголют,* содержат в себе всеми признаваемое и непререкаемое свидетельство о существовании в Фиатирской

5 Зак. 445

Церкви гносиса, представителями которого были последователи Иезавели. Весьма возможно, что его распространение имело связь с николаитской сектою Пергама, потому что Фиатиры находились очень близко от последнего и зависели от него в административном отношении. Почти все толкователи считают фиатирских гностиков николаитами — на том основании, что они, подобно николаитам, предавались блуду и вкушали идоложертвенное. Но утверждать это с полною уверенностью едва ли возможно, потому что безнравственный языческий образ жизни был общим явлением во всех гностических сектах антиномистического направления. Если же последователи Иезавели были действительно николаитами, то нельзя не заметить большего развития этой секты в Фиатирах сравнительно с Пергамом: участие женщин в проповеди, попытка воспользоваться даром пророчества для сектаторской пропаганды, признаки определенного формулирования теоретических основоположений гносиса или выработка известной терминологии (βαθεα του σατανα) многочисленность сектантов (верующие — οι λοιποι), — все это говорит о том, что гносис крепко укоренился в Фиатирах и сделал успехи, более значительные, чем в Пергаме.

Отделив истинно верующих от еретиков, Иисус Христос сообщает им Свою божественную волю в словах: *не возложу на вы тяготы иныя*. «Я не даю вам никакой другой заповеди, не считаю нужным обременять вас иными какими-нибудь предписаниями» (как в Деян. 15, 28). Иисус Христос признает нужным дать одно только повеление, но повеление это имеет особенную важность для фиатирских христиан; иного повеления дано быть и не может. Оно заключается в словах: *токмо еже имате, держите, дондеже прииду*.

Истинное объяснение слов *еже имате* находим в 19 стихе. Достоинства фиатирян, перечисленные в 19 стихе, суть — деятельная любовь и соединенная с твердым упованием вера, причем эти нравственные достоинства в течение всего времени существования Церкви не уменьшались в силе и степени, а, напротив, возвышались (»дела твои последние больше первых»). Следовательно, нравственное преуспевание Фиатирской Церкви имело

прочную внутреннюю основу и совершалось правильно и неукоснительно, без всякой остановки. Сохранить указанные добрые качества, жить и действовать в том же добром направлении — вот все, чего можно было желать для верующих Фиатирской Церкви (ср. 3, 11; «держи что имеешь»).

Дондеже прииду — буквально значит: «до того времени, в какое Мне угодно будет придти, в какое бы Я ни пришел»; т.е., верующие никогда не должны ослабевать в подвигах веры и любви, постоянно, в каждый момент времени ожидая пришествия Господа (ср. Марка 13, 33-38).

Ст. 26-28. Награда победителю.

Кто победит и соблюдет дела Иисуса Христа до конца, тому обещается двоякая награда: 1) власть над язычниками и 2) звезда утренняя.

Дам ему власть на языцех: и упасет я жезлом железным, яко сосуды скудельничи сокрушатся, якоже и Аз приях от Отца Моего. Образ, выражающий сущность первой награды, повторяется в Апокалипсисе неоднократно 12, 5: «и родила жена сына, который будет пасти все народы жезлом железным»; он заимствован из 2-го псалма, ст. 9. Ключ к пониманию всей награды находится в заключительных словах: «как и Я получил (власть) от Отца Моего». Царственные права над миром и языками Иисус Христос получил от Отца, как Сын (Пс. 2): как Богу, они принадлежат Ему от века (Иоан. 17, 5); как Богочеловек, Он вступил в обладание ими в полной мере только в прославленном состоянии после смерти и воскресения (Филипп. 2, 8; Апок. 5, 12). Имея царственные права , как Сын Божий, Иисус Христос сообщает их также только сынам Божиим (Лк. 22, 29), так что сонаследование Христу неразрывно связано с сыновством Богу: «если дети (Божии — ст. 15), то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу» (Рим. 8, 17).

В рассматриваемой награде содержится твердое основание для церковного учения о блаженстве святых до всеобщего суда и невидимом участии их в судьбах человечества и Церкви.

2) Вторая награда — звезда утренняя. На символическом языке звезда означает славного Владыку (Числ 24, 17: «воссияет звезда от Иакова»), — утренняя звезда, превосходящая своим блеском все прочие, — самого могущественного и славного из владык, каким был, напр., в глазах евреев царь Вавилона (Ис. 14, 12). Иисус Христос, как царственная отрасль Давида (22, 16), Царь царствующих и Господь господствующих (19, 16), Владыка нового Иерусалима (5, 12-13; 7, 9-12; 8, 17; 14, 1; 21, 9; 22, 1, 3), более чем кто-либо, достоин носить имя утренней звезды. Это имя приличествует Ему и потому еще, что Он, властитель Иерусалима и источник власти для верующих, его блаженных обитателей, есть в то же время и источник света для них («звезда светлая»): «город (Иерусалим) не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его и светильник его — Агнец. Спасенные народы будут ходить в свете Его» (21, 23-24).

Обещая верующим дать в будущей жизни Самого Себя, как Владыку и Просветителя, Иисус Христос вместе с тем дарует им и жительство в горнем Иерусалиме и делает причастниками невечернего дня Своего вечного царствия. Эта последняя награда служит высшим завершением первой: владычество святых над языками, как начало их прославления, заканчивается вечным царствованием с Христом на новой земле, в новом Иерусалиме (ср. 1 Кор. 15, 24-28). (Чт. в Общ. 1891 г. Март, стр. 172).

ГЛАВА III

Мертвая жизнь (3, 1). *Вем твоя дела, яко имя имаши, яко жив, а мертв еси,* — вещает Иисус Христос Ангелу, или пастырю Сардийской Церкви, разумея дела не столько его самого, сколько дела его паствы. Так далеко отстоят суды человеческие от судов Божиих! и так много разнятся имена Божии от имен, коими нарицают что-либо люди! — Человек, живущий одною плотью или и душою, только *в отчуждении от жизни Божией*, по взору и понятиям мира, не только живет, но живет, можно сказать, еще полнее и обширнее. Но сей самый человек пред взором Того, для *Кого вся нага и объявлена*, есть мертвец живой, в коем высшая часть его природы и главное начало жизни — его дух погребен в теле, как во гробе. Ибо дух, не имея деятельности и пищи, непрестанно встречая себе противодействия и подвергаясь вредоносному влиянию, истощается и как бы отмирает, — и в человеке как бы не станет собственно человека: он делается *плотью, духа не имеющей.* Токмо всесильная десница Жизнодавца оживляет дух наш, возрождая его в крещении и восстановляя, врачуя его в таинстве покаяния. О сей смерти или мертвой жизни божественный обличитель говорит в связи с делами. *Вем твоя дела, яко имя имаши, яко жив, а мертв еси.* Ибо дела наши суть следствие и свидетельство нашего внутреннего состояния и жизни; поколику истекают из нее, как потоки из источника: они же, исходя из нас, оставляют в природе нашей глубокие следы и производят в ней известное настроение, — из чего после составляется и образуется характер жизни. Каждый поступок, исходя из нас, подобно звуку отглашается обратно в природе нашей и образует известный тон и настроение нашей жизни. Каждое

действие, исходя из сердца нашего — начала, исходища жизни и деятельности — как водная волна, обратно приливает к нему, и то делает его более чистым и прозрачным, то производит в нем бо́льшую мутность, вносит в него нечистоту. После каждого дела мы неприметно, но непременно бываем сколько-нибудь либо хуже, либо лучше. По сей-то причине каждое дело привносит в природу нашу свое семя либо жизни, либо смерти; и каждый поступок начертывается на сердце нашем *писалом железным*. Посему-то, по самому естественному закону и порядку природы и без положительного действия правды Божией, наши грехи должны возвращать *и возвращаются на главу и в недра наши;* посему-то дела наши пойдут вслед нас за гроб, ибо мы сами понесем их с собою в вечность; и — кто что сеял, тот и пожнет то, пожнет — или бессмертие и жизнь, или тление и смерть (Воскр. Чт. III. 197-198).

Откровение Господа о Сардийской Церкви. (1-6)

А. Жданова

Содержание главной части распадается на два отделения: в первом (1-3) Господь обращает слово Свое к преобладающему большинству членов Церкви, изображает печальное состояние их религиозно-нравственной жизни (1), побуждает к покаянию и исправлению (2-3) и изрекает угрозы нераскаянным (3); во втором (4-6) упоминает о немногих истинных носителях живого христианского духа и утешает их обещанием небесной награды.

Толкование на ст. 5. Обетование победителю. Все обетование победителю распадается на три части. 1) Ст. 5. *Побеждаяй, той облечется в ризы белыя.* «Белые одежды» в противоположность «нечистым и грязным» обозначают праведность и святость (см. Апок. 3, 18; 19, 7-8) и присваиваются прославленным праведникам (Апок. 4, 4; 6, 11; 7, 9, 13-14; 19, 4; 3 Ездры 2, 40), Ангелам Божиим (Дн. 1, 10; Ин. 20, 12) и Иисусу Христу (Мф. 17, 2; Мрк. 9, 3), как одежды славы и победы. Хождение с Христом в белых одеждах относится к блаженству в небесном Иерусалиме, где спасенные народы будут ходить во свете Агнца (21, 14),

и возводит мысль к браку Агнца, на котором «жена» Его, т.е. торжествующая Церковь облечется в виссон белый и чистый, означающий праведность святых (19, 7-8; ср. 14 гл.). Подобные же представления находятся в 3 Ездры, 2, 38-40; «смотрите, какое число знаменованных на вечери Господней, которые, *переселившись от тени века сего, получили от Господа светлые одежды.* Приими число твое, Сион, и заключи твоих, *одетых в белые одеяния, которые исполнили закон Господень.*

2) *И не имам отмыти имене его от книг животных.* Символическое представление о книге, в которую Бог вписывает имена людей, находим еще в кн. Исход 32, 32-33; Исаии 4, 3; Иезек. 13, 9; Дан. 12, 1; записаны Малах. 3, 16; в ней имена рабов Божиих (Исх.), праведных и святых (Ис., Пс. 68), членов теократического царства (Иезек.) и наследников Иерусалима с землей обетованной (Ис., Иезек.). Книга жизни Нового Завета имеет одинаковое значение с тем только различием, что она имеет отношение к новому, духовному Израилю, у которого царь — Агнец, а столица — небесный Иерусалим (Апок. 19, 21 гл.). Эпитет Ζωηζ показывает, что в этом символе преобладает мысль о жизни, спасении, блаженстве, приобретенных смертью Христа (Апок. 13, 8). Но так как искупление простирается на всех людей без исключения, и царство Божие по идее обнимает все человечество, то в книгу жизни вписаны имена *всех людей* от сложения мира (Апок. 13, 8). Грех, как измена Царю-Богу и как признак духовной смерти, лишает человека прав на вечноблаженную жизнь в царстве Божием, поэтому Бог изглаживает имена грешников из книги жизни (Исх. 32, 33; «того, кто согрешил предо Мною, изглажу его из книги Моей»), а имена праведников остаются в ней. Отсюда отрицательная форма ου μη εξαλειφω вместо положительной γραφω. — Розенмюллер видит здесь простую риторическую фигуру (λιτοτηζ.).

3) *И исповем имя его пред Отцем Моим и пред Ангелы Его.* Эти слова содержат в себе почти буквальное повторение обетований Иисуса Христа праведникам, высказанным у Мф. 10, 32 и Лк. 12, 8, и обозначают высшее прославление победителя Господом на небесах.

Все три момента награды расположены в строго последовательном, логическом порядке: облечение в белые одежды, т.е. оправдание и освящение, открывает доступ к вечноблаженной жизни в царстве Христовом, а с вечной жизнью соединяется состояние высшего прославления пред Богом и небожителями (Чт. в Общ. 1891 г. апр., стр. 357).

Откровение Господа о Филадельфийской Церкви (7-13)

Толкование на ст. 7. *А. Жданова. Тако глаголет Святый истинный, имеяй ключ Давидов: отверзаяй, и никто же затворит: затворяяй, и никто же отверзет. Святый,* по употреблению в Новом Завете в применении к лицу Иисуса Христа, указывает на Него, как на безгрешного Богочеловека, Мессию и Сына Божия. Исповедуя свою веру в Него, ап. Петр говорил: «мы познали, что Ты *Святый Божий* (Иоан. 6, 69), т.е. *«Христос, Сын Бога живаго»,* как поясняет сохранившийся вариант этого места. Та же самая мысль высказывается Архангелом благовестником в словах — *рождаемое свято наречется Сын Божий* (Лк. 1, 35) в связи с предсказанием о Христе, что Он «будет велик, и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, Отца Его, и будет царствовать над домом Иакова во веки» (Лк. 1, 32; ср. Мрк. 1, 24; Лк. 4, 34: Дн. 4, 27; 3, 14 и др.).

Совершенная святость Богочеловека служит основанием другого эпитета *истинный,* потому что истина доступна только святости. Αληθινοζ, по Тренчу, имеет более глубокое значение, чем синонимичное ему αληθηζ: оно исключает из понятия о предмете не одну ложь или неправду, но все мнимое, кажущееся, призрачное, и выражает полное соответствие предмета со своей сущностью, идеей, именем. Так, Θεοζ αληθινοζ (напр. 1 Солун. 1, 9) прежде всего возбуждает мысль не о том, что сообщаемое Богом откровение не заключает в себе ничего ложного, но о том, что Бог откровения есть единственный, Который соответствует идее Божества, и один только достоин носить имя Бога в противоположность богам ложным,один только есть то, что Он есть. Поэтому, как ο αληθινοζ, Иисус Христос есть действительно таков, каким является в новозаветном откровении и веровании Церкви, т. е. единственный и истинный Сын Божий, Мессия, Богочеловек.

Оба эпитета, как ο αγιοζ, так и ο αληθινοζ, в Ветхом Завете прилагаются к Иегове, как Владыке святого избранного народа израильского (Ис. 6, 3; 40, 25; Авв. 3, 2; Пс. 77, 41 и др.; Ис. 65, 9, 16-17). Рассмотрение ветхозаветных мест, в которых Иегове присваиваются оба эти названия, открывает их глубокий смысл в применении к лицу Иисуса Христа в настоящем случае: перенесение эпитетов выражает мысль об одинаковом Божественном достоинстве, одинаковых Божественных правах Иисуса Христа с Богом Отцем и устанавливает те же самые отношения Иисуса Христа к новому Израилю, какие связывали ветхозаветный Израиль с Иеговой.

Как следствие и пояснение к первым двум эпитетам присоединяется последний: *имеяй ключ Давидов* и проч. Этот образ находит объяснение в 22 гл. Исаии: обличая царедворца Севну (ст. 15), Господь Саваоф говорит устами пророка: «возложу ключ дома Давидова на рамена Елиакима, сына Хелкиина (ст. 20): отворит он, и никто не запрет» (ст. 22). С ключом дома Давидова соединяется право над входами и выходами в нем, а ключ, принадлежащий самому Давиду, сообщает обладателю наследственные права Давида, т. е. власть над крепостью Сионом (2 Ц. 5, 7; 3 Ц. 8, 1), городом Иерусалимом (Ис. 10, 24; 33, 30), а вместе с тем и над всем Израилем (Мих. 4, 8 и мн. др.). Объем власти определяется с положительной и отрицательной стороны: от Христа зависит допустить, или не допустить в Иерусалим; следовательно, власть является во всех отношениях неограниченной. А так как царство духовного Израиля есть царство небесное, то ключ Давида имеет одинаковое значение, как и ключи царства небесного у Мф. 16, 19.

В главной части определения Иисус Христос 1) высказывает похвалу достоинствам Церкви (ст. 8), 2) изрекает пророчество об иудейской синагоге (ст. 9), затем присоединяет 3) обетование и 4)увещание верующим (ст. 10-11).

Ст. 10. *Яко соблюл еси слово терпения Моего, и Аз тя соблюду от годины искушения, хотящия приити на всю вселенную искусити живущия на земли.* По словоупотреблению Апокалипсиса, *вселенная вся* понимается в собственном

смысле и обозначает всю землю, как поприще всемирно-исторической жизни человечества и само человечество, населяющее землю: в 12, 9 диавол называется «обольщающим всю вселенную»; в 16, 4 бесовские духи, творящие знамения, выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в великий день Бога Вседержителя, и между этими царями есть цари из-за Евфрата, от восхода солнечного (ст. 12). В том и другом случае οἰκουμένη ὅλη, конечно, не Римская империя, а вся вселенная.

Искушение, которому подвергнутся обитатели земли, исходит от лица Бога Вседержителя. Направляемое против Его врагов, оно представляет ряд грозных обнаружений Божественного правосудия и всемогущества и имеет целью пробудить уснувшую совесть испытуемых, заставить их признать высокую и крепкую мышцу Вседержителя. Казни, которые будут постепенно и постоянно поражать врагов нового Израиля (главы 6, 8, 9), не имеющих печати Божией на челах своих, не посетят верных последователей Христа (9, 4, 20-21). Ср. Лк. 12, 37-44.

Ст. 12. *Побеждающаго сотворю столпа в церкви Бога Моего, и боле не имать изыти ктому; и напишу на нем имя Бога Моего, и имя града Бога Моего нового Иерусалима, сходящего с небес от Бога Моего, и имя Мое новое.* Кроме разбираемого стиха «храм Бога» в Апокалипсисе и в других местах упоминается нередко: 7, 15; 11, 1, 2; 11, 19; 14, 15, 17; 15, 5, 6, 8, 16, 1, 17. Указанные места дают возможность составить более или менее ясное представление об апокалипсическом ναός τοῦ Θεοῦ. Тайнозритель, восхищенный в духе на небо (Апок. 4, 1), видит там «великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен и народов и языков, стоящих пред престолом Божиим и пред Агнцем в белых одеждах, с пальмовыми ветвями в руках» (7, 9). Это — собор победителей, непрестанно прославляющих Бога и Агнца (7, 10-12, 14): «они пребывают пред престолом Божиим и служат Ему день и ночь *в храме Его* (ср. 11, 19; 14, 15, 17 и др.). Следовательно, апокалипсический храм не есть какой-либо земной храм, в каком бы значении мы ни понимали этот последний, а храм Небесный, духовный, место обитания Бога и особенного

проявления славы Его. По изображению книги Откровения и этот небесный храм имеет временное значение: после победы над всеми антитеократическими и антихристианскими злыми силами, с наступлением нового периода в истории мира, с появлением нового неба и новой земли, когда слава Божия не будет ограничиваться в своих обнаружениях одним каким-либо особенным местом, но будет озарять все царство нового Иерусалима, — тогда *«храма уже не будет»* (21, 22) в нем, «ибо Господь Вседержитель будет храмом его и Агнец». Таким образом, для праведника пребывание в небесном храме начинается с момента победы, т. е. блаженной смерти его (ср. 2, 10), и обнимает период тысячелетнего царствования со Христом (ср. 26-27), после чего сменяется вечным упокоением в небесном Иерусалиме.

Твердое и безопасное положение победителей в храме Божием наглядно представляется образным выражением *сотворю столпа.* Στοῦλος-столп (от корня στα, στυ, ἵστημι) — собственно устой, затем столп, колонна и под., соединяет в себе два понятия — 1) устойчивости, неподвижности, твердости, 2) опоры, поддержки. Правильнее видеть здесь указание на устойчивость и неподвижность: как храмовый столп, составляя часть храма, постоянно находится в храме, и его трудно вывести из занимаемого им положения без нарушения целости здания, точно так же и победителя невозможно будет отторгнуть от целого тела торжествующей Церкви, лишить права присутствовать пред лицом Господа Вседержителя и прервать его постоянное и близкое общение с Богом и Агнцем.

Три имени, которые будет носить на себе победитель — имя Бога, имя Иерусалима и имя Христа (новое, как символ новых, более тесных отношений ко Христу) указывают на то, что во-первых, победитель вступает в новый превосходнейший союз с Богом, как сын и наследник (см. 21, 7: «побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном»; 21, 3: Бог будет обитать с победителями, как со Своим возлюбленным народом); во-вторых, победитель будет гражданином небесного Иерусалима (21, 2, 24-27); в-третьих, будет служителем Агнца (22, 3; 21, 22-23). Все эти блага дарованы будут новому Израилю Его святым и

истинным царем — Мессиею, обладателем ключа Давида (ст. 7), вторым Давидом, отвергнутым синагогой сатаны — иудеями (ст. 9).

Достойно замечания, что ап. Иоанн в Евангелии из 12 случаев употребления названия «Иерусалим», ни в одном не называет его Ἰερουσαλήμ, как в Апокалипсисе, но всегда Ἱεροσόλυμα, Ἱεροσολύμων. Это различие, между прочим, признают одним из сильных оснований против происхождения и Апокалипсиса от одного автора.

Ἱεροσόλυμα было обычным наименованием города у Греков; в его множественном окончании заключается указание на состав города — верхний и нижний город. Название «Иерусалим», по Фюсту, есть древнейшее, арамейское имя города. Основываясь на послании к Галатам, где встречаются обе формы, можно предполагать, что Ἰερουσαλήμ, как древнейшее, было именем города, как национальной святыни, столицы теократического царства, места особенного пребывания Иеговы, а Ἱεροσόλυμα прилагалось к нему, как известному населенному пункту безотносительно к священным воспоминаниям, связанным с ним (1, 17, 18; 2, 1). И Иисус Христос в Своих обличительных речах употребляет не Ἱεροσόλυμα, а непременно Ἰερουσαλήμ (Мф. 23, 27 -един. ср. Лк. 13, 34 и др.). Таким образом Ἱεροσόλυμα — термин географический, а Ἰερουσαλήμ — религиозный, священный. Этим, думаем, удовлетворительно объясняется различие в словоупотреблении между Евангелием и Апокалипсисом. (Чт. в Общ. 1891 г. май-июнь стр. 431).

Послание от Господа Иисуса Христа Ангелу Лаодикийской Церкви (3, 14-22)

Это — одно из посланий Спасителя, переданных чрез Иоанна Богослова, управлявшего Малоазийскими Церквами. Наставления, содержащиеся в оном, первоначально относятся к Лаодикийской Церкви; но они относятся и ко всем христианам, имеющим нравственное сходство с лаодикийскими христианами. Лаодикийцы здесь обличаются в богопротивной духовной теплоте: но в какие времена многие христиане не заслуживают той же укоризны? *Вем*

твоя дела, яко ни студен еси, ни горящ: о дабы студен был еси или горящ! Тако, понеже тепл еси, и ни студен еси ниже горящ, имам тя изблевати из уст Моих. Теплый колеблется между истиною и ложью, между добром и злом, не причисляет себя к злым, но не может назваться добрым; желал бы иногда жить благочестиво и избегать пороков, но боится подвигов добродетели и убегает борьбы с пороком. Намеренно как будто не хочет оскорбить Бога, и на основании одного сего нехотения считает себя благочестивым, а потому свободно попускает укрепляться и усиливаться многим слабостям, по его мнению, малым и извинительным. Он мог бы сделаться добрым, если бы не было сильных искушений, но, при сих искушениях, при первом случае, впадает в тяжкие грехи; он не видит ясно опасности своего положения, но, хотя бы и видел, не придумает средств для избавления; если б и придумал, не умел бы ими воспользоваться, потому что решимость его воли колеблется от всякого ветра учения, от самого легкого дуновения страстей. Он ни истинный христианин, ни закоренелый язычник, но готов иметь общение с теми и другими, — равнодушен и к православному учению, и к нечистым ересям, и, смотря по обстоятельствам, может согласиться с еретиками и православными. Он хвалится иногда и верою во Иисуса Христа, но не имеет благих дел; кое-что знает, но знание его безжизненно и бесплодно. Боится быть явным преступником, но стыдится и явного исповедания веры пред кощунами и врагами веры; — боится сделаться явным злодеем, но никогда не решится явно на великий подвиг самоотвержения, а тайно может решиться на всякое зло; — с грешниками он готов даже приписать себе слабости и пороки, каких не имеет, а с благочестивыми представляется благочестивым и набожным, и в сем случае он — лицемер, фарисей, набожностью прикрывающий безобразие души своей. Такая духовная теплота в некоторых отношениях хуже холодности. Теплота выражает что-то несовершенное, недоконченное, неопределенное, вялое, немощное, дряхлое, показывает в человеке слабость и мелкость души и расслабление всех сил. Человек *теплый*, по своей нерешительности и бесхарактерности, ни к чему

не способен, никому не угоден. Во всех он возбуждает омерзение, отвращение, презрение. Пагубна духовная теплота и по своим следствиям. Она подвергает величайшей опасности нравственность и вечную судьбу человека: *теплый* находится в состоянии забывчивости, самообольщения, беззаботности, духовного сна и *обмирания,* и потому не видит и не чувствует опасности своего положения. Напротив, *холодный,* не скрывающий от себя своих болезней и преступлений, легко может поразиться безобразием своей души и тяжестью преступлений, и быстро, мгновенно обратиться к Богу с искреннейшим раскаянием. Холодного и другие скорее могут вразумить и обличить; и открытую болезнь легче лечить, нежели неизвестную и нерешительную. Как у сильно больных бывает перелом и весьма часто на лучшее; так и у тяжких грешников бывают минуты, когда они, при помощи Божией, ясно видят свое положение, не могут сокрыть явных беззаконий ни от суда своей совести, ни от суда других людей, а потому невольно сознаются во грехах, — а сознание греховности есть первый шаг к обращению и спасению. Посему-то и для теплых полезно явное унижение, чтобы они сознали уже давно совершившееся внутреннее унижение, научились смирению и покаялись. *Исполни лица их безчестия,* говорит Давид, и *взыщут имени Твоего, Господи! Тако, понеже тепл еси, и ни студен еси, ниже горящ, имам тя изблевати из уст Моих.* Страшное, но необходимое следствие *теплоты.* От *теплаго,* каким мы выше изобразили его, Господь отвращается, лишает его Своей благодати и попечения, и это лишение есть величайшее несчастие в отношении временной и вечной судьбы человека. Господь требует от человека любви пламенной, служения полного, преданности всесердечной: угодна ли Ему любовь теплого и самоправедность человека нерадивого и грешного? *Убога горда,* пустосвята и лицемера, двоедушного и нечестивца, тщеславящегося своими мнимыми совершенствами, *ненавидит* Господь. Не безумен ли нищий, который хвалится своею сумою и своим рубищем, а нищету выставляет, как необыкновенное преимущество, важное достоинство и высокую заслугу? Так безумен и *теплый* человек, гордящийся своею теплотою и не

сознающий своего убожества и безобразия. Посему и говорит ему Господь: *Тако, понеже тепл еси и ни студен еси, ниже горящ, имам тя изблевати из уст Моих. Зане глаголеши, яко богат есмь и обогатихся, и ничтоже требую: и не веси, яко ты еси окаянен, и беден, и нищ, и слеп, и наг.* Ты так уверен в своей невинности, так обольщен своим самолюбием, так занят мнимыми своими достоинствами, что смело и бесстыдно говоришь о своих мнимых сокровищах; не только в душе, но и на словах ты самохвал и гордец. Ты говоришь, что ты *богат,* обладаешь и совершенствами природными, и приобретенными познаниями, благодатными дарами, великими добродетелями; хвастаешься, будто столько имеешь, что уже больше не нужно тебе, — что не имеешь нужды ни в высших подвигах, ни в высших дарах духовных, ни даже в содействии благодати, но если бы ты знал, какая это дерзкая ложь, какой бесстыдный обман, какое плачевное самообольщение! *И не веси, яко ты еси окаянен, и беден, и нищ, и слеп, и наг.* Твоя беспечность и нерадение довели тебя до пагубного *неведения* и произвели жалкое обольщение и самоуверенность. Ты *окаянен и беден* — несчастнейший из людей, и достойный всеобщего сожаления, горьких слез и стенаний, — бедняк из бедняков, которому надлежало бы день и ночь оплакивать свои бедствия и трепетать приближающейся погибели. Ты *нищ:* потерял невинность, дарованную тебе в крещении, и не возвратил оной чрез покаяние, ты не соблюл благодатных даров, обильно излитых на тебя Духом Святым, и сам не совершил никаких добрых дел, не приобрел святых навыков, особенно ты беден искреннею любовью, отличающей верных последователей Иисуса Распятаго. Ты *слеп:* еще несчастье, умножающее твое окаянство. Ты жалкий слепец в духовных вещах, — не видишь крайнего расслабления своего, не знаешь средств к избавлению, не замечаешь десницы Божией, карающей и милующей тебя. Ты *нищий слепец:* тебе прилично смиренно просить милостыни, выплакивать кусок хлеба и каплю воды, поелику сам ты ничего не имеешь и не можешь добыть, нищий слепец! — Ты, наконец, *наг:* бедность твоя до того простерлась, что у тебя нет рубища для прикрытия наготы и безобразия; нищенство твое так велико, что тебе нагому

нельзя показаться на свет, и должен убегать общения с людьми и Богом. Некоторая естественная, или лучше, животная доброта твоя, также лицемерное приличное поведение не могут сокрыть твоего безобразия и отвратительной наготы. Итак, ты во всем и всегда, весь и всячески, окаянен и беден. Что же, скажешь, мне делать? Внимай, что говорит тебе Господь: *совещаю тебе купити от Мене злато разжженное огнем, да обогатишися: и одеяние бело, да облечешися: и да не явится срамота наготы твоея: и коллурием помажи очи твои, да видиши. Совещаю тебе,* как друг твой, по любви к тебе, а не приказываю, как самовластный господин. *Совещаю тебе купити.* Цены достойной за сокровища небесные ты не можешь представить; представь, по крайней мере, искреннее желание спасения и доброе расположение к твоему Спасителю. *Купи:* всем пожертвуй, на все решись, отбросив свою леность и беспечность; и за малую цену своих трудов и пожертвований получишь сокровища неоцененные и блага вечные. *Совещаю тебе купити от Мене — злато разжженное огнем, да обогатишися,* говорит Господь. Ты беден и нищ: купи Мое злато, а с ним все купишь. Ты тепл и не горяч, купи золото разжженное, раскаленное и разогрей им свое сердце. Ты нечист, и сокровища твои нечисты: купи золото, очищенное огнем, неподдельное, многоценное. В сокровищнице души твоей нет ничего — она пуста: купи у Меня Мою благодать всеосвящающую, и твоя душа наполнится добрых стремлений, желаний, навыков, особенно душу твою проникнет и наполнит чистая, пламенная, ангельская *любовь,* — первый и драгоценнейший плод Духа Святаго: *совещаю тебе купити от Мене злато разжженное огнем, да обогатишися: и одеяние бело, да облечешися: и да не явится срамота наготы твоея.* Будет золото, будет и одеяние, которым прикроешь наготу и безобразие. Когда в твое сердце изольется благодать, постарайся доказать ее присутствие внешним добрым поведением, подвигами самоотвержения, делами любви и благотворительности. Поспеши приобрести это одеяние. И теперь ты без добрых дел наг: но будет страшное время, когда нагота твоя откроется во всем безобразии, пред собором Ангелов и человеков, когда и сам

ты возненавидишь себя, и все другие отвратятся от тебя навеки. Пусть же твой свет светит всем человекам, пусть огонь благодати, воспламеняя и согревая твое сердце, воспламенит и просветит всю твою жизнь! Облекись милосердием, благостью, смиренномудрием, кротостью, долготерпением, наипаче же любовью, да не явится срамота наготы твоея. *Облекись одеянием белым,* укрась себя делами добрыми, — без примеси лукавства, лицемерия, двоедушия; облекись, храни свое чистое одеяние от малейших пятен нечистоты и гордости: и *коллурием* (глазной мазью) *помажи очи твои, да видиши.* Ты не видишь ни одной вещи в подлинном ее положении: помажь и исцели свои очи, благодатью очисти свой разум, *да видиши* и себя и все тебя окружающее — настоящее и прошедшее и будущее. Да изгонит благодать нечистоту твоих мыслей чрез слезы искреннего покаяния, да видишь. *Аз, ихже аще люблю, обличаю и наказую: ревнуй убо и покайся.* Любовь Моя еще не оставила тебя; возможность исправления твоего еще не прошла; надежда спасения еще не исчезла. Строгие обличения именно показывают Мою к тебе любовь. Для истребления твоей теплоты, Я обличаю тебя и угрожаю Своим судом; а для утешения и ободрения твоего — напоминаю тебе о Своей любви. Итак, пробудись, *ревнуй и покайся;* воспламенись ревностию по добродетели, всецело и навсегда предайся своему Спасителю; возненавидь свое зло, сам сознай свою виновность прежде страшного суда; *ревнуй и покайся,* пока есть время. *Се стою при дверех и тожку: аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему, и вечеряю с ним, и той со Мною.* Какое трогательное убеждение употребляет Господь! Как неизреченно Его долготерпение! — Бывает в мире, что друг приходит к другу, в ночное время сна, когда дом отовсюду заперт, и хозяин со всеми домашними предался покою. Пришедший друг, по желанию скорее увидеться с другом, толкает в двери и своим голосом дает знать о своем прибытии, а в случае крепкого сна хозяина, гость терпеливо ожидает у дверей и между тем продолжает толкать. Наконец, хозяин просыпается, и, по возможности, приготовясь к принятию гостя, выходит ему навстречу, — и начинается умилительная дружеская *вечеря.*

Так и Господь поступает с беспечными грешниками. Сердце человека теплого и беспечного заперто и недоступно для внушений благодати: оно опутано, омрачено, закрыто для всего доброго; злоба диавола сторожит около него и не допускает туда ничего святого. Но долготерпеливый Спаситель не перестает пробуждать спящего, ощутительно дает знать о Своем присутствии и чрез различные внешние обстоятельства, и тайные вразумления. *Отверзи Ми,* говорит Он душе твоей, *отверзи Ми, сестро Моя, ближняя Моя, голубице Моя, совершенная Моя: яко глава Моя наполнися росы, и власы мои капель нощных.* Отверзи и успокой Меня! Долго ли Мне ждать твоего обращения и пробуждения? *Се стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему и вечеряю с ним, и той со Мною.* Не от Меня зависит отверзение дверей сердца: кто услышит Мой глас и отверзет двери, Я войду и вечеряю с ним. Не трепещи Моего величия: Моя любовь уничтожит бесконечное расстояние между Мною и тобою. Возлюби только Меня, и общение между нами пребудет вечным. Теперь Я Сам приду к тебе и не отступлю от тебя — для твоего блаженства, до конца твоей жизни; а потом ты ко Мне придешь, на вечерю Царствия небесного в обители блаженства нескончаемого. Я здесь буду вечерять с тобою, у тебя; а ты там со Мною, у Меня: как примешь ты Меня здесь, так будешь принят Мною там. Ревнуй и кайся! Отверзи двери, прими и успокой Меня! Но до того блаженного времени нужно потерпеть и побороться со многими сильными врагами: это напоминание необходимо для беспечного, который и в присутствии Спасителя готов забыться, впасть в дремоту. Посему и говорит Господь: *побеждающему дам сести со Мною на престоле Моем, якоже и Аз победих, и седох со Отцем Моим на престоле Его.* Выше сего блаженства нельзя ни приобрести, ни представить: посему никакие трудности не должны останавливать мужественного воителя и подвижника. Ты будешь участником славы и величия Единороднаго Сына Божия, и твое блаженство будет вечно и неизменно! Престол Спасителя — не мал: престол Его — все небо беспредельное. Ты, теплый, любишь покой: Я тебе даю здесь покой душевный, а там — покой вечный, только потрудись

несколько здесь. Встретятся тебе скорби и нападения? Не скорби и не отчаивайся: Я всегда с тобою, и всегда помогу тебе победить, как и Я Сам победил и вошел в славу Отчую. *Имеяй ухо, да слышит, что Дух глаголет Церквам.* У каждого есть слух, есть способность внимать словам Божиим и принимать вещание Духа: слушай же каждый! для того тебе и дан слух. Тебе говорит Сам Бог: слушай внимательно и слышанное исполни точно и верно. Дело идет о твоей вечной судьбе: слушай усердно и поспеши устроить свою вечную судьбу заблаговременно. Будет время, когда Бог перестанет тебе говорить, а ты потеряешь слух, или если услышишь, то не будет возможности исполнить слышанное; слушай же и твори по слышанному; если не захочешь слушать — погибнешь; если услышишь, но не исполнишь — погибнешь! *Имеяй ухо, да слышит, что Дух глаголет Церквам.* (Воскр. Чт. X. 182-186).

Ты ни холоден, ни горяч (15)

Еп. Виссариона

Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но поелику ты тепел, не горяч и не холоден: то извергну тебя из уст Моих (Апок. 3, 15. 16). В сих словах содержатся обличения и угрозы, которые, по повелению Господа Иисуса Христа, от Его лица, св. Иоанн Богослов должен был изречь членам одной из Малоазийских Церквей, Церкви Лаодикийской. Вникнем в смысл этих обличительных и угрожающих слов, не найдем ли в них применения к нам.

Господь Иисус Христос обращает Свои обличения и угрозы не прямо к Церкви Лаодикийской, а к предстоятелю ее, которого, как и предстоятелей других Малоазийских Церквей, упоминаемых в Апокалипсисе, — называет *Ангелом,* вестником воли Бога Вседержителя: *«Ангелу Лаодикийской церкви напиши»* (Апок. 3, 14). Ничего нет удивительного в том, что в лице пастыря обличается и угрожается его паства. Пастырь лично может быть неукоризненным в нравственном отношении, но он отвечает пред судом Божиим за грехи пасомых, если не радеет о их спасении, не старается отвести

их от пути беззакония и привести на путь истины. *«Когда Я,* говорит Господь пророку, *скажу беззаконнику: смертию умрешь! а ты не станешь осиявать его, и не скажешь ничего для осияния беззаконника, чтоб он отстал от беззаконного пути своего, чтоб он жив был: то беззаконник тот в беззаконии своем умрет, и взыщу кровь его от рук твоих»* (Иезек. 3, 18).

В чем же Господь Иисус, праведный Судия, обличает пасомых в лице их пастыря? В том, что они ни холодны, ни горячи, а только теплы. Что это значит? По отношению к христианской вере холодный, как камень, или как замерзшая вода, это человек, — как удобнее здесь разуметь, — совсем не обращенный ко Христу, не озаренный светом Евангелия, не согретый благодатью Св. Духа, во всех отношениях чуждый Церкви Христовой, словом, язычник. О членах Церкви Лаодикийской нельзя было сказать, что они ничем не отличаются от язычников. *«Ты ни холоден»,* говорит Господь лаодикийскому христианину, т.е. тебя нельзя назвать язычником: ты принадлежишь к обществу христиан верующих, крещеных, дорожишь именем христианина, не отрекся от Христа; но, продолжает Господь, *ты и не горяч,* т.е. ты не принадлежишь к числу истинных христиан. *Горячий,* это такой христианин, которого вера во Христа проникнута горячим убеждением в истине ее, глубоким чувством нужды в оправдании Христовой благодатью, который пламенно любит Господа, безраздельно предан Ему, с неослабленной ревностью старается о распространении повсюду славы имени Его и угождение Ему поставляет главною целью своей жизни (Рим. 12, 11). Таковым верующим является, например, св. Апостол Павел, который сказал о себе: *«все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего. Для Него я от всего отказался и все почитаю за сор, чтобы приобресть Христа и найтись в Нем не с своею праведностью, но с тою, которая чрез веру во Христа»* (Филип. 3, 8. 9). Любовь ко Христу, в Котором обрел он удовлетворение своих стремлений к истине и святости, так была в нем сильна, что никакие внешние лишения и страдания, ни внутренние немощи и искушения не могли ослабить в нем сей любви и ревности о славе имени Христова (Рим. 8, 35). Подобною крепкою любовью ко

Христу отличались мученики и преподобные, и все святые, торжествующие в небесной славе: любовь ко Христу в них была по истине *пламень Божий* (Песн. песн. 8, 6). Таковы должны быть и все, желающие истинно служить Христу. Но не таковы были члены Лаодикийской Церкви: *они не были горячи,* хотя не были и холодны; они были только *теплы,* — тепловаты, т.е. в самой незначительной мере просвещены и согреты верою во Христа. В их отношении ко Христу было какое-то двоедушие, нерешительность, хромание на оба колена, вялость. Так, они веровали во Христа Искупителя грешников, но не почитали себя грешниками, достойными осуждения, и не чувствовали нужды в благодати прощения и оправдания, в чем Господь Иисус и обличает их в лице их пастыря: *«ты говоришь: я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»* (Апок. 3, 17), т.е. я в истинном смысле христианин, духовное мое состояние самое удовлетворительное; дай Бог всякому быть таким, как я, лучше и желать не надобно. — Еще: лаодикийские христиане любили Христа, или, по крайней мере, говорили, что любят Его, но любовь к Нему они находили возможным совмещать с пристрастною любовью к миру и ко всему, что в мире. Жизнь в городе богатом, знаменитом торговлей и промышленностью, представляла им немало искушений и соблазнов, для борьбы с которыми у них недоставало ревности. — Наконец, они надеялись благодатью Христовой получить вечное блаженство, и желали его, но не думали, что для этого нужно было отказаться от греховных (похотений) удовольствий, что путь к блаженству есть узкий путь самоотвержения, борьбы с ветхим человеком.

Таково было духовное состояние лаодикийских христиан! Таково же состояние многих из нас. Ибо и между нами немало христиан ни холодных, ни горячих, а только тепловатых. «Я честный человек, говорит иной, я не вор, не душегуб, не пьяница, не обманщик, дела веду начистоту». Похвально, — но ведь то же самое говорил фарисей, стоявший в храме вместе с мытарем и осудивший его. То же самое могли говорить о себе многие язычники, послушные голосу совести, и, действительно, бывшие честными людьми. Но достаточно ли этого для верующего во Христа? Чтобы

быть истинным христианином, достаточно ли для этого только не совершать уголовных преступлений, заслуживающих смертной казни или темничного заключения? Если бы нравственность христианская только в этом состояла, незачем было бы и приходить ко Христу, Искупителю грешников; ее могли бы создать и поддержать в людях гражданские законы и учреждения или даже одно простое животное чувство самосохранения, простой житейский расчет, что без соблюдения правил честности нельзя жить безопасно и благополучно. С верою во Христа совершенно несовместно нравственное самодовольство, и особенно довольство одною внешнею честностью. Вера сия проповедует нищету духовную; она научает великого праведника говорить: «я первый из грешников»; гражданскую честность, если с нею не соединяется сердечная чистота, она называет гробом повапленным, великолепно разукрашенным снаружи, и полным смрада внутри. Кто же из нас собственными усилиями может достигнуть этой чистоты и святости? И кто из нас при всех успехах в нравственном усовершенствовании себя может сказать: «довольно», — когда вспомнит заповедь Христову: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный* (Мф. 5, 48). К сожалению, многие из нас не дают себе труда размыслить о высоте нравственных требований Евангелия и оттого легко впадают в самомнение или духовное самодовольство, вместо того, чтобы смиренно плакать о грехах, о бессилии в борьбе с греховными помыслами и желаниями. Таких людей нельзя, конечно, назвать холодными, т.е. совершенно чуждыми Евангелию, не знающими его, но их нельзя назвать и горячими, — они почти не согреты духом Евангелия, не вместили его учения о потребности благодати для нашего освящения и спасения. Луч Евангелия едва коснулся их, и оттого они только *тепловаты.* — Не меньший упрек в этой тепловатости заслуживают те, которые хотя признают себя великими грешниками, плачут о грехах, чувствуют нужду в милующей и духовнообновляющей благодати, но не имеют настолько самоотвержения, чтобы переменить свои отношения к миру, не следовать нехристианским обычаям, не увлекаться тлетворным духом времени. Они похожи на людей, которые

уверяют вас в преданности и дружбе к вам, но если потребуется доказать дружбу и преданность не словами, а делом самоотвержения, то не показывают готовности к сему. В них не вмещается учение слова Божия: *«не можете служить Богу и мамоне* (Мф. 6, 25). *Кто не со Мною, тот против Меня* (12, 30). *Кто любит мир, в том нет любви Отчей* (1 Иоан. 2, 15). *Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу* (Иак. 4, 4). *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня недостоин Меня»* (Мф. 10, 37). Таково учение Евангелия о том, в чем состоит истинное последование Христу. Те, которые именуют себя христианами, а сему учению не следуют, которые решаются совместить служение Христу со служением миру, ревнуют, по-видимому, о благочестии, и в то же время предаются человекоугодию и боятся возвысить голос против слов кощунства и нечестия, произносимых в их присутствии, — все таковые вполне заслуживают упрек, обращенный к лаодикийскому христианину: *«ты ни холоден, ни горяч, а только тепел».*

»О если б ты был холоден, или горяч», продолжает Господь т.е. что-нибудь одно: или ты должен быть истинным христианином, всецело, безраздельно преданным Евангелию, и учением Евангелия руководствоваться во всех житейских отношениях, или уж лучше совсем не знать бы тебе христианства! Правда, незнание истины — великое зло, но это зло, сравнительно с отступлением от истины уже принятой, гораздо меньше. С незнающего меньше взыскивать будут, чем с того, кто уже просвещен светом Евангелия, вкусил дара небесного и сделался причастником Духа Святаго (Евр. 6, 4), но не сделался оттого лучше. *«Раб, который знал волю Господина своего, и не был готов, и не сделал по воле Его, бит будет много. А который не знал, и сделал достойное наказания, бит будет меньше»* (Лук. 12, 47. 48).

Так, горе тому, кто ни холоден, ни горяч, а только тепел, кто, по-видимому, только христианин, в ком нет горячей преданности Христу. Такой, едва согретый верой во Христа человек находится в опасности быть отвергнутым от Христа.

Он возбуждает во Христе отвращение к себе, о силе которого можно судить по сравнению с тем ощущением, какое иногда испытывают отведывающие тепловатую, едва согретую воду: известно, что она располагает к тошноте. *«Поелику ты тепел, а не горяч, и не холоден, извергну тебя из уст Моих».*

Да убоится каждый из нас сего грозного приговора Божеского правосудия и да потщится стяжать ту горячность в вере, ту цельность ее, без которой нельзя быть истинным христианином. (Душеп. Чт. 1865 г. Декаб. 348-354).

Толкование на ст. 7

Филарета, Митрополита Московского

Манна сокровенная. Все мы знаем, что тело подвержено голоду и жажде и нужду имеет в пище и питии, которыми утоляются неприятные чувства голода и жажды, услаждается вкус, подкрепляются силы, восполняется ущерб вещества в телесном составе. Но и дух не подвержен ли также голоду и жажде? Не имеет ли нужды в питании? Что может свойственным ему образом питать его? Знаем ли мы сие о духе так ясно, как о теле?

Един Бог есть существо самодовольное, в Себе Самом всегда полное и обилующее всяким благом, никогда ни в чем не оскудевающее отвне, и, следовательно, не имеющее нужды ни в каком питании. Дух человеческий, как сотворенный и непрестанно зависящий от Бога, не есть самодоволен, потому что не есть Бог; а не будучи самодоволен, он имеет нужду приобретать потребное себе довольство, или свойственным себе образом питаться. Воля его, как пищи, алчет добра; ум его, как пития, жаждет истины. Но не в нем корень добра, не в нем источник истины: следовательно, не имеет он пищи и пития в себе; надобно, чтобы они ему даны были. В Боге корень добра, в Боге источник истины: следовательно, для питания духа требуется не то, что восходит из земли, но что с неба нисходит, — *манна. Хлеб,* не только по происхождению, но и по свойству чисто *небесный,* нельзя положить на земле открыто пред очами телесными, воду жизни нельзя влить в сосуд из мертвого вещества; потому истинная пища духа, по необходимости, есть *сокровенная* для плоти.

Слово Божие часто говорит о сей пище, давая нам познать и восчувствовать существенный наш голод и обрести спасительное питание. И воплощенная премудрость глаголет: *Аз есмь хлеб животный, иже сшедый с небесе: аще кто снесть от хлеба сего, жив будет во веки* (Иоан. VI. 51). И к самаряныне глаголет: *иже пиет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки: но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды, текущия в живот вечный* (Иоан. IV. 14). И еще: *не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем изо уст Божиих* (Мф. IV. 4). И Апостол истинных христиан описывает, как *вкусивших дара небеснаго, и причастников бывших Духа Святаго, и добраго вкусивших Божия глагола, и силы грядущаго века* (Евр. VI. 4. 5).

Скажут ли, что это суть только иносказания? Положим, если угодно, что это правда. Но как бы то ни было: поелику духовное, по естеству своему, более заключает в себе существенности и силы, нежели телесное: то сии, если угодно так назвать, иносказания и уподобления должны заключать в себе более существенности и силы, нежели те вещи, от коих оныя заимствованы. Если мысль о пище телесной и ее потребность не есть мечта, то кольми паче мысль о пище духовной и ее потребности есть истина.

Спросят ли: как можно представить питание духа, который, как существо простое, не знает ни ущерба, ни прибавления? Отвечаю: в духе все должно представлять духовно. Тело, лишенное свойственной ему пищи, наконец, разрушается, — а дух разрушиться не может. Но как тело от продолжаемого чрезмерно голода тоскует и слабеет: так и дух без пищи, ему свойственной, тоскует и слабеет. И сии состояния еще более относятся к духу, нежели к телу, которое только по действию духа может иметь живую силу и ощущение удовольствия. Как телесная пища и питание услаждают, подкрепляют, делают покойным и довольным чувственного человека: так духовная пища духовному человеку доставляет внутреннее, сердечное и умное услаждение, подкрепление, покой и довольство.

Спросят ли еще некоторые: как же мы не чувствуем в себе мнимого духовного голода или жажды? Пусть присовокупят к сему и еще вопрос: как же, когда мы слышим слово Божие, которое называют хлебом или водою жизни,

мы не примечаем в душе нашей живых ощущений наслаждения, или внутреннего питания, и, когда слово умолкает, вскоре остаемся так же пусты, как прежде оного? — Чтобы на это ответить, спросите человека, у которого болезнь, или грубая невозможность повредила вкус и естественное расположение к питанию: почему пища для него не вкусна? Почему он не хочет принимать ее, или, приняв, но не наевшись, беспорядочно извергает? Неукрощенная чувственность и земные страсти расслабляют дух, заглушают его внутренние ощущения, повреждают его небесные желания.

Посему то и не всякому обещается *манна сокровенная.* Какая польза, и как можно давать пищу тому, в ком болезнь произвела отвращение от нее и неспособность к питанию? Когда тело преодолеет борющуюся с ним болезнь, тогда может воспользоваться пищею. Когда дух победит чувственность и страсти, тогда способен будет во здравие духовное ясти, от манны сокровенной. *Имеяй ухо слышати, да слышит, что Дух глаголет церквам: побеждающему дам ясти от манны сокровенныя.* (Слова и речи, т. III. 364-366).

Состояние духа человеческого без общения с Духом Божиим (17-18)

Аще Дух воскресившаго Иисуса от мертвых живет в вас, воздвигий Христа из мертвых, оживотворит и мертвенная телеса ваша, живущим Духом Его в вас (Рим. 8, 11). Из сего учения апостольского видно, что спасительное дело оживотворения нашего духа *священнотайне* совершается *единством Тройческим,* то есть, по действу воскресившего Иисуса из мертвых Отца, воскрешенного Отцем Сына и исходящего от Отца и в Сыне почивающего Духа. Но видно также, что *воздвигий Христа из мертвых* оживотворяет мертвенное естество наше не иначе, как только *живущим Духом Его в нас.* Итак, есть особенное, таинственное общение духа человеческого с Духом Божиим, которое, быв прервано, прекращает действенность для нас и бесприкладной любви Отца и бесценных заслуг Сына; ни любовь Отца, ни заслуги Сына не усвояются теми, которые не имеют обручения Духа в сердце своем. Что после сего может быть с духом человеческим, в котором не живет животворящий Дух Божий?

Как животное начало духа человеческого, Дух Божий есть — первее всего — *Дух жизни* (Иезек. 37, 5. см. Рим. 8, 11) *и силы* (Лук. 1, 35). Итак, вне Его чему последовать, как не оскудению жизни, как не истощению сил? Кому не известно, что бывает с ветвью, отсеченной от древа, или с растением, пересаженным на бесплодную почву?.. То же бывает и с Духом Божиим. Отторженный от присно-живого и животворящего Духа — Бога, утратив силы благодатные и расточив дары естественные, он необходимо истощается в крепости, оскудевает в силе и, не обретая в самом себе неистощимого начала жизни, естественно иждивается и увядает среди крушения чувственной жизни. И вот *состояние духовного обнищания,* которое устами Тайновидца обличал некогда Сам Господь, *свидетель верный и истинный: глаголеши, яко богат есмь, и обогатихся, и ничто же требую, — и не веси, яко ты еси... и беден и нищ* (Апок. 3, 17).

Дух Божий есть *Дух красоты и благолепия* (Пс. 32, 8). Когда нет в человеке духовного богатства от *сокровища благих,* — откуда могут взяться благие мысли, благие чувствования, благие желания, а тем более благие дела, которыми бы облекся и благоукрасился наш дух? Из неочищенного Святым Духом *исходища* нашей *жизни — сердца* текут токмо нечистые помыслы, бесстыдные пожелания, преступные чувства. Из сего несчастного стяжания неприметным образом составляется некая одежда души нашей, которая имеет то отличительное свойство от обыкновенной одежды тела, что не только не скрывает, но и обнажает внутреннее безобразие и растление духа нашего пред очами Божиими. И вот *состояние срамной наготы* человеческого тела, обличенной так же некогда *Свидетелем истинным: глаголеши, яко ничтоже требую и не веси, яко ты еси... наг...Совещаю тебе купити от Мене одеяние бело, да облечешися и да не явится срамота наготы твоея.*

Дух Святый есть *свет и света податель.* И удивительно ли, если человеческий дух, вне общения с Духом света, облагается пагубным мраком? Нравственная нечистота, слагающаяся из бесчисленных и безнравственных помыслов и деяний, составляя одно темное облако, образует непроницаемую преграду, которою задерживается луч света к нему от Светодавца и закрывается внутреннее око духа. Это состояние *тьмы духовной или слепоты,* состояние, в

котором человек неспособен видеть ни лучшей жизни, возможной и предназначенной для него, ни бедственности положения действительного.

Дух Святый есть *Дух Питатель, насыщающий* алчущий дух наш *от древа животнаго и от манны сокровенныя* (Апок. 2, 7. 17) *и напаяющий его водою живою* (Иоан. 7, 37-39). Дух человеческий без Духа Божия походит на землю, иссушенную зноем солнечным. Между тем потребность духовного брашна есть потребность природы. И вот является *состояние глада духовнаго,* в котором человек, не имея пищи, сродной духу, думает насытить его рожцами — пищею животных низших, т. е. удовольствиями чувственными.

Дух Божий есть такой источник света, который не только светит, но и *согревает внутреннюю жизнь* нашего *духа* и возбуждает в нем жар любви к Богу, к людям, к закону, к добру (Гал. 5, 22-26). Естествословие знает, что испытывает царство растений, когда оскудевает в нем теплотворное начало. Можно уразуметь состояние духа человеческого вне источника благодатной теплоты. Если свойство благодатной теплоты — питать в духе нашем веру, возгревать надежду, плодотворить жизнь сердца, то без Духа Божия дух человека, естественно, цепенеет и, подобно составу телесному, хладеющему пред смертью, объемлется пагубным хладом и к Богу, и к вере, и к закону, и к добру, и к людям и, при всем самолюбии, даже к самому себе. И вот *состояние хлада духовнаго,* которое служит началом окончательного распадения духовного состава нашего, признаком нравственного тления.

Все эти состояния, слагаясь в одно, образуют то пагубное состояние человека, в котором он, живя по плоти и для плоти, мертв по духу, не живет и не действует для добра, для Бога, для жизни высшей, будущей: *вем твоя дела,* обличал Господь, дела духа человеческого, отчужденного от Духа Божия, *яко имя имаши, яко жив, а мертв еси* (Апок. 3, 1). Что может вдохнуть жизнь в эту обитель духовной смерти и пробудить умирающее к жизни? *Аще Дух воскресившаго Иисуса от мертвых живет в вас, воздвигий Христа из мертвых, оживотворит и мертвенная телеса ваша живущим Духом Его в вас.* Тленное к нетлению и мертвое к жизни возвать никто не может, кроме животворящего Духа Божия (Воскр. Чт. Г. XXI. 75).

Библиографический указатель к первым трем главам Апокалипсиса

1) *Андрея Кесарийского.* Толкование на Апокалипсис в рус. перев. с славянским текстом. Изд. Братства св. Петра Митрополита. М. 1889 г. Начало толкования на Апок. Гл. 1, ст. 1-9. стр. 9-16. Видение, в котором видел (Иоанн) Господа среди 7 светильников золотых, одеянного в подир. Гл. 1, ст. 10-20. стр. 17-21. Написанное Ангелу церкви Ефесской. Гл. II. ст. 1-7. стр. 23-25. Открытое [Откровение] Ангелу Смирнской церкви. Гл. II, ст. 8-11. стр. 27. Открытое [Откровение] Ангелу Пергамской церкви. Гл. II, ст. 12-17. стр. 29-31. Открытое [Откровение] Ангелу Фиатирской церкви. Гл. II, ст. 18-29. стр. 31-37. Откровение Ангелу Сардийской церкви. Гл. III, ст. 1-6. стр. 37-39. Откровение Ангелу Филадельфийской церкви. Гл. III, ст. 7-13. стр. 39-42. Откровение Ангелу Лаодикийской церкви. Гл. III, ст. 14-22. стр. 45-49.

2) *Ф. Яковлева.* Видение славы Сына Божия, Господа И. Х. Гл. I, ст. 12-16. Апостолы. Вып. 2. стр. 101-109. Повеления и наставления Господа нашего И. Х. семи церквам Азийским. Гл. II и III. Там же. стр. 109-122.

3) *Еп. Петра.* Толкование на первые три главы см. в «Объяснении Апокалипсиса св. ап. Иоанна Богослова». Томск. 1885 г. стр. 2-50.

4) *А. Жданова.* О преимуществах исторического способа толкования Откровения о 7 Азийских церквах пред символическим и типологическим. О священной седмерице церквей. См. заключение к статье: «Откровение Господа о семи Азийских церквах». Чт. в Общ. 1891 г. май-июнь стр. 460-476.

5) *А. Норова.* Путешествие к 7 церквам, упоминаемым в Апокалипсисе.

6) *Свящ. Н. Троицкого.* Несколько слов о современном состоянии 7 апокалипсических церквей. Воскр. Чт. XXXII, 843-851.

7) Альфа. (1, 8). Б. п. сл. В. Ч. 1874. I. 95.

8) Аполлион (1, 14). Б. п. сл. Там же. 159.

9) Патмос (1, 9). Б. п. сл. В. Ч. 1877. I. 460.

10) Пергам (1, 11). Б. п. сл. Там же. 175-176.

11) Сарды (1, 11). Б. п. сл. Там же. II. 254.

12) Антипа (II, 13). Б. п. сл. В. Ч. 1874. I. 145.

13) Иезавель (II, 20-23). Б. п. сл. В. Ч. 1875. II. 253.

14) Николаиты (II, 6). Б. п. сл. В. Ч. 1877. I. 15-16.

15) II, 10. Буди верен даже до смерти, и дам ти венец живота. *Филарета, Митроп. Москов.* Слова и речи, т. V. 216-220.

16) III, 1. Ты называешь себя живым, но ты мертв. Христ. Чт. 1821. I. 339.

17) III. 14-20. Пагубная теплота по Откровению св. Иоанна Богослова. Христ. Чт. 1822. V. 90-113.

18) *Фаррара.* Первые дни христианства. Письма к семи церквам. Стр. 479-485.

ГЛАВА IV

Видение славы Господа Бога Вседержителя

Четвертая глава Апокалипсиса содержит в себе начало нового — второго видения св. Иоанна Богослова: пред св. Тайновидцем Нового Завета является Господь, подобный *«іаспису и сардинови»:* Господь восседает на престоле, от которого исходит гром и молния, и пред которым горят семь светильников и простирается море, подобное кристаллу (IV, 1-5). Двадцать четыре старца и четыре животных (Ζῶα) окружают Сидящего на престоле, воздавая непрестанно поклонение Ему (IV, 6-11).

Изображение этого величественного зрелища, открывшегося пред взором Иоанна, начинается повелением ему, чтобы он взошел в отверстую дверь неба и смотрел на то, чему надлежит быть *«по сих»...*

Ст. I. *«По сих,* пишет св. Иоанн, *видех: и се двери отверсты на небеси, и глас первый, его же слышах яко трубу глаголющ со мною, глаголя: взыди семо, и покажу ти, ему же подобает быти по сих»*.

Форма выражения *«по сих видех»* — (μετα ταυτα ειδον), указывая на первое видение Иоанна Богослова (I, 10 — III, 21), во время коего Господь Бог повелевает ему написать послания к семи Церквам (I, 1-7, II, 12-16), в то же время указывает и на то, что второе видение св. Тайновидца, изображение которого начинается у него с IV гл., отлично от этого первого видения. Нельзя однако же думать, будто между первым и вторым видениями св. Тайновидец находился в обыкновенном, не пророческом состоянии духа, или будто второе видение св. Иоанна происходило в

совершенно другое время, в другие дни сравнительно с первым[1]. Слова 2 стиха: *и абие бых в дусе* (гл. IV, 2 ст.) вовсе не доказывают того, будто в данном 2 ст. IV-ой гл. Апокалипсиса говорится о переходе св. Тайновидца из обыкновенного, земного состояния в высшее пророческое, будто между первым и вторым видениями был такой промежуток времени, когда св. Иоанн не был «в духе». Слова эти скорее всего указывают на возвышение того прежнего пророческого состояния, которое было присуще Иоанну во время первого видения, на переход из прежнего пророческого состояния к состоянию более высшему, более духовному. Такого возвышения духовного состояния Иоанна требовало само второе видение, более высшее сравнительно с первым по своему содержанию.

Во время этого нового, второго по счету, видения, св. Иоанн видит прежде всего отверстую дверь на небе или в небе (εν τῶ ουρανῶ). Эта «дверь», по мнению некоторых западных толкователей, указывает на то, что небо представлялось св. Иоанну в каком-то особом, необыкновенном виде. По мнению некоторых, оно имело форму иерусалимского храма во всем его объеме, со всеми его пристройками, с притвором и даже со ступенями, ведущими из притвора в главную часть храма, на что будто бы, кроме слов «дверь отверста», указывают слова «взыди семо» (αναβα идти по ступеням). Другие, хотя и не вдаются в такое слишком рельефное, так сказать, описание неба, тем не менее в словах *«взыди семо»* и *«дверь отверста»* находят указание на то, что небесная площадь во время второго видения св. Иоанна не имела вида обыкновенного свода, а скорее всего представляла из себя нечто вроде возвышающейся террасы, окруженной и построенной на светлых облаках, составлявших из себя как бы прозрачную стену с дверью, которая открывается в тот момент, когда все зрелище является пред взором св. Евангелиста[2]. При такого рода толкованиях слова *«взыди семо»* и *«дверь отверста»* понимаются таким образом вполне буквально, так как

[1] Генстенберг. «Die Offenbarung des h.Johannis». 1-я Thei. Comment.
[2] Эбрард в его «Die Offenbarung Iohannis». Iahr 1853 S. 217.

предполагается, будто Иоанн на самом деле видел отверстую дверь на небесах.

В противоположность такому толкованию другие западные толкователи[1], принимая во внимание кн. Деяний VII главу 55 ст., где о св. Стефане говорится, что он *«исполненный Духа Свята, воззрев на небо, рече: се вижу небо отверсто и Сына человеча одесную стояща Бога»*, понимают выражение «дверь отверста» в небесах в смысле переносном, утверждая, что «отверстие двери на небе» в 1 ст. IV гл. Апокалипсиса надо понимать в смысле вообще разверзания небес, какой бы формы это последнее ни было.

Конечно, это отверстие неба св. Иоанн видел в «дусе», т.е. в пророческом созерцании, и поэтому для нас, как обыкновенных людей, совершенно непонятно, каким образом он видел дверь, отверстую на небе, каким образом восходил на небо и пр.

Повелевая Иоанну взойти в отверстые двери неба, голос обещает показать ему то, чему по Божественному решению подобает быть «по сих», т.е. чему подобает быть или после теперешнего момента, — после того, как Иоанн увидел «дверь отверстую» на небе и услышал голос «взыди семо», или же чему подобает быть после тех событий, которые видел св. Тайновидец при первом явлении Господа, чему подобает быть в самое последнее время существования Церкви Христовой, когда осуществится все то, что было сообщено св. Евангелистом о семи Церквах в послании к этим Церквам.

Ст. 2-2. *«И абие бых в дусе: и се престол стояше на небеси, и на престоле седящ. И седяй бе подобен видением камени іаспису и сардинови: и бе дуга окрест престола подобна видением смарагдови»*. Сказав о гласе, повелевавшем взойти в отверстую дверь на небе, св. Тайновидец далее во 2-м ст. замечает о себе, что все сообщаемое им он видел не в простом, естественном состоянии, а «в дусе», следовательно, слова *«и абие бых в дусе»* могут служить предисловием не ко 2-му только ст., но и к ст. 1-му и вообще ко всему второму видению. — Иоанн видит «престол стоящ» и на этом престоле «Сидящего». Хотя, может быть, вследствие блеска,

[1] Фюллер, напр., См.: Die Offenbarung Iohannis. Iahr 1844 S. 167.

окружившего этого Сидящего, св. Тайновидец и не описывает последнего ни под видом *«Сына человеческаго»* (гл. I), ни под каким другим видом, тем не менее на основании слова κα θημενοζ можно полагать, что Сидящий на престоле имел человеческий вид. Не говорит также св. Тайновидец и о том, какое лице св. Троицы нужно разуметь под этим Сидящим, хотя, основываясь на последующем контексте речи, без всякого сомнения, следует признать в нем Первое Лице Св.Троицы, Бога Отца, так как Сидящий на престоле, о Котором говорит Иоанн Богослов, отличается и от Сына Божия, изображенного во втором видении (V, 6 ст.) под образом «Агнца», принявшего книгу от десницы этого Сидящего на престоле, отличается и от Духа Святаго, что видно из 5-го ст. 4-й гл. Кроме того, в пользу такого мнения говорит сопоставление второго видения св. Иоанна с очень похожим на него по своему описанию видением прор. Исаии, который под видом Сидящего на престоле «высоце и превознесенне» (VI, 1), по общему мнению всех вообще толковников, видел Первое Лице Св. Троицы. Об отдельных частях «Сидящего на престоле» в своем Откровении св. Иоанн не говорит ничего, он говорит только о том, что весь вид его в общем был подобен камням *«іаспису и сардинови»: «и седяй бе подобен,* говорит он, *видением камени іаспису и сардинови: и бе дуга окрест престола подобна смарагдови»*. Ιασπισ, упоминаемый в Откровении св. Иоанна, по свидетельству св. Андрея Кесарийского, ссылавшегося при этом на Плиния (кн. 37 гл. 9 и 10) и Диоскора (кн. 5), по внешнему своему виду «камень зеленеющийся, яко смарагд». Σαρδιοζ, известный у нас под названием сердоника, по свидетельству того же Андрея Кесарийского, цветом рыжий и светлый или желто-огненный. Епифаний называет его словом «αιματοειστηζ».

Уподобляя Господа двум камням — яспису и сердонику, св. Тайновидец не говорит о том, в каком соединении он видел цвета этих камней: были ли они влиты вместе, или отделились один от другого, — указания на это нет; вполне произвольными поэтому являются мнения некоторых западных толковников, которые, ссылаясь на пророчество Иезекииля (VIII гл. 2 ст.), утверждают, будто фигура

Сидящего на престоле по своему блеску делилась на две части, из коих одна — голова и грудь — походила на яспис и выражала собою Божественное величие, другая — нижняя часть и ноги — напоминала цвет сердоника и являлась выражением Божественного гнева[1]. Более истинным является мнение толковников о том, что цвета сердоника и ясписа, которым св. Иоанн Богослов уподобляет Сидящего на престоле, были цветами эмблематическими. Первый из этих цветов — зеленый, по толкованию св. Андрея Кесарийского, означал «живоносное и пищеподательное Божественное естество», а второй — красный «чистоту и святость, вечно пребывающие в Боге», и грозный гнев Его к тем, которые нарушают Его святую волю; соединение этих двух цветов в едином Боге указывало на Всевышнего, карающего грешника и в то же время всегда готового простить его, если со стороны его обнаружатся хоть малейшие признаки истинного исправления[2].

Описав внешний вид Сидящего на престоле, св. Иоанн Богослов затем переходит к описанию престола. При этом он прежде всего указывает на то, что престол окружала дуга, которая по своему цвету «была подобна смарагду».

О том, какую форму представляла из себя дуга, окружавшая престол Сидящего, св. Тайновидец ничего не сообщает в Апокалипсисе, но основываясь на том, что словом ιριζ греки обозначали не только радугу, а вообще всякое кругообразное преломление лучей, как напр., круг около луны, нельзя утверждать, будто под ιριζ (в IV гл. 3 ст.) непременно надо разуметь радугу. Дуга только напоминала радугу, но не была ею самой. Окружая престол Сидящего, она являлась как бы необходимым пополнением, как бы рамкой, в которой было заключено явление. Сам цвет ее, как нельзя лучше, подходил к этому: дуга была подобна смарагду, а смарагд — камень зеленого цвета, каковой цвет, как известно, лучше всякого другого, при блеске драгоценных камней, своею нежностью увеличивает великолепие. Являясь как бы украшением видения, дуга в то же время, по мнению

[1] Генстенберг в его Offenb. Comm VI гл.

[2] Эбрард в его Offen. Iohannis. Seite 221.

толковников, имела и другое значение в видении св. Иоанна: она, как знамение прекращения гнева Божественного после потопа, указывала на вечную милость Божию к человечеству.

Ст. 4. *«И окрест престола престоли двадесять и четыри: и на престолех видех двадесять и четыри старцы седящыя, облечены в белыя ризы; и имяху венцы златы на главах своих»*. (4 ст.). Кроме дуги, св. Иоанн Богослов видит около престола Сидящего еще 24 престола, на коих сидят 24 старца, одетые в белые ризы с золотыми венцами на головах. Старцы сидели на 24 престолах, образуя собою круг, начинающийся и оканчивающийся престолом Господа.

Множество различных мнений существовало, да и теперь существует относительно того, кого нужно разуметь под этими старцами. Одни видят в лице их тех «первенцев», которые первоначально, подобно нам, были странниками на земле и которые затем, вопреки обыкновенному течению жизни всего человеческого рода, по высочайшему соизволению Божию удостоены были взятия на небо. Таков был благочестивый Енох, седьмой после Адама, которого Бог взял непосредственно с земли на небо (Быт. V, 24); таков был пламенный Илия, на огненной колеснице увлеченный туда же (2 Цар. II); таковы были все те святые пророки и избранные люди Ветхого Завета, гроба коих открылись после воскресения Господа, когда Он расторг узы ада[1]. Другие видят в 24 старцах начальников ветхозаветных черед священнических, которые, по распоряжению царя Давида, должны были по очереди служить при скинии; иные считают их патриархами от Адама[2], иные мучениками за Церковь Христову[3]. Древние католические богословы считали их или кардиналами, или монахами, или пастырями. Все вышеупомянутые мнения, впрочем, не получили большого распространения. Более распространенным и более основательным является тот взгляд, по которому 24 старца считаются старейшинами или представителями верующих в истинного Бога, признающих

[1] Брандт в его die Offenbarung Iohannis des Sichers . 1845. V. 84-85.

[2] Бэнгель.

[3] Эйхгорн.

Его своим Владыкой; белые ризы их есть знаки нравственной чистоты и вечной жизни; золотые венцы — знаки величия. Как небесные представители общин, верующих во Христа, они приносят (V гл. 8 ст.) молитвы пред Богом, являясь таким образом постоянными ходатаями пред Ним за грешное человечество. Некоторые утверждают, что под этими представителями следует разуметь 12 Апостолов и 12 патриархов, потому что они были главными духовными руководителями ветхозаветного и новозаветного человечества[1]. О таком толковании упоминает св. Андрей Кесарийский, хотя сам не разделяет, и не отвергает его. «Некоторым, говорит он, кажется лучшим видеть в 24-х старцах двадесять старцев, просиявших в Ветхом Завете (т.е. патриархов) и чрез другие двадесять в Новом» (т.е. Апостолов). В подтверждение такого взгляда приводят обычно слова Спасителя, обращенные к Апостолам: *«Аминь глаголю вам, яко вы шедшии по Мне, в пакибытие, егда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своея, сядете и вы на двоюнадесяте престолу, судяще обеманадесяте коленома Израилевома».* (Мф. XIX, 28). Эти же слова, говорят, относимые Спасителем к Апостолам, могут быть отнесены и к патриархам, представителям Ветхозаветной Церкви. Таким образом, этот взгляд на 24-х старцев подтверждается, по-видимому, авторитетом самого св. Писания. Несмотря на это, он едва ли может быть принят за вполне истинный, так как пророчество Спасителя, являющееся основанием этого взгляда, должно исполниться в «пакибытие», т.е. после второго пришествия Господа, между тем нельзя сказать вполне положительно того, что виденное Иоанном непременно относится ко второму пришествию. С другой стороны, патриархов было не двенадцать, а более, — почему же, спрашивается, их взято только 12 человек?

Чтобы избежать упомянутых трудностей, некоторые богословы разумеют под 24 апокалипсическими старцами не представителей Ветхозаветной и Новозаветной Церквей вместе, а представителей одной только Церкви Новозаветной, включившей в себя, как известно, две народности: иудейскую

[1] Эбрард, Боссюэт, Генстенберг, Ланге и др.

и языческую. Представителями этих-то двух народностей — христиан из иудеев и христиан из язычников — и являются 24 старца, сидящие на 24-х престолах около Всевышнего. Эти старцы таким образом не Апостолы и тем более не патриархи, а вообще святые Богоугодные люди, причем одна часть их (12 чел.) является мучениками за христиан из иудеев, другая (12) за христиан из язычников[1].

Нельзя сказать, чтобы и этот взгляд мог считаться вполне верным. Так, вполне основательно, кажется, замечают некоторые, что разграничение в этом взгляде членов Церкви Христовой на две народности не выдерживает строгой критики, так как и в Апокалипсисе (ср. гл. VII, 4 и IX) и Библии вообще (пр. Мих. IV, 1) христиане из язычников не противополагаются и не отделяются от христиан из иудеев, напротив, и те и другие считаются составившими друг с другом одно нераздельное целое (Иез. 54 гл.). Наконец, некоторые, преимущественно новейшие немецкие богословы, считают старцев в видении св. Тайновидца, не людьми — представителями человечества, а Ангелами — представителями народа Божия «князьями духов»[2]. В подтверждение такого взгляда обычно приводят все те места св. Писания (Быт. 1, 26, Пс. 89, 8. Иов. 1), в коих Бог изображается восседающим в совете Ангелов, подобно тому, как в видении Иоанна Богослова Господь изображается восседающим в совете старцев. В особенности же приводят в подтверждение этого взгляда видение пр. Даниила (VII гл. 9 ст.), во время коего как и пред Иоанном Богословом, является «Ветхий денми», восседающий на престоле и производящий суд над человечеством, — причем исполнителями этого суда, без всякого сомнения, являются Ангелы, а не люди. Из этого общего сходства между двумя видениями заключают обыкновенно о сходстве их в частных чертах. Если, говорят, в видении пр. Даниила под существами, окружавшими «Ветхого денми» следует разуметь Ангелов, то нет никаких оснований и в видении св. Тайновидца Нового Завета не считать старцев, окружавших

[1] Forlesung uber Apokal. De-Bemme. Offenbarung Iohan.

[2] Фюллер и Клифот.

Всевышнего, теми же Ангелами. Что же касается того, почему в видении св. Иоанна Ангелы являются в числе 24-х, то число 24 взято здесь в соответствии с числом представителей 24-х черед священнических, которые (представители) были членами Синедриона.

Нельзя сказать, чтобы и этот взгляд не возбуждал против себя никаких сомнений. Прежде всего, из самого описания видения св. Тайновидцем можно с некоторою вероятностью заключить о том, что едва ли сам Иоанн смотрел на 24-х старцев, как на Ангелов; это видно из того, что он очень ясно отличает этих старцев от Ангелов и по числу и по назначению: Ангелов пред престолом Сидящего было 7 (гл. VIII, 2), и назначение их во время видения было совершенно отлично от назначения старцев, ибо они были вестниками Божественных казней, Божественного суда над грешным человечеством (VIII гл.), между тем как назначение старцев состояло в прославлении Господа, и пред престолом их было 24, а не 7. Правда, в VI гл., 11 и 12 ст. содержится указание на то, что Ангелов и старцев было не 7 и 24, а *«тысяща тысящей»*, и назначение тех и других было, по-видимому, одинаково, так как и первые и вторые прославляют Агнца, но Ангелы, о которых говорится здесь, были не «пред престолом» Сидящего, как 7 Ангелов, а «окрест престола», по всей вероятности, на известном расстоянии от последнего, равно как и старцы, упоминаемые в VI гл. 11 ст. должны быть отличаемы от 24 старцев, ибо не говорится, чтобы они восседали на престолах; кроме всего этого, самое деление в указанном месте (VI гл. II) прославляющих Господа на Ангелов и старцев ясно доказывает, что св. Тайновидец не смешивал их.

Таким образом, крайне трудно и даже, можно сказать, совершенно невозможно решить вопрос о том, кого нужно разуметь под 24 старцами, виденными Иоанном Богословом. Одно только можно считать несомненным: в лице 24 старцев, виденных св. Тайновидцем, Церковь земная всегда имела и всегда будет иметь заступников, ходатаев за себя пред Богом, и поэтому связь между Всевышним и Церковью навсегда должна остаться незыблемою. Эта истина, можно с достоверностью полагать, и была выражена видимым образом в лице 24 старцев.

Ст. 5. ***«И от престола исхождаху молния и громи и гласы: и седмь свещников огненных горящих пред престолом, яже суть седмь духов Божиих».***

Сказав о том, что было около престола Сидящего, св. Тайновидец далее указывает, что было, так сказать, принадлежностью самого престола.

«Молния, гласы (φωνη собств. шум во время бури) и громы, которые составляли эту принадлежность и которые исходили из престола, по мнению одних, суть «знамения суда», по мнению других, знамения того громкого и, когда нужно, страшного языка, которым Бог иногда вразумляет грешников, другими словами — знамения страшных Божественных наказаний, постигающих грешников[1]. Можно считать эти явления и вообще за знамения Божественного всемогущества, поскольку обнаружения этого всемогущества бывают доступны зрению и слуху человека.

Другою принадлежностью престола были семь светильников *«яже,* говорит св. Иоанн, *седмь духов Божиих»*. Толкователи разногласят между собой во взглядах на то, что следует понимать под этими светильниками. Одни из них (Клим. Алекс., Арефа и др.) видят здесь или семь Ангелов, или семь епископов, или, наконец, семь Церквей. Но такой взгляд опровергается тем, что выше (I) эти семь светильников считаются источниками благодати, равными Богу Отцу и Иисусу Христу, а в V гл. 6 ст. они ставятся в самую тесную связь с Агнцем и называются Его *очами*. Нельзя согласиться также с теми толкователями, которые видят в семи светильниках олицетворение семи свойств Бога (так наз. сефиротов) или вообще, понимают их в абстрактном смысле, в смысле, напр., добродетелей Божиих. С первыми — нельзя согласиться потому, что понятие о сефиротах явилось только в третьем веке, и их было не семь, а десять; а со вторыми — потому, что в I гл. 4 ст. эти семь светильников изображаются не как абстрактные понятия, а как имеющие свою самостоятельную личность наравне с Богом Отцем и Иисусом Христом; кроме того, было бы в высшей степени нелепо считать абстрактные понятия источником благодати,

[1] Генстенберг, Эбрард.

как это делается в I гл. 4 ст. На основании свойств, приписываемых семи светильникам, гораздо лучше видеть в них указание на третье Лице Св. Троицы.

Уже седмеричное число светильников свидетельствует о том, что под ними следует разуметь Духа Святаго не в единичных — известных только Его проявлениях, а вообще во всех разнообразных действиях Его и в особенности, конечно, тех, которые очищают и освящают души разумных существ, так как числом семь в священных книгах всегда выражается понятие о полноте, о совершенстве. Такого мнения держится Андрей Кесарийский, по словам коего: «седмь светильников — действия животворящего Духа, о которых говорит пр. Исаия» (XI, 42). Таким образом, седмеричное число светильников употреблено во время видения не без причины. Не без причины также св. Тайновидец видит Духа Святаго не под каким-нибудь другим образом, а под образом светильников. Чтобы яснее понять значение этого образа, припомним подобное же видение пр. Захарии. Пророк также видит светильник с лампадами и слышит от Ангела, что храм Зоровавеля будет построен не в силе «велицей, ни в крепости, но в Дусе», (6 ст.), и что лампады светильника, виденного им, будут для храма как бы «очи Иеговы, призирающия на всю землю» (10 ст.). Припомним другое видение св. Тайновидца, описанное в V гл. 6 ст., где говорится, что Агнец как бы закланный имел семь очей, которые суть «седмь духов Божиих, посланных во всю землю» (V гл. 6 ст.). Из этих последних двух видений легко можно заметить, что Дух Святый в них является, с одной стороны, как сила действующая — созидающая храм, с другой стороны — как сила промышляющая, почему образы этого Духа — лампады (видение Захарии) и очи Агнца (видение Иоанна) и называются «очами Божиими, призирающими всю землю», «посланными во всю землю». Сопоставляя эти два видения с видением, описанным Иоанном в IV гл. Апок., легко можно заключить, что светильники, под образом коих во время последнего видения (IV гл.) является Дух Святый, имели то же значение в видении, какое имели «очи Агнца», о которых говорится в V гл. Апок., или лампады, о которых говорит пр. Захария,

т.е. образом этим выражается мысль о творческой и промыслительной деятельности Духа Святаго.

Ст. 6. ***«И пред престолом море стькляно, подобно кристаллу. И посреде престола и окрест престола четыре животна исполнена очес спреди и созади»*** (6 ст.).

Кроме семи светильников, св. Тайновидец видит пред престолом море, подобное стеклу. Как велико это море, Иоанн не говорит, он говорит вообще, что оно было «пред престолом» — ενωπιον του θρονου. Нельзя поэтому вполне определенно сказать, было ли это море базисом одного только престола Божия[1], или же было основанием, на котором находились и престол Всевышнего, и престолы 24-х старцев, и четыре Ζωα и вообще все живые существа, явившиеся Иоанну во время второго видения[2]. Нельзя также сказать вполне определенно и того, облака ли составляли это море, или что-нибудь другое[3].

Некоторые из толкователей видят в стеклянном море образ «великих и чудесных дел Божиих, образ незримости Божественных приговоров и вообще образ Божественного величия и славы»[4]. Другие видят в нем образ «ясности, в которой лежит пред Богом мир. Как прозрачное стекло, как чистый кристалл, лежит этот мир пред Всевышним, так что все наго и объявлено пред очима Его»[5]. Иные, наконец, сопоставляя море, виденное Иоанном, с рекой, виденной им же (XII, 1), утверждают, будто и море, и река суть образы «полноты Божественной жизни» или образы «благодатной силы Духа Святаго, которую Сам Спаситель наименовал «реками воды живой»[6].

Чтобы правильнее решить вопрос о том, что означало море, виденное св. Иоанном, следует обратить внимание на характерные черты этого моря. Эти характерные черты есть: прозрачность, подобная стеклу или кристаллу и связанные

---

[1] Эйхгорн.
[2] Эбрард.
[3] Де-Ветте.
[4] Генстенберг.
[5] Фюллер.
[6] Ланге.

с этим последним твердость, неподвижность, спокойствие. Как неподвижное и прозрачно-зеркальное, оно должно быть отличаемо от бурного моря, виденного тем же св. Тайновидцем (Ап. XIII, 1), под которым (морем), обыкновенно, разумеют падшее человечество, то море народов, из которого восставали силы, враждебные христианству. Кристалловое море на небесах отличается от этого моря народов на земле своим спокойствием и прозрачностью. И если под тем морем следует разуметь падшую, обуреваемую злыми духами тварь на земле, то в этом небесном море нужно видеть образ чистого, святого творения на небе, творения в его чистых, нормальных отношениях к своему Создателю, — говоря кратко — под этим морем следует разуметь вместе со св. Андреем Кесарийским «множество святых сил небесных, чистое и бессмертное».

Кроме кристалловидного моря, находившегося пред престолом, «посреди престола и окрест престола», св. Тайновидец видит четырех существ, которые в нашем славянском переводе не совсем точно названы животными, и которых сам Иоанн называет именем Ζῶα т.е., живыми существами — субстанциями. Это название — Ζῶα, отличаясь от θηρα, употреблялось почти всегда греческими писателями в благородном значении, т.е., для обозначения таких существ, которые по своей природе стоят не ниже человека. Поэтому, хотя живые существа, виденные св. Иоанном и имели некоторые внешние черты животных, но они по своей природе отнюдь не были, конечно, животными. Находились они, по словам св. Тайновидца, *«посреди престола»* и *«окрест престола»*. Спрашивается, как понимать эти последние слова? Как Ζῶα, о которых говорит св. Иоанн, могли находиться одновременно посреди престола и окрест престола? При решении этого трудного вопроса, одни из толкователей стараются объяснить это место по аналогии с видением пр. Иезекииля, у которого в 1 гл. описывается нечто подобное виденному св. Иоанном. Пророк Иезекииль, между прочим, видит «облак великий в виде трона (I гл., 4 ст.) и четырех Ζῶα, покрытых глазами и крыльями, причем эти Ζῶα, совершая постоянно быстрые, как молния, и

недоступные для слуха, движения в различные стороны (ст. 14), чрез это постоянно выступают из середины облака и затем снова возвращаются внутрь его. Нечто подобное, говорят, видел и св. Иоанн.

Первоначально он видит только один престол; потом видит, как внутри этого престола начинается жизнь, работа, как начинает сверкать молния; видение становится все яснее, определеннее, и вот, в момент наибольшей ясности его св. Тайновидец устремляет взор свой внутрь прозрачного престола и там видит 4-х двигающихся Ζῶα, которые в известный момент выдвигают себя из престола в четыре противоположные стороны и таким образом окружают последний, являются *«окрест его»;* потом в известный же момент они вдруг снова совершают обратные движения, т.е. внутрь престола, и таким образом являются *посреди его*[1]. Толкование это, при всем остроумии своем, едва ли можно считать истинным, так как, во-первых, о Ζῶα не говорится, чтобы они двигались, и так как, во-вторых, выражение «посреди престола и окрест престола» указывает на то, что Ζῶα были окрест и посреди престола в один и тот же момент, а не в разные, как полагают придерживающиеся вышеупомянутого толкования. Другие, в объяснение того, каким образом Ζῶα могли одновременно находиться «окрест престола и посреди престола», предполагают, что престол Всевышнего, о котором говорится в IV гл. Апок., следует понимать двояко: в узком смысле под ним следует разуметь престол Божий, как седалище Бога, а в широком — вообще все то пространство, которое было заключено между Ним и 24 престолами старцев, образовывавшими, как известно, вместе с главным престолом Сидящего, нечто вроде круга. Когда теперь св. Тайновидец говорит, что Ζῶα находились посреди престола, то он понимает этот последний в широком смысле, т.е. в смысле всего пространства, обнимаемого главным престолом Всевышнего и 24 престолами старцев. Так как 4 Ζῶα находились посреди этого пространства, в круге, образуемом престолом Сидящего и 24 престолами старцев, то св. Иоанн и говорит о них, что они были посреди

[1] Эбрард.

престола. Находясь же посреди престола, понимаемого в широком смысле, они в то же время находились и окрест престола, понимаемого уже в узком смысле: седалища Бога. Нельзя сказать, чтобы и такое толкование могло считаться вполне истинным, так как главное основание его: понимание престола Всевышнего в узком и широком смысле, не подтверждается св. Тайновидцем.

Нельзя согласиться, наконец, также и с теми толкователями, которые в объяснение слов «посреди престола и окрест престола» полагают, будто первое из этих выражений употреблено в том смысле, что каждое Ζῷον находилось около середины (от концов какой-нибудь стороны престола, которых (сторон) у последнего было 4); находясь около каждой из 4-х сторон престола, животные тем самым становились в то же время и окрест его. При таком толковании непонятно, каким образом Иоанн мог рассмотреть то животное, которое стояло около задней стороны престола[1]. Гораздо вероятнее в объяснение слов «посреди престола и окрест престола» предполагать, что выражение, «посреди престола» употреблено в смысле «на средней высоте престола». Престол Всевышнего, можно полагать, был снабжен ступенями, или вообще чем-нибудь похожим на последние; на одной из этих ступеней, средней, и находились, как бы вроде украшения, живые существа, о которых говорит Иоанн. В этом смысле, находясь «посреди престола», эти живые существа находились в то же время и окрест престола[2].

О внешнем виде живых существ св. Тайновидец замечает, что они были «исполнены очес спереди (ἔμπροσθεν), сзади (ὄπισθεν) внутрьуду (ἔσωθεν) (8 ст.). На основании этих слов можно заключать, что Ζῷα были всецело покрыты глазами, так что могли вполне беспрепятственно смотреть во все стороны, поэтому являлись неограниченными в зрении. Такими же, можно сказать, неограниченными они были и в движении, так как каждое из них, имея по шесть крыльев, могло беспрепятственно вращаться во все стороны. Из этих

[1] Дюстердик.
[2] Фюллер.

шести крыльев, которые они имели, по мнению св. Андрея Критского и Дионисия Ареопагита, они двумя покрывали лица, двумя ноги, и двумя летали.

Ст. 7. *И животно первое подобно льву, и второе животно подобно тельцу, и третье животно, имущее лице яко человек, и четверто животно подобно орлу летящу»*. Описывая далее живые существа с их внешней стороны, св. Тайновидец говорит, что первое из них было подобно льву, второе подобно тельцу ὅμοιον μόσχῳ. Так как название μόσχος LXX толкователей одинаково прилагают и ко всякому рогатому животному (Иезек. I, 10; Исх. XXI, 39; Левит XXII, 23), и к тельцу взрослому (Исх. XXIX, 10), и к молодому теленку (Исх. XXXII, 4), и вообще ко всякому крупному скоту (Быт. XII, 16), то, собственно, нельзя сказать вполне определенно, что следует разуметь под μόσχος в 7 ст. IV гл. Апокалипсиса. Большинство толкователей, впрочем, под этим словом разумеют в упомянутом месте тельца, и при том взрослого, так как именно телец, как представитель домашних животных, по своим свойствам, лучше всего может стоять наряду со львом, представителем кровожадных животных, и орлом, представителем пернатого царства. Такое понимание слова μόσχος удержано в славянском и русском переводах.

Третье животное, по словам св. Тайновидца, имело человеческий вид, четвертое было подобно орлу.

При решении вопроса о символическом значении животных, как и при решении вопроса о 24 старцах, толковники расходятся между собою. По мнению одних из них, Ζῷα суть все живые создания природы, представленные в конкретной форме или, как выражаются другие, суть олицетворения созданий внешней природы или земли: лев — олицетворение диких животных, телец — олицетворение домашних животных, орел — олицетворение пернатого царства и человек — олицетворение разумных существ. Присутствие всех этих Ζῷα вокруг престола Всевышнего служило знаком того, что вся природа устройством своим прославляет Бога[1]. Такой взгляд на Ζῷα едва ли может быть принят, так как те

[1] Бенгель и Генстенберг.

необыкновенные свойства, кои св. Тайновидец прилагает виденным им живым существам, никоим образом не могут быть отнесены к созданиям внешней природы, хотя бы даже взять самых лучших представителей этих созданий.

Другие толкователи, отвергая этот взгляд, полагают, что под живыми существами, виденными св. Иоанном, следует разуметь творческие силы Бога, чрез которые Он управляет миром. Эти силы изображены под видом живых существ, покрытых всюду глазами, и обладающих каждое по 6-ти крыльев, для того будто бы, чтобы показать, что Бог не мертвая, пантеистическая субстанция, а живое, личное существо. Первое из этих Zῶα олицетворяло по этому взгляду ту силу, которая действует во всей природе и которая лежит в основе всякой жизни — силу физического разложения, уничтожения. Вследствие этой силы ничто материальное не остается постоянно одним и тем же, ничто не вечно, а все в постоянном движении, в переменах. Сила эта таким образом производит мертвый хаос, из которого вторая творческая сила, сила питания, производит жизнь органическую, заставляя мертвую материю служить пищей для организмов, умерщвляя ее для пользования тому, кто живет, движется. Эта вторая творческая сила представлена в видении под образом тельца-символа питания в Ветхом Завете. При одной этой силе жизнь, впрочем, невозможна: для последней требуется третья творческая сила — сила мысли, разума, располагающая всю систему природы так, чтобы везде была чудная гармония, чтобы низшее, простое было основой сложного, высшего. Эта сила творческая изображена под видом третьего Zῶον, человека, символа разума. Наконец, так как результатом всей естественной жизни должно быть то, чтобы все целое в членах и частях своих сохраняло себя, то выведено четвертое Zῶον, орел, как символ охраняющей, пекущейся о творении, силы Бога. (Иов. XXXIX, 30; Иерем. 49 гл. 16. Исх. XIX, 4)[1].

При всей видимой основательности, взгляд этот нельзя принять потому, что в св. Писании нет ни одного места, где

[1] Эбрард.

творческие силы Бога олицетворялись под видом живых созданий.

Большинство толковников — особенно новейших, опираясь на авторитет св. Писания, видят в Zῶα не олицетворение внешней природы или творческих сил Бога, а тех Херувимов, которых под видом же Zῶα видел и пр. Иезекииль. В доказательство этого приводят обыкновенно сходство между живыми существами, виденными обоими Тайновидцами — Иоанном Богословом и пр. Иезекиилем. Защитники этого взгляда утверждают, что Херувимы приняли внешний вид льва, тельца, человека и орла для того, чтобы таким видом символизировать различные Божественные свойства. Лев — олицетворение мужества и благородства, телец — олицетворение крепости и силы, человек — олицетворение мудрости и вообще ума, и орел — олицетворение быстроты, скорости. Таким образом, все эти животные, окружая Всевышнего во время видения св. Тайновидца, олицетворяли собою высочайшие свойства Господа: всемогущество, премудрость и проч., все они, находясь окрест престола Всевышнего, тем самым указывали на то, что все добродетели в высочайшей степени соединены в лице Единого истинного Бога. Само число этих Zῶα — четыре служило символом Божественной власти над всем миром; множество глаз, коими они были покрыты — символом Божественного всеведения, от которого ничто не остается скрытым; шесть крыльев, посредством которых они могли вполне беспрепятственно летать всюду, были символом Божественного вездеприсутсвия[1]. Такой взгляд на Zῶα, хотя и имеет множество приверженцев в западной богословской литературе, все-таки едва ли может быть принят за абсолютно истинный, вследствие того, что в самом Апокалипсисе ясно проводится мысль об отличии Zῶα, равно как и 24-х старцев, от Ангелов и по числу, и по назначению.

Из других толкований на тот же седьмой стих Апокалипсиса можно указать толкование, приверженцы которого видят в Zῶα Иоанна Богослова четырех Евангелистов, каковое мнение допускается, хотя не

[1] Клифорт, Фюллер и др.

утверждается окончательно, и Андреем Кесарийским. По этому мнению, животное под видом льва, символа силы, власти и величия изображает собою Ев. Марка, так как в его Евангелии, главным образом, является Спаситель, как царь. Под видом тельца (жертвенного животного) представляется Ев. Лука, так как, говорит Андрей Кесарийский, его Евангелие «законне и священнически Христа родословивше» — другими словами, так как его Евангелие изображает, главным образом, Спасителя, как Агнца, принесшего себя в жертву за грехи мира. Под видом человека изображается Евангелист Матфей, так как в его Евангелии Христос является, как второй Адам, пришедший во плоти, как человек; и, наконец, под видом орла изображается Ев. Иоанн, ибо в его Евангелии Спаситель является, как Сын Бога в том горнем мире, источник коего Он Сам в единстве с Отцем от века. Помимо этих более или менее распространенных взглядов на Ζῶα существуют и др., менее распространенные. Некоторые, напр., считают их четырьмя отцами Церкви, некоторые — четырьмя странами света, иные четырьмя Апостолами и пр. Уже одно обилие этих взглядов может служить доказательством, насколько трудно решение вопроса о том, как нужно смотреть на Ζῶα, виденные Иоанном Богословом. Правда, западная богословская литература дает нам, как мы уже видели, достаточное количество решений по этому вопросу, но какое из этих решений следует считать абсолютно истинным, сказать трудно, так как ни одно из них не имеет прямого подтверждения авторитетом Богодухновенных писателей, авторитетом отцев и учителей Церкви, и так как, с другой стороны, каждое из них имеет те или другие недостатки. Лучшими из этих толкований следует считать или толкование, по которому в Ζῶα видят четырех Евангелистов, или толкование, по которому четыре Ζῶα суть Херувимы, своим внешним видом олицетворявшие Божественные свойства. Эти толкования более, чем другие, имеют основания в св. Писании и в предании Православной Церкви.

Ст. 8. *«И животна четыре, едино коеждо их имеяху по шесть крил, окрест, и внутрьуду исполнена очес: и покоя не*

имут день и нощь, глаголюще: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, иже бе и сый и грядый».

Сказав о внешнем виде живых существ в шестом и седьмом стихах, св. Тайновидец возвращается к описанию этого внешнего вида для того, чтобы перейти к дальнейшему изображению видения: к изъяснению того, почему четыре Ζῶα воздавали хвалу Богу. Побуждением к этому служило ясное и отчетливое созерцание Господа. Ζῶα имели множество глаз «окрест и внутрьуду (8 ст.), спереди и сзади»; (6 ст.); и вследствие такого устройства тела своего, видя Всевышнего во всей славе Его, они, конечно, не могли не прославлять Его. Каждое Ζῶον, по словам св. Тайновидца, имело по шести крыльев «окрест и внутрьуду исполнена очес». Слова «окрест и внутрьуду» некоторые относят не к крыльям живых существ, а вообще к их телу, поэтому после слов «по шести крыл» ставят знак препинания[1].

Описывая деятельность Ζῶα, св. Тайновидец говорит, что они *«покоя не имут день и нощь, глаголюще»*... Эти последние слова указывают на характер деятельности живых существ: на их неутомимость, с одной стороны, и на непрерывность их деятельности — с другой. Ζῶα воспевают ту песнь, которую еще слышал и пророк Исаия (VI гл.), т. е. хвалебную песнь: *«свят, свят, свят Господь Вседержитель, иже бе и сый и грядый»*. Троекратное произношение слова «свят», по мнению одних толковников, указывает на троичность лиц в Едином Боге, по мнению других — на всемогущество Бога или вообще на высочайшую степень Его совершенства. В хвалебной песни живых существ указывается в первый раз имя Сидящего на престоле: Он называется *«Господом Богом Вседержителем»* — Παντοκράτωρ, т. е. господствующим, владеющим всем миром.

Ст, 9-11. *«И егда даша животная славу и честь и благодарение седящему на престоле, живущему во веки веков, падоша двадесять и четыре старца пред седящем на престоле, и покланишася живущему во веки веков, и положиша венцы своя пред престолом, глаголюще: достоин еси Господи прияти славу и честь и силу: яко Ты еси создал всяческая, и волею*

[1] Фюллер.

Твоею суть, и сотворени». Некоторые толковники, основываясь на том, что форма δωσουσιν (даша) по греч. форма будущего времени, утверждают, будто последние три стиха (9-11) составляют не продолжение видения св. Иоанна Богослова, а составляют пророчество последнего о том, что когда при конце мира, при заключении человеческой истории, будет все покорено Богу, тогда вся тварь во главе с искупленным человечеством будет прославлять Создателя, будет воспевать пред Ним ту песнь, которую воспевали 24 старца в видении Иоанна Богослова[1]. Но такое толкование не верно, так как будущая форма «και ὅταν δωσουσιν» употреблена в 9-м ст. как еврейское futur вместо сослагательного наклонения для выражения повторяемости действия. Св. Тайновидец Нового Завета хотел этой формой указать на то, что всякий раз, как Zῶα воспевали хвалебную песнь Богу, воздавали Ему честь, славу и благодарение, всякий раз при этой песне небесные представители человечества поднимались со своих престолов и падали на землю пред Всевышним. Поэтому нет никаких оснований считать хвалебную песнь старцев и вообще последние три стиха IV гл. Апок. пророчеством самого Иоанна; содержащееся в этих стихах составляет такую же принадлежность видения, какую составляет изложенное Иоанном с 1-8 стиха IV гл. Апокалипсиса. Нет также никаких оснований поэтому и песнь 24 старцев считать песнью исключительно искупленного человечества, как полагают некоторые[2]; ее следует считать вообще хвалебною песнью творения Создателю своему. Сама Церковь Христова славославит Бога не за искупление только человечества, а прежде всего и главнее всего за то, что Он есть Бог, что Он Создатель.

И это вполне естественно, так как если бы не было Бога, как Бога Творца, то не было бы никакого искупления; если бы не было того верховного и превечного закона, что тварь должна воздавать славу Богу, как Творцу, то не было бы никакого различия между добром и злом, и, следовательно, не было бы никакой потребности в прощении грехов. Поэтому все религии вообще, равно как христианство в частности, прежде всего воздает «славу, честь и силу» Богу, как Творцу. В этом смысле не только старцы — представители всего человечества, но и Христос, Который, когда покорит Себе все, тогда и Сам покорится покорившему Ему все, да будет Бог все во всем (1 Кор. XV, 28). Славословя Бога и преклоняясь пред Ним, старцы, по словам св. Иоанна, снимали с себя венцы и полагали их пред Всевышним. Это снятие венцов служило знаком самого смиренного преклонения пред Богом, так как подобное снятие венцов совершали в древности незначительные владыки в присутствии таких могущественных государей (напр. персидских), от коих они находились в полнейшей зависимости. Глаголы «падоша (πεσουνται)», «поклонишася (προσκυνησουσι)», «положиша венцы своя» в греческом тексте поставлены в будущем времени по той же причине, по какой в том же времени стоит глагол δωσουσιν «даша», т. е. для обозначения повторяемости действия. Поклоняясь Господу, старцы в то же время говорили: *«достоин, еси, Господи, прияти славу и честь и силу: яко Ты еси создал всяческая и волею Твоею суть и сотворени»*. В словах *«волею Твоею»* по греч. δια δελημα σου предлог δια указывает на волю Божию, как на основание, а не как на средство творческой деятельности Бога. Слова *«суть и сотворени»* являются не равнозначащими, не тождественными по значению, а взаимно дополняющими друг друга, причем глагол *«сотворени»* служит пояснением глагола *«суть»*, указывая на то, что все волею Божиею вступает в бытие *(суть)*, благодаря творческой деятельности Бога *(сотворени)*.

Всматриваясь в формы выражения, в коих 4 Zῶα и 24 старца обращаются к Богу при прославлении Его, легко можно заметить, что эти формы отличны друг от друга. Так, 4 Zῶα, при своем прославлении Господа, обращаются к Нему, называя Его в третьем лице (8 ст.), а 24 старца во втором лице (11 ст.). Такое различие, по мнению одних писателей, объясняется тем, что 24 старца являются более близкими к Богу, чем 4 Zῶα, и соответственно этому первые употребляют ту форму обращения к Богу, которая

---

[1] Брандт.
[2] Де-Ветте.

употребляется между особенно близкими лицами, т. е. называют Бога во втором лице, а вторые (Ζῶα), как более удаленные от Бога, при обращении к Нему, употребляют форму, которая уже не имеет дружеского тона, т. е. обращаются к Богу, называя Его в третьем лице[1]. По другому толкованию, кажется, более верному, различие в выражениях при обращении к Богу Ζῶα 24-х старцев объясняется тем, что первые, т. е. Ζῶα, находясь на престоле вместе с Богом, вследствие этого составляли с последним как бы одно нераздельное целое, поэтому и прославление их должно было идти не к престолу, на котором они находились сами, а от престола, т. е. в третьем, а не во втором лице. Напротив, 24 старца, как находившиеся на известном расстоянии от престола, должны были, прославляя Бога, обращаться к престолу и, следовательно, называть Бога во втором лице, а не в третьем[2].

Из всего вышесказанного ясна задача видения, описанного св. Иоанном Богословом в IV гл. Апокалипсиса. Оно показывает живое проявление личного, но вечного Бога славы над творением и в творении. Около Его престола постоянный гром и молния, постоянная работа, постоянная жизнь. Он управляет вселенной, не как мертвый Аллах, который нисколько не заботится о мире, а как Господь, пред коим — 7 светильников, как бы огненных глаз. Он надзирает и управляет миром, господствует над ним и заключает в Себе Самом все духовные блага. Между Ним и творением и, в особенности, между Ним и воинствующею Церковью существует постоянная непрерывная связь, выражающаяся в том, что Церковь имеет пред Богом постоянных молитвеников и заступников за себя, которые, олицетворяя собою все человечество, возносят от лица этого человечества постоянные молитвы Всевышнему. В то же время они славословят Всевышнего за Его совершенства вообще и за Его творческую и промыслительную деятельность в особенности. Таковы существенные черты содержания IV гл. Апокалипсиса.

[1] Клифот.

[2] Фюллер.

Библиографический указатель к IV главе

1) *Андрея Кесарийского.* Толкование на Апокалипсис в русском перев. с славянским текстом. Изд. Братства Св. Петра Митроп. М. 1895 г. О виденных в небе дверях и 24 старцах и о прочем. Сл. 4 гл. 10. Стр. 49-57.

2) *Ф. Яковлева.* Апостолы. Вып. 2. Толкование Апокалипсиса. Видение славы Господа Бога Вседержителя. Стр. 122-142.

3) *Еп. Петра.* Объяснение Апокалипсиса Св. Ап. Иоанна Богослова. Томск. 1885 г. Предисловие Откровения (ст. 1 и полов. 2-го). О престоле Божием (ст. 2-3); обстановка престола: сонм 24 старцев (ст. 4); молния и громы, происходящие от престола, и семь огненных светильников, горящих пред престолом (ст. 5); подстилка или пол под престолом Божиим (ст. 6); 4 животных разного вида, стоящие пред престолом: вид их (ст. 6-7); занятия (ст. 6); принадлежность или следствие сказанного занятия животных: почитание Божественного величия (ст. 9-11). Стр. 51-63).

ГЛАВА V

Второе видение славы Господа нашего Иисуса Христа, Агнца Божия

Ф. Яковлева

Господь Вседержитель, Которого Иоанн видел сидящим на престоле, окруженным дивными знамениями, держал в правой руке книгу, исписанную снаружи и внутри и запечатанную семью печатями. Один из могущественных Ангелов громко взывал, чтобы кто-нибудь возмог снять печати с книги и раскрыть ее; но никто не нашелся во всем мироздании Божием. Зритель видения, Иоанн, увлекаемый желанием раскрытия таинственной книги, почувствовал живое прискорбие, что она останется закрытой и запечатанной, но был утешен одним из старцев (Апок. V, 5). Вот и представилось ему другого рода видение.

И се посреде престола и четырех животных, и посреде старец, Агнец стоящ, яко заколен, имущ рогов седмь, и очес седмь, еже есть седмь духов Божиих, посланных во всю землю (Гл. V, ст. 6).

Агнец стоящ, яко заколен — это Господь Иисус Христос, Которого Предтеча назвал *Агнцем вземлющим грехи мира* (Иоан. 1, 29). Дивный этот Агнец имел семь рогов. *Рог* иносказательно употребляется в Писании, как выражение силы, власти, славы, высоты сана и других преимуществ. И потому семь рогов Агнца были как бы венец из семи сил всесокрушающих, которым ничто противиться не может. Семь очей Его, как изъяснено в Апокалипсисе, означали семь Духов Божиих, посланных во всю землю, или одного Духа Святаго, проявляющегося преимущественно в семи

дарах Своих (Исаии XI. 2 и 3). — *Агнец стоял посреди престола* — как же это могло быть? Престол занят был Господом Богом Вседержителем. — Да и где же быть Сыну Божию, как не там, где Отец Его? Тот же престол Отца и Сына Божия, а потому то же царство, та же власть и могущество — истинный престол Сына Божия был, есть и будет вечное недро Господа Бога Вседержителя. — *Агнец стоял,* то есть, находился в положении бодрствования и деятельности, как мироправитель, как попечитель всего человечества. Около Него, как около Бога, те же Серафимы и святые старцы. — Один только Он — Сын Божий, как Агнец, как Искупитель, возмог принять таинственную книгу из десницы Бога Вседержителя. Он и принял ее. В это священное мгновение небеса огласились неисчислимыми хвалебными песнями.

И егда прият книгу, четыре животна и двадесять и четыре старца падоша пред Агнцем, имуще кийждо гусли, и фиалы златы полны фимиама, иже суть молитвы святых (ст. 8).

Заметим, что Серафимы и старцы воздали почитание Искупителю Агнцу Божию — равное, как и Господу Богу Вседержителю. У старцев были в руках гусли, которые мы понимаем за звучное песнопение их душ, и золотые чаши, наполненные фимиамом, которые, по объяснению самого писателя Апокалипсиса, означают молитвы святых. Объяснение это вразумляет, что все это торжество надобно понимать духовно, хотя оно изображено в чувственных формах.

И поют песнь нову, глаголюще: достоин еси прияти книгу, и отверсти печати ея: яко заклался, и искупил еси Богови нас кровию Своею от всякого колена и языка, и людей и племен: и сотворил еси нас Богови нашему цари и иереи: и воцаримся на земли (ст. 9 и 10).

И точно, песнь святых старцев новая, не слыханная от создания мира — песнь Сыну Божию, Искупителю людей. Пророк Давид, по внушению Духа Божия, проникая в будущее, призывал к новому песнопению: *воспойте Господеви песнь нову,* — указывал на искупление Господа, говоря: *спасла его десница Его и святая мышца Его. Явил Господь спасение Свое, пред очами народов открыл правду Свою* (XCVII, 1 и 2). Причина этого песнопения очевидна: воцарение Господа

нашего Иисуса Христа и управление Его судьбами человечества. — А разве Он прежде не царствовал? Мы знаем от Апостолов, что все Им создано: *вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть* (Иоан. 1, 3), что Им сотворено самое время (Евр. 1, 2). Что же могло быть не покорно Ему, как Создателю, как Царю всего? — Конечно, Сын Божий, сый в лоне Отчи, царствовал безначально и будет царствовать бесконечно: *царство Твое,* говорит пророк, *царство всех веков, и владычество Твое во все роды* (Псал. CXLIV , 13). Но здесь прославляется новое царство Сына Божия Иисуса Христа; здесь Он начинает царствовать, как Богочеловек. Царство это Он купил величайшей жертвою, принял по изволению Своему плоть человеческую — был истинным человеком, не переставая быть и Сыном Божиим; научил людей истинному Боговедению, чистейшей нравственности и высоким добродетелям, просветил помраченность их ума, вывел их на путь царский, исторгая из унизительного и постыдного рабства греховного и запечатлел бесчисленные Свои благодеяния бесценною Своею кровию, пролитою на кресте. И потому в видении Он явился под иносказательным образом Агнца как бы закланного, то есть с признаками Его жертвенности. Под этим иносказанием мы понимаем Его тело, чистейшее, заимствованное от непорочной Девы, непричастное греху, которое было принесено в жертву за грехи мира, покрытое язвами и умерщвленное. — Это Богоносное тело, к которому не могли прикоснуться тление и разрушение, в ипотасном единении с Сыном Божиим, освятившееся Его Божеством, возносится на престол Божий с теми же язвами, которые потерпело на кресте, в удостоверение, что оно действительно было изъязвлено, и воцаряется со своим Царем, Которого облекало в земном Его пребывании. — Отсюда и начинается новое величие и царство Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа; Господь Бог даст Ему всю власть Свою, ничем не ограниченную над людьми, а вместе с тем над мирами, видимым и невидимым, так что, кроме Него, нет другой власти, чрез Него все совершается, от Него все зависит, в Нем видим образ Божий истинного Бога.

Последствия искупительной жертвы Господа Иисуса Христа теперь же являются во всей своей славе; вознесенное

тело Его приближает теперь к Нему все человечество; открывает путь святым, чтобы и они, идя по следам Своего Искупителя, могли прославиться в телах своих. Только что Он воцаряется — и воцаряет с Собой последователей Своих — Святые старцы, споручники и ходатаи человечества, благословляют имя Искупителя такими словами: *достоин еси прияти книгу, и отверсти печати ея: яко заклался и искупил еси Богови нас кровию Своею от всякаго колена и языка и людей и племен: и сотворил еси нас Богови нашему цари и иереи, и воцаримся на земли.* — Благословляют не от себя только, но и от всех святых из всякого колена, и языка, и народа, и племени; потому-то и сказано выше, что в руках их золотые чаши, наполненные молитвами святых; и мы понимаем, что в лице старцев благославляло Иисуса Христа все святое человечество, по той именно причине, что святые чрез искупительную жертву Господа Иисуса Христа приближены к Богу, сделались пред Ним царями и священниками, и будут царствовать с Ним.

И видех, продолжает Иоанн, *и слышах глас Ангелов многих окрест престола и животных и старец: и бе число их тмы тем и тысяща тысящей, глаголюще гласом великим: достоин есть Агнец заколенный прияти силу и богатство и премудрость и крепость и честь и славу и благословение* (ст. 11 и 12).

Торжество искупления, собственно, относилось до человеческого рода. Но оно так удивительно, так величественно, трогательно и священно, что возбудило живейшее участие во всем небесном сонме бесчисленных Ангелов, носящихся в беспредельном пространстве вокруг престола Божия. Они возрадовались за радость человеческую и выразили эту радость в словах благоговейных и признательных к Искупителю за благодеяния Его людям. *Достоин есть Агнец заколенный прияти силу и богатство,* и проч. Все это хваление относят они к прославленной природе человеческой Господа Иисуса Христа, имевшей на себе жертвенные знаки, которыми искуплен весь мир. Если они прославляют Господа Спасителя за искупление людей, то значит, они любят людей, сочувствуют их счастью и объясняют чрез это хотя таинственную, но тем не менее, тесную связь мира духов небесных с миром душ чело-

вческих. Потому Господь Иисус Христос и сказал, что велика бывает радость у Ангелов, если один из грешников придет в покаяние (Лук. XV, 10); по той же причине Он обещал прославить пред Ангелами Божиими того, кто будет прославлять Его в здешнем мире (там. XII, 8). Значит, Ангелы Божии принимают глубокое и совершенное участие в спасении людей — это их друзья и благодетели.

И всяко создание, еже есть на небеси, и на земли, и под землею, и на мори, яже суть, и сущая в них, вся слышах глаголющая: сидящему на престоле и Агнцу благословение, и честь и слава и держава во веки веков (ст. 13).

Из сих слов мы понимаем, что вся природа приняла участие в торжестве Господа Иисуса Христа и изъявила это общим говором, как Творцу своему и Искупителю. — Как же понимать этот говор? Природа не лишена выражения, запечатленного на ней Создателем — выражения, понятного человеку, с которым она тесно связана: *Небеса поведают славу Божию,* говорит псаломник, *творение же руку Его возвещает твердь. День дни отрыгает глагол, и нощь нощи возвещает разум. Не суть речи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи их. Во всю землю изыде вещание их, и в концы вселенныя глаголы их* (Псал. XVIII, 2-5). Природа и теперь красноречиво говорит о Создателе ее, об Его премудрости и благости; но сколько внятна она была первому человеку до его падения! Созданная для человека, она была столь же прекрасна, как и он. Земля украшалась растениями цветущими и плодоносящими: *и прозябе Бог еще от земли всяко древо красное в видение и доброе в снедь* (Быт. II, 9). Звери не имели еще дикости, свирепости и кровожадности. Первый человек в чистоте и обширности своего разумения так хорошо понимал натуру всех животных, птиц и зверей, что дал им имена, конечно, соответственные их отличительным свойствам: *и нарече Адам им имена всем скотом, и всем птицам небесным, и всем зверем земным* (там. ст. 20). И потому природа говорила о себе вразумительно в непорочном состоянии человека. С падением своего владетеля и природа как бы пала; на место пышных и цветущих растений появились терния и волчцы (Быт. III, 18). Одичалая, она уже не доставляла человеку плодов,

вкусных и питательных, но потребовала от него труда, возделывания земли в поте лица его (там. ст. 19), чтобы доставлять ему насущное пропитание; — и она стала умирать, обнажаться от своего красивого покрова, подчинилась особенному кругообращению времен и насилию стихий. — Но человек, разрушая свое благосостояние, если и оставлен был Богом, то с надеждою, что некогда улучшится его участь; та же надежда распростерлась и на природу. В печальном своем положении она, говорит один из Богомудрых наблюдателей мира естественного и нравственного, *откровения сынов Божиих чает. Суете бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на уповании: яко и сама тварь свободится от работы истления в свободу славы чад Божиих;* потом и прибавляет: *вемы бо, яко вся тварь* (с нами) *совоздыхает и сболезнует даже до ныне* (Рим. VIII, 19-22). Если она совоздыхает или производит с человеком совокупный стон о потерянной своей первобытной красоте и свободе, то должна и возрадоваться, когда искуплением Иисуса Христа, Агнца Божия, положено начало освобождения человека от рабства тления, следовательно, и ее освобождения. Один Апостол слышал ее стон, а другой, писание которого рассматриваем, слышал радостный ее говор: *седящему на престоле и Агнцу благословение и честь и слава и держава во веки веков.* Иоанн говорит: *вся слышах глаголющыя.* Евангелист ощущал этот голос слухом Боговдохновенного его разумения подобно как и Апостол Павел слышал стон тем же слухом.

И четыре животна глаголаху: аминь: и двадесять и четыре старца падоша, и поклонишася живущему во веки веков (ст. 14).

Так кончилось изображение высочайшего, таинственного и важнейшего для христиан видения. Им объясняется основание и устройство веры в Господа Иисуса Христа, надежды на Него и любви к Нему. Отсюда происходит сладостная для людей уверенность, что обожженное тело Господа Иисуса Христа вознесено на самый престол Божий, а чрез это и все человечество вознеслось: — души праведных сделались доступнее к Богу; крестный путь Искупителя открыл им возможность приближаться к высоте

престола Божия, облекаться в силу и славу Божию и не только наслаждаться вечным блаженством, но и участвовать в делах промысла Божия, или по словам Апокалипсиса, соцарствовать Господу Иисусу Христу. (Апостолы. Ф. Яковлева. Вып. 2. Стр. 143).

Литургический характер Апокалипсиса.
(I-V гл.)

Ф. Смирнова, Еп. Христофора

Литургический характер Апокалипсиса, при внимательном рассмотрении его содержания, не подлежит сомнению.

Уже *введение* книги содержит технические выражения и формулы в том виде, в каком они являются обыкновенно в литургических книгах: разумеем — λογοζ του Θεου и μαρτυρια Ιησου Χριστου[1]. Этим обозначается — думает Августи — по свойственному этой книге словоупотреблению[2], открытое исповедание учения Иисуса Христа[3]. Дальше говорится «блажен *читающий* (δ αναγινωσκων) и *слушающие* (ακουεντεζ) слова пророчества сего и соблюдающие написанное в нем[4].» О αναγινωσκων, как и употребительное позже αναγνωστηζ, по объяснению Августи, есть *чтец* (Lector), который собранию слушателей (ακουοντων) читал Писание; у Киприана он называется doctor audientium. Таким образом Апокалипсис в первых строках своих содержит исповедание учения Христова и самим автором назначается для общественного употребления, давая при этом заметить установившуюся уже в его время практику в чтении Писаний.

Более важное значение в литургическом отношении имеют слова: *я был в духе в день Господень,* εν τη κυριακη ημερα. Мнения толкователей касательно κυριακη ημερα различны: одни разумеют под этим годовой праздник Пасхи, другие — день, в который Христос придет на суд мира, или к

[1] Гл. 1, 2: «который свидетельствовал — говорит о себе писатель — слово Божие и свидетельство Иисуса Христа».

[2] Гл. 1, 9. XX, 4.

[3] Можно думать, что этими словами указывает Иоанн на свое Евангелие.

[4] Гл. 1. 3.

которому переносится Тайнозритель в духе; но самое древнее мнение то, что под κυριακη ημερα разумеется *день воскресный.* Этого последнего мнения держатся Heinrich, France и Ewald, к которым пристал и Августи, склонявшийся некоторое время на сторону второго мнения. Франке, впрочем, в упоминании о воскресном дне видит доказательство против авторства Апостола Иоанна. Но он сам допускает, что празднование воскресного дня было введено уже в конце первого века, а составление Апокалипсиса Иоанном падает на 96 год, как доказал Guerike. Притом, если принять во внимание, что о воскресном дне упоминается уже в Евангелии под именем η μια или πρωτη των σαββατων, а в Деяниях и посланиях Апостола Павла прямо говорится о собрании христиан для богослужения в день воскресный, — то не может быть сомнения, что день этот к концу апостольского века, когда явился Апокалипсис, был особенно чтимым днем, и что этот самый день разумеется под κυριακη ημερα. Тертуллиан, от которого еще недалеко было апостольское время, говорит, что воскресенье именно было днем, в который Иоанн получил Откровение, и в который еще в его время Дух сообщал свои дары избранным.

Богатый литургический материал представляет *первое видение* (19 — III, 2, 2). Тайнозритель изображает явление Сына Человеческого и поручение Его к семи Церквам. По мнению толкователей церковных, справедливость которых признает Августи, *семь Церквей,* которые символически представлены под образом семи золотых светильников, должны быть рассматриваемы, как представители всех христианских обществ, и все, что открывается им, в сущности должно иметь значение для всех. Что под αγγελοι των εκκλησιων (представляемыми под образом семи звезд) нужно разуметь представительство обществ или церковных предстоятелей, это, по словам Августи, не подлежит сомнению, хотя толкователи спорят о том, соответствует ли αγγελοζ бывшему в употреблении в синагоге Legatus и однозначуще ли с επισκοποζ и πρεσβυτεροζ или διακονοζ. В пользу последнего высказывается Эвальд; но с ним можно согласиться только в таком случае, если принимать слово в том значении, как принимается оно во многих местах Писания, напр., διακονοζ θεου, ευαγγελιου и пр., или как встречается оно во 2 послании Коринф. III, 3: επιστολη

διακονηθεισα и Матф. IV, 11: αγγελοι διακονουντεζ. Что здесь употреблено не επισκοποι или προεστωεεζ, а αγγελοι, это объясняется тем, что в следующем видении вводятся Ангелы неба (гл. IV и V). Отцы Церкви называли епископов Ангелами церкви, без сомнения, применительно к Апокалипсису, и мнение Оригена, что здесь речь об Ангелах-хранителях (αγγελοι φυλακεζ) обществ, мало встречала сочувствия. Притом, обличение пороков в Ангелах и угроза наказанием и увещание к исправлению, словом, все, что говорится об Ангелах, явно противоречит этому мнению.

Семь посланий или писем к обществам могут быть рассматриваемы, по мнению Августи, как семь проповедей. Это название прилично им гораздо больше, чем название посланий, так как они не имеют формы последних и как однообразное начало: ταδε λεγει ο κυπιοζ и т.д., как и всегда повторяемая заключительная формула: ο εχων ουζ, ακουσατω τι το πνευμα λεγει ται εκκλησιαιζ скорее соответствует пророческой речи или проповеди, чем окружному посланию. Да и само содержание расположено как в проповеди и состоит из похвалы, порицания, предостережения и утешения.

В изображении современного состояния обществ упоминается о *трех церковных действиях*. Ангелу Сардийской Церкви Имеющий седмь духов Божиих говорит, что у него есть несколько человек, которые не осквернили *одежд* своих и будут ходить с Ним в *белых одеждах,* ибо они достойны, и что побеждающий облечется в *белые одежды*. Несомненным, кажется, можно признать, что здесь указывается на таинство *крещения,* при котором крещаемые облекались в *белые одежды*. Вероятность такого предположения подтверждается контекстом речи. Это говорит Имеющий седмь духов Божиих, под которыми разумеют толкователи церковные семь таинств. Он хочет сказать, что белые одежды только символ внутренней чистоты, которую сохранили лишь несколько человек, и что чистота эта, а с тем вместе и белые одежды получаются и сохраняются только путем борьбы и победою. Вопрос только в том — взят ли этот образ из практики крещения или, наоборот, практика сделала применение из этого образа? Но принимая в соображение, что обычай — облекать в белые одежды при принятии в религиозное общество известен и в дохристианском мире, и что в

Апокалипсисе говорится о белых одеждах, как о чем-то хорошо известном, естественно допустить, что образ взят из практики.

Два другие действия — *покаяние,* которое возвращает от смерти к жизни, полученной в крещении, и *евхаристия*. Эти три важнейшие таинства стоят в тесной связи между собой. Приобретший чрез крещение жизнь и облеченный в белую одежду, но чрез грех умерший и осквернивший одежду, в покаянии имеет средство победить грех и снова возвратить белую одежду и удостоиться вкушать *от древа жизни и сокровенную манну* (гл. II, 7. 17). Покаяние предполагается, как условие евхаристии. Новейшие толкователи не хотят признать никакого отношения этих образов к евхаристии. Но толкователи древнейшие, по мнению Августи, имели больше основания эти из Ветхого Завета взятые аллегории и прообразы, равно как и другие (Иоан. VI, 31, 48, 58. Евр. IX, 4, Лук. XIV, 16, 24), относить к евхаристии. В пользу этого объяснения говорят также столь часто встречающиеся у Отцов Церкви названия евхаристии, напр., αρτοζ αγγελων, αρτοζ ζωτικοζ и др. С большей несомненностью можно видеть указание на евхаристию в гл. III, 20: *се стою у двери и стучу. Если кто услышит глас Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною;* и в гл. XIX, 9: *блаженны званные на брачную вечерю Агнца*. Трудно представить с большею живостью и наглядностью сущность евхаристии, в которой Сам Христос — живой Богочеловек — входит во внутреннюю храмину человека, как некогда входил и вечерял с мытарями и грешниками.

В следующем видении Тайнозритель переносится на *небо* (гл. IV). Последнее представляется под образом *храма иерусалимского,* но в более величественном виде. У престола храма стояли только *два Херувима,* которые осеняли его своими крыльями (Исх. XXV, 17, 20. XXXVII, 7-9. Евр. IX, 5), а здесь вокруг престола *четыре животных* совершенно подобных тем, которых описывает Иезекииль (1, 5). В храме было *бронзовое море,* а здесь *стеклянное море* (Есть несколько книг Цар. VII, 23-24; 2 Паралип. IV, 2. Иерем. LII, 17); *подобное кристаллу*. Там 12 *старцев* представляли 12 колен израильского народа, а здесь 24 *старца* (πρεσβυτεροι) в белых одеждах с венцами на голове сидят около престола.

Основание этого удвоения легко понять. Этим означается большее совершенство новой религии, сравнительно с

иудейскою. Как и в храме пред престолом *семь светильников* огненных, которые суть семь духов Божиих. *Сидящий на престоле* был подобен камню яспису и сардису; и радуга вокруг престола, видом подобная смарагду. В деснице у Него книга, писанная внутри и вне, запечатанная семью печатями, которую никто ни на небе, ни на земле не мог раскрыть и читать, или даже посмотреть в нее. Только *Агнец,* как бы закланный, стоявший посреди престола и четырех животных, имевший семь рогов и семь очей, которые означают семь духов Божиих, посланных во всю землю, пришел и взял книгу из десницы Сидящего на престоле. В это время четыре животных и двадцать четыре старца падают пред Агнцем, имея каждый гусли и золотые чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святых, и поют новую песнь: *«достоин Ты взять книгу и снять с нее печати* и пр.» Множество Ангелов, животных и старцев, стоявших вокруг престола, говорят громким голосом: *достоин Агнец закланный принять силу и богатство* и пр. И всякое создание — на небе, на земле, под землею и в море говорило: *Седящему на престоле* и *Агнцу благословение и честь и слава и держава во веки веков.*

Четыре животных говорили: аминь. Двадцать четыре старца пали и поклонились живущему во веки веков.

Последнее видение (XXI-XXII) переносит взор с неба на землю. Тайнозритель видит *новое небо и новую землю;* видит *новый Иерусалим,* сходящий с неба, украшенный подобно невесте, *новую скинию Божию,* водворяющуюся среди людей. Это не храм, в котором, как бы ни был он великолепен, видим был лишь отблеск божественного величия; но скиния, в которой Бог лично и постоянно будет жить с людьми. Об этой скинии говорится уже в послании к Евреям, где она называется σκηνη αληθινη ην επηξεν ο κυριοζ, и которая иного устройства (Евр. VIII, 2. IX, 11). Точно также слова Евангелиста Иоанна: ο λογοζ σαρξ εγενετο και εσκηνωσεν εν ημιν (1, 4) совершенно согласны со словами Апокалипсиса: και εσκηνωσεν μεν αυτων[1]. В этом новом Иерусалиме не будет

[1] XXI, 3. Это видение Ириней прилагает к богослужению христианскому и именно к литургии. И вообще противопоставление Церкви, как нового Иерусалима и новой скинии Иерусалиму древнему и древней ветхозаветной скинии, и новозаветного богослужения — ветхозаветному храмовому точку опоры имеет именно в этом видении.

больше храма: Господь Бог Вседержитель и Агнец — храм его; престол Бога и Агнца будет в нем; ничто нечистое и проклятое не войдет в него; рабы Его будут служить Ему, увидят лице Его, и имя Его будет на челах их. Река воды жизни исходит от престола Бога и Агнца; по ту и по другую сторону реки древо жизни, каждый месяц приносящее плоды, листья коего будут служить врачевством для язычников (θεραπειαν των εθνων (гл. XXI, 6. XXII, 17).

В этом городе Ангелы — сослужители, пророки — братья христиан (гл. XIX, 10 и XXII, 9). Всматриваясь в общее содержание видений, нельзя не видеть в них изображения Церкви Христовой с ее богослужением и, в особенности, с литургией. Спрашивается, как смотреть на них; есть ли это предписание для чина литургии, как думает, напр., Филарет архиеп. Черниговский, (Историч. обзор песноп.), или же, напротив, это отображение апостольской церковно-богослужебной жизни и особенно евхаристии, так что данные, в действительности, образы перенесены на высший духовный мир? Само по себе безразлично, так или иначе будем смотреть на них: литургическое значение их останется одно и то же. Но нам кажется более естественным принимать их прежде всего в последнем смысле, так как пророческие образы в своих основных чертах большей частью заимствуются из сферы действительной жизни. Притом же видеть в них предписание для чина литургии мы не можем уже потому, что литургические элементы являются в видениях лишь как вспомогательное нечто, а не главное, и являются по частям, насколько это нужно для главной задачи Священного Писания, а не представляют чего-нибудь цельного. Но, с другой стороны, нельзя не признать, что Тайнозритель, созерцая и представляя живую связь и единство Церкви земной и небесной под образами, какие предлагает ему современная церковная жизнь, в особенности, богослужебная, тем самым хотел представить идеальный образ Церкви Христовой, как великого всемирно-исторического таинства; доказать, что задача ее состоит в преобразовании, искуплении и освящении мира, в воссоединении его с миром небесным, что эту великую задачу она совершает посредством богослужения, посредством таинств, в особенности, евхаристии, и что, наконец, судьбы мира, как и судьбы самой Церкви зависят от исполнения

7 Зак. 445

этой задачи. При таком взгляде литургическая сторона книги получает для нас более широкое значение, именно, значение богооткровенного образа, сообщавшего санкцию богослужебной апостольской практике и в то же время давшего величественную идею для дальнейшего развития и образования священнодействия евхаристии, с одной стороны, с другой — значение действительной литургической практики конца апостольского века, в том простом еще виде, какой имела она при Апостоле.

На основании апостольских видений мы можем составить себе такое представление о литургии, современной ап. Иоанну. При тайнодействии первенствовал предстоятель — Апостол или епископ и занимал трон, стоявший в передней стороне алтаря[1]. С той и другой стороны сидели старцы — пресвитеры. Перед троном епископа стоял престол жертвенный. Пресвитеры в белых одеждах падают пред престолом и возносят хвалу и благодарение Богу. На престоле, как бы в деснице невидимого Сидящего на нем Евангелие, читаемое верным от лица Агнца, Который открывает и читает книгу будущих судеб Церкви, запечатленную семью печатями[2]. Посреди престола и старцев под видом хлеба и чаши — тело и кровь закланного Агнца. Семь рогов и семь очей Агнца, означающих семь духов Божиих, семь таинств, сообщаемых Духом Святым, но не иначе как в силу жертвы Агнца. Под престолом души убиенных за слово Божие — *гробы мучеников*, на которых первые христиане совершали евхаристию.

Литургическое значение видений признает, как мы уже заметили, Августи; представленное нами объяснение допускает Бингам; такое же объяснение дает им архиепископ Филарет.

Литургический характер Апокалипсиса представится нам еще яснее, если мы обратим внимание на рассеянные по

[1] Когда Игнатий говорит о епископе и предсидящих, то этим дает заметить такой точно порядок при священнодействии, какой представляется в Апокалипсисе.

[2] Евангелие дало Тайнозрителю образ, под которым у него является книга будущих судеб Церкви; и как первое могло быть возвещено только Агнцем, то и последнюю открывает Агнец.

всей книге и иногда не раз повторяемые формулы приветствий, доксологий, целых молитв и гимнов.

Св. Писатель начинает книгу апостольски — литургическим приветствием *«благодать вам и мир»*, и затем прибавляет: *«Ему, возлюбившему нас и омывшему нас от грехов наших кровию Своею, и соделавшему нас царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во веки веков, аминь»* (гл. 1, 5-6). Эта доксологическая формула часто повторяется и варьируется. *«Седящему на престоле и Агнцу благословение и честь и слава и держава, во веки веков* (гл. V, 13). Иногда прибавляется аллилуия. *«Аллилуия: спасение и слава, и честь, и сила Господу нашему»* (гл. XIX, 1). Утвердительная формула «аминь» употребляется иногда в начале и конце доксологии. *Аминь, благословение и слава и премудрость и благодарение и честь и сила и крепость Богу нашему, во веки веков. Аминь* (гл. XIX, 4); иногда с прибавкой впереди: *ей аминь* (гл. I, 7. XXII, 20); или *аллилуия* в конце (гл. XIX, 4).

Небожители призывают к прославлению Бога песнею: «хвалите Бога нашего все рабы Его и боящиеся Его, малые и великие».

Славословие: *«Свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет»* важно для нас не только тем, что оно влагается в уста Херувимов, но и положением, какое занимает оно в небесном тайнодействии, в ряду других песней. К этой песни примыкает непосредственно особенно благоговейное поклонение старцев пред Сидящим на престоле и песнь их. Когда животные воздают славу и честь, и благодарение Сидящему на престоле, живущему во веки веков; тогда двадцать четыре старца падают пред Сидящим на престоле и поклоняются Живущему во веки веков и полагают венцы свои пред престолом, говоря:

«Достоин Ты, Господи, приять славу и честь, и силу: ибо Ты сотворил все, и все по Твоей воле существует и сотворено».

Появление Агнца, как бы закланного, среди престола, четырех животных и старцев, составляет самую торжественную минуту в тайнодействии и вызывает поклонение и новый поток песней: «четыре животных и двадцать четыре старца пали пред Агнцем, имея каждый гусли и золотые чаши, полные фимиама, и поют новую песнь:

«Достоин Ты взять книгу и снять с нея печати: ибо Ты был заклан, и кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа, и племени, и соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле».

Множество других Ангелов говорили громким голосом:

«Достоин Агнец закланный принять силу и богатство, и премудрость, и крепость, и честь, и славу, и благословение».

И всякое создание, находящееся на небе и на земле, и под землею и на море, и все вторило.

«Сидящему на престоле и Агнцу благословение и честь, и слава и держава, во веки веков».

Четыре животных говорили: *аминь.* И двадцать четыре старца пали и поклонились Живущему во веки веков.

Ход представлений и расположение песней имеет некоторое сходство с тем и другим в главной части литургии, и песнь: «свят, свят, свят» занимает такое же место относительно других песней, какое дано ей в литургии. Это подтверждает нашу мысль, что образ небесного тайнодействия заимствован из практики, но этот образ оживлен идеей живого отношения между Церковью земною и небесною, воплощенной в человекообразных действиях и выражениях мыслей и чувств, — идеей, которой суждено было воплотиться в действиях, молитвах и песнях литургии и сообщить последней столько же высокохудожественный, сколько глубоко таинственный характер.

Не подлежит сомнению также литургическое значение следующего места:

«Царство мира — говорят небожители — соделалось царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков».

И двадцать четыре старца, сидящие пред Богом на престолах своих, пали на лица и поклонились Богу, говоря:

«Благодарим Тебя, Господи Боже Вседержителю, Который есть, и был, и грядешь, что Ты приял силу Твою великую и воцарился».

Отсутствие более положительных и определенных литургических памятников апостольской эпохи лишает нас возможности определить, насколько богослужение апостольское, с одной стороны, отразилось в Апокалипсисе, с другой — насколько идеи последнего имели влияние на последующее образование чина литургии. Тем не менее

влияние это несомненно и выказывается отчасти в построении главной части литургии, в расположении молитв евхаристических, отчасти в самих формах молитв, песней и особенно доксологий или возгласов.

В самом деле, идея общения, единения и взаимодействия Церкви земной с невидимою небесною, лежащая в основе и проходящая сквозь все богослужение Православной Церкви и особенно наглядно выражающаяся в литургии, притом в ее главной святейшей части, первообраз свой имеет в изображении небесного тайнодействия Тайнозрителя (4-6). На престоле Церкви так же, как на небесном престоле, по представлению Церкви, восседает невидимо Сам Бог; престол, средоточие всех таинственных действий, подобно светильникам, освещающим и согревающим христианские души. На престоле, как бы в деснице невидимого Сидящего на нем, Евангелие, представляющее Самого Агнца — Христа, вещающего верным. Пресвитеры с епископом во главе, подобно апокалипсическим старцам, окружают престол, восседая на седалищах; на престоле и вокруг престола невидимо соприсутствуют им Ангелы. Служители Церкви как бы прислушиваются к сослужащим им небожителям и вторят им в служении. *«Ныне силы небесныя с нами невидимо служат, се бо входит Царь славы, се жертва тайная совершенна дориносится*[1]*; иже Херувимы тайно образующе и животворящей Троице, трисвятую песнь припевающе»* и пр. поется на литургии. Священнослужители в своих евхаристических молитвах возносятся в небесный мир и как бы слышат песни небожителей, и, приглашая народ, повторяют ангельское славословие: свят, свят, свят и пр.[2]; падают пред Сидящим на престоле и приносят благодарение Богу за то, что Он сотворил мир и искупил род человеческий[3]

---

[1] Только видение Иоанна могло вдохнуть такое высокое поэтическое представление о литургии.

[2] В Апокалипсисе ангельская песнь: свят, свят ... как и в нашей литургии, вводится в повествовательной форме.

[3] Слова: «достоин Ты, Господи, приять славу и честь и силу: ибо Ты сотворил все, и все по Твоей воле существует и сотворено» (IV, 8-1) и: «достоин Ты взять книгу и снять с нее печати: ибо Ты был заклан и кровью Своею искупил нас Богу ... и соделал нас царями и священниками» — соответствуют нашей благодарственной молитве. В настоящих молитвах и песнях литургии хвала и благодарение обращены к Св. Троице.

чрез смерть Сына Своего, как непорочного Агнца, плоть и кровь Которого, по Его обетованию, в силу наития и действия Святаго Духа, призываемого Церковью, вкушают верующие под видом хлеба и вина. Телу и крови Христовой поклоняются как бы Самому закланному Агнцу, явившемуся на престоле. Само название части, назначенной для таинства Агнца и акт изъятия и перенесения Его на престол есть не что иное, как символическое представление апокалипсического Агнца. Ряд молитв и песней церковных[1], в которых возносится хвала и благодарение Богу, в общем ходе своем есть как бы воплощение и фактическое исповедание церковью тех молитвенных песней, какие Тайновидцем влагаются в уста Ангелам, животным и старцам, и всему живущему на небе, на земле, под землею и пр., и которые символизируются под образом гуслей и золотых чаш, полных фимиама[2].

Наконец, возгласы в настоящем богослужении и литургии: «яко Твое есть царство, сила и слава; яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение; благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа» — все это живо напоминает подобные же доксологии Апокалипсиса.

Итак, мы с уверенностью можем остаться при положении, какое высказали выше: Апокалипсис, с одной стороны, бесспорно отражает в общих чертах литургию конца апостольской эпохи, с другой, облекши простую апостольскую евхаристию в таинственную форму — в форму небесного тайнодействия, он имел влияние на дальнейшее развитие и образование литургии как относительно содержания, так и относительно формы; влияние это сначала отражалось на практике незаметно (как показывают ссылки Иринея), а впоследствии, особенно с IV века, когда Апокалипсис начинает больше и больше приобретать

[1] Наши песни: «достойно и праведно есть поклонятися Отцу и Сыну и Святому Духу»; и другая: «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи» первообраз свой имеют, по всей вероятности, в приведенных песнях.

[2] Образ этот с объяснением Тайновидца Ириней прилагает к молитвам христиан и притом, судя по контексту речи, к молитвам евхаристическим, которые трактует он как жертвы.

общецерковное значение, наравне с другими церковными книгами, влияние это дает себя заметить более наглядно как в практике, так и в письменных памятниках; тайнодействие небесное является как бы воплощенным в тайнодействии земном. И так как, по мысли Апостола Павла, евхаристия должна быть как бы фактическим свидетельством смерти Христа, пока снова придет Он на суд мира[1], то ничего не может быть естественнее, если и Апостол Иоанн ставит в связь с евхаристией Откровение о Его втором пришествии, и если Церковь его небесное тайнодействие приняла за откровенный образец для литургии, идеальное или мистическое содержание которого усваивала и развивала путем учения и практики, пока, наконец, самым драматическим образом представила в этом священнодействии под символами смерть Христову во всей ее исторической действительности, со всей обстановкой, во всем внутреннем таинственном величии[2]. (Труды К. Д. Ак. 1874. IV, 107).

Библиографический указатель к V главе

1) *Андрея Кесарийского.* Толкование на Апокалипсис. М. 1899 г. О книге, запечатанной 7 печатями, которую никто из сотворенных существ не мог открыть (ст. 1-5). О видении того, что в середине престола, и четырех животных (ст. 6-13). Стр. 57-63.

2) *Еп. Петра.* Объяснение Апокалипсиса св. ап. Иоанна Богослова. Томск 1885 г. Видение запечатанной книги (ст. 1-9). Славословие Ангелов (ст. 11-14). Стр. 63-72.

[1] «Аще ясте, аще пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже приидет».

[2] Предположение наше подтверждает и то обстоятельство, что рядом с другими письменными памятниками литургии известен памятник литургии Апостола Иоанна.

ГЛАВА VI

Таинственная книга, исписанная извне и внутри, запечатанная семью печатями. Снятие семи печатей.

Ф. Яковлева

И егда отверзе пятую печать, видех под олтарем души избиенных за слово Божие и за свидетельство, еже имеяху. И возопиша гласом великим, глаголюще: доколе, Владыко Святый и Истинный, не судиши и не мстиши крови нашей от живущих на земли (ст. 9 и 10)?

Снятием пятой печати объяснились непонятные предыдущие явления; вопль избиенных мучеников указывал на события, изображенные знаменательными явлениями: — победоносный всадник первого явления, сидевший на белом коне, означал первоначальную Церковь Христову. Проповедь Апостольская веры Христовой, быстро распространившаяся по лицу земли, везде побеждала и от одних переходила к многочисленным другим победам. Слово Божие росло и умножалось, покоряя народы близких и отдаленных стран победоносною своею силою. Белизна коня означала войну, но не кровавую, не убийственную, войну против заблуждений, нечестия и разврата. Лук всадника-победителя напоминал крест Христов, уязвляющий неотразимою стрелою врагов Бога и людей.

По снятии второй печати, зрелище переменяется; на место белого коня является конь рыжий или красноватый — знамение кровопролития. Господь Бог предопределил Церкви Своей великие испытания; спокойствие ее скоро

нарушилось. Грозный всадник уполномочен был взять мир с земли; ему дан большой меч. Не тот ли это меч, о котором Господь сказал: *не приидох воврещи мир, но меч* (Матф. X. 34)? — Предрассудки старых верований возмутились против благодатных нововведений Искупителя; люди стали ожесточаться друг против друга и покушаться на убийства; кровь Стефана и ап. Иакова была первой жертвой за имя Христово.

Последующее за сим явление всадника на вороном коне с мерилом в руке возвещало новое бедствие для христиан. Черный цвет коня означал скорби и печали; мерило — скудость в пропитании; маленькая мера, которую Иоанн назвал греческим словом χοινιζ, вмещавшая в себе пшеницы только для дневного пропитания одного человека, стоила динарий. Очень понятно, что при такой высокой ценности хлеба едва ли была возможность бедному человеку прокармливать свое семейство. Бедствие голода особенно должно быть чувствительно для христиан, большая часть которых состояла в Апостольское время из простого народа, и потому из людей неимущих и крайне бедных. Пример такого несчастного времени находим мы в Деяниях Апостольских, в которых упоминается о голоде, свирепствовавшем в Иудее, в царствование Кесаря Клавдия (Деян. XI, 28). Антиохийские христиане посылали денежное пособие через Павла и Варнаву Иудейским своим собратьям. — И в последующие времена, особенно когда Римляне преследовали Церковь Божию, никто столько не претерпевал недостатков и лишений в поддержании своей жизни, как христиане. — Таков, по-видимому, смысл судеб Божиих в явлении после снятия третьей печати с таинственной книги. — Что же значат слова, сказанные всаднику: *и елеа и вина не вреди?* — это предметы довольства и роскоши. Они и предоставлялись людям мирским; недостаток их был бы совсем нечувствителен для бедного христианского народа.

Вот снята четвертая печать с книги: является всадник на бледном коне — это смерть со всею свитою ужасов, ей предшествующих и сопровождающих ее. Явление это ясно

изображало то время, когда свирепое язычество упивалось христианской кровью. Со времени Домициана неисчислимое множество пало невинных жертв в царствования Траяна, Адриана, Марка Аврелия, Септимия Севера, Максимина, Деция, Валериана, Аврелиана. Но что происходило при Диоклитиане, Галерии и Максимиане, того описать невозможно! Разрушающиеся церкви, пылающие костры, повсюду эшафоты, кресты и бесчисленное множество разных орудий смерти, изобретаемых изуверством и кровожадностью, были беспрестанными и повсеместными зрелищами. И точно, как бы ад шел вслед свирепых злодеев — ужасных вестников смерти. Христиане умерщвляемы были и оружием и голодом, и разного рода смертями, и зверями земными на четвертой части земли, как предсказано в Апокалипсисе, по снятии четвертой печати с таинственной книги.

Снятие пятой печати с книги судеб Божиих переносит нас в другой мир. Повторим текст, сказанный нами выше: *видех,* говорит Иоанн, *под олтарем души избиенных за слово Божие и за свидетельство, еже имеяху. И возопиша гласом великим, глаголюще: доколе, Владыко Святый и Истинный, не судиши и не мстиши крови нашей от живущих на земли* (Апок. VI, 10).

Так вот где души тех бесчисленных страдальцев, которые пали под ударами язычников за слово Божие и исповедание веры в Сына Божия. Они под олтарем небесного храма, конечно, под тем, на котором таинственно прославлялась великая и первоначальная жертва Агнца Божия, Иисуса Христа. Святые души страдальцев, перешедшие в мир небесный, не совсем однако отрешились от здешнего мира; понятно из слов пророческих, что они с высот небесных смотрят с участием на земные дела и видят, что убийцы продолжают безнаказанно свирепствовать над народом христианским, — и молят об отмщении: *Владыко Святый и Истинный, доколе не судиши и не мстиши крови нашей от живущих на земли?* Они называют Господа Бога истинным, потому что знают непреложную Его правосудность. — На вопль их ответствовано было, что еще не настало время отмщения — чтобы они подождали немного, пока

дополнится определенное Богом число таких же страдальцев, как и они. *И даны быша коемуждо их ризы белы* (ст. 11), т.е., они облеклись светлостью Ангельскою. — А между тем молитва их была не напрасна. Громы небесные уже гремели над земными их гонителями и убийцами.

И видех, егда отверзе шестую печать, и се бысть трус велий, и солнце мрачно бысть, яко вретище власяно, и луна бысть яко кровь: и звезды небесныя падоша на землю, якоже смоковница отметает пупы своя, от ветра велика движима. И небо отлучися яко свиток свиваемо, всяко гора и остров от мест своих двигнушася (VI. 12, 13 и 14). Так потрясется природа в то страшное время, которое будет предшествовать грозному суду Господа Иисуса Христа. Оно начнется землетрясениями; солнце покроется завесою мрака ; серебряный свет луны обратится в кровавый; звезды рассыплются, подобно, как рассыпаются фиговые плоды, обрываемые сильным ветром.

И царие земстии и вельможи, и богатии и тысящницы, и сильнии, и всяк раб и всяк свободь скрышася в пещерах и камении горстем; и глаголаша горам и камению: падите на ны, и покрыйте ны от лица Седящаго на престоле, и от гнева Агнца: ибо прииде день великий гнева Его, и кто может стати (ст. 15, 16 и 17)?

Надобно спросить тех несчастливцев, которые испытали ужасы разрушительных землетрясений, что они тогда чувствовали? Что ж будут чувствовать люди в страшный день разрушения мира? Воображение, сколько бы ни было настроено страшилищными зрелищами, не найдет слов представить себе тогдашнее состояние, как единственное, которому нет примеров. В смертельном страхе все обитатели земли будут искать убежищ не в домах, не в крепких зданиях — они не надежны, а побегут в пещеры и ущелья гор, побегут без различия состояний все — и цари, и рабы, и богачи, и бедные. — Но куда убежать от гнева Божия? Куда скрыться от совести, которой вопль тогда будет неумолкаем? Отчаяние будет кричать горам: упадите на нас и сокройте нас от гнева Божия. — Зловещее эхо будет только повторять безвременные и бесполезные крики.

Но если мы почтем это пророчество иносказательным, то поймем, что после многолетнего свирепствования язычников, терзавших Церковь Христову, как бы в ответ на небесный вопль мучеников, настанет время отмщения убийцам. Гнездо язычества — Рим ощутит на себе всю тяжесть гнева Божия: империя вселенной потрясется извне и внутри — извне варварскими народами, вторгающимися во все ее пределы, внутри междоусобными и кровопролитными раздорами. Солнце Рима — воинственный дух римлян, политика, нравственные силы померкнут; все их действия покроются мраком заблуждений, чудовищных пороков и самых неистовых страстей; все для них обратится в глубокую ночную тьму, в которой только и видно будет зарево кровавых зрелищ. Почетные и знаменитые граждане будут падать под ударами свирепых тиранов, подобно падающим звездам; общее спокойствие, мир и благоустройство нарушатся; целые области, города и селения как бы сдвинутся с своих мест, опустошаемые грабежом и убийствами мятежников; не будет безопасности и свободным, и рабам, и богатым, и бедным; даже бегство не спасет их, никакие уединенные места и убежища не скроют их от ярости кровожадных убийц — как бичей небесного отмщения. — Такие понятия можем подразумевать, если будем принимать слова за иносказательные; но буквальный смысл, очевидно, относится к временам последним существования нашего мира (Апостолы. Вып. 2, стр. 153).

Снятие шестой печати, означающее язвы, ниспосылаемые при конце

Андрея Кесарийского

VI, 12, 13. *И видех, егда отверзе шестую печать, и се бысть трус велий, и солнце мрачно бысть яко вретище власяно, и луна бысть яко кровь. И звезды небесныя падоша на землю, якоже смоковница отметает пупы своя от ветра велика движима.*

И сие все некоторые принимали о разорении Веспасиана (царя), понимая все сказанное в переносном смысле. Нам же кажется, что есть здесь переход от времен гонений ко

времени пред пришествием антихриста, когда, по пророчеству, будут такие язвы, может быть, для того, чтобы люди, размыслив о них, не отказались терпеть казни, насылаемые антихристом, каковых, как мы знаем, еще и не было никогда. Землетрясение же, как часто находим в Писании, есть перемена дел. Ибо это: *аще единою аз потрясу* (Агг. 2, 7) означает изменение колеблемого, как говорит Апостол (Евр. 12, 26 и 27). И в Ветхом Завете о шествии израильтян из Египта сказано: *земля потрясеся, ибо небеса кануша* (Пс. 67, 9). Чернота же солнца, и помрачение света, и кровавый вид луны показывают отсутствие света в тех, коих охватит гнев Божий. Ибо так часто принимал это и блаженный Кирилл.

А что пали звезды (как то писано было и касательно обольщенных Антиохом), означает то, что и кажущиеся быть светилами в мире падут, сокрушаемые совершающимся, когда, как сказал Христос, прельстились бы, если возможно, и избранные, по причине множества скорби. Может быть поэтому приведена в пример и смоковница, так как, потрясаемая диавольским ветром, сбрасывает от жара искушения плоды еще несовершенные, еще не созревшие, еще не услажденные благодатью. Ибо, что это принимают двояко, и в добром и в худом смысле, о том знаем из двух кошниц добрых и худых смокв, показанных Иеремии (гл. 24), из смоковницы, иссушенной Христом (Мф. 24), и износящей цвет в Песни Песней (гл. 13). Но чувственно ли совершится это, когда со славою приидет Судия Христос, о том знает Он Сам, имеющий тайные сокровища ведения и премудрости.

VI, 14. *И небо отлучися, яко свиток свиваемо.*

А что небо свивается как свиток, это или указывает на неизвестность второго Христова пришествия, ибо без шума и мгновенно раскрывается книга, или что небесные силы, болезнуя от отпавших от веры, имеют как бы сострадание и печаль. Этим и иное нечто означается, именно: что небу предлежит не уничтожение, но как бы свивание некоторое и перемена на лучшее, как сказал Ириней в пятом слове обличения лжеименного разума, буквально так: *ни существо, ни сущность творения не уничтожается, ибо истинен и верен*

устроивший его, но образ преходит мира, в коем совершилось преступление, как говорят старцы. Думаем же, что Апостол воспользовался и древним обычаем. Ибо евреи вместо наших книг употребляли свитки, развивание которых производило не уничтожение, а обнаружение написанного. Так и развитие небесного тела показывает откровение благ, уготованных для святых. И это, по данному нам от Бога дарованию, мы изложили четверояко, перейдем же к последующему.

VI, 14-17. *И всяка гора и остров от мест своих двигнушася: И царие земстии и вельможи, и богатии, и тысящницы, и сильнии, и всяк раб, и всяк свободь скрышася в пещерах и камении горстем. И глаголаша горам и камению: падите на ны и покройте ны от лица седящаго на престоле, и от гнева Агнча. Яко прииди день великий гнева Его, и кто может стати?*

Господь наш, когда Апостолы спросили Его о разрушении храма иерусалимского и о кончине, предсказал им будущее, сколько могли они вместить, что уже и случилось с христоубийственными Иудеями, при разорении Веспасиана и Тита, как повествует еврей Иосиф. При конце же преимущественно с большею силою найдет все это на мир в пришествие антихриста, как сказано. Тогда, по преимуществу, начальствующие или над церковным благочинием, или над мирским владычеством, именуемые в переносном смысле *горами,* и церкви верных, в переносном смысле называемые *островами* и к Богу, по пр. Исаии, обновляемые, побегут из мест своих, одно место переменяя на другое, по причине лжехриста, что и мы, прежде его пришествия, человеколюбно испытали за грехи наши. *Царии же земстии,* т. е., ею владеющие, а на небе ничего не приобретшие, вместе с вельможами и богатыми, с рабами земного и свободными (чему не следовало быть) от работы Христовой, будут молить, чтобы лучше скрыли их пещеры и камни и горы, нежели испытать им Божественный гнев, который, по попущению Божию, в пришествие антихриста одождит на них язвы от голода и других бедствий, или подвергнутся ожидаемым по воскресении нескончаемым мучениям. Тогда, преимущественно, гнев Божий праведно разгорится, как печь, пожигая тех, кои на основании веры

созидали дрова, сено, тростие (1 Кор. 3, 12), как пищу огня. (Толкование на Апокалипсис. М. 1899 года стр. 75).

Библиографический указатель к VI главе

1) *Андрея Кесарийского.* Толкование на Апокалипсис. М. 1889 г. Снятие первой печати, означающее апостольское учение (ст. 1-2). Снятие второй печати, означающее брань неверных против верующих (ст. 3-4). Снятие третьей печати, показывающее отпадение от Христа тех, которые не твердо веровали в Него (ст. 5-6). Снятие четвертой печати, показывающее язвы, находящие за нечестие (ст. 7-8). Снятие пятой печати, показывающее вопль святых душ к Господу о конце (ст. 9-11). Сл. 5. Гл. 13. Стр. 65-75.

2) *Еп. Петра.* Объяснение Апокалипсиса св. ап. Иоанна Богослова. Томск 1885 г. Первая печать: приготовительное обстоятельство, предшествующее видению (ст. 1); само видение (ст. 2). Исполнение видения. Вторая печать: предшествующее обстоятельство (ст. 3); само видение (ст. 4). Исполнение видения. Третья печать: обстоятельство предшествующее и само видение (ст. 5-6). Исполнение видения. Четвертая печать: предшествующее обстоятельство и само видение (ст. 7-8). Исполнение пророчества. Пятая печать (ст. 9-11): состояние душ мучеников (ст. 10); ответ от Бога (ст. 11). Шестая печать (ст. 12-17): суд Божий или бедствие, которое будет наведено на врагов церкви (ст. 12-14); ужас и трепет врагов церкви (ст. 15-17). Исполнение пророчества. Стр. 73-87.

3) *Фаррара.* Первые дни христианства. Перев. Лопухина. Апокалипсические печати. Стр. 485-489.

ГЛАВА VII

Запечатление святых исповедников веры Христовой

Ф. Яковлева

Мы слышали вопль мучеников, которые умоляли Господа Бога об отмщении свирепым идолопоклонникам, проливавшим христианскую кровь; вопль этот силен был пред Богом; последняя печать, которую снимет с таинственной книги Иисус Христос, откроет нам разного рода казни, которыми поражено будет владычество нечестия, в отмщение за кровь пролитую. — А между тем представляется Иоанну новое видение: являются Ангелы с восточной стороны неба с печатью Бога живаго, чтобы положить эту печать на челах рабов Божиих (VII. 2 и 3), как бы в отличение их от тех, для которых готовятся казни. Сверх того, мысль этого видения та, чтобы показать верным христианам, что хотя тяжко и трудно им переносить преследования, мучения, умерщвления, но вот они, принимаемые в царство Божие, предстоят пред Богом с признаками своей победы и блаженства, ими ощущаемого. Такое явление, когда бы его ни рассматривали верующие, всегда произведет сладкое чувство уверенности, что не напрасны труды, болезни и все другие жертвы из любви к Иисусу Христу. С другой стороны, изображения казней Божиих, которые мы скоро увидим, хотя и ужасают, но и отрадно действуют на душу верную. Она, гонимая зловерием, угнетаемая беззаконным миром, знает из примеров Писания, всегда подтверждаемых событиями, что зло не навсегда господствует, что правосудие Божие не замедляет отмщать за рабов своих страшными поражениями.

Запечатление, о котором говорит пророчество, неизъяснимо важно для души христианской. Первое ее запечатление бывает, когда налагается на нее при крещении печать даров Духа Святаго. Это — обновление, оправдание, освящение ее природы, поврежденной грехами прародительскими. Об этом запечатлении так говорит Апостол: *помазавый нас, Бог, Иже и запечатле нас, и даде обручение* (залог) *Духа Святаго в сердца наша* (2 Кор. 1. 21 и 22). Кто сохранит эту драгоценнейшую печать, тот сподобится принять новую печать Бога живаго. Первая есть отличительный знак христианина от неверного; вторая отличает праведника, вступающего в жилище вечного покоя и блаженства от беззаконников, осуждаемых на вечное мучение. — В чем состоит эта печать? Мы не знаем, да и бесполезно доискиваться до этого познания. Довольно сказать: это отличительный знак, который положит на челах праведников луч Божий; а начертание луча Божия для нас не вообразимо. А может быть, эта печать будет простой знак креста Христова, печать мученичества, блистающая сиянием невещественным, превосходящим все вещественные светлости.

Запечатление это начинается с израильтян; в каждом из двенадцати их колен найдется запечатленных только по 12 т., а во всех — 144 т. (ст. 2-8). Ограниченная такая числительность не выставлена ли для того, чтобы показать, как мало спасшихся сынов Израиля в сравнении с неисчислимым множеством возлюбивших Господа Иисуса Христа из всех языческих племен? В таком смысле, кажется, и описывается следующее за сим видение.

По сих видех, се народ мног, его же исчести никтоже может, от всякаго языка и колена, и людей и племен, стояще пред престолом и пред Агнцем, облечены в ризы белы, и финицы в руках их. И возопиша гласом велиим, глаголюще: спасение седящему на престоле Богу нашему и Агнцу (ст. 9 и 10). — Один из небесных старцев объяснил Иоанну, что это за лица, явившиеся пред престолом Божиим и благословляющие Господа Вседержителя и Сына Божия: *сии суть,* сказал он, *иже приидоша от скорби, и испраша* (омыли) *ризы своя, и*

убелиша ризы своя в крови Агнчи (ст. 14). Следовательно, это мученики.

К какой эпохе отнести это пророческое видение? К последнему суду Божию? Но два обстоятельства удерживают от этой мысли. *Во-первых,* пред престолом Божиим собраны только те святые, которые *убелиша ризы своя в крови Агнчи,* и потому пострадавшие после страданий Христовых, — и они из всякого языка, колена, и людей и племен, тогда как при общем суде пред лице Божие предстанут праведники, от начала века Ему угодившие. *Во-вторых,* число израильтян, обратившихся к вере Христовой, запечатленных печатью Бога живаго, слишком скудно, если оно будет означать всех благочестивых сынов народа Божия, как уверовавших в искупление Христово, так и ожидавших искупления, считая их с Авраама до второго пришествия Иисуса Христа. Сверх того, мы знаем, что, по учению ап. Павла, число это увеличится под конец бытия мира, когда *исполнение языков внидет и тако весь Израиль спасется* (Рим. XI, 25 и 26). Все это заставляет думать, что слова апокалипсические, которые рассматриваем, относятся не к последнему суду Божию, а к эпохе падения язычества. Если остановимся на этом времени, то точно нет возможности исчислить, какое множество народов во всех пределах земли, измывших одежды свои кровью Агнца, перенеслось к престолу Божию в продолжение трехвекового гонения христиан. Равно не покажется удивительной малочисленность израильтян, присоединившихся к Церкви Христовой в этот период ожесточения иудейского народа против всех, кто ни носил на себе имя Христово.

Действие запечатления таинственного изображается в видении как торжество, как торжественное водворение святых мучеников в святилище славы Божией. Зрелище истинно высокое и трогательное! Необозримый сонм святых страдальцев из всех стран нашего мира, из всех народов и народных поколений присоединяется к лику Серафимов и святых старцев, — в одеждах белых, означающих чистоту их души и светлую любовь к Иисусу Христу, одушевляющую их на пути скорбном в перенесении всех зол, которыми обременяли их жестокосердие и изуверство язычников; — в

руках их финиковые ветви, знаки их побед над соблазном, тиранством и всеми искушениями мира. — Вот они те, которых надменные римляне считали низкими, презренными, отребьем мира, которых лишали прав гражданских, собственности и покровительства законов, терзали бесщадно и безнаказанно и сгоняли с лица земли; — вот они, изгнанники из этого мира, принимаются в другом, лучшем мире, в царстве Создателя всех миров, удостоиваются высокого небесного гражданства, как великодушные и доблестные победители, и венчаются наградами прославления пред престолом Царя царей и царств. Небесный истолкователь, один из старцев, как сказано выше, объяснил Иоанну преимущества, дарованные Господом Богом мученикам.

Сего ради, говорил он, то есть, за их великодушие и терпение, с которым они перенесли бедствия и страдания из любви к Господу Иисусу Христу, *суть пред престолом Божиим, и служат Ему день и нощь в церкви Его: и Седяй на престоле вселится в них* (ст. 15). Быть пред лицем Бога и служить Ему беспрестанно, конечно, это преимущество выше всех преимуществ, какие бы мы ни вообразили, — это блаженство, это начало и совершение всех блаженств. И подлинно: нашедши Бога, чего искать более? Познав Его в славе Его, то есть, не гадательно, не чрез предчувствие, как теперь познаем, но как говорит Апостол: *лицем к лицу* (1 Кор. XIII, 12), вздумаем ли домогаться других каких познаний, когда в Нем все они, и вне Его нет никаких? Пожелаем ли какой мудрости, быв у первоначального ее Источника? Останется ли в душе нашей одно пустое место, когда она вся будет объята Тем, в Ком полнота всего? Да и какое чувство может в ней возродиться, кроме любви чистейшей, пламенной, беспредельной и никогда не престающей, когда ощутит на себе живое впечатление любви Бога? — Служить Богу *день и нощь,* то есть, ежеминутно в пренебесном Его святилище, не сделается ли непременною потребностью, как одним из величайших благ и блаженств?

Вот еще черты, которыми объясняется, сколько любезны Господу Иисусу Христу святые страдальцы за имя Его, и до какой высокой степени простирается Его попечительность

о них: *Не взалчут к тому, ниже вжаждут, не имать же пасти на них солнце, ниже всяк зной: яко Агнец, иже посреде престола, упасет я, и наставит их на животныя источники вод, и отъимет Бог всяку слезу от очию их* (ст. 16 и 17). — Мы встретимся еще с высшими преимуществами и наградами, дарованными мученикам Господом Иисусом Христом (Апостолы. Вып. 2, стр. 172).

Некоторые черты блаженства праведных

Блаженного Августина

Неизглаголанны блага, которые Бог уготовал в будущем веке любящим Его! Апостол Павел, восхищенный некогда до третьего неба, видел и слышал, в блаженном местопребывании праведных, неизреченные глаголы, для выражения которых не находил потом слов в языке человеческом. — По сей-то скудости человеческого слова для выражения вещей Божественных, св. Писание, по большей части, изображает нам блаженство грядущего века с той стороны, которая наиболее понятна и особенно утешительна для человечества, удрученного многими скорбями в этом мире. — По его непреложному обетованию, *отъимет Бог всяку слезу от очию праведных и смерти не будет к тому* (Апок. 21, 4). Всегдашние враги человеческого спасения: и диавол и чада его, страсти и грехи наши потреблены будут навсегда: *и диавол льстяй их ввержен будет в езеро огненно и жупелно* (Апок. 20, 10), *и не услышится по сем неправда в земли твоей, ни сокрушение, ни бедность в пределах твоих* (Ис. 60, 18). Наконец, и все печальные следствия грехопадения нашего уничтожатся на веки: *не взалчут к тому, ниже вжаждут, не имать же пасти на них солнце, ниже всякий зной... ни плача, ни вопля, ниже болезни не будет к тому* (Ап. 7, 16. 21, 4). Списатель града Божия, блаженный Августин, в сих же чертах, по большей части, представляет нам изображение града Божия. «В оном блаженном месте, говорит он, мы не будем иметь нужды ни в одежде, потому что облечемся в бессмертие, — ни в пище, и души наши будут постоянно насыщаемы *хлебом животным*, сшедшим с неба для нашего спасения. — Там никогда не

вжаждемся, потому что вечно будем пребывать у самого источника жизни, — не потребуем защиты ни от жара, потому что выну будем покоиться под сенью крыл Возлюбившего нас вечно, — ни от хлада, ибо для нас будет сиять Солнце правды, согревающее сердца наши пламенем любви Своей; изнурение и усталость будут чужды нам, потому что с нами будет всегда пребывать Тот, Который есть крепость наша».

«Для чего обновлено естество человеческое? вопрошает тот же святитель, в другом месте; — для того, чтобы человек стремился к вещам Божественным и вечным, — чтобы воздыхал об оном небесном отечестве, в котором царствует совершенная безопасность от всякого зла, — где не теряют друзей и не страшатся никаких врагов, где все исполнены святых восторгов и нет ни в чем нужды, — где никто не рождается, потому что никто не умирает, — где блага не возрастают, потому что не уменьшаются, — где нет ни голода, ни жажды, потому что все насыщаются истиной и бессмертием»..

В одной из красноречивых бесед своих блаженный Августин развивает картину бедствий человека, изнуряемого в этой жизни постоянной борьбой, то с недостатками и лишениями, то со страстями и похотями, воюющими на дух, то с искушениями и соблазнами всякого рода, и, доказавши, что совершенный мир может водвориться только тогда, когда, по слову Апостола, *мертвенное пожерто будет животом*, восклицает: «о братия мои! потщимся внити в оный град Божий, о котором всегда напоминаю и не престану напоминать вам, особливо в настоящее время, исполненное бедствий и соблазнов[1]. И кто из нас не пожелает сего блаженного жилища, в котором нет разлуки с друзьями, и нет входа ни для врагов, ни для коварных искусителей, ни для творящих соблазн и разделяющих народ Божий, ни для слуг диавола, волнующих и раздирающих Церковь Божию: ибо сам князь и все темное воинство его ввержено будет там в огнь вечный. Тогда водворится вечный мир для всех

[1] Бл. Августин разумеет здесь волнения в церкви от пелагиан и донатистов.

чад Божиих: ибо они будут любить друг друга взаимно. Тогда Бог будет всяческая во всех — будет, так сказать, общим стяжением всех и Един заменит все для всех!»

По словам бл. Августина, самые подвиги добродетели в здешней жизни, не лишены некоторой горечи. «Мы подаем милостыню бедным, принимаем странных, посещаем больных, но все это растворено некоторой горечью. Милосердие наше имеет место в этой жизни только потому, что есть также в ней нищета и страдание; но первого было бы не нужно, если б не существовали последние. И сие сбудется в оной блаженной жизни, в которой не нужно будет ни питать нищих, потому что никто ни в чем не будет нуждаться, ни принимать странных, ни одевать нагих, ни оказывать помощь больным, ни умиротворять враждующих, но где будет все совершенно, все свято, все истинно, все вечно, — где правда будет нашим хлебом, мудрость — питием, бессмертие — одеждою и небо — вечным жилищем нашим, — где будут царствовать только спокойствие, мир и радость. — Там-то, в оном граде Божием, мы достигнем истинного не гиблющего богатства и прочного и совершенного здоровья: ибо на веки потребятся болезни, и смерть и мертвенное наше пожерто будет животом! Тогда водворится истинная правда Божия, потому что мы лишимся не только несчастной способности творить грех, но и никакое помышление злое не дерзнет омрачить чистоту души нашей!

Изображая блаженство грядущего века в чертах духовных, возвышенных, блаженный Августин старался уничтожить всякое чувственное и грубое понятие, какое некоторые имели о нем, не разумея Писания и силы его. «Люди мирские, говорил он, на все готовы переносить свои обычаи и свои наслаждения. Но Господь предупреждает нас, что грешникам недоступна истинная радость, т. е. та радость, которой *око не виде, ухо не слыша и на сердце человеку не взыде*. Сею радостию возвеселятся только избранные Твои, о Боже мой! Но ее наслаждения не будут похожи на земные наслаждения. *Исполнимся во благих дому Твоего,* говорит пророк (Пс. 64, 5). Что же это за блага дому Божия? Может быть, братия, вы думаете, что это великолепный дворец, блистающий золотом, серебром и всякого рода богатствами

и наполненный великолепною прислугой, или, что стены его покрыты дорогими картинами, убраны мрамором и пурпуром, и многочисленные покои уставлены величественными колоннами?.. Есть, конечно, люди, которые гоняются за этим великолепием, но — оно принадлежит Вавилону, а не Иеурсалиму небесному. Устраняйте от себя подобные мысли, наследники сего града Божия! Ищите и желайте *благих* дому Божия, но не воображайте их похожими на те, которые вы могли бы пожелать для земного дома своего или своих друзей. Блага дому Божия совсем другого свойства. *Исполнимся во благих дому Твоего; свят храм Твой, дивен в правде* (Пс. 64, 6) — вот это благо! Пророк не говорит, что дом Божий удивителен по мрамору, дорогим завесам и величественным колоннам, но он *дивен в правде!* Для созерцания красоты его нужно не телесное око, но внутреннее, духовное, способное прозреть красоту правды Божией (Воскр. Чт. ч. XIII, стр. 569).

Библиографический указатель к VII главе

1) *Андрея Кесарийского.* Толкование на Апокалипсис М. 1889г. Сл. 7. гл. 19. О ста сорока четырех тысячах спасаемых от язвы четырех Ангелов (ст. 1-8). Гл. 20. О бесчисленных народах, носящих светлые одежды из язычников (ст. 9-17). Стр. 61-91.

2) *Еп. Петра.* Объяснение Апокалипсиса св. ап. Иоанна Богослова. Томск. 1885 г. Второе видение шестой печати (ст. 1-8). Повеление 4 Ангелам совершить определенный Богом суд над врагами Церкви (ст. 1); повеление Божие запечатлеть избранных (ст. 2-8). Третье видение шестой печати: лица, которые представлялись св. Иоанну, и состояние их (ст. 9); занятие избранных: славословие (ст. 10); припевание Ангелов (ст. 11-12); сведения об исповедниках, носящих пальмы (ст. 13-17).(Стр. 87-99).

3) *Фаррара.* Первые дни христианства. Перев. Лопухина. Шестая печать. Стр. 489-490.

ГЛАВА VIII

Молитвы святых, предстоящих пред престолом Божиим в царстве небесном (1-6)

Ф. Яковлева

И егда отверзе седмую печать, бысть безмолвие на небеси яко пол часа (гл. VIII ст. 1). Так бывает в мире физическом: наступлению бури часто предшествует глубокая тишина. По снятии седьмой печати безмолвие на небесах получасовое, т.е. непродолжительное означает сосредоточение благоговейного внимания предстоящих пред престолом Божиим Ангелов и святых Божиих людей, ожидающих страшных явлений гнева Божия.

И видех седмь Ангелов, иже пред Богом стояху: и дано бысть им седмь труб. И другий Ангел прииде, и ста пред олтарем, имеяй кадильницу злату: и даны быша ему фимиами мнози, да даст молитвам святых всех на олтарь златый, сущий пред престолом. Изыде дым кадильный молитвами святых от руки Ангела пред Бога (ст. 2,3 и 4). Припомним, что, по снятии пятой печати, души избиенных, за Слово Божие, или души мучеников Христовых просили Бога отмстить убийцам своим за кровь их. Исполнение их прошений отсрочено было на некоторое время. Если применим это к временам гонения на христиан, то можем предполагать с уверенностью, что многие из страдальцев, начиная с гонения Неронова, точно вопияли к Богу об отмщении кровожадным идолопоклонникам, если не за себя, то за братьев своих, за Церковь Божию, теснимую и терзаемую. (Под словом «мщение» мы понимаем здесь не то черное чувство вражды, которое воздает злом на зло, обидой за обиду, но молитву

Господу Богу, чтобы Он явил Свое правосудие, остановил зло и положил преграду злодеяниям). Но не исповедимый Промысл Божий отсрочивал еще громы Своего правосудия; земля упивалась кровью христианской; гонители не переставали свирепствовать; вероятно, не прекращались и молитвы мучеников. И вот, по снятии седьмой печати, голос их снова слышится, — предмет их молений, конечно, тот же, какой видели в десятом стихе пятой главы. Это повторение, как кажется сделано с той мыслью, чтобы вразумить всех, которые будут читать сии пророчества, что Бог не оставляет без внимания молитвы рабов Своих и особенно святых любимцев Своих; что казни Божии, вслед за сим описанные,суть последствия тех молитв. Посмотрите же, как сильна молитва их: *и взя Ангел кадильницу и наполни ю от огня сущаго на олтари, и поверже на землю: и бысть гласи и громи и блистания и трус* (ст. 5). Смысл сих слов означает наступление гнева Божия; начнутся трубные звуки семи грозных Ангелов; звук каждой трубы будет вестником великих бедствий, постигающих землю.

Казни Божии, возвещаемые трубными звуками Ангелов (7-13)

И первому Ангелу вострубившу, бысть град и огонь смешены с кровию, и падоша на землю: и третия часть древа погоре, и всяка трава злачная погоре (гл. VIII, ст. 7). Пророческое писание Апокалипсиса имело в виду две главные цели: изобразить падение идолопоклонства и последний суд Божий над родом человеческим. Премудрость Божия чрез ап. Иоанна открыла, какие знамения будут предшествовать двум этим грозным событиям, решающим судьбу Церкви Христовой.

Время идолопоклонства было ужасное время разврата, заблуждений и ожесточений в заблуждениях. Столько же ужасное время будет пред кончиною мира. Церковь Христова страдала от идолопоклонников; она же будет страдать в последнее время от беззаконий, которое назвал Апостол *отступлением* (2 Сол. 11,3). Предвидение Божие все это видело и предрекало казни, которыми будет поражен грешный мир. Нам не трудно понять цель этих предсказаний:

во-первых, они возвещали гнев Божий и призывали людей к сознанию своей виновности и обращению к Богу милости; в самом гневе Божием светлело Его милосердие. *Во-вторых,* казни сии были явными вразумителями благочестивым людям, что это предвестники суда Божия, как Господь Иисус Христос и сказал в предостережение всем людям: *и егда сия видите бывающа, ведите, яко близ есть, при дверех* (Марк. XIII, 29). Идолопоклонники во все продолжение их ожесточения против Церкви Христовой испытали на себе казни гнева Божия, но не вразумлялись; их и постиг суд Божий. Теперь предоставляется нам, живущим на конце веков, наблюдать: не гремят ли громы гнева Божия? Нет ли тех знамений, которые описаны в пророчестве? Не звучат ли трубы грозных Ангелов? И если они звучат, то не должны ли мы спешить, чтобы умилостивить разгневанного Бога покаянием и исправлением, и чрез это отдалить страшные последствия, какие неминуемо произойдут по звуку последней ангельской трубы?

Казни Божии над идолопоклонством, терзавшим Церковь Христову, давно уже совершились; мы и будем сличать, по возможности, предсказания с исполнением; отсюда и можем извлекать приблизительное понятие, полезное и спасительное для нас, о будущих бедствиях пред последним судом Божиим.

Пророчество произносило предсказание тех бедствий в изображениях иносказательных, в олицетворениях эмблематических и аллегорических; и поэтому понимать их буквально или ожидать буквального их исполнения, было бы великой и грубой ошибкой. Многие иносказания покажутся с первого взгляда ни к чему не применимыми; но если всмотришься во внутренний их смысл, то найдешь их совершенно согласными с понятиями представляемыми. Сделав предварительные сии соображения, которые мы сочли нужными, обратимся к пророчеству.

И первому Ангелу вострубившу — вот указание, что важные перевороты в мире производятся по могущественной и святой воле Творца мира, назначающей для исполнения своих предопределений служителей Своих, бесплотных духов. Ангелам *дано седмь труб,* и они трубят; это иносказание

означает, что сии посланники Божии одарены такой силой, что одно их движение или направление, нам непостижимое, может потрясти природу, общества людей и государства. *Бысть град и огонь смешены с кровию.* — Град (разумеется здесь большой величины), падающий на землю — опустошительное и убийственное зло, а тем более огонь; два сии бича, соединенные с кровопролитием, означают истребительную войну. Вот чем начнутся казни Божии над нечестивым миром. Так и сам Господь Иисус Христос предвещал: *восстанет язык на язык, царство на царство, и будут глади и пагубы, и труси по местом* (Матф. XXIV, 7), *страхования же и знамения велия с небесе будут* (Лук. XXI, 11.), *и будут знамения в солнце и луне и звездах: и на земли туга языков от нечаяния, шума морскаго и возмущения* (Там. ст. 25). Слова сии можно принять за руководство к уразумению рассматриваемого пророчества. Они сокращенно содержат в себе то, что изображается в Апокалипсисе в разных образах. По словам Господа, восстанет народ на народ и царство на царство, то есть начнутся истребительные кровопролитные войны (град и огонь, смешанные с кровью), от которых разрушатся и предадутся огню города и селения, опустошатся засеянные поля, истребятся леса, сады, растения и травы, необходимые для поддержания жизни людей и животных. — Впрочем, как ни велики бывают преступления людей, сколько ни страшен праведный гнев раздраженного Бога, никогда он не является без милости, *не до конца прогневается Бог,* говорит пророк (Псал. CII. 9). *И третия часть древа погоре, и всяка трава злачная погоре.* — Только третья, две трети пощажены — оставлены средства для жизни; не одумаются ли беззаконники и не подвигнутся ли к покаянию? — Так будет пред вторым пришествием Господа Иисуса Христа! Так было пред разрушением Иерусалима, когда римляне поражали друг друга за искателей владычества Гальбы, Оттона и Вителлия, а Иудея терзалась кровавыми междуусобиями! Так было пред падением идолопоклонства и Рима, когда императорское могущество и титул дробилось неоднократно между многими честолюбцами, опустошавшими и наводнявшими кровью области империи!

И вторый Ангел вострубм, и яко гора велика огнем жегома вержена бысть в море: и бысть третия часть моря кровь. И

умре третия часть созданий сущих в мори, имущих души, и третия часть кораблей погибе (ст. 8 и 9.).

И третий Ангел воструби, и паде с небесе звезда велика горящи яко свеща, и паде на третию часть рек, и на источники водныя. И имя звезде глаголется апсинфос, и бысть третия часть вод яко полынь: и мнози от человек умроша от вод, яко горьки беша (ст. 10 и 11.).

Напрасно стали бы мы доискиваться, что это такое, подобное огненной горе, павшей в море, и какая это звезда горящая, повредившая воды рек и источников. Сии посредства, чрез которые мстящая десница Божия поражает природу, невидимы нами, и будут ли когда видимы, ни утверждать, ни отвергать не можем. Нам видимы одни только последствия; мы и выводим из них заключения, что очень часто Мироправитель — Господь Бог, давая чувствовать людям, что беззаконное их поведение оскорбляет Его, обращает стихии, устроенные Им на пользу человеку, во вредоносное и губительное для него. Такое изменение бывает более или менее сильным и поразительным, смотря по виновности и ожесточению грешников. — Мы не можем произносить никакого суждения о переворотах, какие происходили или произойдут в глубинах моря. Это однако не дает нам право сомневаться, что третья часть моря не обращалась или не обратится когда-нибудь в кровь, тем более, что это может произойти не на одном, а на разных пространствах, и, может быть, не не поверхности, а в глубоких жилищах водных жителей, из которых погибнет от этого окровавления третья часть. Люди приметят эту гибель только тогда, когда почувствуют оскудение в рыбах — одном из немаловажных предметов пропитания. Ураганы и бури погубляют и могут погубить множество кораблей. Приходит на мысль и то, что не должно ли понимать в пророческих словах морские битвы враждующих народов, которых взаимная ненависть погубит и истребит третью часть кораблей и обагрит море кровопролитными и убийственными сражениями? — И воды рек и источников, в наказание человеку, были и могут быть зловредными и убийственными. Св. Писание представляет нам поразительный пример такого бедствия: на садомлян упал огонь с неба (вот и есть нечто подобное горе или звезде

огненной); — и от того светлые струи Иордана, орошавшие плодоносную долину Пентаполя, образовали море солено-горьких вод, вредных и людям и животным. От испорченности вод, как говорит опыт, воздух наполняется гнилыми испарениями; отсюда зарождаются миазмы, сокращающие жизнь человеческую. Образовавшаяся зараза переходит от одного человека к другому, врывается в села и города и производит ужасные опустошения. Много людей погибает и в наше время от таких или тому подобных причин; — это бичи гнева Божия, это грозные проповедники для тех, которые им пощажены. Нужно ли говорить, что пощаженным дан знак и урок переменить темные и лживые свои дела на дела света и истины, иначе их ожидают более ужасные наказания.

И четвертый Ангел воструби, и уязвлена бысть третия часть солнца и третия часть луны, и третия часть звезд, да затмится третия часть их, и третия часть дня да не светит, и нощь такожде (ст. 12). Не означает ли это того, что сказал в кратких словах Господь: *и будут знамения в солнце и в луне и звездах* (Лук. XXI, 25)?

Уязвление третьей части солнца, луны и звезд, может быть, и неприметно было и будет людям, навлекшим на себя гнев Божий, но отзовется в разных воздушных переменах. И в наши времена нередко случается, что времена года начинаются или оканчиваются не в свое время, раньше или позже, — что весеннее и летнее солнце иногда не греет, луна и звезды бросают на землю тусклый и бледный свет, — холодные ветры останавливают ход растений, только показавшихся на Божий свет, — безвременные морозы убивают надежду плодов еще в цветках их, продолжительные дожди или засухи грозят засеянным полям повреждением или совершенным бесплодием. Иногда такие бедствия бывают повсеместно; природа казалась столько враждебную трудам и усилиям человеческим, что доводилось подумать, не охладело ли и благотворное солнце. Все такие явления, выступающие из общего порядка вещей, сопровождались утратою благосостояния человека, погибелью его трудов, бедностью, нищетой, голодом и другими многочисленными самыми горестными последствиями. Правосудие Божие

нередко поражало подобными гибельными переворотами народы и государства; особенно гонители христиан подвергались тем же бедствиям многократно в грозных и страшных размерах; и поэтому можем быть уверены, что еще горчайшие напасти испытают нечестивцы в предпоследние времена мира. Люди бедствовали, но не понимали, или, лучше сказать, не хотели понимать настоящих причин своих бедствий, или понимали превратно. При подобных поражениях идолопоклонники, как увидим ниже, слагали всю вину на христиан, крича, что мир страдает от гнева богов, презираемых христианами; — были люди и будут, которые относили и будут относить все те печальные события случайностям природы; а между тем лучше бы порассудить: не звучит ли труба Ангела?

Ст. 13. *Горе, горе, горе живущим на земли от прочих гласов трубных триех Ангел, хотящих трубити.* (Апостолы. Вып. 2, стр. 179)

Библиографический указатель к VIII главе

1) *Андрея Кесарийского.* Толкование на Апокалипсис. М.1899г. Снятие седьмой печати, показывающее, что ангельские силы приносят Богу молитвы святых, как фимиам (ст.1-6). Сл.8.Гл.22. О семи Ангелах, из которых, когда вострубил первый, пали на землю град, огонь и кровь (ст.7).Гл.23. О втором Ангеле и погибели живущих в море(ст.8-9). О третьем Ангеле и горечи речных вод (ст.10-11). Сл. 9 Гл.25. О четвертом Ангеле и помрачении светил (ст. 12-13). Ст.93-103.

2) *Еп. Петра.* Объяснение Апокалипсиса св. ап. Иоанна Богослова. Томск. 1885г. Седьмая печать. Что такое безмолвие на полчаса? (ст. 1). Видение семи Ангелов, взявших 7 труб (ст. 2). Торжественное возжение фимиама, предшествующее звукам труб (ст. 3-5). Приготовление Ангелов к трублению (ст. 6). Первая труба (ст. 7). Вторая труба (ст. 8,9). Третья труба (ст. 10-11). Четвертая труба (ст. 12-13. Стр. 100-115).

3) *Фаррара.* Первые дни христианства. Снятие седьмой печати. Стр. 490-492. Трубы. Стр. 492-495

ГЛАВА IX

Продолжение пророчества о казнях Божиих, возвещаемых трубными звуками (1-19)

Ф.Яковлева

И пятый Ангел воструби, и видех звезду с небесе спадшу на землю, и дан бысть ей ключ студенца бездны. И отверзе студенца бездны, и взыде дым от студенца, яко дым пещи велики, и омерче солнце и воздух от дыма студеничнаго. И от дыма изыдоша прузи на землю, и дана бысть им область, якоже имут область скорпии земнии: И речено бысть им, да не вредят травы земныя, ни всякаго злака, ни всякаго древа, но человеки точию, иже не имут печати Божия на челех своих: и дано бысть им, да не убиют их, но да муку приимут пять месяцей: и мучение их яко мучение скорпиево, егда усекнет человека. И в тыя дни взыщут человецы смерти, и не обрящут ея: и вожделеют умрети, и убежит от них смерть. И уподобления пругов подобна конем, уготовленным на брань, и на главах их яко венцы уподоблени злату, и лица их яко лица человеческа. И имеяху власы, яко власы женские, и зубы их, яко львов беша: и имеяху броня, яко броня железны, и глас крил их яко глас колесниц, егда кони многи текут на брань. Имеяху ошиби подобни скорпиеным, и жала бяху в ошибах их: и дана бе область им вредити человеки пять месяц. И имели над собой царя ангела бездны, емуже имя еврейски Аваддон, а еллински Аполлион» (гл. IX, 1-11).

Бедствия, которые низринутся на землю по звуку трубы пятого Ангела, превышают предшествовавшие. Пред глазами нашими какие-то безобразные, чудовищные исчадия ада,

из которого они вырвутся с дымом, затмевающим солнце и воздух. Они низринутся на землю, чтобы угрызать людей и поражать мучительными страданиями, но только тех людей, которые не отличены печатью Божиею, то есть злочестивых и развратных. Они названы в Писании саранчею (прузи) по многочисленности и губительному их свойству. Саранча, как известно нам, насекомое отвратительное, быстро разрождающееся до неисчислимости, прожорливое, пожирающее в короткое время всякое произрастение, всякую траву и зелень. Но саранча, описываемая в пророчестве, пагубна людям и не пожирает их, а ужаливает подобно змее ядовитой и, сверх того, ужаленье ее не смертельно, а столько же мучительно, как ужаленье змеи. — Вид ее странен и чудовищен: с головы походит на человека; на голове носит венец из поддельного золота; волосы у нее женские, зубы львиные, тело покрыто чешуей железной, как бы латами; она с крыльями, которые во время полета производят треск и шум, как бы слышишь множество колесниц, мчащихся на войну; хвост ее змеиный с такою особенностью, что конец его вооружен жалом. Такие ужасные чудовища, описываемые Иоанном, должны быть не иначе, как произведение ада; они и имеют властителем над собой ангела бездны, названного в пророчестве Аваддоном или Аполлионом: первое слово еврейское, а второе греческое; то и другое значит: губитель.

Нельзя подумать, чтобы в мире вещественном могло родиться что-нибудь подобное тем страшилищам, которые Иоанн видел, описал и назвал саранчею; и потому описание его есть ничто иное, как аллегорическое изображение, в котором олицетворено понятие, составляющее одно нераздельное целое, соединенное из разнородных частей. Какое же это понятие? Обозревая явления духовные и нравственные, мы встречаем предметы, поразительно сходствующие с пророческим описанием. Это страсти человеческие. — Каждая из них, дошедши до известного предела, имеет все признаки чудовищной саранчи. Рассмотрим подробнее это понятие.

Не входя в психологический разбор страстей, этих благих или злых двигателей нашей воли, скажем, что начало

страстей, то есть — раздражительность в душе есть принадлежность нашей природы: с нею мы рождаемся. Но что врожденно нам, то есть, что даровано нам Создателем, то чисто, благородно, дружественно с рассудком и совестью, к добру и истине направляет движение души. Но сие же в поврежденном грехами естестве человеческом обращается в зло тяжкое, мучительное, с которым бороться осуждено все потомство первого человека. — Люди не созданы честолюбцами, мстительными, сладострастными, гордецами, корыстолюбцами, обидчиками, клятвопреступниками, презрителями законов Божиих и человеческих; но делаются такими, когда, забывая духовную часть своего существа, пристращаются к миру и удовольствиям, ласкающим чувства приманчивыми впечатлениями; когда заботятся только об удовлетворении животной своей природы, когда отвращаются от истины и добродетели, всегда кажущейся суровою и противною мирским помыслам и влечениям; когда забывают обязанности свои к Богу, а потом и обязанности к ближнему, подводя их под своекорыстные условия. — Такой образ жизни, естественно, навлекает гнев Господа Бога, Который, щадя виновных и ожидая их покаяния, сперва насылает разные бедствия, происходящие от враждебных и насильственных переворотов природы; потом, когда видит невнимательность к мерам Его милосердия и ожесточенность, тогда отнимает от них охранительную Свою руку и предает, как говорит Апостол, *в неискусен ум творити непотребная* (Рим. 1, 24).Вот то состояние, в котором страсти начинают господствовать над людьми насильственно и неукротимо; они беспрерывно разрождаются, растут и бросаются на истребление всех благородных чувств и побуждений в человеке. Это точно губительная саранча, изрыгнутая адом на общество людей или на целые области и государства народов. И выйдет дым от земли, как дым от печи великой и затемнит солнце и воздух от дыма земного. — И точно, — посмотрите на толпы людей, обладаемых страстями: их облегает какой-то чад, заслоняющий от их помышлений свет Божества, веры Божией и истины. Все они дышат атмосферой любимого своего чувства, умствуют по своим особенным началам, действуют по силам, их

8 Зак. 445

движущим и влекущим, *подобны конем уготовленным на брань.* — На головах изображенных чудовищ *яко венцы уподоблени злату.* Страсть манит душу увлекающим обаянием. Она сверкает из дали, как украшенная золотым венцом. Душа страстная жертвует всем для приобретения желанной драгоценности; а эта драгоценность, как скоро приобретена, оказывается не золотою, а позолоченной и состоит из низкого металла. — Корыстолюбец думает, что он был бы очень счастлив, если бы наполнил сундуки свои золотом — вот они и наполнены, а счастье стало еще дальше от души его. — Злобный жаждет, как наслаждения, когда он нанесет удар противнику — удар нанесен, — а вместо наслаждения слышится жестокая укоризна совести. — И вообще, каждое страстное желание в мечтательном воображении украшает предмет свой блестящими венцами, которых блеск тухнет при горьком опыте и разочаровании. *И лица их яко лица человеческа.* И действительно, страсть, как понятие отвлеченное, олицетворяется человеком; на лице особенно выражается волнение страстей. *И имеяху власы, яко власы женские.* Всякая страсть прикрывается приятною наружностью и наружностью женскою, то есть обольщающею взоры и возбуждающею нечистые желания. *И зубы их яко львовы беша,* а несчастный, увлеченный страстью, сколько зол и мучений претерпевает! Сколько зол наносит ближнему! Сердце его попеременно терзается то недоверчивостью, то ревностью или завистью, то мстительностью и злобой ко всему, что мешает или противоречит страстным его побуждениям; гнев, ненависть, иступленная ярость гонят далеко покой от души его и с неумолимой жестокостью разрушают покой других. — *И имеяху броня, яко броня железны.* Когда сердце подавлено страстью, тогда в ней одной сосредоточиваются все его чувства и привязанности. Оно холодно ко всему постороннему, непроницаемо как бы покрыто железною броней для всякого доброго и святого впечатления; чуждое сострадания, оно жестоко и даже бесчеловечно. *И глас крыл их, яко глас колесниц, егда кони многи текут на брань.* Стремления страстей ужасны; ужасны те люди в стремлениях своих, когда обладают ими страсти. Взгляните на зараженных честолюбием, любостяжанием,

сладострастием и другими страстями! Как напряжены их усилия, когда действуют в угождение своим идолам! Как поспешно развертывают они свои средства и быстро несутся к своей цели! Поступки их порывисты, шумны, бранноносны. *Имеяху ошибы* (хвосты) *подобни скорпииным, и жала бяху в ошибах их.* Ничто так явственно не характеризует действия неистовых страстей, как это иносказание. Ошиб, то есть хвост или конец греховных наших ощущений, привязанностей и заблуждений так же смертоносен, как угрызение скорпиона. Обольщенный страстью не различает более добра от зла, испивает чашу греховную постепенно до самого дна и погибает. Ап. Иаков изображает весь ход страстей в немногих, но сильных словах. Когда человек увлекается и обольщается страстными своими пожеланиями, то, говорит он, *похоть заченши рождает грех: грех же содеян рождает смерть* (Иак. 1,14 и 15). *И дана бе область им вредить человеки пять месяц.* Число пять месяцев, а равно и все исчисления Апокалипсические, совершенно нам не понятны, но тем не менее истинны. Это тайна Духа Божия, Которому не угодно еще открыть нам способы к ее уразумению. Мы только можем догадываться по выставляемому счислению о краткости или продолжительности описываемых событий. — Буйные страсти, говорит пророчество, будут терзать людей пять месяцев. Не означало ли это кратковременности порочных удовольствий, в сравнении с теми мучениями, которые за ними последуют? Не сокращают ли порочные удовольствия жизни человеческой? Не делают ли жизнь скорбной, томительной от упадка нравственных и телесных сил, от беспрерывных тревог души, от болезней и угрызений совести? Не становится ли такая жизнь мучительной и безотрадной? Пророчество говорит: *и в тыя дни взыщут человецы смерти, и обрящут ея: и вожделеют умрети, и убежит от них смерть.* Нет печальней и поразительней зрелища, как зрелище грешника, страдающего и телом и душой, растерзанного болезнями, грызомого мрачными мыслями, безнадежного, не находящего ни в чем успокоения, ни помощи, призывающего смерть, не внемлющую воплям отчаяния. — *И имели над собой ангела бездны.* Беззаконные страсти, действительно, порождение ада, потому что начало

всех заблуждений и первый виновник всех грехов есть противник Божий, ангел бездны. Св. Апостол и говорит: *исперва диавол согрешает* (1 Иоан. III, 8).

Несчастны те общества, народы или государства, в которых испорченность нравов дойдет до того, что вместо правил чести и добродетели, вместо узаконений Божиих, люди будут руководствоваться узаконениями своих страстей, вымыслами ложных умствований и заблуждений! Несчастен тот народ, у которого порочные страсти проникнут во все сословия, в котором угаснет светильник веры, истина будет ставиться ни во что, добродетели останутся только известными на словах, а на деле всякий будет помышлять о жизни веселой, прихотливой, разгульной, не гнушаясь никакими средствами, порочными ли, или даже преступными, только бы продолжать такую жизнь, — у которого беспрерывные пиршества, игрища и соблазнительные зрелища будут составлять любимое занятие и провождение времени, — в котором люди истлевают в похотях своих и в насыщении алчбы всех нечистых своих положений. Такое состояние народа есть истинно величайшее бедствие: оно есть явный признак гнева Божия, — очевидный вестник, что попечительность Божия оставила их; они предоставлены себе — носят сами в себе, воспитывают и увеличивают заслуженную казнь. — Но этим не оканчивается гнев Божий: правда Божия предрекает им новые, еще более ужасные наказания — шестой Ангел начинает трубить.

И шестый Ангел воструби, и слышах глас един от четырех рогов олтаря златаго сущаго пред Богом, глаголющий шестому Ангелу имеющу трубу: разреши четыре Ангела связаны при реце велицей Евфрате. И разрешены быша четыри Ангелы уготованы на час, и день, и месяц, и лето, да избиют третью часть человек. И число воинов конных две тме тем: и слышах число их. И тако видех в видении кони и седящия на них имущия брони огненны и иакинфовы и жупелны: и главы конем (их), яко главы львом, и из уст их исхождаше огнь и дым и жупел. И от трех язв сих погибе третия часть человеков, от огня и от дыма и от жупела, исходящих из уст их. Область бо коней во устах их бе, и ошиби их подобни змиям, имуще главы, и теми пакости деюще (IX, 13-19).

Когда прозвучала труба шестого Ангела, то повелено было ему освободить для поражения третьей части людей четырех губительных Ангелов, бывших связанными при реке Евфрате. Но чтобы это поражение не произошло вдруг и в один прием, сказано в пророчестве, что тем Ангелам определено время их действования на час, день, месяц и лето, то есть, что поражение будет и кратковременное и с возрастающей продолжительностью. Вот и явилось многочисленное конское войско, конечно, вследствие убийственной деятельности Ангелов. Всадники были в латах огненных, гиацинтовых (фиолетового или темно багрового цвета) и серных (пылающей серы); кони их с львиными головами, испускающими из своих челюстей огонь, дым и серу, убийственные людям, хвосты коней змееобразные, имевшие оконечность, похожую на голову, которой они вредили. — Изображение ужасное! Мы понимаем, что это иносказание, которого внутренний смысл также ужасен. Это война пламенная, кровопролитная и истребительная. Львиные пасти коней, дышащие огнем, дымом и пылающей серой, выражают силу, свирепство и убийственность этой войны; змеиные хвосты коней означают, что в бурное время предсказываемого кровопролития лукавство, вероломство и обманы будут действовать также вредоносно, как и оружие.

Конечно, всякая война сопряжена с кровопролитием, убийством и другими многочисленными бедствиями, но здесь предсказывается война чудовищная, жесточайшая и беспощадная, война, так сказать, самого ада; и потому следует узнать, какого рода эта война. Мы находим, что из всех браней, которыми люди терзают друг друга, самые ужасные и кровопролитные, пылающие убийством и истреблением, — это междуусобные, которые возжигают честолюбивцы, фанатики, мятежники и бунтовщики против законной власти. В убийственное время таких междуусобий люди как бы перестают быть людьми, разрывают все связи природы и общества, и, что всего страннее и плачевнее, близкие, друзья, родные восстают друг на друга с большею яростью, нежели с какою они бы сражались против врагов-чужеземцев. — Народные войны всегда бывали наполнены ужасами, от которых содрогается природа; там видимы были

люди, действительно, похожие на чудовищ, изображенных в пророчестве, дышащие пламенем неистовой и губительной вражды и неукротимого мучения; они то уязвляли своих противников тайными злоухищрениями, вероломными оборотами, подкупом, обманом, отравлением и другими губительными средствами, и чрез это уподоблялись змеиным хвостам чудовищных коней; то, развивая силы свои в явных нападениях, бросались на жертвы их ненависти, как свирепые львы со всеми разрушительными стихиями. Пожары, грабежи, насилия, убийства и разрушение — всегдашние спутники всякого рода войны, но тем более междуусобной. — В обыкновенных бранях разноплеменных народов победители нередко щадят побежденных; но между противниками разных мнений, верований, толков и секретов, разных партий, воюющих за первенство или владычество, нет пощады: всякая сторона возвышается не иначе, как на развалинах другой. — Теперь обратим наше внимание и рассмотрим: на какое время, на какие события указывало пророчество?

Скажем наперед, что в обширном смысле пророчество Апокалипсиса, по Божию изволению, раскрывает весь ход суда Божия над каждым народом нечестивым, безнравственным, дерзко нарушающим законы Божии и человеческие.

Сперва гнев Божий, чтобы вразумить безумцев, щадя их, проявляется над вещами, их окружающими, из которых иные составляют необходимую их потребность; иные способствуют увеличению их благосостояния, некоторые сделались нужными их общественным связям, пользам и даже прихотям. И вот по воле Божией, изъявляемой чрез святых Ангелов, природа изменяется неожиданными поворотами: воздух, реки, море, растения, даже небесные светила, поражающие нас невидимою, но тем не менее ощутительною рукою, отступая от известного их порядка, утрачивают часть своей благотворительности, наносят вред людям, погубляют плоды их трудов, уничтожают самые лучшие их надежды, стесняют их быт и предают их бедности, изнурениям, болезням и другим многочисленным бедствиям. Во время тяжких таких испытаний ожесточенные в беззакониях, и при видимых гневных действиях силы

Божией, не отступают нимало от преступной своей жизни; — от того и скопляются над ними другого рода и более тяжкие казни: — свет Божий совсем угасает для них; они предаются в добычу собственным их страстям — этим губительным язвам, которые означены в пророчестве именем саранчи. Тогда-то все благородные побуждения человеческие потухают, все добродетели искажаются, или, что еще хуже, именами их прикрываются и величаются мрачные пороки, ненавистный эгоизм делается пружиной всех желаний и поступков, которых одна цель, один предел — пресыщение чувственными удовольствиями. Вот и начинается жизнь бессмысленная, жизнь праздности и забав, роскоши и беспечности, сластолюбия и изнеженности, — жизнь точно приманчивая, но за ней следуют расточительность, расстройство в семействах, упадок нравственности, небрежность к обязанностям частным и общественным, нарушение законов, преступные связи — повод и поощрение всем страстям;тут и начинается их владычество, которое тем более губительно, что облагает пленников своим мраком обольщения и ослепления.

Когда зараза разврата проникает во все слои общества, тогда рождается новый бич на грешников. Страсти, обыкновенно, растут быстро, если не удерживаются препятствиями, противопоставляемыми Промыслом Божиим. Они чем сильнее становятся, тем неограниченнее в требованиях. Каждая страсть ищет себе жертв; отсюда происходит столкновение желаний, усилий, соперничества, зависти, разных мнений и побуждений; отсюда происки, лукавства, обманы, оскорбления, насилия — обыкновенные орудия каждой сильной страсти; отсюда, наконец, вспыхивают несогласия, вражды, потрясения общественного благоустройства и те кровавые зрелища яростных и истребительных междуусобий, которые изображены иносказательно в пророчествах Апокалипсиса под видом страшных всадников, едущих на убийственных конях.

История богата примерами многих государств, над которыми гремели казни Божии, описанные пророчеством. Но в тесном смысле пророчество имело в виду одно огромное, и притом идолопоклонническое государство — Римскую

империю. Произнесенное в царствование Домициана, оно грозило идолопоклонникам казнями за нечестивое их служение ложным богам, описывало самые казни и их последствия в иносказаниях которые мы рассматривали; предсказывало и то, что *прочие* из тех язычников, *иже невреждени быша язвами сими, ниже покаяшася от дел рук своих, да не поклонятся демонам, ни идолам златым, и серебряным,* и проч., т. е. не тронулись бедствиями и не образумились от постыдного своего суеверия. Точно так и происходило с римлянами. В летописях истории мы находим описания многочисленных и ужасных бедствий, поражавших Римскую империю.

Над ними исполнилось пророчество Апокалипсиса во всей его точности. Так оно исполнится и при конце времен этого мира! То, что сбылось с Римом, сбудется с целым миром в тех ли, или других, им подобных, размерах. — А когда это случится, от нас сокрыто. Нам предоставлено, однако, прислушиваться, не звучат ли трубы Ангелов? Если мы увидим страшные повсеместные потрясения природы; если увидим совершенный упадок веры и нравственности — всюду господство преступных и постыдных страстей, или, скажем словами пророчества, погибельное нашествие саранчи; если увидим всеобщую вражду, мятежи и междуусобия со всеми кровавыми их последствиями, или как говорит пророчество, огонь, дым и пылающую серу, убийственно обращаемые на взаимное народов погубление и истребление; то не должно ли и нам придти в сокрушенное расположение духа, как уже, действительно, услышавшим трубные громы Ангелов, и признать, что все те бичи гнева Божия требуют от нас покаяния и исправления? — Иначе они могут быть предшественниками тех ужасных переворотов, которыми решится судьба всего мира. — Господь сказал: *от смоковницы же научитеся притчи: егда уже ветвие ея будет младо, и изращает листвие, ведите, яко близ есть жатва. Тако и вы, егда сия видите бывающа, ведите, яко близ есть, при дверех* (Мар. XIII,28 и 29).

Всеведение Духа Божия предвидело ожесточение римлян в идолопоклонстве и других беззакониях, — и предсказывало, что бедствия и казни не тронут их (Апок. IX, 20 и 21), что

они не отвратятся от поклонения демонам и идолам, которые суть ничто иное, как изделие рук человеческих, — *и не покаяшася от их убийств,* в которых пролита кровь народов всего почти тогдашнего мира, и в особенности, кровь неисчислимого множества христианских страдальцев; *ни от волхвований своих,* которым преданы они были с слепым доверием, то гадая по полету птиц, по внутренностям животных, то прибегая с всегдашними вопросами к оракулам, сивиллиным книгам или к астрономическим гаданиям — *ниже от блуда своего,* в котором проводили жизнь сладострастную и оскверненную самыми низкими похотениями, *ниже от татьб своих,* от того хищничества и грабежа, которые тяготели над покоренными ими областями и государствами. — И потому гнев Божий не смягчен, не умилостивлен — надобно ожидать звука трубы ангельской.

Из сего мы ясно вразумляемся, что казни Божии насылаются на людей единственно для приведения их к покаянию, они увеличиваются по мере, как люди становятся закоснелыми в беззакониях; последние удары обрушиваются на неисправимых преступников (Апостолы. Вып. 2,стр. 189).

Об Ангелах, разрешенных на Евфрате

Андрея Кесарийского

Толкование на ст. 14-15. Некоторые говорят, что эти четыре Ангела суть Михаил и Гавриил, и Уриил и Рафаил, связанные радостью Божественного созерцания, будут же в день суда разрешены вместе с бесчисленным множеством Ангелов на осуждение нечестивых, из коих третья часть будет уничтожена. Я же думаю, что и это суть лукавейшие демоны, связанные в пришествие Христово, что они, по Божественному повелению, исходящему от принебесного жертвенника (образ чего был в древней скинии) будут разрешены Божественным Ангелом, чтобы возмущать народ, не только против христиан, но друг против друга, так, чтобы одни явились досточестными и верными и оказались достойными лучших наград и высших обителей и вместилищ, как спелая пшеница, другие же, подобные плевелам, нечестивые и весьма

грешные и нераскаянные, праведно наказуемые здесь, получили более жестокое осуждение на суде. А что они связаны при Евфрате, в том нет ничего странного, ибо, по повелению Божию, до времени осуждены были одни в бездну, другие в свиней, иные в другие места, чтобы по окончании брани их с людьми, принять им вечные муки. А может быть, и потому упоминается о Евфрате, что из тех мест выйдет антихрист. О множестве же демонов сомневаться нельзя, ибо все святые говорят, что ими наполнен воздух (Толкование на Апокалипсис, стр. 111).

Апокалипсическая саранча в приложении к исламу (1-6)

В книге пророка *Иоиля,* жившего около 860 г. до Р. Х., в тридцатилетнее благочестивое царствование Иосии, царя Иудейского, читаем о страшном нашествии саранчи, опустошившей Иудейскую страну. В современном ему опустошении саранчою пророк видит образ тех народов и государств в будущем, посредством которых Господь некогда, действительно, совершит то, чем, 450 лет спустя, угрожал Израилю чрез пророка Малахию (4,6): «чтобы Я пришедши не поразил землю проклятием». А какие это были народы, высказано устами одного предводителя магометан, когда они пришли, чтобы исполнить свою миссию по отношению к св. земле. При завоевании Сирии и Палестины, Калиф-Омар на крыльях саранчи, представляющих подобные буквам изображения, прочитал: «мы воинство Всемогущего; мы полагаем 99 яичек, а если бы полагали 100, то мы уничтожили бы мир». Пророк не допускает никакого сомнения в исторической основе своего видения, когда он в 2 гл., 2 ст. совершенно уже выпускает из виду саранчу и взывает: «народ многочисленный и сильный, какого не бывало от века, и после того не будет в роды родов! Пред ним пожирает огонь, а за ним палит пламя; пред ним земля, как сад Едемский, а позади его будет опустошенная степь и никому не будет спасения от него». Заимствованное из Исаии 10,14 выражение:»какого не бывало от века и вовек того не будет», поставляет этот великий и сильный народ под понятие *необычайного наказания Божия;* прибавление же: «в роды родов» делает его *последним* и *самым тяжким*

наказанием Израилю, в котором исполняется высказанное в законе Моисея проклятие, так что для ветхозаветного народа Божия, с наступлением магометанских полчищ, действительно, настал великий и страшный день Гоподень. События, совершившиеся в разрушении второго храма и рассеянии иудеев по всем странам Римлянами в 70 году по Р. Х., привели *для народа* иудейского тот мрачный, туманный день, которым угрожали ему; но этот день сделал свое дело только с одной стороны: *страна,* которая для нации составляет такую же необходимую принадлежность, как одежда для человека, была еще, как сад Божий, так как там произрастала Христианская Церковь и созревало там царство Божие. Между тем по высказанной во Втор. 29,22 и д. угрозе, и самая страна должна быть *опустошена и сожжена,* подобно стране, где находились нечестивые города Содом и Гоморра. По собственному предсказанию Спасителя (Лук. 21,24), Иерусалим должен быть *попран* язычниками. Это наглядным образом совершили народы, принявшие ислам и хозяйничавшие в Палестине. Пред ними шел пожирающий огонь, а за ними истребляющее пламя; земля, которая была пред ними, как сад Едемский, за ними осталась пустынею; прежнее необычайное многолюдство и плодородие, как об этом, кроме Библии, свидетельствуют историки — римский Тацит и иудейский Флавий, обратились в совершенно противоположное. Этим же как на самих иудеев, так и на прекраснейшую из земель,(так называется Палестина у пророка Даниила 8,9,11,16 и 41), которую они сделали мерзостью Господу (Иер. 2,7), пришла, по словам Господа, (Мат. 23,35), «вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого убили между храмом и жертвенником».

Если теперь от пророчества Иоиля мы перейдем к Апокалипсису ап. Иоанна, как такой книге Св. Писания, которая составляет как бы большую реку, образовавшуюся из совокупившихся в одно потоков и ручьев ветхозаветного пророчества и впадающую в море самой вечности; то в 9-й главе его встретим дальнейшее изложение видения о саранче, и притом с таким определенным отношением к пророчеству Иоиля, что как у того (2, 4) говорится «вид его, как коней,

скачут, как всадники», так и у другого находим слова (ст. 7): «по виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну». Но видение ап. Иоанна не касается того назначения, какое, по определению Божию, магометанские полчища должны были иметь для страны израильской, и изображает их бичем в руках Господа, направленным против христиан. Он начинается характеристикой самого Магомета и его религии, и вместе с тем характеризует вредящую силу этой религии и причиняемые ею опустошения. Вот относящееся сюда место из Апокалипсиса:

1) «Пятый Ангел вострубил и я увидел звезду, падшую с неба и дан был ей ключ от кладезя бездны.

2) Она отворила кладезь бездны, и вышел дым из кладезя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя.

3) И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы.

4) И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих.

5) И дано ей не убивать их, а только мучить пять месяцев. И мучение от нее подобно мучению от скорпиона, когда ужалит человека.

6) В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них.»

Если мы вспомним теперь, что Абдул-Казем-Магомет, по общепринятому теперь мнению родившийся 20 апреля 571 г. по Р. Х., происходил из фамилии Гашимов, которой наследственно принадлежало хранение Каабы, общественного арабского святилища в его отечественном городе Мекке, по своему имени значит «достославный» и отличался как блестящими умственными дарованиями, так и телесными качествами и первоначально господствовавшим в нем стремлением к истине, то мы ни на минуту не замедлим признать, что этот человек, а не кто-либо другой, разумеется здесь под падшею с неба звездою. Он не представил на служение Христу и Его небесному царству своих дарований

и способностей; напротив, влечения его в такой мере направились к земле, что для него и находящийся над седьмым небом рай был ни что иное, как жизнь в удовлетворении всем похотям плоти, которым там гораздо лучше и беспрепятственнее можно будет удовлетворять, чем здесь на земле. Подверженный с ранней юности нервным припадкам и будучи еще к тому одарен душою, склонной к мечтательной жизни фантазии, Магомет мог быть в высшей степени опасным основателем религии, если Бог допустит ему быть тем,к чему он чувствовал такую сильную склонность; и такое допущение, действительно, заключалось в определениях Божественной мудрости. Нужно было, *с одной стороны,* как мы узнаем из ветхозаветных пророчеств, подвергнуть опустошению землю Израильскую и Иерусалим, св. город, отдать на попрание язычникам; *с другой стороны,* нужно было, как это узнаем мы из 8, 10-12 Апокалипсиса, если правильно поймем сказанное там о трубе *третьего* и *четвертого* Ангела, привести к сознанию истины христианский мир, от IV до VI века возмущаемый непрестанными ересями и потерявший свои прежние нравственные качества, и, в случае неисправления, подвергнуть его опустошению. Орудием этого Бог не мог избрать какую-либо христианскую державу, а так же и какой-либо народ, находившийся еще в язычестве; для этого нужен был народ, которому ни теперь, ни в будущем земля Израилева не была *дорогою* страною, колыбелью его веры и местом священнейших воспоминаний, нужна была такая власть, которая бы считала себя *выше христианства* и с Церковью никогда не была в дружбе и общении. Мы читали, что ключ к кладезю бездны дан был падшей с неба на землю звезде: этим указывалось *допущение* Божие новой мировой религии, а так же и *место ее происхождения.* «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам во пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего «(Евр. 1,1 и д.). По смыслу этих слов Апостола, после иудейской и христианской религии не должно быть уже никакой другой религии, которая так же основывалась бы на Божественном Откровении; если же является новый основатель религии, утверждающий о себе, что он имеет

высшее вдохновение и, действительно, в некотором отношении являющий себя таким, то это у него может быть вдохновением того только дыма, который выходит из бездны. Трудно характеристичнее изобразить те откровения, какие в судорогах и страшных эпилептических припадках имел Магомет, и которые сам он приписывал демоническим влияниям. Это и представлено под образом дыма, выходящего из кладезя, как выходит дым из большой печи; и если далее в Апокалипсисе говорится, что «помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя», то нельзя на человеческом языке сравнением лучше выразить действие ислама на тех, которые принимают веру в него. Хотя в этой религии и есть нечто такое, что при обстоятельствах может иметь *смягчающее* влияние, но нечего искать в ней следов облагораживающей *нравственной* и спасительной силы; потому что то, что некоторые из мусульман имеют в себе доброго и делают доброе, нельзя считать плодом их веры, как магометан, но это есть в них проявление святости и благодати Божией, которая и чрез дым может находить путь в созданной первоначально по образу Божию душе человеческой. И то, что магометанские народы сделали в искусстве и науке, говоря словами Ав. Вильг. Шлегеля, сделано как бы за спиною пророков: мыслящие между ними люди, с точки зрения корана, должны были всегда считаться вольнодумцами и отступниками. Как самостоятельный продукт, от ислама с его фанатизмом выходило только одно гнусное, нечеловеческое, демоническое; Тайновидец называет это говоря: «из дыма вышла *саранча* на землю». Истину этого мы видим пред глазами и теперь. Что может сделать вся наша европейская культура, все богатство, плодородие и роскошь восточных стран, пока эти толпы саранчи сидят на них, пожирают все зеленеющие отпрыски и пятнают своею грязью все, что есть там лучшего, благороднейшего? Поэтому у всех, кто не поглощен исключительно своими меркантильными или другими эгоистическими интересами, возбуждается столь сильное желание возможно скорее прогнать эту саранчу. Это, впрочем, не обыкновенная саранча, но особого рода у нее были хвосты, как у индейских скорпионов, и на хвостах были жала, которыми она очень

больно жалила, и при этом из находившегося в конце хвоста пузырька опускала яд в рану, жало это, как заметил уже древний естествоиспытатель Плиний, находится постоянно в движении, чтобы кто не воспользовался спокойствием его и не отсек его, под этим образом жала скорпионов, разумеется, тяжелое невыносимое и не перестающее угнетение, в котором мусульмане всегда были мастерами. Существование подчиненных им народов они сделали в высшей степени жалким, бесправным в материальном и духовном отношении; они как бы отравили его, так что, в сравнении с таким существованием, совершенная погибель была бы даже для страдальцев желательнее.

Но что же? Наступит ли для востока, наконец, избавление? Нельзя об этом, конечно, спрашивать у дипломатов; но мы имеет твердое пророческое слово, и мы хорошо сделаем, если будем обращаться к нему, как к светильнику, светящему в темном месте. К этому слову мы и обратимся теперь, хотя неверующие станут, быть может, насмехаться над нашими словами. Если мы сначала обратим внимание на то, что магометанская власть имела указанную ей Богом задачу — произвести опустошение *земли Израильской,* то из многочисленных мест ветхозаветных и новозаветных пророчеств видно, что такое опустошение не всегда будет тяготеть над страною, но что проклятие долгих веков должно некогда обратиться в прежнее счастливое состояние; Сам Спаситель, говоря (Лук. 21,24): «Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников», указывает, что будет положен конец такому бедственному состоянию страны. В Апокалипсисе (11,2) дается дополнение к этому точным указанием времени продолжения попирания язычниками св. земли, так как здесь сказано: язычники будут попирать святой город *сорок два месяца*. Пророческий месяц заключает период времени в 30 лет; а что в Апокалипсисе Иоанна счисление производится таким же способом, это показывает приведенное уже место: и дано саранче (имеющей на хвосте жало скорпиона) не убивать людей, а только мучить их *пять месяцев* (Апок. 9,5). Здесь речь о первоначальном появлении магометанства; по прошествии 5 месяцев, т.е. 5×30=150 лет, завоевания арабов,

действительно приостановились, и, производимые ими мучения, по-видимому, окончились с образованием халифата Багдадского. Поэтому в Апокалипсисе в заключение пятой трубы и сказано: «одно горе прошло!» Второй период магометанской эры начинается освобождением на Евфрате связанных четырех Ангелов; он составляет содержание *шестой* трубы и под четвертым Ангелом обозначается и доселе еще господствующая власть османов. Когда же она будет низвержена и побеждена, и совершится все, что должно совершиться одновременно с ее поражением, то по гл. 11,14 пройдет и *второе* горе. Если же мы теперь вспомним, что св. земля в 637 году попала под власть магометан, и с этого времени попрание Иерусалима язычниками стало совершившимся фактом, то 42 месяца в течение которых должно было происходить это попрание, составляет период времени 1260 лет, оканчивающийся в 1897 году. (Кавказские Еп. Вед. 1877 г. стр. 830-836).

Библиографический указатель к IX главе

1) *Андрея Кесарийского*. Толкование на Апокалипсис М. 1889 гл. 26. О пятом Ангеле и мысленной саранче, и о различном виде ее (ст. 1-12). Гл. О шестом Ангеле и об Ангелах, разрешенных на Евфрате (ст. 13-21). Ст. 105-115.

2) *Еп. Петра*. Объяснение Апокалипсиса св. Ап. Иоанна Богослова. Томск. 1885 г. Пятая труба (ст. 1-12). Шестая труба (ст.13-21). Стр. 115-121.

3) Что такое *Аваддон,* (ст. 11)? Б. п. сл. Воскр. Чт. 1874 г. 1. 11.

4) *Фарарра*. Первые дни христианства. Пер. Лопухина. Пятая и шестая труба. Стр. 495-498.

ГЛАВА X

Дар пророчества

Ф. Яковлева

X глава Апокалипсиса описывает явление, которое останавливает продолжение пророческих иносказаний, но не прерывает. Это явление имеет вид вводного сказания, впрочем, весьма важного и уместного. Святой писатель, описывая чудные видения, как бы нуждался в подкреплении духовных и телесных сил, тем более, что предстояли ему еще новые и великие труды. — Вот и видит он величественного Ангела, сходящего с неба, окруженного облаком, с радугой над головой, с лицем, сияющим, как солнце; пламенные его ноги стали одна на море, другая на земле; в руке его была раскрытая книга (X, 1,2). По признакам Ангела можно подумать, что это Сам Господь Иисус Христос, но Иоанн назвал Его Ангелом; посему и думаем, что это, быть может, один из Серафимов, украшенный славою Господа. Стояние его на море и земле означает владычество над стихиями земного мира. — Ангел воскликнул громким голосом: *седмь громов глаголаша гласы своя;* Иоанн хотел было записать сии громовые слова, но ему было запрещено: они остались тайною Божиею (ст.3 и 4).

Любопытство человеческое, конечно, желало бы узнать: что означали слова Ангела, конечно, весьма важные, таинственные, умолченные Иоанном по высшему повелению? Любопытство напрасно. Есть много тайн Божиих, которых никто не знает, кроме Бога и только тех, кому Он открыть восхочет; да и открывает их по чудному Своему изволению, младенцам, то есть чистым, непорочным, добродушным, каков был Иоанн (Матф. XII. 25.). —

Впрочем, из последующих слов Ангела можем догадываться, что громовые слова, вероятно, изрекали волю Божию в ясных выражениях о будущих событиях, о суде Божием, о времени, когда он наступит над язычеством и над всем миром, — но догадываться только и благоговеть пред тайнами Божиими, которые все исполнены премудрости Божией неисследимой, и все для нас неизменяемо благодетельны. — Для сведения нашего довольно и того, что сказано Ангелом; мы и должны верить его словам, потому что он, произнося их, клялся, Богом. Ангел сказал, что лета уже не будет (ст. 6): чрез это и предостерегал, чтобы мы не обманывались видимым постоянством кругообращения стихийного мира, что точно наступит время, в которое прекратится это кругообращение, и наступит вечность. Так можем понимать те слова в отношении к суду Божию над миром. Но, в отношении к суду Божию над язычеством, они означают скорость его приближения. Ангел говорил далее: *но во дни гласа седмаго Ангела, егда имать вострубити, тогда скончается тайна Божия, якоже благовести Своими рабы пророки* (ст. 7). — Нам теперь раскрыта эта тайна, о которой часто упоминали Апостолы (Ефес. I.8 и III.6); это обращение язычников, которое быстро совершалось во всем мире по сокрушении римского владычества и суеверия. — Вот что только подлежит нашему разумению из слов ангельских! Подробности и ясные указания громовых слов остались известными только одному Иоанну. — Теперь обратим взоры души нашей на последующее действие Ангела. — Он подал Иоанну книжицу и сказал, чтобы съел ее, предупреждая, что она будет сладка в устах, а горька в желудке (ст. 9).

И приях книгу от руки Ангела, и снедох ю: и бе в устех моих яко мед сладка: и егда снедох ю, горька бяше во чреве моем. И рече ми: подобает ти паки пророчествовати в людех и племенех, и во языцех и в царех мнозех (ст. 10 и 11).

Сколько ни был свят ап. Иоанн, но дар прозорливости и предсказания сообщен ему особенным вдохновением Божиим. Предыдущие пророческие писания изложены были им по велению Самого Иисуса Христа. *Напиши*, сказал ему Господь, *яже видел еси, и яже суть, и имже подобает быти по сем* (Апок. 1.19). — И потому он принял дарование Духа пророческого от Самого Господа; да и предметы, им

описанные, заключали в себе высочайшую важность, как то: изображение славы Господа Бога и Сына Божия, поучения Сына Божия Церквам и, потом, предопределения суда Его над грешным миром. Но теперь продолжение слов пророческих будет касаться народов и царей; посему угодно было Господу Богу употребить другой особенный способ вдохновения, такой же, чрез который одушевляемы были древние пророки. Первое вдохновение Иоанну было непосредственно от Самого Господа Иисуса Христа, а во втором принято вещественное посредство чрез Ангела — раскрытая книга. — Во времена Ветхого Завета Господь Бог сообщал дары Свои святым приближенным к Нему не иначе, как чрез какие-нибудь видимые орудия. Так, к устам Исаии, по повелению Божию, прикоснулся Серафим углем, взятым с жертвенника (Исаии VI, 6 и 7), и этот уголь был как бы проводником, посредством которого проникло в душу пророка вдохновение. Так, к устам Иеремии Сам Господь коснулся рукой Своей (Иерем. 1,9). Пророку Иезекиилю Господь подал свиток, *и в нем писана предняя и задняя, и вписано бяше в нем рыдание, и жалость и горе* (Иезек. 11,10), и повелел поданный свиток съесть. *И снедох его,* говорит пророк, *и бысть во устех моих яко мед сладок* (там. III, 3). Подобным образом, и пророчествующему Апостолу подал Ангел раскрытую книжицу (то же, что свиток — форма книг, употребляемая древними) и повелел его съесть. *И снедох ю*, пишет Иоанн, *и бысть во устех моих яко мед сладка: и егда снедох ю, горька бяше во чреве моем.* Оба пророка получили дар пророчества под одним и тем же видом, вдохновение одного Духа Божия и одинаковое действие этого вдохновения. Оно сладко, потому что изливалось на них от Духа благодати и истины, от источника верховного блаженства для души, — и горько, потому что раскрывало несчастную и плачевную участь людей, которых ожидают казни неба за нечестивую и преступную их жизнь. Сострадательное, человеколюбивое сердце Апостола, радующегося с радующимися и плачущего с плачущими (Рим. XII, 15), не могло, конечно, не чувствовать всей горечи скорби, провидя погибель множества душ человеческих. Приходит здесь на мысль вопрос: для чего Господь Бог, когда осенял избранных Своих таинственною силою Духа

Святаго, употреблял и употребляет видимые и вещественные посредства? Для того, *во-первых,* чтобы дать людям видимое свидетельство действования Духа Святаго. Дух Святый, снисходя на Апостолов в день Пятидесятницы, мог бы наполнить души их непосредственным Своим вдохновением, но для более ощутительного удостоверения Его присутствия, благоволил принять в посредство огонь. *Во-вторых,* Дух Святый, освящая души Своим наитием, освящал вместе и их тела, очищал их чувственность и греховную наклонность, а для освящения тел употреблял вещественные посредства. Серафим, прикасаясь углем к языку Исаии, сказал: *се прикоснуся устам твоим, и отымет беззакония твоя, и грехи твоя очистит* (Исаии VI, 7); и, *в-третьих,* такое действие благодати Духа Святаго заключало в себе прообразование таинств веры Господа нашего Иисуса Христа и указание, что в них, чрез чувственные знаки, Господь будет ниспосылать бесценные дары помазания и освящения Духа Святаго. Заметим и то, что самые вещества, избираемые Духом Святым для означения Его присутствия и действия, сами по себе всегда были знаменательные, например: огонь — это символ чистоты, просвещения и теплоты душевной; уголь — это посредство очищения и совершения; книга — это разумение, и проч.

Скажем в заключение этой статьи, что повторное вдохновение Иоанну означает усугубленное удостоверение, что он, действительно, пророк и водимый тем же Духом Божиим, которым водились древние пророки, и наоборот: что древние пророки были точно Боговдохновенные люди, потому что вдохновение Духа Святаго сообщалось им под тем же образом, под каким сообщилось Апостолу новой благодати Божией (Апостолы. Вып. 2, стр. 215).

Библиографический указатель к X главе

1) *Андрея Кесарийского.* Толкование на Апокалипсис. М. 1889 г. Сл. 10. Гл. 28. Об Ангеле, облеченном в облако и радугу и провозвещающем о скончании (ст. 1-7). — Гл. 29. О том, как Евангелист взял книжку от Ангела (ст. 8-11). Стр. 117-123.

2) *Еп. Петра.* Объяснение Апокалипсиса св. ап. Иоанна Богослова. Томск. 1885 г. Вид Ангела и действие его (ст. 1-7). Эмблема книжки, взятой от Ангела и проглоченной по его повелению (ст.8-11).

3) *Фаррара.* Первые дни христианства. Перев. Лопухина. Промежуточные события. (Стр. 498-499).

ГЛАВА XI

Видение, или пророчество об устроении Церкви Христовой (1-2)

Ф. Яковлева

И дана ми бысть трость, подобна жезлу, глаголя: востани и измери Церковь Божию и олтарь, и кланяющыяся в ней: а двор сущий вне Церкви исключи, ниже измери его, зане дан бысть языком: и град святый поперут четыредесять и два месяцы (XI, 1 и 2).

Тот же Ангел, который подал Иоанну книжицу, дал ему еще жезл или меру для измерения Церкви Божией, олтаря и вместимости ее поклонников, то есть, для измерения того, что, говоря языком Ветхого Завета, находилось во внутреннем дворе храма Божия; а внешний двор не велел измерять, потому что он предан язычникам, которые будут попирать святой город 42 месяца. О какой же Церкви, внешнем дворе и святом граде говорил Ангел Иоанну? Буквальный смысл указывает на Иерусалим и храм Иерусалимский; но они были разрушены до основания за несколько лет (за 25 лет) до написания Апокалипсиса; а потому слова Ангела и относились к Церкви Христовой, для означения которой заимствованы были образы из Церкви Ветхозаветной, напоминающие тесную связь обоих Заветов. Для уразумения слов Ангела надобно сказать несколько слов об Иерусалимском храме. Он имел два двора,отделенные друг от друга стенами. Первый был *двор жрецов или священников,* окружавший с трех сторон стену святилища, в котором завесами разделялись Святая Святых, Святая и притвор. Этот двор назывался также *внутренним;* он был недоступен народу или мирянам: только священники и левиты, служащие при

жертвоприношениях, имели право быть на этом дворе; их и жилища находились в стенах, отделяющих внутренний двор от внешнего. *Внешний двор,* огороженный также стеною с четырех сторон, с галереями и разными построениями, назначался для народа и назывался *двором народным, двором Израиля.* Пророчество Апокалипсиса, применяя названия принадлежностей храма Соломонова к Церкви Христовой, давало разуметь, что и Церковь Христова в обширнейшем значении имеет два,так сказать, двора; внутренний и внешний. Внутренний двор — это Церковь первородных на небесех (Евр. XII, 23,), святилище небесное, куда Искупитель, Сын Божий, *Архиерей грядущих благ,* вошел однажды навсегда, *вечное искупление обретый* (тамже IX, 12). А внешний двор — это Церковь Христова на земле, которая есть изображение небесной (там же, ст. 21). Она же может называться святым градом, т.е. Иерусалимом, так как Церковь небесная называется *градом Бога живаго, небесным Иерусалимом* (там же, XII, 22). Все это сообразив, мы и вразумляемся, что Ангел говорил Иоанну об измерении небесной Церкви. Какое же значение этого измерения? Буквально понимать его нельзя. Мысль, кажется, та, чтобы показать верующим в Господа Иисуса Христа, что небесная Церковь много уже имеет пришельцев в нее из здешнего мира и много уготовано места в ней для других пришельцев; притом можно предполагать, что это счисление их не трудно, потому что все они запечатлены печатью Бога живаго. Напротив, Церковь Христова на земле, как и видно из последующих слов Ангела, оставляется без измерения, потому что, по особенному изволению и предначертанию Божию, она предана власти язычников и будет попираема ими; но тут же предсказано, что бедственное ее состояние ограничено сроком и продолжится не более, как 42 месяца. Всякий, читая это пророчество и соображая его с событиями, не скажет, что тьма одолевала свет, нечестие торжествовало над верой собственными силами, но с полным убеждением будет сознавать, что страдательное состояние Церкви Иисуса Христа происходило и может произойти единственно по Его воле, которая издалека еще предсказана была пророчеством.

Церковь Христова находилась в страдательном состоянии, когда писан был Апокалипсис, и попираема

идолопоклонствующими Римлянами. Она же подвергнется в другой раз преследованию и страданиям пред концом этого мира, если не от идолопоклонников, то от подобных им развратных нечестивцев — служителей антихриста. Вот предметы предсказания пророческого; оно относится к тому и другому времени, и указывает на то, что должно произойти (Апостолы. Вып. 2, стр. 219).

О том же, ***Еп. Петра***

Эмблема эта составлена по подобию видения пророка Иезекииля (гл. 40-48), в котором изображается восстановление храма и Иерусалима по возвращении иудеев из плена Вавилонского. Для утешения иудеев, отведенных в плен Вавилонский, для возбуждения в них надежды на восстановление храма и Иерусалима Бог в видении представил пророку Иезекиилю (гл. 40-48) план для построения нового храма на Сионе, по подобию прежнего Соломонова, также план нового города Иерусалима, которые будут построены Зоровавелем с Первосвященником Иисусом — материально, а Верховным Первосвященником и Царем благодатного Царства — Иисусом Христом будет построен духовный храм. Как архитекторы, намереваясь построить большое здание, обыкновенно измеряют место постройки и самое здание, чтобы все было согласно с предначертанным планом: так и в видении пр. Иезекииля велено измерить храм и город, чтобы тем показать, что, по данному от Бога плану, они будут построены. Так и здесь измерение храма означает только то, что Бог по предначертанному плану хочет устроить Церковь Христову, преимущественно, в Римской Империи. В видении пр. Иезекииля храм и город, прилежащий храму, представляются как прообразы Христианской Церкви, в которой верующие по двоякому состоянию — духовному или религиозному, и внешнему или гражданскому составляют и храм, и город Божий (1 Кор. 3, 16. 17).

Исполнение этого видения некоторые толкователи (Боссюет) относят ко времени Диоклитианова гонения, которое было самое жестокое, продолжительное, наводило на христиан ужас и уныние, так что многие слабые отпадали

от веры. Потому Бог этим видением хотел утешить христиан, уверить, что, хотя по плану Промысла Божия будет попущено язычникам преследовать христиан, но веры Христовой они не уничтожат. Бог определил устроить Церковь Христову в Римской Империи, и непременно исполнит Свое определение. Бог хотя на время попустит язычникам попирать внешний двор храма и город, т.е. разрушать молитвенные домы христиан, их домы частные, отнимать имущество, лишать гражданских прав, должностей; но только внешнее состояние христиан будет расстроено; а самое святилище Христовой Церкви останется неприкосновенным, т.е. христианскую веру, ее священные законы, уставы служебные язычники не уничтожат; основание Божие глубоко лежит в душах верующих, твердо стоит (2 Тим. 2, 19) и не может быть разрушено руками человеческими. Хотя некоторые слабые христиане по причине жестокости мучений отпадали от веры, но для большей части христиан мучения послужили к большему очищению веры и нравов, к умножению числа верующих, и к большей славе Церкви Христовой.

Протестанты относят это пророчество ко временам реформации в Римской церкви, начавшейся почти с XII века и кончившейся в XVI веке. Но этого мнения нельзя принять, потому что протестанты не только не очистили, но еще больше осквернили, расстроили Церковь Божию тем, что вновь произвели много ересей, которых не было и в Латинской церкви (Объяснение Апокалипсиса. Томск. 1885 г. стр. 130).

О явлении Илии и Еноха пред вторым пришествием Иисуса Христа (3-7)

Св. Ипполита

Даниил говорит: *и утвердит завет многим седмина едина: в поле же седмин отъимется Моя жертва и возлияние* (Дан. 9, 27). Он означил (этими словами) одну седмицу лет, последнюю, имеющую быть в последних временах, при конце всего мира: половину этой седмицы возьмут пророки Енох и Илия. Они, вовлеченные во вретища, будут проповедывать

дней *тысячу и двести шестьдесят* (Апок. 11,3), возвещая людям и всем народам покаяние. Ибо как два пришествия Господа и Спаса нашего указаны в св. Писании: одно, первое, во плоти, было бесславно по причине Его уничижения, как древле пророчествовал Исаия, говоря: *видехом Его, и не имяше вида ни доброты: но вид Его безчестен, умален паче всех сынов человеческих: человек в язве сый, и ведый терпети болезнь, яко отвратися лице Его, безчестно бысть и не вменися* (LIII, 2,3), — второе же пришествие Его будет славно, так как Он придет с небес со множеством Ангелов и в славе Отчей, как говорит пророк: *Царя со славою узрите* (Исаии XXXIII, 17), — и другой пророк: *видех, и се на облацех небесных яко Сын человеч идый бяше, и даже до Ветхаго денми дойде, и пред Него приведеся: и Тому дадеся власть и честь и царство, и вси людие, племена и языцы Тому поработают: царство Его царство вечное, еже не разсыплется* (Дан. VII, 13, 14); так и два Предтечи предсказаны: первый — Иоанн, сын Захарии. Он во всех отношениях явился Предтечею и Проповедником Спасителя нашего, ибо, благовествуя о небесном Свете, явившемся в мире, первый исполнил обязанности Предтечи еще во чреве матери, будучи зачат Елисаветою, дабы и находящимся во чреве матернем младенцам показать новое, имеющее быть для них рождение от Духа Святаго и (Марии) Девы. Услышавши приветствие (Марии) Елисавете, он радостно взыграися во чреве матери, видя притом зачатого во чреве Девы Бога Слова. Потом с проповедью приходил в пустыню, чтобы возвестить людям крещение покаяния, т.е. прознаменовать спасение живущим в пустыне мира язычникам. После сего на Иордане лично указует Спасителя и говорит: *се Агнец Божий, вземляй грехи мира* (Иоан. 1, 22). Он же предварительно благовестил и находящимся во аде, когда убитый Иродом соделался там Предтечею, возвещая и там пришествие Спасителя, Который освободит души Святых от руки смерти. Но поелику Спаситель был начаток воскресения всех человеков, то Он, Господь, должен был один, Сам Собою восстать от мертвых: чрез Него придет суд миру, дабы достойно подвизавшиеся достойно и увенчаны были от Него, преславного Подвигоположника, Который первый, исполнив предопределенное служение, вознесся на небеса,

сел одесную Бога и Отца, и при конце мира опять явится Судиею (мира). Предтечам Его необходимо было прежде явиться, как Бог сказал устами Малахии, именуемого Ангелом: *Аз послю вам Илию Фесвитянина, прежде пришествия дне Господня великаго и просвещеннаго: иже устроит сердце отца к сыну и сердце человека ко искреннему его, да не пришед поражу землю в конец* (IV, 5, 6). Итак, сии (Предтечи) будут проповедывать имеющее быть явление Христово с неба и сотворят знамения и чудеса, дабы вразумить и обратить людей к покаянию от чрезмерного их беззакония и нечестия. Иоанн говорит: *и дам обема свидетелема моима, и прорицати будут дний тысящу двести шестьдесят, оболчена во вретище* (Апок. XI, 3), то есь, половину седьмицы, о которой сказал Даниил. *Сии суть две маслицы, и два свешника пред Богом земли стояща. И иже им неправду сотворит, огнь исходит из уст их, и пояст враги их: и иже восхощет обидети их, сему подобает убиену быти. И сии имут область затворити небо, да не снидет дождь на землю во дни прорицания их: и область имут на водах обращати я в кровь, и поразити землю всякою язвою, елижды аще восхощут* (Апок. XI, 4, 5, 6). И когда кончат они свое поприще и свидетельство, то что далее говорит пророк? *Зверь иже исходит от бездны, сотворит с ними брань, и победит их и убиет я* (ст. 7), — за то, что они не восхотели воздать славу антихристу: ибо он есть малый рог вырастающий, который, вознесшись уже сердцем, начинает возвышать себя и прославлять как Бога, преследуя святых и злословя Христа, как говорит Даниил: *И видех рог, и се очи аки человечи в розе том, и уста глаголюща великая. И отверзе уста своя на хулу на Бога: и рог оный сотвори брань со Святыми, и укрепихся на них, дондеже убиен бысть зверь, и погибе и тело его дадеся в сожжение огненное* (Дан. VII, 8, 11). (Владим. Еп. Ведом. 1867 г, № 8, стр. 359).

О явлении Еноха и Илии пред вторым пришествием Христовым (3-13)

И.Никольского

По учению Тайнозрителя судеб Божиих — св. Апостола Евангелиста Иоанна Богослова, пред пришествием

антихриста посланы будут Богом к людям два свидетеля, которые в продолжение тысячи двухсот шестидесяти дней будут пророчествовать, облеченные во вретище. Эти два пророка будут стоять пред Богом, как две маслины или два свещника, и такою будут одарены от Него силой и властью, что в состоянии будут творить чудеса. Они будут ограждены силою Божией так, что всякий, кто решился бы причинить им какое-либо зло, претерпит за это страшное наказание и самую смерть. Когда окончат пророки свое свидетельство, зверь, под именем которого изображается антихрист, вступит с ними в брань, победит их и убьет. Тела их сын погибели оставит на стогнах города, в котором распят был Господь наш, т.е. в Иерусалиме, и народы разных стран и племен в продолжение трех дней с половиною будут видеть эти тела и не погребут их. Мало этого — люди будут радоваться смерти пророков и посылать в знак своей радости дары друг другу. Наконец, через три дня с половиною Бог воскресит верных слуг Своих, что приведет в страх великий тех, кои будут видеть их опять живыми. После небесного гласа: *взыдите семо*, эти два свидетеля, в виду врагов своих, возьмутся на небо на облаках. В тот час произойдет великое землетрясение, от которого падет десятая часть города и погибнет семь тысяч имен человеческих. Прочие же, пораженные случившимся, воздадут славу Богу небесному (Апок. XI, 3-13). Все это видение новозаветного пророка так ясно и определенно, что нет нужды входить в какие-либо дальнейшие объяснения его; остается только вопрос: кто эти два свидетеля Божии пророки, которые будут посланы Богом к людям в последнее время мира, и которых убьет антихрист? На это вопрос св. отцы и учители Церкви единодушно отвечают, что под двумя свидетелями Божиими нужно разуметь пророка Илию и Еноха: мысль, имеющая для себя основание в самом Слове Божием. Так, еще пророк Малахия говорил от лица Божия: *се Аз послю вам Илию Фесвитянина, прежде пришествия дне Господня великаго и просвещеннаго: иже устроит сердце отца к сыну, и сердце человека к искреннему его, да не пришед поражу землю в конец* (IV, 5 и 6). Здесь *под днем Господним великим и просвещенным* нельзя разуметь *первого* пришествия на землю Сына Божия и под Илиею — разуметь Иоанна

Предтечу, потому что первый раз приходил на землю Сын Божий для того, чтобы спасти людей и положить за них Свою душу, приходил *не судить мирови, но да спасется Им мир* (Иоан. III, 17), между тем как в словах пророка Малахии Бог изображается Судиею и Мздовоздаятелем, Который будет поражать и наказывать достойных наказаний, а таким явится Сын Божий только *во второе* Свое пришествие, когда приидет судить живых и мертвых; во-вторых, Илия прямо называется здесь Фесвитянином, следовательно, указывается определенное лице, которое было известно каждому иудею, и понимать под ним кого-либо другого значило бы произвольно толковать то, что ясно и определенно само по себе. Так действительно и понимали эти слова св. отцы и учители Церкви. «Уверены в том христиане, говорит блаженный Августин, приведя слова пророка Малахии, что чрез сего Илию великого и чудного пророка, по изъяснению закона, *в последнее время после суда* иудеи в истинного Христа, то есть во Христа нашего, уверуют. Ибо не напрасно и не всуе верим, что прежде пришествия Спасителя Илия приидет, о котором не сомневаемся, что поныне еще не вкусил смерти; понеже восхищен он на колеснице огненной, как явственно Священное Писание свидетельствует. Итак, когда приидет и разъяснит закон духовно, о котором ныне они умствуют телесно, тогда обратит сердце отца к сыну, т.е. сердце отцев к детям. Ибо единственное за множественное 70 переводчиков положили. И разум есть таков, дабы и дети разумели, то есть иудеи, закон так, как разумели отцы их, то есть пророки, в числе коих был и Моисей». То же говорит и св. Кирилл Александрийский. «Доказательство благости и долготерпения Божия, что прежде явится к нам Илия Фесвитянин и возвестит обитателям всей вселенной о близком пришествии Судии. Ибо сойдет Судия во славе Бога и Отца, в сопровождении Ангелов и сядет на престоле славы Своей, чтобы судить вселенную в правде и воздать каждому по делом его (Мф. XXV, 31; Пс. IX, 9). Прежде приходил блаженный креститель Иоанн в духе и силе Илии; но как он проповедовал говоря: уготовайте..., так и Божественный Илия проповедует, что скоро, немедленно грядет имеющий судить вселенную в правде. Пророк восстановит порядок,

приведет некогда разделившихся к единой вере и устроит сердце человека к искреннему его, дабы Судия, пришед, не поразил земли в конец, т. е. совершенно и всецело. Видишь благость Господа всяческих? Он предупреждает земнородных гласом Илии, что придет судить, дабы те, кои будут жить тогда на земле, обратились к лучшему, исправили свою жизнь и не впали в руки неумолимого Судии».

Слова пророка Малахии подтвердил и Господь Спаситель, когда на вопрос учеников: *что убо книжницы глаголют, яко Илии подобает приити прежде,* отвечал: *Илиа убо приидет прежде и устроит вся* (Мф. XVII, 10-13; Марк. IX, 11-13). *Глаголю же вам: яко Илиа уже прииде, и не познаша его: но сотвориша о нем, елика восхотеша: тако и Сын человеческий имать пострадати от них. Тогда разумеша ученицы, яко о Иоанне крестителе рече им.* «Наш Господь, говорит св. мученик Иустин, в учениях Своих предал нам, что сие самое (пришествие Илии) сбудется, рекши, яко и Илия приидет. И мы знаем, что сие будет тогда, как с неба во славе приидет Господь наш Иисус Христос, Коего и первого явления возвеститель предшествовал Дух Божий, прежде бывший в Илии, потом во Иоанне пророке, бывшем в роде вашем (иудейском). Почему и Господь наш, будучи тогда на земле, говорящим, что прежде Христа должно приити Илии, сказал: Илия приидет прежде и устроит вся: глаголю же вам: яко Илиа прииде и не познаша его: но сотвориша ему елика восхотеша. И писано, что тогда ученики уразумели, яко о Иоанне крестителе рекл им. Якоже еще в живых Моисеови сущу, преложи Бог на Иисуса от Духа Моисеова: тако Бог силен был сотворити, чтобы дух и от Илии пришел на Иоанна, дабы, якоже Христос в первом пришествии явился бесславным: тако и первое пришествие духа Илиина бесславным представляемо было». «Прельщающе народы книжницы, говорит блаженный Феофилакт Болгарский, глаголаху, яко несть он Христос. Аще бо Христос бы глагола Христу, Илиа пришел бы прежде: не ведяще яко два пришествия суть Христова, им же предтеча первому Иоанн, второму же Илиа, еже бо Іс҃. сказуя ученикам, глаголаше. Илиа приидет прежде... Еже бо глаголет яко приидет, являет, яко и еще не дошел есть, приити же имать, предваряя второму

пришествию, и устроит всех обретшихся послушливых к вере Христове: еврей ко отчему наследию приводит их яко отпадших: а еже глаголет яко Илиа убо прииде, предтечу Иоанна глаголет, сотвориша бо ему, елика восхотеша, сиречь убиша его. Понеже бо оставиша Ирода убити его, могуще возбранити ему, и не возбраниша, тии убиша его. Тогда убо востроумившеся ученицы, разумеша яко Иоанна, и Илию глаголет, понеже предтеча беста первому его пришествию, якоже и Илиа будет второму пришествию».

Что же касается до второго свидетеля, имеющего предшествовать славному пришествию Христову, т.е. до Еноха, то основанием для такого мнения служили для отцев Церкви частью следующие слова Иисуса сына Сирахова: *Енох угоди Господеви, и преложися, образ покаяния родом* (XLIV, 15), частью же то убеждение, что *лежит человеку единою умрети* (Евр. IX, 26), и следовательно, всего естественнее думать, рассуждали св. отцы, что вторым свидетелем, который послан будет от Бога в мир пред кончиной мира, и которого убьет антихрист, будет Енох, так как он еще не вкусил смерти, потому что, как повествует Бытописатель, *преложи его Бог* (Быт. V, 24), а между тем непременно *лежит* каждому *человеку единою умрети,* а потом уже и суд, или скажем словами Благовестника: «Илиа и Енох не умроста, но обаче смертна», и следовательно, должны же когда-нибудь умереть, потому что «лжа поистине лжа, еже безсмерти быти человеку».

Из сказанного нами доселе открывается, что, по учению св. отцев и учителей Церкви, основанному на учении Самого Слова Божия, прежде второго пришествия Христова посланы будут Богом в мир Илия и Енох для того, чтобы устроить людей к последнему, всеобщему суду, в частности — чтобы обратить проповедью своей и чудесами ко Христу иудеев, а потом и других людей, которые, как мы видели, пред кончиной мира забудут Бога и закон Его. Но так как пред пришествием же Христовым явится в мир и антихрист, то отсюда рождается вопрос: прежде ли пришествия человека беззакония посланы будут Богом два свидетеля в мир, или в то же самое время, когда будет царствовать на земле и сын погибели. На этот вопрос все отцы и учители Церкви единогласно

отвечают, что Илия и Енох явятся в мир прежде пришествия антихристова, именно, за три года с половиной до его явления, и тогда, как окончат свое свидетельство, имеющее продолжаться тысячу двести шестьдесят дней, зверь, т.е. антихрист, родившийся и возросший втайне, явится в то время открыто, вступит с пророками в брань и убьет их. Такое учение св. отцов основывается на свидетельстве об этом Тайнозрителя, который ясно говорит, что *егда скончают свидетельство свое, зверь, иже исходит от бездны, сотворит с ними брань, и победит их и убиет я* (Апок. XI, 7). А если Илия и Енох явятся в мир прежде пришествия антихриста, то само собою понятно, что предметом проповеди их будет, между прочим, и явление в мир сына погибели. Так действительно и учат обо всем этом св. отцы и учители Церкви. Вот их свидетельства.

Св. Ипполит, говорит: «обоим пришествием Христовым от Писаний научихомся. И первое убо по плоти бывшее бесчестно, занеже смирену явитися ему; сице и второе Его пришествие проповедася славно, яко приидет от небес с силою Отчею, первому убо того пришествию Иоанна Крестителя имеяше предтечею; второму же Его, в нем же хощет приити со славою, Еноха и Илию и Иоанна Богослова явити хощет. И зри Владычнее человеколюбие, како и *в последних* временех человеческий род промышляет и милует; яко ниже тогда кроме пророк нас оставляет, но и тех пошлет к научению нашему, и обращению *и извещению о сопротивнаго пришествии,* якоже рече о сем Даниил провещав. Глаголет бо: завет завещаю седмицы единыя, и в полседмицы возмется моя жертва и жрения. Едину бо седмицу седмих лет назнаменает, яже убо напоследок будет, и убо пол седмицы возмут ова пророка со Иоанном, *еже проповедати во всем мире, о антихристове пришествии, сиречь дней тысячу и двесте и шестьдесят* оболчени во вретища, иже и сотворят знамения и чудеса, во еже тако умолити и обратити человеки в покаяние, за пребезмерное тех беззаконие и нечестие, и иже восхощет тех озлобити, огнь изыдет от уст их, и пояст враги их»... и далее почти буквально повторяет слова Апокалипсиса о двух свидетелях и в заключение говорит: «и егда проповедят сия вся, оружием от диавола падут, и

исполнят мучение свое, яко зверь восходяй от бездны сотворит с ними брань сиречь с Енохом и Илиею и Иоанном (Апок. XIII, 7), и победит их, и убиет их, за еже не хотети им дати славу диаволу, сиречь возросшему малому рогу».

Св. Ефрем Сирин: «*прежде даже сия не будет* (т.е. прежде чем придет антихрист и наступит великая скорбь) внегда пошлет Господь Илию Фесвитянина и Еноха, яко милосерд, яко да скажет благовестие роду человеческому, и проповесть с дерзновением богоразумие всем, да не веруют, ни вдадутся страха ради ложнаго. Темже вопиют рекуще, льстец есть о человецы, никто же вас веруй нечестивому, никто же от вас послушай мучителя Богопротивника; никто же от вас убойся, вскоре бо престанет: Господь же убо святый се грядет с небеси... обаче мнози суть тогда приидут послушати, и веровати глаголом *обою пророку.* Се Спаситель Бог наш все творит, да явится на всех нас милосердие Его... Разумеем, возлюбленные, бесчисленное милосердие Спаса нашего, яко ни во время оно оставит человеческого рода без проповедания истины, но пошлет пророки проповедати Божия разума, да ни вси на суде без ответа будут, егда приидет с небеси».

Андрей Кесарский: «Сия (два свидетеля) Еноха и Илию мнози от учителей разумеша, яко время от Бога еже пророковати приемета, надтри лета от трех сот и шестидесяти дний, числимая (т.е. три года в собственном смысле), и облечением во вретища, сетования и плача достойное о попираемых являющая и обретающихся тогда от прелести антихристовы отводимых. Ихже Захариа в виде двею маслину, и двою светилнику назнаменова». И далее говорит, что Енох и Илия будут творить чудеса и по окончании своей проповеди будут убиты антихристом, но чрез три дня с половиной «равночисленные летам прорицания его» (чем опять указывается на то, что Илия и Енох будут пророчествовать три года с половиной — в строгом собственном смысле), воскреснут и будут взяты на небо.

Св. Иоанн Дамаскин: «послется Енох и Илия Фесвитянин, и обратят сердца на чада, сие есть, Синагогу на Господа нашего Иисуса Христа, и апостольскую проповедь, и от него (антихриста) убиются. И приидет

Господь из небесе, имже образом святии Апостоли ведеша его шествующа на небо, Бог совершен, и человек совершен, со славою и мощию, и убиет человека беззакония, сына погибели духом уст Своих». (Об Антихристе, против раскольников стр. 430).

О том же, *Ф. Яковлева*

При чтении дивных сих предсказаний представляются нам следующие соображения: *во-первых:* мы с полным убеждением должны веровать, что пред вторым пришествием Господа нашего Иисуса Христа явятся предтечи; потому что пред первым был предтечею Иоанн Креститель и потому, что пророчество Малахии может относиться как к первому, так и ко второму пришествию Господа. Притом, в пророчестве сказано, что зверь из бездны победит их и умертвит. Под зверем мы должны разуметь не какое-нибудь видимое чудовище, а зверя невидимого, духа злобы и ненависти к роду человеческому и ко всему святому. — Убийство произойдет не от него непосредственно, а от человека, противника Божия, антихриста, или от тех многочисленных антихристов, отступников от веры и заповедей Христовых, сынов погибели, которые будут действовать, да и всегда действовали по внушению виновника греха. Из этого мы заключаем, что когда видим врагов Христа и веры Его, вооружающихся против чтителей и поклонников Его, то тут понимаем также возрастание духа нечестия против истин Божиих. Сверх того, убийство по словам пророчества случится в великом городе, который духовно называется Содом и Египет, где и Господь распят. Не без основания можно полагать, что убийство праведников совершится в городе великом, как по обширности своей и многолюдству, так и по силе и власти своей над народами; потому что в пророчестве сказано, что на убийственное зрелище будут смотреть многие из народов и колен, и языков и племен. — Народ этот духовно назван Содомом и Египтом, следовательно, наполнен будет развратом, нечестием и всякого рода беззакониями до высочайшей степени. — Наконец, пророчество говорит, что язычники будут попирать святой город, то есть, Церковь Христову 42 месяца; оно же говорит,

что два свидетеля Божии будут пророчествовать 1260 дней, это то же, что 42 месяца. Далее мы читаем в XII главе, что жена, облеченная в солнце, то есть Церковь Христова, будет скрываться в уединенных и пустынных местах 1260 дней (XII. 6). То же пустынное пребывание Церкви Христовой означено еще другим пророческим исчислением: временем, временами и полвременем (также ст. 14); принимая время за год, времена за два года и полвремени за полгода, выйдет всего три года с половиной или 1260 дней или 42 месяца; — и зверю из моря дана власть вести войну со святыми и победить их в продолжение сорока двух месяцев (XIII. 5, 6 и 7). Все сии исчисления, несмотря на свою разновидность, будучи односрочны, подают повод думать, что и события, которые они означают, одновременны. Сии события совпадают между собой и соединяются удобно в следующем своде: когда Церковь Христова была попираема, то, очевидно, это время было временем рассеяния ее сынов и укрытия ее в пустыне, а попираема была язычниками или покорными исполнителями воли зверя или, что все то же, самим зверем, столько же времени, сколько предоставлено зверю преследовать как Церковь, так и святых ее, который и будет в то же время убийцей двух свидетелей Божиих. Все это кажется совершенно согласным с последующими апокалипсическими предсказаниями. Одно только составляет самую трудную и почти неразрешимую задачу: как понимать исчисления пророческие: 42 месяца — 1260 дней, — время, времена и полвремени — или три года с половиной — период, судя по краткости времени, темный и непостижимый, в который произойдет так много различных весьма важных и многосложных событий? — Понимать его буквально нет возможности. Станем ли рассуждать о последних бедствиях Церкви Христовой, о владычестве антихриста и его сообщников? То может ли статься, чтобы оно возникло, выросло, распространилось в мире, подчинило себе многочисленные народы, поколебало многих верующих, рассеянных в разных местах мира, и произвело повсеместное гонение на Церковь Христову — не более как в три года с половиной? — Мы и полагаем, что это число таинственное, которого настоящий счет нам неизвестен. А может быть,

оно означает только последний и решительный переворот тогдашних дел человеческих; в таком смысле недоумение разрешается само собой: исполнение пророчества может произойти точно в определенный срок.

С другой стороны, если мы будем рассматривать пророчество в другом смысле, нами принятом, то есть, — в отношении к господству язычества и его падению, то три года с половиной или 42 месяца совершенно не применимы к длинному периоду гонения на Церковь Христову.

Всеобщее гонение от язычников началось около 65 года от Р.Х. в царствование Нерона. — Но до этого времени Церковь Христова гонима была иудеями, не менее ожесточенными ее врагами, как и язычники. Кровь Стефана пролита в конце 33 года, в 44 году был умерщвлен ап. Иаков. Историк Деяний Апостольских свидетельствует, с какой напряженной злобой иудеи преследовали всюду уверовавших в Господа Иисуса Христа. Потом Церковь Христова терзаема была около трех веков свирепыми идолопоклонниками; — далее, Константин Великий хотя освободил ее от унизительного состояния, но арианская ересь колебала ее спокойствие; — Юлианово отступничество возвратило времена языческие; — Валентово арианство угнетало ее православие; — только при Феодосии Великом христианство успокоилось и возвысилось над врагами своими; язычество упало, и не восставало более; Феодосий управлял империей единовластно с 379 по 395 год. Вот исторический предел, за которым Римское язычество хотя существовало еще в слабых остатках, но не сильно было отважиться на какой-либо дерзкий поступок против Церкви Христовой. И потому мы заключаем, что язычники, а под ними разумеем не только идолопоклонников Римских, но и богохульствующих иудеев и нечестивых еретиков, действительно, попирали Церковь Божию с убиения первомученика Стефана до царствования Феодосия Великого, что и составит период около трех веков с половиной. — Это историческая истина; равно становится исторической истиной пророческое предвещание, предсказывавшее в довольно ясных выражениях гонения Церкви Христовой и исполнившееся. Не производили ли неисчислимых чудес святые исповедники имени и веры

Иисуса Христа, нередко низводя огонь с небес на идольские капища или разрушая их немногими словами горячих молитв? Сколько же их было замучено, умерщвлено неистовыми почитателями идолов, или, что все то же, зверя из бездны? Амфитеатры и площади Рима и других городов империи не обращались ли многократно в позорища, на которые сбегался народ, чтобы насмотреться и даже порадоваться над трупами убиенных праведников, особенно от того, что громкие их уличения в нелепом и мерзостном нечестии были тяжки и даже нестерпимы для развращенного слуха исступленных чтителей многобожия? Трупы мучеников, иногда оставляемые на местах мучений для устрашения христиан, уносимы были ими и сохранялись, как драгоценнейшие сокровища, благоухающие благодатию Божией, а души доблестных страдальцев возносились в небесные жилища (Апостолы. Вып. 2, стр. 224).

Из бесед с раскольниками о том же

Архимандрита Павла

Возражение раскольников. «Во главе XI о Илии и Енохе писано сице: *егда совершиша свидетельство свое, зверь всходяй из бездн сотворит брань с нима, и победит я и убиет я, и телеса ею* (оставит) *на стогнах града великаго* (непогребенна), *иже нарицается духовне Содома и Египет, идеже и Господь ею распятся.* Здесь явственно сказуется приход пророков быти духовный, а не чувственный: ибо если чувственно пророки приидут и убиены будут, то как чувственные телеса их на стогнах *града духовнаго* повержены быти могут? Если град и стогны града, идеже телеса пророков повержены будут, по сказанию Апокалипсиса, духовны, то и приход пророков, и убиение и повреждение телес их, все должно быть духовно».

Ответ Архим. Павла. Ни во Откровении Иоанна, ни в толковании на оное св. Андрея Кесарийского нигде не пишется, чтобы град, где повержены будут телеса пророков, был духовный, а сказано только, что духовно град сей именуется Содом и Египет. Совсем не одно и то же град духовный, и духовное наименование града; поэтому вы опять извращаете смысл Писания, утверждая, что в Апокалипсисе

говорится о граде духовном, а не о духовном именовании града. А что Содомом и Египтом духовно именуется в Апокалипсисе град Иерусалим, это ясно даже из сказанного о сем граде в том же стихе Откровения Иоаннова: *идеже и Господь распятся.* И такое, в духовном смысле, наименование Иерусалима Содомом встречается в Писании и в др. местах. Так Исаия, обращая слово к Иерусалиму, глаголет: *слышите, князи Содомстии* (1,10). Св. Андрей Кесарийский в толковании на Апокалипсис также пишет, что в XI гл. Содомом и Египтом называется Иерусалим, где и Христос распят бысть, а не духовный град, как вы утверждаете. И ежели отметать чувственность града, в котором Господь распят был, придется отвергнуть действительность и самого распятия Господня.

Возражение раскольников. «Во Апокалипсисе письменном, в толковании иного толкователя писано: где Христа не приемлют, тамо его распинают. На таковом граде, т.е. на неверных сердцах, убиты пророки и повергнуты телеса их».

Ответ Архим. Павла. «Толкование сие в старопечатном Апокалипсисе не обретается, а только находится в некоторых новописьменных, и есть новый вымысел, противный подлинной мысли Откровения Иоаннова и на оное толкованию св. Андрея Кесарийского. В Апокалипсисе о распятии Христовом сказано мимошедшим временем: идеже Христос *распятся*, и следственно о распятии на кресте при Понтийском Пилате; а о повержении телес пророческих говорится в будущем времени, *повержени будут.* Толкование же, обретаемое в некоторых новописьменных апокалипсисах, говорит о будущем или настоящем распятии Христовом: «идеже не принимают, тамо распинают». (Собрание сочинений Архим. Павла. Изд. 4-е. Ч. 1. стр. 78).

Бысть царство мира Господа нашего и Христа Его (15-19)

Ф.Яковлева

И седмый Ангел вostруби и быша гласи велицы на небесех глаголюще: бысть царство мира, Господа нашего, и Христа Его, и воцарится во веки веков. И двадесять и четыре старца пред Богом сидящыя на престолех своих, падоша на лица своя,

и поклонишася Богу, глаголюще: хвалим Тя, Господи Боже Вседержителю, Иже сый, и бе, и грядый, яко приял еси силу Твою великую и воцарился еси. И языцы прогневашася, и прииде гнев Твой, и время мертвым суд прияти, и дати мзду рабом Твоим пророкам и святым и боящимся имене Твоего, малым и великим, и растлити посмраждшия землю (XI, 15-18).

Когда раздастся звук трубы седьмого Ангела, на небесах услышится гром бесчисленных голосов, возвещающих, что царство мира сделалось царством Господа Бога нашего и Христа Его, и что Он будет царствовать во веки веков. Воцарение Господа Бога и Христа Его, о котором здесь говорится, последует окончательно, когда все враги Господа Иисуса Христа будут повержены в подножие ног Его (Евр. X, 13). Впрочем, в вышеприведенных словах мы можем разуметь другое, предшествующее воцарение Иисуса Христа, относящееся к другому смыслу апокалипсического писания.

Царство Господа Бога и Христа Его всегда было от вечности, есть и всегда будет бесконечно. А было время, когда, по неисповедимому Его попущению, расширялось на земле царство тьмы. Мятежные грешники забыли своего Царя и царские почести воздавали не Творцу, а тварям. Для разрушения этого царства мрачного пришел в мир Спаситель; это уже и было началом другого царства на земле. Сию светлую и отрадную истину предварительно исповедовал в поучениях своих Иудейскому народу свыше вдохновенный Креститель: *покайтеся, приближибося царствие небесное* (Матф. III, 2); и потом изрекли же уста Самого Иисуса Христа (там. IV, 17). Но непостижимая воля Господа Бога Вседержителя была такова, чтобы Сын Божий, Царь от вечности, пришедший в мир Царем, покорил Себе царство земное, и покорил не силою Своего могущества, а смирением, уничижением, великодушным перенесением бесславия, претерпением страданий и поражений мучительной смерти. Когда же Он совершил Свой подвиг, тогда все Силы небесные подвиглись на встречу величественному Победоносцу, тогда отворились *врата вечныя*, в которые вошел *Царь славы*. Древний пророк вопрошает: *кто есть сей Царь славы?* и Богодухновенно ответствует на свой вопрос: *Господь крепок и силен, Господь силен в брани — Господь сил, Той есть Царь славы* (Псал. XXIII, 7-10), то есть, — прославился новою славою Тот, Который был от вечности Господом сил и славы. Дивный Победоносец, Господь Иисус Христос взошел на небо и воссел одесную Бога (Марк. XVI, 19). Он, Сын Божий, взошел под новым именем *Сына человеческаго* и принял от Отца Своего вечную власть над людьми, племенами и языками, царство непреходящее и неразрушающееся (Дан. VII, 13 и 14). Он сделался известным небу и под другим именем, под именем Агнца Божия; Ему Господь Вседержитель вручил книгу судеб всего мира. Мы видели, какое торжество происходило на небесах при воцарении Господа нашего Иисуса Христа; — и на земле Он положил прочное, непоколебимое основание царству Своему, победив ад и смерть. При всем том царствование Иисуса Христа, как Царя мира, свободы, непринужденного и добровольного подданства людей, встретило мятежников и исступленных противников: суеверное иудейство и мрачное язычество вооружилось против этого царства, как злейшие его враги. Надобно было для их покорения продолжать войну, тем более трудную, что язычество поддерживалось тогда всей огромной силой Римского владычества. Достопамятную эту войну продолжали Апостолы, ученики их и последователи, и точно с таким же оружием, какое завещано было Царем Господом Иисусом Христом. Они смело своим неустрашимым рвением проповедовали царство Божие и охотно умирали за Царя своего. Долго продолжалась брань воинов Христовых: свирепые язычники в течение трех веков проливали кровь неповинную; святые страдальцы, переходя от этого мира в царство Божие, громко вопияли пред Богом, — вопль их мы слышали: *доколе, Владыко Святый и Истинный, не судиши и не мстиши крови нашей от живущих на земли* (Апок. VI, 10)? Им сказано было, чтобы они ждали, пока их сотрудники и братья, которые также претерпят мучение и смерть, дополнят число (там. ст. 11). И потому небеса исполнены были ожидания; святые небожители, при всем человеколюбивом участии к жителям земли, с покорностью подчинились этому ожиданию. — И вот прогремела труба седьмого Ангела — грозный знак наступающего отмщения

кровожадным язычникам, возвещающий конец их владычеству и насилиям, — и раздались на небе громкие голоса небожителей, говорящие: *царство мира сделалось царством Господа нашего и Христа Его* — царство мира, конечно, не небесного, которое было всегда царством Господа и Христа Его, а царство мира земного. Вслед за тем святые представители человечества, небесные старцы поверглись пред Богом с благодарением, что Он воцарился, и тут же объясняли причину небесного торжества и их благодарения сими словами: *и языцы прогневашася, и прииде гнев Твой, и время мертвым суд прияти и дати мзду рабом Твоим, пророкам и святым, и боящимся имени Твоего, малым и великим, и растлити посмраждшия землю,* то есть, — вот язычники дошли до крайних пределов ожесточения и свирепости; потому и настало время гнева Твоего дать суд умершим, отмстить за всех рабов Твоих и погубить осквернивших землю. Применяя пророчество к происшествиям земным, мы находим, что идолопоклонство никогда так не свирепствовало, как пред своим падением и именно — в царствование Диоклитиана и его соправителей. Это время было ужасным для Христиан — *и языцы прогневашася,* — и роковым для идолопоклонства — *и прииде гнев Твой.* Император Константин, низложа своих соперников, дал мир Церкви Христовой и первый потряс идолопоклонство в его основании. И точно, наступили времена отмщения свирепым идолопоклонникам за кровь святых мучеников — времена погибели всемирных властелинов и губителей.

И отверзеся храм Божий на небеси, и явися кивот завета Его в храме Его: и быша блистания, и гласи, и громи, и трус, и град велик (ст. 19).

Какая чудная связь неба с землей, устроенная Господом Богом, любящим людей! Он воцаряется на земле в Сыне Своем Господе Иисусе Христе — исчезает мрак языческий, разрушается власть, угнетавшая Церковь Христову — нет более преграды людям исповедывать Христа, идти в след Его; небо отвечает на это торжественное событие раскрытием храма своего для всех последователей Христовых или, иначе сказать, раскрывается все небо, которое есть храм вечного

Бога. Является кивот завета Господня, то есть, — нерукотворное, небесное, неизъяснимое святилище, в которое вошел Господь Иисус Христос, как Искупитель и Ходатай за людей (Евр. IX, 24). — Открытие храма небесного сопровождалось потрясением природы и грозными явлениями. — Что же означала вся эта торжественность, как не то, что небо праздновало исполнение одного непостижимо благого и величественного определения Божия обращения язычников, уверовавших в Господа Иисуса Христа, которое составляло тайну Божию, неизвестную миру в продолжение многих веков, открытую потом св. Апостолам и пророкам Духом Святым (Ефес. III, 5). Если громы Божии поражали ожесточенных идолопоклонников и угрожали новыми поражениями; то, напротив, для обращающихся к истине Божией отверзалось святое недро Церкви Христовой, а чрез нее самое небесное святилище. Событие великое, единственное в истории человечества! И не удивительно, что при таком событии подвиглись земля и небо. (Апостолы. Вып. 2, стр. 229).

Учение о святых Божиих, содержащееся в Апокалипсисе (15-18 и др.)

В таинственных видениях св. Тайнозрителя с изображением судьбы Церкви Христовой на земле соединяется изображение состояния и Церкви Христовой на небе; по крайней мере, мы находим в Апокалипсисе главные учения о святых Божиих, обитающих со Христом в Его небесных селениях. И такое откровение тем важнее для нас, чем менее ясных свидетельств о сем предмете в других книгах св. Писания; посему, на нем само собой останавливается наше внимание при чтении пророческой книги Нового Завета. Главные черты сего откровения — следующие.

1) Святые мужи, скончавшие земное течение свое и соблюдшие веру Христову, уже наслаждаются лицезрением Божиим и участвуют в том высоком служении Богу, которое составляет блаженство сил небесных. Серафимы, окружающие престол Господень, предначинают славословие Святой и Единосущной Троице; за ними же и небесное

человечество воспевает Ей хвалу и благодарение. *И егда даша животныя славу и честь и благодарение Седящему на престоле, Живущему во веки веков, падоша двадесять и четыре старца пред Седящим на престоле, и поклонишася Живущему во веки веков, и положиша венцы своя пред престолом, глаголюще: достоин еси, Господи, прияти славу и честь и силу: яко Ты еси создал всяческая, и волею Твоею суть, и сотворени.* Это чин небесного Богослужения, по образу которого совершается и земное. Так поет св. Церковь наша: *иже Херувимы тайно образующе и Животворящей Троице трисвятую песнь припевающе* и пр. или: *ныне силы Небесныя с нами невидимо служат* и пр. Таким образом глас Церкви земной соединяется с гласом Церкви небесной и вместе славословится величие дел Господних и неизреченная милость и любовь Его к твари. Святые мужи, отшедшие от земли ко Господу, суть как бы предпосланники Церкви земной к лику сил небесных, или — как первенцы Церкви торжествующей, в которую прейдет некогда и Церковь воинствующая.

2) Святые Божии, обитая на небе, знают, что совершается на земле и приемлют всецелое участие в судьбе Церкви воинствующей. Так, души святых, *растесанных за слово Божие и за свидетельство, еже имеяху, вопиют гласом великим, глаголюще: доколе, Владыко Святый и Истинный, не судиши и не мстиши крови нашей от живущих, на земли* (6, 10)? Всякий же раз, как открываются суды и определения Божии о мире человеческом, на небеси совершается торжество, и между торжествующими всегда видим лики святых Божиих (11, 15-18; 15, 3-8; 19, 1-8).

3) Господь открывает святым Своим не только настоящие, но и грядущие события Церкви Христовой на земле. На глас мучеников, требовавших праведного мщения за кровь свою на людей нечестивых и беззаконных, речено бысть им, *да почиют еще время мало, дондеже скончаются и клеврети их, и братия их, имущие избиени быти, якоже и тии* (6, 11). Да почиют: этим возвещается, что наказание Божие отложено; отложено же на краткое время: да почиют еще время мало, — отложено для того, дабы исполнилось число

страстотерпцев и мучеников за Христа Спасителя, и, вместе с тем, совершилась мера беззакония нечестивых и оправдался суд Божий над ними: *дондеже скончаются и клеврети их, и братия их, имущие избиени быти, якоже и тии.* Таким образом Господь открывает Праведникам Своим тайные советы и намерения Свои, как Царь — приближенным подданным и верным служителям Своим. И вообще из Откровения Божия св. ап. Иоанну видно, что на небе всегда прежде знают, что должно совершиться на земле, и когда еще определения Божия только начинают переходить в действия, там уже торжествуют их совершение. Так например, при гласе седьмой трубы, страшный суд над языками только изречен еще в совете Божием, а лики Ангелов и Святых Божиих уже воспевают царство мира на земле, отмщение нечестивым и благое воздаяние праведным (11, 15-18).

4) Наконец, Святые Божии, будучи участниками славы и ведения Божественного, имеют и силу пред Господом, то есть, — могут ходатайствовать за людей, преклоняя Его милость и снисхождение. Ибо двадцать четыре старца, сии первенцы Церкви небесной и избранные представители всего человечества, украшенные венцами, сидят на престолах, около престола самого Бога (4, 4), и таким образом, будучи как бы членами Верховного Совета Божия, не могут не быть и предстателями нашими на суде небесном. Без сомнения, видения св. Тайнозрителя образны и имеют смысл духовный; но что другое можно разуметь под символом указанного нами видения, кроме блаженного участия Святых в судьбе земных братий и великого дерзновения их пред Богом в ходатайстве за немощных членов Церкви воинствующей! Итак, непреложно истинна вера Православной Церкви нашей, прославляющей и призывающей Святых Божиих, которые, сподобившись венцов подобных и обитая в присутствии Самого Господа, достойны хвалы и прославления, а ведая наши нужды и имея дерзновение пред Господом, внимают нашим молитвам и не оставят без помощи того, кто с верой и усердием прибегает к их ходатайству и заступлению в скорбях, искушениях и напастях жизни. (Воскр. Чт. XI; 173-176).

Библиографический указатель к XI главе

1) *Андрея Кесарийского.* Толкование на Апокалипсис. М. 1889 г. Измерение церкви тростию (ст. 1-2). Гл. 30. О Енохе и Илии (ст. 3-10). Сл. 11. Гл. 31. О том, как восстанут умерщвленные антихристом два сии пророка Божии (ст. 11 — 14). Гл. 32. О седьмой трубе и о святых, воспевающих Бога за будущий суд (ст. 15-18). Гл. 33. О гонениях Церкви прежних и от антихриста (ст. 19). Стр. 123-133).

2) *Еп. Петра.* Объяснение Апокалипсиса. Томск. 1885 г. Откровение о состоянии Церкви во время шестой трубы (ст. 1-14); видение или пророчество об устроении Церкви (ст. 1-2); изъяснение видения; пророчество свидетелей истины (ст. 3); сведения о свидетелях истины (ст. 4-6); убиение свидетелей истины (ст. 7); случаи по убиении свидетелей; состояние смерти (ст. 8-10); воскресение свидетелей истины (ст. 11); вознесение свидетелей Христовых на небо и следствие этого (ст. 12-14). Седьмая труба (ст. 16-19): главное благодеяние времени седьмой трубы (ст. 15); славословие пресвитеров (ст. 16-18); следствия воцарения Бога (ст. 19). Исполнение пророчества.

3) *Фаррара.* Первые дни христианства. Промежуточные события. Стр. 499-503.

ГЛАВА XII

Толкование св. Ипполита (об Антихристе)
(1-2,5. 13-14)

Под именем жены, облеченной в солнце, Иоанн весьма ясно означил Церковь, облеченную в Слово Отчее, сияющее паче солнца. Но говоря, что под ногами ее луна, представляет ее украшенной, подобно луне, небесной славой. Словами же, что на голове ее венец из двенадцати звезд, означает двенадцать Апостолов, на которых основана Церковь. *И во чреве имущи, вопиет болящи, и страждущи родити:* — это значит, что Церковь не перестанет рождать из сердца Слово, которое гонимо в мире неверными. *И роди сына мужеска, иже имать упасти вся языки:* это значит, что все народы учит Церковь, всегда рождающая Христа — отроча Божие мужеского пола и совершенное, именуемое Богом и человеком. Далее — словами: *и восхищено бысть чадо ея к Богу и престолу Его,* показывает, что небесный, а не земной тот царь, который из нее всегда рождается, как и Давид провозгласил, говоря: *рече Господь Господеви моему: седи одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножие ног Твоих* (Пс. CIX, 1). *И виде,* сказано, *змий, гоняше жену, яже роди мужеска. И даны быша жене два крила орла великаго, да парит в пустыню, в место свое, идеже препитана бяше ту время и времен и полвремени, от лица змеина.* Это те тысяча двести дней — половина седмицы, в кои тиран будет владычествовать, преследуя Церковь, бегающую из города в город, скрывающуюся в пустыне, в горах, не имеющую с собой ничего другого, кроме двух крыльев большого орла, т. е. веры Иисуса Христа, Который, распростерши святые руки на святом

древе, распростер два крила, правое, и левое, призывая всех верующих в Него, и покрывая их, *якоже кокошь птенцы*. Об этом и чрез пророка Малахию говорит Господь: *и возсияет вам, боящимся имени Моего, солнце правды, и исцеление в крылех его* (IV, 2).

И Сам Господь говорит: *егда узрите мерзость запустения стоящу на месте святе: иже чтет, да разумеет. Тогда сущии во Иудеи да бежат на горы: и иже на крове, да не сходит взяти, яже в дому его: и иже на селе, да не возвратится вспять взяти риз своих. Горе же непраздным и доящим в тыя дни. Будет бо тогда скорбь велия, якова же не бысть от начала мира. И аще не быша прекратились дни оны, не бы убо спаслася всяка плоть* (Мф. XXIV, 15-22). И Даниил говорит: *и дадят мерзость запустения дней тысяча двести девяносто. Блажен претерпевый и дошедый до дней тысяча двести девяносто пять* (XII, 31 и XIII, 21).

Так же блаженный Павел, в послании к Фессалоникийцам, говорит: *молим вы, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа, и нашем собрании о Нем. Не скоро подвизатися вам от ума, ни ужасатися, ниже духом, ниже словом, ни посланием аки от нас посланным, яко уже настоит день Христов. Да никто же вас прельстит ни по единому же образу: яко аще не приидет отступление прежде и откроется человек беззакония, сын погибели, противник и превозносяйся паче всякаго глаголемаго бога или чтилища, яко же ему сести в церкви Божией аки богу, показующу себе яко бог есть. Не помните ли, яко еще живый у вас, сия глаголах вам? И ныне удерживающее весте, во еже явитися ему в свое ему время. Тайна бо уже деется беззакония, точию держай ныне, дондеже от среды будет: и тогда явится беззаконник, егоже Господь Иисус убиет духом уст Своих, и упразднит явлением пришествия Своего: егоже есть пришествие по действу сатанину, во всякой силе и знамениих и чудесех ложных, и во всякой лсти неправды в погибающих: зане любве истины не прияша, во еже спастися им. И сего ради послет им Бог действо лсти, во еже веровати им лжи: да суд приимут вси неверовавшии истине, но благоволившии в неправде* (2 Фессал. II, 1-12). То же Исаия говорит: *да возмется нечестивый, да не видит славы Господни* (XXVI. 10.)

Итак, возлюбленный, когда это будет, и одна седмица разделится на две, и мерзость запустения явится, и два пророка и предтечи Господни окончат свое служение, и весь мир уже приближается к концу; то что остается, как не явление с небес Господа и Спаса нашего Иисуса Христа — Бога, на Коего мы уповали? (Владим. Еп. Ведом. 1867 г. № 11, стр. 505)

О том же, *Андрея Кесарийского*
(1-6)

Ст. 1-2. Под женою, облеченной в солнце, некоторые всецело разумели Пресвятую Богородицу, потерпевшую, нежели познано было Ее Божественное рождение, все последствия того. Великий же Мефодий принимает за святую Церковь, почитая, что не соответствует рождению Владыки то, что сказано о ней, потому что уже задолго прежде того рожден был Господь наш. Хорошо же припомнить сами слова блаженного Мефодия. Он в так называемом торжестве дев от лица девы Проклы говорит так: «Жена, облеченная в солнце, есть Церковь. Что для нас одежда, то для нее свет; что для нас золото и драгоценные блестящие камни, то для нее звезды, и притом звезды самые лучшие и самые светлые. Она взошла на луну. Луной я считаю иносказательно веру банею очищаемых от тления, так как от луны зависит влажное естество. Болит она и страждает, перерождая душевных в духовных и образуя их по подобию и образу Христову». И еще говорит: «не должно Самого Христа разуметь под рождаемым, ибо задолго прежде Апокалипсиса Иоаннова исполнилось таинство воплощения Бога Слова, Иоанн же говорит о настоящем и будущем». И после еще: «по необходимости должно признать, что болящая и рождающая искупленных есть Церковь, как говорит Дух у Исаии: *прежде неже чревоболети ей, роди .. чревоболения избеже, и породи мужеск пол* (66,7). От кого убежала? Конечно, от дракона, чтобы родить народ, духовный Сион мужскаго рода», и далее: «так что в каждом духовно рождается Христос И потому Церковь повивает пеленами и болезнует, пока не вообразится в нас родившийся Христос, дабы каждый соделался Христом, по сопричастию со Христом». Таким

образом Церковь облечена в Солнце правды — Христа. А законный свет ночного светила-луны, и мирскую жизнь, изменяющую как луна, имеет под ногами. И на главе ее возложен венец Апостольских догматов и добродетелей. Он же говорит, что так как от луны зависит влажное существо, то луною означает крещение иносказательно именуемое морем, — таинство, спасительное для приемлющих его и гибельное для демонов.

Ст. 3. *И явися ино знамение на небеси, и се змий велик чермен, имея глав седмь и рогов десять: и на главах его седмь венец.* Думаем, что под небом разумеется воздух, змий чермный, созданный на то, чтобы быть поругану от Ангелов Божиих, как написано у Иова (40, 14). Чермен же он по причине любви к убийству и радованию о крови, или по причине огневидности существа ангельского, хотя он и ниспал из числа Ангелов. Семь же глав суть семь лукавейших сил его, противоположных действиям духовным, или семь духов, о которых сказал в Евангелиях Христос, что они вселяются в человека, имеющего сердце пометенное и не занятое добрыми помышлениями и деяниями, или семь лукавств, о которых Соломон говорит, что они в сердце врага, который по лицемерию громким голосом умоляет убеждаемых их (Притч. 26, 25). Десять же рогов показывают или грехи, противоположные десяти заповедям закона, или разделения царства, которые для него, как утешающегося неустройствами, доставляют украшение. Семь же венцов на главах его, потому что побеждающие диавольские действования оттуда украшаются венцами победы, откуда трудами и усилиями приобретают победу. Об этом блаженный Мефодий буквально говорит так: «змий великий, чермный, седмиглавый, увлекший третью часть звезд, который стоял, строя козни, чтобы пожрать чадо болевшей муками рождения, есть диавол». И потом: «но не получает желаемого и обманывается в добыче, когда возрожденные восхищаются горе на высоту». И немного после: «третьею частью звезд названы погрешившие в числе Св Троицы касательно одного (Лица). Пустыня же, в которой питается, — Церковь свободная от зла и удаленная от повреждения. Тысячи же, умноженные во сто раз, содержат число полное и

совершенное». И далее говорит о венцах его: «она, подвизавшись против диавола прежде и умертвивши семь глав, получает семь венцов добродетели».

Ст. 4. *И хобот его отторже третию часть звезд небесных, и положи я на землю.* Этим, думаем, означается два события: или первое его падение с неба, движением зависти (первое же было превозношение), увлекшее на землю отступивших с ним ангелов, или по сокрушении головы его движение хвоста, отвлекающее от небесного мудрования неутвержденных, которые названы звездами по просвещению от крещения. Так и Даниил пророчествовал об Антиохе, имеющем быть образом пришествия антихристова.

Ст. 5. *И роди сына мужеска, иже имать упасти вся языки жезлом железным.* Церковь чрез крещаемых непрестанно рождает Христа, как изображаемого в них, даже до исполнения духовного возраста, по Апостолу (Ефес. 4, 13). Мужеский же сын, люди Церкви, не женственные по отношению к страстям; чрез них крепкими, как железо, руками могущественных римлян пасет народы Христос Бог. Будет же пасти по воскресении мертвых, поставляя судей, крепких в вере, как железо, над ломкими и слабыми сосудами — язычниками, кои по неверию не вместили таинственного и нового вина.

Ст. 6. *А жена бежа в пустыню, идеже им место уготовано от Бога, да тамо питается дний тысящу двести шестьдесят.* Когда действующий в антихристе диавол вооружится через него против Церкви, тогда избранные и верховнейшие в ней, презревшие гражданские волнения и мирские удовольствия, убегут из городов, по Божественному Мефодию, в пустыню, бесплодную для всякой злобы, плодоносную же для всякой добродетели, и там избегнут нападений воюющих демонов и лукавых людей. Возможно же и чувственной пустыне спасти тех, кои ради наветов отступника и лжехриста убегут в горы, вертепы и пропасти земные, как прежде мученики. Три же с половиной года, обозначаемые тысяча двумястами шестидесятью днями, есть время, в которое будет владычествовать отступление. (Толкование на Апокалипсис, м. 1889 г. стр. 133).

Низвержение с неба дракона (7-12)

Оберлена

Вследствие вознесения Господа, совершилось на небе замечательнейшее событие (ст. 5 и 10): оттуда был свергнут диавол, и последствия этого события имели капитальную важность для земных обитателей. Изгнание сатаны с неба есть тот суд над князем мира сего, о котором говорится во всех писаниях св. Иоанна и даже во всем Новом Завете; самая цель рождения *Сына-Мужа* состояла именно в том, чтобы разрушить дела диавола (1 Иоан. III, 8).

Можно указать три периода и вида борьбы Господа с князем тьмы. Первый вид борьбы представляет искушение в пустыне Самого Господа. Хотя затем побежденный враг отступил, на время оставил Господа (Лук. IV, 13), но он накинулся на окружающих Его, надеясь воспрепятствовать этим делу Его, и отсюда все беснования те, которые приводили в отчаяние жителей Палестины во время служения Господа. Однако, Иисус и Апостолы изгоняли бесов и исцеляли бесноватых, и это был второй период борьбы с диаволом, не менее первого славный для Господа, в котором Он явил Себя *сильнейшим сильнаго* (Лук. XI, 20-22). *«Я видел сатану, сшедшаго с неба, как молнию»*, сказал Он семидесяти ученикам Своим, радостно объявившим Ему, что и бесы повинуются им о имени Его (Лук. X, 18). Все эти частные победы над диаволом предуказывали уже и окончательную победу над ним, подобно тому, как пророки видят в желуде дуб и в предварительных приготовлениях совершившийся факт, и вот страдания и смерть Господа, воскресение и вознесение Его на небо составляют третий и решительный акт этой драмы. При смерти Господа, диавол пускает в ход все свои силы, палит, так сказать, в Господа и в учеников Его из всех орудий своих. *«Теперь ваше время и власть темная»*, — сказал Иисус преследователям Своим (Лук. XXII, 53). Для Апостолов это было временем страшных испытаний (ст. 31): Петр отрекся. Иуда пал (ст. 3), но Сам Господь был непоколебим пред лицом самой смерти, как был непоколебим в пустыне против сатанинских обольщений. *«Грядет сего мира князь и во Мне не имать ничесоже»*, сказал Он, идя

на смерть Свою (Иоан. XIV, 30). Мало того — устрояя смерть Сына Божия сатана подписал приговор над самим собой. *«Ныне князь мира сего будет изгнан вон»* (Иоан. XII, 31; XVI, 11; Евр. II, 14), — слова, сильно напоминающие восклицание Апокалипсиса: *низвержен великий дракон, низвержен на землю!* (XII, 9). Воскресение же и вознесение Господа на небо составляют уже открытый и торжественный триумф Его над всеми силами смерти и мрака (Кол. II, 15).

Великий Провидец Христианской Церкви видит диавола свергнутым с неба после того, как вошел туда Победитель его. Исполнителем приговора об этом вечном изгнании был назначен тот самый Архангел Михаил, который в мире духов по свидетельству Даниила (X, 13. 21; XII,1), всегда берет на себя защиту Церкви от всех врагов ее. Некогда он спорил с диаволом о теле Моисея, основателя Ветхого Завета (Иуд. 9), но теперь, когда Сам Основатель Нового Завета добровольно предает Свое тело смерти и погребению, чтобы воскресить его потом в славе, Михаилу представился случай возобновить прежнюю борьбу, и он совершает ее еще с большим успехом. С помощью подчиненных ему Ангелов он обращает в бегство и сатану, и темные полчища его, и низвергает их с неба на землю (ст. 7-9).

«Не нашлось им места на небе» (ст. 8). Значит, до вознесения Господа демоны, подобно другим Ангелам, имели свободный доступ на небо, где так много различных обитателей, и, подобно же другим Ангелам, могли действовать с неба на земных обитателей. До Иисуса Христа небо не было совсем закрыто для демонов. Не на одной земле произошел от греха беспорядок, он произведен и на небе восстанием демонов. Но Ангелы точно так же не были способны сами собою восстановить мир на небе, как и люди на земле. Оставшиеся верные своему начальству сами собою не могли удалить из своей среды виновников смуты; для них, как и для нас, нет иного спасения и освобождения от лукавого, как в имени Иисуса Христа, и одна только кровь голгофская умиротворила небо. Требовалось, чтоб Христос победил сначала на почве права, чтоб потом Михаил и Ангелы его могли изгнать сатану и сообщников его с неба.

Изгнание с неба составляет решительную эпоху в истории князя тьмы, истории трагической, которая есть ни

что иное, как одно продолжительное падение, разделенное на четыре акта. До Христа диавол имел еще некоторую власть не только на земле, но и на небе; сила его не была еще сокрушена, потому что для победы над ним ветхозаветное царство Божие не имело достаточных средств. Первым пришествием Господа сатана прогнан с неба, но, до начала тысячелетнего царства, он, как увидим, имеет поприщем деятельности своей землю. В продолжение тысячелетнего царства (третий период) обольститель связывается и низвергается с земли в бездну (Апок. XX, 1-3), как некогда был свергнут с неба на землю. Затем, после кратковременного освобождения из бездны, он получит окончательный суд и ввергнется уже в геенну огненную, — четвертый период (Апок. XX, 7-10; Мф. XXV, 41; 1 Кор. VI, 3). Какой длинный ряд изгнаний! И при этом сатана не удостоится даже быть призванным на суд Самим Богом. Для наказания его назначаются служебные духи, и при каждом новом изгнании все менее и менее могущественные. Архангел Михаил изгоняет его с неба, но ввергает его в бездну уже простой Ангел, а когда он ввергается в геенну огненную, то исполнитель правосудия даже не назван. На этот раз и наименьшего из небесных духов признано достаточным для соблюдения судебной обрядности с богом мира сего.

Итак, изгнание с неба открывает собой второй период в истории сатаны, период весьма важный для нас, характер которого обозначен несколькими знаменательными чертами в стихах 10-12. До сих пор сатана беспрепятственно пользовался важным званием князя мира, но теперь власть у него отнята, и победа, сила и царство принадлежат Богу и Помазаннику (Христу) Его. Теперь, как Сам Христос мог сказать, что *Ему дана всякая власть* (εξουσια) *на небеси и на земли* (Мф. XXVIII, 18), так и христиане могут восклицать, что *Бог освободил их от власти* (εξουσια) *тьмы и ввел их в царство* (βασιλεια) *возлюбленного Сына Своего* (Кол. 1,13). Заметьте, что в этом стихе есть те же два слова, которые встречаются в Апокалипсисе: *власть* (εξουσια) и *царство* — βασιλεια (XII, 10). С того момента, как диавол прогнан с неба, он был сбит, так сказать, с своей главной позиции; потому что (οτι), благодаря Христу, он теперь не может

больше обвинять людей пред Богом, *ибо Христос есть Ходатай наш, умилостивление за грехи наши* (1 Иоан. II, 12; Евр. VII, 25; VIII, 1; XII, 24). Сатана настолько побежден на почве своего права, что ап. Павел находит возможным ввести нас как бы в самое судилище Божие и сказать, что никто уже там не может больше обвинить и осудить избранных Божиих, но от Судии — Бога изрекается оправдание всем прибегающим к ходатайству Христову (Рим VIII, 33, 34). Точно такой же смысл и в нашем 11 стихе. Христиане победили клеветника — во-первых, кровью Агнца, которой человечество освободилось от сетей проклятия и получило дерзновение к Богу, и, во-вторых, *словом свидетельства своего* о закланном Агнце пред лицем всего мира. Что они победили — это факт. *«Вера ваша,* говорит Апостол, *есть победа победившая* (νικησασα) *мир»* (1 Иоан. V, 4); *вы победили лукаваго* (II, 13. 14; IV, 4). Все это отголоски того великого слова: *«мужайтесь, ибо Я победил мир»,* которым Спаситель заключил Свою последнюю прощальную беседу, и которое, конечно, глубоко запечатлелось в душе св. Иоанна (XVI, 33). Впрочем, понятие победы столь свойственно духу этого Апостола, что все писания его можно назвать непрерывной историей борьбы между тьмою и светом. В Евангелии от Иоанна мы присутствуем при начале этой борьбы и видим, как она развивается вокруг Самого Господа, а Апокалипсис показывает продолжение ее вокруг Церкви. Поэтому же выражение: *победили,* встречается 6 раз в одном первом послании Иоанна и 16 раз в Апокалипсисе, тогда как во всем остальном Новом Завете упоминается только три раза (Лук. XI, 22; Рим. III, 4; XII, 21).

Победа эта, во всем обязанная победе Спасителя, тем не менее есть победа самих верующих. Они (αυτοι) *победили,* — торжественно говорится в стихе 11-м. Но чтоб и таким образом победить мир с князем его, — победить силой Господа, нужно и самим нам одолевать противника, последовать за Господом, распять принадлежащую миру часть бытия нашего (Иоан. XII, 24 и след,; Мф. X, 38 и след.: XVI, 24 и след.). *«Победители не возлюбили души своей до смерти».* Так, пренебрежение к миру и победа над миром ставятся рядом, как действия, невозможные одно без другого.

И в другом месте (Иоан, II, 14. 15) сказано: *«вы победили лукаваго»;* а потому *«не любите мира, ни того, что в мире»*. В Апок. XII, 12 приглашаются возрадоваться изгнанию сатаны небеса и обитатели их, но в числе обитателей неба можно считать и земных членов Христова тела. Не братия ли они также святых прославленных? Не на небесах ли отечество их? И уже не называются ли они небесными (Фил. III, 30; 1 Кор. XV, 48)? Они могут принять участие в радости Ангелов, потому что и сами побеждают лукавого: *как рожденные от Бога, хранят себя, и лукавый не прикасается к ним* (Иоан. V, 18). Зато горе тем, кто принадлежит миру и полагается на силу и на светила его (море и земля)! Им еще много следует страшиться того, кто хотя уже и не есть более обвинитель, но как обольститель, нимало еще не потерял власти своей. Озлобленный за свое изгнание из обители неба и зная, что подобные изгнания только начались для него, он все силы свои напрягает на погубление человеческих душ, господствует в воздухе (Еф. II, 2) и *лев рыкая ходит, ища кого поглотити* (1 Петр. V, 8). Победа света всегда вызывает новое усилие мрака, и низвергнутый на землю диавол настолько пропитает, наконец, мир своими чувствами, что он изберет своим вождем антихриста (Пророк Даниил и Апокалипсис св. Иоанна Богослова. Перев. Прот. Романова, стр. 287-290. 292-297).

Св. Архангел Михаил, — Архистратиг бесплотных сил небесных

Первейшего из Ангелов, вторый свет Пресвятыя Троицы (2 Кан. празд., Песнь 3), предстоящего непрестанно Владычнему престолу на небесех (там же ст. на мин.), св. Архангела Михаила Православная Церковь наша так же ясно созерцает и изображает нам, как бы он был один от земнородных подвижников и членов ее. Она представляет величественную историческую картину богосветлых деяний Архистратига святых небесных Сил бесплотных, повсюду изображая его первым в чину горних воинств, действователем и ратоборцем за славу Божию и за спасение рода человеческого. Не только любопытно, но и весьма полезно — собрать в одно место, если не все, по крайней мере,

некоторые исторические указания на действия св. Архангела Михаила, какие встречаются в Слове Божием, в богослужебных песнях и повествованиях церковных.

Первый бранноносный подвиг св. Архангела Михаила совершился не у нас на земле, а на небе. Сатана, некогда светлейший из всех духов небесных и от сего названный Люцифером, *светоносцем* по преимуществу, восстал на Бога, вздумал унизить славу Бесконечнаго, сделал первое по вселенной богоотступничество и увлек за собой множество других духов. Тогда св. Архангел Михаил, как верный служитель Божий, собрав все Ангельские чины и воинства, не увлекшиеся пагубным примером возношения сатанинского, велегласно воззвал: «вонмем, станем добре пред Сотворшим ны; и не помышляим противная Богу». — И стоя на первом месте в сонме духов бесплотных, начал петь торжественную песнь: Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф (Чет. Мин. 8-го Ноября). Вслед за сим духи злобы низвержены с неба.

Мы не можем и не должны спрашивать: откуда Церковь заимствовала сие повествование? Ибо, во-первых, никто не имеет права предлагать Церкви вопросы о том, что выше ума и выше земного мира: Церковь есть единственное на земле святилище для откровения непостижимых таин мира горняго, единый верный свидетель и зрительница великих событий, совершающихся в дому Отца небесного. Во-вторых, хотя Писание ясно и не говорит нам о *первой* брани св. Архангела Михаила с сатаною: однако ж, оно весьма ясно повествует *о некоей* брани. *Бысть брань на небеси,* — пишет Тайновидец, — *Михаил и Ангели его брань сотвориша со змием: и змий брася и ангели его: и не возмогоша, и места не обретеся им к тому на небеси* и пр. (Апок. 12, 7-9). О какой бы брани здесь ни говорилось, но то известно, что в местах пророчественнных св. Писание любит употреблять такой способ повествования, который, прилагаясь к одному определенному событию, в то же время прилагается и ко многим другим происшествиям сходным. Следственно, Церковь вправе относить и изъяснить означенные слова св. Иоанна Богослова о первой брани, не исключая и другой, которая, может статься, была или еще будет. Церковь так и

поступает, в отношении к первой брани, именуя св. Архангела Михаила, в своих песнопениях и молитвах, *безплотных Ангелов первым, чиноначальником и поборником, и Ангелов началовождем, посреде полков Ангельских старейшим, небесных чинов наставником* и пр. (Служб. 8-го Ноября). Далее — когда на земле судьбы Божии особенным образом открылись над избранным народом Еврейским, тогда Церковь указует на св. Архангела Михаила, как на ближайшего хранителя, поборника и защитника народа Божия. В одном месте взывает она к Архистратигу Ангелов: «явился еси предводящ древняго Израиля, повелением сущаго из Иакова, Михаиле безтелесный» (Служб. 6-го Сентября, кан. 5). — В другом: «воинства Израилева спасл еси, являяся и божественная подая повеления, Архистратиже, враги низложил еси, и вконец сия истребил еси (там же, кан. 6-й)». Таким образом, св. Архангел является, по указанию Церкви, как ближайший действователь, как лице историческое в продолжение целой судьбы и жизни народа Еврейского, — и в Египте, и в пустыне Аравийской, во время Судей, Царей, плена Вавилонского и т.д.

Правда, в книгах Моисеевых, и ни в каких книгах ветхозаветных, кроме одной книги пророка Даниила, нигде ни однажды не встречается собственное имя св. Архистратига Михаила, но этого и не нужно. Если тело Моисеево было сокрыто для Евреев для того, чтобы они не стали обоготворять оное; если уже во времена христианства составилась ересь, почитавшая Ангелов за Богов и учившая будто бы Бог Евреев был Архангел Михаил: то что было бы с самими Евреями, часто кадившими Ваалу, и солнцу, и луне, и планетам, когда бы им прежде времени открыто было светоносное имя св. Архангела Михаила? Видим, что и Сам Единородный Сын Божий, в Ветхом Завете, сокрывается под именами несобственными. Несомненно так же и то, что первым верховным действователем и руководителем народа Еврейского во все времена, особенно при Моисее, был Сам Господь, Ангел завета, Мессия. Но и такая непосредственность отнюдь не противоречит учению Церкви, т.е., что при непосредственном действии Самого Господа первый служитель и, так сказать, сподвижник Его

в судьбе народа Божия, был св. Архангел Михаил. Господь, и кроме народа Еврейского, Сам везде и во всем действует; однако же то верно, что и Ангелы Его действуют вместе с Ним.

Для большего уяснения себе указаний Церкви на деяния св. Архистратига в истории Евреев, обратим внимание на следующие обстоятельства: а) Во Второзаконии сказано: *егда разделяше Вышний языки, яко разсея сыны Адамовы, постави пределы языков по числу Ангелов Божиих* (32, 8). На основании сего места Церковь исповедует, что *Ангелы даются для сохранения городов, царств, областей* и пр. (Православ. Исповед. вопр. 19). Следственно, и народ Еврейский имел своего особого Ангела хранителя. Хотя в том же месте (Второзак. ст. 9) сказано: *и бысть часть Господня, людие Его Иаков, уже наследие Его Израиль;* но сии слова показывают, или же, по крайней мере, могут показывать только то, что Господь особенно усвоил, избрал Себе народ еврейский, а не то, чтобы Он не определял ему особого, так сказать, местного, народного Ангела-хранителя. Всякая душа, истинно верующая, есть часть Господня, есть особое наследие Господа: и однако же всякая душа имеет своего Ангела-хранителя.

б) В книге пророка Даниила ясно и прямо сказано, что Ангелом-хранителем народа Еврейского был именно св. Архангел Михаил. *Михаил князь ваш,* — говорит св. Архангел Гавриил пророку Даниилу: *се Михаил един от старейших первых* (10, 13, 21); *Михаил князь великий стояй о сынех людей твоих* (12, 1).

в) Заметим еще, что все места Писания, несомненно и ясно говорящие о св. Архангеле Михаиле, преимущественно изображают его великим ратоборцем, высоким лицем воинственным, Архистратигом, который то предводит воинства, то сам непосредственно ратоборствует, помогает одним, карает других и пр., так что воинственность, ратоборство составляет отличительный характер сего святого Архангела в чину других Ангелов. Церковь в своих песнях также постоянно обращается к св. Архангелу Михаилу, как к Ангелу браноносцу, защитнику православной веры и губителю ересей и проч. Сообразив сии обстоятельства, мы

с полным убеждением истины можем предаться учению Церкви о том, что св. Архангел Михаил точно был вождем, поборником, а в иных случаях и карателем врагов народа Израильского: *предводящ древняго Израиля, спасаяй воинства его и врагов истребляяй.*

И во-первых, когда Фараон с войсками своими настигал робких Евреев у Черного моря; тогда для преграждения пути неприятелю, дабы заслонить Евреев, *взятся Ангел Божий, ходяй пред полком сынов Израилевых, и пойде созади их* (Исх. 14, 19). Здесь Ангел, очевидно, есть существо служебное, отличное от Бога, сотворенное — во-первых, потому, что — *Ангел* Божий; во-вторых, потому, что в повествовании действие сего Ангела открывается непосредственно за действием Самого Бога, т.е. Сам Господь вещает Моисею: *что вопиеши ко Мне? рцы сыном Израилевым, и да путешествуют* и пр. (Исх. 14, 15-18); и потом, вдруг за непосредственным вещанием Господа, *взятся Ангел Божий.* И здесь-то мы должны с благоговением повторить песнь Церкви к св. Архангелу: «явился еси предводящ древняго Израиля, повелением суща-го из Иакова, Михаиле безтелесный, Ангелов Архистратиже». Потому что в самом тексте библейском Ангел Божий называется то предшествующим, то сопровождающим полк сынов израилевых.

Описывая законодательство Синайское в первый раз, в книге Исхода (глав. 19), Моисей не упоминает ни об одном Ангеле, который присутствовал бы при Синае; но во Второзаконии, в последней прощальной речи своей к израильтянам, он свидетельствует, что на Синай приходил *Господь с тмами Святых, и одесную Его Ангели с Ним.* (Втор. 33, 2). Отсюда св. первомученник Стефан говорит иудеям, что они приняли закон Синайский *устроением Ангельским,* т.е. при служении Ангелов (Деян. 7, 53). И св. Апостол Павел учит, что закон *вчинен Ангелы, рукою Ходатая* (Гал. 3, 19). Если на Синае были тьмы св. Ангелов: то, без сомнения, был там и первейший из Ангелов, св. Архангел Михаил.

Изрекши десятословие, Господь говорит Моисею: *и се Аз послю Ангела Моего пред лицем твоим, да сохранит тя на пути. Вонми себе, и послушай его, и не ослушайся его: имя бо Мое есть на нем* (Исх. 23, 20, 21). В другом месте: *пойдет*

Ангел Мой наставляя тя, говорит Бог Моисею, *и введет тя в Амморею и Хеттею, и Ферезею, и Хананею, и Гергесею, и Евею, и Иевусею, и потреблю их от лица* вашего (Исх. 25, 23). Вообще св. Михаил, *премирнаго чина Чиноначальник, служитель же славы Божественныя и воевода Ангелов всехвальный,* помогал израильтянам в их битвах с неприятелями на пути в обетованную землю, и сопровождал Моисея в течение всей его многотрудной жизни.

Скончался человек Божий, *и погребоша его,* замечает бытописатель (Втор. 34, 5, 6). Кто погребал? Неизвестно. Где было место погребения? Так же неизвестно, хотя и сказано, что *в земле Моавли, близ дому Фогора.* Но что, по-видимому, должно было остаться более всего неизвестным, то очень известно: это — святое тело Моисеево. Ибо где оно осталось? Под защитой и хранением св. Архангела Михаила. Михаил Архангел, говорит Апостол Иуда, препирался с диаволом о Моисеове телеси, и претил клеветнику рода человеческого словами: *да запретит тебе Господь.* Почему Архистратиг воинств небесных спорил с сатаной за бездыханное тело человека Божия? Без сомнения, потому, что сие богоозаренное тело было поручено непосредственному его хранению при жизни Моисея. После сего нам кажется несомненной та мысль, что св. Архангел Михаил был Ангелом-Хранителем Моисея, как и целого народа Еврейского. Место Моисея занял Иисус Навин; и лишь только новый вождь народа Еврейского вступил в свое правительственное звание, ему является Ангел. По переходе через Иордан, когда кущи израилевы были раскинуты в Галгалах, на равнине Иерихонской, Иисус Навин поднял взор к стенам Иерихона и видит: перед ним стоит муж-воин с обнаженным мечом в руке. На вопрос: *наш ли еси, или от сопостат наших?* Муж ответствует: *Аз Архистратиг силы Господней, ныне приидох семо* (Нав. 5, 13-16). Кто был сей Архистратиг? Вопрос почти лишний: так явен здесь св. Архангел Михаил. Посему-то св. Церковь в песнях своих, обращаясь к св. Архангелу Михаилу, говорит: яко виде тя Иисус Навин, поклонися, вопросив честнаго твоего и святаго имене, начальниче Ангелов, благоговением и страхом держим» (6-го Сентября кан. пес. 6).

Для чего Архистратиг силы Господней явился вождю Израильскому при самом начале правительственного

поприща его? Для удостоверения, что отселе Архистратиг воинств небесных будет постоянным хранителем и безотлучным сподвижником Архистратига земных ополчений; что отселе он будет с Иисусом точно так же, как прежде был с почившим Моисеем. Такой сподвижник был теперь совершенно необходим Навину: ибо теперь, по вступлении в землю Ханаанскую, началась для него жизнь самая трудная и беспокойная, — жизнь в полном смысле военная. Не говоря уже о тяжких трудах и беспокойствах по домашнему управлению жестоковыйным народом своим, Иисус Навин принужден был вести кровопролитные брани с тридцать одним царем, и всех их истребил с их народами (12, 24). От кого заимствовал он силу и крепость для совершения столь многих и великих побед? *От него,* — от св. Архангела Михаила, — *прием силу слуга Господень, копием пленив, ят сопостаты,* — воспевает св. Церковь. (8 Ноября 2 кан. пес. 4). Древность так глубоко была уверена в подлинности явления Архангела Михаила Навину, что на месте явления, еще в первые времена христианства, был во имя св. Архангела Михаила воздвигнут монастырь.

Во времена Судей является Ангел Господень целому сонму Израильтян около Вефиля и говорит народу обличительное слово: *сия глаголет Господь* и пр. Речь так была трогательна, что весь народ поднял громкий плач и рыдание и принес жертвы умилостивления истинному Богу; а место, где было изречено слово Ангельское, назвалось плач: *и сего ради прозвася имя место тому, плач* (Суд. 3, 1-5). О каком Ангеле говорит здесь книга Судей? По всей вероятности, это тот самый Ангел, который прежде являлся в Галгалах Иисусу Навину, и теперь *взыде от Галгал к месту плача* (Срав. Нав. 5, 10-16. Суд. 2, 1). Таким образом Архангел Михаил дал начинательную форму речам пророческим; ибо речи пророков впоследствии большею частью начинались словами: *сия* (или *тако*) *глаголет Господь.* Сего же небесного защитника разумеет Варак в своем разговоре с пророчицей Девворою (суд. 4, 3), и сама Девора в своей восторженной песни: *Проклинайте Мазора, рече Ангел Господень* (5, 23).

Когда Израиль *обнища зело от лица Мадиамля, и возопиша сынове Израилевы ко Господу* (6, 6. 7), тогда Ангел Господень

является Гедеону, и приветствует печального мужа, готовящегося бежать от лица Мадиамлян, трогательными словами: *Господь с тобою, сильный крепостию* (6, 11-14). Здесь также можно сознавать присутствие св. Архангела Михаила, как первого защитника Израильтян.

Во времена Царей явления и видимые действия Ангелов встречаются реже; но и здесь некоторые происшествия явно показывают присутствие св. Архангела Михаила. Таковы напр. истребление 70 000 Израильтян при Давиде (2 Цар. 24, 15-17), избиение 185 000 войска Сеннахеримова (4 Цар. 19, 35). Вообще же должно заметить, что во всех местах Ветхого Завета, где только повествуется об Ангеле: а) либо руководящем какое-нибудь высшее лицо правительственное, б) либо совершающем какое-нибудь великое общественное дело: — там и можно разуметь под Ангелом св. Архангела Михаила, исключая такие места, кои прямо относятся к Мессии.

В мире Христианском, в Православной Церкви Христовой, действия св. Архистратига бесплотных сил небесных становятся так всеобщи и повсюдны, что никакая история не может следить за ними; поэтому и мало у нас исторических сказаний о чудесах св. Архангела. В Ветхом Завете св. Архангел Михаил был Ангелом-хранителем одних вождей и владык народа Израильского: в Новом Православная Церковь признала его поборником и заступником всеобщим. Она всех и каждого истинного христианина побуждает взывать к первейшему из Ангелов о помощи и ходатайстве пред Богом, а потому каждый христианин, видимо или невидимо ощутивший благое содействие Архистратига Божия, и может быть сказателем чудес Его. Церковь признает вообще преславного Архистратига Михаила своим *Божественным украшением,* и мира дольнего ограждением и утверждением (служб. 6-го Сентября кан. п. 1). Она учит, что св. Архангел Михаил крепостию божественною обходит всю землю, от лютых изымая призывающих божественное имя его (там же песн. 3). Она именует его проповедником божественным, непостыдным представителем верных, путеводителем и наказателем заблудших (песн. 3), молитвенником за людей спасительным

(песн. 8). Она верует, что св. Архангел Михаил *всегда с нами ходит* и все сохраняет от всякаго диаволя обстояния (слав. на хвалит.). Словом, — она всех и каждого заставляет взывать к великому Архистратигу Божию: «под кров божественных ны крыл твоих прибегающия верою, Михаиле, божественный уме, соблюдай и покрывай чрез все житие: и в час, Архангеле, смертный страшный, ты предстани помощник, всем нам благоприемнейший (8 Ноября ст. на хвалит.»). (Воскр. Чт. VIII. 284-290).

Попытки дракона победить жену (13-17)

Оберлена

В первых двух частях XII главы описывалось состояние дел, современное Апостолу, сперва относительно царства Божия — Церкви (ст. 1-6), а потом относительно царства диавола (ст. 7-12); в пяти же следующих стихах описываются отношения этих двух царств между собой и попытки дракона погубить жену.

«Он начал преследовать жену» (ст. 13). Здесь, без сомнения, разумеются все гонения на юную Церковь, как со стороны иудеев, так и со стороны язычников. Но жена спасается от дракона: врата адовы не могут одолеть Церковь. Она все больше и больше утверждается (ст. 14) в Римской империи, в государственном строе которой, еще во времена апостольские, вместе с общей враждой, находились для Церкви и покровительствующие элементы. У пр. Иезекииля (XVII, 3, 7) цари вавилонские и египетские названы орлами, а Навуходоносор изображен у Даниила (VII, 4) львом с орлиными крыльями. Поэтому под крыльями большого орла, упомянутого в нашем стихе, естественно разуметь орлов римских, как символ самого большого земного могущества, когда-либо благоприятствовавшего Церкви; два же крыла этого орла, данные Церкви для бегства в пустыню, означают Римскую империю, как восточную, так и западную. «Без сомнения, говорит Мейер, и во многих других странах могло бы найтись убежище для Церкви, но Господь хотел воочию показать, что государство преследующее Он может обратить в покровителя христианству». Тем не менее все «время

язычников», весь церковно-исторический период, по смыслу пророчества, есть не более, как период переходный, подобный времени странствования Израиля в пустыне. Как тогда освобождение уже совершилось, но Ханаан был еще в руках врага, так и теперь Церковь только что идет в ту святую землю, где, в продолжение тысячелетия, впервые возрастут все плоды ее святости и славы, возможные на земле, и этот путь свой она совершает чрез пустыню (1 Петр. I, 17; II, 11; Евр. IV, 9; XIII, 14; 2 Кор. V, 6, 7; 1 Иоан. III, 2).

Но в то время, когда Церковь укрывается в своем убежище, дракон ищет потопить ее и увлечь рекою (ст. 15). Под этими водами, держась объяснения самого Апокалипсиса (XVII, 15), трудно представить себе что-либо другое, кроме той мирской силы, которая предстала некогда Церкви в виде потока варваров. То, что поток этот вышел из драконовой пасти, не должно удивлять нас. Коль скоро сатана есть князь и бог мира сего, то земные народы и царства, очевидно, подвластны ему. Орды варваров разрушили Римскую империю, но диавол выслал их собственно не для ее разрушения, а для разрушения христианства. Однако, *земля помогла жене и разверзла уста свои и поглотила реку* (ст. 16). Не небо, а земля помогла. Не Сам Господь лично пришел освободить чад Своих и во всем внешнем состоянии мира не произошло никакой перемены. Земля, в противоположность морю, означает мир цивилизованный. Итак, в настоящем случае, римский цивилизованный мир одержал верх над дикими ордами: он образовал и укротил их и, если не со стороны духовной и небесной, то со стороны земной и культурной, примирил их с христианством. И действительно, едва только христианство было принято германцами, как существование Церкви было обеспечено.

Лукавый обманулся: жена не только избегла грозившей ей опасности, но еще больше утвердилась в образованном мире. Однако, отсюда произошли только новая злоба противника и новое нападение его на Церковь. Он начал преследованием жены (ст. 13), потом хотел потопить ее (ст. 15), а теперь *идет вступить в брань с остальными от семени ея*. На что указывает это семя жены? Конечно, оно есть

часть самой же жены, потому что в своей брани с семенем жены дракон выражает злобу свою к самой жене. Пункт этот будет совершенно не понятен, если допустить, что делают некоторые, что жена есть церковь иудейского происхождения, а остальные от семени ее — христиане языческого происхождения. Понятнее объяснение тех, которые под *остальными от семени жены* разумеют самую жену, так как между женой и ее детьми нет существенного различия, и понимают под этим названием тех чад Божиих, которые остались от предыдущих преследований; но различие выражений: *«жена»* и *«семя жены»* должно же иметь какое-нибудь основание. Нам кажется, что в этом выражении должно видеть намек на то, что чем больше Церковь будет жить внутренней жизнью, чем больше она будет *питаться пустыней* и не дозволять себе получать помощи *от земли*, тем больше будет слагаться, как некогда Израиль, только из верного *«остатка»*, — из более или менее незначительного количества отдельных душ, *сохраняющих заповеди Божии и имеющих свидетельство Иисуса Христа*. Здесь есть предсказание о том, что наибольшая часть членов Христовой Церкви не останется верной Господу, — предсказание о падении Церкви. Против этих-то верных и обращается теперь сатана. На этот раз не видно, чтобы Бог вступился за рабов Своих, как это было при первых двух нападениях, но не сказано и того, что дракон одолел верующих, следовательно — результатом нападения оказывается постоянная борьба. Зная даже, что врата адовы не одолеют Церкви, она не должна опочивать в безопасности. Между семенем жены и змием Сам Бог положил вражду, которая должна продолжаться до конца. И уже не преследование только, но и все другие способы вражеские употребит теперь сатана. Стало быть, в особенности теперь нужно Церкви облечься *во все оружия Божии* (Еф. VI), быть в состоянии носить их и с решимостью употреблять. Кровию Агнца верующие победили (ст. 11), но на завоеванном этой победой поле нужно им одерживать новые победы. Торжеством своего Вождя мы обязываемся к постоянно новым торжествам, точно так же, как, умерши раз во Христе, должны постоянно *умерщвлять члены свои, которые на земле* (Кол. III, 3, 5; Рим. VI, 2-14). Не глубоко ли серьезны наши времена?

Здесь завеса опускается. Иоанн не был намерен писать историю Церкви, но хотел только несколькими чертами (ст. 13-17) охарактеризовать состояние ее во времена язычников. Церковь будет твердо стоять при внешней поддержке римско-германского политического устройства и цивилизации, но змей не один раз успеет уязвить семя жены в пяту. Можно быть уверенным, что великие воинственные походы, вроде завоеваний ислама, которые диавол предпринял бы против Церкви вообще, точно так же не удадутся, как не удались походы прежние, но отдельные христиане, и, в особенности, составляющие истинное семя жены, будут постоянно подвергаться козням сатаны. Не рассчитывать на помощь земли (ст. 16) обязана в настоящее время Церковь, но больше всего должна стараться не сообразоваться веку сему. Как опасно для нее, когда она не находится в борьбе с князем мира сего, — когда благоденствие и комфорт лишают ее воинственного огня, и она перестает быть странницей на земле! Насилие и угрозы ничего не могли сделать с нею, но враг попробует употребить хитрость и обольщающее коварство, и Церковь падет! В главе XVII мы снова находим жену в пустыне, но это уже любодейца. С одной стороны, верный *остаток*, а с другой — любодейца, — вот два детища, которых Церковь носит теперь в своем чреве. (Пророк Даниил и Апокалипсис св. Иоанна Богослова, стр. 293-303).

О пребывании благодати Божией в Церкви Христовой неотступно до скончания века (13-16)

Филарета, митрополита Московского

Свидетельство о пребывании благодати Божией в Церкви Христовой неотступно до скончания мира можно заимствовать из Апокалипсиса или Откровения св. Иоанна Богослова, которое пророчественно изображает судьбу Церкви Христовой до скончания века. В сем Откровении непрерывно видим истинную Церковь, сперва в образе двадцати четырех старцев окрест Божественного престола (гл. IV), *покланяющихся живущему* во веки веков; потом, по мере, может быть, распространения христианства, в числе ста четыредесяти четырех тысяч, запечатленных печатью Бога живаго; далее, *в народе многом, его же исчести никтоже может, от всякаго языка, и колена, и племен, стоящем пред*

престолом и пред Агнцем (гл. VII), далее, в виде храма с алтарем и поклонниками, который Иоанну повелено измерить (гл. XI); еще далее, в лице жены, *облеченной в солнце,* то есть в истину и добродетель Иисуса Христа, Который есть *свет миру* (Иоан. VIII, 12), украшенной *венцем от звезд двоюнадесять,* то есть боговедением апостольским, имеющей под ногами луну, то есть, мудрость человеческую, естественную (гл. XII); еще далее, пред браком Агнца, она представляется женой Его, уготовавшей себя и облеченной в виссон оправдания святых (гл. XIX); и еще, после изображения Тайновидцем первого воскресения, она именуется у него *святых станом и градом возлюбленным* (XX, 9), доколе, наконец, с новым небом и новою землею обновляется и она в новый Иерусалим, сходящ от Бога с небесе (XXI, 2). Достойно примечания, что Тайновидец, изображая самые опасные времена для Церкви, представляет ее невредимой от опасностей, но чудесно сохраняемой. Например, змий *гоняше жену;* но он ее не догоняет и не низлагает, потому что *даны быша жене два крила орла великаго; и поможе земля жене* (XII, 13, 14-16). Провидение так управляет ходом происшествий, что и земные учреждения споспешествуют миру или безопасности Церкви, и *криле орла великаго,* может быть, царственного, благоговейно несут ее выше злобы и лукавства врагов ее, *в пустыню в место свое,* конечно, не просто в безлюдие внешнее, ибо Церковь сама есть многолюдство верующих, но *в пустыню* наипаче внутреннюю, — все далее от мира, все ближе к Богу, ибо *свое место* для Церкви есть близость к Богу и соединение с Ним. А сие и значит то, что благодать Божия не отъемлется от Церкви и в самые опасные времена должна пребыть с нею неразлучна, даже до скончания века. (Чт. в Общ. 1879 г. янв. стр. 48).

Апокалипсическое видение жены, бежавшей в пустыню

Архимандрита Павла

Одни из беспоповцев, утверждая, что ныне Христопреданное священство и приношение бескровной жертвы тела и крови Христовой прекратилось, учат, что все исполнение

Церкви Божией составляют ныне только одни простолюдины, без священства и без совершения всех седми таинств, потому и в Символе веры, в словах: *во Едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь,* разумеют такую именно, существующую у них, церковь, то есть без священства и без приношения бескровной жертвы тела и крови Христовых. А другие исповедание такой церкви считают недостаточным во спасение и несправедливым, признавая оное несогласным с изложением Символа: ибо, говорят, когда Символ излагался, Церковь была не в таком положении, не без священства и таинств, но с тремя чинами священства и с полнотой таинств; поэтому, говорят они, в словах Символа *во Едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь,* нужно разуметь ту Церковь, которая существовала до лета патриарха Никона со всей полнотой церковной: сынами этой Церкви они и признают себя, и только одних себя. Но и это мнение для некоторых беспоповцев показалось тоже недостаточным. Они говорят, что такое исповедание веры в Церковь когда-то существовавшую, а ныне прекратившуюся, несогласно с тем, что о Церкви во св. Евангелии Сам Господь сказал: *созижду церковь Мою, и врата адова не одолеют ей* (от Матфея зач. 67): и церковь, обетованная Господом, прибавляют они, создана со священством, а не без священства, в каковом устройстве должна пребывать вечно, по свидетельству книги Кирилловой, на листе 77, где о вечности священства сказано: «яко же Христос не умирает, такожде иерейство его по чину Мелхиседекову не престает»; и о том, что Церковь создана со священством, говорится: «престало тогда архиерейство Аароново (ветхозаветное), яко временное, возстало же Христово (новозаветное) вечное, иже из мертвых возстав Апостолов своих на се освяти хиротониею, еже есть руковозложением». Посему нужно веровать в Церковь не только существовавшую, но и существующую, с таковыми чинами и таинствами, с каковыми она создана: а веровать в Церковь, только прежде существовавшую со всеми чинами и таинствами, а ныне уже не существующую, есть неверие в Евангельские обетования. Высказывая такие правильные понятия о Церкви, эти беспоповцы, однако же, сами таковой Церкви, очевидно, не имеют. Что же они говорят в свое

оправдание, когда их спрашивают: где у вас таковая, веруемая вами, Церковь? Они ответствуют, что ныне Церковь сия скрывается в тайных местах, тамо сохраняема, где одному Богу только ведомо. И приводят на то доказательство именно из Апокалипсиса от главы двенадцатой, о жене, бежавшей в пустыню. Этого мнения держатся рыбинские беспоповцы и другие многие по Волге: у них самая любимая беседа о бежавшей жене. Я не стану говорить о том, что содержащим это учение нет никакой пользы от их сокровенной Церкви: ибо данные ей от Христа Спасителя средства, через которые она спасает своих чад, т.е. таинства, от нее на них не изливаются, — не стану об этом говорить потому, что это всякому очевидно. Не буду также и о том говорить теперь, что существование Церкви, сокрытое от ее собственных чад, несогласно с целью учреждения Христом Церкви Своей на земле: она существует для спасения верующих и для проповедания Евангелия всей твари (от Матф. зач. 117), за то должна иметь брань со вратами адовыми, а не бездейственной пребывати в сокровенности. Теперь я намерен рассмотреть, действительно ли святой Иоанн Богослов в 12-й главе Апокалипсиса возвещает, что св. Церковь во время антихриста бежит от чад своих, чтобы и им самим быть неизвестной, и есть ли на эти слова Апокалипсиса такие отеческие толкования, которые бы указывали в них желаемый беспоповцам смысл. Я буду приводить сущие слова Апокалипсиса и потом толкования на них из уважаемых самими старообрядцами книг.

Сущее. «И знамение велие явися на небеси, жена облечена в солнце и луна под ногами ея» (Апокал. гл. 12, ст. 1).

Толкование. Книга о Вере. лист 18 обор.: «Жена облечена в солнце Церковь есть, солнцем правды Христом одеяна, луна же знаменует крещение». Сие толкование о облечении жены-Церкви в солнце — Христа подтверждается словами Апостола: ***елицы во Христа креститеся, во Христа облекостеся*** (к Галат. зач. 250). Андрея Кесарийского толкование на Апокалипсис, киевской печати, стр. 52: «Церковь убо солнцем правды Христом одеяся».

Сущее. «И на главе ея венец от звезд двунадесяте» (ст. тоже).

Толкование. Книга о Вере, глава 50: «12 звезд Апостолов 12 являет равну светлость», Апокалипсис толковый, стр. 52: «и на главе венцем венчася апостольскими догматами же и добродетельми».

Сущее. «И во чреве имущи вопиет болящи, и страждущи родити» (ст. 2).

Толкование. Апокалипсис толковый, стр. 52: «Болящая же есть и отраждающая душевныя в духовныя, и видом и изображением образующая их по подобию Христову. Глаголет же, яко болит Церковь на коемждо раждаемых водою и духом, донележе вообразится Христос в них, якоже глаголет (Божественный) Апостол».

Сущее. «И явися ино знамение на небеси, и се змий велик чермен, имея глав седмь, и рогов десять; и на главах его седмь венец: и хобот его отторже третию часть звезд небесных, и положи я в землю. И змий стояше пред женою, хотящею родити, да, егда родит, снест чадо ея» (ст. 3 и 4).

Толкование. Апокалипсис толковый, стр. 54: «Присно бо отступник противу Церкви вооружается, отрожденных по времени от нея свое си брашно творити со тщанием желая: паче же чрез Церковь и Самого Христа гоняй, яко главу ея, яже верных присвояющаго себе, тем же и: Савле, что ся гониши? глаголаше».

Сущее. «И роди жена мужска, иже имать упасти вся языки жезлом железным» (ст. 5).

Толкование. Апокалипсис толковый, стр. 54: «Выну церковь крещаемыми Христа раждает, аки в онех образуемаго даже до исполнения возраста духовнаго, по Апостолу».

Сущее. «И восхищено бысть чадо ея к Богу и престолу Его» (ст. 5).

Толкование. Апокалипсис толковый, стр. 54: «И восхищено бысть чадо: восхищаются убо и зде в искушениих святии, яко не препобеждени будут лютыми».

Сущее. «А жена бежа в пустыню, идеже име место уготованное от Бога, да тамо питается дний тысящу двести шестьдесят» (ст. 6).

Толкование. Апокалипсис толковый, стр. 54: Егда (глаголет) действуяй в антихристе диавол, имже на Церковь ополчатся, избранныя сея и верховнейшия, поплевавше граждан-

кия плища, и смятения, и мирския сласти, в пустыню всякой злобы, в плодоносное же всякоя добродетели жительство побегнут, по великому Мефодию, и тамо борющих бесов же и лукавых человек прилогов избежат. Достоверно же, яко и чувственная пустыня спасает, в горы, и вертепы, и в пропасти земныя навета ради отступнича (и лжехриста) бегающия, якоже и прежде мученики: на три же лета и пол, являемыя днями тысяща двесте и шестьдесятми, в нихже державствовати будет отступление».

По сем говорится о брани Михаила Архангела со змием и о низвержении змия: далее паки о жене.

Сущее. «И егда видев змий, яко низложен бысть на землю, гоняше жену, яже роди мужеск пол» (ст. 13).

Толкование. Апокалипсис толковый, стр. 57: «Егда (глаголет) диавол Христу приражся по крещении победися, и к святым Апостолом вооружився посрамися, видев я, смертию жизнь обретшия... тогда паки начат церковь гонити, мужский пол, Божий люд, сластьми неослабленный, родившую и раждающую».

Сущее. «И даны быша жене две криле орла великаго, да летит в пустыню, на место ея, яко да питается тамо время, времена и полвремени, от лица ужева» (ст. 14).

Толкование. Апокалипсис толковый, стр. 57: «Но изначала ей к Богу и ближнему любовь, (и) заступающий и пособляющий нас ради Распятаго промысл дан бысть. И два завета, имиже всячески криле орла знаменуются, яко да сима высоко летающи в пустыню всякоя прохладныя сладости жительством питается присно убо, в пришествии же антихристове наипаче, ему же державствовати реченное время, полтретя (полчетверта) лета на мнозе писано бысть, в немже (сиречь времени) и по чувственней пустыни, в горах, и пропастех, и вертепах крыющиися, мощно, яко сего убежат».

Сущее. «И изверже уж из уст своих за женою воду, яко реку: да сию сотворит рекою похищенную, и поможе земля жене, и отверзе земля уста своя, и поглоти реку, юже изверже змий из уст своих» (ст. 15 и 16).

Толкование. Апокалипсис толковый, стр. 57 и 58: «Бежащей (глаголет) Церкви в места непроходимая (и безводная)

от находа прелестнича, из уст своих, яве от повеления своего, за нею (мещет) воду, аки реку: стиречь безбожных мужей, или лукавых бесов, или различных искушений множество на ню изведет, яко да поработит ю. Земля же (глаголет) поможе ей: или долготою путя, и безводием и сухотою стремление лукавых удержуюощи, и реку, яже от искушений, сего ради поглощающи, или смиренномудрием святых истинно и право глаголюших: *аз есмь земля и пепел,* вся сети диавола упраздняющи: ничтоже бо якоже божественному Антонию от Ангела явлено есть, диаволя силы тако сокрушает и ссецает, якоже смирение».

Соборник Великий, лист 877 обор.: «Последи же сих (Апостолов) воздвигошася на Церковь от еретик брани, по пророчению того же божественнаго Павла, ко ефесским пресвитером сице глаголюща: *яко по отшествии моем внидут волци тяжщи в вас, нещадяще стада Христова, и от вас самех востанут мужие, глаголюще развращенная, еже отторгати ученики вслед себе.* Сию же брань мню и Иоанну Богослову во Откровении являющу, еже змий гоняше жену, хотящую родити законная чада, еже есть Церковь Новаго Завета, на нюже пусти змий воду, сиречь тыя еретики, юже видев Бог не мало колеблему и озлобляему от него, воздвиг ей крепкие и бодрые пастыри, от нихже глаголю перваго и премудраго и великаго Дионисия Ареопагита, Иустина же и Иринеа, и божественнаго Ипполита, и дивнаго и изящнаго в философех Киприана, и крепкаго и непобедимаго воина по Святей Троице Афанасия Великаго, твердых же непоколебимых столпов православия, Василия Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго, иже воистину помогоша святей Церкви, пожерше еретическое учение, яко земля воду, правыми велении (учении), яже и ныне подлежима суть верным на отгнание таковые мерзости».

Сущее. «И разгневася змий на жену, и иде сотворити брань с оставшим семенем ея, иже соблюдают заповеди Божии имеют свидетельство Іисусъ Христово» (ст. 17).

Толкование. Апокалипсис толковый, стр. 58: «Изящныя и избранныя церковныя учителя (глаголет) и презревшия землю к беде преставльшияся в пустыню, аще (сия) погрешит антихрист на воинствующия Христови в мире, изнесет

(глаголет) брань, яко да якоже земным прахом, стропотно раздражающим елея гладкость, житейскими (глаголю) вещми и неудобствы, сия удобьуловляемыя обрет, превратит, многи же и от сих, за еже прискренне возлюбиша Христа, победят его».

Приведенные толкования на Откровение св. Иоанна Богослова о жене — Церкви заимствованы из древлепечатных книг и отвергать их не могут сами старообрядцы. Теперь рассмотрим, согласно ли с сими толкованиями разумеют апокалипсическое свидетельство о жене, бежавшей в пустыню, именуемые старообрядцы — беспоповцы, утверждающие на нем свое учение об удалении Церкви от чад своих в чувственную пустыню.

В Откровении св. Иоанна Богослова о жене, облеченной в солнце, изображены три различные действия, или положения Церкви:

Первое — болезнь пред рождением.

Второе — рождение младенца мужеского пола, иже восхищен бысть к Богу и престолу Его.

Третье — бегство от гонящаго ю змия, сначала пред бранию змия с Архангелом, и потом по брани, когда и приемлет она два крила орла великаго.

Первые два действия, или состояния, т.е. болезнь пред рождением и рождение мужеска, по мнению самих старообрядцев, принадлежит св. Церкви постоянно, как бывает у чувственных жен, т.е. не бывает так, чтобы Церковь в одно время только болела пред рождением, а не рождала или была уже родившею, также не бывает, чтобы, рождая или родивши, не была в то же время чреватой и болезнующей к рождению, но всегда и болезнует к рождению, и рождает, и пребывает родившею. В отношении к каждому из чад ее в отдельности все это бывает постепенно: ибо оглашенный, о котором Церковь болит, во еже родити его, еще несть порожден крещением, и новокрещенный уже не оглашен, но и не муж аще, а младенец, питаемый млеком, якоже глаголет Апостол: *Аз, братия, не могох вам глаголати яко духовным... но... яко младенцем о Христе, млеком вы напоих, а не брашном* (к Коринф. первое, зачало 127), и Церковь воспитывает каждого дондеже придет в мужа совершенна,

в меру возраста исполнения Христова (к Ефесеем зач. 224); но в отношении к лицу самой Церкви такого разграничения времени не бывает: она в одно и то же время одним болезнует, во еже родити, другого порождает евангельски верой и просвещает св. крещением, других питает млеком, как младенцев, иных возращает в мужи совершенны, в меру возраста исполнения Христова. Итак, Церковь в одно и то же время есть и болезнующая родити, и родившая, и питающая и возращающая.

Точно так же она всегда есть и бежащая, крилами парящая, а не на известное только время должна бегствовать и парить в пустыню. Ибо:

Во-первых: ее бегство и парение соответствуют ее чревоношению и рождению: посему как чревоношение и рождение ее постоянны, так же постоянны должны быть ее бегство и парение.

Во-вторых: криле на которых жена парит в пустыню, по толкованию, суть два Завета: Ветхий, содержащий предсказания о Христе, и Новый, проповедующий Его пришествие. Эти два крила Церковь всегда имеет и всегда парит на них от еретических лжеучений, сих вод пущаемых диаволом, и от страстей мира в пустыню бесстрастия.

В-третьих: и самая пустыня, в которую бежит и парит жена, то есть, по толкованию, удаление мирския сласти и плодоносие всякия добродетели, указывает на всегдашнее в сей пустыне пребывание Церкви, а не на временное только пред кончиною мира обитание.

Таким образом удаление или бегство Церкви в пустыню, как болезнь пред рождением, рождение и воспитание чад, есть не временная, а всегдашняя ее принадлежность.

И всегда болезнуя рождением, всегда рождая, всегда бегая от змия, всегда паря крилами в пустыню и обитая в пустыне, Церковь никогда от чад своих не разлучалась, всегда болезновала о них, по слову Апостола: *чадца моя имиже паки болезную* (к Галат. зач. 2-10), всегда питала их: *млеком вы напоих.* Посему раскольническое толкование о св. Церкви, что аки бы она в нынешнее время уже не болезнует рождением и изменила материнскую любовь и попечение о своих чадах, двести с лишком лет скрывается от них в

чувственной пустыни, не согласно отеческим толкованиям апокалипсического видения жены, бежавшей в пустыню, и не соответствует оно и самому понятию о Церкви, о ее свойствах и действиях. Она должна проповедать Евангелие, согласно заповеди Спасителя: *шедше проповедайте Евангелие всей твари* (от Матф. зач. 1-16), а по учению беспоповцев, она в пустыне теперь уже не проповедует, не оглашает словом истины и не болезнует родити, т. е. оглашенных сотворить верными. Она должна пребывать неодолимою в постоянной борьбе с врагами адовыми по слову Спасителя: *созижду церковь Мою, и врата адовы не одолеют ей,* а по учению беспоповцев, она пребывает сокровенно в пустыне, уже не борется со вратами ада, уже и не соль земли, но только себя просвещает, пребывая в неизвестности. Но Христос возжег светильник Церкви не для того, чтобы находился он под спудом, в неизвестности, но поставил на свещнице всего мира, как Сам глаголет: *никто же возжег светильника поставляет его под спудом, но на свещнице, да светит всем* (от Матф. зач. 11).

Беспоповцы говорят, что в толкованиях на апокалипсическое видение бежавшей жены поминается и чувственная пустыня. Действительно, в гонительные времена и чувственная пустыня помогает гонимым чадам Церкви, и в древние времена вернии скрывались в пустыню, скрывались даже по случаю и пастыри Церкви: но от кого скрывались? от гонителей. От кого, и по свидетельству Апокалипсиса, бежит Церковь? от змия. А чтобы Церковь могла скрыться от возлюбленных чад и не окормлять их спасительными таинствами, о том нельзя найти ни свидетельства в Писании, ни указания в истории Церкви. А притом бежать от гонения в пустыню чувственную свойственно немощным и страшливым, как и в книге Кирилловой о днях антихриста в знамении первомнадесять пишется: «Аще кто слышится силен быти да ся борется с сатаною, якоже достоит, не ослабляю бо церковных жил, и о всем да глаголет: никто же нас разлучит от любве Божия, и прочая, *но страшливии да бегают, а инии да оставимся»* (л. 75). Бегствовать же в духовную пустыню евангельскими крилами высоких догмат и жительства свойственно

изящнейшим Церкве: в сей духовной пустыне пребывая, они от змия не достижени суть, и когда он, будучи бессилен свою злобу на них излияти, устремляется на младенцев о Христе, тогда и тии восхищаеми бывают от уст его к Богу и престолу Его, сиречь покрываются от искушений Божиею благодатию. Итак, в отеческих толкованиях на Апокалипсис не говорится о том, чтобы жена, т.е. Церковь, скрывалась в чувственную пустыню и там пребывала неизвестною, сокровенною от своих чад, как несправедливо мудрствуют некоторые из глаголемых старообрядцев беспоповского согласия, напротив, и обличается таковое неправое мудрование. (Собрание сочинений Архим. Павла. Изд. 4-е. ч. 1. стр. 154).

Библиографичекий указатель к XII главе

1) *Андрея Кесарийского.* Толкование на Апокалипсис. М. 1889 г. Сл. 12. гл. 34. О брани Ангелов и демонов и о ниспадении сатаны (ст. 7 — 12). Гл. 35. О том, как змий не перестает преследовать церковь (ст. 13-17). Стр. 141-147.

2) *Еп. Петра.* Объяснение Апокалипсиса. Томск. 1885 г. Таинственное рождение Иисуса Христа в Римской Империи (ст. 1-6); состояние жены перед рождением (ст. 1-4); жена во время рождения и следствие рождения (ст. 5-6). Брань Архистратига Михаила с драконом (ст. 7-8); конец брани (8-9); приветствие небожителей с победою (ст. 10-12). Бегство жены в пустыню (13-17): гонение жены от дракона (ст. 13); бегство жены в пустыню (ст. 14); дракон выпустил из пасти реку для потопления жены (ст. 15); земля помогает жене и поглощает реку (ст. 16); переход к гонению зверя (ст. 17). Стр. 154-170.

3) *Фаррара.* Первые дни христианства. Перев. Лопухина. О видении жены, облеченной в солнце. Стр. 503-505.

4) *Оберлена.* Пророк Даниил и Апокалипсис св. Иоанна. Перев. Прот. Романова. Церковь и земные государства. Жена и дракон (ст. 1-5). Стр. 266-286.

5) *Ф.Яковлева.* Апостолы. Вып. 2. Толкование Апокалипсиса. Явление величественной жены и змия красного (ст. 1-17). Стр. 234 -262.

ГЛАВА XIII. XVII

Толкование на XIII и XVII гл. Апокалипсиса в приложении к идолопоклонствующей Римской Империи и к антихристу

Прот. Опойченко

Под именем жены любодейцы в XVII гл. разумеется ни что иное, как древний Рим, или Римская Империя, в самый могущественнейший период которой благоволил воплотиться Сын Божий, ради нашего спасения, и через Апостолов пролил свет Своего Божественного учения на народы, сидевшие во мраке идолопоклонства и погибели. Мы не станем пускаться в сторонние изыскания доказательств, ибо наше мнение в той же самой XVII главе, утверждается Ангелом же, истолкователем Иоанну Божественного видения. *И прииде един от седми* Ангел, говорит Иоанн, *имущих седмь фиал, и глагола со мною, глаголя ми: прииди, да покажу ти суд любодейцы великия, седящия на водах многих, с нею же любодеяша цари земстии, и упишася живущии на земли от вина любодеяния ея* (ст. 1-2). *И жена, юже видел еси,* объясняет Ангел, *град есть великий, иже имать царство над цари земными* (ст. 18); *воды, яже видел еси, идеже любодейца седит, людие и народи суть, и племена и языцы* (ст. 15). Таков великий град, во времена Спасителевы и апостольские, и был именно Рим, покоривший и владычествовавший над многими царствами — Ассирийским, Мидийским, Вавилонским, Персидским, Македонским, Иудейским, Галльским и другими, из которых и образовалась обширнейшая и могущественнейшая Римская Империя, заключавшая в себе, поэтому, *многия воды,* т.е. различные народы, племена и языки. Словом «любодеяние» пророки большею частью

обозначали идолопоклонство, в подтверждение чего приведем один из многих пророческих примеров. Так, пророк Иезекииль выставляет иудеям следующую причину их бедствий: *и блужение твое сотворися тебе, егда блудила еси во след языков,* т.е. перенимала Иудея у язычников идолослужение и осквернилась в кумирах их (XXIII, 30). Ангел и открывает Иоанну суд Божий над Римской Империей, идолопоклонницей великой, *седящею на водах многих,* т.е. повелевающею многочисленными народами, с которой разделяли нечестие ее цари, и неистово терзавшею христиан.

За сим место видений переменяется. *И веде мя в пусто место духом,* говорит Иоанн, *и видех жену седящу на звери червлене, исполненем имен хульных, иже имеяше глав седмь и рогов десять* (ст. 3). В XIII главе читаем тождественное выражение: *и стах на песце морстем, и видех из моря зверя исходяща, имуща глав седмь, и рогов десять, и нарозех его венец десять, и на главах его имена хульна* (ст. 1). Зверь из моря виден был с прибрежья морского, а жена показалась в пустыне, как бы для означения, что всемирное великолепие, которое ее окружало, есть временное, ничтожное, имеющее вскоре оставить за собой одну пустоту. Она сидела на звере красном, или обагренном кровию невинных жертв, исполненном имен хульных. Кто же этот зверь? В этом отвратительном и вместе ужасном олицетворении представляется нам изображение одного из величайших зол, которое терзало Церковь Христову, тяготело над человечеством — это идолопоклонство и, преимущественно, идолопоклонство римлян, и потому олицетворение обрисовывается чертами, которые относятся прямо к Римской Империи. В мнении своем мы нисколько не ошибаемся, ибо слово зверь — употреблялось пророками для означения великих и сильных государств. Так, в пророчестве Даниила зверями названы четыре великие государства: *сии звери велицыи четыре,* истолковал Ангел Даниилу, *четыре царства возстанут на земли.* (Дан. VII, 17). Воды рек или моря означали, как выше сказано, народов, более или менее многочисленных; посему под словами: *зверя из моря исходяща,* и должно разуметь государство, составившееся из многочисленных народов, и

именно, — Римскую Империю, потому что описание апокалипсического зверя сходствует во многих чертах с описанием четвертого зверя в пророчестве Даниила, под которым все объяснители пророчества понимали Римское владычество. *Зверь четвертый,* читаем у Даниила, *царство четвертое будет на земли, и поясг всю землю и поперет ю, и посечет* (ст. 23). Такое царство после трех царств: Вавилонского, Персидского и Македонского, и явилось Римское, или Римская Империя, которая попрала и посекла все известнейшие в те времена государства, расширив свои владения на огромнейшие пространства. Характеристические признаки зверя как у Даниила, так и в Апокалипсисе однообразны: зверь этот у Даниила *страшен и ужасен, и крепок излиха, зубы же его железни велии, ядый и истопчавая, останки же ногами своими попираше* (Дан. VII, 7). В Апокалипсисе он уподобляется барсу, зверю лютому, сильному, *червлену,* т.е. кровожадному, *уста имущему яко уста львовы, и нозе ему, яко медведи.* Таковы и были следы римлян, истоптавших и поглотивших многие царства и народы! Таковы и были следы римлян, исполненных хульных имен против Церкви Христовой, попиравших ее святыню, преследовавших и с страшным изуверством терзавших христиан.

Изображаемый зверь представлен о семи главах. Что же за главы? По объяснению Ангела Иоанну, *седмь глав горы суть седмь, идеже жена седит на них* (XVII, ст. 9). Рим, как известно, постепенно расширяясь, и занял седмь холмов, или гор, названия коих суть следующия: Капитолийская, Палатинская, Квиринальская, Латеранская, Авентинская, Виминальская и Эсквилинская. А из сего еще точнее удостоверяемся, что апокалипсическое пророчество под иносказательной формой зверя из моря именно указывало на блуждение, т. е. идолопоклонство Рима, или Римской Империи, проявлявшееся во всевозможных безобразных видах, изобретаемых исконным врагом рода человеческого — змием искусителем, который в противоположность семи дарам Духа Святаго, благодетельно изливающимся на души человеческие, имеет седмь глав, т.е. седмь главнейших нечистых сил и свойств, коими сам дышит и старается вдыхать их и людям.

Зверь име рогов десять и на розех его венец десять, и на главах его имена хульна.

Рог на языке Священного Писания означает власть, силу и высокое какое-нибудь преимущество, а вместе с тем, употребляется в речи, как знак надменности, высокомерия или злоупотребления силы и власти. Так, пророк Давид говорит *беззаконнующим: не беззаконнуйте, и согрешающих не возносите рога, не воздвизайте на высоту рога вашего* (Псал. XXIV, 5). Венец есть царское украшение. Из сего открывается, что десять рогов, украшенных десятью венцами, означали, как ясно и объяснил Ангел Иоанну в XVII главе, десять царей или императоров Римских, которые, с самого начала насаждения веры Христовой Апостолами, восставали один за другим и опутанные и преданные зверю, т.е. идолопоклонству, этому отродью змия — царя тьмы, заблуждения, произвели десять ужасных преследований и мучений на христиан, по слову Ангелову же: *даде ему,* т.е. зверю или идолопоклонству, *змий силу свою и престол свой и область великую* (XIII, 2. и XVII.13). Такими царями или императорами Римскими, по указанию истории, были следующие: 1) Нерон, свирепый враг Церкви Христовой, по повелению которого распят Апостол Петр и обезглавлен Апостол Павел. 2) Домициан, подвергавший истязаниям Апостола Иоанна Богослова и потом сославший его на остров Патмос, где и написан им Апокалипсис. 3) Траян, издавший повеление наказывать христиан, которые отрекутся приносить жертвы идолам. При нем распят св. Симеон, епископ Иерусалимский, и отдан на съедение львам св. Игнатий, епископ Антиохийский. 4) Адриан, умерщвлявший множество христиан. 5) Септимий Север, преследовавший христиан с неукротимой жестокостью. 6) Максимин, кровожадный злодей, проливший множество крови исповедников Христовых. 7) Деций, как ненавистное *животное,* приказывавший беспощадно умерщвлять всех христиан. 8) Валериан с таким же бешенством вооружался против Церкви Христовой и много пролил праведной крови. 9) Аврелиан, заботливо также издававший указы против христиан, и 10) Диоклитиан, которого гонение было жесточайшее из всех и продолжительнейшее.

И на главах зверя имена хульна. В продолжительный, почти трехвековой, период гонений на христиан, каких только хулений не произносил идолопоклонствующий Римский народ на имя и учение Христово, богослужение христиан, на их таинства, обряды, собрания, нравы и образ жизни! Все это было обезображено и искажено самыми нелепыми и гнусными выдумками, как видно из сочинений того времени: апологий мученика Иустина, Афинагора, Тертуллиана и других.

И жена бе облечена в порфиру и червленицу, и позлащена златом и камением драгим и бисером, имущи чашу злату в руце своей полну мерзости и скверн любодеяния ея. (XVII ст. 4).

Рим, как город, царствующий над государствами и народами, изображен здесь в виде женщины, облеченной в порфиру и багряницу, одежду с глубокой древности присвоенную царям. Победители римские во время своего триумфа, надевали на себя одежду, как бы царственную, испещренную пурпуром и золотом, да и все вообще государственные люди и жрецы носили самую богатую одежду, блиставшую золотом и дорогими обшивками. К этому способствовали те неисчислимые сокровища и драгоценности, кои беспощадно обирались римлянами с побежденных народов. Золотая чаша в руке женщины, наполненная мерзостями любодеяния ея, напоминает нам, какими обворожительными приманками обставлено было идолослужение Рима. Капища воздвигаемы были с великолепием и роскошными украшениями; внутри их постоянно дымилось курение благовоннейших и усладительных ароматов; идолы блистали золотом и драгоценными камнями; жрецы, пышно одетые, с цветочными венками на головах, величаво и торжественно вели жертвенных животных на жертвоприношение, убранных также цветами, при музыке и пении. Если прибавим к этому присутствие цезарей, сенаторов и других знаменитых римских лиц, являвшихся на идольские праздники в богатейших нарядах с блистательной и многолюдною свитою, посреди бесчисленного народа, разряженного также в праздничные

одежды и убранного цветами, то справедливо такие торжества можно уподобить золотой чаше, соблазнительной для глаз, с напитком, сладким для чувств, и отравленным мерзостью любодеяния или идолопоклонства. Римские идолослужебные праздники приманчивы были еще и тем, что сопровождались всенародными пиршествами, учреждаемыми в честь богов, на которых народ предавался всякого рода веселостям, играм и удовольствиям, тем с большим упоением, что все то одобрялось религией. На это собирались огромные суммы денег со всех римских провинций, а потому в определенное время стекалось в Рим множество народа, чтобы поесть и попить, посмотреть как искусно гладиаторы умерщвляют друг друга. Вот женщина с золотою чашею в руке, наполненной мерзостей, и скверн любодеяния ея!

И отверзе зверь уста своя в хуление к Богу, хулите имя Его, и селение Его, и живущия на небеси (XIII, 6).

Римляне,и особенно их властелины, в длинный период мучительства, показали себя ужасными нечестивцами во всеразличных родах богохульства. Они злословили Божество Иисуса Христа, Его имя и учение, отзываясь о Нем, как о человеке, в выражениях нелепых, нечестивых и богохульных, и потому считали христиан за безбожников и нечестивцев. На каждого христианина смотрели они, как на виновника во всех злодеяниях, врага императоров, законов, нравов, и обычаев, мятежника и злоумышленника. Из ночных собраний христиан, их постничества и изнурений заключали, что они обременены тяжкими преступлениями. Смотря на бедность и нищету христиан, римляне обращали то в вину Богу, ими чтимому, и с хулениями и насмешками отзывались о Нем; осмеивали надежды христиан на будущую жизнь и воскресение, а чудеса Иисуса Христа приписывали магии, или волшебству; равно, последователей Христовых и мучеников, производивших многочисленные знамения силы Божией и чудеса, называли волшебниками и чародеями. Готовность к страданиям и терпение мучеников признавали безумием; веру христиан в распятого Иисуса почитали за гибельное суеверие, предрассудок и изуверство, и потому требовали предавать христиан совершенному истреблению и изгладить самое имя их, посягающее на уничтожение

римской религии, господствовавшей во всеразличных безобразнейших видах. Этого мало, дух такого заблуждения довел их до крайнего ослепления и сумасбродства. Римские императоры, упоенные своим могуществом и величием, стали равнять себя со своими богами, требовали, чтобы курился фимиам их бюстам и клялись их именем; многие из них и обоготворялись всенародно после их смерти, и даже такие, которые не достойны были носить имя человеческое. Так, император Антонин, желая почтить благодетеля своего Адриана, воздвигнул ему храм, в котором установил обряды и жертвоприношения в честь его, как божества. И Антонину, по смерти его, определением римского сената, также построен был храм. Марк Аврелий выпросил у сената божеские почести жене своей Фавстине, прославившейся между тем развратной жизнью. Септимий Север, в сенате и пред народом, говорил похвальное слово Коммоду, бесчестному и низкому злодею, называя его богом. Некоторые из императоров присвоили себе титлы богов еще при жизни. Неистовый и зверообразный Калигула приказывал отнимать головы у статуй богов, вывезенных из Греции, и приставлять к ним головы от своих бюстов. Он построил храм во имя свое, как божества, и назначил жрецов для принесения ему самых изысканных жертв. Домициан доходил до такого безумия, что диктовал своим прокураторам свои приказы так: «господь и бог ваш повелевает следующее» и т. д. Потом установлено было, чтобы никто ни письменно, ни словесно не смел называть его иначе, как только богом. Максимиан, один из жесточайших врагов христианства бесстыдно выдавал себя за сына бога Марса. Вот Вавилон великий, мати любодейцам и мерзостям земным. (XVII, ст. 5).

И дано бысть зверю брань творити со святыми, и победити я: и дана бысть ему область на всяком колене людей, и на языцех и племенех. (XIII, ст. 7). *И видех жену пияну кровми святых и кровми свидетелей Иисусовых и дивихся, видев ю, дивом великим* (XVII, ст. 6).

Богу угодно было попустить врагу рода человеческого, испытать терпение последователей Христовых, подобно тому, как древле дозволено было ему устремить вражьи свои стрелы

против праведного Иова. И вот, по его злобным внушениям, идолопоклонствующие Римляне начали вести ожесточенную войну против исповедников Христовых, во всех своих Римских провинциях, на всяком колене людей, и на языцах и племенах, и кровь бесчисленных святых страдальцев полилась страшными потоками, напояя собою идолопоклонствующую землю. История и акты мученичества свидетельствуют, что нигде не пролито столько крови, нигде не было такого ожесточения и зверства против исповедников Христовых, как в пределах владычества Рима; нигде ум человеческий не напрягался в изобретении разного рода мучений, как у римского народа. Копье, меч, стрелы почитались за обыкновенные орудия смерти; всесветные мучители выдумали железные когти для строгания тела; содержали собак и львов нарочно голодными, чтобы свирепее кидались растерзывать осужденных христиан; топили их в воде, жгли огнем в разных видах, водили по телу их раскаленными железными полосами, сажали страдальцев на железные стулья, под которыми разводили медленный огонь, залечивая раны мучеников, чтобы потом опять их мучить. Точно, любодейная жена, или идолопоклонствующие римляне упивались кровью святых мучеников в продолжение трех веков. История тщательно, до мельчайших подробностей, сохранила память всех происходивших в то время ужасов. Читая их повествования, поражаешься ужасом и изумлением! Сам св. писатель Апокалипсиса приведен был в великое изумление, видя в иносказательном явлении столь яростное гонение, пролитие крови и убийство святых свидетелей Христовых, замученных злочестивым Римом: *и дивихся*, говорит он, *видех ю, дивом великим.*

И чудися вся земля во след зверя, и поклонишася зверю, глаголюще: кто подобен зверю, и кто может ратоватися с ним? И поклонятся ему вси живущия на земли, им же не написана суть имена в книгах животных Агнца, заколеннаго от сложения мира (XIII.14, 8).

Предавая с такою злобою ужасающим истязаниям христиан, идолопоклонствующие римляне приписывали пролитие крови их мщению своих богов, и тем с большим ослеплением повергались пред их кумирами, признавая, что

сила и могущество римское от них происходит. А потому имена мучителей и всего населения Римской Империи, оставшихся в грубом нечестии, исключались из книги жизни и обрекались на вечное осуждение.

Зверь, егоже видел еси, бе, и несть, и имать взыти от бездны, и в пагубу пойдет, и удивятся живущии на земли, имже имена не написана суть в книгу животну от сложения мира, видяще, яко зверь бе, и несть, и преста. (XVII. 8. 9).

В приведенных словах заключается двоякий смысл: в них заключается объяснение того, что было, есть и будет в отношении к зверю. *Зверь бе.* До пришествия Христова зверь, или враг человеческий господствовал почти во всех концах поднебесной, обожаемый в разных видах заблуждения и олицетворяемый в идолах. Когда явился на землю Сын Божий, тогда нанесен был сокрушительный удар идолопоклонству или владычеству нечистого духа. Иисус Христос изгонял бесов из бесноватых, показывая тем, что враг человеческий обессилен и низложен; идолопоклонство — преодолеваемое силою и благодатию Христовою, упадало и, наконец, упало до крайнего бессилия, и как бы уничтожено: *и несть.* Но, по неисповедимому изволению Божию, настанет время пред вторым пришествием Сына Божия, когда попущено будет противнику Божию выступить из бездны для обольщения людей. Власть его будет ужасная, и тем ужаснее, что будет последнею и непродолжительною. Она кончится совершенным поражением господствующего злого духа, со всеми обольщенными отступниками от истинной веры, и вечным низвержением в бездну.

Во втором смысле, принимая во внимание стих 3 XIII главы: *и видех едину от глав его, яко заколену в смерть, и язва смерти его исцеле,* мы видим в пророчестве указание на успехи благовествования Апостолов, которые, обращая язычников к вере Христовой наносили первоначальные смертельные удары многобожию римлян. Эти смертельные удары казались римлянам исцеленными, когда Нерон и другие гонители христиан явно хвалились, что они истребили христиан, или как бы исцелили пораженную одну голову многобожия. Пророчество не менее того указывало и на поражение головы многобожия благочестивым Императором

Константином, который при повсеместном распространении Церкви Христовой, объявил ее господствующей в своей Империи. После чего Император Юлиан, как злой дух, вышедший из бездны, восстановил язычество во всей убийственной его силе и тем как бы оживил пораженную голову многобожия. Римляне с восторгом смотрели, как Юлиан восстанавливал сокрушенных Константином идолов не щадя сокровищ на их украшения и на идолопоклоннические жертвоприношения. Но владычество его было кратковременно; он, после двухлетнего царствования, в сражении пронзен был стрелой и с бесчестием отошел в пагубу.

Иже аще в пленение ведет, в пленение пойдет; аще кто оружием убиет, подобает ему оружием убиену быти. Зде есть терпение и вера святых. XIII, 10.

И десять рогов яже видел еси на звери, сии любодейцу возненавидят, и запустевшу сотворят ю, и нагу и плоть ея снедят, и сожгут ю огнем. XVII, 16.

Мера долготерпения Божия, дававшая определенное время на вразумление язычникам, истощилась; громы небесного правосудия и отмщения начали греметь над кровожадною и идолопоклонствующею Римскою Империею и поражать гонителей неповинных христиан, сперва частно, а затем и всеобще. В первом случае ясно говорится, что те гонители, которые осудят неповинных христиан на заключение в темницы, на сослание в ссылку, сами получат подобное возмездие, равно как и те, которые делают кровавые приговоры умерщвлять христиан мечом, сами от меча погибнут. Так действительно, вскоре после сего пророчества, свирепый Домициан император, убийца многочисленных христианских мучеников, сам умерщвлен был в своем же дворце, а такой же кровожадный Юлиан на войне пронзен стрелою. Предсказывая погибель гонителей, Тайновидец Иоанн обращается к гонимым и советует им, чтобы они, в бедствиях своих укреплялись терпением и верою, что им готовится награда небесная, а их мучителям праведные и достойные казни. Во втором случае предсказывалось всеобщее падение идолопоклонствующей Римской Империи от десяти варварских царств, или народов, которые, по определению Божию, имели восстать против нее, сжечь

огнем, т. е. войнами, и стереть с лица земли. Эти народы были: Готфы, Вандалы, Аланы, Свевы, Бургунды, Франки, Англо-Саксы, Гепиды, Гунны и Герулы. Мы не станем распространяться здесь в исторических подробностях относительно разрушения упомянутыми народами Римской Империи, а ограничимся кратким указанием на это событие, предсказанное пророчеством.

Могущественная, непобедимая и величественная Римская Империя, восторжествовавшая над многими сильными царствами, трепетавшими пред нею, в начале V столетия, а именно, с царствования Императора Гонория, — с 409 года по Рождестве Христове, вдруг изменилась, и в короткий срок падает под ударами кочующих соседственных народов и становится их добычею. С этого, предопределенного Богом, рокового времени мужество римлян исчезает, военное искусство теряется, и не станет более умных и храбрых полководцев; полчища варваров одни за другими, как потоки бурных вод, прорвавшие оплоты, внезапно и почти одновременно нахлынули со всех сторон на Римскую Империю. В Галлию и Испанию ворвались с севера дикие толпы разных Германских народов под именем Вандалов, Аланов, Свевов, Бургундов и Франков, беспрепятственно овладели сими обширными Римскими областями, и там поселились. С востока полчища Готфов, под предводительством храброго вождя своего Аларика, стали громить Римскую Империю. Мы здесь не упоминаем о других народах разных племен, которые более или менее способствовали разрушению Римского могущества, а указываем только на главных, и то, с той точки зрения, с которой обозреваем их движения и действия, предсказанные пророчеством. Итак, Готфы, начав с Греции и Пелопонеса, направились в самое сердце Римской Империи — в Италию (408 г.), всюду по пути разоряя и опустошая города и села. Достойно замечания, что Готфы, разоряя города и села, нападали особенно на идольские капища, разрушая их до основания, как будто целью их было преимущественно ниспровержение язычества. С ужасом увидели жители Италии вторжение к ним диких и свирепых пришельцев и одни из них без всякого сопротивления падали под их ударами, а другие спасались бегством;

сам малодушный Император Гонорий готовился спасаться на море. Впрочем, на сей раз Аларик был отражен Стиликоном, министром Гонория, — единственным только оставшимся военачальником Римским. Но не надолго успокоилась Италия. По следам Аларика, удалившегося в Иллирию, более 200 тысяч Готфов, с вождем их Радагайсом, вошли в Италию, предавая на пути своем все огню и мечу. Упоминаем об этом обстоятельстве потому, что оно подало повод еще высказаться закоренелому язычеству Римлян. Когда Радагайс приближался к Риму, то Римляне идолопоклонники, вместо того, чтобы одуматься, прочувствовать гнев Бога, карающего их за пролитие христианской крови, изъявили безумную радость. Они мечтали, что боги их прислали им избавителя, который восстановит идольские их капища и идолослужение, и стали с большим неистовством хулить имя Иисуса Христа и Его Св. Церковь. Но они ошиблись. Радагайс менее щадил язычников, чем христиан, хотя и сам был язычник. Вот пятый Ангел, изливающий чашу гнева Божия на престол зверя, от которой помрачилось его царство. Поклонники зверя бедствовали, страдали *и хулиша Бога небеснаго от болезни и от язв своих, и не покаяшася от дел своих* (Апок. XVI. 10,11). Вслед за тем Аларик с новыми полчищами вторично двинулся на Италию, осадил Рим (410 г.), овладел им и отдал на разграбление своему войску. Убийства, грабежи, пожары и пытки представляли ужасную картину; не было пощады ни полу, ни возрасту, улицы наполнились трупами; кровь лилась ручьями; хищные воины проникали в самые потайные места, отыскивая сокровищ. Много пожжено великолепных зданий и разрушено памятников многобожия; но замечательно, что Аларик, сам едва не язычник, позволяя своим воинам разрушать идольские капища и идолов, строго запретил касаться гробниц мучеников и церквей христианских. Поражение Римлян тем однако не кончилось. Спустя 45 лет, в Италию вторгся Вандальский царь Гензерик (455 г.), и ужасы, не сравнимые с прежними, повторились в Риме. Все, что уцелело от Готфов, разрушалось и обезображивалось Вандалами; дети, старики, женщины умерщвлялись как бы для потехи, а молодые люди отводились в рабство, и город обратился в пустыню и в

огромное кладбище. Но последний час еще не наступил. Через 21 год после сего — в 476 году — Одоакр, полководец Римских наемных войск, состоявших исключительно из Германских племен, видя, что Римская Империя совершенно обессилена и падает, убедил свою армию воспользоваться сим обстоятельством и из наемников сделаться хозяевами. Армия приняла предложение Одоакра, двинулась под его предводительством в Италию, без особенного труда овладела ею, и Одоакр провозглашен был королем ее. Вскоре после смерти Одоакра, Италия окончательно распалась, и из нее образовалось несколько мелких государств. Так, предсказанием Ангела пал великий царственный град Рим, по своему идолопоклонству и идольским мерзостям уподобленный древнему развращенному Вавилону, и его именем названый: *и паде, паде Вавилон, град великий, яко от вина ярости любодеяния своего напои вся языки, и царии земстии с нею любы деяша, и купцы земстии от богатства сластей его разбогатеша.* (XVIII, 1-3).

И видех иного зверя восходящаго от земли, и имеяше рога два, подобна агнчим, и глаголаше яко змий (XIII, 11).

Тайновидец Иоанн, описывая бедствие Церкви Христовой от идолопоклонствующей Римской Империи, переносится духом к последним временам мира, и указывает на подобные же ужасы, имеющие произойти пред вторым пришествием Иисуса Христа. И тогда явится антихрист, имеющий родиться в среде людей развращенных, о двух рогах, что означает две отличительные характеристические черты его свойства. С виду от будет выражать высокость сана и власть, как бы царственную, прикрытую кротостью и невинностью, а действия его будут полны коварства и лести для уловления в свои сети последователей Христовых, — это, по слову Спасителя, кровожадность волка, прикрывающегося овечьей кожей (Мф. VII, 15).

И власть перваго зверя всю творяше пред ним. И творяше землю и вся живущия на ней поклонитися первому зверю, емуже исцелена бысть язва смертная (ст. 12). Антихрист примет силу свою и власть от змия — исконного противника Божия и врага человеческого, и под его влиянием дерзнет богохульствовать против Господа Иисуса Христа, Его учения и святыни, распространять гибельные мнения и верования, станет преследовать, угнетать и умерщвлять верных сынов Церкви Христовой. и все такие действия сатанинские будет выдавать за божеские и требовать себе поклонения, как Богу.

И сотвори чудеса велика, да и огнь сотворит сходити с небесе на землю пред человеки. И льстит живущия на земли, ради знамений, яже дана быша ему пред зверем творити: глаголя живущим на земли, сотворити образ зверю, иже имать язву оружную, и жив бысть (ст. 13-14).

Для успешного обольщения и привлечения к себе людей антихрист, в числе разных средств будет иметь возможность творить чудеса, но чудеса не истинные, не Божией силой и могуществом творимые, а по слову Апостола Павла, искусственные, ложные, являемые силою нечистых духов, подобные тем, какие в древности, подражая Моисею, мудрецы Египетские делали перед Фараоном, а во времена апостольские — Симон волхв. Нечто вроде чудес и в наше время случается видеть — это именно проделки хитрости и обмана так называемых фокусников (2 Сол. 11,9. Исх. VII, 11, 12). К этому он присоединит новое поклонение изображению зверя или злобного духа.

И дано бысть ему дати дух образу зверину, да проглаголет икона зверина, и сотворит, да иже аще не поклонятся образу звериному, убиени будут (ст. 15).

Римляне более, нежели другой какой народ, пристрастны были к разным родам прорицаний и потому, при важнейших каких-либо предприятиях своих, они прибегали к капищам для вопрошения чтимых ими идолов о будущности. Нечистые духи, обитавшие в идолах, вдохновляя жрецов, устами их вещали благоприятный или неудачный исход предприятий. Дабы же придать тому веру, силу и значение, жрецы усаживались при идолах в самых скрытых местах, недоступных постороннему глазу, и потому не удивительно, что преданный идолопоклонству римский народ слепо верил, что в идолах или изображениях богов присутствует самое божество. Император Диоклитиан, замыслив истребление христиан, послал узнать, что на это скажут боги, и получил удовлетворительный ответ. Не есть ли это, по выражению

Тайновидца Иоанна, прорицания идолов или икон, т. е. изображений звериных? А что точно, идольские предсказания происходили от нечистых духов, то мы знаем из многих актов мучеников, которые, будучи приводимы иногда в капища богов, нередко одним именем Иисуса Христа заставляли прорицалища умолкать, а иногда принуждали ложных богов сознаваться, что они — нечистые духи. Священное Писание свидетельствует во многих местах, что нечистые духи говорили через прорицателей, что видно, например, из 2-й книги Царств, гл. XXII, 19-22. Спаситель многих нечистых духов изгонял из людей, так же Апостол Павел изгнал прорицательного духа из одной женщины (Деян XIV, 16-19). Несмотря на неоднократные такие случаи римляне не разочаровывались в своих идолах, а, приписывая все такие чудеса христиан их чародейству, бесчеловечно умерщвляли всех, которые отрекались поклонятся идольским изваяниям или образу звериному. Подобные же прорицания духа тьмы, к числу прочих губительных мер для поклонников Христовых присоединит и антихрист в появление свое перед кончиною мира.

И сотворит вся малыя и великия, богатыя и убогия, свободныя и работныя, да даст им начертание на десней руце их или на челе их, да никто же возможет ни купити, ни продати, токмо кто имать начертание, или имя зверя, или число имене его (16-17).

Римляне — гонители Церкви Христовой, для отличения своих собратьев, — идолопоклонников от христиан, прибегали к следующим хитростным средствам: кто принесет жертвы богам, клянется их именами, или именем цезаря или кто свободно и охотно произнесет хулу на имя Христово, тот их единомышленник и сослуживец, а кто не показывал тех знаков, тот очевидно был христианин. В ужасное то время, для розыска и дознания христиан, принуждали всех и каждого приносить жертвы идолам не только в капищах, но и в судебных местах, где поставлялись жертвенники, на которых просители обязывались наперед приносить жертвы, а потом уже изъявлять свои просьбы. Поэтому доступ христиан к судьям был невозможен, ибо не принести идольской жертвы значило обнаружить свою веру и не только

лишиться успехов в своем деле, но идти прямо на мучение и смерть. В царствование Юлиана, христианство стеснено было до невообразимой степени. Хотя кровь и не лилась явно и гласно, но для искоренения христианства приняты были меры не менее убийственные. Христиане исключены были из всяких гражданских и военных должностей и чинов, храмы их были разрушаемы, книги сожигаемы, священнослужители разогнаны, — и христианам воспрещалось учиться грамоте. А чтобы стеснить их в продаже и покупке, то везде на площадях и рынках расставляемы были идолы и другие знаки идолопоклонства, и все товары окроплялись идоложертвенной водой; даже в колодцы и ручьи бросались куски мяса животных, заколотых в жертву идолам. В царствование благочестивого Константина, военные знамена украшались крестом Христовым. Напротив, Юлиан приказал на знаменах изобразить себя, окруженного Юпитером, Марсом и Меркурием. Такому знамени все воины, при получении наград, должны были курить фимиам и поклоняться. И это делалось для уловления воинов из христиан. В противоположность закону Христову, и антихрист, — враг имени Христова, вздумает налагать знак сатанин на челе, или правой руке каждого поклонника зверя для того, чтобы удобнее подвергать последователей Христовых всем лишениям и бедствиям, а одни только нечестивцы могли бы свободно пользоваться всеми удобствами и выгодами жизни.

Хотя Тайновидец заключает XIII главу словами: *зде мудрость есть: иже имать ум, да почтет число зверино: число бо человеческо есть, и число его шестьсот шестьдесят шесть,* но не только для нашего слабейшего ума это число звериное остается необъяснимым, а оно, и при всех утонченнейших изыскниях и усилиях просвещеннейших мужей, оставалось пророческой тайною. По словам св. Иоанна, таинственное число может и должно быть постигнуто, только не преподала ли премудрость Божия сим способом узнать пред кончиною мира появление сына погибельного — антихриста по имени, подходящем под число звериное? (Беседы к совратившимся в молоканскую и скопческую секты. Симферополь. 1879 г. стр. 63-82).

Толкование на XIII и XVII гл. в приложении к антихристу (XIII, 1-12; XVII, 8-14)

П. Орлова

Некоторые намеки на антихриста, и притом личного, можно находить в Апокалипсисе св. Иоанна Богослова. Эти намеки настолько таинственны и прикровенны, что составленное на основании их только учение об антихристе может легко страдать сильными погрешностями; во всяком случае, такое учение не может иметь характера положительности и несомненности: оно не может быть гарантировано от чисто субъективного и произвольного понимания дела. И в Православной Церкви всегда существовало и существует убеждение, что на основании прикровенных апокалипсических сказаний можно составлять только частное мнение, а никак не положительное учение о чем-либо. Поэтому в наших системах догматического богословия апокалипсические сказания никогда не служат доказательством личности антихриста. Так действительно и должно быть: для человеческого ограниченного разума очень трудно проникнуть в сокровенные тайны Апокалипсиса. Этой трудностью понимания Апокалипсиса объясняется и то, что на основании апокалипсических мест, составлено очень много разнообразных мнений об антихристе. Таких мнений де-Ветте и Эбрард насчитывают до семидесяти пяти. Ввиду таких трудностей понимания апокалипсических мест, относящихся к нашему предмету, они не могут служить для нас оружием против направляемых на эти места возражений со стороны протестантов. Поэтому, не вдаваясь в полемику с противниками нашего мнения об антихристе, мы ограничимся только кратким объяснением, основанном на толковании отцов и учителей Церкви, относящихся к нашему предмету мест Апокалипсиса. Эти места суть: XIII, 1-12; XVII, 8-14; XIX, 2.

Тайнозритель Иоанн *видит выходящаго из моря зверя с 7 головами и 10 рогами... на головах его имена богохульныя... и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть... и даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно... И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище*

Его и живущих на небе (XIII, 1,2,5,6). Это видение было разъяснено Иоанну Ангелом. *Зверь, котораго ты видел,* сказал ему Ангел, *был, и нет его, и выйдет из бездны и пойдет в погибель... Седмь голов суть седмь гор, на которых сидит жена... И зверь, который был, и котораго нет, есть восьмый, из числа седми (царей), и пойдет в погибель* (XVII, 8,9,11). Эти приведенные слова относили к антихристу некоторые отцы и учители Церкви. Так, Ириней, изображая будущее отступничество при антихристе, говорит: «когда антихрист придет, то по своему желанию восстановит в себе самом богоотступничество... Пришествие его, продолжает этот отец Церкви, Иоанн в Откровении так изобразил: и зверь, которого я видел, был подобен барсу и т. д... приводятся слова XIII гл. Апокалипсиса. В другом месте Ириней, приводя слова Тайнозрителя о победителе десяти царей (XVII, 12-14), говорит; «итак, очевидно, что имеющий придти (по связи речи разумеется антихрист) трех из них (10 царей) умертвит, а остальных подчинит своей власти, и он будет восьмым между ними; и они опустошат Вавилон и сожгут его огнем и предадут свое царство зверю и будут гнать Церковь, а потом будут сокрушены пришествием Господа нашего». Св. Ефрем Сирин, изображая, как он выражается, «бесстыдство змия, который, как тать, придет в свое время, с намерением украсть, закласть и погубить избранное стадо истинного пастыря», приводит те черты, которыми изображается апокалипсический зверь. Пользуясь этими отеческими свидетельствами, мы можем сделать несколько следующих заметок по поводу видения Иоанна Богослова.

В Откровении Иоанна говорится о трех различных зверях: о звере из моря (XIII, 1 и сл.), о звере из земли (XIII, 11 и сл.) и о звере из бездны (XI, 7. XVII, 8 и сл.). Если мы сравним XVII, 3 и 8 с гл. XIII, 1-2, то сходство в описании (как здесь, так и там зверю приписываются «имена богохульные», семь голов и 10 рогов) и явное отношение одной главы к другой (Ангел в XVII гл. 8 ст. говорит Тайнозрителю: *зверь, котораго ты видел, был, и нет его...*) заставляют считать зверя из моря и зверя из бездны за одного зверя. О *звере из моря* говорится: *вот я увидел выходящаго из моря зверя с 7 головами и 10 рогами... Он был подобен барсу,*

ноги у него, как у льва, и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть (XIII, 1-2). Это видение само собою напоминает видение Даниила о четырех животных, выходящих из моря (гл. 7). Если там под этим образом изображаются четыре мировые царства, которые будут существовать на земле (7, 17), то по сходству видений, можно допустить, что в видении Иоанна под образом одного зверя из моря изображается вообще мирская, враждебно настроенная против Бога и Его царства, сила. Теперь спрашивается, что же означают головы этого зверя? Ответом на этот вопрос служит откр. 17, 19: *седмь голов суть седмь гор, на которых жена, и седмь царей.* Таким образом, головы означают носителей мирской власти, враждебно настроенных против Бога. Таким представителем мирского могущества будет и зверь, который был и которого нет, т. е. зверь из бездны. «Всякое мирское могущество, говорит Ринк, воплощается в одном царе и главе; так Навуходоносор есть воплощение вавилонского царства (Дан. 2, 32); Александр Македонский — греческого царства. Уже из этого ясно, что и «восьмой царь», или зверь из бездны будет личным представителем последнего противохристианского царства».

Апокалипсический зверь из бездны, называемый «восьмым», несмотря на свое близкое отношение к четырехсоставному зверю из моря, в то же время имеет некоторое отличие от него. Выйдя из среды семи голов (или царей), зверя из моря (Апок. 17, 10, 11), он в то же время будет зверем из бездны, т. е. будет иметь связь с царством тьмы, с тайниками демонических сил пагубы (Апок. 17, 8; 9, 11; 11, 7). Будучи последним представителем мирского антихристианского царства, он в то же время будет зависеть от диавола, и в нем боговраждебность его — 17, 3 (знак кровожадности). Все эти черты, приписываемые Тайнозрителем зверю из бездны, не напоминают ли нам *человека греха,* который представляется Апостолом Павлом главою отступления, и о котором говорится, что *пришествие его по действию сатаны* (2 Сол. 2, 9)?! Заметим при этом, что оба Апостола, Павел и Иоанн, говорят о поражении (απωλια) антихриста совершенно согласно между собою. Как по предсказанию Апостола Павла, торжество антихриста будет

коротко, и суд постигнет его скоро (2 Сол. 2, 3, 8), так и св. Иоанн, едва только сказал о новом появлении зверя, как прибавляет уже, что он *пойдет в погибель* (17, 8, 11). Такое сходство между «человеком греха» и «зверем из бездны» приводит нас к той мысли, что последний есть так же отдельный индивидуум. Далее, к тому же выводу можно придти, если взять во внимание отношение рассматриваемого нами видения Иоанна к видению пророка Даниила о малом роге (VII, 8) и о наглом и коварном царе (VIII, 23). Если там под образом «малого рога» изображается антихрист, а под образом «коварного царя» — Антиох Епифан, историческая личность, то здесь изображаемый под образом «зверя из бездны» антихрист, по аналогии, так же должен быть личностью. «Фигура Антиоха Епифана, замечает Ауберлен, без сомнения, предносилась в мысли Иоанна каждый раз, как он слышал об антихристе, подобно тому, как она предносилась в мысли Апостола Павла, когда он писал свое второе послание к Солунянам. Вот в этом-то смысле и сказано: *«зверь был, нет его и явится»*. Вообще, «восьмый царь» есть одна и та же личность с «малым рогом», или с «наглым и коварным царем» у Даниила (VII, 8; VIII, 23). Одаренный полной властью дракона, воспламененный своим бешенством против Бога, он будет последним и страшным противником святых перед наступлением славного царства Христова. Итак, если признавать «зверя из бездны» за антихриста, а признавать его побуждают, как мы видели, свидетельства некоторых отцов и учителей Церкви и контекст речи; то необходимо допустить так же, что он есть отдельный человек, конкрет, индивидуум, отдельная личность, и именно одаренная большою силою и властью, которая соединит в себе все свойства мирского боговраждебного могущества, существовавшие прежде нее. Это, так сказать, заключительное пророчество св. Иоанна, несмотря на свою таинственность, приводит нас к тому заключению, что он есть личность.

К какой области будет принадлежать антихрист, к религиозной или политической, вот вопрос, прежде всего возникающий у нас при рассмотрении свойств и деятельности антихриста. Решение этого вопроса потому особенно

необходимо, что существуют разногласия касательно этого пункта. Так, защитники коллективного понимания антихриста почти все видят в нем исключительно религиозную силу. Действительно, если иметь в виду только известное место из послания ап. Павла к Солунянам, то, пожалуй, можно признать в антихристе только религиозного деятеля. Апостол называет его «человеком греха», «беззаконником», «сыном погибели», «противником Христу», изображает его как волхва, одним словом, изображает его такими чертами, по которым должно отнести антихриста к религиозной сфере. Но если взять во внимание пророчество Даниила и видение Тайнозрителя Иоанна, то считать антихриста только религиозным деятелем будет ошибочно. Связь же между этими пророчествами, как мы уже нашли, несомненна. Обращаясь к видению прор. Даниила (7 гл.), мы видим, что описанные там звери означают четыре мирских царства, которые восстанут от земли, как это объяснено у самого же Даниила (7, 17), и как можно выводить из сопоставления четырех зверей пророком со сном Навуходоносора об одном огромном четырехсоставном теле (2, 31-44). Но пророк Даниил особенно останавливается на изображении четвертого зверя, страшного и притом ненасытимого, жадного. Виденный зверь представился пророку с 10 рогами, среди которых вскоре появился еще рог малый, но сильный, потому что с возникновением его тотчас исчезли три рога из числа десяти, явившихся прежде него. При таком видении пророку открыто было, что под рогом малым, явившимся на главе зверя, символически изображен некоторый царь, который по своем явлении низложит десять царей, обозначенных 10 рогами, и оснует такое царство, *иже превзойдет все царства и пояст всю землю и покорит ю и посечет* (Дан. VII, 7-8, 22-24). Конечно, это видение пророка, как мы уже имели случай заметить, ближайшим образом относится к сирийскому царю Антиоху Епифану. Но мы знаем, что Антиох Епифан считается прообразом антихриста. Если же так, то мы смело можем утверждать, что прототип этого царя — антихрист так же будет мирским повелителем. «По образу Антиоха Епифана мы, справедливо замечает Ринк, необходимо

должны ожидать личного антихриста, который будет *мирским повелителем*».

В Апокалипсисе Св. Иоанна Богослова четыре мировые монархии, изображенные прор. Даниилом под образом 4 зверей, объединяются и представляются под образом одного четырех-составного зверя, выходящего из моря (VIII, 1 и сл.). «Апокалипсический зверь, говорит Ауберлен, представляет собой земные царства в их совокупности, тогда как Даниил видел их порознь. Он изображает собою земные царства не в отдельности их друг от друга и не в том или другом периоде их развития, но как одно и то же царство мира, враждебное Царству Божию». Обращаясь к частностям в изображении апокалипсического зверя, мы замечаем в нем семь голов, на которых имена богохульные, и десять рогов, украшенных десятью диадемами. Что означают эти рога и головы? По свидетельству самого же Апокалипсиса (XVII, 9-12), как головы, так и рога суть ложные цари и незаконно захваченные ими царства. Зверь же или антихрист есть «восьмой» из числа семи царей, и пойдет в погибель. Таким образом, если верно мнение, что под зверем из моря, который называется «восьмым царем», нужно разуметь антихриста, то безошибочно будет считать последнего, если не царем в полном значении этого слова, то во всяком случае мирским владетелем. Не только название этого зверя царем, но и самое действие, приписываемое ему, не дает права сомневаться в этом. Право запрета купли и продажи всякому не имеющему начертания зверя (XVII, 17), даже право убивать не поклоняющихся зверю или образу его (15 ст.), может ли принадлежать человеку, не занимающему высшего правительственного поста, хотя бы обаятельно действующему на умы и сердца народа?! Все это заставляет видеть в антихристе прежде всего политического деятеля, имеющего право издавать законы и различные постановления. Эта наша мысль не стоит одиноко, но имеет в пользу свою сильное подтверждение в лице таких авторитетных мужей, как отцы и учители древней Церкви. Св. Ириней, объясняя известное нам место из Апокалипсиса (XVII, 12-14), замечает: «очевидно, что оный (антихрист) имеющий придти (при кончине мира) трех из них (десяти царей) умертвит, а

11 Зак. 445

остальных подчинит своей власти и он будет восьмой между ними... и они будут гнать Церковь, а потом будут сокрушены пришествием Господа нашего». Св. Кирилл Иерусалимский говорит: «придет предсказанный антихрист тогда, когда окончатся времена римского царства и приблизится скончание мира. Восстанут все десять царей и в различных, может быть, местах, но в одно и то же время царствовать будут. После них одиннадцатый восстанет антихрист и восхитит власть над римским царством посредством злого волшебного искусства. Трех из них, которые воцарятся прежде него, он низвергнет, семь остальных имея в своей власти». Хотя этот отец и допускает неточность, называя 11, между тем как он считается в Апокалипсисе восьмым царем, однако, несомненно то, что он считает его царем, что и важно для нас в данном случае. Св. Ефрем Сирин, изображая хитрость и месть антихриста, прямо называет его царем. «Когда, говорит он, многие сословия увидят добродетели и силы отступника, все возымеют одну мысль и провозгласят его царем. И скоро утвердится царство его, и в гневе поразит он трех великих царей. Потом вознесется сердцем и изрыгнет горечь свою этот змей, смятет вселенную, подвигнет концы ея, всех притеснит»... Изображаемая здесь деятельность антихриста относится не к религиозной или духовной сфере, но ко внешней или политической.

Признавая в антихристе политического деятеля, мы вовсе не устраняем и религиозную его деятельность; напротив того, мы должны сознаться, что антихрист будет не столько политическим деятелем, сколько религиозным. Его политическая сфера будет служить для него лучшею и удобною почвой для проведения его духовных целей и для выполнения его сатанинских планов (Прав. Обозр. 1889 г. Май — Июнь, стр. 231-235. Июль — Август, стр. 412-415).

О том же, *Н. Виноградова*

Сходство четырехсоставного апокалипсического зверя с видением пророка Данилла (7. гл.). Зверь из моря и зверь из бездны, или антихристианство и антихрист (XIII, 1-2, XVII, 8, 11). Что касается сходства четырехсоставного апокалипсического зверя с предметом пророческого видения

у Даниила в 7-й главе его пророчеств, то его нельзя приметить даже с первого взгляда. Даниил, по изображению означенной главы его пророчеств, в видении созерцает четырех зверей: 1-й подобен льву, а крылья у него орлиные; 2-й похож на медведя с 3-мя долгими клыками между своими зубами; 3-й как барс, с 4-мя головами и с 4-мя на спине крыльями, подобно птице; 4-й несхожий ни с каким известным зверем, — он страшен и ужасен, а также весьма силен: большие железные зубы во рту у него и десять рогов на голове его (Дан. 7, 1-7). Зверь из моря апокалипсический есть, так сказать, совокупность тех 4-х зверей пр. Даниила. От барса он имеет тело, от медведя ноги, от льва пасть, от четвертого страшного зверя Даниилова 10 рогов, которые, как разветвления, представляют развитие земной, мирской власти и силы, олицетворяемой, соответственно восточному символическому образу мыслей, в звере ветхозаветного пророка Даниила и звере новозаветного пророка Иоанна.

Четыре зверя, как видно из объяснения самого же пророка Даниила (Дан. 7; 17) и как можно выводить из сопоставления видения этих зверей пророком со сном Навуходоносора об одном огромном четырехсоставном теле (2 гл.), означают четыре царства: Вавилонское, Мидо-персидское, Греческое и Римское с Славяно-Германскими разветвлениями. Указания на эти же земные царства, поскольку они заявят свое противление Христу и Богу, следует усматривать и в четырехсоставном звере апокалипсическом; только с тем различием, что у пророка Даниила под 4-мя царствами уже ясно разумеются, согласно принятому издавна церковному толкованию четыре различные мировые монархии в четырехсоставном же звере Тайнозрителя Иоанна видится мировая, человеческая сила не в ее раздельности, но в ее совокупности, вообще с той стороны, с какой она явит себя враждебною Богу и Богоустановленным учреждениям, а потому необходимо поведет к воплощению себя в решительном богопротивнике — антихристе. Основная мысль или идея, которую Тайнозритель выражает единством четырехсоставного зверя та, что различные всемирные монархии, как скоро в них заметно дает себя чувствовать гнет недостойных пред-

ставителей, суть только проявления одного и того же противобожественного принципа. Намекая на единство этого принципа, св. Иоанн Богослов тесным составом частей зверя из моря и их взаимным отношением характеризует свойства исключительно мирской, земной силы. «Барс, говорит Мейер, напоминает лукавство и неверность, смелость и свирепость; твердые лапы медведя указывают на хладнокровие и осторожность, упорство и бесстыдство; пасть льва говорит о высокомерии и алчном властолюбии, а все в совокупности свидетельствует о коварстве и жестокости. Без сомнения, во всей полноте своей, этот образ может принадлежать только личному антихристу, но что из этого образа принадлежит древней или новой политике, это мы знаем из истории. Впрочем, всякий символ, например — символ льва, может иметь и обратную сторону, и история представляет нам немало народных или национальных правителей с большими нравственными достоинствами».

Останавливая главным образом внимание на свойствах мирской, земной силы, Тайнозритель Богослов как бы вскользь и сокращенно указывает на различных носителей и выразителей этой силы. Он говорит о *семи* головах и *десяти* рогах аллегорического зверя. Семь этих голов означают семь различных главных государств в мире, достигнувших уже такой степени земного могущества, что о них впоследствии Тайнозритель говорит (Апок. 17, 9) как о семи рогах. Пяти из этих государств уже не стало, по изъяснению самого Апокалипсиса, это именно Ассирии (Санхериб), Вавилона (Навуходоносор), Мидо-Персии (Кир), Македоно-Греции (Александр Македонский) и Сирии (Антиох Епифан). Остается видоизмененный Рим с Германо-Славянскими разветвлениями. Последние воспользовались наследием от древнего Рима, некоторое время сами проявляли мировую силу зверя, гнали Церковь Божию и вели войну с Агнцем, т. е. со Христом. Но потом Агнец победил их; они сделались христианами, и на месте языческих государств утвердилась система христианских государств. Это и значит, что голова зверя была смертельно ранена. Впрочем, седмеричное число голов апокалипсического зверя может иметь и таинственное священное значение. У апокалипсического зверя из моря

семь голов такие же и столько, как и у дракона или сатаны (12, 3), действующего позади из моря. Так как, по мировоззрению Иоанна Богослова, весь мир лежит во зле (ἐν πονηρῷ) (1 Иоан. 5, 19), во злом или лукавом, т. е. диаволе, насколько он — мир противополагается или удаляется от Бога, то понятно, что и позади представителей грубой мирской власти может действовать и действует дух злобы. Но этот дух, как дух, хотя и мрачный, старается отобразить седмеричное число духов Божиих в седмеричном числе голов аллегорического апокалипсического зверя из моря. Только злой дух при этом, как отец лжи, является не совсем себе верным и последовательным. Пытаясь отобразить седмеричное число духов Божиих (Апок. 1, 4; 4, 5; 5, 6), сатана семи головам аллегорического зверя дает уста, говорящие гордо и богохульно (на головах зверя имена хульна) и впоследствии седмеричное число переменяет на десятиричное, желая оспорить власть у Агнца, имеющего семь рогов (полнота силы). Десять рогов зверя из моря означают также представителей царской власти. Это видно, во-первых, из того, что рога рисуемого у Апокалиптика зверя имеют на себе десять венцов или диадим — символ царственного достоинства, а во-вторых, из прямого свидетельства Апокалипсиса, признающего в 10-ти рогах 10 царей, которые еще не получили царской власти, но примут ее со зверем, как цари, на один час. Замечательный упадок царского авторитета, сопровождающийся губительным действием попрания и разорения предмета своего владычества — вот черты десяти будущих царей Апокалипсиса, которые, несмотря на то, что будут иметь едину волю и одни мысли, передадут силу свою и власть зверю, который в Апокалипсисе называется «осьмым», по отношению к тем 7-ми царям, представителям власти 7-ми могущественных царств в мире, о которых была речь выше.

Зверь апокалипсический, именуемый осьмым и означающий собственно злейшего врага Бога и Богохранимого социального порядка, имеет близкое отношение к четырехсоставному зверю апокалипсическому: среди условий и обстоятельств, олицетворяемых этим аллегорическим зверем, он возникнет и разовьется. Вот поэтому-то и Апокалипсис

в конце речи о звере из моря говорит словами, имеющими отношение собственно к антихристу — последнему противнику Христа (Апок. 13, 5). (Обозначение времени деятельности антихриста). Тем не менее зверя, именуемого «восьмым», нужно отличать от зверя из моря. Этот зверь не из моря, но из бездны, имеет непосредственную связь с бездною, т. е. тайниками демонических сил пагубы (17, 8; 11, 7; 9, 11). Он зверь багряный (17, 3), в знак расположенности его к крови, преследованиям и козням; имена богопротивные, украшавшие головы зверя четырехсоставного и знаменующие их нечестие, покрывают все тело зверя багряного, в знак того, что богавраждебность проникает его всецело и проявится в нем вполне. Он выйдет из среды семи голов (или царей) зверя из моря, — это значит, воплотит в себе все то, что в течение долгих веков накоплялось греховного, злого, боговраждебного в жизни неверующего и греховного мира, находящегося в постоянном смятении.

При полном развитии антихристианского, противозаконного бытия или сущности земная среда антихриста сближается с его подземною средою происхождения — адом, пагубой. При тесной связи с пагубною силою самого сатаны и при своих отличительных характеристических признаках «осьмой» зверь в Апокалипсисе у Иоанна Богослова не есть все-таки воплощение самого диавола-сатаны, а личность особая, единичная, — представитель антихристианской идеи. Необходимость выразителя или воплотителя этой идеи ясно и живо сознает немецкий богослов Ланге, когда говорит: «Всякая господствующая идея настолько воплощается наконец в одной или в нескольких личностях, что они становятся представителями ее. Поэтому если бы даже Библия ничего не говорила об антихристе как о лице, то самый дух последних времен потребовал бы, чтобы явился, наконец, некто антихрист, который двинет восстание на Бога к последним пределам его». Имея таким образом свой «raison d'etre», зверь таинственно называемый «осьмым» и означающий у Тайнозрителя никого другого, как антихриста, в конечной своей судьбе, по словам Апокалипсиса, также отличен от диавола-сатаны (Апок. 20, 10). Подобным образом и ветхозаветный прообраз антихриста Антиох Епифан был

единственной личностью, на которую символически указывает, по свидетельству древне-церковного предания, небольшой рог, развившийся мало-помалу среди десяти рогов 4-го зверя Даниилова, пред которым три из этих десяти исторглись (Дан. 7, 8). По всей вероятности, Новозаветный Пророк с мыслью об этом ветхозаветном богопротивнике сказал относительно еще имеющего явиться новозаветного богопротивника: «зверь был, и нет его, и явится» (Апок. 17, 8).

По среде, из которой выйдет антихрист, а также и по другим ярким чертам, в которых изображается «осьмой» зверь из бездны, т. е. антихрист, в Апокалипсисе, следует видеть в нем силу политическую, мировую и богохульную. За то же говорит и сходство будущего противника Христова с Антиохом Епифаном, рьяным противником Бога и Его закона в ветхозаветное время. Силу политическую в звере из бездны замечали многие отцы и учители Церкви, изъяснявшие апокалипсические пророчества. Св. Ириней (II в.), епископ Лионский, ближайший ученик св. Поликарпа, слушавший наставления непосредственно из уст самого Апостола и Евангелиста Иоанна, сближая символическое значение голов и рогов апокалипсического зверя из моря, говорит: «очевидно, что оный имеющий придти (при кончине мира) трех из них (десяти царей) умертвит, остальные же покорятся ему, и сам он сделается осьмым: вместе нападут они на Церковь». Св. Кирилл Иерусалимский, писатель IV века, свидетельствует об антихристе: «человек богохульник и законопреступник, который получит царство не от предков, но похитит власть посредством волхования».

Зверь из земли и предтеча антихриста (XIII, 11-18)

Всякая сила политическая, кроме средств внешних — орудий огня и меча, располагает и внутренними средствами просвещения и образования. Так, сила политическая правильная и «законосообразная»; не иначе и сила политическая извращенная и беззаконная. Фараон Египетский в борьбе против истинного Бога и Его народа пользуется содействием Ианниа и Иамврия, ложных пророков своего

времени (Исх. 7, 11, 22; 2 Тим. 3, 8). Вавилонский царь является в сопровождении Халдейских мудрецов, твердой опоры своего государства (Дан. 2 гл.). Антихрист, как политическая сила, явится не без сопровождения своего ложного пророка, которого Этингер иронически называет придворным философом антихриста.

Ложный пророк последнего противника Христа и Церкви, как его пособник, будет действовать в духе и направлении антихриста; почему он носит с последним в Апокалипсисе одинаковое имя зверя, но зверя из земли, т. е. зверя, одаренного земною мудростью и волей, или зверя происшедшего из более или менее твердого, более или менее упорядоченного мира образованности и мудрости. Образные, отличительные черты этого зверя лжепророка, представленные с точки зрения восточной символики: два рога, подобные агнчим и речь дракона (Апок. 13, 11). Рога эти, — вместилище силы и крепости, отличаются внешнею скромностью и указывают на то, что ложный покров будет стараться проявить такую же силу над человеческими сердцами и умами, как Христос — непорочный Агнец Божий (Иоанн. 1, 29). Но речь ложного пророка — речь дракона-змея, прельстившего некогда Еву, изобличает в нем мудрость естественную, земную, антихристианскую, бесовскую, (σοφια επιγειοζ) (Иак. 3, 15). Выходя из области упорядоченных отношений человеческой жизни, зверь, из земли или лжепророк будет высказывать мысли, возбуждающие не беспокойные страсти, но учение планосообразное, строго обдуманное, основанное на знании человеческих обычаев и правил, только приправленное мишурным блеском сатанической мудрости. Эта мудрость, проповедуя, по-видимому, христианство, «обрезывает в нем все, что есть сверхъестественного в истории спасения, в пособиях веры, в славных ея обетованиях, — словом, все существенное». По направлению и характеру своей деятельности ложный пророк Тайнозрителя, отождествляемый (Апок. 19, 20; ср. 13, 12 и д.) у него со зверем из земли, может быть образом всех ложных пророков, о которых Господь вообще сказал, обозначая их лицемерие: «приходят в одежде овчей, а внутренне суть волки хищные» (Мф. 7, 15). Но, признавая в последнем

ложном пророке выражение ложного пророчества вообще, нельзя отрицать действительности появления этого лжепророка, как отдельного лица пред лицем антихриста. Лжепророк антихриста составит прямую противоположность двум пророкам древности — Илии и Эноху, имеющим явиться, как мы знаем, в последние времена для утешения и одобрения истинно верующих. Впрочем, независимо от этого противоположения, конечная судьба лжепророка, при которой он мыслится вместе, но раздельно от зверя-антихриста, равно как и от диавола, также смысл и характер собственной деятельности лжепророка настоятельно требуют видеть в нем отдельное лицо.

По общему смыслу и значению своего лица и дела ложный пророк будет относиться к антихристу так же, как истинный пророк и креститель Иоанн относится ко Христу. Ложный пророк своим проявлением и деятельностью определит грядущего противника Христа, как антихриста. В частности деятельность ложного пророка антихриста, как она описана в 13-й главе Апокалипсиса характеризуется с трех сторон в трояком отношении , резко отмечаемом глагольной формой «ποιει» в нашей славянской Библии переданной словами: «творяше (13 гл. 12), «сотвори» (ст. 13), и «сотворит» (ст. 16)».

Во-первых деятельность великого лжепророка характеризуется вообще как деятельность в сфере духа на сознание людей. Неуловимую работу противохристианских идей великий лжеучитель в конце дней принесет в жертву развитию внешней силы антихриста; по содержанию, духу и направлению своего учения он будет неудержимо стремиться к тому, чтобы чувственно настроенные люди по всему лицу земли поклонились антихристу, т. е., признали его своим богом и оказали ему повиновение. Обитатели земли, слепо привязанные к земным, материальным интересам, утратившие всякую веру в предметы духовные, невидимые, легко и скоро подпадут влиянию учения лжепророка. По силе этого влияния на людей может даже показаться, что лжепророк более высшая и значительная сила, чем сам антихрист. Но думать так вполне решительно нельзя, ибо все-таки великий лжепророк будет в служебном отношении к антихристу.

и припевали. Предметом их песни было или исповедание веры, или прославление величайшего благодеяния искупления из рабства духовного. Хоть эта песнь по своему содержанию была древняя; потому что они исповедывали учение апостольское, а не другое какое, и воспевали хвалу Богу ту же, какую давно воспевали животные и пресвитеры (5, 9); однако она была как бы новая, может быть — и потому, что они вновь собственным опытом узнали цену новых благодеяний, оказанных Иисусом Христом в Новом Завете, как бы вновь сердцем ощутили сладость и счастье своего состояния пребывания в тесном общении со своим Искупителем. Эти благодеяния Иисуса Христа и сладость блаженства никогда не устареют, всегда будут иметь свою новую, свежую приятность.

в) *Похвала Христовой Церкви, пребывающей с Агнцем на горе Сионе; изображаются разные добродетели и свойства ее:*

1) Понятливость. Ст. 3 пол. *И никто не мог научиться сей песни, кроме сих ста сорока четырех тысяч, искупленных от земли.*

2) Чистота учения и нравов. Ст.4. *Это суть те, которые не осквернились с женами: ибо они девственники.* Здесь можно разуметь девство и нравственное, и духовное. Не оскверняться с женами на языке Св. Писания (Иер. 3, 9. Иез. 23, 2, 3. Ос. 1, 2) иногда значит быть чистым от порока духовного прелюбодеяния, т.е. идолослужения, суеверия, порабощения какой-нибудь страсти и всякой греховной нечистоты. В последнем отношении быть девственником значит исповедовать чистое учение Евангельское, совершать достойное Богу служение, быть свободным от суеверия, заблуждения, лицемерия, чистой любовью прилепляться к Иисусу Христу, жизнь и нравы сообразовать по Евангельскому учению. Так и Ап. Павел представляет Церковь (Ефес. 5, 27), как совершенную невесту Христову, которая хотя есть жена Христова, но не перестает быть девой, чистой от общения с миром (2 Кор. 11, 2).

3) Искреннее расположение к Иисусу Христу. Ст. 4 пол. *Это суть те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел.*

4) Свобода. Ст. 4 пол. *Они искуплены из людей, как первенцы Богу и Агнцу,* т.е. выведенные из духовного рабства

на свободу сынов Божиих, посвященные Богу и Христу, заботящиеся о славе Его Одного и любящие общение с Ним. Выражение: *первенцы Богу и Агнцу,* кажется, взято из книг Моисеевых, где повелевалось первенцев посвящать Богу (Исх. 13, 2, 15).

5) Непорочность. Ст. 5. *И в устах их нет лукавства: они непорочны пред престолом Божиим.*

Второе видение (6-13)

В предыдущем видении изложено только как бы предисловие касательно приведения Церкви в лучшее состояние. А здесь это благоустраивание Церкви изображается эмблемой трех Ангелов проповедников, по порядку являвшихся один за другим и возвещавших суд Божий над противниками. Это видение состоит из двух частей. В первой части излагаются проповеди трех Ангелов (ст. 6-11). Во второй части, в виде заключения, изображается характер времени проповеди последнего Ангела (ст. 12,13).

Первый Ангел проповедник (6-7). Ст. 6. *И увидел я другаго Ангела, летящаго посредине неба, который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле и всякому племени, и колену, и языку, и народу.* Св. Иоанн видел Ангела, летящего по небу, вероятно, держащего в своей руке развернутый свиток, и показывающего его всем народам, Ангел здесь не означает собственно Ангела, потому что Ангел не учит Евангелию, но — проповедника Евангелия, служителя Церкви. Ангел вообще значит вестник или посланник, которому Богом поручено исполнить какое-нибудь дело. В этом смысле и св. Иоанн Предтеча, пр. Аггей и другие служители Божии называются Ангелами (Мал. 3, 1. Агг. 1, 13. Ис. 44, 26. Мат. 13, 41. Апок. 9, 14, 10, 1). Потому и здесь под Ангелом подразумеваются проповедники Евангелия, которым поручено служение примирения людей с Богом (2 Кор. 5, 5, 18, 20). Этот *Ангел летел по небу.* Это значит, что служители Божии обращаются в виду всех, поставлены на видном, почетном месте, публично отправляют должность в Церкви, так чтобы все могли видеть и слышать их. Евангелие, т.е. учение о благодати оправдания человека грешника пред Богом и об истинном Бого-

стяжания его готовы были жертвовать всеми сокровищами мира. Блаженны те, кои при всем стремлении к правде и благочестию, не полагались на свою праведность, искали оправдания во Христе Иисусе, *Его же Бог Отец положи очищение верою в крови Его;* потому до конца жизни не переставали сокрушаться о вольных и невольных прегрешениях своих, исповедывать их пред Богом, и от Него единаго чаять оправдания и помилования. *Блажени мертвии, умирающие о Господе!* Им Сам Господь речет на последнем суде Своем, пред лицем всего мира: *приидите, благословении Отца Моего, последуйте уготованное вам Царствие от сложения мира!* (Воскр. Чт. XI, 299).

Третье видение (14-20)

В этом видении описываются тяжкие суды Божии, которые совершенно поразят гонителей Церкви и положат конец тем бедствиям, которыми столько веков был колеблен мир из-за веры (гл. 11, 18). Из мрака скорбей, долго облегавшего, наконец, для праведных воссияет приятный свет радости. Эти окончательные суды Божии изображаются здесь под двоякою эмблемою жатвы и выжимания винограда. В первой эмблеме представляется: а) жатель со своим характером (ст. 14); повеление жать, данное Ангелом (ст. 15); самая жатва (ст. 16). В последней эмблеме изображаются: а) выжиматель Ангел с острым серпом (ст. 17); б) повеление выжимать, данное Ангелом (ст. 18); в) исполнение повеления и следствие его (ст. 19, 20).

1) Жатва земли

а) *Жатель.* Ст. 14. *И взглянул я, и вот, светлое облако, и на облаке сидит подобный сыну человеческому. На главе его золотой венец, и в руке острый серп.* Явившийся св. Иоанну, вероятно был Ангел, как можно видеть из ст. 17, где противополагается ему Ангел выжиматель. Он явился в виде человеческом, или подобный сыну человеческому, т.е. человеку (Пс. 143, 3. Дан. 10, 17, 7, 13. Апок. 1, 13). Здесь разумеется человек вообще, а не Иисус Христос: потому что когда говорится об Иисусе Христе, то поставляется определенный член пред словами «сыну человеческому»

(греч. текст); а здесь нет члена. Характер этого Ангела представляется в следующих чертах: а) Он несется на светлом облаке. Светлое облако есть символ лица знаменитого, чистого, быстрого в исполнении намерений своих или повелений Божиих (Пс. 103, 3. Ис. 19, 1). б) Имеет на голове золотой венец, как знак царского достоинства и славы (гл. 4, 4). в) В руке держит острый серп, т.е. наделен силами и приготовился к исполнению строгого суда Божия над врагами Церкви, который здесь представляется под эмблемою жатвы. Хотя принадлежности этого Ангела приличествуют и Иисусу Христу; но здесь относятся к Ангелу — тем более, что а) этот Ангел от другого Ангела получит повеление — жать, чего нельзя относить к Иисусу Христу. б) Этот Ангел жатель представляет другим — подобным Ангелу выжимателю винограда, которого, очевидно, нельзя почитать за Иисуса Христа (ст. 17). в) Иисус Христос, как Царь сидящий одесную Бога Отца, суды Свои в жатве мира и Церкви совершает чрез Ангелов (Матф. 13, 41), т.е. чрез служителей избранных Им для этого великого дела. Потому здесь под Ангелом можно разуметь царей, которых Бог употребляет для исполнения Своих судов, и которые блистают большою славою, потому что призваны для славного дела, и будучи движимы ревностию к религии, со всею готовностью и скоростью исполняют повеление Иисуса Христа.

б) *Повеление жать.* Ст. 15. *И вышел другой Ангел из храма, и воскликнул громким голосом к сидящему на облаке: пусти серп твой и пожни, потому что пришло время жатвы; ибо жатва на земле созрела.* Если под Ангелом жателем подразумевать самого Иисуса Христа, Царя, верховного Судью мира и Церкви, на быстром облаке несущегося на суд таинственного Египта: то это можно разуметь так: 1) Иисус Христос — Царь все делает по отношению к Церкви не иначе, как по велению или воле Бога Отца (Иоан. 12, 49, 50, 5, 20). 2) Все, что касается обстоятельств человеческих и особенно Церкви, все случаи и происшествия советом Божиим уже прежде определены, даже времена и сроки назначены Богом прежде события вещей. А если под Ангелом жателем подразумевать царей, защитников Церкви; то под

Для успеха своей служебной, проповеднической деятельности лжепророк, во-вторых, проявит чудесные свои действия. Подобно тем лжепророкам, о которых предсказывал наш Божественный Учитель, и которые сотворят велия знамения и чудеса, последний лжепророк — предтеча антихриста сотворит также знамения и чудеса столько же многочисленные, сколько и таинственные. В основе этих чудес будет лежать то же таинственное влияние злых духов на землю, что и в мнимо-чудесах магов Египетских. Из многих чудес лжепророка в Апокалипсисе упоминается прежде всего то, что лжепророк низведет огонь с неба на землю пред взором людей — и это в соответствии чуду Илии и Эноха в конце времен (Апок. 11, 5). Далее, у Тайнозрителя в прогрессивно-возрастающем порядке указывается еще чудо лжепророка. Помощник антихриста, лжепророк убедит людей еще прежде личного, для всех очевидного явления антихриста, сделать изображение его, т. е. ясно выразить свою преданность антихристу, показать полное усвоение всех его антихристианских свойств. Затем великий лжепророк оживит в сознании людей это изображение антихриста, т. е. сделает нечто похожее на воскресение Христа, чтобы чрез это образ антихриста поставить в уме и представлении людей на место образа Христа. Конечно, с другой стороны, образ антихриста может иметь очевидную, для всех наглядную, действительность; в таком случае изображение антихриста, сделанное людьми по внушению лжепророка, должно иметь аналогию в изображении Наполеона I, выставленном некогда в бамбуковых домах отдаленного Китая, среди своеобразных туземных богов; тогда и речь иконы антихристовой нельзя представлять себе только как умную, духовную, совершающуюся в представлении молящихся, но как действительную. Во всяком случае сделанное и рассматриваемое чудо лжепророка сделает то, что многие из образованного круга этого греховного мира к концу дней его подпадут соблазну поклониться сделанному, по инициативе ложного пророка, образу, или образам антихриста, произведенным ли только в сознании людей, или же представленным в очевидной для всех действительности.

С третьей стороны, деятельность лжепророка представляет дерзкое его обращение с людьми, внешнее принудительное действие на них, соединенное с диким, ничем не оправданным произволом (Апок. 13, 16-18). Если икона или идол, сделанный по приказанию лжепророка, будет иметь силу моментально убивать, прекращать жизнь не поклоняющихся ей (ст. 14, 15), то сам лжепророк станет продолжительно мучить не признающих его учения; пагубное свое влияние и действие он прострет на всех людей без различия их пола, возраста, состояния и положения, и при том направит в сферу самых обычных, ежедневных отношений. По словам Тайнозрителя, лжепророк сделает то, что всем малым и великим, богатым и бедным, свободным и рабам, положено будет начертание на правой руке или на челе их. Это обычное выражение полной зависимости, или издавна утвердившийся знак безусловного повиновения какому-либо лицу, в настоящем случае антихристу — подобный, напр., начертанию имени полководца на плечах или кокарде воина, также имени господина на лбу раба, будет иметь такое практическое действие на людей в их обиходной жизни, что не имеющие знака антихристова лишатся даже малейшей возможности заниматься торговлею, покупать что или продавать; утратят всякие права гражданственности. (О конечных судьбах мира и человека, стр. 92).

Почему антихрист и его лжепророк называются зверями?

Н. Виноградова

Антихрист и его предтеча — великий лжепророк называются в Апокалипсисе[1] «зверями». Греческое слово θηρίον — зверь означает такого зверя, у которого зверская природа особенно резко проявляется и дает себя чувствовать, как напр., у диких зверей: гиены, шакала, тигра, в отличие от домашних, прирученных животных, или как, напр., у змеи в отличие от других пресмыкающихся гадов. Далее, слово θηρίον в греческом языке употребляется для означения

[1] Апок. 17, 8, 11, 20, 10; ср. 13, 11.

зверя в противоположность человеку: а у Ап. Павла слово «зверь» употреблено в послании к Тимофею[1] и о человеке для означения его звериного нрава. «Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые». Дикая свирепость разъяренного зверя, с одной стороны, и коварство змея, с другой, сосредоточиваются в имени «зверь», которым означается антихрист и его лжепророк в Апокалипсисе. Но, как по отношению к некоторым людям наименование их зверьми ясно и наглядно показывает, что у таких людей совершенно утратился образ и подобие Божие, что на место «дыхания Божия» выступило у них, при всей их головной мудрости и духовном образовании, пошлость, низость, лукавство внутреннего содержания их души, — так это в высшей степени идет по отношению к антихристу с его лжепророком. Впрочем, наименованием их зверьми останавливается более внимание на стороне их грубой дикости, необузданной свирепости, чем на стороне лукавства, хитрости. И действительно, далее мы увидим, как в силу зверской своей природы апокалипсические звери, т. е. антихрист и лжепророк направляются против Бога и всего, что от Бога, дышат огнем ненависти ко Христу и Его Святому делу. (О конечных судьбах мира и человека. М. 1889 г. стр. 189).

О событиях, имеющих произойти при явлении антихриста (к XIII гл.)

Св. Ефрема Сирина

Спаситель, вознамерившись спасти род человеческий, родился от Девы и, в образе человеческом поправ врага святою силою Божества Своего, был же кроток и смирен на земле, чтобы нас вознести с земли на небо. Сей самый Бог, Который и действительно и истинно был зачат, воплотился и родился во плоти нашей от Святой Девы, крестным Своим страданием спас все, дав заповеди. Он же и опять приидет в последний день судить живых и мертвых, и всем праведным и нечестивым воздаст по делам их, как праведный Судия. Узнав сие, а именно, что Господь опять приидет с неба во

[1] Тим. 1, 12.

славе Божества, враг умыслил посему принять на себя образ Его пришествия и прельстить всех. Но Господь наш на светоносных облаках, подобно страшной молнии, приидет на землю. Не так, не на светлых облаках, придет на землю враг, потому что он отступник. Действительно же родится орудие его от скверной жены, не сам он воплотится, но в образе его придет всескверный, как тать, чтобы прельстить всех, придет притворно благоговейным, смиренным, кротким, ненавидящим, как скажет о себе, неправды, отвращающимся идолов, предпочитающим благочестие, добрым, нищелюбивым, в высокой степени благообразным, весьма постоянным, ко всем ласковым, уважающим особенно народ иудейский, потому что иудеи будут ожидать его пришествия. При всем этом с великою властью совершит знамения, чудеса и страхования, примет хитрые меры всем угодить, чтобы в скором времени полюбил его простой народ. Не будет брать даров, говорить гневно, показывать пасмурного вида, но всегда будет ласков. И во всем этом благочинною наружностью станет обольщать мир, пока не воцарится. Ибо, как многие народы и сословия увидят такие добродетели, совершенства и силы, все вдруг возымеют одну мысль и с величайшей радостью воцарят его, говоря друг другу: «найдется ли еще человек столь добрый, правдивый»? Всего более воздадут честь и обрадуются царствованию его народубийцы иудеи. Посему и он как бы из предпочтения, помышляя о них, укажет всем им место и храм. В царствование же на земле сего змия народы со всею охотою сделаются его союзниками. Едом, Моав и Аммонитяне с радостью поклонятся ему, как законному царю, и будут из первых его споборников. И скоро утвердится царство его, в гневе поразит он трех великих царей. Потом чрез меру вознесется сердцем, и изрыгнет горечь свою этот змий, извергая смертоносный яд с Сиона; смятет вселенную, подвигнет концы ея, всех притеснит, осквернит многие души, поступая уже не как человек благоговейный, благопопечительный, ласковый, но при всяком случае суровый, жестокий, гневливый, раздражительный, стремительный, беспорядочный, страшный, отвратительный, ненавистный, мерзкий, лютый, лукавый, губительный, бесстыдный, своим

неистовством старающийся весь род смертных ввергнуть в пучину несчастия, произведет великие знамения, многочисленные страхования, показывая лживо, а не действительно. Подобным сему образом мучитель этот будет переставлять горы в одном лживом призраке, а не в действительности. В присутствии многолюдной толпы из многих народов и сословий, восхваляющих его за мечтательные чудеса издаст он крепкий глас, от которого поколеблется место, где собраны предстоящие ему толпы, и с дерзостью скажет: «познайте, все народы великую силу моей власти. Вот пред всеми вами повелеваю этой великой горе, стоящей напротив, чтобы она, по слову моему, из-за моря перешла теперь сюда к вам». И скажет скверный: «повелеваю тебе, переходи сейчас сюда чрез море». И в глазах зрителей гора пойдет нимало не подвергшись с своих оснований. Ибо, что в начале творения водрузил и поставил Всевышний Бог, над тем не будет иметь власть этот всескверный, но станет обольщать мир чародейными мечтами. Также другой горе, лежащей в глубине великого моря, в виде весьма великого острова, повелит сойти с своего места и в удовольствие зрителей стать на суше, на приятных берегах. И хотя остров вовсе не двинется из моря, однако же будет казаться горою, стоящею на суше. Еще змий сей прострет руки и соберет множество пресмыкающихся и птиц. Подобным образом ступит на бездну и пойдет по ней, как по суше, представляя все это мечтательно. И многие поверят и прославят его, как крепкого Бога. Но кто имеет в себе Бога, у тех светлы будут сердечные очи; и искреннею верою в точности увидят они и узнают его. Всякий, кто имеет в себе страх Божий, и у кого светлы сердечные очи, в точности будет знать, что ни гора не двигалась с места своего, ни остров не переходил из моря на сушу.

Все же сие антихрист будет совершать именем своим. — Ибо не потерпит, чтобы именуемо было пречистое Имя Отца и Сына и Святаго Духа, потому что будет он богоборец и сын погибели. Когда же совершится сие по сказанному, и народы поклонятся ему и восхвалят его, как Бога, Всевышний на небесах со дня на день будет являть гнев Свой и отвратит лице Свое от него. И будут наконец тяжкий

глад, продолжительные язвы, непрестанные землетрясения, повсюду оскудение пищи, великая скорбь, повсюду теснота, непрестанные смерти, великий страх, несказанный трепет. Тогда небеса не дадут дождя, земля не будет приносить плодов, источники иссякнут, реки иссохнут. Трава не будет расти, не покажется на земле зелени; дерева перемерзнут в корнях и не дадут отпрысков; рыбы и киты в море изомрут. И море издаст такое заразительное зловоние и такой страшный шум, что люди будут падать без чувств и умирать от страха (Слово на пришествие Господне. Тв. Ефрема Сир. 7, 3, слово 29, стр 224).

Толкование Св. Ипполита (Об антихристе)
(XIII, 11-18)

Зверем, выходящим из земли, называет (Тайновидец) будущее царство антихристово; а двумя рогами — его самого и его лжепророка. Словами же: *рога его подобна агнчим* означил, что он станет уподобляться Сыну Божию и сам себя показывать царем; а что он говорил: *как змий,* это значит, что он обольститель и лжец; слова: *власть перваго зверя всю творяше пред ним и творяше землю и вся живущия на ней поклонитеся первому зверю, ему же исцелена бысть язва смертная,* значат, что и он, по подобию законов основателя Римской Империи Августа, будет владычествовать и издавать законы, дабы все покорить и тем снискать себе большую славу, — и вот четвертый зверь, коего голова ранена и опять исцелена: так как Империя сия хоть падет и даже с бесчестием и разделится на десять царств, но он — человек прозорливый и хитрый — как бы исцелит ее и возобновит. Ибо сие-то и означают слова Пророка: *даст дух образу зверину, и проглаголет икона зверина,* т. е. Римская Империя возьмет снова силу и укрепится при изданных им законах, *и сотворит, да иже аще не поклонятся образу звериному, убиени будут.* Здесь вера и терпение святых воссияет. Ибо сказано: *и сотворит вся малыя и великия, богатыя и убогия, свободныя и работныя, да даст им начертание на десней руце их или на челах их, да никто же возможет ни купити, ни продати, токмо кто имать начертание, или имя зверя, или число имене его* (Апок. XIII — 16, 17). При своих злохищрениях и

превозношении над рабами Божиими, желая исторгнуть и прогнать их из мира, а главное за то, что они не станут воздавать ему славы, он велит всем повсюду поставить капища, дабы никто из святых, если прежде не принесет в них жертвы, не мог ни купить, ни продать. Это означает начертание, полагаемое на правую руку; а что сказано о челе, — это будет для того, чтобы все увенчаны были и носили на себе огненный венец не живота, но смерти. Ибо так злодействовал еще против Иудеев Антиох Епифан, царь Сирийский, один из приемников Александра Македонского. Он в те времена, вознесшись сердцем, издал повеление, чтобы все, поставив пред вратами алтари, приносили жертвы, и обвивши головы плющом, торжествовали в честь Бахуса; кои же не захотят повиноваться, тех, измучивши и истиранивши, повелел предать смерти (Макк. 1, 9 и 11); за что и сам принял достойное наказание от Господа, праведного Судии и Промыслителя Бога, ибо изъеденный червями лишился жизни. Кому желательно прочесть подобное повествование о сем, тот найдет оное в книгах Маккавейских. Теперь продолжим речь о предложенной материи. И (он антихрист) такие же (что Антиох Епифан) злодейства учинит, дабы всеми мерами притеснить святых. Ибо Пророк и Апостол говорит: *зде мудрость есть иже имать ум, да почтет (сочтет) число зверино: число бо человеческо есть и число его 666* (Апок. XIII 18). О его имени мы не в состоянии столько обстоятельного высказать, как понял и научен был блаженный Иоанн; но выскажем, сколько лишь можем гадать. Ибо при его явлении вполне откроется то, что подлежит изысканию в словах блаженного Апостола. Впрочем, сколько предположительно понимаем, выскажем. Много находим имен, одинаковых с тем числом по счету, как наприм.: Τειταν, имя древнее и известное, или Ευανθας, ибо и оно заключает в себе то же число, и другие многие могут найтись. Но поелику мы выше сказали, что рана первого зверя исцелела, и образ его стал говорить, т. е. получил крепость и силу; а всем известно, что владычествующие (на земле) и доныне суть Римляне (Λατεινοι): то, если сие имя перенесть на одно лице, будет Λατεινος. Впрочем, не должно ни разглашать того, что будто это имя

принадлежит ему, ни так же не ведать и того, что он не иначе может называться; но, содержа сию тайну Божию в сердце, должны мы со страхом и верою сохранять предсказания блаженных пророков, дабы, когда они сбудутся, провидя это, мы не могли обмануться, когда настанет время, и сам тот, о ком это сказано, явится. (Владим. Еп. Вед. 1867 г. № 9, стр. 403).

Примечание к слову св. Ипполита об антихристе

В русских старинных рукописях с начала XVII столетия начинает встречаться в славянском переводе *бл. Ипполита папы Римского и мученика, слово о скончании мира, об антихристех и втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа.* При царе Алексии Михайловиче слово это напечатано было в *Большом Сборнике* поучений на переходные праздники, а после и отдельно не раз было перепечатываемо старообрядцами, у которых оно пользуется особым уважением. Беспоповцы пользуются этим словом в защиту своих неправых мнений о прекращении Церкви, об антихристе и о прекращении некоторых таинств во времена антихриста. Беспоповческие толкования об антихристе опровергаются на основании этого же самого слова; притом слово это, приписываемое св. Ипполиту, не принадлежит ему.

Между дошедшими до нас творениями св. Ипполита на греческом языке сохранились два сочинения об антихристе: одно то, которое известно в славянском переводе, и составляет святыню для раскольников, другое — подлинное слово, которое озаглавливается: *Изыскание о Христе и антихристе.* О подлинности последнего сочинения свидетельствуют бл. Иероним, св. Андрей Кесарийский в своем толковании на Апокалипсис и Фотий, патриарх Константинопольский. Последний, одобряя это сочинение, делает такое, между прочим, замечание: «когда время пришествия антихристова, коего не открыл Господь и ученикам Своим, вопросившим о том, Ипполит осмелился отнести к 500 году после Христа, как бы по прошествии 6000 лет от сотворения мира должна была настать кончина; то в том показал он не совсем умеренную ревность духа». Такое предсказание находится в сочинении Ипполита о Христе и антихристе, но не помещено

в том слове, какое известно в славянском переводе и называется словом о скончании мира, об антихристе и проч. О том, что слово, известное в славянском переводе и уважаемое раскольниками, не принадлежит св. Ипполиту, еще яснее свидетельствуют следующие обстоятельства. Знатоки греческого языка находят, что язык и строение речи этого слова совершенно отличны от подлинных творений св. Ипполита; слог этих творений патриарх Фотий называет приятным, тогда как слово о скончании мира своею растянутостью, повторениями одного и того же и неточностью выражений не представляет никакой приятности. При том же в нем встречаются мысли прямо еретические, например, мысль о том, что антихрист будет сатана в призрачной человеческой плоти, что души человеческие существуют от вечности и проч., — встречаются и такие странные ошибки, которых никак не мог допустить такой ученый муж, как св. Ипполит. Напр., Дан в подложном слове называется седьмым сыном Иакова, вопреки ясному о том свидетельству книги Бытия (30, 6); изречение Апокалипсиса оно приписывает Даниилу. Сличая подлинное сочинение «о Христе и антихристе» со «словом о скончании мира и антихристех», находим, что, несмотря на одинаковость их содержания, в них встречаются противоречия необъяснимые, если допустить, что оба они принадлежат одному писателю. Так, в подлинном сочинении св. Ипполита говорится согласно с изречением Апокалипсиса о двух только свидетелях при антихристе — Илии и Енохе, а в подложном слове говорится о третьем свидетеле, св. Иоанне Богослове, как бы доселе он, подобно двум первым, не умер, но живым вознесся на небо. В подлинном слове сказано, что антихрист человек смертный, а в подложном говорится, что антихрист будет сатана в призрачной человеческой плоти. В подлинном слове, как и у св. Иринея, к звериному числу 666 предположительно отнесены три имени антихриста: τειταν, ευανθαζ и Λατεινοζ, а в подложном слове на греческом языке все эти три наименования опущены, и на место их поставлено одно: αρνουμαι, а в славянском удержано из них только *титан* и присоединены к нему кроме, слова: *отрицаюсь, — злый вождь, агнец неправедный* и другие слова.

В подложном слове св. Ипполита встречаются такие обороты речи, которые не свойственны временам Ипполита, и такие грамматические ошибки, какие по замечанию ученых, нарочито занимавшихся разбором сего слова, непростительны и школьнику. Самое начало этого слова по-гречески читается так: επειδη γαρ, что значит по-русски — ибо поелику, и по-славянски переведено — понеже убо. Такой оборот речи есть и в подлинном слове св. Ипполита, но там он не начинает слово, а встречается уже после вступительного обращения к Феофилу. Звериное число 666 подложное слово определяет словом αρνουμαι — отрицаюсь, что на греческом тогда только даст число 666, когда последний слог писать не через μαι, а через με, а это — такая грамматическая ошибка, которая показывает крайнее незнание греческого языка. Из всего этого открывается, что писателем «слова о скончании мира и об антихристе» не мог быть св. Ипполит, но что писал его человек неученый и во времена упадка греческой литературы. На то же указывает и самое содержание этого слова.

Только немногие мысли и выражения его заимствованы из подлинного слова Ипполитова, большая же часть их буквально взята из слов св. Ефрема Сирина об антихристе. А известно, что св. Ефрем Сирин жил уже спустя почти 200 лет после св. Ипполита и писал на сирском, а не на греческом языке. Если даже допустить, что сочинения Ефрема Сирина вскоре после своего появления переведены были с сирского на греческий, то и тогда подложное слово Ипполита, как произвольная и невежественная компиляция слов св. Ефрема Сирина, могло явиться не ранее V века. Замечательно, что сочинитель сего слова буквально взявши много из подлинного слова Ипполитова, опустил его частную неверную мысль о представлении света через 500 лет по Р. Х. Не потому ли он это сделал, что жил уже спустя 500 лет по Р. Хр. и видел означенное предсказание не исполнившимся? Во всяком случае несомненно то, что во времена св. Ипполита не было монашества в том виде, в каком явилось оно в IV и V вв. по Р. Хр.; проводящие девственную жизнь во времена св. Ипполита назывались аскетами, а не иноками и черноризцами, как начали называться они не ранее V века, и как они называются в слове о скончании

мира. Таким образом, составитель этого слова жил уже довольно поздно, когда в ходу было делать разные компиляции, извлечения и примирения мнений отеческих, добавлять их своеобразными воззрениями, часто нимало не согласными с отеческими писаниями, и не стыдясь выдавать все это за творения того или другого отца Церкви. Можно даже с достоверностью утверждать, что подложное слово Ипполита появилось позже времени Фотия; иначе, говоря о всех подлинных сочинениях св. Ипполита, он не умолчал бы и о подложном его слове, если бы оно уже существовало в его время. С другой стороны, известно, что мнение о том, что св. Иоанн Богослов живым взят на небо и придет вместе с Илиею и Енохом для обличения антихриста, в первый раз высказано было в IV веке Ефремом Антиохийским, и значит, от него уже могло быть заимствовано в подложное слово Ипполита, как в свод отеческих сказаний о временах антихриста. В славянском переводе подложного Ипполитова слова есть добавления и другие разности против греческого его подлинника в том виде, в каком оно издано И. Пиком. Так, в этом издании выставляется соответствующим звериному числу 666 одно слово αρνουμε (отрицаюся), а в славянском переводе к слову отрицаюся прибавляются другие слова, составляющие собою то же число 666; как то: титан, еже преисподний бес, (τειταν, что находится в подлинном Ипполитовом слове), злый вождь (κακοζ οδηγοζ), агнец неправедный (αγνοζ αδικοζ), древле-завистник, потрясет вельми. Всего этого нет, а частию и не могло быть в греческом подлиннике. Такими-то подложными сочинениями, и притом искаженными при переводе, пользуются наши старообрядцы в развитии своих заблуждений, по какому пути в учении об антихристе они идут, как известно, вслед за лютеранами (Влад. Еп. Вед. 1867 г. № 3, стр 111).

Свод святоотеческих мнений о продолжительности царствования антихриста (XII, 5. XI, 2. XII, 6, 14)

И. Нильского

Пророк Даниил говорит: и *словеса на Вышнего возглаголет, и святых Вышняго смирит, и помыслит пременити времена и закон, и дастся в руку его даже до времени, и времен и*

полувремене (VII, 25). И в другом месте: *и слышах от мужа облеченного в ризу льняну, иже бяше верху воды речныя, и воздвиже десницу свою, и шуйцу свою на небо, и клятся живущим во веки, яко во время и во времена, и в пол времене, егда скончается разсыпание руки людей освященных...* (XII, 7). И еще: *от времени же применения жертвы всегдашния и дастся мерзость запустения на дни тысяща двести и девять десят* — (ст. 11). В этих словах Пророка которые ближайшим образом относятся, по толкованию бл. Иеронима (на означенные места), к Антиоху Епифану, но в смысле прообразовательном указывают и на времена антихриста, прообразом которого был, по мнению того же учителя и Андрея Кесарийского, Антиох Епифан; св. Отцы Церкви находят прямое указание на то, что антихристу дано будет царствовать три с половиною года. Вот как говорит об этом св. Кирилл Иерусалимский: «царствовати имать антихрист три и поллета точию. Еже не от сумнительных книг, но от Даниила глаголем: рече бо: и дастся в руку его даже до времене, и времен, и полувремене. Время убо едино есть лето, в неже тогда возрастет пришествие его: времена же, прочая два лета беззакония его, в три купно сочетаемая, а полвремене шесть месяцев есть. И паки инде тоже глаголет Даниил: и клятся живущим во веки, яко во время, и во времена и в полвремене. Мною же яко не инако и следующее нецыи истолковаша: дни тысяща двести девять десят».

Св. Апостол Иоанн Богослов говорит в Апокалипсисе: *град святый поперут четыредесять и два месяцы* (XI, 2). Андрей Кесарийский делает на эти слова такое толкование: «попиратися святому граду, или новому Иерусалиму или Кафоличестей Церкви, месяцей четыредесят два, от язык, мню, яко знаменуют в пришествии антихристове, полчетверта лета верным и искусным попираемым быти и гонимым».

В другом месте Тайнозритель говорит: *жена бежа в пустыню, идеже име место уготовано от Бога, да тамо питается дний тысящу двести шестьдесят. И даны быша жене два крыла орла великаго, да парит в пустыню в место свое, идеже препитана бяше ту время и времен и пол времене от лица змиина* (Апок. XII, 6 и 14). «Днями тысяща двесте и

шестьдесятьми, в нихже державствовати будет отступление, является, говорит Андрей Кесарийский, три лета и пол». «Питается говорит он же, Церковь присно, в пришествии же антихристове наипаче, ему же державствовати реченное время полтретья лета на мнозе писано бысть».

И еще: *и дана быша ему* (зверю, тоесть антихристу) *уста глаголюща велика и хульна, и дана бысть ему область творити месяц четыредесят и два* (Апок. XIII, 5). «Четыредесять и два месяца являют, яко, по пущению Божию, полчетверта лета область имети будет (антихрист) и хулы на Бога и озлобления святых», говорит тот же блаженный учитель Церкви. А как бы в доказательство того, что все означенные места нужно понимать буквально, и что царство антихристово действительно будет непродолжительно, Тайнозритель прибавляет, что сатана, связанный и заключенный в бездну, будет отрешен *на малое время* (XX, 3), следовательно и царство антихриста, через которого и будет действовать диавол, так же и потому самому будет кратко и непродолжительно. Мы с своей стороны заметим, что такая точность и определенность в указании Словом Божиим времени, относящегося к царству антихриста и различным событиям, имеющим быть в это царство простирающиеся до исчисления месяцев и дней, невольно заставляют понимать эти указания в собственном буквальном смысле, тем более, что нет никакого достаточного основания к таинственному объяснению их.

Так действительно и понимали приведенные нами места Священного Писания, в которых говорится о времени царства антихристова, все св. отцы и учители Церкви. Некоторые из отеческих свидетельств, касающихся этого предмета, мы уже видели, теперь укажем другие.

Св. Ефрем Сирин: «по скончании трех времен, и по области скверного владычества антихристова и егда скончаются все соблазны на земли, яко же рекоша уста Божия, тогда Господь Спаситель наш, приидет яко молния блистающися с небесе». А что под *треми временами,* в продолжение которых антихрист будет царствовать в мире, св. отец разумеет время краткое и непродолжительное, состоящее из трех лет, это видно из следующих его слов:

«прежде даже сия не будут (то есть прежде чем придет антихрист) внегда послет Господь Илию Фесвитянина и Еноха, яко милосерд, яко да скажет благоверствие роду человеческому и проповесть с дерзновением богоразумие всем, да не веруют ни вдадутся страха ради ложного. Тем же вопиют рекуще, льстец есть, о человецы, никтоже от вас веруй нечестивому; никтоже от вас послушай мучителя богопротивника, никтоже от вас убойся, *вскоре* бо престанет. Господь же убо святый, се грядет с небесе (то-есть явление антихриста будет перед *самым* вторым пришествием Христовым), судити всем веровавшим в знамение антихристово», или, как сам он говорит, «приидет (антихрист) во свое время, на кончину времен». Св. Ефрем Сирин упоминает только о трех временах или годах царства антихристова, между тем как другие св. отцы полагают для этого три года с половиною; причиною этого было то мнение св. отца, что милосердный Бог ради избранных сократит даже это небольшое время, назначенное для царства антихристова: «да поставит каждо ум свой опасно в словеса святая, Господу Спасителю, как убо за беду и скорбь ту (имеющую быть при антихристе), превеликую, прекратит дни своим милосердием».

Св. Кирилл Иерусалимский: «всякими лютостьми и беззакониями начертается (антихрист) живо, ибо всех прежде его бывших неправедников и нечестивцев превзыдет, убийственный и свирепейший и немилосерд, и различен на всех, наипаче же на нас христиан гнев имея. *Но по триех летех и шести месяцех* таковая дерзнувый, вторым и славным с небесе пришествием Единороднаго Сына Божия Господа же и Спаса нашего Иисуса истиннаго Христа упразднится: иже убив антихриста духом уст Своих, геенскому предаст огню того».

Св. Златоуст: «он (антихрист) не тако долго пребудет якоже еретицы показуют на пастырех церковных, но токмо толико дней, яко же высщей от Даниила речеся. И сие еже явственнейши время извести, сиречь три лета и шесть месяцей, понеже писание час лето тамо нарицает. Иоанн Святый такожде четыредесят и два месяцы (Апок. XIII, 5) полагает».

Бл. Августин: «сомневаться никто не может, хотя бы весьма нерадиво и наподобие дремлющаго читал Даниилову книгу, что царство лютое антихристово, против Церкви имеющее быть, хотя, *на малое время,* покуда последним судом Божиим царство получат святые вечное здесь (Дан. 7) означается. Ибо время и времена и полвремени есть один год, и два и полгода; и потому три года с половиною, которое из числа дней после положенных (XII, 11 и 12) видеть можно, и которое иногда в Писании числом месяцев изъясняется».

Бл. Феодорит, приведя слова Даниила (XII, 7-11), говорит: «Сие составляет три года с половиною; временем бо год назвал, как то из последующих яснее сие увидим, яко на время глаголет, и на времена, и на полвремени, егда скончается разсыпание людей освященных и увидят святаго и совершатся сия вся. Чрез три бо, глаголет, лета с половиною освященнаго народа продолжится разсеяние, и тогда совершатся вся сия». Здесь говорится, что рассыпание людей освященных, то есть гонение, имеющее постигнуть святых Божиих при антихристе, продолжится три года с половиною. Яснее и определеннее мысль о том, что царство антихриста будет продолжаться только три года с половиною, бл. Феодорит высказывает так: «словами: время, времена и полвремени святый Даниил означил три года с половиною, в продолжение которых будет властвовать сей много-глаголющий рог» (тоесть антихрист, о котором сказал несколько выше). И в другом месте: «от времене же применения всегдашния и дастся мерзость запустения на дни тысяща двести девять десят (Дан. XII, 11). Сказавши прежде: во время времена и полвремени (ст. 7), Ангел заметил, что Даниил этого не уразумел, а потому, исчислив время по дням, уяснил непонятное для него». Нужно ли желать яснее этих слов в опровержение лжи раскольнической?

Андрей Кесарийский: «антихрист в храме (Божии) сядет... чуждое себе присвояяй и показуяй себя, яко есть Бог, якоже глаголет Апостол, но ненадолго». И в другом месте: «глаголет (Ангел) Бога убо боятися, не боятижеся антихриста, не могущаго убити душу с телом, но благосердно противу его стати на мало (время) державствующаго, за

приближение суда». А как мало будет это время, по мнению сего учителя, мы уже видели выше «полчетверта лета область имети будет» (антихрист), говорит он много раз в своем толковании видений св. Иоанна, или, как сам он выражается: «на мнозе писано бысть» об этом кратком периоде времени царства антихристова.

Согласно с св. отцами и учителями Церкви и наша Православная Церковь всегда учила, как учит и в настоящее время, что царство антихриста будет продолжаться недолго и именно не более трех лет с половиною (Об антихристе против раскольников стр. 174).

Число имени зверя, или антихриста (XIII, 18)

По поводу числа имени антихриста должно сказать, что число это в разные времена давало повод считать некоторые выдающиеся личности, имена которых соответствовали числу, если буквы переложить на числа, — за антихриста. Многие из древних христиан видели антихриста в Нероне, известном своею жестокостью, особенно к христианам и неимоверною гордостью. Другие подозревали антихриста в лице некоторых еретиков-гностиков. Позднее между некоторыми ходила мысль, будто Магомет антихрист. Иные видели антихриста в римском первосвященнике или вообще в папстве,мысль, возникшая на Западе между многими сектантами. Наши староверы в конце XVII стол. прилагали число 666 к Никону. Во время двенадцатого года многие из суеверного простонародья считали Наполеона антихристом. Но все догадки, все эти подозрения и предположения оказались несправедливыми, и это вполне естественно, потому что, как свидетельствует Слово Божие, время антихристово придет тогда, когда его никто не станет ожидать: *«внезапу нападет всегубительство»* (1 Солун. 5, 3). Поэтому не следует теряться в догадках, отыскивая время явления антихриста или стремясь узнать его имя, прилагая число имени его к именам разных исторических личностей: все эти догадки не приведут ни к чему. Но по причине этой возможности предусмотреть приближение последних скорбей, нам христианам, нужно, по слову Апостола, облещись бронею веры и любви, и шлемом упования (1

Солун. 5, 4-8), для того, чтобы быть готовыми предохранить себя от коварства антихриста, который, явившись незадолго до кончины мира будет орудием диавола в гонениях на св. Христову Церковь. В то же время должно молиться Господу Богу, да сподобимся убежати «всех сих хотящих быти» (Лук. 21, 36).

Мнение Св. Иринея об имени антихриста

Опираясь на свидетельство Апокалипсиса, что число имени антихриста — 666, и делая различные предположения, св. Ириней учит, что не следует без всякой нужды гадать об имени, которое, конечно, с нарочитой и особенной целью сокрыто от нас. «Немалая опасность угрожает тем», говорит св. отец, «которые ложно присваивают себе знамение имени антихриста. Ибо если они полагают такое-то имя, а он придет с другим, они легко будут обмануты или, думая, будто еще нет того, кого надлежит остерегаться. Посему вернее и безопаснее ожидать исполнения пророчества, нежели предполагать и предрекать какие-либо имена, ибо может найтись много имен, заключающих в себе означенное число и все-таки этот вопрос останется нерешенным. Ибо если оказывается много имен, заключающих в себе это число, то спрашивается, какое же из них будет носить имеющий прийти антихрист. Это я говорю не по недостатку имен, содержащих число имени его, но по страху Божию и по ревности к истине, ибо имя Еванфас содержит искомое число, но я ничего о нем не утверждаю. И имя Латинянин имеет число 666, и весьма вероятно, что последнее царство носит это название; ибо ныне Латиняне царствуют, но я не хочу этим хвалиться. Но из всех нами находимых имен Титан — если написать первый слог посредством двух греческих гласных Е и I, — наиболее вероятно, ибо оно содержит вышеозначенное число и состоит из шести букв в каждом слоге по три буквы, но древне и не употребительно, потому что никто из наших царей не назывался Титаном и ни один из идолов, открыто почитаемых у греков и варваров, не имеет такого имени, но у многих оно почитается за божественное, так что и солнце называется у нынешних властителей Титаном и содержит некоторый намек на мщение и на мстителя, так антихрист представляет вид, будто бы мстит за угнетенных. Кроме того, оно — имя древнее, правдоподобное, царское и более идущее к тирану. Посему, если имя Титан имеет так много в свою пользу оснований, то очень много вероятности заключать, что грядущий антихрист, может быть, будет называться Титаном. Я, однако же, не решусь утвердительно объявить это за имя антихриста, зная, что если бы необходимо было в настоящее время открыто быть возвещену его имени, оно было бы объявлено тем самым, кто и видел Откровение. Ибо Откровение было незадолго до нашего времени, но почти в наш век, под конец царствования Домициана. Он (ап. Иоанн) показывает число имени антихриста, чтобы мы остерегались, когда он придет, зная, что он; имя же его умолчал, потому что недостойно быть возвещенным от Духа Святаго (Тв. Иринея, кн. 5, гл. 20, 28-30).

О том же, *Еп. Петра*

Подобно тому, как число избранных Божиих — 144 тысячи (7, 4), происшедшее из 12, как корня умноженного на себя, есть число таинственное, выражающее полноту, совершенство; так и это число, имеющее корень 6, есть число таинственное и, как число половинное из 12, повторенное три раза — в приложении к сотням, десяткам и единицам, может быть, означает неполноту, несовершенство — в противоположность числу 12, умноженному на себя, относящемуся к избранным Божиим. Это число зверя или имени зверя не есть знак чисто буквальный, но символический, таинственный, вероятно, выражает характер исповедания веры или превратный образ мыслей и жизни того общества людей, которое здесь называется зверем. Иметь имя зверя, или число имени его в таинственном значит исповедать то учение, которое проповедует зверь, и тем отличаться от прочих. Потому это имя зверя не может быть именем какого-нибудь особенного лица. — Что значит это символическое число или имя — это может верно объяснить только Виновник этого Откровения, а собственные наши толкования будут иметь значение только догадки. (Объяснение Апокалипсиса стр. 179).

О том же, *Н. Виноградова*

Таинственное в знаке, налагаемом на людей великим лжепророком, это — число имени зверя — 666. Оно всегда немало затрудняло и затрудняет толкователей. Сам Тайнозритель в отношении к замысловатому этому числу замечает: «здесь мудрость» (ст. 18); хотя с другой стороны и говорит, что это число человека, т. е. число такое, численное обозначение коего в буквах показывает имя человека греха, т. е. антихриста. Как такое, означенное число, очевидно, не может быть только символическим именем, не может значить имя Адоникама, того самого, который упоминается в первой книге Ездры (2, 13), и у которого будто бы было 666 детей. Св. Ириней, еп. Лионский, писатель начала III в. по Р. Х., переведя число 666 на греческие буквы, обозначающие соответствующие цифры, составил имя Λα–τεινοζ. Но имя антихриста, этого определенного лица, должно иметь более частный характер, чем это общее, идущее ко многим имя «Латинянин», т. е. происходящий из Римского царства. Немецкий экзегет Н. З. Гофман, соглашаясь с св. Иринеем в том, что число антихристово должно быть рассчитываемо по числовому достоинству греческих букв в имени, замечает, однако, с своей стороны,что это счисление недоступно каждому времени. Только, когда явится последний сатанинский миродержец, люди, имеющие для счисления необходимую способность и понимание, весьма легко найдут и поймут число антихристово. Объяснение довольно остроумное, так как все, что касается цены или счета, имеет свое время. Для каждого же времени остается несомненным, что шестиричное число есть число будничного труда и работы, постоянного беспокойства и усталости (666 три раза повторенное число рабочих дней в неделе); истинную же субботу (успокоение) дарует только Христос, а с нею и новый день вечного мира. (О конечных судьбах мира и человека, стр. 102).

Символическое значение апокалипсических чисел и числа 666

Оберлена

По Апокалипсису истинное число земных царств есть 6 и 8, которые приближаются к седмиричному числу но не

достигают сего никогда. Относительно того, что означает число 666, которое в том единственном месте, где оно упоминается, названо прямо *число зверя,* можно сказать только то, что, без сомнения, и оно, как все апокалипсические числа, имеет свой частный и определенный смысл и, при исполнении пророчества, будет вполне понятно, но теперь можно гадать только о символическом значении его; и вот мы отдаем на суд читателей несколько своих мыслей об этом предмете.

Два вопроса нужно нам разрешить в этом случае: какой символический смысл числа 6 и почему оно умножено сперва на 1, а потом на 10 и наконец на 100? На первый из этих вопросов помогает нам ответить сам Апокалипсис, показывая, что суды Божии над миром совершаются при шестой трубе, а царство Бога и Христа Его наступает при седьмой трубе (Апок. XI, 15). Значит, число 6 есть число мира, осужденного на погибель. К такому же заключению приходим и другим путем. Число 6 есть половина 12, равно как $3^1/_2$ есть половина 7. Но двенадцать звезд увенчивающих жену, двенадцать ворот и двенадцать оснований Нового Иерусалима дозволяют нам смотреть на 12, как на число Церкви; следовательно 6, т. е. 12 разделенное пополам, означает слабые и осужденные на погибель земные царства, в противоположность непоколебимому царству Божию, изображаемому числом 12. Что касается возвышения числа 6 в 60 и потом в 600, то здесь, может быть, содержится мысль о том, что сила зверя будет возвышаться все больше и больше, но каждым новым развитием этой своей враждебной Богу силы он только отягчит грозящий ему окончательный суд. Такое развитие 6-ти можно только сравнить с развитием числа 12 находящемся в 144 000 главы VII: 666 означает осужденный мир, а 12×12 000 или 144 000 означает Церковь Израиля, избавленную от осуждения. Может быть так же, что в числе 666 есть намек на тысячу лет, упоминаемых в главе XX-й. Число 1000 означает мир (10), проникнутый элементом божественным (3), но 666 составляют $^2/_3$ тысячи. Антихрист обещает счастье вроде счастья тысячелетия, но только всегда остается на дробях и никогда не достигает целого (пророк Даниил и Апокалипсис св. Иоанна. Перев. прот. Романова, стр. 309).

Числовое имя зверя из моря (XIII, 18)

Фаррара

»Здесь мудрость», говорит Тайновидец (XIII, 18), или как он выражает эту мысль в XVII, 9: «здесь ум, имеющий мудрость», или, быть может, как понимает это место Эвальд: «таков смысл, и всякий, имеющий мудрость, поймет это так». «Кто имеет ум, тот сочти число зверя; ибо это *число человеческое*». Другими словами, он говорит, что теперь намерен *численно указать* имя, которое он не смел выразить буквально. Иудею или иудейскому христианину сразу становилось понятно, что теперь Апостол намеревался представить пример одной из форм того кабалистического метода, следы которого встречаются даже у древних пророков, и который был известен раввинам под именем *гематрии*, т. е. геометрии, или числового обозначения имен. Христиане из язычников не были столь знакомы с этим методом; но мы из св. Иринея видим, что и они легко могли получить ключ к нему от своих иудейских собратьев, для которых главным образом и предназначался Апокалипсис. С выдачей этого секрета не соединялось особенной опасности, хотя открытое провозглашение его могло стоить жизни всякому, кто бы решился на это, и во всяком случае могло угрожать опасностью всей общине. В действительности, ап. Иоанн имеет в виду сказать следующее: «теперь я укажу вам имя зверя в его *числовом значении*. Вы слышали много образчиков этого метода, так что можете воспользоваться этим методом и в этом случае, хотя я предостерегаю вас, что это может представить вам некоторые затруднения». Он, очевидно, предполагал, что некоторые из них отгадают значение этого числа, указывавшего на человека, хотя в то же время и указывал на то, что в этом числе заключается *один* неожиданный элемент, затруднивший решение. Если бы это было просто имя в числовом значении его *греческих* букв, то тут не было бы большого затруднения, так что всякий более или менее образованный читатель легко мог открыть его значение. Ему пришлось бы только сообразить, кто из живущих людей имел те свойства, которые Тайновидец придал зверю, и имена которых, считаемые по числовому

значению букв, составили бы число 666. Так как едва ли было какое-нибудь другое лицо, к которому могло бы быть приложимо это апокалипсическое описание, то имя Нерона, по всей вероятности, было первым, какое только могло представиться всякому христианскому читателю из иудеев. Но здесь он сразу же должен был натолкнуться на затруднение. Он находил, что *Нерон*, по значению греческих букв составил бы 50+5+100+800+50=1005. Если бы он попытался исчислить слово *Нерон Кесарь*, то это составило бы 1005+332=1337. Почти всякая комбинация, какую бы он подверг исчислению, оказалась бы неудачною, и очень возможно, что он в отчаянии отказался бы от этой задачи, предполагая, что у него нет достаточной *мудрости*, хотя и мог разрешать многие подобные задачи в сивиллинских или подобных книгах. Так, в «сивиллинских книгах» поэт указывает на имя Иисуса, по-гречески Ιησουζ, говоря, что в этом слове находится четыре гласных и две согласных, и что все число равнозначуще восьми единицам, восьми десяткам, восьми сотням, т. е. восьмистам восьмидесяти восьми (Ιησουζ =10+8+200+70+400+200=888). И ни один, по-гречески говорящий христианин, не имел бы особенного затруднения при разрешении этой задачи. Так как, однако же, все другие признаки указывали столь ясно на Рим и Нерона, то греческий христианин-читатель мог весьма естественно попытать счастья на слове «латинянин» (λατεινοζ =30+1+300+5+10+50+70+200=666), как на общем обозначении Рима и «латинянина». Этим объясняется преобладание такого объяснения среди отцов и учителей церкви, начиная с св. Иринея, имевшего возможность слышать это от св. Поликарпа, который в свою очередь видел св. ап. Иоанна в его преклонном возрасте. Эти ранние христианские писатели были, так сказать, на верном пути; однако же, слово «латинянин» едва ли могло вполне удовлетворить их. Это неопределенное название, да и вообще имена Latium и Latinus давно уже практически вышли из употребления. Если бы таково именно было решение, то они могли бы приписать его неопределенность намеренной неясности. Мы едва ли можем понять, какие предосторожности иудейский писатель должен был принимать, когда он в каком-либо отношении

неблагоприятно касался императорской власти в эти дни доносчиков и действия закона об оскорблении величества. И. Флавий пользовался высокой благосклонностью сначала Поппеи и затем Флавиевой династии; в Риме он пользовался столь большим влиянием, что даже, вероятно, почтен был статуей в императорском городе: и однако же он неожиданно останавливается в своем объяснении пророчества Даниила с таинственным намеком, потому что не находит благоразумным говорить больше. Это очевидно из опасения, что он, касаясь объяснения дела разрушения, произведенного «камнем нерукосечным», мог подать повод думать, что он угрожает Римской империи предстоящим разрушением и гибелью; а на это у него не хватало далеко смелости. Полная неудовлетворительность объяснения при помощи слова «латинянин» и заставила, быть может, некоторых христиан, говорит далее св. Ириней, попытать счастья с именем *Титан,* которое так же дает таинственное число 666 (τειταν =300+5+10+300+1+50=666), и которое имеет еще ту выгоду, что состоит из шести букв. В этом случае мысль так же недалеко была от сущности дела; Титан — было одним из древних поэтических названий солнца, а солнце было тем божеством, свойства которого были наиболее любимы Нероном, как это невольно представлялось всем при виде его колосса с лучезарно-сияющей головой, часть пьедестала которого еще и теперь находится близ развалин Колизея. Чернь, приветствовавшая его криками: «да здравствует Нерон Аполлон»! хорошо знала, что ему особенно нравился этот именно титул.

В общем, однако же, греческие христиане оставались в некотором недоумении и чувствовали некоторую неудовлетворенность; они склонны были говорить вместе с некоторыми из отцов Церкви, что только время может открыть эту тайну, или также думать, что тут возможно было более чем одно решение. Тем не менее им несомненно было известно, что собственно разумелось здесь, даже если бы точное числовое значение слов, которые могли представиться им, не вполне удовлетворяло их. В таком состоянии тайна эта и оставалась в древней христианской Церкви. Во всяком случае перед ними стояло странное число.

Самый внешний вид этого числа производил подавляющее и таинственное впечатление. Первая буква была начальной буквой имени Христа. Последняя буква была первой двойной буквой (стигма) в слове крест (σταυροζ). Между этими двумя буквами стоял как бы змей, буква ξ, известная своим извилистым начертанием и шипящим звуком (Откр. XII, 9; XX, 2). Вся эта группа составляла троякое повторение числа 6, символа бремени и несовершенства, и этот числовой символ антихриста — стоял в страшной противоположности к числу 888, состоявшему из трех совершенных 8 — в имени Иисуса.

Но иудейским читателям (а, как мы сказали, для иудейских читателей первоначально и предназначался Апокалипсис), не встречалось бы ни одного из тех затруднений, которые могли бы приводить в смущение их собратьев христиан из язычников. Апостол предупреждал их, что решение дается не так просто и быстро, как это обыкновенно бывает в подобных задачах. Всякий иудейский читатель, конечно, знал, что зверь был символом Нерона. Как иудеи, так и христиане видели в Нероне близкое сходство со змеем или драконом. Что тут имелся в виду Нерон, это могло быть ясно для всякого иудея, как и то, что под Вавилоном разумелся Рим, хотя собственно Рим не упомянут был ни одним словом. Он не стал бы пытаться разгадывать тайну под именем Nero Caesar по-латыни, так как *исопсефия* (которую иудей называл гематрией) была почти неизвестна среди римлян и их алфавитное счисление было совершенно неустановившимся. Он мог попытать вычислить Νερων καισαρ — по-гречески, но это не дало бы ему надлежащего числа. Тогда, как бы по некоторому внезапному озарению, ему могла представиться мысль попытать это имя по-еврейски. Апостол писал, как иудей, и мыслил, очевидно, как иудей. Испещренный солицизмами греческий язык Апостола с достаточностью показывает, что язык этот не был ему хорошо знаком, и что имена всех лиц, которых он имел в виду, первоначально должны были представляться его уму в их еврейских начертаниях. К тому же это могло еще более обеспечить криптографа против назойливой пронырливости предательских доносчиков из язычников.

12 Зак. 445

Вообще было крайне опасно делать тайну *слишком* ясною. Согласно с этим иудейский христианин мог попытать исчислить это имя в таком виде, как оно представлялось Апостолу, именно в *еврейских буквах.* И лишь только он приходил к этой мысли, как тайна тотчас же раскрывалась пред ним. Всякий иудей представлял Нерона исключительно под именем Нерона Кесаря, а еврейские буквы этого имени сразу же составляют = 50+200+6+50+100+60+200=666.

Христиане из иудеев были знакомы с тайнами этого рода. Они находятся даже у древних пророков после времени Иеремии и вообще встречаются в св. Писании Ветхого Завета. Иудейские христиане ни на миг не могли сомневаться в том, что в еврейском начертании имени Нерона Кесаря вполне разрешилась эта тайна. Иудеи вообще отличались скрытностью, а люди особенно склонны сохранять свои секреты, когда с ними связаны вопросы о жизни и смерти. Многие методы и секреты раввинской экзегетики, хотя и великой важности, хранились иудеями в тайне от христиан просто потому, что ревнивая исключительность и высокомерное предубеждение этого своеобразного народа (чувства, которыми, надо признаться, он в немалой степени обязан жестокости своих врагов) делали их равнодушными к религиозным взглядам других. Поэтому отнюдь не представляется чего-нибудь необычайного в том обстоятельстве, что азиатские иудействующие, впервые читавшие Апокалипсис ап. Иоанна, не выдали того, в каком имени они находили точное соответствие с числом зверя. Их вполне можно было извинять в том, что они, не обнаруживая желания открыть другим эту тайну, не хотели лишь ставить свою жизнь и самое существование своих церквей в зависимость от милости своих языческих собратий, в благоразумии и верности которых они не могли быть вполне уверены. Однако же они достаточно открывали в этом отношении, чтобы и других поставить на прямую дорогу к цели; а насколько дело касалось общего понимания мысли Апостола, то было почти безразлично, имелось ли здесь в виду название «латинянин», «Титан» или «Нерон Кесарь», так как все эти слова лишь в различных формах представляли одну и ту же сущность. Все наиболее ранние христианские

писатели об Апокалипсисе от св. Иринея до Викторина Петтавского и Коммодиана в четвертом, Андрея в пятом и Беата в восьмом столетии разумеют под апокалипсическим зверем Нерона или вообще какого-либо из римских императоров.

Если бы требовалось какое-либо подтверждение для такого заключения, то мы находим его в любопытном факте, записанном св. Иринеем, что в некоторых списках он находил число 616. Такая перемена едва ли могла зависеть от небрежности. Буквы χξϛ были столь своеобразны, даже по своей внешней форме, что едва ли кто-либо мог изменить их в χιϛ, т. е. 616. Но если приведенное выше решение правильно, то это замечательное и древнее разночтение сразу же объясняется. Иудейский христианин, пытаясь найти свое еврейское решение, которое (как он знал) рассчитано было на предохранение толкования от опасных язычников, мог быть озадачен буквою *«н»* в словах «Неро*н* Кесарь». Хотя имя это и писалось именно так по-еврейски, он, однако же, знал, что у римлян и вообще язычников имя это всегда писалось Nero Caesar, а не Hero*n*. Но Неро Кесарь по-еврейски, при опущении конечной буквы «н», давало 616, а не 666; и он легко мог изменить это чтение, воображая, что при изменении этой неважной частности, решение делалось более легким и сообразным с сущностью дела.

Против этого решения может быть сделано одно возражение. Нерон, скажут, не возвратился. Верование в его возвращение, хотя и отличалось упорною жизненностью, было простой химерой. Св. ап. Иоанн не мог внести в свой Апокалипсис того, что оказывалось лишь ошибкой народного поверья.

В действительности, однако же, этот вопрос отнюдь не затрагивает достоинства Откровения. Св. ап. Иоанн пользуется обычным верованием, как он мог воспользоваться и всяким другим современным фактом или всяким другим современным мнением, просто с целью представить символ и получить возможность указать на то именно лицо, которое он описывает. Внешний характер символики отнюдь не затрагивает истины тех великих начал, которые он открывает. Божественная надежда и утешения, которыми переполнен

Апокалипсис, драгоценные уроки, которыми изобилует он, ни в малейшей степени не затрагиваются тем обстоятельством, что он изображает нероновского зверя красками, которыми мог бы воспользоваться для его изображения и всякий другой историк, как гражданский, так и священный.

Но нужно заметить затем, что даже, если бы эта подробность о личном возвращении Нерона имела какое-нибудь существенное значение в общем предсказании, то и в таком случае она символически исполнилась с необычайной точностью. Нерон, вопреки народному верованию, в действительности не нашел себе убежища среди парфян и никогда не был восстановлен при содействии их, как это ожидалось в то время; но такого ожидания в сущности и нет в Апокалипсисе и оно отнюдь не заключается в его существенном значении. Всякий последующий враг Христианской Церкви обнаруживал в себе отличительные черты Нерона. Если пророчество о возвращении пророка Илии находило соответствующее исполнение в служении Иоанна Крестителя, то пророчество о возвращении Нерона нашло соответственное осуществление в Домициане, Деции, Диоклитиане и во многих последующих гонителях святых Божиих. Иносказание может допускать только иносказательное истолкование; и в лице Домициана, как мы увидим далее, предсказание о явлении врага Христова в лице Нero redivivus, можно сказать, исполнилось почти буквально, и во всяком случае символически.(Первые дни христианства стр. 510).

Опровержение лжеучения раскольников об имени и печати антихриста (XIII, 17-17)

И. Нильского

Раскольники учат, будто имя Иисус, содержимое Православною Церковью, есть имя антихриста, духовно царствующего в ней. Это — страшная и дерзкая хула на пресвятое имя Господа и безрассудная клевета на св. Церковь. Мы, со своей стороны, не можем не подивиться, как подобного рода богохульство может до сих пор повторяться раскольниками, которые и из своих собственных книг, которые хранятся у

них от лет древних, и из сочинений, написанных православными Пастырями Церкви, могут и должны знать, что это имя Господа как в Греции, так и у нас всегда употреблялось мужами святыми и уважаемыми у самих раскольников. Ужели можно до такой степени низвратить совесть, чтобы спокойно, даже с какою-то злобою и ожесточением произносить такую страшную хулу на Святое Имя Спасителя? Но к изумлению мы видим, что дерзкая ложь, высказанная еще в XVII веке, повторяется и до сего дня. Нам прискорбно опровергать подобную клевету, но, чтобы не показаться безответными, мы принуждены войти в некоторые подробности и касательно этого предмета. И во-первых, утверждая: будто имя Иисус есть имя антихриста, раскольники не только не имеют для такой лжи никакого основания, напротив решительно противоречат и слову Божию, и св. отцам Церкви, и даже самим себе. Не имеют никакого основания, потому что ни в св. Писании, ни в учении Церкви нет даже ни малейшего намека на то лжеучение, какое проповедуют раскольники касательно имени Иисус, и сами раскольники не представляют и не могут представить никаких свидетельств в пользу своей клеветы. Противоречат слову Божию и св. отцам, потому что в Откровении, хотя не указано прямо имя антихриста, но ясно и определенно сказано, что в имени его будет заключаться число 666, и кроме того, замечено, что тайна имени человека беззакония не доступна никому, потому что в ней заключается мудрость. *Никтоже возможет ни купити, ни продати, токмо кто имать начертание, или имя зверя, или число имене его. Зде мудрость есть, иже имать ум, да почтет число зверино бо человеческо есть, и число его шестьсот шестьдесят шесть.* (Апок. XIII, 17-18). А св. отцы и учители Церкви, рассуждая об антихристе, хотя вместе с тем гадали и об имени его, и указывали многие слова, из букв которых составляется число 666, но в то же время, исчисляя эти имена, они замечали, что подлинное имя антихриста неизвестно, что оно скрыто Богом от людей по премудрым целям, и на каком будет языке, также неизвестно. «Печати его (антихриста), говорит св. Ипполит, иже на челе и десней руце есть число шесть сот и шесть десят и шесть; *еже нещую,*

небо опасно совсем сего писания, многа бо имена в числе сем обретаются, соуть же сия: злый вождь, агнец неправедный, древле завистник, потрясет велми, титан, еже преисподний бес, и *отрицаюся, еже паче должно есть глаголати* понеже бо и прежде слуг ради своих сопостат враг, сиречь идолослужители, мучеником Христовым повелит глаголя, отрецытеся Распятаго, и идолом поклонитеся; таково нечто и при добру ненавистнице будет, отрицаюся глаголюще печати Творца небу и земли, отрицаюся крещения, отрицаюся службы моея, и тебе прилагаюся и верую». «И известное ведение, якоже и прочая о нем (антихристе) писанная, говорит Андрей Кесарийский, время открыет и искус целомудрствующим и бодрствующим. Аще бо была бы потреба (якоже нецыи реша учители) яве ведате каково имя, узревый бо его откры. Но не изволи божественная благодать в божественной книзе имени пагубному написану быти, яко во образе же обучения многая мощно обрести»(по блаженному Ипполиту и инех) имена число сие (666) объемлющая. Нарицательная же и собственная сиречь господственная», и далее исчисляет эти имена — восемь всех, четыре собственных и четыре нарицательных, и склоняется более к имени Βεννεδικτοζ — благословенный: «Негли по подражанию воистину благословеннаго Христа Бога нашего». Из этих свидетельств ясно видно, что в имени антихриста будет заключаться число 666, но какое будет это имя, — неизвестно.

В троеперстии раскольники видят ту печать, которую антихрист, по учению Слова Божия и св. отцов и учителей Церкви, положит на десной руке и на челе всем последователям Своим.

Но есть прямые и положительные свидетельства слова Божия и св. отцов и учителей Церкви, которые решительно опровергают учение раскольников об этом предмете, и в то же время показывают, какая действительно будет печать человека беззакония, которую он положит на десной руке и на челе каждому из своих последователей.

И сотворит (предтеча антихриста) *вся малыя и великия, богатыя и убогия, свободныя и работныя, да даст им начертание, на десней руце их или на челах их,* говорит

Тайнозритель, *да никто же возможет ни купити, ни продати, токмо кто имать начертание, или имя зверя, или число имене его. Зде есть мудрость,* продолжает св. Иоанн Богослов, *иже имать ум, да почтет число зверино: число бо человеческо есть, и число его шесть сот шестьдесят шесть* (Апок. XIII, 16-18). Уже из этого одного свидетельства св. Иоанна Богослова ясно видна ложь раскольников, будто троеперстие, употребляемое сынами Православной Церкви для крестного знамения, есть печать антихриста. В приведенных нами словах Новозаветного Тайнозрителя судеб Божиих не только нет даже и намека на что-либо подобное, напротив, прямо высказывается та мысль, что печать, которою предтеча антихриста и сам он будет знаменовать каждого из своих последователей, будет состоять в начертании, т. е. каком-то особенном знаке, который, неизвестно каким способом, будет положен на тех, кои поклонятся человеку беззакония, и притом эта печать будет не одна, а трояка, и будет состоять из простого начертания какого-то знака, из начертания имени антихристова, и, наконец — числа, заключающего в этом имени — 666.

Так действительно и понимают печать антихриста св. отцы и учители Церкви. Вот их свидетельства об этом предмете:

Св. Ипполит, папа Римский, говорит: «все тесноты ради пищныя к нему (антихристу) приидут и поклонятся ему, и даст им знамение на руце десней и на челе, да никто же честный и животворящий крест сотворит десною своею рукою на челе, но связана рука его будет и оттоле власти не имать знаменати своя уды, но прелестнику приложится, и тому единому послужит, понеже таковому покаяния несть, всяко убо яве яко погибе от Бога и от человек». И потом, объясняя, в чем будет состоять эта печать, св. Отец продолжает: «и дарует тем льстец малы снеди, печати ради своея скверныя, печати же его иже на челе и на десней руце есть число, шесть сот шестьдесят и шесть, еже непщую, не бо опасно свем сего писания, много бо имена в числе сем обретаются. соуть же сия: злый вождь, агнец неправедный и др». Ясно, какая, по мнению св. Ипполита, будет печать антихриста. Ее будет составлять число 666, изображенное

или начертанное на правой руке и на челе, — и притом так, что тот, на ком положено будет это начертание, не в состоянии будет знаменовать себя крестом, и самая печать будет дана «вместо животворящаго креста Спасова». Есть ли в такой печати хотя малейшее сходство с троеперстием? Какое же и каким образом из трех перстов составит число имени антихриста, и связывает ли троеперстие руку так, чтобы человек не мог изображать на себе крестного знамения? Раскольники говорят, что рука того, кто крестится тремя перстами, связана, «не узами железными, но клятвою» (разумея вероятно, определение Стоглава). Но клятва, если она справедлива (а определение Стоглава вовсе не таково), связывает не руку, не член какой-либо, который, повинуясь воле человека, остается невиновным в том или другом проступке, запрещенном клятвою, но — душу и совесть того, кто нарушает ее и притом связывает духовно, невидимо, между тем печать антихриста, по учению св. Ипполита, будет чувственна и видима, потому что принявшие ее «нигдеже возмогут убежати с пути сопротивнаго (антихриста), но знамение его обносяще, удобь ведоми и знамени тому явятся», т. е. печать будет видимым знаком и притом неизгладимым и постоянным, по которому можно будет отличать последователей антихриста от учеников Христовых; а разве можно это сказать о троеперстии? Разве по троеперстию можно отличать раскольника от православного в то время, когда они не знаменают себя крестом, или разве нельзя оставить его и принять образ крестного знамения такой, какой употребляется раскольниками, т. е. двумя перстами? Совращаемые в раскол православные ясно доказывают эту возможность. С другой стороны, печать антихристова будет несчастною принадлежностью одних последователей сына погибели. Но если она, как утверждают раскольники, состоит в троеперстии, т. е. сложении вместе трех перстов, потому что крестное знамение (как движение рук с чела на живот, потом на правое и затем на левое плечо) и при троеперстии остается неприкосновенным и святым, чего и раскольники не могут не признать; в таком случае беспоповцы должны допустить, что православные (по мнению раскольников — последователи антихриста) не

всегда имеют печать антихриста, потому что не всегда же у них три первые перста правой руки сложены бывают вместе, а это — несогласно с учением св. Ипполита, который прямо и решительно говорит, что печать сына погибели постоянно будет находиться на тех, кои примут ее, — мало этого, раскольники должны в таком случае согласиться, что и они сами носят иногда на своих руках печать сына погибели, потому что и они при некоторых занятиях слагают три первые перста вместе. При этом не можем не припомнить следующих, строгих, но совершенно справедливых слов преосвященного Игнатия, митрополита Тобольского, которыми он обличал раскольников своего времени, утверждавших, что троеперстие есть печать антихриста. «К тебе мое слово, окаянне отступниче, где нашел еси в Писании, яко иже три персты слагает и крест творит, то есть печать антихриста проклятаго; но нигде же сего писано покажеши, ниже слыхано когда бысть. Но аз прославляя Святую Троицу, хуление твое обличу. Яко аще сии три персты похуляя, называеши печатию скверного антихриста, яко егда слагаются три вкупе, то убо подобает тебе и у своея руки те первые три персты отсещи, понеже ты диавольским учением в хулу превращен, сицевая изрыгнул еси. И теми треми персты, ихже диаволу отделяеши, яко злии еретицы манихеи, ничесоже да твориши: ниже да пишеши, ниже да яси, ниже да пиеши, ниже да прядеши, и ничтоже ими да твориши: якоже выше рех, у тебе да отсекутся, да не будет тебе соблазн. Рече бо Господь наш Иисус Христос (якоже писано есть во Святом Евангелии): аще десная твоя рука соблазняет тя, усецы ю, и верзи от себе: уне бо ти есть, да погибнет един от уд твоих, а не все тело твое ввержено будет в геенну (Мф. V, 30). Зри, окаянне, в каковое единобесие диавольское вринулся еси...» И потом сказав, что тремя перстами изображаются чувственно Отец и Сын и Св. Дух, продолжает: «но да не речеши, яко пространнее о сем не имеет глаголати: слыши, что писано есть св. Ипполитом о начертании скверного антихриста: пишет бо в книзе торжественнике, московския печати, на листу 127-м: даде Господь знамение иже в Него верующим, честный крест и той (еже есть антихрист) подобне даст свое знамение. Зри и вонми

прилежно, яко антихристово знамение не сложение перст и не крест Христов, его же начертывает человек православный тремя первыми персты, но некое имать быти начертанием пятно, якоже у нас пятнают коней или иной каковый скот: а креста Христова и Христова имене, в негоже все Православие верует, ниже он слышати восхощет, и повелит всякому славити себе яко бога... И паки той же св. Ипполит, в том же слове пишет на листу 132-м, на обороте: и убо покоряющихся (ему) знаменает печатию своею. Виждь, яко вправду рекох, яко знаменует еже есть запятнает: и уже креста Христова к тому никтоже на себе не имать изображати, приемший начертание сквернаго богоборца, вместо животворящего знамения креста Спасова: и будет рука его связана. Сие же еже речено, рука связана, заключает Архипастырь, исполнися на сожженных вашим злым учением, их же сожгли есте, связаше руки их назад: иже видевше свою смерть пагубою огненною, а креста святаго на себе пред смертию никто же не изобрази, понеже бяху руце их связани. И сие довлеет тебе во извещение, яко мы вси православнии крест Христов на себе изображаем». Действительно, одних этих слов, заметим опять, строгих, но в высшей степени справедливых, достаточно, чтобы видеть всю ложь раскольников, которые троеперстие, употребляемое сынами Православной Церкви для крестного знамения, называют печатью антихриста. И раскольники сами сознают справедливость учения православного и нелепость и ложность своего учения касательно троеперстия, как печати антихриста, и потому в сочинениях новейших эта ложь уже оставлена, как слишком очевидная для всякого, кто сколько-нибудь знаком с учением св. отцов, и даже для простого здравого смысла, и придумана другая, но так же неосновательная и бездоказательная, противная Слову Божию и учению св. отцов и учителей Церкви. Стыдясь указать на троеперстие, как печать антихриста, и в то же время желая доказать, что человек беззакония уже царствует в Русской Церкви, и, следовательно, печать его уже существует на его последователях, раскольники не имея, на что указать, как на знамение сына погибели, стали понимать печать антихриста в смысле несобственном и разуметь под нею

печать отступления от православной истины. «Знамение и начертание антихристово, говорит составитель книги об антихристе, состоящей из 35 статей, аще и различными словесы святии сказуют, обаче в едино действо льсти и отступления знаменуют». Но мы видели «словеса» св. Ипполита и думаем, что всякий добросовестный человек согласится, что в них нет даже и намека на то, будто печать антихриста будет состоять в отступлении, напротив из них ясно видно, что пагубное начертание зверя будет составлять видимый какой-то знак, в котором будет заключаться или самое имя антихриста, или число имени его. Чем же раскольники доказывают свое учение об отступлении, как печати антихриста? Все доказательства в этом случае состоят из самого недобросовестного набора разных отрывочных отеческих свидетельств, часто совершенно не относящихся к делу, которые даже в том виде, как они приводятся раскольниками, нимало не доказывают, да и не могут доказать того, что печать антихриста нужно понимать в смысле отступления. Разбирать все хитросплетения раскольников, которыми они доказывают свое учение, нет нужды, потому что ложь ясна с первого взгляда на нее. Заметим только, что главным основанием, на котором утверждается ложь, служит понятие раскольников об антихристе, как отступлении. «Понеже и сам антихрист отступление и лесть последняя есть, и начертание его нарицается отступление», говорят раскольники. Но под антихристом нужно разуметь не отступление людей от веры и православной истины, но лице человека в собственном смысле, следовательно, основания раскольников для учения о печати антихриста, как отступлении, ложно, а вместе с тем падает и самое их учение, утверждающееся на этом основании. Отступление — невидимо, духовно, а печать антихриста, по учению св. отцов, будет: а) видима, потому что по ней будут узнавать последователей антихриста приставники брашен и сам он, и отличать их от учеников Христовых; и б) чувственна, потому что будет находиться не на правых руках только или челах людей, что раскольники объясняют в смысле несобственном («да благих дел отсечет действо, да научит в лести и тме прильщенныя дерзати»),

но и «в куплях и продаяниях», а товар какой-либо не может ни творить добрых дел, ни принимать научения, — не может ни отступать от истины, ни следовать ей. Раскольники продажу и куплю, о которых говорится в слове Божием и у св. отцов, и которые тесно связаны будут в царство антихриста с знамением его, так как без него никто не будет в состоянии ни покупать, ни продавать, разумеют в смысле несобственном, но это опять — совершенная ложь, от которой должны отказаться сами раскольники. Далее, в печати антихриста будет заключаться число имени его: 666, но как это приложимо к отступлению? Раскольники говорят, что только «по Ипполиту печати его число 666 сказуется, по Откровению же имене его сие сказуется число, имя же его по Златоусту есть отступление», т. е., по мысли раскольников, и в том случае, если разуметь под печатью антихриста отступление, в ней будет заключаться имя сына погибели, потому что св. Златоуст называет антихриста отступлением. Но не это имя, по учению Слова Божия и св. отцов, должно заключаться в печати богоборца, а имя, из букв которого составится число 666, и которое собственно и будет подлинное имя антихриста, а в «отступлении» нет и не может быть этого числа. Св. Златоуст называет антихриста отступлением не в том смысле, будто это — его истинное имя, а в том, что сын погибели сам будет отступник и других будет стараться «отставити» от Христа. Он называет антихриста и человеком, следовательно, и печать антихриста будет человек?... По логике раскольников, так нужно допустить... «Сие число (666) образует все лета миру от Адама до погибели зверя», говорят раскольники, не желая согласиться, что число это есть число имени антихристова и будет заключаться в печати его. И в доказательство ссылаются на 38 главу ап. ст. 167. Но этих слов нет, да и не может быть в толковании на Апокалипсис Андрея Кесарийского, потому что число 666 он прямо относит к имени антихриста, — и вот одно из доказательств того, как недобросовестно действуют раскольники в своих сочинениях и вместе — к какой лжи прибегает составитель книги об антихристе — из 35 статей, чтобы доказать, что печать антихриста нужно понимать в смысле отступления. Наконец,

чтобы еще более показать ложь раскольнического учения о печати человека беззакония и истину православного учения об этом предмете, мы приведем еще некоторые свидетельства св. отцов и учителей Церкви, из которых видно как то, что под печатью антихриста нельзя разуметь ни троеперстия, ни отступления, так и то, что она будет состоять из какого-то знака, из имени сына погибели и числа имени его. Вот как говорят об этом:

Св. Ефрем Сирин: «вонмите, братия, великую злобу зверину, ков и лукавство, яко от чрева начинает, да егда кто оскудеет брашна лишен, то понудится печать его прияти, и даст ему свою печать скверный не просто же на всех удех тела, да не негодуют, но даст на руце десней человеку, такожде и на челе мерзкий образ, да области не имать человек знаменатися десною рукой, знамением Христа Спасителя нашего, ниже паки на челе знаменатися отнюдь страшным и святым именем Господним, ни паки крестом Спасовым, славным и страшным, уразумеет бо окаянный, яко крестом Господним аще знаменается человек, то разрушает ему всю силу; сего ради запечатлевает десницу человеку, та бо есть знаменующая вся уды наша, такожде и на челе, якоже бо свещник свещу света, знамение Спаса на высоте». И в другом месте: «вси веровавшии зверю, приемшии печать того скверного и мерзкий образ, приступят к нему вкупе».

Лактанций: «Он (антихрист) положит знаки на тех, которые приблизятся к нему и будут ему верить; а кто не примет его знака, те убегут на горы, а если пойманы будут, то претерпят величайшие муки и будут преданы самым жестоким родам смерти».

Андрей Кесарийский: «заступник или предтеча антихристов, действуяй бесами, сотворит образ зверю... И начертание же пагубнаго имене отступнича (и прелестнича) на всех наложити потщится. На десных убо (руках), да (десных и) благих дел отсечет действо, на челех же, да научит в лести и тме прельщенныя держати, но не приимут (его) знаменаннии на лицах божественным светом, и число же зверя распространити везде начнет, в куплях же и продаяниих, да не приемшим сие (т. е. число) от оскудения нуждных насильная смерть приидет».

Согласно с древними св. отцами и учителями Церкви и наша Православная Церковь учила, что печать антихристова

будет состоять в начертании его образа или имени, или, наконец — числа, заключающегося в имени, т. е. 666.

После всех этих свидетельств ясно видна ложь раскольников, которую они проповедуют касательно печати сына погибели. С другой стороны видно и то, как несправедливо и даже нелепо учение некоторых частных толков раскольнических, из которых одни считают печатью антихриста изображение двухглавого орла со всадником, поражающим змия, и видят ее в русских деньгах и в паспортах, а другие печатью сына погибели признают повиновение предержащей власти. Подобная ложь не заслуживает и опровержения (Об антихристе против раскольников, стр. 354).

Библиографический указатель к XIII главе

1) *Андрея Кесарийского.* Толкование на Апокалипсис. 1889. М. Гл. 36. О звере десятирогом и семиглавом (ст. 1-10). О лжепророке (ст. 11-17). О скверном имени антихриста (ст. 18). Стр. 159.

2) *Еп. Петра.* Объяснение Апокалипсиса. Томск 1885 г. О звере десятирогом (ст. 1-10): появление зверя и вид его (ст. 1-2); состояние зверя (ст. 3-4); действия зверя (ст. 5-7); следствие враждебных усилий зверя (ст. 8); эпилог увещательный (ст. 9-10). О двурогом звере (ст. 11-18): появление и вид его (ст. 11-12); состояние зверя (ст. 13); действия зверя: проповедание вредного учения, подтверждаемого чудесами (ст. 13-14); гибельные советы, внушаемые людям касательно начертания образа зверя и поклонения ему (ст. 14-17). Стр. 171-179.

3) *Фаррара.* Первые дни христианства. Перев. Лопухина. Зверь из моря. Второй зверь и лжепророк. Стр. 505-509, 516-526.

4) *Оберлена.* Пророк Даниил и Апокалипсис Св. Иоанна. Перев. прот. Романова. Зверь о семи головах и десяти рогах (ст. 1-10). Стр 303-318. Второй зверь и лжепророк (ст. 11-18). Стр. 365-378.

5) *Ф. Яковлева.* Апостолы. Вып. 2. Идолопоклонство Римской Империи под видом зверя из моря (ст. 1-10). Антихрист. Лжепророк (ст. 11-18). Стр. 263-298.

6) *Сабурова.* Об антихристе. Приб. к тв. Св. От. 1858 г. XVII, 411, 493.

7) Собеседования с глаголемыми старообрядцами. Вып. 1. М. 1889. Беседы об антихристе. Стр. 159-235.

8) *П. Орлова.* Критический разбор главнейших мнений об антихристе. Прав. Обозр. 1889 г. Май — Июнь. Стр. 190. Июль — Авг. Стр. 412.

ГЛАВА XIV

Анализ и объяснение XIV главы. Состояние истинной Церкви Христовой и брань ее со зверем

Еп. Петра

В XIV главе содержатся три видения, из коих в первом описывается состояние истинной Церкви в промежутке процветания империи зверя, (ст. 1-5). Во втором видении изображается состояние Церкви после исхода из Вавилона под эмблемой трех Ангелов, которые проповедуют Евангелие и Вавилону возвещают конечное разрушение (ст. 6-13). В третьем видении изображаются суды, которыми совершится разрушение духовного Вавилона под эмблемой жатвы и выжимания винограда (ст. 14-20).

Первое видение (1-5)

В этом видении изображается Церковь, чистая невеста Иисуса Христа, во время процветания империи зверя, под образом 114 тысяч, стоящих с Агнцем на горе Сионе. К ним присоединяется новый сонм святых, играющих на гуслях и высокой песнью прославляющих великое благодеяние спасения, которым они обязаны Иисусу Христу и Богу Отцу; и вместе исповедующих свою веру и надежду.

Здесь представляется: а) Церковь Христова под эмблемой 144 тысяч святых, стоящих на горе Сионе (ст. 1); б) присоединение к Церкви сонма играющих на гуслях и воспевающих новую песнь (ст. 2); в) похвала Церкви Христовой (ст. 3-5).

а) *Церковь Христова представляется на Сионе.* Ст. 1. *И взглянул я, и вот Агнец стоит на горе Сионе, и с Ним сто*

сорок четыре тысячи, у которых имя Отца Его написано на челах. В то время, как зверь царствовал и царство свое старался распространять в мире, Святый Дух к утешению благочестивых открывает, что и Бог имеет в мире Церковь, которая стоит на твердом основании истинной веры, царствует с Иисусом Христом на горе Сионе и, наконец, восторжествует над зверем и его империей. Характер этой Церкви изображается в следующих чертах: а) Церковь представляется под эмблемой 144 тысяч. Это число есть таинственное (см. 7, 4, 5). Число 144 есть квадрат, которого корень есть 12. Это число (12) изображает Церковь, 1) основанную на учении 12 Апостолов Христовых (Ефес. 2, 20. Апок. 12, 14), и на этом непоколебимом основании твердо стоящую против всех искушений плоти, мира и диавола; 2) изображает Церковь, как прообраз Ветхозаветной Церкви Иудейской, разделявшейся на 12 колен; потому она составляет истинного Израиля, народ Божий в Новозаветной экономии. Избранные представлялись св. Иоанну на горе Сионе, как бы выведенные на свободу сынов Божиих; сделавшиеся участниками царства и священства истинного, духовного (Евр. 12, 22 и сл.). Представлялись пребывающими с Агнцем, т.е. Иисусом Христом, Который, как Агнец Пасхальный, принес Себя в искупительную жертву на кресте (гл. 5, 6). Это значит, что избранные ищут Одного Иисуса Христа, славятся Им, как своим Царем и Первосвященником, к Нему Одному прилепляются чистой любовью, стараются Ему Одному угождать и служить, в Его жертвоприношении и в общении с Ним Одним находят себе успокоение и счастливую жизнь. Взаимно и Иисус Христос соединяется с верными, благочестивыми почитателями Его, и изъявляет им все богатство Своей любви. *Имя Отца Его (Иисуса Христа) было написано на челах их.* Это имя не есть буквальное название, и начертание его не есть вещественное; но означает отличительные качества духовные или господствующий образ мыслей, желаний, чувствований, нравственный характер, образ жизни, из которого ясно видно, как будто из надписи на открытом челе, что избранные Божии всецело посвятили себя для почитания, служения и славы Иисуса Христа и Отца Его.

б) *Присоединение сонма играющих на гуслях к 144 тысячам девственников.* Ст. 2. *И услышал я голос с неба, как шум от множества вод и как звук сильного грома; и услышал голос как бы гуслистов, играющих на гуслях своих.* Св. Иоанн как бы так говорил: я слышал большой шум какого-то многочисленного сонма, который и голосом и на гуслях произносил пред Богом свое исповедание или воспевал хвалу Ему; голос этого сонма был подобен шуму многих вод и сильному грому. Поелику местом этого видения было небо, именно город Иерусалим, представляйшийся на небе, где св. Иоанн видел гору Сион, лежащую близ холма Мориа, на котором стоял храм; то вероятно, что этот хор играющих на гуслях представляется в образе Ангелов, подобно священным лицам — левитам, одетым в льняные одежды, которые обыкновенно играли на гуслях в иудейском храме. Предводители этого хора были, вероятно, ангелоподобные, знаменитые мужи, учители, которые в Церкви и в общественных собраниях против развращения своего времени защищали истину и чистоту нравов с такой силой и дерзновением, что везде возбуждали шумный говор и согласные, одобрительные отзывы людей всякого чина. Это и значит то, что голос их был подобен шуму многих вод и сильному грому. Они представляются св. Иоанну под видом играющих на гуслях, т.е. священных лиц, которые общественное служение отправляли в храме Божием и своим служением старались благоугождать Богу и святым; и вообще весь хор избранных, для удовольствия и утешения народа Божия, в приятном, стройном пении произносил исповедание своей веры с благодарением за спасение рода человеческого, совершенное Иисусом Христом. Они доказывали прекрасную гармонию Евангельского учения, и везде получали одобрение от своих слушателей, которые этим приятным вещанием Евангелия услаждались. Ибо гусли здесь служат эмблемой приятной вести благодати, которую приносит Евангелие, и хвалы (Евр. 13, 15), которую возносят Богу исповедающие Его имя за такое великое благодеяние.

Ст. 3. *Они поют как бы новую песнь пред престолом и пред четырьмя животными и старцами.* Эти святые служители Божии — духовные левиты и священники играли на гуслях

и припевали. Предметом их песни было или исповедание веры, или прославление величайшего благодеяния искупления из рабства духовного. Хоть эта песнь по своему содержанию была древняя; потому что они исповедывали учение апостольское, а не другое какое, и воспевали хвалу Богу ту же, какую давно воспевали животные и пресвитеры (5, 9); однако она была как бы новая, может быть — и потому, что они вновь собственным опытом узнали цену новых благодеяний, оказанных Иисусом Христом в Новом Завете, как бы вновь сердцем ощутили сладость и счастье своего состояния пребывания в тесном общении со своим Искупителем. Эти благодеяния Иисуса Христа и сладость блаженства никогда не устареют, всегда будут иметь свою новую, свежую приятность.

в) *Похвала Христовой Церкви, пребывающей с Агнцем на горе Сионе; изображаются разные добродетели и свойства ее:*

1) Понятливость. Ст. 3 пол. *И никто не мог научиться сей песни, кроме сих ста сорока четырех тысяч, искупленных от земли.*

2) Чистота учения и нравов. Ст.4. *Это суть те, которые не осквернились с женами: ибо они девственники.* Здесь можно разуметь девство и нравственное, и духовное. Не оскверняться с женами на языке Св. Писания (Иер. 3, 9. Иез. 23, 2, 3. Ос. 1, 2) иногда значит быть чистым от порока духовного прелюбодеяния, т.е. идолослужения, суеверия, порабощения какой-нибудь страсти и всякой греховной нечистоты. В последнем отношении быть девственником значит исповедовать чистое учение Евангельское, совершать достойное Богу служение, быть свободным от суеверия, заблуждения, лицемерия, чистой любовью прилепляться к Иисусу Христу, жизнь и нравы сообразовать по Евангельскому учению. Так и Ап. Павел представляет Церковь (Ефес. 5, 27), как совершенную невесту Христову, которая хотя есть жена Христова, но не перестает быть девой, чистой от общения с миром (2 Кор. 11, 2).

3) Искреннее расположение к Иисусу Христу. Ст. 4 пол. *Это суть те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел.*

4) Свобода. Ст. 4 пол. *Они искуплены из людей, как первенцы Богу и Агнцу,* т.е. выведенные из духовного рабства

на свободу сынов Божиих, посвященные Богу и Христу, заботящиеся о славе Его Одного и любящие общение с Ним. Выражение: *первенцы Богу и Агнцу,* кажется, взято из книг Моисеевых, где повелевалось первенцев посвящать Богу (Исх. 13, 2, 15).

5) Непорочность. Ст. 5. *И в устах их нет лукавства: они непорочны пред престолом Божиим.*

Второе видение (6-13)

В предыдущем видении изложено только как бы предисловие касательно приведения Церкви в лучшее состояние. А здесь это благоустраивание Церкви изображается эмблемой трех Ангелов проповедников, по порядку являвшихся один за другим и возвещавших суд Божий над противниками. Это видение состоит из двух частей. В первой части излагаются проповеди трех Ангелов (ст. 6-11). Во второй части, в виде заключения, изображается характер времени проповеди последнего Ангела (ст. 12,13).

Первый Ангел проповедник (6-7). Ст. 6. *И увидел я другаго Ангела, летящаго посредине неба, который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле и всякому племени, и колену, и языку, и народу.* Св. Иоанн видел Ангела, летящего по небу, вероятно, держащего в своей руке развернутый свиток, и показывающего его всем народам, Ангел здесь не означает собственно Ангела, потому что Ангел не учит Евангелию, но — проповедника Евангелия, служителя Церкви. Ангел вообще значит вестник или посланник, которому Богом поручено исполнить какое-нибудь дело. В этом смысле и св. Иоанн Предтеча, пр. Аггей и другие служители Божии называются Ангелами (Мал. 3, 1. Агг. 1, 13. Ис. 44, 26. Мат. 13, 41. Апок. 9, 14, 10, 1). Потому и здесь под Ангелом подразумеваются проповедники Евангелия, которым поручено служение примирения людей с Богом (2 Кор. 5, 5, 18, 20). Этот *Ангел летел по небу.* Это значит, что служители Божии обращаются в виду всех, поставлены на видном, почетном месте, публично отправляют должность в Церкви, так чтобы все могли видеть и слышать их. Евангелие, т.е. учение о благодати оправдания человека грешника пред Богом и об истинном Бого-

почитании, называется вечным потому, что оно еще в древности было обещано отцам, впоследствии проповедано Иисусом Христом и Апостолами, и ныне, и навсегда, во все века будет иметь силу. Хотя оно по временам было затемнено разными толками и заблуждениями людей суемудрых, но теперь оно более уяснится правомыслящими, очистится от грубых понятий и заблуждений.

Ст. 7. *И говорил он громким голосом: убойтесь Бога, и воздайте Ему славу; ибо наступил час суда Его, и поклонитесь сотворившему небо и землю, и море и источники вод.* Страх, или благоговение пред Богом, есть начало премудрости и основание благочестия (Притч. 1, 7). А по недостатку страха люди часто допускают много заблуждений в вере, впадают в беспечность, ведут плотскую жизнь, которая есть вражда на Бога (Рим. 8, 7, 8). Потому Ангел прежде всего и побуждает благоговеть пред Богом, как Творцом мира — всемогущим верховным Владыкою всего, Правителем и Судиею. Суд Божий описывается ниже.

Второй Ангел проповедник Ст. 8. *И другой Ангел следовал за ним, говоря: пал, пал Вавилон, город великий, потому что он яростным вином блуда своего напоил все народы.* Под Вавилоном одни разумеют языческий Рим, а другие лжехристианскую Империю. Причиной падения этого Вавилона было то, что он напоил все народы вином блуда, и за то подвергся гневу Божию. Под вином блуда разумеется ложное учение религии (Иер. 51, 7), от которого происходит в душе омрачение, как при опьянении от вина.

Третий Ангел проповедник. Ст. 9. *И третий Ангел последовал за ними, говоря громким голосом: кто поклоняется зверю и образу его, и принимает начертание на чело свое, или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем.* Ст. 10 и 11. *И дым мучения их восходит во веки веков, и не имеют покоя ни днем, ни ночью, поклоняющиеся зверю и образу его, и принимающие начертание* (характер) *имени его.* Под вином ярости Божией подразумеваются тяжкие суды Божии, которые приводят людей в страх, исступление, подобно опьянелым от вина, возмущают дух. Это относится к

внешнему, временному наказанию, которое будет соединено с духовным и вечным мучением в огне и сере. Когда сера соединяется с огнем,то от этого происходит ужасный пожар и нестерпимо жестокое мучение. Нечестивые вечно будут мучиться и внешним и внутренним огнем, т.е. страстями и совестью, которая, представляя гнусность пороков и гнев Божий за них, никогда не даст покоя духу (Ис. 57, 21. Мат. 11, 29).

Характер, или признаки времени проповеди последнего Ангела (12-13). Ст. 12. *Здесь терпение святых, соблюдающих заповеди Божии и веру в Иисуса.* Из этого видно, что во время проповеди третьего Ангела Церковь подвергнется тяжкой скорби от зверя, которая будет предшествовать звуку последней трубы, и во время которой два свидетеля Христовы будут убиты зверем (гл. 11, 7).

Ст. 13. *И услышал я голос с неба, говорящий мне: напиши: отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе. Ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними.* Умирать в Господе значит тихо переходить в другую жизнь в общении с Господом или за Господа, — за истину подвергаться мученической смерти во время гонения от зверя. Подвергающиеся мученичеству называются блаженными преимущественно пред другими потому, что по мере своих страданий они получат высшую награду от Бога. Они успокоятся от трудов своих, т.е. после смерти освободятся от всех забот, неприятностей, скорбей, не будут уже подвергаться бедствиям, но в общении с Иисусом Христом будут наслаждаться плодами дел и трудов своих (Объяснение Апокалипсиса, стр. 180).

Толкование на ст. 8. Ложная мудрость — вино любодеяния

Филарета, митроп. Московского

Воздержание ума почитается у людей наименьшей обязанностью. Жажда познания, без дальнейшего рассмотрения, приемлется не только за естественное и невинное, но даже за благородное чувствование. И как роскошь чувственная оказывает какое-то уважение ум помрачающему вину, в сравнении с очищающей оный водою: так нередко

роскошь ума с пренебрежением проходит мимо чистых источников Израилевых и с жадностью принимает из рук любодейцы Вавилонской, ложной мудрости мира, чашу, из которой сия *от вина ярости любодеяния своего напоевает вся языки* (XIV, 8). Наше время видело, и не к блаженству своему, кажется, еще видит жаждущих так называемого просвещения, которые из чаши сей пьют *вино* сперва духовного *любодеяния*, приемлют учение, которое приводит в забвение священные отношения человека к Богу и вводит противное чистому закону не растленного ума смешение истины с ложью, зла с добром, нравственности со страстями, духовного с чувственным; потом пьют *вино любодеяния* даже чувственного, поелику от нечистых понятий естественно происходят нечистые чувствования, и растленное учение сопровождается развратною жизнью; — и в которых, наконец, сие *вино любодеяния*, в высшей степени упоения, превращается в вино *ярости;* поелику обуявшие от ложного просвещения подобно пьяным, не любят быть в покое, но с мечтательною мыслию преобразования, все хотят ниспровергнуть и разрушить, и нездоровую жажду просвещения, от неестественного пития превратившуюся у них в другую, еще более неистовую жажду — быть просветителями, не умеют угасить иначе, как слезами и кровию людей и народов! (Слова и речи, т. II, стр. 350-351).

Блажени мертвии, умирающии о Господе (XIV,13). Нам кажется, что нет ничего страшнее смерти, ничего — ужаснее гроба. Но Слово Божие, не называя блаженными живых, называет блаженными мертвых: *блажени мертвии,* свидетельствует сам Дух Господень.

Блажени уже потому, что когда мы пришельствуем, еще в стране изгнания, — они достигли небесного отечества; мы вдаемся в присноволнующемся море житейских попечений, — они вошли уже в тихое пристанище успокоения, мы в узах плоти, — они в свободе духа! Присмотритесь к лежащему во гробе, как ничто наше, земное не возмущает его смертного покоя — ни наши радости и слезы, ни наши удовольствия и огорчения, ни наше благополучие и несчастия. Он чужд всему, выше всего, неприступен ни для чего! *Блажени мертвии.*

Но увы! сие видимое спокойствие бренной плоти, общее всем мертвым, не всегда есть признак безмятежного покоя духа, отрешившегося от плоти. Нет у мертвых наших радостей и скорбей; но радости или скорби сретают их в другом мире, когда предстают они пред престолом всеведующего Судии и Бога. О, какие ужасные, невообразимые для нас скорби и болезни обыдут там душу, обремененную грехами, связанную плотскими похотениями и страстями прикованную к земным наслаждениям! И какие неизглаголанные для нас, радости обретает душа, которая является в другой мир под кровом благодати Господней, в объятиях милосердия Отца небесного, под руководством и охранением св. Ангелов и духов праведных, совершенных. Посему-то Дух Божий и называет блаженными только тех мертвых, кои умирают о Господе: *блажени мертвии, умирающие о Господе.*

То есть, блаженны те мертвые, кои в продолжение жизни были соединены с Господом живою верою в Него и сохранили веру сию до последнего воздыхания смертного, с нею преступили прах смерти, с нею явились пред престолом Господним. Блаженны те, кои ведая волю Господню, тщились исполнять ее в продолжение всей своей жизни, ходили по слову Писания, во всех заповедях и оправданиях Господних беспорочно. Блажени мертвии, кои возлегая на одр смертный, могли сказать с Самуилом всем, среди коих провели жизнь свою: *се аз, — отвещайте на мя пред Господом, еда у кого тельца взях или осля, или кого от вас насильствовах, или кого утесних, или от руку некоего приях мзду!* Блажен, кому и самый враг не может сказать иначе, что говорил Давиду злейший враг его Саул: *праведен ты, паче мене, яко аз воздах тебе злая, ты же воздал ми еси благая!* Блажени мертвии, кои с благодушием несли крест, возлагаемый промыслом Божиим, — с ровною любовию принимали от руки Господней и утешения радостей и чашу скорби. Блаженны те, кои в продолжение земного странствования, сколько бы оно ни было для них приятно по обилию земных благ и радостей, не забывали своего небесного Отечества, — к нему устремляли мысль свою, о нем воздыхали сердцем своим, в нем утверждали чаяния и надежды свои, в нем искали неоскудеваемого сокровища сердца своего, для

стяжания его готовы были жертвовать всеми сокровищами мира. Блаженны те, кои при всем стремлении к правде и благочестию, не полагались на свою праведность, искали оправдания во Христе Иисусе, *Его же Бог Отец положи очищение верою в крови Его;* потому до конца жизни не переставали сокрушаться о вольных и невольных прегрешениях своих, исповедывать их пред Богом, и от Него единаго чаять оправдания и помилования. *Блажени мертвии, умирающие о Господе!* Им Сам Господь речет на последнем суде Своем, пред лицем всего мира: *приидите, благословении Отца Моего, последуйте уготованное вам Царствие от сложения мира!* (Воскр. Чт. XI, 299).

Третье видение (14-20)

В этом видении описываются тяжкие суды Божии, которые совершенно поразят гонителей Церкви и положат конец тем бедствиям, которыми столько веков был колеблен мир из-за веры (гл. 11, 18). Из мрака скорбей, долго облегавшего, наконец, для праведных воссияет приятный свет радости. Эти окончательные суды Божии изображаются здесь под двоякою эмблемою жатвы и выжимания винограда. В первой эмблеме представляется: а) жатель со своим характером (ст. 14); повеление жать, данное Ангелом (ст. 15); самая жатва (ст. 16). В последней эмблеме изображаются: а) выжиматель Ангел с острым серпом (ст. 17); б) повеление выжимать, данное Ангелом (ст. 18); в) исполнение повеления и следствие его (ст. 19, 20).

1) Жатва земли

а) *Жатель.* Ст. 14. *И взглянул я, и вот, светлое облако, и на облаке сидит подобный сыну человеческому. На главе его золотой венец, и в руке острый серп.* Явившийся св. Иоанну, вероятно был Ангел, как можно видеть из ст. 17, где противополагается ему Ангел выжиматель. Он явился в виде человеческом, или подобный сыну человеческому, т.е. человеку (Пс. 143, 3. Дан. 10, 17, 7, 13. Апок. 1, 13). Здесь разумеется человек вообще, а не Иисус Христос: потому что когда говорится об Иисусе Христе, то поставляется определенный член пред словами «сыну человеческому»

(греч. текст); а здесь нет члена. Характер этого Ангела представляется в следующих чертах: а) Он несется на светлом облаке. Светлое облако есть символ лица знаменитого, чистого, быстрого в исполнении намерений своих или повелений Божиих (Пс. 103, 3. Ис. 19, 1). б) Имеет на голове золотой венец, как знак царского достоинства и славы (гл. 4, 4). в) В руке держит острый серп, т.е. наделен силами и приготовился к исполнению строгого суда Божия над врагами Церкви, который здесь представляется под эмблемою жатвы. Хотя принадлежности этого Ангела приличествуют и Иисусу Христу; но здесь относятся к Ангелу — тем более, что а) этот Ангел от другого Ангела получит повеление — жать, чего нельзя относить к Иисусу Христу. б) Этот Ангел жатель представляет другим — подобным Ангелу выжимателю винограда, которого, очевидно, нельзя почитать за Иисуса Христа (ст. 17). в) Иисус Христос, как Царь сидящий одесную Бога Отца, суды Свои в жатве мира и Церкви совершает чрез Ангелов (Матф. 13, 41), т.е. чрез служителей избранных Им для этого великого дела. Потому здесь под Ангелом можно разуметь царей, которых Бог употребляет для исполнения Своих судов, и которые блистают большою славою, потому что призваны для славного дела, и будучи движимы ревностию к религии, со всею готовностью и скоростью исполняют повеление Иисуса Христа.

б) *Повеление жать.* Ст. 15. *И вышел другой Ангел из храма, и воскликнул громким голосом к сидящему на облаке: пусти серп твой и пожни, потому что пришло время жатвы; ибо жатва на земле созрела.* Если под Ангелом жателем подразумевать самого Иисуса Христа, Царя, верховного Судью мира и Церкви, на быстром облаке несущегося на суд таинственного Египта: то это можно разуметь так: 1) Иисус Христос — Царь все делает по отношению к Церкви не иначе, как по велению или воле Бога Отца (Иоан. 12, 49, 50, 5, 20). 2) Все, что касается обстоятельств человеческих и особенно Церкви, все случаи и происшествия советом Божиим уже прежде определены, даже времена и сроки назначены Богом прежде события вещей. А если под Ангелом жателем подразумевать царей, защитников Церкви; то под

Ангелом, выходящим из небесного храма с повелением, можно разуметь служителей Евангелия, которые царям возвещают обязанность совершить суд, определенный Богом таинственному Вавилону.

в) *Самая жатва.* Ст. 16. *И поверг сидящий на облаке серп свой на землю, и земля была пожата.* Как в жатве созревшие растения пожинают серпом: так нечестивые, гонители народа Божия, процветавшие и высившиеся на поле этой земли, созревшие в беззакониях, по исполнении времени долготерпения Божия, вдруг будут посечены строгим судом Божиим, символом которого здесь служит серп.

2) Выжимание винограда

а) *Ангел выжиматель.* Ст. 17. *И другой Ангел вышел из храма, находящагося на небе, также с острым серпом.* Эта эмблема подобна предыдущей. Здесь Ангел так же означает царей и служителей Божиих, по мановению Божию совершающих суды, определенные врагам Церкви.

б) *Повеление обрезать виноград.* Ст. 18. *И иной Ангел, имеющий власть над огнем, вышел от жертвенника, и с великим криком воскликнул к имеющему острый серп, говоря: пусти острый серп свой, и обрежь грозды винограда на земле; потому что созрели на нем ягоды.* Ангел повелевает бросить серп, чтобы обрезать грозды, т.е. истребить врагов Церкви; ибо ягоды созрели, т.е. беззакония их возросли до крайности, так что нельзя больше терпеть их, — мера преступлений переполнилась (Быт. 15, 16) и время долготерпения Божия кончилось. Под Ангелом, имеющим власть над огнем, можно подразумевать того, кому предоставлено исполнение гнева Божия, символом которого служит огонь (гл. 8, 5, 7, 9, 15, 17). Ангел этот вышел от жертвенника всесожжения, на котором хранился огонь для сжигания жертв. Жертвенный огонь, как сказано выше (гл. 8, 5), служит символом святейшей воли Божией и правосудия, которому свойственно наказывать грехи людей. Действием этого правосудия и мщения Божия будет та кровопролитная война, в которой в это время будет пылать вселенная.

в) *Исполнение повеления — обрезание ягод.* Ст. 19. *И поверг Ангел серп свой на землю, и обрезал виноград на земле, и бросил*

в великое точило гнева Божия. Ст. 20. *И истоптаны ягоды в точиле за городом.* Здесь намекается на город Иерусалим, вне которого — на Масличной горе много было точил, или тисков, в которых выжимали маслины и виноград. С этого взята и эта эмблема (см. под. Иоил. 3, 13). Обрезать грозды здесь значит поражать на голову нечестивых, врагов Церкви. Повержение их в точило и топтание означает то страшное поражение врагов Церкви, в котором ясно проявится гнев Божий, и которое будет произведено в жестокой войне, на которой будет проливаться кровь врагов Божиих. Точило означает какое-нибудь обширное место, отделенное от стана святых, называемого здесь городом, на котором (месте) будет производиться поражение противников Божиих, и которое в гл. 16 называется Армагеддон.

г) *Следствие выжимания винограда.* Ст. 20. *И потекла кровь из точила даже до узд конских на тысячу шестьсот стадий.* Это гиперболическое изображение вообще показывает, что поражение врагов Божиих будет самое ужасное, так что кровь как будто реками будет течь. 1600 стадий есть число определенное вместо неопределенного, и вообще означает обширное поле сражения. В Евр. стадии 125 шагов в 5 футов, всех 625 футов или около 90 саж. (Объяснение Апокалипсиса, стр. 189).

Библиографический указатель к XIV главе

1) *Андрея Кесарийского.* Толкование на Апокалипсис. М. 1889 г. Гл. 39. Об Агнце и ста сорока тысячах (ст. 1-3). Сл. 14. Гл. 40. Об Ангеле, предвозвещающем близость будущего суда (ст. 6-7). Гл. 41. Об Ангеле, возвещающем падение Вавилона (ст.8). Гл. 42. Об ином Ангеле, предупреждающем верных не принимать антихриста (ст.9-13). Сл. 15. Гл. 43. Как сидящий на облаке серпом пожнет произрастания земли (ст. 14-16). Гл. 44. Об Ангеле обрезывающем лозу горечи (ст. 17-20). Стр. 161-177).

2) *Ф.Яковлева.* Апостолы. Вып.2. Толкование Апокалипсиса. Видение девственников, торжествующих в небесах (ст. 1-5). Предвозвестники наступающего гнева Божия (ст. 6-20. Стр.298-309).

3) *Оберлена.* Пророк Даниил и Апокалипсис Св. Иоанна. Перев. прот. Романова. Содержание 14 и 15 гл. Апокалипсиса. стр. 319-321.

4) *Афанасия, Архиеп. Казанского.* Умирающие о Господе. (ст.13). Душеп. Чт. 1870 г. II. 237-246.

ГЛАВА XV — XVI

Анализ и объяснение XV-XVI гл. Суд Божий над врагами Церкви эмблемою 7 фиалов

Еп.Петра

Это видение состоит из двух частей: в первой излагаются некоторые подготовительные явления (гл.15); а во второй изображаются 7 родов казней под эмблемою 7 фиалов (гл.16).

Гл. XV, 1-8.

В этой главе сначала представляются избранные, одержавшие победу над зверем; потом являются 7 Ангелов, выходящие из небесного храма, одетые в светлую одежду и носящие фиалы гнева Божия для излияния на зверя. В этой части содержатся два видения, которые составляют как бы только приготовление к следующему пророчеству (в гл.16). В первом видении описывается: а) положение и вид святых, торжествующих над зверем (ст.2); б) занятие их (ст.3,4). Во втором видении изображаются: 1) отворившийся храм небесный (ст.5); 2) 7 Ангелов, в величественном виде выходящие из него (ст.6); 3) вручение им фиалов одним из животных (ст.7); 4) следствие этого, — храм наполнился дымом от славы Божией (ст.8). (Объяснение Апокалипсиса, стр.193).

Гл. XVI.

После приготовительных явлений теперь изображается излияние фиалов по повелению Бога, Царя мира и Защитника Церкви, от чего тяжкие казни постигли плотских людей, врагов Церкви. Эта часть пророчества содержит: 1)повеление излить фиалы (ст.1); 2) исполнение повеления, где по порядку перечисляются 7 казней с их принадлежностями и следствиями (2-21).

1) Повеление излить фиалы.

Ст. 1. *И услышал я из храма громкий голос, говорящий седми Ангелам: идите, и вылейте седмь чаш гнева Божия на землю.* Эта эмблема означает, что Бог, Правитель вселенной, Судия мира и Защитник Церкви, в определенные времена, будет поражать казнями людей, составляющих царство зверя. Казни эти будут совершаться по слову, т.е. повелению Божию, которое называется великим голосом — потому, что по нему будут производиться великие действия в мире. Хотя казни эти будут производиться через Ангелов или людей, но так, что в них ясно будет виден перст Божий, Божия сила. Эмблема этих казней взята с казней, поражавших древний Египет, поражение которого было прообразом поражения лжехристианского царства, которое выше (11, 8) названо Египтом, а ниже называется Вавилоном.

Думают, что излияние 5 фиалов относится ко времени шестой трубы, а излияние последних 2 фиалов, которые совершенно разрушат царство зверя, относится ко времени седьмой трубы, когда кончится брань Церкви с врагами, по истреблении их.

2) Исполнение повеления

Первый фиал. Ст. 2. *Пошел первый Ангел, и вылил чашу свою на землю: и сделались жестокия и отвратительныя гнойныя раны на людях, имеющих начертание* (характер) *зверя, и поклоняющихся образу его.* Эта эмблема, кажется, взята с шестой казни, поразившей Египет, которая произвела сильное воспаление (Исх. 9,9-11). В царстве зверя земля означает народ в церковном отношении; а море, окружающее землю, означает тот же народ в гражданском отношении, как сказано выше (7, 1, 13, 1, 11). Итак, первая чаша гнева Божия вылита на народ в церковном состоянии его. Бедствие, постигшее его, представляется под видом ран, которые называются злокачественными потому, что производят жестокую боль, трудно вылечиваются, расходятся по всему телу, разъедают кожу, плоть и сами кости, все тело обращают в гнилой труп,

обезображивают и, наконец, разрушают весь состав тела. По мнению одних, здесь подразумевается телесная эпидемия, свирепствовавшая в Римской империи в царствование язычников Валериана и Галлиена; а по мнению других, эти раны означают внутреннее повреждение всего тела лжехристианского общества.

Второй фиал. Ст. 3. *Второй Ангел вылил чашу свою в море: и сделалась кровь, как бы мертвеца, и все одушевленное умерло в море.* В царстве, враждебном Церкви Божией, море означает народ в гражданском состоянии его. Это море превращается в кровь, когда между народом возникают раздоры и междоусобные войны, на которых многие проливают свою кровь, и, лишившись сил физических и нравственных, они как бы умирают от расслабления и страха, подобно тому, как рыба в крови не может жить, умирает.

Третий фиал. Ст. 4. *Третий Ангел вылил чашу свою в реки и источники вод: и сделалась кровь.* Под реками и источниками вод в Св. Писании иногда подразумеваются учение и учителя, предлагающие народу учение (Апок. 8, 10. Пс. 86, 7. Ис. 12, 3, 41, 18. 2. Петр. 2, 17). Эти реки и источники превращаются в кровь, когда лжеучителя, искажая правое учение, делают из него орудие к вечной погибели или составляют кровавые определения для погубления исповедников истины, и по суду Божию и сами погибают от кровопролитных браней. А иные разумеют гонение язычников на христиан с пролитием крови в провинциях Римской империи. Эта эмблема, как и предыдущая, взята с первой казни Египетской.

Ст. 5. *И слышал я Ангела вод, который говорил: праведен Ты, Господи, Который еси и был, и свят, потому что так судил.* Ст. 6. *За то, что они пролили кровь святых и пророков. Ты дал им пить кровь: они достойны того.* Ст. 7. *И услышал я другаго от жертвенника говорящаго: ей, Господи Боже Вседержитель, истинны и праведны суды Твои.* Так как под водою в переносном значении подразумеваются учение или учителя, то под Ангелом вод подразумеваются учителя, блюстители и распространители учения веры. Другой Ангел, говорящий от жертвенника всесожжения, представляет лице всех служителей Церкви.

Четвертый фиал. Ст. 8. *Четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце: и дано было ему жечь людей огнем.* В Св. Писании

под солнцем иногда подразумеваются цари, блистающие величием и славой (см. Апок. 12, 1, 6, 12); у пр. Малахии (4, 1) под солнцем подразумевается Иисус Христос, не только как Учитель Церкви, но и как Царь, Которого лучи величия и славы освещают весь мир и особенно Церковь. В таком смысле солнце принимается, когда говорится о Церкви, таинственном теле Христовом, что она сиянием этого Солнца услаждается, теплотою Его согревается, получает животворную силу. А когда видимая Церковь описывается по внешнему состоянию, то под солнцем изображаются цари мира, которые сияют блеском своего величия, сил, власти и славы (Апок. 6, 12). Когда о солнце говорится, что оно зноем поражает людей, то под солнцем подразумеваются цари земли, своим величием, властью, указами, гонением, войною угнетающие Церковь, как сказано в гл. 7,16. Так в Пс. 120,6 говорится о Церкви: *днем солнце не жжет тебя и луна ночью,* т.е. люди гражданского и церковного сословия некогда перестанут преследовать Церковь и поражать бедствиями. Так и здесь под солнцем подразумевается какой-нибудь сильный царь, в царстве зверя блистающий величием, который, воспламенившись страстью надменности, властолюбия или мщения, плотских людей в царстве зверя поразит тяжкими бедствиями, как зноем. А иные подразумевают засуху от чрезмерного зноя солнца, бесплодность и голод.

Пятый фиал. Ст. 10. *Пятый Ангел вылил чашу свою на престол зверя: и сделалось царство его мрачно.* Св. Иоанну представлялся в видении какой-то обширный город, и в нем великолепный дворец, в котором были местопребывание и престол зверя, царя таинственного Вавилона, и на этот дворец и престол Ангел вылил фиал; от этого воздух, окружавший город и дворец, взволновался, наполнился облаками, и густой мрак покрыл город и престол зверя, подобно тому, как случилось с Египтом от девятой казни (Исх. 10,21). Под престолом зверя здесь понимается как само царское достоинство и власть зверя, так и местопребывание его (см. под. Пс. 10,4. Ис. 47,1. Иер. 13,13). А помрачение престола означает: а) значительное уменьшение величия, достоинства и власти зверя, которых блеск доселе поражал взоры людей; б) тяжкое бедствие, которое будет соединено

с помрачением достоинства и славы, и которое обрушится на митрополию царства зверя. Такой смысл имеют слова Валдада (Иов. 18, 5): *свет нечестивых угаснет,* т.е. они лишатся знатности, славы и счастья. Такой же смысл имеют слова пр. Исаии (5, 30), которыми он описывает бедствие иудейского народа: *свет помрачится на небе их.*

Шестой фиал. Ст. 12. *Шестой Ангел вылил чашу свою в великую реку Евфрат, и высохла в ней вода, чтобы готов был путь царям от восхода солнечнаго.* Это пророчество предвещает двоякое бедствие: 1) иссушение реки Евфрата, которая наподобие оплота доселе защищала царство зверя; и 2) появление трех духов, выходящих из уст зверя и лжепророка и возбуждающих всех царей мира на брань в великий день Бога Вседержителя. В этом видении св. Иоанну представлялся Евфрат, как оплот, который препятствовал царям с войском идти на совершение судов Божиих над царством зверя. А когда Ангел вылил фиал на эту реку, и она от этого высохла: то царям открылся свободный переход через нее. Нельзя с достоверностью определить здесь таинственное значение Евфрата. Думают некоторые, что эта эмблема взята с положения древней Римской империи, для которой Евфрат служил оплотом от нападений восточных народов, и подразумевают под Евфратом какой-нибудь сильный народ или царство, которое служит оплотом для царства зверя; а под царями, идущими от восхода солнца, подразумевают Парфян или Турков и другие восточные народы. Другие (Боссюэт) подразумевают Персов, которые, победив Валериана, попавшего к ним в плен, потом убив Юлиана и разбив Римлян, часто стали нападать на Римскую империю, через Евфрат открыли дорогу и другим восточным народам, которые довели Римскую империю до падения, которое (отсюда и до 19 главы) изображается под образом падения Вавилона. А иные под царями, идущими от восхода солнца, в таинственном смысле разумеют царей славных, просвещенных светом Евангелия; а под Евфратом подразумевают сильное царство Галлов, которое пока будет могущественно, будет защищать царство зверя; а когда ослабеет в силах, то и царство зверя будет разрушено царями.

Ст. 13. *И видел я выходящих из уст дракона, и из уст зверя, и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобных*

жабам. Ст. 14. *Это суть бесовские духи, творящие знамения.* Здесь предсказывается тяжкое бедствие, которое, после иссушения Евфрата, разрушит царство зверя. Св. Иоанн видел трех нечистых духов, выходящих из уст дракона, зверя и лжепророка, которые (духи) всех царей земли соберут на брань в великий день Бога Вседержителя. Здесь описывается: а)появление и состояние этих духов (ст. 13, пол.14); б) действия или предприятия их (ст. 14); в) успех их (ст. 16). К рассказу об этом присоединяется г) увещание (ст. 15). Под нечистыми духами подразумевают а) ложных учителей, учение которых не происходит от духа Христова, а имеет характер учения бесовского (1 Тим. 4, 1. 1 Иоан. 4, 1). б) Эти учители исполняют советы дракона, зверя и лжепророка (земного зверя) касательно преследования исповедников истины. Это и значит, что духи нечистые выходили из уст дракона, зверя и лжепророка. Свойство дракона — преследовать Церковь Христову; свойство зверя — вести войну со святыми; а лжепророк говорит, как дракон (гл. 13,16), и учит убивать всех, не покоряющихся власти зверя. в) Эти учители будут привлекать доверие к себе суеверного народа ложными, выдуманными чудесами. г) Они будут болтливы, навязчивы, чревоугодники, бесстыдны, надуты. Таков характер жаб. Иные (Боссюэт) действование нечистых духов — гадателей, оракулов языческих относят ко времени особенно трех римских царей — Валериана, Диоклитиана и Юлиана.

Ст. 14 пол. *Они выходят к царям земли и всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя.* Великим днем Бога Вседержителя называется то время, когда Бог проявит Свою славу в наказании врагов Церкви. Это пророчество сходно с пророчеством о жатве и выжимании винограда (гл. 14).

Ст. 16. *Се, иду как тать: блажен бодрствующий и хранящий одежду свою, чтобы не ходить ему нагим, и чтобы не увидели срамоты его.* Из этого увещания видно, что описываемое здесь бедствие будет весьма тяжкое, страшное, так что Иисус Христос счел нужным малодушных ободрить, утешить обещанием — придти к верным рабам Своим на помощь и защиту.

13 Зак. 445

Ст. 16. *И он собрал их на место, называемое по еврейски Армагеддон.* Имя Армагеддон (гора Магеддо — гора поражения, погибели) взято, кажется, с долины Магеддо, на которой пал царь Иосия в сражении с Египетским царем Нехао (Суд. 5, 19. 4 Цар. 9, 27, 23, 29. Зах. 12, 11. 2 Пар. 35,22). Армагеддоном здесь в таинственном смысле называется какое-то обширное поле (может быть, в Европе), на котором будет происходить кровопролитная война царей (о чем сказано в гл. 14, 10), и все враги Церкви на голову будут поражены; подобно тому, как у пр. Иоиля (3, 2) место наказания народов, враждебных Церкви, в таинственном смысле называется долиною Иосафатовою, т.е. долиною суда Божия. Прежде исполнения этого страшного события нельзя определенно указать, где это место Армагеддон.

Седьмой фиал. Ст. 17. *Седьмой Ангел вылил чашу свою на воздух, и из храма небеснаго от престола раздался громкий голос, говорящий: совершилось!* т.е. падение Рима. В этом стихе в общих чертах изображена последняя казнь, которою окончательно будет поражено царство зверя; а потом перечисляются ее действия и следствия, каковы: а) молния, громы, землетрясения (ст. 18); б) распад и разрушение Вавилона и городов языческих (ст. 19); в) исчезновение гор и островов (ст. 20); г) большой, тяжелый град, какого вселенная доселе не видела (ст. 21).

Так как в пророчестве шестого фиала сказано о жестокой брани двух противных сторон из-за религии; то здесь следовало бы раскрыть ход этой брани. Но Святый Дух скрывает это ужасное, плачевное зрелище, (которое отчасти изображено в гл.14,18-20); только говорит вообще, что оно совершилось, и показывает его действия и следствия, из которых можно видеть образ совершения великого суда Божия. Святый Дух не раскрыл ясно, что потерпел воздух от излияния седьмого фиала; но из снесения ст. 18 и подобной эмблемы в гл. 6,12,13 можно догадываться, что воздух взволновался, поднялась сильная буря, произошли грозные громы, молнии, на землю — царство зверя посыпался большой град, небо почернело, солнце помрачилось, луна побагровела, звезды, сдвинувшись с места, попадали с неба, и земля заколебалась. Таково действие гнева Божия, которое совершенно разрушит царство зверя.

Первое действие или следствие излияния седьмого фиала. Ст. 18. *И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение! Такое великое!* Смысл этой эмблемы такой: действием или следствием излияния фиала будет землетрясение, т.е. поколебание, возмущение всего царства зверя, совершенное превращение всякого порядка церковного и гражданского и благосостояния, соединенное с очевидным проявлением величия Божия и грозным зрелищем праведных судов Божиих, которые очевидны будут всей вселенной, поразят взоры и слух всех смертных, наведут большой страх на врагов Церкви Христовой, доведут до исступления, что и означается словами: *голоса, молнии, громы,* как и выше сказано в гл. 4, 5; 8, 5; 11, 19. Подобная этой, эмблема изложена в гл. 11, 16. Исполнение этого пророчества ожидают еще в будущем времени.

Второе действие седьмого фиала. Ст. 19. *И город великий распался на три части, и города языческие пали, и Вавилон великий воспомянут перед Богом, чтобы дать ему чашу вина ярости гнева Его.* Город великий — Вавилон, т.е. царство антихристианское (а иные подразумевают языческий Рим) после Армагеддонской брани разделится на три части или царства, что ускорит совершенное разрушение царства зверя. Бог, по Своему долготерпению, долго щадил таинственный Вавилон, как будто забыл тяжкие беззакония его. Но, наконец, по исполнении меры долготерпения, Бог определил наказать Вавилон, как будто вспомнил его беззакония, взыскал невинно пролитую им кровь исповедников истины и дал ему испить чашу вина ярости гнева Своего. Выражение «ярость гнева» означает, сильный, пылающий гнев, выказавшийся во всей строгости суда Божия в разрушении Вавилона.

Третье действие седьмого фиала. Ст. 20. *И всякий остров убежал, и гор не стало.* Смысл этих слов такой: в это время будет всеобщий переворот обстоятельств в Европе, и особенно в царстве зверя и подчиненных ему царствах и республиках. Под горами в св. Писании иногда подразумеваются большие, славные царства, твердо основанные и возвышающиеся в мире. А под островами можно разуметь вольные города и небольшие республики. Слово — *убежали*

не то значит, что будто все царства и города разрушатся, но — будут сокрушены, уменьшены силы их, изменятся в своем состоянии, уже не в силах будут противиться успехам царства Христова, как доселе противились, будут уступать, как бы обратятся вспять. Подобная эмблема заключается в видении шестой печати (гл. 6, 14), которое раскрывает события, имеющие совершиться в конце шестого и начале седьмого периода времени, описанного в книге печатей. Это пророчество печатей и труб, равно и пророчество седьмого фиала, относятся к последним временам Церкви, которые будут предшествовать счастливому состоянию ее на земле.

Четвертое действие седьмого фиала. Ст. 21. *И град величиною в талант, пал с неба на людей, и хулили люди Бога за язвы от града; потому что язва от него была весьма тяжкая.* Вес таланта (состоящего из 60 мнас, из которых каждая содержит одну лиру, фунт серебра), в точности не известен. Видно вообще, что град весом в талант очень велик и тяжел. Град здесь означает какой-то суд Божий, которым Бог как бы непосредственно с неба поразит врагов Церкви. А в чем будет состоять суд Божий, этого нельзя сказать прежде события. Впрочем, так как град производит бесплодность и голод, то с некоторой вероятностью можно думать, что Бог врагов Церкви накажет бесплодностью и физической, и духовной, т.е. ожесточением, как сказано в гл. 8,7. Этой эмблеме подобна эмблема седьмой трубы в гл. 11,19, которая относится к одному времени с настоящим пророчеством. Но этими судами упорные враги истины не вразумятся, не покаются, не исправятся, а еще более ожесточатся, как это видно и на Иудеях. Упорно пребывать в невежестве, неверии, духовном идолопоклонстве, злости и после проявления судов Божиих значит хулить Бога, как сказано и в ст. 9. (Объяснение Апокалипсиса, стр. 200).

Библиографический указатель к XV и XVI главам

XV гл.

1) *Андрея Кесарийского.* Толкование на Апокалипсис. М. 1889 г. О семи Ангелах, насылающих пред концом язвы на людей, и о стеклянном море (которое видел в Откровении) (ст. 1-2). Стр.179-183.

2) *Ф.Яковлева.* Апостолы. Вып. 2. Толкование Апокалипсиса. Семь казней, которыми окончился гнев Бога, раздраженного против виновных людей (ст. 1-8). Стр. 310-313.

3) *Еп. Петра.* Объяснение Апокалипсиса. Томск, 1885 г. Гл.XV, (ст. 1-8). Стр. 193-200.

XVI гл.

1) *Андрея Кесарийского.* Толкование на Апокалипсис. М. 1889 г. Сл. 16 Гл. 46 О том, что по излиянии первого фиала сделались гнойные язвы на отступивших (ст. 1-2). Гл. 47. Преложение моря в кровь (ст. 3). Гл. 48. О том, что от третьей язвы реки превращаются в кровь (ст. 4-7). О том, что от четвертой язвы зноем опаляются люди (ст. 8-9). О том, что пятою язвою омрачается царство зверя (ст. 10-11). Гл. 51. О том, что шестым фиалом открывается путь через Евфрат царям от востока (ст. 12-16). О том, что через седьмую язву будет на людей град и землетрясение (ст. 17-21). Стр. 185-207.

2) *Ф.Яковлева.* Апостолы. Вып. 2. Толкование Апокалипсиса. Последние семь казней; сличение сих казней с казнями от семи ангельских труб (ст. 1-12, 17-21). Стр. 313-322.

3) *Фаррара.* Первые дни христианства. Перев. Лопухина. Чаши. Стр. 526-528.

4) Ст. 16. Армагеддон. Б. п. сл. Воскр. Чт. 1874. I. 206.

ГЛАВА XVII — XVIII

Толкование на XVII и XVIII гл. Апокалипсиса. Вавилон, великая любодейца

Оберлена

Любодейца, которую мы встречаем в XVII главе и которая упоминалась уже в главах XIV (ст.8) и XVI (ст.19), весьма естественно напоминает нам жену XII главы, представляющую собой, как мы видели, Церковь Божию в мире. Одни и те же у них общие черты и тот же характер; следовательно, любодейца XVII главы (ст.3) изображает так же собою Церковь. Совершенно ошибочно желают находить в любодейце город Рим. Если некоторые, принятые в буквальном смысле, выражения, по-видимому, благоприятствуют такому толкованию, то в высшей степени символический характер рассматриваемой нами священной книги совершенно против такого понимания. Итак, Церковь, настолько же мирская, как Рим, — вот что могло быть названо Вавилоном — любодейцею.

Такое объяснение имеет несколько оснований в контексте.

Во-первых, Иоанн оставил жену главы XII в пустыне и опять в пустыне же заметил жену главы XVII (ст.3). Но эти только и есть два места в Апокалипсисе, в которых встречается слово: *«пустыня»* (ερημοζ).

Во-вторых, обстоятельство это тем более замечательно, что не только пустыня, но и жена встречается в этих же двух главах. Слово *«жена»* (γυνη), за исключением мест, очевидно, не имеющих сюда никакого отношения (II, 20; IX, 8; XIV, 4), всегда имеет в Апокалипсисе один и тот же

символический смысл. В ст. 17 XII главы, как и в главах XIX и XXI, она всегда означает Церковь, Церковь верную в главе XII, Церковь неверную, любодейцу — в главе XVII, и, наконец, в главах XIX и XXI Церковь славную, невесту Агнца. Жена есть Церковь невидимая, христианство искреннее и сердечное; любодейца — Церковь видимая, христианство внешнее или то, что остается в Церкви видимой, если отделить от нее Церковь невидимую; невеста же — Церковь торжествующая.

В-третьих, если, по общему признанию, зверь главы XVII есть тот же самый, что и зверь главы XIII, то нет основания не признавать тождества и между женами той и другой главы, упоминаемыми вместе со зверем. С первого взгляда представляется непонятным, почему слова: *пустыня, жена* и *зверь,* если они действительно означают в главе XVII те же самые предметы, о которых сказано выше, не имеют пред собою членов. По-видимому, Иоанн должен был говорить в XVII главе о пустыне, жене и звере, как об известных ему уже предметах, но он неопределенно выражается, и это не лишено основания. При всем тождестве этих предметов, Иоанн в новом представляющем их видении встретил между ними большое различие. Пустыня, жена и зверь много изменились с тех пор, как он видел их прежде, и вот он говорит о них не как о знакомых ему предметах, но как о *некоторой* пустыне, о *некоторой* жене, о *некотором* звере.

По этой же, в-четвертых, причине, Иоанн был объят столь великим удивлением при взгляде на жену (ст.6). Ни при каком другом видении он не испытал ничего подобного. Сам беседовавший с ним Ангел изумился (ст.7), видя его в таком состоянии. До сих пор одни только земные обитатели удивлялись, и причиной их удивления был зверь (ст.8 и XIII, 3), но смущение Апостола было, очевидно, другого свойства. Оно не могло происходить ни от представления города Рима, ни от множества грехов его, потому что порча нравов есть обычное явление в большой столице, ни от непонимания видения, так как были и другие видения, которые Апостол не понимал с первого раза. Нет, необычайная перемена, происшедшая в жене с тех пор, как Апостол видел ее в первый раз, — вот что удивило его больше всего.

Самое слово: *«любодейца»* составляет наше пятое основание усматривать в Вавилоне падшую Церковь, а не Рим, столицу мира. Правда, в описании Вавилона ничто не указывает на его церковное значение, так что с первого взгляда можно действительно принять его за Рим политический, но выражения: *жена* и *любодейца* более благоприятствуют нашему толкованию. Как *жена* на языке пророческом есть постоянный синоним Церкви истинной, так *любодейца* составляет синоним Церкви неверной. Стало быть, Церковь может сделаться Вавилоном, не переставая быть Церковью; но о такой-то именно Церкви и идет речь в главах XVII и XVIII, где она настолько отождествляется с миром, что почти не отличается от мирского города.

В книгах Ветхого Завета слово: *любодейца,* непременно возбуждает в уме мысль о народе Божием. С таким значением, как мы видели, оно встречается в Моисеевом Пятикнижии и еще с большей определенностью прилагается к народу Божию в книгах пророческих (Ис. 1. 21; Иерем. II и III; Иезек. XVI и XXII; Осии I-III). Есть только два случая, когда это слово отнесено к двум языческим городам — к Тиру (Иезек. XXIII, 15, 18) и к Ниневии (Наум.III,4), которые, при великости полученных ими особых Божиих милостей, наиболее приближались к избранному народу и своим развращением. Тир, по близости к святой земле, имел много случаев познать истинного Бога, а Ниневия в продолжение 40 дней имела у себя пророка Иону, что и дало повод Господу сравнивать их с городами галилейскими (Мф. XI,21; XII,41).

В Новом Завете кого называет Господь лукавым и прелюбодейным? Это большинство неверных Богу современников Господа (Мф. XII,39; XVI,4; Марк. VIII,38). По смыслу послания к Евреям, есть уже нечистота и блудное чувство там, где свое право первородства, свое место в небесном царстве, уступают за блюдо чечевицы, подносимое миром (XII,16). В послании Иакова никто другой, как христианствующие друзья мира заслуживают этого жестокого слова: *«мужи и жены прелюбодейные»*. Такой же и в самом Апокалипсисе смысл слов: πορνεύειν и μοιχεύειν. Первое из этих означает любодейство в собственном смысле (II, 14, 20), — эти гнусные бесчинства, сопровождавшие языческие праздники, — но в стихах 21 и 22 собственный смысл уступает фигуральному, так что даже по мнению таких толкователей, которые имеют совсем другое понятие о любодейце, слово-μοιχεύειν означает разрыв союза, заключенного через Христа человеком с Богом, и распространение ложных учений. В стихе 4 главы XIV, немного прежде первого появления любодейцы и как бы для того, чтобы некоторым противопоставлением заранее определить свойство этой личности, Апокалипсис говорит о 144 000 верных, не осквернившихся с женами и девственных. В этих девственниках мы находим Церковь чистую, *деву непорочную* ап. Павла (2 Кор. XI, 2; Еф. V, 25-27), а в Вавилоне — Церковь язычествующую, нечистую, идущую к верной погибели.

В стихах 1-9 главы XIX любодейца сопоставляется с невестой Агнца, и в этом мы находим шестое основание видеть в ней скорее Церковь, чем какую-либо земную силу. Тот же самый *«многочисленный народ»,* который, в стихах 1-5, благословляет Бога за суд, поразивший любодейцу, радуется наступлению брака Агнца с невестой Его (ст.6 и 7). После того, как рука Божия отяготела над ложной Церковью, *одетою в порфиру и багряницу, украшенною золотом, драгоценными камнями и жемчугом* (XVII, 4), было дано истинной Церкви одеться в льняное полотно, светлое (λαμπρὸν), в знак ее победы (III, 5), и чистое (καθαρὸν), как она сама чиста и праведна. Осуждение (κρίμα) любодейцы есть оправдание (δικαίωμα) жены. Святые, ускорившие своими воплями осуждение любодейцы (XVIII, 20), предпочтившие самую смерть соучастию в делах ее (XVIII, 24; XIX, 2), теперь оправданы перед глазами всех, и праведность их увенчана (2 Тим. IV, 8). Доколе существовала Церковь ложная, слава истинной Церкви не могла открыться, но вот *любодейца* пала, и *жена* торжествует. Без сомнения, эту же самую параллель желали провести Ангел и сам Иоанн, когда в главах XVII (ст. 1) и XXI (ст. 9) воспользовались одним и тем же способом выражения, чтобы ввести в Апокалипсис как видение любодейцы, так и видение жены, невесты Агнца. Должно также заметить, что как любодейца,

так и жена названы именами городов: первая Вавилоном, а вторая Новым Иерусалимом, и мы думаем, что коль скоро невозможно не видеть в Новом Иерусалиме прославленной Церкви, то не возможно не видеть Церкви и в Вавилоне (Пророк Даниил и Апокалипсис св. Иоанна Богослова. стр. 322).

Характеристика неверной части человечества в Апокалипсисе Св. Иоанна Богослова

Н.Виноградова

Примечательна характеристика великой любодейцы в Апокалипсисе Св. Иоанна Богослова, в сжатом виде представляющая характеристику Св. Апостолом Павлом настроения человеческого общества в последнее время перед кончиной мира. Церковь неверная или та часть человечества, которая не обнаружит, на закате дней теперешнего хода жизни и истории, истинной веры в Бога и должного исполнения Его святого закона, действительно вступит в тесное сношение с миром греховным, ему будет служить и опираться на его грубую силу (17,3,7,9). Так как по Евангелию Иоанна Богослова (1 Иоан. 2,16), проявления греховного мира — похоть плоти, похоть очес и гордость житейская, то и Церковь неверная в конце дней обнаружит эти именно страсти. Члены такой Церкви будут, прежде всего, людьми в высшей степени плотскими и чувственными; они вместо чаши скорбей своего Учителя, по обратному изречению Тайнозрителя, станут услаждаться чашей (17, 4) мерзостей и нечистот любодеяния своего, т.е. будут слепыми приверженцами чувственного материального культа или идолослужения (похоть плоти). Преисполненные наружного благочестия и в то же время не чуждые чувств грубого честолюбия и тщеславного славолюбия, члены неверной Церкви будут, далее, любить роскошь и комфорт, станут устроять пышные церемонии для сильных мира (17, 2; 18, 3, 9), святых целей пытаться достигать грешными средствами, будут проповедовать исключительно мечом и золотом (17, 4) (похоть очес). В тесной связи с этим, наконец, христиане неверной Церкви окажутся людьми в высшей степени гордыми и надменными. Несмотря на значительный свой упадок нравственный, они станут мечтать о себе слишком высоко, будут думать, что настолько превосходят других своих ближних, что могут безгранично и бесповоротно распоряжаться их участью (18, 24) и жизнью (гордость житейская). При упадке истинной веры, при упадке характера совершенной нравственности, — одним словом, при пустоте своего внутреннего душевного состояния, несчастная часть человечества перед концом мира не останется однако без всякой веры; потерявши силу благочестия, она сохранит некоторый его вид. Непреложный закон психической жизни, что у всякого человека перестававшего верить совершенной истине, всегда на место ее в уме и сердце выступала ложь в форме суеверия с дикими и вредными ее последствиями, — еще раз и во всей силе оправдается на этой несчастной части человечества. Люди последних времен, отказавшись верить абсолютной истине христианской, поверят абсолютной лжи в лице антихриста. Такой решительный и гибельный шаг в деле религиозно-нравственной жизни несчастная часть человечества сделает не без прямого влияния и живого содействия предтечи антихриста, лжепророка, которого можно назвать великим по отношению к предшествовавшим или современным ему лжепророкам, так сказать, малым. (О конечных судьбах мира и человека, стр.86).

Суд над Церковью и земными царствами. Явление Господа на облаках небесных (гл. XVII — XIX)

Оберлена

В том описании суда, которое находим в главах XVII, XVIII и XIX, прежде всего замечается, что любодейца будет поражена первая. Поступить с нею по заслугам избираются оба зверя и цари их, после чего и сами звери поражаются личным явлением Господа.

1. Любодейца будет судима первая. Нет ничего сообразнее этого с тем великим правилом, в силу которого суд Божий начинается с дома Божия (Иер. XXV, 29; Иез. IX, 6; 1 Петр. IV, 17); нет также и ничего справедливее этого. И судится она не Самим Господом, а зверем и царями его,

(XVII, 13, 16, 17) точно так же, как в Ветхом Завете неверные иудеи всегда отдаваемы были Богом в руки той самой языческой власти, союза и покровительства которой они искали. Люди всегда наказываются тем, чем грешат. Египет (Иез. XXIX, 5, 6; Ис. XXXVI, 6), Ассирия, Вавилон и, позднее, Римляне, — все это такие трости, на которые Церкви Божией не следовало опираться. Церковь была обязана смело возвышать свой голос против мира, а она ухаживала за ним, и вот Бог наказывает ее тем, что отдает ее в руки самого же этого мира. У Христа есть невеста, а у антихриста любодейца, но между тем как Христос возносит свою невесту в обители славы, для славного брачного пира, антихрист бесчестно прогоняет и убивает любодейцу свою. Будет время, когда сильные мира подумают, что они смогут обойтись без Церкви и тогда они сбросят с себя иго веры, дадут полную свободу своей злобе, надругаются над любодейцей, откроют наготу ее, съедят плоть ее (точнее — плоти ее) и огнем сожгут ее (XVII, 16). Тому же суду посвящена и глава XVIII. В первых трех стихах могущественный Ангел, со стиха 4-го до 20-го другой небесный голос, а со стиха 21-го до 24-го снова могущественный Ангел последовательно то возвещают, то описывают падение великого Вавилона; но после этого, в пяти первых стихах XIX главы, небесные голоса уже прославляют Бога за суд, который Он совершил над любодейцею.

Стихи 6-10 главы XIX, в которых описаны дни славы, имеющие начаться для невесты Агнца после наказания любодейцы, составляют переход к последующему; потому что с осуждением антихриста (ст.11-21) и с наступлением тысячелетнего царства (XX, 1 и след.) начинается брачная вечеря Агнца (XIX, 9), — то счастливое событие, о котором столь часто говорил Господь наш *во дни плоти Своей* (Мф.XXII, 2; XXV, 10; Лук. XIV, 16; XXII, 18, 30). Слушая эту драгоценную весть, Иоанн, от полноты объявшей его радости, припадает к ногам говорившего с ним Ангела (XIX, 10). Вскоре он припадет к ним и во второй раз (XXII, 8), при таких же точно обстоятельствах, когда будет ему дано, между прочим, увидеть славу Нового Иерусалима. Этот живой порыв удивления в обоих случаях вызывается тем

величественным обетованием, относительно которого Ангел, в двух также случаях, торжественно уверяет, что оно истинно, и что блаженны те, которые сохранят его в своем сердце (XIX, 9; XXII, 6, 7).

2. Но есть другой великий закон, объявленный во всех пророчествах, в силу которого Бог поражает те самые руки, которыми Он наказывал Свою неверную Церковь (Иер. XXX, 14-16). Пророк Исаия, в главе IX, ст. 8-12, грозит Израилю наказанием через Ассура, а в главе X возвещает падение самого Ассура. Также и пророк Софония первую главу своей книги посвящает дню гнева, грозящему Иерусалиму, а следующую — наказанию врагов народа Божия. Иеремия, наконец, которого вся книга наполнена возвещением Иерусалиму судов Божиих, грозивших со стороны Вавилона, оканчивает ее возвещением падения самого Вавилона (L, LI). Вот почему и в Апокалипсисе за судом над любодейцею через зверя вскоре следует суд над самим зверем.

3. В то время, когда надменность торжествующего антихриста и мира, равно и бедствия народа Божия дойдут до последних пределов своих, Господь Иисус Христос явится с неба, остановит обычное течение земных дел и оснует Свое славное Царство.

Господь является как *Истинный* и *Вечный*, грядущий исполнить все пророчества, как могущественный Судия и как Царь во главе Своего воинства. Он является (Ап. XIX,11-16), и природа глубоко потрясается (Ап. VI, 12 и след.; II,19; Мф. XXIV, 29 и след.; Иоиля III, 3; Зах. XIV, 5 и след.), и все враги Его, — зверь и лжепророк, уничтожаются (Ап. XIX, 17-21). В последние времена зло и добро возрастут до того, что антихристианский мир тоже вполне созреет для суда, как истинная Церковь для славы. Для святых смерть, совлечение плоти, будет разрывом последней связи, удерживающей их на земле в разлуке с небом, а для зверя и почитателей его она будет возмездием необузданности плоти их (Гал. VI,8; Апок. XVII, 8,11) и окончательно повергнет их в тление. *Окончательно,* говорим, потому что мир и враги Божии давно уже были трупом, более или менее украшенным, но уже более или менее разложившимся, около которого, по слову Господа, должны собраться некогда орлы

(Мф. XXIV,28) или, по Апокалипсису, другие птицы небесные, как около праздничной своей вечери (XXIV, 17 и след.). Довольно характеристично, что антихрист и князья его дерзнут еще собирать войско против Царя Небесного (ст.19). Дальше этого некуда уже идти по пути ослепленного высокомерия: это наивысшее проявление того безумия, которое руководило постройкой вавилонской башни, и воображающего, что мир и плоть могут что-нибудь сделать против Бога. Впрочем, войска были собраны, но не говорится о битве. Господь является, и этого одного достаточно для поражения всех врагов Его (2 Фесс. II, 8). Так в Гефсимании Он сказал только: «это Я», и вся толпа преследователей его пала на землю (Иоан. XVIII, 6). Пораженные ужасом, зверь и лжепророк или, иначе сказать, антихрист и философы его, будут схвачены без сопротивления и спора, во главе отрядов своих, и заживо будут брошены в озеро огненное, горящее серою (ст.20). О прочих соумышленниках антихриста сказано только, что они будут преданы мечу, исходящему из уст Христовых, т.е. преданы смерти самым тем приговором, который скажется им от Господа (ст.21, 15; 2 Фесс. II, 8; Евр. IV, 12). Без сомнения, и это наказание будет страшно (XIV, 9-11), но во всяком случае наказание, ожидающее обольстителей, будет тяжелее, и рассматриваемое нами место не единственное в Библии, где находим указание на различные степени осуждения (Мф. XI, 22,24; Лук. XII, 47,48; Иоан. XIX, 11). Подобно тому, как избранные из искупленных воскреснут прежде, между тем как другие воскреснут после, так и зачинщики, вожди восстания, будут ввержены в геенну огненную, а остальные грешники не ранее, как при последнем суде испытают всю тяжесть гнева Божия.

С настоящего момента земля наша навсегда очищается от зверя и отличающего его нечестия. Земные царства прекращают свое существование под своей настоящей формой, и история получает совершенно новый характер. За низложенным господством зверя и клиентов его следует царство Сына Человеческого и святых Его. (Пророк Даниил и Апокалипсис Св.Иоанна Богослова, стр.378).

Анализ XVIII гл. (о разрушении духовного Вавилона)

Еп. Петра

Описав состояние таинственного Вавилона, Святый Дух теперь изображает суд, т.е. разрушение Вавилона; именно — в этой главе изображается: 1) суд над Вавилоном (ст. 1-8), 2) следствия его (ст. 9-20), и 3) подтверждение суда (ст. 21-24). Для возвещения суда являются два Ангела, из коих один предсказывает о наступающем падении Вавилона (ст. 1-3, 6-8); а другой Ангел обращается к Церкви с увещанием для предостережения ее, в случае падения Вавилона (ст. 4, 5). Следствием суда будет плач нечестивых: а) царей (ст. 17-19), б) купцов (ст. 11-16), в) корабельников (ст. 17-19), и радость добрых (ст. 20). (Объяснение Апокалипсиса, стр. 221).

ГЛАВА XIX

Анализ и объяснение XIX гл. (о погибели зверя)

Его же

Следует четвертое и последнее пророчество о погибели зверя, которое состоит из 2 частей. В первой части изображается торжество святых по причине разрушения враждебного царства и — наступления царства Христова (гл. XIX, 1-10). Во второй части излагается подтверждение предыдущих пророчеств, в новой эмблеме, изображающей Христа Царя, славно торжествующего над врагами Своими (ст. 11-21). Обе части содержат подробное пояснение того, что в предыдущих пророчествах сказано коротко. В 1-й части поясняется гл. XVIII, 20; во 2-й гл. XVII, 14.

Первая часть

Гл. XIX, 1-10

Эта часть по отношению к предмету состоит из двух членов. В первом члене прославляется правда Божия в наказании Вавилона (ст. 1-5). Во втором члене изображается царство Божие, которое Бог в это время яснее проявит в мире (ст. 6-10). А по отношению к лицам, представляющимся в видении, это пророчество можно разделить на пять членов: а) излагается славословие многочисленного народа, прославляющего правду и всемогущество Божии, открывавшиеся в суде над Вавилоном (ст. 1-3); б) песнь старцев и животных — того же содержания (ст. 4); в) восклицание Ангелов (ст. 5); г) восклицание другого какого-то многочисленного народа, превозносящего счастие настоящего

времени, в которое царство Божие в мире проявилось ясно и славно (ст. 6-8); д) раскрывается особенный случай со св. Иоанном по отношению к Ангелу, который подтверждает мнение сонма святых; вместе описываются поступки св. Иоанна при сем случае (ст. 9, 10).

а) *Славословие многочисленнаго сонма святых.* Ст. 1. *После сего я услышал на небе громкий голос как бы многочисленнаго народа, который говорил: Аллилуия! спасение и слава, честь и сила Господу нашему!* В предыдущем пророчестве (XVIII, 20) Апостолы, пророки и святые возбуждались к радости и торжеству о разрушении Вавилона. Это самое теперь яснее и раскрывается. Сонм Апостолов, пророков, и особенно мучеников, которых кровь пролита (ст. 2) во время процветания Вавилонского царства, прославляют Бога поантифонно, по примеру древних левитов, которые во время праздников, особенно Пасхи и Кущей, поантифонно пели псалмы 103-117, в которых часто повторяется *аллилуия* (галлему — Яг — хвалите Бога). Здесь имеется в виду особенно Пс. 103, 35. Предмет славословия святых есть спасение Церкви, в котором проявились слава, величие и сила Божии.

б) *Славословие старцев и животных.* Ст 4. *Тогда двадцать четыре старца и четыре животных пали и поклонились Богу, сидящему на престоле, говоря: аминь! Аллилуия!* К песни совершившихся и прославленных на небе святых припевают Правители Церквей и знаменитые служители Иисуса Христа и учители Церкви на земле, которые здесь называются пресвитерами и животными. Повергаясь пред престолом Божественного величия, они тем выражают свое благоговение перед Ним, по обыкновению восточных народов, и воспевают: *аминь, аллилуия,* которые встречаются в Пс. 105, 48.

в) *Восклицание Ангелов.* Ст. 5. *И голос от престола изшел говорящий: хвалите Бога нашего все рабы Его и боящиеся Его, малые и великие.* Содержание песни взято из Пс. 113, 21. и 133, 1. К прославлению Бога Освободителя возбуждаются все люди всякого рода и чина, вельможи и цари. Ибо это время будет временем веселья и торжества. Голос, возбуждающий к славословию, происходил от Ангелов, окружающих престол Божий.

г) *Гармоническое пение многочисленнаго сонма верующих, обратившихся в это время.* Ст. 6. *И услышал я как бы голос многочисленного народа, как бы шум вод многих, как бы голос громов сильных, говорящих: Аллилуия! ибо воцарился Господь Бог Вседержитель.* Под сонмом поющих и, кажется, входящих в небесный храм с пением, разумеются верующие из Иудеев и язычников, которые, после проявления Божественной правды в наказании и разрушении таинственного Вавилона, в большом числе примут веру христианскую. Это, вероятно, те самые, которые в видении шестой печати (7, 9) представляются под эмблемой носящих пальмовые ветви. Предмет песни их двоякий: 1) они радуются о том, что Бог теперь особенно ясным и славным образом открыл Свое царство, силу, величие этого царства, соединенного с миром и благополучием народа Божия, долгое время затемняемого, наконец во всем великолепии проявил, по предсказаниям пророков. (Пс. 92, 1. 96, 1. 98, 1). 2) Прославляют брак Агнца (ст. 7, 8).

Ст. 7. *Возрадуемся и возвеселимся, и воздадим Ему славу; ибо наступил брак Агнца.* Это второй предмет духовной песни, которая поясняет предыдущее (ст. 6). Предмет песни составляет то, что наступает время празднования брачного пиршества Агнца. Под браком или брачным пиршеством разумеется состояние или время празднества и духовного веселия Церкви, в последнее время, составленной из иудеев и язычников, когда она, великолепно украшенная, как невеста, дарами Святаго Духа, в тесном общении с Иисусом Христом, будет наслаждаться всеми благодеяниями благодати, проистекающими из оправдания Христова, после истребления врагов ее. Так и в притче (Мат. 22, 1. 2 и сл.) объясняется: под Женихом Церкви разумеется Агнец, Иисус Христос, Глава таинственного Своего тела; под невестой и женой Иисуса Христа разумеется Церковь (Ефес. 5, 25). Самый брак означает тесное соединение Иисуса Христа с Церковью, запечатленное верностью, с той и другой стороны подтвержденной заветом, как бы договорным контрактом, для порождения духовного племени, которое должно наполнять вселенную (Ос. 2, 18 и сл.). Брачное пиршество означает: 1) благодеяние благодати, которая силой оправдания Христова доставляется Церкви для насыщения и веселья; 2) общение в этих благодеяниях; 3) веселие и празднество, которое соединяется с наслаждением благами благодати, с полным чувством самодовольства присутствующих на этом пиршестве. Брак Иисуса Христа с Церковью и брачное пиршество совершались и в то время, когда Спаситель, вознесенный одесную Божественного величия, Церковь Свою, выведенную из состояния бесплодности и печали на свободу, соединял с Собой новым, духовным союзом — заветом, и от нее породил многочисленное племя, о чем пророчествовал пр. Исаия (54, 1). Но по временам многое возмущало это празднество Церкви, и она не всегда одинаково наслаждалась этими благами. Потому Бог определил для нее другое время, когда снова повторится это брачное пиршество, и Церковь, великолепно украшенная, предстанет пред своим Женихом и с Ним будет проводить радостнейшие дни. Это состояние яснее раскрывается в последнем видении о новом Иерусалиме (21, 9). Подобная эмблема находится у пр. Ис. 62, 4. 5.

Ст. 7 пол. *И жена Его приготовила себя.* Ст. 8. *И дано было ей облечься в виссон чистый и светлый; виссон же есть праведность святых.* Это относится к большему великолепию брачного пиршества, что невеста Агнца является во всей своей красоте и украшении, виссонной (батистовой) одежде, как бы скинувши с себя черную, печальную одежду, в которой часто являлась взорам людей. Ибо она часто вела борьбу с несчастьями и соблазнами, была помрачаема клеветами своих противников, и в своем истинном, приличном виде давно не являлась миру в такой ясности. *Виссон,* по объяснению Святаго Духа, *есть праведность святых.* Одежда по отношению к душе означает духовный вид, (или душевные расположения верующих), который есть двоякий, — более внешний и внутренний. Внешний вид есть оправдание, совершенное послушанием и страданиями Иисуса Христа и усвояемое Церкви посредством веры. В этом смысле говорится, что христиане облекаются во Христа (Гал. 3, 27), т.е. в Его заслуги и добродетели. А более внутренний вид составляют расположения, добродетели, дарования, которые образуют нового человека, между

которыми святость имеет особенную важность, и которыми облеченная Церковь Христова сияет и становится приятной Богу, и уважаемой людьми.

д) *Особенный случай с св. Иоанном.* Ст. 9. *И сказал мне Ангел: напиши: блаженны званные на брачную вечерю Агнца; и сказал мне: сии суть истинные слова Божии.* Это говорит Ангел и уверяет, что он говорит это не от себя, но передает слова Божии, которые истинны, и непременно исполнятся. Радостное празднество верующих, которое имеет быть под вечер мира, когда они войдут в теснейшее общение с Богом во Христе и будут наслаждаться всеми благами благодати, представляется под образом брачного пиршества — самого торжественного, великолепного и радостного, — приспособительно к обыкновению иудеев — вечером устроять пиршество.

Ст. 10. *Я пал к ногам его, чтобы поклониться ему...* Этот Ангел, вероятно, из числа седми изливавших фиалы, блистал таким величием и преподал св. Иоанну такие высокие наставления, что Богослов считал себя обязанным оказать ему свое благоговейное почтение в ноги. Но Ангел почитал неприличным для св. Иоанна — Апостола Христова и возведеннаго на высокое достоинство в Церкви, — покланяться Ангелу, который поставлял себе за честь называться сослужителем его и братий его, имеющих свидетельство Иисусово, т.е. Апостолов, которых Бог сделал свидетелями Своего учения и действий, совершенных Им на земле; и подтверждает это тем, что *свидетельство Иисусово есть дух пророчества,* т.е. Тот же Дух Святый, Который говорит и действует через Апостолов, проповедующих свидетельство об Иисусе, Тот же Самый Дух Святый говорит и через меня, посланнаго Господом возвестить тебе будущия события: твое достоинство таково же, как и мое; мы — сослужители, призванные Господом для исполнения обязанностей одинаковаго достоинства. Ты, наделенный дарами Святаго Духа, свидетельствуешь о словах и делах Иисуса Христа; а я, от Того же Святаго Духа получив откровение будущих событий, сообщаю его тебе и Церкви. Иначе сказать: Дух свидетельства Христова есть Дух и пророчества, т.е. того же достоинства и ту же цель имеет, как и Дух пророчества.

Вторая часть

Брань Христа Царя с противниками и славное совершение ее. (Ст. 11-21)

Цель этой части видения та, чтобы подтвердить и пояснить пророчество предыдущих видений, одинаковых с этим по содержанию; именно — в пророчестве 17, 14 сказано о царях, подчинившихся царству зверя, что они вступят в брань с Агнцем и Агнец победит их. Это нужно было пояснить. Поелику же в гл. 12, 7 сказано, что на небе происходила брань между Михаилом и драконом, что означало победу Иисуса Христа над языческим идолопоклонством: то нужно было открыть Церкви, что в язычестве не все еще враги Христовы поражены. По истреблении языческого идолопоклонства, в самом христианском мире появятся новые враги Христа — еще злейшие, которые в продолжении многих веков будут преследовать Церковь Христову, и которые представляются под образом десятирогого зверя, т. е. большой империи, опирающейся на силах 10 могущественных царств и подкрепляемой усилиями, властью лжеучителей. И эти враги также должны быть поражены. Эта эмблема составлена по подобию пророчеств пр. Исаии 63, 1 и сл. 56, 8. 9. Пс, 109, 6. Зах. 14, 3. Исх. 15, 3. Это пророчество разделяется на две части. В первой части представляются две противные стороны, между которыми происходит брань (ст. 11-19); во второй — конец брани (ст. 20-21). Само сражение здесь только предполагается, а не описывается. На одной стороне представляется Иисус Христос Царь, ведущий небесное воинство (ст. 11-16), а на другой — зверь и лжепророк (ст. 19). При изображении Христа, как Царя, Воителя, описываются имена, состояние, вид, украшение, власть, силы (ст. 11-13. 15. 16) и Его воинство (ст. 14).

1. Воюющие лица

1. Христос Царь и воинство Его

Ст. 11 *И увидел я отверстое небо.* Св. Иоанн был созерцателем в небесном храме и увидел, что два войска, между которыми должно происходить сражение, выступают

на какую-то равнину, прилегающую к храму. Первое войско как бы из отверстого неба выходит на земную долину, которая будет полем брани. Этим символом изображается небесное состояние (Ефес. 2, 6) Христа Царя и предводительствуемого Им войска. Когда Христос совершает на земле действия Своего всемогущества, то говорится, что Он сходит с неба на землю. А как на землю не иначе можно сходить, как по отверстии неба, то и говорится, что самое небо отверзается.

а) *Состояние Царя.* Ст. 11 пол. *И вот конь белый, и Сидящий на нем ...* Здесь изображается Иисус Христос, как Царь, как это видно из принадлежностей, которые перечисляются в последующих стихах. В таком же виде Он представляется в гл. 6, 2. Конь, на котором сидит Иисус Христос, также и кони войска Его относятся к принадлежностям Иисуса Христа, как Царя. Поэтому эта эмблема означает, а) что Иисус Христос выходит, как Воитель, б) с быстротой совершает Свои советы, в) уверен в Своей победе над врагами, г) и ведет войну с проявлением Своей святости и величия.

б) *Имена Иисуса Христа.* Ст. 11 пол. *Верный и истинный, Который праведно судит и воинствует.* Здесь описывается троякое имя Иисуса Христа: *Верный* в обетованиях, данных Церкви; *Истинный* в словах, как сказано в 3, 14. *А судит и воинствует праведно,* потому что на войне с врагами совершает суды по законам правды (1 Цар. 24, 16. Ис. 11. 3, 4, 42, 4); и войною защищает, освобождает Своих рабов, несправедливо угнетаемых. Такую силу значения имеет слово: *судить.*

в) *Вид и украшение Иисуса Христа.* Ст. 12. *Очи у Него как пламень огненный.* Этим выражается гнев Сына Божия на врагов, или лучше — пламенное желание Его — поразить, подчинить Себе врагов Своих, или иначе сказать: это означает высшую прозорливость чистейшего, Божественного ума Христова и пылающий гнев на врагов (ср. 1, 14):

И на голове Его много диадим... Можно думать, что на голове Иисуса Христа был один венец, только с разными поясками, которые представлялись так, как будто один венец был наложен на другой. Этим символом означается, 1) что

Иисусу Христу предоставлена вся власть на небе и на земле (Матф. 28, 18), и над всеми царствами мира; 2) Иисус Христос победил и подчинил Себе уже многих царей; так как и в древности победители обыкновенно возлагали на себя венцы побежденных царей (2 Цар. 12, 30); 3) настает время, в которое все царства мира должны быть покорны Ему (гл. 11, 15).

Он имел имя написанное, котораго никто не знал, кроме Его Самого. Имя было написано на челе Иисуса Христа, по примеру еврейского Первосвященника, которое всякому показывало высокое достоинство лица Его, в противоположность гордым, пустым, богохульным именам зверя и лжепророка (гл. 13, 1, 17, 5). Это имя, как сказано в ст. 13, есть *Слово Божие.* Таинство этого имени никому неведомо и непостижимо, потому что оно относится к сущности и происхождению Божественного естества Иисуса Христа, которых никто из смертных не может постигнуть. Потому оно и в Ветхозаветном Писании называется *чудным* (Суд. 13, 18. Ис. 9, 5 Притч. 30, 4).

Ст. 13. *Он был облечен в одежду, обагренную кровию.* Это — верхняя одежда (мантия, плащ) кровавого цвета. Такого цвета были плащи императоров у восточных народов. Она представлялась обагренною кровью, вероятно, врагов, уже прежде пораженных Иисусом Христом на брани с язычеством (Ис. 63, 2). *Имя Ему: Слово Божие.* Это имя, взятое из книги Бытия 1, 3. Пс. 32, 6, и ясно усвоенное Единородному Сыну Божию, Иисусу Христу в Евангелии (Иоан. 1, 14, 18), показывает а) отношение Сына Божия к Богу Отцу, Сын рождается от Отца, и рождается бесстрастно и духовно, подобно тому, как слово рождается в уме; рождается неизреченно и непостижимо, так как непонятно человеку и то, как в уме его зачинается и рождается его собственная мысль или внутреннее слово его духа. Сын есть выражение Отчего естества, образ Бога невидимого, сияние славы Его, так как и человеческое слово отражает в себе свойства ума. Это наименование показывает б) отношение Сына Божия к твари. Сын есть содетельная и содержительная вина всего сотворенного (Кол. 1, 16, 17). Через Него совершаются все советы и действия Отца, так как и мысль

ума, воплощаясь в слово, осуществляется через него. Наконец, наименование Сына *Словом* показывает в) отношение Его в частности к разумным творениям. Сын открывает им тайны Божества, сокровенные советы Своего невидимого Отца, подобно как и человеческое слово открывает другим сокровенные мысли ума, и тайные движения сердца.

Ст. 15. *Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы...* Это — меч Христа не столько как Учителя, о чем сказано в 1, 16, а больше как Царя, совершающего Свои суды, как видно из ст. 21, и гл. 2, 12; и потому здесь означает определения суда, соединенные с могучей силой, которыми Иисус Христос поражает врагов (Иоан. 18, 6. Деян. 9, 4, 5. Ис. 11, 4). *Он пасет народы жезлом железным, и топчет точило вина ярости гнева Бога Вседержителя.* Это взято из Пс. 2, 9 Ис. 63, 4, 5, и объяснено в Апок. 2,27, 12, 5, 14, 20. Здесь разумеются народы враждебные Церкви Божией.

Ст. 16. *На одежде и на бедре Его написано имя: Царь царей и Господь господствующих.* Это имя написано было на императорском плаще около той части тела, при которой висел меч на поясе, приспособительно к обыкновению восточных народов.

г) *Войско Иисуса Христа.* Ст. 14. *И воинства небесныя следовали за Ним на конях белых, облеченныя в виссон белый и чистый.* Под небесным воинством разумеются избранные, званные и верные, о которых сказано в 17, 14. Представляются они на белых конях для означения того, что вместе с Иисусом Христом одержат победу над зверем. Облачение в виссонную, белую, чистую одежду означает, а) что они сделаются участниками в славе Иисуса Христа, верховного Царя, которая проявится в это время, также в правде и святости Его. б) Дело Иисуса Христа и Церкви в это время публично будет оправдано. в) Эту духовную войну они вместе с Иисусом Христом, или в Христе и через Христа, своего Царя, будут вести праведно.

2. Неприятельское войско

Ст. 19. *И увидел я зверя и царей земных, и воинства их, собранныя, чтобы сразиться с Сидящим на коне и с воинством*

Его. Об этом неприятельском войске сказано в гл. 14, 18, 16, 14, 16. Здесь разумеется духовная брань; потому что Иисус Христос не сражается вещественным оружием. А духовная брань Христа с врагами бывает двоякого рода: Он или покоряет их себе Своим словом, или поражает Своими судами, как стрелами. Здесь разумеется брань более последнего рода.

3. Предсказание наступающей победы

Ст. 17. *И увидел я одного Ангела, стоящаго на солнце; и он воскликнул громким голосом, говоря всем птицам, летающим по средине неба: летите, собирайтесь на великую вечерю Божию,* ст. 18, *чтобы пожрать трупы царей...* Здесь предсказывается победа Иисуса Христа — Царя и Его воинства. Эта эмблема означает, что на той войне, в которой Христос Господь станет совершать Свои суды над врагами, будет поражение самое ужасное, сверх всякого чаяния, так что трупы врагов, по причине множества убитых, не могут быть преданы погребению, останутся на съедение птицам, которым приготовится из них вечеря (роскошный пир). А в таинственном смысле под небесными птицами можно разуметь всех воинов, через которых будет произведено это поражение (см. под. Иер. 12, 1. 9). Предсказатель этого поражения есть какой-то Ангел, стоящий на солнце, т.е. у солнца, именно для того, чтобы видели его все птицы небесные, и чтобы голос его тем удобнее разнесся по всему небу. А в таинственном смысле этот Ангел может означать служителей Евангелия, просвещенных светом истины, т. е. познанием слова благодатного. Эти служители из пророчеств Ветхого Завета и из настоящего пророчества ясно будут доказывать, что наступает великий день суда Господня и наказания врагов.

II. Конец сражения

Ст. 20. *И схвачен был зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса пред ним, которыми он обольстил принявших начертание зверя и поклоняющихся его изображению. Оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою.* Само сражение здесь не описывается, а только показывается конец

его, именно: а) схвачение зверя и лжепророка, и ввержение их в огненное озеро; и б) убиение союзников их (ст. 21). Это пророчество подобно пророчеству пр. Исаии 66, 16, 24. Под зверем здесь разумеется последняя голова зверя, или царь таинственного Вавилона, который будет управлять им в то время, когда явится Иисус Христос, Судия и Защитник Своей Церкви (гл. 17, 11). Под лжепророком разумеются лжеучители. Они будут схвачены, т. е. подвергнутся власти Бога Судии, как бы налагающего на них руки через Своих служителей; и живые будут брошены в огненное озеро. Это значит, а) что они с временной, насильственной смертью на самом деле будут преданы адскому мучению, которое Бог определил нечестивым (2 Сол. 1, 8), б) от общения Церкви будут отлучены и Божиим судом будут приведены в состояние бесчестия, поношения, ожесточения и злой совести. Это состояние есть начало будущего суда. О находящихся в таком состоянии говорится, что они живые ввергаются в ад; потому что предаются вечному поношению, будут мучиться злой совестью сначала в этой жизни, а потом, по смерти, понесут всю тяжесть гнева Божия, ужасы которого уже и в этой жизни предчувствовали. Как жизнь блаженная в этой жизни начинается, а в будущей совершается: так и ад, или вечная смерть ожесточенных и терзаемых злой совестью, начинается в этой жизни, продолжается и усиливается в будущей во все веки (Мат. 8, 12. Лук. 16, 24). (Объяснение Апокалипсиса, стр. 224).

Царь царей и Господь господей

На одежде и на бедре Его написано имя: Царь над царями и Господь над господами. Апок. 19, 16.

Весьма многознаменательно место, на котором написано сие имя.

Оно написано *на одежде и на бедре Его.*

На одежде, обагренной кровью примирения и кровью убиенных Им врагов; — знамение того, что Его царство основано на славном конце Его кровавой ходатайственной смерти.

Место Писания, из которого заимствован избранный нами текст, говорит о трех именах Мессии.

1. Он имеет *имя, котораго никто не знает, кроме Его Самого.* — Никакой Ангел пред престолом вышнего, никакой человек на земле не знает Сына; Его знает только Отец. Сие имя, которого никто не знает, указует на вечное величие и Божественность Мессии.

2. *Слово Божие,* — наименование, указывающее на глубокое таинство Его Божественной личности.

3. Имя нашего текста: *Царь над всеми царями и Господь над всеми господами* означает прославление Сына человеческого, посредника между Богом и людьми, который, через страдания и смерть *вошедши в славу Свою,* увенчан был от Отца честью, — *и Ему дана всякая власть на небе и на земле* — власть, которой Он действует не как Бог, *благословенный во веки,* но как Сын человеческий, принесший Себя на кресте в жертву правосудию Божию за грехи человеков. За сию то жертву Его добровольного послушания Ему дано сие имя, которое превыше всякого имени.

Сие имя читают на Нем и познают еще здесь все, верующие в Него. Они познают Его своим щитом во брани, своей защитой в опасностях, своей силой в немощах, своим утешением и радостью во всех несчастьях и скорбях.

Некогда прочтут и познают Его все живые и мертвые. Все очи узрят Его, все сердца взыграют или вострепещут перед Ним. Сие имя написано также и на Его бедре — на том месте нашего тела, которое препоясывается мечом, знамением могущества и мщения. *Препояшь,* взывает Псалмопевец к Жениху Церкви, *бедро Твое мечом, честию Твоею и красою Твоею.* Пс. 44, 4.

Таким образом в нашем тексте указывается вместе и на то, что Царь царей навсегда удержит за Собою право Царя во всем пространстве и силе его значения. Ибо Его имя не есть только одно блистательное титло. Имя Мессии, Царя царей, есть высочайшая полнота истины и действительности, силы и жизни.

Он действительно есть то, чем Он называется.

Он правит и располагает сердцами царей земных, как источниками рек; с неограниченной властью владычествует над воинством небесным и над всеми, живущими на земле.

Никто не может остановить всемогущей руки Его или сказать Ему: что Ты делаешь?

Возстают ли цари земные и вельможи собираются вместе против Него; Он, живущий на небесах осклабляется, и Господь смеется им. Псал. 2, 4. Все намерения и замыслы сильных земли, сопротивляющихся Ему, должны содействовать исполнению Его святой воли и достижению Его премудрых и благих целей. Вы спросите, может быть: для чего попускает Он людям сопротивляться Его воле? На сие ответствует Фараон.

Фараон противился ему, презирая все увещания и угрозы, — и низринулся в бездну погибели. В сем событии открылось могущество Божие не только для народа Израильского, но и для всех сопредельных с ним народов. Не Бог был виною ожесточения Фараонова: ибо Он не может побудить ко греху. Не солнце, но удаление от солнца производит тьму. Не теплота солнечная, но недостаток сей теплоты превращает в лед воду; ибо теплота солнца, в высочайшей своей степени, самые твердые металлы может превратить в воду. Так и человеческое сердце. Только всемощное действие Святого Духа, источника света и жизни, может осветить и соделать мягким мрачное и жестокое сердце человека. Без сего действия оно навсегда остается мрачным и жестоким.

Цари земные, в самом злоупотреблении своей власти, в самом ревностном исполнении планов своего честолюбия, не более значат, как орудия и рабы Царя царей, орудия Его суда и Его милости, через которые Он наказывает племена беззаконнующие, или отверзает двери и открывает пути благословением Евангелия.

Победоносные завоеватели, Сеннахирим и Навуходоносор, были только *секира* и *пила* в руке Царя царей (Ис. 10, 15), посетившего наказанием вероломный и непокорный народ Свой. Оба они имели сообразные с их состоянием препоручения, которые они должны в точности исполнить, но которых предела они не смели преступить. Они имели собственные планы и намерения; Бог имел другие. Как скоро Божеские намерения были через них исполнены, мы ничего далее не слышим о намерениях их собственных.

Подобные примеры и в новейшие времена не редки; может быть, только редко замечаются нами. Часто люди принимают что-либо из каких-нибудь своекорыстных побуждений, из честолюбия или любостяжания; но Царь царей исполняет через них Свои великие и священные намерения, которых сами они никогда не имели, и против которых даже, если бы только они познали их, всеми силами вооружились бы. Но самым неоспоримым доказательством Его неограниченного владычества над всеми народами и владыками земли служит сохранение Его Церкви. Мир ненавидит малое стадо Пастыря Иисуса; на земле нет такой сильной руки, которая была бы в состоянии защитить его от всех враждебных нападений. При всем том оно находится в безопасности. Ярости неистовствующих его гонителей, подобно как ярости свирепствующих волн океана, назначены пределы, которых она перейти не может. Их ненависть действует столько, сколько она должна действовать по намерениям вечно мудрой Благости. Всемощно, хотя таинственно, Царь царей совершает Свое дело, невидимо для ока, не просвещенного Его словом и духом.

Его премудрость попустила хитрому Ахитофелу дать мятежнику — Авессалому злодейский сам в себе, но по общему предрассудку исполненный благоразумия, совет, последовавши которому мятежный сын мог иметь в злодейских руках своих несчастного отца своего. Давид молился: *Господи Боже мой,* взывал он из глубины стесненного сердца, *разруши совет Ахитофелев!* (2 Царств. 15, 31), Господь мог исполнить молитву раба Своего, лишивши разума злого советника. Молитва была исполнена, может быть, менее чудным, но не менее действительным образом. Она исполнена была тем, что мятежный сын благоразумному совету Ахитофела предпочел безрассудный, но ласкающий его честолюбие, совет Хусия.

Иногда Господь попускает взаимному несогласию врагов Своих действовать ко благу Своей Церкви; когда одна какая-нибудь сторона единственно для ослабления другой, враждебной ей, покровительствует таким людям, которых она совершенно ненавидит. Так Апостол Павел жестокости иудейского суда избежал посредством раздора, происшедшего

между членами оного — саддукеями и фарисеями, которые старались ослабить друг друга.

Нередко видим правителей царств, действующими совершенно вопреки своим намерениям, так что, стараясь достигнуть предположенной цели, они далеко уклоняются от оной и на свои собственные рамена возлагают то иго, которое умышляли возложить на других. Так, напр., Ровоам. Одна небольшая снисходительность могла бы привлечь к нему сердца двенадцати колен. Весьма странным для нас кажется, что он не мог препобедить себя, один только час ласково поговорить с народом, имея намерение сими немногими словами соделать его навсегда себе рабом. Но сия странность исчезает, когда мы читаем, что это так устроено было Богом (3 Царств 12, 24), Который через сие исполнил заключавшееся в совете премудрости Его разделение Иуды и Израиля.

Через подобное сцепление обстоятельств спаслись некогда Иудеи, находившиеся в Персии, от злодейских рук кровожадного Амана. Царь, против обыкновения, проводит ночь без сна; канцлер читает перед ним из летописи его царства именно то место, которое содержало в себе заслуги, оказанные Мардохеем: — если бы всего сего не случилось, то не совершил ли бы Аман злых своих намерений?

Подобным образом через сцепление обстоятельств, в частности, большей частью незначительных, а вообще кажущихся только случайными, Господь весьма часто расстраивает самые обдуманные планы мудрых и сильных, в ту самую минуту, когда они с несомненною уверенностью ожидают счастливого успеха оных.

Великие, благотворные и утешительные следствия вытекают для нас из таковых примеров! Конечно, они не новы; но наша слабость имеет нужду в воспоминании того, что мы уже прежде познали. Здесь мы устраиваем сильные побуждения к несомненному упованию на Бога. Ибо если Господь воинств, Господь всех господов *за нас, то кто противу нас?* Пусть мрак покрывает всю землю; пусть бедствия распространяются вокруг нас: мы не боимся, не трепещем. Крепкая десница хранит Церковь Иисусову. Всемощная сила поддерживает ее в ее опасностях. Благодать

Св. Духа утешает и укрепляет ее, когда она начинает изнемогать под ударами искушений. Иногда, по-видимому, Господь оставляет ее, но в самом деле Он не оставляет ее никогда. И каждый в частности член Церкви, вверяя Ему себя и все нужды свои, чужд страха и печали. Ибо он знает, что все власы главы его сочтены, и без воли Отца его ни один из них не погибнет. Никакое бедствие не может постигнуть его, если Он не соизволит на то, с тем благим намерением, чтобы посредством временного несчастья соделать его способным к наслаждению вечным, истинным блаженством (Христ. Чт. 1824 г. XVII, 323 — 333).

Библиографический указатель к XVII, XVIII и XIX главам

XVII гл.

1) *Андрея Кесарийского.* Толкование на Апокалипсис. М. 1889 г. Гл. 53. Об одном из 7 Ангелов, который показывает блаженному Иоанну разрушение города блудницы, и о седми главах и о десяти рогах (ст. 1-5). Гл. 54. Как Ангел истолковал ему виденную тайну (ст. 6-18). Стр. 207-219.

2) *Еп. Петра.* Объяснение Апокалипсиса. Томск. 1885 г. Предложение или рассказ о Вавилонской блуднице; вступление (ст. 1-2). Место, в котором видел ее Иоанн, состояние жены (ст. 3); вид и действие жены (ст. 4); характер жены (ст. 5); упоение жены кровью (ст. 6). Изъяснение видения. Истолкователь и случай к истолкованию (ст. 7). Общее истолкование значения зверя (ст. 8); объяснение значения частей зверя (ст. 9-11); объяснение рогов зверя (ст. 12-14); объяснение вод, у которых сидит жена (ст. 15-17); объяснение значения жены (ст. 18). Стр. 311-312.

3) *Ф. Яковлева.* Апостолы. Вып. 2. Толкование Апокалипсиса. Рим, его идолопоклонство и падение того и другого. Стр. 322-347.

4) *Оберлена.* Пророк Даниил и Апокалипсис св. Иоанна. Смертельная рана и ее исцеление. Исчезновение и новое появление зверя. Стр. 352-365.

XVIII гл.

1) *Андрея Кесарийского.* Толков. на Апокалипсис. М. 1889 г. Сл. XI гл. 55. Об ином Ангеле, возвещающем падение Вавилона и о небесном голосе, повелевающем бежать из города и отвергнуть приятное, что имели прежде (ст. 1-24). Стр. 221-731.

2) *Еп. Петра.* Объяснение Апокалипсиса. Томск. 1885 г. Суд над таинственным Вавилоном: Ангел — вестник падения Вавилона (1-3); другой проповедник, по случаю падения Вавилона, дающий Церкви спасительный

совет (ст. 4-8). Следствие суда: плач различных людей (ст. 9-19); радость Церкви (ст. 20); подтверждение суда (ст. 21-24).

3) *Ф. Яковлева.* Апостолы. Вып. 2. Рим, его идолопоклонство и падение и того и другого. Стр. 347-353.

XXI гл.

1) *Андрея Кесарийского.* Толков. на Апокалипсис. М. 1889 г. Гл. 56. О песнопении святых и троякой аллилуия, которую поют при разрушении Вавилона (ст. 1-6). Гл. 57. О таинственном браке и вечери Агнца (ст. 7-10). Сл. 20. Гл. 58. О том, что Евангелист видел Христа на коне с силами Ангельскими (ст. 11-16). Гл. 59. Об антихристе и тех, кои ввержены с ним в геенну (ст. 17-31). Стр. 231-247.

2) *Ф. Яковлева.* Апостолы. Вып. 2. Торжество Церкви Христовой (ст. 1-10). Новое видение Господа Иисуса Христа, как победителя (ст. 11-21). Стр. 353-366.

ГЛАВА XX

Толкование Св. Андрея Кесарийского. О том, что сатана связан с распятия Христова до конца и о тысяче лет (1-3)

Ст. 1-3. *И видех Ангела сходяща с небесе, имеюща ключ бездны, и уже велико в руце своей: И яш змия, змия древняго иже есть диавол и сатана, и связа и на тысящу лет; и в бездну затвори его, и заключи его, и запечатле над ним, да не прельстит ктому языки, дондеже скончается тысяща лет; и по сих подобает ему отрешену быти на мало время.*

Здесь повествует о низвержении диавола, бывшем в страдании Владыки. Тогда его, казавшегося быть сильным, сильный более его Христос Бог наш связал; нас, добычу его, освободил от рук его, осудив ввергнуть его в бездну. Это видно из того, что бесы умоляли Его не посылать их в бездну. И что он связан был, доказательством сего служит — уничтожение идолослужения и разрушение идольских храмов и оскудение кровей на жертвенниках, и во всем мире познание и исполнение Божественной воли. И великий Ириней сказал, что в пришествие Христово диавол в первый раз узнал, что он осужден в бездну и в геенну огненную. Потому можно под сказанным выше разуметь осуждение Христом диавола. Говорит же, что Ангел служил сему осуждению, дабы показать, что диавол по силе менее и служебных сил и суетно дерзал против власти Вседержителя. Ужем, для нашего разумения, назвал действие, связующее его силу. Тысячу же лет благоразумно понимать не как таковое именно число лет, ибо как и те, о которых сказал Даниил: *слово аще заповеда в тысящи родов* (Пс. 104, 8), не можем исчислить удесятиренными сотнями, но вообще

многими по числу, так и здесь думаем, что число тысячи означает или многие годы, или число совершенное. Ибо может сие означать многие годы, дабы Евангелие проповедано было повсюду во всем мире, и укоренились в нем семена благочестия; может означать и совершенное число, потому что в них, оставивши детскую подзаконную жизнь, призваны мы в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова. Итак, тысяча лет есть время от вочеловечения Господа до пришествия антихриста. Так ли это, как принимаем мы, или сказанная тысяча лет суть десятица сотен, как считают некоторые, или меньше сего, сие извеетно одному Богу, знающему, до коих пор полезно нам Его долготерпение и пользование сею жизнию. После же возмутит всю вселенную антихрист, вмещающий в себе действо начальника зла Велиара, изливая на людей подонки ядовитой злобы его, так как знает он о неизбежности наказания своего.

О престолах, уготованных для сохранивших исповедание Христово неизменным

Ст. 4. *И видех престолы, и седящия на их, и суд дан бысть им и души растесанных за свидетельство Иисусово и за Слово Божие, иже не поклонишася зверю, ни иконе его, и не прияша начертания на челех своих, и на руце своей: и ожиша, и воцаришася со Христом тысящу лет.*

Уже святым Апостолом даны были учительные престолы, с которых просвещены были народы; даны будут, по Божественному обетованию, и в будущем веке для суда над отвергшими Евангельскую проповедь, как сказал Давид: *тамо взыдоша колена, колена Господня, свидение Израилево,* и далее: *яко тамо седоша престоли на суд* (Пс. 121, 4, 5). И прочим святым мученикам, пострадавшим за Христа и не принявшим начертания мысленного зверя диавольского, т.е. изображения его отступления, *дан суд,* т. е. власть судить, которою, как видим, даже доныне судят демонов, будучи прославляемы со Христом до скончания века, поклоняемы царями благочестивыми и князьями верных, и являя богодарованную силу против всякой телесной болезни и диавольского действа. А что диавол и антихрист и лжепророк

общи друг с другом как деяниями, так и именами, сие видно из того, что каждый из них называется *зверем.* И змей, т. е. сатана, является имеющим семь голов и десять рогов с толиким же числом венцов, равно и зверь, выходящий из моря, т. е. антихрист, является в подобном виде; одну и ту же с ними волю и действо к погублению обольщаемых показывает лжепророк. Освободившиеся же от сей погибели будут показанным образом царствовать со Христом до второго Его пришествия, а после него более получат Божественных обетований.

Что есть первое воскресение и что вторая смерть

Ст. 5 и 6. *Прочии же мертвецы не ожиша, дондеже скончается тысяща лет; се воскресение первое. Блажен и свят, иже имать часть в воскресении первом: на нихже смерть вторая не имать области, но будут иереи Богу и Христу, и воцарится с Ним тысящу лет.*

Из Писания научены мы, что есть две жизни и два умерщвления, т. е. смерти. Первая жизнь, по преступлении заповеди, временная и телесная, другая, за соблюдение Божественных заповедей Христовых, обещанная святым жизнь вечная. И смерти так же две: одна временная, смерть тела, другая, в воздаяние за грехи насылаемая в будущем, вечная, или, что то же, геенна огненная. Знаем же и различие между мертвыми. Одних нужно избегать, о которых сказал Исаия: *мертвии живота не имут видети* (Ис. 26, 14), кои деяниями наводят зловоние и умерщвление. Другие достойны похвалы, умерщвляющие во Христе деяния плоти и сораспинаемые со Христом и умерщвляющиеся для мира. Явная суть мертвецы те, кои не спогреблись Христу и не совоскресли с Ним в крещении, но пребывают в мертвенности грехов: они не оживут с Ним, пока не окончится тысяча лет, т. е. полное число лет, которое пройдет от первого до второго славного пришествия, как сказано было выше, но как рожденные от одной земли, а не от духа, в землю и возвратятся, ибо смерть их есть начало будущего их мучения. А имущие участие в первом воскресении, т. е. в восстании от умерщвляющих помыслов мертвых дел, суть блаженны, ибо над ними не будет иметь власть смерть вторая,

т. е. бесконечное мучение, но священствуют и царствуют они со Христом, как видим мы, в понимаемые нами тысячи лет, до тех пор, пока разрешен будет сатана и станет обольщать все народы. И тогда, впрочем, не отнимется у них царство, но еще тверже и очевиднее приобретут они его, когда пройдет временное и настанет вечное. Ибо немного пройдет времени после разрешения диавола до осуждения его и наказания в геенне. Так что слова: *будут иереи Богу и Христу* нужно понимать, как повторение прежнего, ибо, хотя и видимые на опыте и в течение дел, знамения и чудеса святых были будущими в то время, когда открываемо было сие Евангелисту, как уже было сказано. Итак, поелику две смерти, то нужно принимать столько и воскресений. Итак, первая смерть есть телесная, посланная в наказание за преслушание человеческое, вторая смерть — вечное мучение. Первое воскресение — оживотворение от мертвых дел, второе — претворение тела от тления в нетление. (Толкование на Апокалипсис. М. 1889 г. стр. 249).

О Гоге и Магоге

Андрея Кесарийского

Ст. 7. *И егда скончается тысяща лет, разрешен будет сатана от темницы своея, и изыдет прельстити языки сущия на четырех углех земли, Гога и Магога, собрати их на брань, ихже число яко песок морский.*

Указанное тысячелетнее время некоторые, не знаю каким образом, считали за три с половиной года от крещения Христова до вознесения Его на небо, после чего, думали, разрешен был диавол. Другие же говорили, что по истечении шести тысяч лет дано будет одним святым первое воскресение из мертвых, чтобы на той же самой земле, на которой они показали терпение, насладиться им удовольствием и славою в продолжение тысячи лет; и после сего будет всеобщее воскресение не только праведных, но и грешников. Поелику же ничего этого не приняла Церковь, то излишне и говорить. Мы, внимая Господу, сказавшему Саддукеям, что праведные будут, как *Ангелы Божии на небеси* (Мф. 22, 31), и Апостолу, сказавшему, что царство Божие *несть брашно и питие* (Римл. 14, 17), принимаем за тысячелетие — время Евангельской проповеди. Ибо, как уже было написано, нет нужды считать числом тысячу лет, как равно и в сказанном в Песнях Песней: *муж принесет в плоде его тысячу сребреник* (Песн. Песн. 8, 11) и еще: *тысяща Соломону и двести стрегущим плод его* (Песн. Песн. 8, 12), указывается не число сие, но вообще множество и совершенство плодоношения, как и здесь совершеннейшее плодоношение веры. После сего придет сын погибели, человек беззакония, *да суд приимут вси неверовавшие истине, но благоволившие в неправде* (2 Сол. 2, 12), по Апостолу и по слову Владыки, сказавшего: *Аз приидох во имя Отца Моего, и не приемлете Мене: аще ин приидет во имя свое, того приемлете* (Иоан. 5, 43). Тогда, как сказано, сатана, будучи освобожден из темницы своей, будет обольщать все народы, а Гога и Магога возбудит к войне для опустошения вселенной. Думают же некоторые, что Гог и Магог суть Скифские полунощные народы, которых мы называем Гуннами, многочисленнейшие, как видим, и самые воинственные из всех земных царств и народов; и только Божественною рукою, до освобождения диавола удерживаются они от того, чтобы овладеть всею вселенною. Некоторые с еврейского языка толкуют, что Гог означает собирающего или собрание, а Магог — возвышенного, так что этими именами означается или собрание народов, или же превозношение их. Нужно же знать, что и Иезекииль пророчествовал о сих народах, что в последние дни с великою силою придут они пасть на земле Израильской, и самыя оружия, по причине множества их, будут гореть огнем семь лет (Иез. 39, 2-9). Сие некоторые из толкователей принимали за поражение при Езекии Ассириян с Сеннахиримом, но это случилось за много лет до пророчества Иезекиилева. Иные же относят к погублению язычников, напавших на жителей Иерусалима, намеревавшихся построить вновь стены после пленения Вавилонского, когда начальникам Ассирийским повелено было сие сперва Киром Персидским, а после него Дарием. Иные же относят к войскам Антиоха, побежденным Маккавеями. Но что пришествие их более всего соответствует временам последним, сие ясно, во-первых, потому, что нигде не

написано, чтобы тогда вели войну с Иудеями Скифские народы, но только окрестные из зависти к неожиданному благоденствию их, во-вторых, потому, что о Гоге написано, что он будет приготовляться от времен древних, и придет в последние времена, в-третьих, — что в сем Откровении, прорекающем о будущем, сказано, что Гог и Магог придут в конце века сего.

Ст. 8-10. *И взыдоша на широту земли и обыдоша святых стан и град возлюбленный. И сниде он от Бога с небесе и поядe я: И диавол льстяй их ввержен будет в езеро огненно и жупелно, идеже зверь и лживый пророк: и мучени будут день и нощь во веки веков.*

Как дикие звери из ущелий, так, говорит, предводительствуемые диаволом и бесами его из своих мест распространятся по земле, чтобы погубить стан Святых, т.е. Церковь Христову, утвержденную в четырех концах вселенной, не зная, что не один только Ангел, но многие ополчаются окрест боящихся Бога, по Псаломскому слову (Пс. 33, 8). К тому же захотят взять и Новый Иерусалим, город возлюбленный, из которого Божественный закон истек через Апостолов во всю вселенную. Здесь и антихрист, сказано, сядет в храме Божием, или в Иудейском, прежде Божественном, разоренном за дерзновение Иудеев против Христа, но восстановленном антихристом, как того ожидают богоборные Иудеи; или на самом деле в Божественном храме, — Вселенской Церкви, присвояя себе чуждое *и показующи себе, яко Бог есть*, как сказал Апостол (2 Сол. 2, 4). Но не надолго. Сожжет их и указанные народы огонь, сшедший с неба, будет ли то видимый, как при Илии — двух пятидесятников, или славное пришествие Христово духом уст Его истребит их, и вождя их диавола с антихристом и лжепророком предаст в езеро огненное, дабы мучились в нем во веки веков (Толкование на Апокалипсис, Андрея, Архиеп. Кесарийского, стр. 257).

О Седящем на престоле и общем воскресении и суде

Ст. 11. *И видех престол велик был, и седящего на нем, его же от лица бежа небо и земля, и место не обретеся им.*

Престолом белым означается упокоение Божие, которое соделает Он в блистающих добродетелями Святых, восседая

на них, как на престоле. Отбежание же неба и земли означает их прехождение и обновление к лучшему, так что в них уже не найдется места для перемены. Ибо, если тварь ради нас подчинена тлению, по Апостолу (Рим. 8, 20), то и она с нами претворится в свободу славы чад Божиих, будучи обновлена в блистательнейшем виде, а не подвергнется конечному уничтожению, как думали о том блаженные Ириней, и Антипатр, и другие Святые. Блаженный Ириней говорит: «ни существо, ни сущность твари не уничтожается, — ибо истинен и верен Устроивший ее, — но преходит образ мира сего, т. е. то, в чем было преступление, потому что в сем обветшал человек, и потому образ сей был на время, по Божию предведению всего». (Против ерес. кн. V, гл. 26, 1). Великий же Мефодий в слове о воскресении изложил так: «не нравится нам и то слово некоторых, что до основания погублено будет все, и что земли, и воздуха, и неба не будет, ибо будет гореть для очищения и обновления (по Василию) весь мир, потопляемый огнем, но не дойдет до конечного истребления и разрушения». И ниже говорит: «и Павел ясно свидетельствует, говоря: *чаяние бо твари откровения сынов Божиих чает. Суете бо повинуся тварь не волею, но за повинувшаго ю на уповании. Яко и сама тварь свободится от работы истления и проч.»* (Римл. 8, 19-21). И прежде сих блаженных святый Давид, воспевая Господу, сказал: *послеши Духа Твоего и созиждутся и обновиши лице земли* (Пс. 103, 30). И Исаия говорит: *будет небо ново и земля нова, и не помянут прежних, ниже взыдет на сердце их* (труд), *но радость и веселие обрящут на ней* (Ис. 65. 17 и 18). И подлинно, в преизбытке непрестающей радости и во множестве наград, забудут о борьбе в подвигах и о трудах. И в другом месте он же говорит: *якоже бо небо ново и земля нова, яже аз творю, пребывают предо мною, тако станет семя ваше и имя ваше* (Ис. 66, 22). Так что ради нас происшедшая тварь с нами получит изменение к лучшему, не переходя в небытие, как и мы, после смерти.

Ст. 12. *И видех мертвецы малыя и великия стояща пред Богом, и книги разгнушася: и ина книга отверзеся, яже есть животная, и суд прияша мертвецы от написанных в книгах по делом их.*

Мертвецами называет или всех людей, как подлежащих смерти тела, или умерщвленных преступлениями. Велики же они и малы (как сказали мы прежде), или по возрасту, или потому, что более или менее делали дел мертвенности, и наказаны будут соответственно деяниям. Или великие суть праведные, а малые и поистине малоценные — грешники, по малоценности души их ради грехов. Книги же разгнутые означают деяния и совесть каждого. А книга жизни есть та, в которой написаны имена Святых.

Ст. 13. *И даде море мертвецы своя, и смерть и ад даша своя мертвецы: и суд прияша по делом своим.*

Каждое тело, в чем разложилось, из того же будет составлено и отдано, было ли оно предано земле или морю. Смерть и ад — не животные одушевленные, как пишется некоторыми, но смерть есть разлучение души и тела; ад же место, нами не видимое, т. е. неизвестное и не познаваемое, приемлющее души наши, отходящие отсюда. Мертвы же те души, которые производят смертоносные деяния, а праведных души, как сказал некоторый мудрец, в руке Божией, *и не прикоснется их мука* (Прем. Сол. 3, 1).

Ст. 14 и 15. *И смерть и ад ввержена быста в езеро огненное: и се есть вторая смерть. И иже не обретеся в книзе животней написан, ввержен будет в езеро огненное.*

Что смерть и ад ввержены в озеро огненное, есть или то же, что и написанное: *последний враг испразднится смерть* (1 Кор. 15, 26), или что осуждены будут в огонь лукавые бесы, виновные в тягчайшей и злой смерти греха, имеющие убежищем своим ад и в него препровождающие повинующихся им. Ибо как городом называются обитающие в нем, так смертию и адом виновники их. Ибо, поелику все, бывшее от Бога, добро зело, то огнь сей будет пожигать то, что не таково. Ибо написано, что *Бог смерти не сотвори* (Прем. Сол. 1, 13). Потому словами, что не будет больше смерти и тления, означается, что будет царствовать нетление и бессмертие. А что все, ненаписанные в книге жизни, ввержены будут в озеро огненное, сему не должно удивляться. Ибо как много обителей у Бога и Отца для спасаемых, так и там различны способы и места мучения — одни жесточе, другие умереннее: ими и будут искушаемы неудостоенные книги жизни (Толкование на Апокалипсис, стр. 263).

Связание сатаны (1-3)

Еп. Петра

Ст.1. *И увидел я Ангела, сходящаго с неба, который имел ключи от бездны, и большую цепь в руке своей.* Этот Ангел представляет или эмблему Божественного Промысла, стесняющего сатану, или — Лице Иисуса Христа, Который Один может иметь ключи ада (1,18) и связать сатану (Мф. 12, 19). Цепь, которою Господь связывает сатану, и ключ, которым отворяет и запирает бездну, служат символом всемогущей власти Иисуса Христа. Здесь изображается славный суд Иисуса Христа, Который всему миру открывается в побеждении сатаны. Когда Иисус Христос совершает поразительные суды на земле, или оказывает благодеяния Церкви, то говорится, что Он сходит на землю (Быт. 11, 7. Исх. 3, 8. Апок. 10, 1).

Ст. 2. *Он взял дракона, змея древняго, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет.* Этою эмблемою изображается сильное стеснение сатаны. Когда сатана ничего не может сделать на земле, как только по попущению Бога, Которого суды, точно, есть глубокая бездна, то остается подчиненным силе и власти Божией, и до того стеснен, ограничен, что по своему злобному желанию ничего не может сделать в мире и нападать на Церковь Христову.

Ст. 3. *И низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время.* Св. Иоанн видел какую-то большую пропасть, — адскую пучину; Ангел, отперши ее ключом, бросил в нее связанного дракона, как в темницу(ст. 7), запер ее запорами и запечатал по обыкновению восточному (Дан. 6, 17). Восточные народы о шеоле — подземном местопребывании душ, думали, как о каком-нибудь обширном дворце с оградою, воротами и запорами (Ис. 14, 9. Мф. 16, 18. Апок. 9, 1), в котором находятся разные отделения, из коих низшее назначено для осужденных нечестивых и злых духов, которое называлось *бездною* (Лук. 8, 31) и другими именами. Смысл этой эмблемы такой: во время этого тысячелетия

сатана будет ограничен и стеснен десницею Божиею так, что как будто будет заключен в крепости бездны, и содержаться в ней, как узник, чтобы не обольщал народы ложною религией и пороками, и не делал никакого зла Церкви. Это первый характер этого времени, — что сатана связанный не будет обольщать народы ложною религией и публично преследовать благочестивых. А если какие народы на углах земли (ст. 8) и останутся в ложной религии своих предков; то сатана не в состоянии будет распространять ее и возмущать мир и счастье Церкви Христовой в течение тысячи лет. Тысячелетие это, как число таинственное, нельзя в точности принимать за тысячу лет, а вообще — оно означает продолжительное время. Думают, что это тысячелетие еще не настало; потому что со времен земной жизни Иисуса Христа, доселе сатана, во все времена, обольщал народы и преследовал Церковь, доселе еще не связан совершенно. В Апокалипсисе изображается разрушение царства сатаны постепенно, в три периода времени. Первый период есть низвержение сатаны с неба на землю, после сражения его с Архистратигом Михаилом (гл. 12, 9). Второй период есть царствование сатаны на земле, потом связание и низвержение его в бездну на тысячу лет (гл. 20, 3). Третий период — по освобождении сатаны из темницы на короткое время, окончательное осуждение его (гл. 20, 10). О сатане в таинственном смысле говорится, что он был на небе, когда ложная религия, или идолопоклонство, введенное им в языческий мир, было господствующим у всех народов и особенно в Римской империи — средоточии язычества, в которой императоры покровительствовали этому идолопоклонству и в лице идолов почитали сатану за Бога. С этой высоты сатана свержен на землю после жестокой брани Церкви около времен Константина Великого. Но диавол доселе был на земле, — еще не был низвержен в бездну; по низвержении на землю даже еще жесточе свирепствовал (гл. 12, 12), нападал на Церковь чрез зверя, которому он предал свою власть и силу (13, 1). Значит, во все времена гонения Церкви от зверя сатана был на земле (гл. 16, 13), и уже, по разрушении царства зверя, будет низвержен в бездну (Объяснение Апок. стр. 240).

Ложность учения хилиастов

Сущность учения о хилиазме (Χιλιασμοζ — тысячелетие), или о тысячелетнем царстве Христовом заключается в следующем: «задолго до кончины мира Христос Спаситель опять приидет на землю, поразит антихриста, воскресит одних праведников и устроит новое царство на земле, в котором праведники, в награду за свои подвиги и страдания, будут царствовать вместе с Ним в продолжении тысячи лет, наслаждаясь всеми благами временной жизни. Затем уже последуют — второе, всеобщее воскресение мертвых, всеобщий суд и всеобщее вечное мздовоздаяние». Впрочем, учение хилиастов известно было в двух видах. Одни говорили, что Христос, когда устроит на земле тысячелетнее царство Свое, восстановит Иерусалим во всей красе, снова введет исполнение обрядового закона Моисеева со всеми жертвами, и что счастье праведников будет состоять во всевозможных чувственных удовольствиях. Так начал учить в первом веке еретик Керинф, проникнутый ложными верованиями иудейскими и гностическими, а за ним продолжали и другие иудействовавшие еретики: евиониты, монтанисты, и в четвертом веке — еретик Аполлинарий со своими последователями. Другие, напротив, утверждали, что блаженство праведников во время тысячелетнего царства Христова будет состоять только в удовольствиях невинных, чистых, духовных, и вовсе не проповедовали ни о возобновлении тогда Иерусалима, ни о восстановлении обрядового закона Моисеева. В таком виде мнение о тысячелетии в первый раз высказано было Папием, жившим еще в век апостольский; затем встречается у Иустина мученика, Иринея, Ипполита, Мефодия и Лактанция; в позднейшие времена возобновлено, с некоторыми особенностями, анабаптистами, последователями Шведенборга и другими мистиками и иллюминатами. Но ни в первом, ни в последнем своем виде учение о хилиазме не может быть принято православным христианином... Ибо —

1. В обоих своих видах оно основывается на предположении, будто воскресение мертвых будет двоекратное: первое за тысячу лет до кончины мира, воскресение одних праведников; другое перед самою кончиною мира, когда

воскреснут и грешники, и последует всеобщий суд и вечное мздовоздаяние. Между тем, Сам Спаситель со всею ясностью учил, что будет только одно воскресение мертвых — всеобщее, в последний день, что,по гласу Его, вместе восстанут тогда из гробов своих и праведники и грешники и непосредственно приимут от Него последний суд и окончательное мздовоздаяние; *се есть воля пославшаго мя Отца, да все, еже даде Ми, не погублю от него, но воскрешу е в последний день. Се же есть воля пославшаго Мя, да всяк, видяй Сына и веруяй в Него, имать живот вечный: и воскрешу его Аз в последний день* (Иоан. 6, 39, 40; сн. 44. 54). *Яко грядет час, в оньже вси сущии во гробех услышат глас Сына Божия: и изыдут сотворшии благая в воскрешение живота, а сотворшии злая в воскрешение суда* (Иоан. 5, 28, 29).Еще яснее выразил это Спаситель в притче о плевелах сильных, когда сказал: *оставите расти обое (т.е. пшеницу и плевелы) купно до жатвы: и во время жатвы реку жателям: соберите первее плевелы, и свяжите их в снопы, еже сожещи я: а пшеницу соберите в житницу Мою.* — И далее: *сеявый доброе семя есть Сын человеческий, а село есть мир: доброе же семя, сии суть сынове царствия: а плевелы суть сынове неприязненнии: а враг, сеявый их, есть диавол: а жатва кончина века есть: а жатели Ангели суть. Якоже убо собирают плевелы и огнем сожигают: тако будет в скончание века сего. Послет Сын человеческий Ангелы Своя и соберут от царствия Его вся соблазны и творящих беззаконие. И ввергут их в пещь огненную: ту будет плач и скрежет зубом. Тогда праведницы просветятся, яко солнце, в царствии Отца их* (Мат. 13, 37-43; сн. 25, 31-46).

2. В обоих своих видах допускает пришествие Христа-Спасителя на землю за тысячу лет до кончины мира, вопреки учению Слова Божия, которое проповедует только два пришествия Христова: первое — уничтоженное, когда Он приходил искупить нас (Мат. 20, 28; Иоан. 13, 17); второе — славное, имеющее быть при самой кончине мира, когда явится Он судить живых и мертвых. Находясь еще на земле, во время первого Своего пришествия, Господь так говорил о Своем втором, будущем пришествии: *приити имать Сын человеческий во славе Отца Своего со Ангелы Своими: и тогда*

воздаст комуждо по деяниям его (Мат. 16, 27). Или: *егда приидет Сын человеческий в славе Своей и вси святии Ангели с Ним: тогда сядет на престоле славы Своея. И соберутся пред Ним вси языцы, и разлучит их друг от друга, якоже пастырь разлучает овцы от козлищ. И поставит овцы одесную Себе, а козлища ошуюю.* (Мат. 25, 31-33).

3. В обоих своих видах допускает, что по окончании царства благодати и прежде царства славы, будет еще какое-то среднее, третье царство Христово, для которого через тысячу лет настанет конец, — между тем, как Слово Божие учит только о двух царствах Христовых, царстве благодати, которое будет продолжаться до самой кончины мира и всеобщего суда (1 Кор. 15, 23-26), и царстве славы, которое начнется непосредственно после всеобщего суда и не будет иметь конца (Лук. 1, 33; 2 Пет. 1, 11; Апок. 3, 21).

4. В первом своем виде противоречит, в частности, тому учению Слова Божия, что в воскресение мертвых не женятся, не посягают (Мат. 22, 30; Лук. 20, 34), что несть царствие Божие брашно и питие (Рим. 14, 17) и что обрядовый закон Моисеев, имевший только прообразовательное значение до пришествия Спасителя, отменен Им навсегда и заменен законом совершеннейшим, новозаветным (Деян. 15, 23-30; Рим. 6, 14, Гал. 5, 6; Евр. 10, 1 и др.).

5. Если учения о хилиазме в последнем его виде держались и некоторые из древних учителей Церкви — Иустин, Ириней, Мефодий; то держались единственно, как частного мнения, а не как догмата, по свидетельству самого же Иустина, который замечает, что так он думает вместе с некоторыми, а многие христиане чистой и православной веры не разделяют его верования. Это тем несомненнее, что -

6. Другие учители Церкви в то же время прямо восставали против учения о хилиазме, каковы: Каий, пресвитер римский, св. Дионисий Александрийский, Ориген, Евсевий Кесарийский, Тихон Африканский, св. Василий Великий, св. Григорий Богослов, св. Епифаний, блаж. Иероним, Филастрий и блаж. Августин, — называя чаяния хилиастов пустыми выдумками, баснями смешными, нелепыми, совершенно противными Св. Писанию.

7. Если и можно было держаться учения о хилиазме, как частного мнения; то лишь до тех пор, пока не выразила

об этом своего голоса Церковь Вселенская. Но когда Второй Вселенский Собор (в 381 г.), осуждая все заблуждения еретика Аполлинария, осудил и учение его о тысячелетии Христовом и для того внес в самый символ веры слово о Христе: «Его же царствию не будет конца», — держаться этого учения даже в качестве частного мнения совершенно непозволительно православному христианину.

8. В доказательство своих мыслей хилиасты обыкновенно указывают на 20-ю главу Апокалипсиса, в которой излагается видение Иоанна Богослова, как Ангел, имеющий ключи ада, сошел с небеси, связал и заключил диавола в бездну на тысячу лет, как было потом первое воскресение, когда последователи Христовы ожиша и воцаришася со Христом тысячу лет, как, по истечении тысячи лет, разрешен будет сатана от темницы... на малое время, и изыдет прельстити языки, сущие на земли, и вскоре последует суд над всеми мертвецами воскресшими и вечное мздовоздаяние им и диаволу. Но -

а) Известно, что Апокалипсис есть книга пророческая и глубоко таинственная, смысл которой в точности нам не доступен. А толковать буквально места пророческие, если они представляются в этом виде противоречащими другим местам Писания, прямым и ясным, совершенно противно правилам свящ. герменевтики, которая справедливо предписывает в подобных случаях изъяснять пророчества в смысле таинственном: потому что Бог, давший людям Откровение, Сам Себе противоречить не может.

б) Сколько возможно проразумевать таинственный смысл 20-й главы Апокалипсиса, лучшие толкователи его, вместе с блаженным Августином, изъяснили эту главу так: под именем Ангела, сошедшего с неба и имеющего ключи ада, разумеется Ангел завета — Господь Иисус, приходивший на землю, чтобы смертию Своею упразднить имущего державу смерти, сиречь диавола (Евр. 2, 14), разрушить на земле дела диавола (Иоан. 12, 31); под именем связания и заключения диавола в темницу разумеется то, что Господь Своею проповедью, Своими многократными опытами изгнания бесов из людей и особенно Своею смертью, действительно, изгнал диавола вон, связал крепкого (Матф. 12, 29), совлек его начала и власти, изведе в позор дерзновением, победив их на кресте (Кол. 2, 15). Под именем тысячелетнего царства Христова разумеется весь неопределенный период времени с самого начала благодатного царства Христова на земле, или собственно с тех пор, как Церковь соделалась при Константине Великом торжествующей и господствующей в мире до скончания века, — соответственно тому, как у Псалмопевца: *помяну в век завет Свой, слово,еже заповеда в тысящи родов* (Псал. 104, 8); выражение: *в тысящи родов,* означает неопределенно все будущие роды человеческие до конца мира. Под именем *перваго* воскресения разумеется воскресение людей в христианстве духовное, которое начинается через обращение их, оправдание и возрождение, соответственно словам: *востани спяй, и воскресни от мертвых и осветит тя Христос* (Еф. 5, 14; сн. Иоан. 5, 24), и оканчивается, когда души истинных христиан переселяются из настоящей жизни, бывшей для них как бы смертью, в истинную жизнь со Иисусом Христом. Далее — разрешение диавола от темницы *на малое время,* чтобы прельстить языки, означает явление на земле антихриста незадолго перед самою кончиною мира. Наконец, суд над всеми мертвецами ожившими и мздовоздаяние как им, так и диаволу — это всеобщий, последний суд и последнее мздовоздаяние (Христ. Чт. 1852 г. II. 398 — 400).

Тысячелетнее царствование Господа нашего Иисуса Христа на земле (4)

Ф. Яковлева

Иисус Христос родился Царем (Матф. II, 1). Самое имя Его *Христос* — означает Помазанника или Царя. Первое слово Его учения было уведомить людей, что к ним приблизилось царство небесное (там же, IV. 17), то есть, сошел на землю царствовать Он — Царь неба. Слова *царствовать на земле,* мы разумеем не носить порфиру и венец, управлять народами, судить их, награждать и наказывать по законам, какими руководствуются цари земные; но есть царствование выше этого, которое повелевает самими царями — царствование над душами человеческими, их

умами и волею, которое судит их помышления и движения сердечные, награждает их или наказывает полновластно и временными и вечными наградами или наказаниями; располагает по своей воле стихиями мира видимого и невидимого. Таково царствование Господа нашего Иисуса Христа! Оно началось законодательством, изложенным в Его учении, ознаменовалось благодеяниями, которых можно ожидать только от Царя царей, совершенно утвердилось на земле и запечатлелось крестом Его и воскресением. Земное царство Его носит на себе особенное название в отличие от названий всех царств в этом мире; это — Церковь Его, то есть, соединенное общество верующих или верноподданных Его. Как всякий царь есть глава своего народа, так и Христос глава Церкви, которая есть Его тело (Ефес. I, 23). Область Царства Иисуса Христа на земле сперва заключалась в небольшом кругу избранных Его учеников, потом расширилась по всему лицу земли. — Иисус Христос, по вознесении Своем на небо, хотя стал невидимым более для людей, но между тем царствовал и царствует над областью Своею, как Царь небесный и как Царь земный. Он обещал присутствовать самолично посреди подданных Своих и, конечно, для того, чтобы управлять Своим народом и выслушивать его просьбы; вот Его неизменные слова: *«идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их»* (Матф. XVIII, 20). Но как Он Царь не одного какого-нибудь народа, но всех поколений и племен человеческих, то и объявил в лице Своих Апостолов всем народам, что Он будет доступен всем, не разлучен со всеми и притом во всякое время, в следующих словах: *«и се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века»* (там же, XXVIII, 28). Из этих слов заключаем, что мы живем в царстве Господа Иисуса Христа, которое продолжится до того времени, когда освобожден будет на малое время от уз враждебный дух, или до появления в мире антихриста; а это произойдет пред кончиною мира, незадолго до того времени, *егда Иисус Христос предаст царство Богу и Отцу, егда испразднит всяко начальство и власть и силу* (1 Кор. XV, 24); потом прибавляет Апостол: *подобает бо Ему царствовати дондеже положит вся враги под ногама Своима. Последний же враг испразднится смерть* (там же, ст. 25 и 26).

Нужны ли доказательства, что Господь Иисус Христос царствует на земле? — Стоит только прочесть летописи Церкви Христовой, чтобы убедиться в этой неоспоримой истине. — Сколько врагов было у нее с самого первоначального, по-видимому, слабого ее устроения! Иудеи преследовали ее с злобным ожесточением: они потеряли родную свою землю, царство свое, святой город и храм навсегда; а Церковь распространила благодатную свою сень далеко, над многими царствами и народами. — Римляне вооружили весь мир против Церкви Христовой, вели против нее кровавую войну три века; — казалось, ей бы должно быть стертой с лица земли; — а между тем Римское владычество и самый языческий Рим пал невозвратно; Церковь же Христова является величественной, торжествующей и господствующей. — Не меньшее зло испытала святая Церковь от вероломных своих сынов. Ереси и расколы возмущали ее покой, усиливались помрачить ее чистоту и святость. Ереси исчезли постепенно, как зловонный дым, и посреди их мрака открылось необозримое множество испытанных Христолюбцев, великодушных защитников истины глубокомысленных и красноречивейших философов и ораторов, которые придали особенную ясность, свет, красоту, крепость и силу догматам и таинствам Православия. — В последствии веков, даже в наше время , страсти человеческие, предрассудки, лжеумствования, фанатизм и вольнодумство неоднократно поднимали знамя бунта против Церкви Христовой; все такие движения испорченной и развращенной воли человеческой находили в самих себе достойную казнь; а Церковь Господа нашего Иисуса Христа осталась неподвижною, как высокая скала, скрывающая величественное свое чело в небе, недосягаемое, окруженное молнией и громами Божиими, или как многоветвистое и густолиственное дерево, под тенью которого и укрываются и покоятся теперь народы почти всей вселенной. Кто же производит такие чудеса над судьбою Церкви Христовой, как не Тот, Который Глава ея? Чьи руки могли быть так сильны, чтобы спасти ее от сокрушительных ударов и адской и человеческой злобы, кроме Того, Который прорицательно сказал еще до основания ея: *«и врата адовы не одолеют ей»*.

(Матф. XVI, 18)? А если Господь Иисус Христос хранил Церковь Свою и хранит, управлял ею и управляет, то значит, царствовал и царствует. Ап. Павел и сказал: Иисус Христос для того и умер и воскрес, *да мертвыми и живыми обладает* (Рим. XIV, 9).

Не спросит ли кто-нибудь: как же это может быть на земле, когда на земле множество неправд, пороков и разного рода беззаконий, как и сказано где-то: *мир во зле лежит* (1 Иоан. V, 19)? — Мы и ответствуем, что это-то и привлекало на земле человеколюбца Бога, чтоб разрушить дела тьмы, или, как сказано в Писании, *дела диавола* (там же, III, 5). Припомним ответ Господа фарисеям, говорившим Ему в укоризну, что Он ест и пьет с мытарями и грешниками: *«не требуют здравии врача, но болящии; не приидох бо призвати праведники, но грешники на покаяние* (Матф. IX, 13). Сколько таких больных исцелилось в царствование Иисуса Христа на земле до наших времен! — Может быть, возразят: если царствует на земле Господь, то отчего же праведников меньше в этом мире, а грешников больше? Не уменьшается ли через это власть Иисуса Христа? Не подается ли повод к недоумению о царствовании Его? — Нимало. Если бы Он не царствовал, то весь мир наполнился бы одними грешниками. Но царствование Господа Иисуса Христа таково, что хотя Он призывает и желает принять всех в царство Свое, но принимает только достойных, а недостойных неверующих, отвергающихся от Него, оставляет в царстве мрака. В ком нет веры и благочестия, тот Иисусу Христу не нужен. *Аще кто Духа Христова не имать, сей несть Его* (Рим.VIII, 9). Иисус Христос и сказал: *мнози бо суть звани, мало же избранных* (Матф. XXII, 14). Но каждый из немногих избранных выше и славнее всего множества званных; *ихже не бе достоин весь* мир, торжественно говорил Апостол (Евр. XI, 38).

Царствование Господа Иисуса Христа исполнено чудес изумительных и даже непостижимых для ума человеческого. Оно подобно прекрасному цветку, посаженному посреди диких и сорных растений, которые, разросшись, теснят его, но не сильны ни заглушить, ни отнять от Него красоты и благоухания; потому что оно охраняется невидимою силою

Царя, Который по временам исторгает те растения и бросает их в сожжение. — Оно встречалось многократно с превратностями мирскими, но всегда торжествовало над ними. Иногда процветало в мире и тишине, иногда подвергалось кровавым войнам. Во время гонений оно доходило до такого состояния, что казалось обессиленным и изнеможденным, но никогда не теряло внутренней своей силы: неверность некоторых из его подданных обильно вознаграждалась умножающимися мучениками, которые соделывали его более славным, величественным и цветущим, нежели каково оно было в мире. Св. Амвросий Медиоланский сравнивает Церковь или земное царство Христово с луною, которая по временам исчезает, но остается не исчезнувшею; затмиться она может, но не исчезнуть. — Царство Христово то казалось общенародным, оглашаемым в разных местах хвалебными гимнами, которые воспевались громогласно в честь и прославление Божественного своего Царя и Повелителя; то пребывало в уединенных кельях,в пустынях, преимущественно в сердце человеческом; потому Иисус Христос и указал на главное это место царствования Своего в коротких словах: *царствие Божие внутрь вас есть* (Лук. XVII, 21). Он и говорил, что оно *не приидет с соблюдением,* т.е. так, чтобы было приметно, чтобы видим был Он — Царь Своего царства; для того и прибавил следующее: когда скажут вам: *се зде, или се онде: не изыдите, ни пожените. Яко бо молния блистающися от поднебесныя, на поднебесней светится: тако будет Сын Человеческий в день* Свой (там же, ст. 23 и 24). Вот сильное и решительное опровержение против всех, которые думали, что Иисус Христос придет на землю царствовать видимо тысячу лет до второго Своего пришествия.

Что же значит эта тысяча лет, когда Господь царствует на земле уже более 1900 лет? Очевидно, счисление сие не то, что показывает цифра, но означает многолетие — число известное, полное, округленное, которое употреблено вместо числа так же многолетнего, но неизвестного, скрытого по воле Божией от нашего знания. В Св. Писании многочисленность нередко выражалась тысячью или тысячами; например: Господь Бог говорит о Себе, что *Он творяй*

милость в тысящах любящим Его и хранящим повеления Его (Вторз. V, 10. Иерем. XXXII, 18). Пророк Давид, сравнивая вечность Божию с времяисчислением человеческим, сказал: *тысяща лет* (т.е. множество лет) *пред очима Твоима, Господи, яко день вчерашний* (Псал. LXXXIX, 5); и св. Апостол повторил, что тысяча лет пред Богом, как один день, и один день как тысяча лет (2 Петр III, 8). И потому под словом тысячелетие, мы можем понимать множество лет, но определенное его значение в пророческом смысле нам неизвестно. Для разумения нашего довольно знать то, что прекращение свободного царствования Церкви Христовой на земле будет окончанием тысячелетнего царствования благодати Господа Иисуса Христа; а это произойдет тогда, когда появится мрачное отступление, которое восстанет на Церковь Христову со всеми обольщениями и угрозами и произведет брань, подобную той, какая разражалась над христианами от языческого Рима (Апостолы. Вып. 2, стр. 374).

Мнение о тысячелетнем царствовании Иисуса Христа со святыми

Еп. Петра

Некоторые, под зверем разумея Римскую империю языческую, тысячелетие считают со времен Константина Великого и до конца XIII века, когда была основана Турецкая империя, и турок почитают Гогом и Магогом. А другие, под зверем разумея Римскую империю — таинственную, антихристианскую, тысячелетие относят ко времени мирного цветущего состояния Церкви, которое Бог определил ей на земле после разрушения этой враждебной империи, и которое еще не наступило. Это пророчество тесно соединяется с предыдущим, в котором говорится о гибели зверя. Это мнение подтверждают связью речи. В предыдущем пророчестве (гл. XIX) говорится, что, после разрушения царства зверя, сонмы святых и мучеников в своих славословиях, возносимых к Богу за это великое благодеяние, оказанное Церкви, причину своего веселия выражают в том, а) что Бог вступил в Свое царствование, это есть царство Христово (ст. 6); б) что наступило время празднования брака Агнца,

и жена Его приготовила себя (ст. 7). Так как об этом сказано там коротко, то Св. Дух хотел в том же порядке подробнее объяснить это в следующем пророчестве, чтобы ясно знали, какое счастие Церкви будет после погубления зверя. Первое, т.е., царствование Бога Христа раскрывается в 20 главе, в которой говорится, что после разрушения царства зверя будет царствовать Иисус Христос со святыми и мучениками, сидящими на престолах (ст. 3). Последнее, т.е. празднование брака Агнца, изображается в гл. 21 и 22. Такова связь этого пророчества с предыдущим. Если же это пророчество о тысячелетии относить к прежним временам и считать его вставочным здесь, то нарушится связь и порядок пророчеств, заключающихся в гл. 19, 21, 22-2. В самом пророчестве этом явно предполагается, что империя зверя появлялась в мире, и уже разрушена. Так, в ст. 4 говорится, что престолы поставлены, и на них сели те, которым предоставлен суд, и воцарились со Христом на тысячу лет. В ст. 10 говорится, что сатана, обольщавший Гога и Магога, ввержен в озеро огненное, куда уже окончательно ввержены были зверь и лжепророк, где они уже находились в то время, когда Бог определил судить и наказывать Гога и Магога. А Гог и Магог появятся тотчас по прошествии тысячелетия и погибнут. Притом в одно и то же время не могут существовать царство зверя и славное Царство Христово, которое должно распространиться по всей вселенной между всеми народами, которых сатана уже не будет обольщать ложною религией и преследовать исповедников истины. Следовательно, тысячелетнее царствование Иисуса Христа со святыми будет уже в последние времена, по истреблении царства зверя или антихристианства, когда все иудеи и язычники присоединятся к Церкви Христовой, которая в то же время будет очищена от всех заблуждений, суеверий, соблазнов, грубых пороков плотских людей, чего теперь еще не видно. Ибо Христос не царствует везде, когда на престолах сидят не только исповедающие имя Его только внешне, но и язычники. Царство Христово есть царство правды, истины, благочестия, любви, мира с обилием благ и даров духовных, торжества над сатаною, над духом гордого, пышного, развращенного мира, и над всеми врагами, противящимися

этому царству. Где это есть, там и царствует Христос. А когда мало этого открывается в Церкви, то и Христос не вполне славно царствует. Когда в правителях Церкви замечаются: гордость, пышность мирская, роскошь, дух светский, властолюбие, страсть, преобладания, честолюбие, зависть,ревность и от того происходящие споры, распри, соблазны, нечистота жизни, потворство порокам мирских людей; когда Церковь стенает под тиранией нечестивых и не уважающих религии царей: тогда Христос не столь явным и славным образом царствует.Напротив, когда пастыри и учители Церкви бывают смиренны, праведны, бескорыстны, воздержаны, благоразумны, ревностны к благочестию и славе Божией, далеки бывают от мирского духа и пышности, под покровительством благоверующих пред Богом правительств, вверены им народы учат Богопознанию, благочестию, праведности, руководствуют ко спасению, согласно с учением и благочинием апостольским и св. Отцов, заботятся о мире, благопристойности нравов, обычаев паствы; соблазны истребляют; сияют своему стаду чистотою нравов, святостью жизни; для нечестивых, порочных служат страхом, а для добрых — утешением: тогда и Христос славно царствует.

Но царствование Иисуса Христа будет духовное, а не чувственное, как представляли в древности, так называемые хилиасты, которые думали, что Иисус Христос видным образом сойдет с неба на землю в Иерусалим и будет управлять всеми народами, подобно земным, гражданским царям. Ибо царство Христа есть духовное (Иоан. 18, 36), и слава Его духовная; оно не приходит приметным образом (Лук. 17, 20, 21), так чтобы можно было видеть его внешне, не состоит во внешних гражданских учреждениях и управлении, не соединено с внешнею пышностью и блеском; по словам Ап. Павла (Рим. 14, 17), царство Божие состоит и не в наслаждении брашном и питием — вещественными благами, но в правде, мире и радости о Духе Святом. Славное царствование Иисуса Христа не земле будет состоять в том, что, после истребления всех врагов христианства — язычества и антихристианства, настанут продолжительные, мирные, спокойные времена, в которые Церковь, по принятии в свои недра всех иудеев и язычников, благоустроенная и управляемая по чину учения и благочиния Апостольского и Св. Отцов, просвещаемая Евангельским светом познания истины и святости и пользуясь благодатными благами, дарами Св. Духа, благополучно будет жить на земле, процветает благочестием и добрыми делами под попечением благоразумных, праведных пастырей и покровительством благочестивых правительств, и широко будет распространять свет Евангельской истины, благочестия и славы Своей. Может быть, этот период времени в гл. 8, 1 означен *молчанием на полчаса* (Объяснение Апокалипсиса, стр. 237).

О том же, *Н. Виноградова*

Главную точку опоры хилиазм находит в Апокалипсисе, в первой половине 20-й главы[1], в силу чего представитель противохилиастической полемики во второй половине II века, пресвитер римский Кай отвергал даже подлинность и каноническое достоинство всего Апокалипсиса. В 20-й его главе Тайнозритель видит, что дракон скован на 1000 лет; различает между первым и вторым воскресением, говорит, что Христос будет царствовать на земле со святыми в продолжение тех тысячи лет, в которые дракон будет скован и, по окончании которых, снова раскованный, выведет народы с Гогом и Магогом на борьбу против Господа. Протестантский богослов Роте в своей догматике, ссылаясь на это место Апокалипсиса, как на точное выражение учения о хилиастическом царстве, должен был однако заметить, что в некоторой степени возбуждает сомнение (schwankend), что описание состояния совершенства земного творения, которое мы читаем с начала 20-й главы Апокалипсиса, имеет своим предметом вообще будущее совершенство земного творения, не полагая различия между состоянием его во время хилиастического царства и по окончании его, следовательно, в будущей жизни. Мы со своей стороны должны прибавить, что если означенное в 20-й главе Апокалипсиса видение понимать и буквально, то резко заметно будет в нем отсутствие чувственных, наглядных форм и видимых,

[1] Так еще у Иустина Философа.

необходимых принадлежностей (аксессуаров) того господства, о которых идет речь: нет упоминания в видении ни о Иерусалиме, ни о храме. К тому же буквальное понимание[1] этого загадочного и темного места из Апокалипсиса является едва ли возможным, при соотнесении его с другими выражениями Нового Завета. Ни разу Новозаветные Писания не говорят о видимом господстве Христа на земле после второго Его пришествия (говорится только о царстве в доме Иакова, которому не будет конца[2]; скорее, в них парусия Христа постоянно представляется таким образом, что действия ея: воскресение, последний суд и конец мира, непосредственно, в последовательном порядке, примыкают друг к другу. Так, это у Ев. Матфея в главах 24-й и 25-й и еще определеннее в книге Деяний, по которой вознесшийся Христос на небо должен остаться там до времени «совершения всего». Если теперь Апокалипсис рассуждает о конце времен, то, при означенном взгляде Новозаветного Писания, для периода времени, предполагаемого хилиастами между парусйею Христа и концом мира, нет места. Что касается отдельных выражений, образующих на себя внимание в 20-й главе Апокалипсиса и говорящих, по-видимому, за хилиастическое учение, то относительно их следует сделать замечания такого рода. Апокалипсическое выражение «тысяча лет», встречающееся в означенной главе Апокалипсиса шесть раз на протяжении шести стихов (2-7), удобно и легко признавать за символическое число, подобно другим числовым обозначениям в Апокалипсисе. Для правильного понимания этого символического числа стоит только припомнить известное выражение из 2-го послания Ап. Петра, где речь о некоторых насмешниках, отрицающих второе пришествие Христово[3]: «сие да не утаится от вас, яко един день пред Господом, яко тысяча лет, и тысяча лет, яко

[1] Оно, т. е. буквальное изъяснение нашего места из Апокалипсиса давно уже осуждено Церковью. 2-й Вселенский Собор, (в 381 г.), осуждая все заблуждения еретика Аполлинария, осудил вместе с тем его учение о тысячелетнем царстве Христовом.

[2] Лук. 1, 32 и д.

[3] 2 Петр. 3, 8.

един день». Это апостольское слово говорит не только то, что время для Бога не составляет определенного промежутка или предела, но прежде всего и главным образом то, что Бог, в Своем высшем управлении родом человеческим, в один день может произвести такое же сильное действие и с такими же неминуемыми следствиями, как в другой раз в тысячу лет, и наоборот: Бог по Своей премудрости может замедлить историческое развитие так, что род человеческий в тысячу лет не уйдет далее, чем как в иной раз в продолжение одного дня. В силу этой двоякой возможности тысячу лет апокалиптическую принимают или за число лет неопределенное — все время (тысяча родов) от воплощения Христова до пришествия в мир антихриста, которое будет пред самою кончиною мира, или же мыслят за самый короткий промежуток времени — за один день, «который в себе сосредоточит полноту и блеск, разделяющийся в другое время на ряды столетий». — Выражение «заключен сатана» принято издавна толковать о победе христианства над языческим идолопоклонством, в которой и через которую у сатаны отнята власть над землею, и вследствие которой Христос со Своими верующими святыми и Ангелами воцарился на земле, именно в Церкви, невидимо духовным образом. Что в христианской Церкви действительно, не смотря на всю греховность и несовершенство отдельных членов ея, сила сатаны вообще сдавлена, так как та мерзость, которая проникала язычество и заставляла Отцов Церкви мыслить и говорить о язычестве, как жилище сатаны, в христианстве встречается только в рассеянном виде, — отрицать это никто не согласится. Под «первым воскресением» в Апокалипсисе разумеется наступающая после телесной смерти духовная жизнь праведных на небе, которые принимают участие в небесной славе Христа и здесь на земле заслуживают почитания человечества за нравственное свое руководство и прославляются в нетленных мощах своих. Если в Апокалипсисе говорится, что не все умершие участвуют в первом воскресении, то этим высказывается ни более ни менее, как то, что продолжение жизни безбожников и нечестивых в муках осуждения нельзя назвать собственно

жизнью, что на их физическую смерть нельзя смотреть, как на воскресение к жизни духовной, но следует видеть в ней осуждение на смерть духовную. «Второе воскресение» есть общее воскресение плоти в обыкновенном смысле, и «вторая смерть» — вечное осуждение вследствие последнего суда. Если, наконец, в Апокалипсисе говорится, что скованный дракон, по истечении определенного срока, опять освобожден будет на короткое время, то этим, без сомнения, пророчески указывается на великое отступление перед кончиною мира в связи с явлением антихриста — орудия сатаны (О конечных судьбах мира и человека. М.1889 г. стр. 200-203).

Что должно разуметь под воскресением первым и под смертию второю? Толкование на ст. 4-6

Епископа Игнатия (Брянчанинова)

Первое воскресение совершается при посредстве двух таинств: крещения и покаяния. Через святое крещение воскресает душа от гроба неверия и нечестия, или от первородного греха и собственных грехов, соделанных в нечестии; а через покаяние уже верующая душа воскресает от смерти, нанесенной ей смертными грехами, или нерадивою, любосластною жизнью по крещении.. Совершитель воскресения — Дух Святый.

Воскресших от душевной смерти видел святый Иоанн Богослов и сказал о них: *видех престолы, и седящия на них, и суд дан бысть им; и души растесанных за свидетельство Иисусово, и за слово Божие иже не поклонишася зверю, ни иконе его и не прияша начертания на челах своих, и на руце своей, и ожиша, и воцаришася со Христом тысячу лет... Се воскресение первое*[1], состоящее в оживлении души из ея смерти верою в Господа Иисуса Христа, в омовении грехов святым крещением, в жизни по завещанию Христову и в очищении покаянием грехов, соделанных после крещения. Престолы святых — их господство над страстями, над самыми демонами, над недугами человеческими, над стихиями, над

[1] Апок. XX, 4, 5.

зверями, обилие их духовных дарований. Им дан суд, т.е. рассуждение духовное, которым они обличают грех, как бы он ни был прикрыт благовидностью, и отвергают его; им дан суд, которым они судят ангелов тьмы, приемлющих вид Ангелов, и не дозволяют им обольщать себя. Они не поклонились ни зверю, ни иконе его: ни антихристу, ни предызображавшим его гонителям христианства, требовавшим от христиан отречения от Христа и отвержения Его всесвятых заповеданий. Они не прияли ни на челах, ни на десницах начертаний врага Божия, но усвоив себе ум Христов, постоянно выражали его в образе мыслей и в образе действий, не щадя крови своей для запечатления верности Христу, и потому воцарились со Христом. Для них нет смерти! для них разлучение души с телом — повторим вышеприведенную мысль Василия Великого — не смерть, но переход от скорбного земного странствования к вечной радости и упокоению. *Смерть вторая,* т.е. окончательное осуждение на вечные адские муки и предание им, *не имать области* над воскресшими первым воскресением; воскресшие им *будут иереи Богу и Христу и воцарятся с Ним тысящу лет*[1]. Это царствование священников Божиих в Духе Святом не может быть прервано разлучением души от тела: оно развивается и упрочивается им. *Егда скончается тысяща лет*[2], исполняются времена, и созреет весь словесный плод земли, — последует воскресение второе, воскресение тел. После него усугубится блаженство праведников, благовременно воскресших первым воскресением; усугубится после него смерть отверженных грешников, лишившихся первого воскресения.

«Хотя в будущем пакибытии — говорит святый Григорий Палама, — когда воскреснут тела праведников, воскреснут с ними тела беззаконников и грешников, но воскреснут лишь для того, чтоб подвергнуться второй смерти: вечной муке, неусыпающему червю, скрежету зубов, кромешной и непроницаемой тьме, мрачной и неугасимой геенне огненной». Говорит Пророк: *сокрушатся беззаконии и грешнии*

[1] Апок. XX, 6.
[2] Апок. XX, 6.

вкупе, и оставившие Господа скончаются[1]. В этом заключается вторая смерть, как научает нас Иоанн в своем Откровении. Услышь и великого Павла: *аще по плоти живете,* говорит он, *имате умрети: аще ли Духом деяния плотская умерщвляете, живи будете*[2]. Он говорит здесь о жизни и смерти, принадлежащих будущему веку. «Эта жизнь — наслаждение в присносущем царстве; смерть — предание вечной муке. Преступление заповеди Божией — причина всякой смерти, душевной и телесной, и той, которой подвергнемся в будущем веке, вечной муке. Смерть собственно состоит в разлучении души от Божественной благодати и в совокуплении с грехом. Это для имеющих разум — смерть, которой должно убегать; это — смерть истинная и страшная. Она для благомыслящих ужаснее геенны огненной. Будем избегать ея со всевозможным усилием! Все подвергнем, все оставим, отречемся от усвоений, деяний, хотений, от всего, что низвлачает и разлучает нас от Бога, и производит такую смерть. Убоявшийся этой смерти и сохранившийся от нее, не убоится приближения плотской смерти, имея в себе жительствующую истинную жизнь, которую плотская смерть соделывает лишь неотъемлемою».

«Как смерть души есть собственно смерть, так и жизнь души есть собственно жизнь. Жизнь души — соединение ее с Богом, как жизнь тела — соединение его с душою. Душа, разлучившись с Богом преступлением заповеди, умерла; но послушанием заповеди опять соединяется с Богом и оживотворяется этим соединением». Посему-то и говорит Господь в Евангелии: *глаголы, яже Аз глаголах вам, Дух суть и живот суть*[3]. Это же выразил и Петр, уразумевший от опыта, словами сказанными им Спасителю: *глаголы живота вечнаго имаши*[4]. «Но глаголы живота вечного суть глаголы живота для послушных: для преступников же заповедь жизни соделывается причиною смерти. Так и Апостолы, это

[1] Исаии I, 28.
[2] Рим. VIII, 13.
[3] Иоан. VI, 63.
[4] Иоан. VI, 68.

Христово благоухание, были для одних вонею жизни в жизнь, а для других смерти в смерть»[1]. Опять, эта жизнь принадлежит не только душе, но и телу, доставляя ему бессмертие воскресением. «Она не только избавляет его от мертвенности, но с нею и никогда непрестающей смерти будущей муки. Она дарует телу присносущую жизнь о Христе, безболезненную, безнадежную, беспечальную, воистину бессмертную. Как душевной смерти, т. е. преступлению и греху, в свое время последовала телесная смерть — соединение тела с землею и обращение его в прах, а за телесною смертию последовало помещение отверженной души в ад, так и за воскресением души, состоящим в возвращении души к Богу, посредством послушания Божественным заповедям, в свое время должно совершиться воскресение тела соединением его с душою, а за этим воскресением должно последовать нетление и во веки пребывание с Богом достойных этого пребывания, соделавшихся из плотских духовными, способных, подобно Ангелам Божиим, жительствовать на небе. И мы будем *восхищени в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господем будем*»[2].

«Сын Божий, соделавшись человеком, умер плотию: душа Его разлучилась с Божеством; потом Он воскресив тело Свое, вознес его на небо во славе. Так бывает и с жившими здесь по Богу. Разлучаясь с телом, они не разлучаются с Богом; по воскресении же и телом вознесутся к Богу, входя с неизглаголанною радостию туда, куда предтечею нашим взошел Иисус, для наслаждения с Ним Его славою, которая тогда явится»[3]. «Они соделаются общниками не одного воскресения Господня, но и вознесения Его и всякой Боговидной жизни. Не удостоятся этого жившие здесь по плоти и не вступившие ни в какое общение с Богом в час исхода своего. Хотя и все воскреснут, но каждый, говорит Писание, *в своем чину*»[4]. «Умертвивший

[1] 2 Кор. II, 16.
[2] 1 Солун. IV, 17.
[3] Евр. VI, 20 и Рим. VIII, 18.
[4] 1 Кор. XV, 22, 23.

здесь духом деяния плотские будет там жить Божественной и истинно присносущной жизнью со Христом; а умертвивший здесь дух похотями и страстями — увы! будет осужден с содеятелем и виновником злобы, и предан нестерпимой и непрестанной муке — смерти второй и бесконечной». (Слово о смерти. Спб. 1886 г. стр. 52 — 55).

О том же, *Филарета, митроп. Московского*

Блажен и свят, иже имать часть в воскресении первем (Апок. 20, 6).

Что есть *воскресение первое,* поколику в нем многие участие иметь могут ?.. Каждый день возвещаем мы себе и друг другу воскресение, когда говорим в символе веры: *чаю воскресения мертвых.* При сем обыкновенно думают об одном только всеобщем воскресении умерших человеков. Но в сем разуме нельзя сказать: *блажен и свят, имать часть в воскресении;* поелику во всеобщем воскресении участие иметь будут не только святые, но и грешные, не только блаженные, но и подлежащие осуждению в муку вечную. *Грядет час,* возвещает Сам Начальник воскресения, *в онь же вси сущии во гробех услышат глас Сына Божия, и изыдут сотворшие благая в воскрешение живота, а сотворившии злая в воскрешение суда* (Иоан. 5, 28).

Какое же воскресение возвещает нам Тайновидец, представленное исключительно блаженным и святым? Оно называется *первым:* следственно воскресение не одно. Если не находим первого воскресения, поищем другого или последнего: не укажет ли последнее на первое?

Всяк видяй Сына, глаголет воплощенный Сын Божий, *и веруяй в Него имать живот вечный, и воскрешу его Аз в последний день* (Иоан. 6, 40). Найдено последнее воскресение: последнее потому, что должно совершиться в последний день сего преходящего мира. От сего предела по необходимости должно возвратиться назад путем времени, чтобы искать воскресения первого. Далеко ли? Без сомнения, не далее дня воскресения Самого Иисуса Христа! Ибо, как говорит Апостол: *Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть* (1 Кор. 15, 20). *О Христе вси оживут,* продолжает он, *кийждо же в своем чину, начаток Христос, потом же Христу веровавшии в пришествии: та же кончина* (22, 23). Итак, воскресения первого, воскресения блаженных и святых должно искать между днем воскресения Христова и последним днем мира. Где же они? Подлинно, взятие Пресвятыя Девы с телом на небо, по признакам оставшимся на земле, подобное воскресению Христову, не есть ли первый пример первого воскресения? Если матерь Начальника воскресения последует за Ним в воскресение в третий день по Своем успении: то не может ли случиться, что и некоторые другие, по преимуществу святые и достойные блаженства, как например те, которые жизнь свою отдали за имя Воскресителя, через многие, может быть, веки, однако же ранее последнего всеобщего воскресения умерших и изменения живущих получат некоторое предварительное, особенно им предоставленное участие, как в воскресении, так и в славе и блаженстве ему свойственных? Как просто; по-видимому, и непринужденно сим образом изъясняются слова Тайновидца? *Души растесанных за свидетельство Иисусово и за слово Божие ожиша; прочие же мертвецы не ожиша: се воскресение первое* (Апок. 20, 4, 5). Но кто *разуме ум Господень?* Человек не ведающий, что *породит настоящий день* (Прит. 3, 28), может ли домогаться ведения о том, что родят веки, чреватые тайнами судеб Божиих? *Вышних себе не ищи,* учит благочестивый мудрец, и *крепльших себе не испытуй; яже ти повелено, сия разумевай, несть бо ти потреба тайных* (Сир. 3, 21, 22).

Повинуюсь опытному наставнику. Оставлю испытание таин будущего, которых подлинно не столько истинное разумение потребно, сколько ложное опасно. Ищу разуметь повеленное.

Блажен и свят, иже имать часть в воскресении первом. Есть ли что здесь повеленное? а святость? Не повелел ли о ней Сам Бог: *святи будите яко Аз свят есмь* (1 Петр. 1, 16)? А блаженство? Не повелено ли нам искать его под именем царствия Божия? Но, как Тайновидец провозглашает блаженным и святым того, кто имеет часть в воскресении первом: то не должно ли опасаться, что кто не имеет никакого участия в воскресении первом, тот столь же мало может надеяться на блаженство? Сие заставляет нас уже с заботливостью о

самих себе возобновить вопрос: что же есть *воскресение первое?*

Воскресение бывает из мертвых: ибо, кто жив, тому воскресать не нужно. Посему к уразумению воскресения вести может правильное познание того, что есть смерть. Итак что есть смерть? Разлучение души от тела? Понятие, обыкновенное в языке человеческом, но чуждое для языка христианского и для слова Божия. Чуждое для языка христианского: ибо не сами ли вы говорите, например, *успение Богоматери;* а сказать: празднуем *смерть Богоматери* — не почли ли бы вы сего выражением грубым, так сказать, иноплеменническим в христианстве, почти укоризненным? Чуждое для слова Божия: ибо когда, например, Адаму сказано: *в оньже аще день снесте от него, смертию умрете* (Быт. 2, 17); а он жил обыкновенной для нас, видимой жизнью, после вкушения от запрещенного древа, девятьсот тридцать лет: то неужели скажем, что слово Божие не исполнилось? Если же, как всякий должен признать, оно исполнилось верно и точно, то не открывается ли, что смерть, по разуму слова Божия, совсем не то, что мы себе воображаем при виде бездушного тела? Истинная смерть родилась на земле точно в день первого греха и с того дня жила с Адамом, участвовала в его делах и в рождении его детей, почему и разродилась вместе с родом человеческим.

Что же есть смерть? Для ответа на сие, по разуму слова Божия всего лучше употребить вопрос: что есть жизнь? Итак, приидите, познаем жизнь в ее источнике. *В Том живот бе,* сказует Богослов, *и живот бе свет человеком* (Иоан. 1, 4). В Боге Слове жизнь, и сия жизнь есть жизнь человеков. Причастие жизни, сущей в Боге Слове, и свет Его есть истинная жизнь человека. Она есть деятельное состояние света, спокойствия, свободы, силы, чистоты, нетления. Следственно, разлучение с жизнию Бога Слова и отчуждение от света Его есть истинная смерть человека. Она есть состояние мрака, беспокойства, немощи, нечистоты, наконец, тления.

Следственно, возобновление общения с жизнию Бога Слова и возвращение к свету Его есть истинное воскресение человека, в котором участвующий блажен и свят (Чтен. в Общ. 1876. II. стр. 300-303).

Война Гога и Магога (ст. 7)

Еп. Петра

Ст. 7. ***Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей, и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань. Число их, как песок морский.*** Главный виновник восстания новых врагов против Церкви Христовой представляется сатана, разрешенный из темницы, в которой содержался тысячу лет. Войско его будут составлять какие-то народы, Гог и Магог, которые в бесчисленном множестве выйдут с четырех углов (отдаленных пределов) земли. Прежде исполнения пророчества нельзя сказать, кто такие эти народы. О Гоге и Магоге в первый раз упоминается у пророка Иезекииля в 38, 2. Но кто эти народы, неизвестно. Блаж. Иероним разумеет под ними кавказских скифов; иные разумеют магометан — турок, татар. Но здесь это имя народов, кажется, таинственное и означает не один народ, а сброд с четырех углов земли — востока, запада, севера и юга, т.е. со всех концов земли. Значит, эти люди рассеяны по всем странам и царствам. Эти люди называются Гогом и Магогом, может быть, для означения варварства, жестокости, бесчеловечия их, какими отличались Гог и Магог, как видно из пророчества Иезекииля (гл. 38). Не разумеются ли под ними последователи, слуги антихриста — вольнодумцы, еретики, неверы, ученые безбожники, нечестивцы, отчаянные развратники и т.п.? Такие люди, точно, везде и ныне находятся во всех царствах и местах, но вдали от стана святых, т.е. Церкви Христовой (Ефес. 2, 13), — не по месту, а по образу мыслей, по нравам, по жизни. Такие люди и ныне словом и писаниями стараются ниспровергать основные истины христианства, извращать понятие людей о разных предметах религии, нравственности, гражданской жизни, вовлекать в свой омут заблуждений, разврата, буйства. Кто не увлекается их толками, не следует их правилам, обычаям, тех начинают преследовать насмешками, пересудами, злословием, клеветою, презрением, уничижением и разными оскорблениями. Напр., кто постоянно ходит к Богослужению в праздники, соблюдает посты по

15 Зак. 445

уставу св. Церкви, уклоняется от игр, забав, зрелищ, шумных собраний для разгула, суетного празднословия, читает Священное Писание, жития Святых и другие назидательные книги, а не повести, романы, соблюдает другие религиозные обряды, правила благочестия, и вообще а образе мыслей, в нравах и жизни сображается с Евангелием, поступает по заповедям Божиим, а не по правилам и обычаям мира: тот будь хоть Ангел, вольнодумцы, нечестивцы забросают его грязью, — постараются очернить, унизить; добродетели обыкновенно называют лицемерием, благочестие — ханжеством, святошеством, ревность к славе Божией и подвижничеству — фанатизмом, кротость, смирение — бесхарактерностью, простодушие, откровенность — глупостью и т.п., и стараются преследовать всеми адскими оружиями — насмешками, злословием, ненавистью и разными кознями, свести с истинного пути, заставить следовать их нечестивым понятиям, правилам, обычаям, по духу мира и князя его (Ефес. 2, 2 Фил. 3, 18, 19), чтобы только не видеть обличителя своего нечестия. Такие люди — верные служители антихриста и ныне стараются явно и тайно вредить св. Церкви Христовой, станут совращать православных христиан с пути истины и благочестия на путь вольнодумства, суемудрия, неверия, нечестия, своеволия, буйства — во имя либеральности, своевременной цивилизации и т.п. Вот это и есть война, может быть, Гога и Магога! По крайней мере, эта хитрая, злокозненная война гораздо опаснее и зловреднее всякой внешней, гражданской войны. Поэтому, как надобно быть осторожным христианину среди подобных людей, чтобы насмешками или благовидною личиною дружбы, приятства и разными хитростями мало-помалу не увлекли в свой омут. Как жаль, что и ныне о многих можно сказать, что сказал Ап. Иоанн о некоторых своих современниках: *от нас изыдоша, но не беша от нас* (1 Иоан. 2, 19, 18) (Объяснение Апокалипсиса, стр. 249).

О том же, *Ф. Яковлева*

Слово *Магог* в первый раз упоминается в книге Бытия (X. 2): это один из сыновей Иафета. В пророчестве Иезекииля говорится о Гоге и Магоге, из которого, кажется, перенесены

сии имена в Апокалипсис с теми же понятиями, в каких приняты были Иезекиилем, но с разным применением. Гог у Иезекииля описывается сильным и страшным завоевателем, который вторгнется с многочисленным войском в землю народа Израильского. *И приидоша от места своего,* предрекает Господь Бог, обращаясь к Гогу, *от конца севера, и языцы мнози с тобою, конницы на конех вси, собор велик и сила многа, и взыдеши на люди моя Израиля, яко облак покрыти землю* (Иезек. XXXVIII, 15 и 16), и произносит следующий грозный приговор против Гога: *и поражу тя на горах Израилевых, и падеши ты, и вси иже окрест тебе и языцы иже с тобою отдадятся во множество птиц всякому парящему, и всем зверем польным, дах тя на изъядение* (Там же, XXXIX, 4). Значит, Гог был орудием гнева Божия, обращенным против Израильтян за их согрешения; но потом за жестокость его и нечестие сделался предметом отмщения так же гнева Божия — Слово, Магог, как кажется, означало землю и народ, которым повелевал Гог. В пророчестве говорится: *и пущу огнь на Магога* (т. е. опустошу Магога), *и населятся острова с миром* (Там же, ст. 6). Наказание Гога и истребление его войска представлены пророчеством в грозных выражениях. Многие из толкователей пророчества Иезекииля искали царства Гога и Магога в северных частях Азии, и именно в Скифии, предполагая Магога, сына Иафетова, родоначальником Скифов. Некоторые из историков (Свида и Кедрин) почитали Персов потомками Магога. В число доказательств этой гипотезы вошло и то, что их философы назывались магами. Бохарт помещал Гога в окрестностях Кавказа, производя Кавказ от еврейского слова *гог-шазан,* т. е. крепость Гога. Он же высказывал странное мнение, будто Прометей, прикованный Юпитером к Кавказу, был никто другой как Гог. Производили Моголов или Монголов от Магога.

Феодорит и многие другие, рассматривая пророчества Иезекииля с лучшим разумением, понимали под именем Гога Антиоха Епифана, Сирийского царя, а под словом Магога — многочисленных народов Азиатских, составлявших его войско, когда он напал на Иудею. Из книг Маккавейских известно, сколько грабежа, опустошения и кровопролития

произведено нечестивым царем по всей земле Иудейской. А также известно примерное отмщение Божие над ним, его полководцами и многочисленными, разноплеменными их ополчениями. Вот исполнение пророчества Иезекииля в буквальном смысле. Но из пророчества Апокалипсиса мы неоднократно примечали, что предсказания Божии иногда в одних и тех же словах относились и к суду Божию над идолопоклонством и к суду Божию над нечестием последних времен существования мира; потому и заключаем, что пророчество Иезекииля против Гога и Магога указывало и на происшествия не так далекие, каково поражение войска Антиоха, и на такие, которые скрывались в глубине веков отдаленных. Оно и намекало, что восстанет Гог на народ Божий в последнее время: *от дней множайших уготовишися, и в последняя лета приидеши* (Иезек. XXXVIII, 8), и в другом месте: *и взыдеши на люди Моя Израиля, яко облак покрыеши землю: в последняя дни будет, и возведу тя на землю Мою, да Мя уведят вси языцы, егда освящуся в тебе пред ними*, т. е. покажу Мое могущество и святость над тобой пред ними, *сия глаголет Адонаи Господь Гогу* (Там же, ст. 16). Пророчество и повторено в Апокалипсисе в последнем значении. Понятие о Гоге во все времена было понятием о властелине свирепом, бранноносном, повелевающем разноплеменными и многочисленными толпами воинов, попирающем уставы Божии, кровожадном злодее, враге Бога, веры, Церкви Его и поклонения Ему. Таков был Антиох Епифан. Таковым явится в последнее время нечестивец, не только ему подобный, но и превосходящий его в нечестии, ожесточенный враг веры Христовой и всех верных Господу Иисусу Христу. Не будет ли это тот *человек беззакония, сын погибели*, который по действию сатаны со всею силою, знамениями и чудесами ложными и со всякими беззаконными обольщениями будет проповедовать отступление от веры в Господа Иисуса Христа и преследовать разного рода гонениями, казнями, смертью непокоряющихся его обольщению (Апок. XIII, 15)? Он утвердит власть свою над многими народами, как счастливый воин, как хитрый политик, как утонченный знаток слабостей человеческих, действуя на умы блеском своих успехов, славы, почестей, богатств и других многочисленных чувственных приманок и очарований (Там же, ст. 12 и послед.). Вероятно, он рассыплет все роды соблазнов на посмеяние всего святого, на помрачение истины, для поколебания веры в Господа нашего Иисуса Христа, и для возбуждения порочных и насильственных страстей, в чаду которых нетрудно ему будет погасить благодетельный свет учения Христова. Порочный христианин, ослепленный развратными мыслями и пожеланиями близок к вольнодумству, а от вольнодумства — один шаг к отступничеству или атеизму. Вот и начинается война против истины, святости и всех добродетелей. В ужасное время, описываемое пророчеством, разврат и нечестие распространятся между таким множеством людей, что Ев. Иоанн, как мы упомянули выше, уподобляет их числом песку морскому. Эта бесчисленность одушевится одною мыслью вождя своего и повелителя, чтоб преследовать верных Господу Иисусу Христу. Не к этому ли времени относится сказанное в гл. XVI, ст. 14 о трех нечистых духах, которые исходят к царям всея вселенныя, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя? Нельзя ли понимать под нечистыми духами трех главных помощников антихриста или Гога, действующих по внушению враждебной силы, ложными убеждениями на царей земных, чтоб вооружить против веры Христовой и верующих (Апостолы. Вып. 2, стр. 415)?

Смерть вторая и вечность мучений представителей и последователей зла в будущем (14)

Н. Виноградова

Между тем, как Св. Писание Нового Завета, утешая сердце верующих мыслью о будущем обновлении и прославлении внечеловеческой природы — мира вместе с одноименным воскресением и изменением всего человечества при пакипришествии Христовом, говорит однако ж о смерти второй, вечной погибели и аде (Апок. 20, 14). На этих мрачных, грозных явлениях и состояниях будущего, рассматриваемых самих в себе, Богооткровенное Слово Божие мало останавливает внимания; но речь о них заходит

каждый раз, как они представляются внешним выражением внутреннего безнравственного духовного состояния и прямым следствием неумолимого гнева Правосудного Судии. Рассматриваемые с этой точки зрения, ад и адские муки представляются в Новозаветном Слове Божием специально «уготованными только диаволу и аггелам его» (Мф. 25, 41).

Злой дух — диавол еще по первоначальной судьбе своей ниспал из надмирного блаженного состояния и увлек за собою сонм других духов, выпавших из состояния непосредственной близости и благоговейного отношения к Богу Премудрому и Всесвятому. Последние, т.е. злые духи или демоны, извративши свою первоначальную природу посредством свободного нравственного самоопределения, так далеко зашли по пути нравственного зла, что оно преобразилось в их субстанцию, в принцип и мотив ко всяким действиям, исключающим даже малейшую тень и возможность нравственного добра. В этом состоянии злые духи и самозаключались безвыходно и бесповоротно; отчего и муки, им предопределенные Провидением, называются вечными αἰδίοις, т.е. начавшимися в далеком прошлом и продолжающимися в неизмеримое будущее.

Злые люди, хотя не духи злобы, однако ж, они могут в своем безнравственном состоянии дойти до того, что для них является решительной невозможностью ни истинное раскаяние, ни обращение на путь добра и истины. Чтобы это понять, стоит только припомнить такие душевные явления в нравственной области, как явления привычки и явления страсти. Привычка, образуясь от многократного повторения какого-либо действия, обращается во вторую природу; человек, приставший к дурным, расслабляющим привычкам, является в глазах наших дурным, безнравственным. Еще большее тираническое действие и влияние на человека имеют явления страсти: она иногда подчиняет себе человека так, что он нередко не в состоянии уже от нее освободиться, так как для этого освобождения человеку требуется большая сила воли, способная произвести в нем коренной переворот: в состоянии страсти грех составляет страшную силу в человеке, необходимо вызывающую его на греховную деятельность; частные виды греха являются

тогда в человеке выражением внутреннего безнравственного расположения, враждебного добру и исключающего возможность нравственного самоисправления. Люди с злыми греховными привычками и страстями являются подобными демонам: если те в своем безнравственном развитии дошли до такой степени нравственного падения, что для них невозможно уже исправление и спасение и их удел — вечные муки, то и несчастные люди, решительно извратившие свою духовную природу и за пределами гроба развивающие свои дурные качества и расположения по приговору Всемирного Судии так же определены будут на вечные муки. Представление о тех грешниках, которые совершают преступления не по суровой ожесточенности сердца, а по минутному увлечению и слепому заблуждению, от которых, следовательно, не закрыта возможность раскаяния, исправления жизни (таковы, напр., благоразумный разбойник, св. Мария Египетская, Моисей Мурин), не может служить возражением против мысли о вечных мучениях великих, нераскаянных грешников. Независимо от этого возражения против вечности мучения грешников, имеющего чисто наглядный смысл, приводят и другие соображения теоретического свойства против вечности мучений грешников. Прежде всего, говорят, эпитет «вечный» не всегда имеет в Новозаветной Библии свое собственное и буквальное значение. Иисус Христос обещал вечную жизнь только тем, кто с живою верою и твердым упованием приемлет Его святую плоть и кровь в таинстве св. Евхаристии (Иоан. 6, 54). А между тем, и неверующие и незнающие Бога и Духа благодати, по словам Христа же (Мф. 12, 32), будут так же иметь жизнь вечную. Противополагая эту вечную жизнь закоренелых грешников вечной жизни праведников, соединенных нравственно со Христом, с необходимостью умозаключают, что Сам Христос вечную жизнь понимает не как жизнь беспредельную во времени, но как жизнь качественно определенную в том или другом смысле. С этой точки зрения и вечные муки демонов, о которых свидетельствуется в посл. Ап. Иуды 1, 6, нельзя понимать в смысле мук бесконечных, а только таких, которые определены демоном только до суда великого дня.

Далее, возражатели против учения о вечных мучениях грешников замечают, что смысл о вечности мучений грешников противоречит различным местам Св. Писания. Во всем Новом Завете главною основною мыслью служит идея о Боге, как всеблагом и любвеобильном Отце, — идея, на которой не раз и с любовью останавливался и наш Божественный Учитель, Иисус Христос. Не противоречила ли бы этой идее мысль об определении Богом неизменного наказания грешнику на всю вечность, тем более, что и нравственное состояние грешника не всегда неизменно? Момент смерти каждого грешника, — даже великого, — имеет роковое значение в его внутреннем нравственном настроении; грешник в смертный час свой замечает всю глубину своей греховности, воочию видит всю силу и цену искупления своего во Христе Иисусе — преисполняется чувствами полнейшей преданности и беспрекословного послушания воле Божией (напр., Вольтер на одре смертном). Могут ли поэтому наказания в жизни загробной для человека грешника быть карательными на всю вечность? Не должны ли они быть только исправительными? В Ветхом Завете, где Бог чаще представляется в виде грозного судии, Он, если и наказывает человека за грех, то это делает не для удовлетворения Своей строгой правды, жаждущей мщения за непослушание, а единственно для блага же самого человека, для его исправления; посылая наказания на грешного Израиля еще в дохристианское время, Бог предпринимает целый ряд чисто отеческих средств для улучшения будущей судьбы его. Может ли Бог в Новом Завете, где Он представляется преимущественно Богом любви, посылать на людей, хотя бы и грешных, наказания в аду несменяемые, чисто карательного свойства? Бесчисленные доказательства милосердия Божия и бесконечных совершенств Творца, находящиеся во всей Библии и представляющиеся совершеннейшим идеалом для нравственной жизни и деятельности человека, не находили бы, полагают, соответственного себе оправдания, при допущении мысли о несменяемых муках грешников, определенных по приговору того же Всесвятого и Премудрого Бога. Наконец, приводят определенные места Св. Писания против мысли о вечности

мучений грешников, как напр., слова пророка Иеремии (Иерем. 31, 34. Ср. Евр. 8, 12), процитированные св. Апостолом Павлом в послании к Евреям: «Я буду милостив к неправдам людей и грехов их и беззаконий их не воспомяну». В том же смысле указывают на цитаты из Евангелия от Матфея, 9, 13; 18, 14. Продолжая еще ряд оснований для мнения, отрицающего вечность мучения грешников, приводят соображение, лежащее в основании учения о восстановлении (апокатастасике) всей твари в первобытное блаженное состояние, — эту мысль об общем строе и гармонии вселенной под единовластительством Божиим, — мысль, исключающую всякий признак языческого дуализма между Богом и Его избранными, и диаволом и его жертвами.

Как скоро мы говорим о мучениях, как вечных наказаниях великих грешников, то уже у нас не может быть речи о прекращении или смене этих наказаний, иначе они были бы уже временными, но не вечными. Наименование «вечный» (αιωνιοζ) всегда сохраняет свое собственное значение в устах Христа и Его Апостолов, т. е. значение бесконечного протяжения вперед. Говорится ли о вечной жизни праведников, под этим разумеется бесконечное продолжение блаженства, упоминается ли в Новозаветном Писании о вечном огне грешников, под этим мыслится бесконечное их загробное мучение. Качественно же определенная будущая жизнь, блаженство или мучение, достаточно обозначается одним словом ξωη или απωλεια — погибель (Напр., Мф. 7, 13, 14). У Отцов Церкви Восточной (Иустин мученик, Василий Великий) и Западной (Ириней, епископ Лионский) понятие «вечный» постоянно употребляется в собственном его значении.

Что касается идеи о Боге в Новом Завете, то действительно Бог открылся в Новом Завете, как верховная бесконечная любовь в факте вольных страданий и искупительной за грешный род человеческий смерти Возлюбленного Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа; но безмерностью самой искупительной Голгофской жертвы в то же время засвидетельствовано о беспредельном правосудии Бога, потребовавшего для удовлетворения Своей правды

столь великой жертвы. Отсюда и Новозаветная идея благодатного спасения, лежащая в силе Креста Христова, необходимо предполагает вечность мучения для тех, кои не знаменуются силою Благодатного Искупления. Это предположение сделается горькою действительностью, когда Правосудие Верховного Бога откроется вполне и исключительно на всемирном последнем суде, когда Бог потребует от человечества отчет о том, как оно, имея в Новозаветное время высочайший идеал добра для нравственного подражания, воспользовалось плодами искупительной жертвы Христовой. Посредническая, ходатайствованная деятельность Христа на всемирном суде прекратится. При этом как нельзя лучше и больше откроется нравственное, духовное состояние каждого человека. У кого было отсутствие способности к восприятию божественной благодати искупления, кто, значит, без содействия ея глубоко пал в нравственном отношении, стал безмерно грешен, тому и будут определены Правосудным Судией — Богом бесконечные наказания и мучения.

Мысль, что наказания всегда имеют исправительный характер, не верна действительности. И из современной жизни известны случаи, когда нарушение закона наказывается независимо от целей исправления наказуемого, устрашения других и т. под. И древне-греческое сознание с давних пор выработало два понятия для означения наказания: κολαξειν — наказывать с целью исправления и τιμωρειν — наказывать с целью кары, мщения. По отношению к злым духам или безмерно грешным людям мыслимо только наказание Правосудия Божия, как кара или мщение за их глубокое нравственное падение; а таким наказанием и могут быть только вечные мучения, в собственном смысле называемые *адскими.*

Так как количество осужденных на вечные мучения очень велико: тут и диавол с злыми духами, и антихрист со своим лжепророком, и грешники, осужденные приговором Всемирного Судии, и так как, с другой стороны, сроки осуждения на эти муки различны (для диавола и аггелов его) они, по определению Всесвятого, Правосудного Бога, наступили сперва, то весьма естественно ожидать, что те

мучения имеют разные степени. И действительно, в Св. Писании Нового Завета находятся многие места, в которых отцы и учители Церкви усматривали мысль, что адские мучения будут различны по своим степеням. Так, по изъяснению св. Василия Великого, приточное свидетельство (Лук. 12, 47, 48) о том, что раб, знавший волю господина своего и не сотворивший по ней, биен будет много, а раб, не знавший и сделавший достойное наказания, биен будет мало, означает не конец, а разность мучения. По словам же блаж. Иеронима на текст Мф. 10, 15: «если будет отраднее земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу, не принявшему Евангелия», то ясно, что различны наказания для грешников.

Внешнею стороною вечных мучений грешников в аду является огонь, или огненное озеро с состоянием второй смерти для осужденных, о чем свидетельствует Апок. 20, 14 и д.; ср. 21, 1-8. Относительно свойства огня этого озера, как среды вечного мучения грешников, необходимость требует заметить, что никак нельзя отрешиться от вещественности вечного огня, хотя эта вещественность и утончится соответственно тонкости и проницательности воскресших наших тел. Новозаветное Писание дает ясные указания на эту вещественность будущего огня, представляя его, с одной стороны, местом мучения для грешников, облеченных плотию воскресения, с другой, указывая, как наподобие ему и образец, на огонь Содома и Гоморры (2 Петр. 2, 6), или же называя геенною, по имени долины сынов Эннона в Иерусалиме, в которой поддерживался постоянно действительный огонь для очистки нечистот. Несмотря однако на свою вещественность, огонь будущих мучений будет резко отличаться от теперешнего огня. Признак благотворности огня, никому теперь не безызвестный, в том будущем огне совершенно утратится, напротив, качества вреда, испытываемого теперь от огня — гибельный жар, против которого и современная наука и житейский опыт оказываются совершенно бессильными, возрастает в своей степени и силе. Так, огонь вечных мучений для грешников не будет давать света; почему место этих мучений называется «тьмою кромешною» или «внешнею».

Хотя смысл этого наименования объясняют и образно, однако, нельзя отказать ему и в некоторой степени соответствия будущей горькой действительности для грешников: наименование неугасимого огня «тьмою кромешною» указывает на действие давления этого огня на грешников непроницаемою ничем извне тьмою; это тем более, что закоснелые грешники удалены будут от Истинного Света Жизни — Бога. С другой стороны, будущий вечный огонь лишен будет такой теплоты, которая предохраняла бы от холода и цепенения; осужденные на пребывание в вечном огне испытывают скрежет зубовный — действие чрезмерного холода. Впрочем, названия будущего огня — среды вечного мучения грешников — тьмою кромешною, геенною, скрежетом зубовным и т.д. св. Ефрем Сирин понимает не только качественно, как названия тех или иных сторон или свойств огня вечного, но и количественно, видит таким образом в названиях будущего карательного огня обозначение разных степеней вечных огненных мучений. По словам св. Ефрема Сирина тьма кромешная в особой стороне; геенна огненная — иное место; скрежет зубов — особое место и т. п.: а во все эти места мучений распределены будут несчастные, каждый по мере грехопадений своих. Необыкновенная по своим свойствам и степени действия вредоносная сила будущего, карательного огня указуется также и в названии его вечным (Мф. 24, 31), неугасимым (Мр. 9, 33). Будущий огонь вечных мучений станет жечь свою жертву, но не сожигать, сила его действия будет неослабна и непрерывна. По свидетельству М. Феликса (II века) в Октавии: будущий огонь действует неугасимо, он «urit et nutrit», или, как выражается Лактанций (IV в.): «один и тот же огонь той же самой силой и будет жечь нечестивых и не сожигать, и сколько будет отнимать у них, столько и возвращать, и тем доставлять себе самому пищу вечную». Этот огонь в своем действии будет таким образом уподобляться тому баснословному коршуну, который клюет Титана, не умерщвляя его, как повествуют поэты. Страшное и ужасное действие вечного огня тем будет сильнее, что ему будут соответствовать не только те или другие необычайные свойства телесного состава лиц, воскресших для осуждения, но страшные состояния их

душевные. «Скорбь и теснота на всяку душу человека, творящего злое» — так отвлеченно указывает на душевное состояние грешников св. Апостол Павел (Римл. 2, 9); образно же это состояние Спаситель наш называет червем неумирающим (Мрк. 9, 44, 46) и плачем. Внутренние мучения самоосуждающей совести: безутешная глубочайшая скорбь и отвращение от греха, стыд, досада на самого себя, сожаление, томление, вот характеристические черты для обозначения внутреннего, возбужденного и неудовлетворенного состояния грешников в вечном огне, образно указанного Спасителем и отвлеченно намеченного св. Апостолом Павлом. Отвлеченное понимание будущего мучительного состояния грешников в вечном огне выражается и так, что этот самый огонь, — что внутренно будет жечь грешника, — есть ничто иное, как грехи грешника (См. К. П. Победоносцева, о подражании Христу Фомы Кемп. 1869 г. 52 стр.). Так как при этом известные грехи, как напр., чрезмерного сладострастия и безграничной роскоши обязаны своим возникновением телу, то и с этой стороны никак уже нельзя при мысли о вечном огне мучений, как каре за упомянутые грехи, отрешиться от представления вещественности и наглядной действительности этого огня, чем и объясняется вышеприведенное буквальное понимание некоторых библейских наименований состояния грешников в этом огне (О конечных судьбах мира и человека. М. 1889 г. стр. 307).

Библиографический указатель к XX главе

1) *Ф. Яковлева.* Апостолы. Вып. 2. Толкование Апокалипсиса. Ниспровержение владычества в мире нечистого духа, обольстителя и врага людей (ст. 1-3). Тысячелетнее царствование Господа нашего И. Х. на земле (ст. 4). Тысячелетное царствование св. Мучеников на земле; почитание их и почитание всех вообще святых (ст. 5-6). Последняя брань на земле тьмы со светом (ст. 7-10). Всеобщий суд Божий над людьми и оживление всех умерших на суде (ст. 11-15). Стр. 367-426.

2) *Еп. Петра.* Объяснение Апокалипсиса. Томск. 1885 г. Царствование Иисуса Христа со святыми в течение тысячелетия (ст. 4-6). Война Гога и Магога (ст. 8-10). Суд Иисуса Христа над всеми умершими из мертвых: Судия Иисус Христос (ст. 11); подсудимые (ст. 12-13); принадлежности суда и самый суд (ст. 12-13); исполнение судебного определения (ст. 14-15). Стр. 242-258.

ГЛАВА XXI

Толкование Андрея Кесарийского

О новом небе и земле и вышнем Иерусалиме

Ст. 1. *И видех небо ново и землю нову: первое бо небо и земля первая преидоша, и моря несть ктому.*

И здесь указывается не на несуществование твари, но на обновление ее к лучшему, как говорит Апостол: *сама тварь свободится от работы истления в свободу славы чад Божиих* (Рим. 8. 21). И божественный Песнопевец говорит: *яко одежду свиеши я, и изменяется* (Псал. 101, 27). Ибо обновление обветшавшего обозначает не уничтожение сущности, но отсечение престарелости и морщин. И у нас есть в обычае о людях, в чем-нибудь улучшившихся или сделавшихся худшими, говорить: «и тот, да не тот». Нужно же заметить, что о небе и земле сказано: *преидоша,* вместо: изменились, как и мы изменимся, как бы за некоторого рода смерть почел он изменение прежнего состояния и перемену к лучшему. О море же сказал: *и моря несть ктому.* Ибо какая нужда в море, когда не будет у людей нужды плавать по нему или перевозить по нему в отдаленные места произведения земли? К тому же, если море означает бурную и волнующую жизнь, и тогда не будет в нем нужды. Ибо во Святых не останется тогда никакого остатка возмущения или страха. Подтверждает же сие мнение и Великий Василий, изъясняя изречение Исаии, говорящее: *глаголяй бездне опустееши и реки твоя изсушу* (Исаии, 44, 27).

Ст. 2. *И аз Иоанн видех град святый, Иерусалим нов, сходящ от Бога с небесе, приготован яко невесту украшену мужу своему.*

Тем, что он видел город святый Иерусалим новым, показывается, что имя новости есть знак претворения к большей светлости, которую получит вышний Иерусалим, от бесплотных сил высших нисходящий к людям, поелику общая глава обоих есть Христос Бог наш. Самый же город составляется из Святых, о которых написано: *камение свято валяется на земли* (Зах. 9, 16), имея краеугольным камнем Христа. Называется он городом, как обитель царственной Троицы, ибо в нем обитает и ходит Она, по обетованию (1 Кор. 6,16). Невестою же называется, как прилепляющийся Владыке и соединяемый с Ним высшим и нерасторжимым соединением. Украшенною же именуется, как внутри себя имеющая, по Псалмопевцу (Пс. 44, 10), славу и красоту в разнообразии добродетелей.

Ст. 3-4. *И слышах глас велий с небесе, глаголющ: се скиния Божия с человеки, и вселится с ними: и тии людие его будут, и сам Бог будет с ними Бог их: И отъиметь Бог всяку слезу от очию их.*

С неба научается Святый, что скиния сия будет истинная: ее образ, или лучше предобразование образа, показан был Моисею, а теперь Церковь служит ее образом. В сей нерукотворенной скинии не будет ни плача, ни слез. Ибо Податель вечной радости дарует Святым видеть непрестающее веселие.

И смерть не будет ктому: ни плача, ни вопля, ни болезни не будет ктому: яко первая мимоидоша.

И сие по Писанию: *оттуду отбеже болезнь, печаль и воздыхание* (Псал. 51, 11). А слова: *первая мимоидоша* означают, что злострадание Святых и надмение нечестивых получат конец, соответственный каждому из них (Толкование на Апокалипсис, стр. 267).

О том, что сказал Седящий на престоле

Ст. 5 и 6. *И рече седяй на престоле: се нова вся творю; и глагола ми: напиши, яко сия славеса истинна и верна суть. И рече ми: совершишася, Аз есмь Алфа и Омега, начаток и конец.*

Истинны слова, произносимые Самою Истиною, и познаются уже не через символы, но по самым делам. Начало же и конец есть Христос, как первый по Божеству и послед-

ний по человечеству, и как простирающий Свое промышление от первой бесплодной твари до последних людей.

Аз жаждующему дам от источника воды животныя туне.

Жаждущему правды обещает дать благодать Животворящаго Духа, которую в Евангелии обещал даровать верующим в Него. Туне же, потому что недостойны страсти нынешнего века к *хотящей славе открытися во святых* (Римл. 8, 18). Или потому туне, что нельзя приобрести ее имением, но добрыми делами и по человеколюбию Дающаго.

Ст. 7. *Побеждаяй наследит вся, и буду ему Бог, и той будет Мне в сына.*

Побеждающий в войне против невидимых демонов получит сии блага, сделавшись сыном Божиим и наслаждаясь духовным наслаждением.

Ст. 8. *Страшливым же и неверным, и скверным, и убийцам, и блуд творящим, и чары творящим, идоложерцем и всем лживым, часть им в езере горящем огнем и жупелом, еже есть смерть вторая.*

Жаждущий спасения нашего Бог всех обращает к наследию благ Своих — и приятным и скорбным, предлагая нам на вид и светлость вышнего Иерусалима, и мрачную и скорбную тесноту огня геенского, дабы делали мы добро, пока есть время, или по желанию вечной славы, или по страху бесконечного стыда. А о прочих отверженных и боязливых, и не имеющих мужества в борьбе против диавола сказано, что они будут осуждены на вторую смерть (Толкование на Апокалипсис, стр. 271).

Об Ангеле, показывающем город Святых и измеряющем стену его с вратами

Ст. 9. *И прииде ко мне един от седми Ангел, имущих седмь фиал, исполненных седмих язв последних, и рече ко мне, глаголя: гряди, покажу ти невесту агнчу жену.*

Сим показывается, что Ангелы не только наносят злокачественные язвы, но, как врачи, иногда производят сечения, иногда же налагают умягчяющие лекарства: тогда он наслал язву на достойных того, теперь показывает Святому блаженство Церкви. Хорошо невесту Ангцу назвал он женою. Ибо, когда Христос заклан был, как Агнец, тогда Своей

кровью обручил ее Себе. Ибо, как в то время, когда спал Адам, создана была ему жена отнятием ребра; так, когда Христос волею почил на кресте сном смерти, Церковь, составленная излиянием крови из ребра Его, соединена с принесенным в жертву за нас.

Ст. 10 и 11. *И веде мя духом на гору велику и высоку, и показа ми град великий, святый Иерусалим нисходящ с небесе от Бога, имущ славу Божию.* Быть ведену духом значит посредством духа возвыситься помыслом от земли к размышлению о небесном. Под горою великою разумеется возвышенная премирная жизнь Святых, которою будет украшена и прославлена от Бога жена Агнца, Вышний Иерусалим.

И светило его подобно камени драгому, яко камени яспису кристалловидну.

Светило Церкви — Христос, кристалловидным же ясписом назван Он, как всегда мощный и жизнедательный и чистый. У разных различно образуется Он, ибо примером одного вида нельзя описать многообразность различных Его к нам благодеяний.

Ст. 12. *Имущ стену велику и высоку, имущ врат дванадесять, и на вратех Ангелов дванадесять, и имена написана, яже суть имена дванадесять коленом сынов Израелевых.*

Стена великая Церкви, высокая и охраняющая находящихся во святом городе, есть Христос. В ней двенадцать ворот, — Святые Апостолы, через коих мы получили приведение и вход к Отцу, и им содействуют двенадцать Ангелов, начальственных и более приближающихся к Богу по приближению в святости. Ибо если мы веруем, что за каждым из верующих следует Хранитель, тем более должно думать, что основателям Церкви и сеятелям Евангельского слова содействуют в Евангельской проповеди первенствующие из Ангелов. Имена колен духовного Израиля написаны на апостольских входах, потому что и имена чувственного Израиля были написаны на Ефуде древнего по времени архиерея. Ибо Писание теперь посредством имен сих свидетельствует об Апостольском попечении касательно верующих, как и Павел сказал: что имеет попечение о всех

Церквах и что сердце его расширено и вмещает в себя всех, кого он породил Евангелием (2 Кор. 6, 11 и 12).

Ст. 13. *От востока врата трая, и от севера врата троя, от юга врата троя и от запада врата троя.*

Что ворота на четыре части света и по трое на каждую сторону, сие показывает познание в четырех концах вселенной, покланяемой Всесвятой Троицы, которое получили через животворящий крест. Ибо крестообразен вид положения врат, по виду двенадцати волов, которые носили устроенное Соломоном море, обозначая троичную четверицу Апостолов, проповедницу Святыя Троицы, а также послание четырех Евангелий в четыре конца земли. А самим морем образуется духовное море святого крещения, очищающее мир от грехов, составленное духовным Соломоном.

Ст. 14. *И стена града имеяше оснований дванадесять, и на них имен дванадесять Апостолов агнчих.*

Основание стены, как сказано, суть блаженные Апостолы, на которых основана Церковь Христова; их имена как бы на вывесках написаны на них, для научения читающих.

Ст. 15. *И глаголяй со мною имеяше трость злату, да измерит град и врата его и стены его.*

Золотая трость показывает досточестность измеряющего Ангела, которого видел в человеческом виде, а равно досточестность измеряемого города, стеною коего мы почитаем Христа. По причине чистоты и премудрости приемных естеств он измеряется не людьми, а Ангелами, которым, конечно, известны величие и благолепие внешнего города. Думаем же, что здесь под стеною разумеется и Божественное ограждение и покров, которым охраняются Святые.

Ст. 16. *И град на четыри углы стоит, и долгота его толика есть, елика же и широта; и измери град тростию на стадий дванадесять тысящ, долгота и широта и высота его равна суть.*

Четырехугольный же стоит город по прочности и твердости, ибо равносторонность в глубину, широту и долготу называется у некоторых кубом и означает, говорят,

прочность. Двенадцать же тысяч стадий, которые сказано, имеет город, означают, может быть, его величину, ибо *паче песка,* говорит Давид, *умножатся его обители* (Псал. 138, 18), может быть, и по числу двенадцати Апостолов, через которых населяется он. И седмеричное число, будучи таинственным, через деление представляет искомое. Ибо сказанные тысячи стадий, разделенные на число 7, представляют меры, называемые милями, 1714, где тысяча показывает совершенство бесконечностей жизни, семьсот — совершенство покоя, четырнадцать — двойное субботствование души и тела, ибо дважды семь — четырнадцать.

Ст. 17. *И размери стену его во сто и четыридесять и четыри локти, в меру человеческу, яже есть Ангела.*

Мера глубины стены — сто сорок четыре локтя. Ибо число двенадцать, указывающее на Апостольское учение, будучи сложено двенадцать раз, составит сие число.

Ст. 18. *И бе создание стены его яспис: и град злато чисто подобен стклу чисту.*

Строение стены — яспис показывает всегда цветущую и неувядающую жизнь Святых, как много раз говорено было. Чисто же золото его, как стекло по блистательности и светлости жителей его.

Ст. 19 и 20. *И основания стены града всяким другим камением украшены бяху: основание первое иаспис, второе сапфир, третие халкидон, четвертое смарагд, пятое сардоникс, шестое сардий, седьмое хрисолиф, осьмое вирилл, девятое топазий, десятое хрисопрас, первоенадесять иакинф, второенадесять амефист.*

Двенадцать оснований — двенадцать драгоценных камней, из коих восемь носимы были в нарамнике древнего первосвященника, а четыре иные, чтобы показать и согласие Нового Завета с Ветхим, и превосходство просиявших в нем. И подлинно, Апостолы, означаемые драгоценными камнями, украшены всякой добродетелью.

Ст. 21. *И дванадесять врат, дванадесять бисеров: едина каяжда врата беша от единаго бисера.*

Двенадцать врат явно суть двенадцать учеников Христовых, через коих мы познали дверь и путь жизни; они же суть и двенадцать бисеров, получающих блеск от Единого многоценного бисера — Христа.

И стогны града злато чисто, яко стекло пресветло.

Одним сравнением нельзя точно изъяснить благ вышняго града. Потому площадь города, по многоценности и благосветлости, видел он, как золото, а по чистоте, как кристалл, т. е. светлое стекло, а у нас то и другое в одном соединено быть не может. Все сие святый созерцал как мог. А точное познание вышнего града превосходит и слух, и видение, и мысль.

Ст. 22. *И храма не видех в нем: Господь бо Бог Вседержитель храм ему есть и Агнец.*

И храма не видех в нем. Ибо какая нужда в храме городу, имеющему Бога и оградою и покровом? Им мы живем, и движемся, и существуем. Ибо Он есть и храм Святых и обитатель,обитающий в них и ходящий, как было обещано. Агнец есть за нас закланный, Агнец Божий; с Ним существенно соединен и Животворящий Дух, Которого далее он назвал рекою.

Ст. 23. *И град не требуя солнца и луны, да светят в нем: слава бо Божия просвети его, и светильник его — Агнец.*

Город не имеет нужды в солнце. Ибо, где мысленное Солнце правды, там не нужны чувственные светила. Он Сам есть и слава и свещник его, и спасаемые народы будут ходить во свете Его; о чем сказал:

Ст. 24 и 25. *И языцы спасени во свете Его пойдут, и цари земстии принесут славу и честь свою в Него. И врата Его не имут затворитися во дни: нощи бо не будет ту.*

Спасаемые народы, как сказано, будут ходить во свете Его, и воцарившиеся на земле над страстями принесут в Него славу и честь добрых дел. А что не затворятся врата его, сие означает или безопасность и невозмутимость обитателей его, или что там отверсты будут всем Божественные врата Апостольского учения для совершеннейшего научения. День же будет там, а не ночь, ибо ночь отделится для грешников.

Ст. 26 и 27. *И принесут славу и честь языков в него. И не имать в него внити всяко скверно, и творяй мерзость и лжу, но токмо написанныя в книгах животных Агнца.*

Светлость и слава народов, т. е. благоугодившие в них Христу, плодопринесутся в оном граде. Все же скверное и

нечистое не войдет туда. Ибо кое общение свету ко тьме? (Толкование на Апокалипсис, стр. 275).

Что будет с землею? (1)

П. Светлова

Христианство предсказывает миру гибель от огня, но не в смысле окончательного истребления этого мира, а в смысле его изменения, обновления, возвращения к прежнему неповрежденному миру: мировая катастрофа только реставрация, преобразование. Это предсказание о конечной мировой катастрофе заключается в книгах и Ветхого и Нового Завета.

Четыре места особенно сильно удостоверяют нас в том, что нынешнее небо и земля не будут истреблены огнем совсем, но что они будут изменены только на лучшие — новые; это 2, П. 3, 13 («ожидаем нового неба и новой земли»); Ап. XXI, 1 («и увидел я новое небо и новую землю; ибо прежние небо и земля миновали»); Ис. 65, 17 (« вот Я творю новое небо и новую землю»); 66, 22 («новое небо и новая земля, которые Я сотворю»). Так. Но не будут ли эти новые небо и земля совершенно новыми, не имеющими никакого отношения к старым, — вновь созданными? Нет — и на этот ответ уполномочивает нас не только мысль о премудрости Божией, с которой было бы несовместимо истребление того, что раз уже сотворено, но и текст самих пророчеств, выше нами приведенных. Обратимся же к нему. В Ис. 65, 17 и 66, 22 слово *новый* выражено через *хадаш,* которое не значит: иной, другой, совершенно новый, не имеющий отношения к старому (эти понятия потребовали бы для себя скорее сл. *ахер*), а означает обновление старого и употребляется часто в значении: молодой или помолодевший, свежий, напр., Лев. 26, 10; Иов. 29, 20; а также в смысле «неслыханный», напр., Еккл. 1, 9, 10; Исх. 1, 8; Пс. 33, 3. В Ис. 65, 17 слово *творить* выражено через *бара,* которое не всегда значит *творение из ничего,* оно часто употребляется в создании чего-либо особенного, нового, напр. Иер. XXXI, 22; при том же в 66, 22 пр. Исаии это слово *творить* передано через *аса,* которое значит делать что-либо из готового

материала и синоним глагола *яцар,* т.е. образовывать (ср. Быт. I, 1, 27; V, 1, 2 с Быт. III, 21; VIII, 6; 1. Цр. VIII, 12; Быт. I, 7, 16; II, 2 и др.). Главное основание нашей надежды на новое небо и новую землю — верование всей Церкви, издревле сохраняемое в ней ясно выраженное на V Вселенском Соборе, осудившем мнение Оригена, что нынешние небо и земля совершенно уничтожатся и новые будут вновь созданы из ничего. Мысль о будущей мировой катастрофе вообще и о сущности ее, как обновления мира, встречается у всех отцов и учителей Церкви. Укажем, как она выражена у некоторых из них. *Св. Иустин Философ:* ... «Утверждаем, что мир сгорит». *Св. Ириней:* «не сущность и не вещество творения упразднятся (ибо истинен и силен Тот, Кто устроил его), но переходит образ мира сего, т.е. то, в чем произошло расстройство... Когда же прейдет этот образ и человек обновится и восстанет от нетления, тогда явятся новое небо и новая земля». *Св. Василий Великий:* «Миру необходимо измениться, если и состояние душ перейдет в другой род жизни. Ибо, как настоящая жизнь имеет качества, сродные сему миру: так и будущее существование наших душ получит жребий, свойственный своему состоянию». *Св. Макарий Великий:* «Предопределено Богом разрушиться сему видимому творению и перейти небу и земле». *Св. Кирилл Иерусалимский:* «Будет скончание мира сего и сотворенный мир обновится. Поелику разврат, *татьба и любодеяния* и всякий род грехов *разлияся на земли, кровь с кровью* (Ос. IV, 2) смесилась в мире: то, чтобы сие чудное обиталище тварей не осталось навсегда исполненным беззакония, прейдет мир сей, дабы снова явиться лучшим ... Свиет Господь небеса не для того, чтобы истребить их, но чтобы опять явить их в лучшем виде». *Св. Ефрем Сирин:* «В тот день, когда воскреснут праведники, обновится небо и земля». Он же в другом месте говорит: «И небо, и землю обновит Господь при нашем воскресении, и тварь освободит и возвеселит вместе с нами. Земля, матерь наша, потерпела поругание вместе с нами, подверглась проклятию за грешников; но за праведников Болий благословит нашу питательницу, вместе с чадами ее обновит и ее». *Блаж. Иероним:* «Ясно показывается, что кончина и погибель мира означает не обращение его в ничто,

но изменение в лучшее. Равным образом и то, что написано в другом месте: *будет свет луны, аки свет солнца* (Ис. 30, 26) значит, не погибель прежнего, но изменение в лучшее. Размыслим о сказанном: преходит образ, а не существа. То же выражает и св. Петр (2 Петр. 3, 13) ... Не сказал: узришь *иныя* небеса, *иную* землю, но прежние и древние изменятся на лучшие». *Св. Григорий Нисский,* признавая конец мира следствием его тварности и считая так же непостижимым конец, как непостижимо и начало мира (Евр. XI, 3), говорит: ... «верою руководиться будем и слыша глагол Божий, возвещающий необходимую остановку существ. А как она будет, сие должно быть изъято из предметов нашего любопытства»; однако же: ... «как признаешь силу Божией воли достаточною для создания существ из несуществовавшего; так, преобразование созданного возводя к той же силе, верим, не чему-либо невероятному». Еще: верою «принимаем, что вселенная сотворена из ничего, и изученные Писанием, не сомневаемся, что снова будет преобразована в иное некое состояние». Этот сомн свидетелей можно считать достаточным.

Начало обновления мира (хотя только начало) можно видеть уже в чудесах, которые совершал Господь Иисус Христос во время Своей земной жизни, в чудесах, возвращавших природу на путь ее нормальной деятельности; эти чудеса — начало и залог освобождения человека от неразумной природы, свободы от *рабства тлению* (Рим. 8, 21). Бесчисленные исцеления, совершенные Спасителем, показывают, что болезнь не должна существовать: не будет ни слепых (Мф. IX, 27 — 31; Иоан. IX, 1 — 7), ни прокаженных (Лк. V, 12 — 23), ни расслабленных (Мф. IX, 2 — 7), ни глухо немых (VII, 32 — 35), не будет ни горячки (Мр. 1, 30 — 31), ни водянки (Лк. 14, 2 — 4), ни каких-либо других болезней, не будет, наконец, смерти (Мф. IX, Лк. VIII, Мр. V, Лк. VII, 12 — 15; Иоанн. XI, 11 — 14). Стихии будут послушны человеку и безвредны для него; не будет разрушительных бурь (Мф. 14, 32 — 33; Мр. VI, 51; Иоанн. VI, 18, 21), голода (Мф. 14; Мр. 8; Лк. 9; Иоанн. 6), и т. п. Все это залог будущего полного восстановления природы.

Хотя еще не совершилось de facto это восстановление, но мы в нем совершенно уверены. Если грех истреблен, то будут истреблены и следствия его; если человек восстановлен и искуплен, если с него снято проклятие (Гал. 3, 13), то и земля и вся тварь будет восстановлена, и с нее, неповинной, будет снято проклятие, «ибо тварь покорилась суете недобровольно, но по воле покорившего ее» (Рим. 8, 20), она «с надеждою ожидает откровения сынов Божиих» (ст. 21). Пусть человек освобожден от язв греха и смерти — этого было бы еще мало, искупление представлялось бы не законченным, чувствовался бы в нем пробел, если бы мир не был исправлен и обновлен. В самом деле, что осталось бы в противном случае с определением Божиим, данным человеку; «раститеся, множитеся и *наполняйте землю*» (Быт. 1, 28)? Между тем, слово Божие должно быть неизменным и *действительным* ... С другой стороны, не была ли бы эта земля темным пятном на светлом фоне мироздания, не нарушала ли бы она своим бесполезным и бесцельным существованием мировой гармонии? Несомненно, так. Нет, человек далеко не все получит, если не будет возвращена ему его земля, омоченная слезами тысячелетних страданий и потом трудов его, земля, с которой у него существует тесная, органическая и совсем уже не случайная связь: человек и вышел-то из земли, земля — в полном смысле его мать, для земного существования он и создан, ибо только на *этой* земле определено человеку жить и совершенствоваться, зреть и раскрывать полноту жизни своего духа. Но, чтобы стать жилищем для людей, которые воскреснут с прославленными телами, земля должна совершенно изменить свой внешний вид, соответственно этому изменению в людях, она должна превратиться в рай. Таким образом, преобразование земли находится в тесной связи и зависимости по отношению к воскресению мертвых: от воскресения зависит не только время, когда должно совершиться преобразование мира, но и самая его необходимость: преобразование мира должно быть, потому что будет воскресение мертвых; в отношении же ко времени связь эту можно выразить так: преобразование земли будет не прежде воскресения, то и другое должно совершиться совместно.

Когда наступит полное восстановление мира — вопрос праздный и не по силам нам: *«несть наше разумети времена и лета»* (Деян. 1,7). Одно с несомненностью должно утверждать, что история шаг за шагом идет к развязке, и что эта последняя постепенно и естественным путем подготовляется в ней, кончина мира наступит, как зрелый плод тысячелетней истории его, а не abrupto, она будет в истинно-библейском смысле *полнотою времен,* как было явление Бога в мир, Сына Божия во плоти. Кончина мира называется в Св. Писании жатвою — словом, которое как нельзя лучше выражает естественность, натуральность конца (Мф. XIII, 30, 39); ничего насильственного, внезапного нет в конце, мир сам идет к нему, он зреет для конца, как созревает хлеб на поле для жатвы, он наступит так же, как наступают весна, старость и т. п. «И сказал (Господь ученикам Своим) притчу: посмотрите на смоковницу и на все деревья. Когда они уже распускаются, то, видя это, знайте, что близко Царствие Божие» (Лк. XXI, 29 — 31; Мф. XXIV, 31 — 32). *Св. Григорий Нисский* представляет кончину и разрушение мира не внешним каким-либо по отношению к мировой жизни, не насильственно относящимся к ней событием, но событием законосообразным, разумным, плотно входящим в контекст мировой жизни; он видит «закон, по которому не вдруг совершается переход от жизни скорбной к вожделенному состоянию, но определенное некое время продолжавшаяся тяжкая и телесная эта жизнь ждет конца, исполнения всего». «Поэтому нам надлежит не скорбеть о кратковременном замедлении уповаемого... Если кто предскажет какому-либо опытному человеку, что во время лета будет собирание плодов, наполнятся хранилища, и трапеза будет полна снедей во время сего обилия: то суетен будет он, если поспешит желать наступления этого времени, когда еще должно сеять... Время, хочет ли, не хочет ли кто, непременно наступит в определенный срок». Это время наступит, когда христианство исполнит свою миссию на земле, когда закваска заквасит все тесто (Мф. 13, 33), когда ветви древа христианского покроют собой всю землю (ср. Мф. 13, 31-32 с Мф. 24, 14). Для этого прежде всего христианство должно быть проповедано всему миру, а потом еще должно назначить

неопределенно-продолжительный период времени для его усвоения, для переживания христианских начал. Христианство должно быть с внутренней стороны выжито, прочувствовано во всей глубине и по всем направлениям. Мир будет стоять, пока человечество еще будет способно к духовному брожению, пока еще в нем бьется жизнь; когда оно уже все решит и ему ничего не останется переживать, и потому лень и апатия заступят место духовной энергии — человечеству конец, а с ним и миру: все созрело и перезрело, все одряхлело и сделалось не способным к жизни; закваска стала излишней: нечего заквашивать, ибо брожение, жизнь невозможны. К концу мира ясно обозначится одряхление всего, что в нем есть: и природы, и человечества. Все будет тогда представлять самую жалкую и печальную картину старости, ни к чему не годной, разложения и разрушения; везде все отцвело, одряхлело, не способно к дальнейшему движению. Покажем эту картину — в том виде, как рисует ее само слово Божие. В государственном и социальном порядке всюду неустройство, перевороты, колебания. В международных отношениях будет господствовать не тот вожделенный мир, о котором мечтает нынешняя цивилизация, а самая свирепая вражда, какой мир не видал еще с самого начала своего: «восстанет народ на народ и царство на царство» (Мр. XIII, 8); внутри же государств — смятения (ст. 8). Таким образом социально -политический строй представляется в основе поколебленным. Развращение нравственное достигнет крайних пределов: вместо любви «умножатся беззакония» (Мф. 24, 13), и люди будут преуспевать во всевозможных пороках (2 Тим. 3, 1 — 9); религиозное чувство оскудеет (1 Тим. IV, 1 — 2 и 2 Тим. III, 8); наука будет процветать, и много будут трудиться для нее, но в познании истины успеха не будет (2 Тим. 3, 7). Вообще, последнее время будет временем крайнего измельчания духа человеческого, который сведет свои потребности на minimum, да и в этом минимуме (нравственность, религия и наука) окажется бесплодным; люди будут неспособны и недостойны жить, ибо они перестанут быть и людьми-то и унизятся до животных, которым ничего не нужно, кроме удовлетворения

органических животных потребностей (Мф. 24, 37 — 39). Если обратиться от людей к природе, то и в ней заметим следы явного разложения и разрушения. Законы природы перестают действовать с прежней силой и правильностью, производительная сила ее ослабевает: оскудение почвы и вследствие этого повсеместный голод, заразительные эпидемии, землетрясения, «ужасные явления» на земле и небе — метеорологические и астрономические — все это знаки того, что механизм природы расстроился и отказывается работать. Все в нем развинтилось, расклеилось, поломалось, и оттого все выходит не так, как следовало бы: то слишком изобильный дождь, то засуха, то бури, то затишье; земледельцу уже нечего делать на поле, моряку — на море, и «люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную» (Мф. 24, 7; Мр. 13, 8; Лк. 21, 11, 25). Вот какую картину рисует Св. *Ефрем Сирин* для времени пред вторым пришествием: « ... Будут ... тяжкие глады, продолжительные язвы, непрестанные землетрясения, повсюду оскудение пищи, великая скорбь, повсюду теснота, непрестанные смерти, великий страх, внезапный трепет. Тогда небеса не дадут дождя, земля не будет приносить плодов, источники иссякнут, реки иссохнут. Трава не будет расти, не покажется на земле зелени; деревья померзнут в корнях и не дадут отпрысков; рыбы и киты в море изомрут. И море издаст такое заразительное зловоние и такой страшный шум, что люди будут падать без чувств и умирать со страха». От этого одряхления и разложения природы один только шаг к ее полной смерти, разрушению. Таким образом, конец является естественным и необходимым звеном в цепи мировых явлений, завершительным моментом мирового процесса, органически входящим в этот последний; новый мир и будущий век (αιων μελλων) — естественным плодом мира этого и века настоящего (αιων ουτοζ). По замечанию Э. Гюдера, мир настоящий и будущий так органически связаны между собою, что «только окончание одного делает возможным возникновение другого, и с началом одного становится возможен конец другого... Поэтому отношение их друг к другу то же, что и отношения сеяния и роста к жатве и уборке, собиранию плодов (Einsammlung)». Для нового мира

нужно разрушение старого, как тление зерна — для растения, как смерть — для воскресения: «то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет» (1 Кор. XV, 36) и: «истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоан. XII, 24). «Эта земля», говорит Шплиттгербер, «должна обновиться в огненной могиле» (Feuergrab) и, хотя в иной форме «но все-таки пережить тот же процесс разложения и гниения, какому подвергается наше тело, для прославления... Кончина мира есть как бы смерть, обновление мира — воскресение твари». В этом прекрасном сравнении конца мира со смертью и обновления с воскресением — более чем просто удачная метафора.

В чем же будет состоять изменение земли и как оно будет относиться к ныне существующим формам бытия? Что такое будет *новое* небо и *новая* земля? Так как земля будет местом рая и так как *новая* земля и рай — одно и то же, то последний вопрос можно поставить и иначе: что такое будет рай?

Земля не будет по существу своему чем-нибудь совершенно иным, нежели какова она теперь, а все же изменится до неузнаваемости, — до такой степени, что она справедливо может быть названа новой. Вся настоящая порча в земле, всякое нестроение, обычный ей теперь порядок уничтожается: в ней не будет *тления*, изменчивости и непостоянства, которые теперь нам кажутся законом природы (Рим. VIII, 21), не будет смерти и болезней (Ап. XXI, 4). А насколько прекрасна новая земля, об этом дает понять Псалмопевец в 83 пс.: «(Господи!) блаженны, живущие в дому Твоем... Ибо один день в дому Твоем лучше тысячи» (ст. 5 и 11). Так же представляют себе рай и св. отцы. По мнению *Иоанна Златоуста*, нынешняя тварь не уничтожится, но изменится на лучшую. «Не один ты, но и то, что незначительнее тебя, — неразумное и несознательное, — и то примет участие вместе с тобой в тех (будущих) благах. Тварь освободится от работы тлению, т.е. она уже не будет изменчивой, но станет лучше, соответственно славе твоего тела... Как кормилица наслаждается благами своего питомца — царского сына заодно, когда он взойдет на престол, так и

тварь». *Св. Иларий* говорит в одном месте о дне, «когда отступит от нас всякое изменение, когда не будет ни холода, ни жара, ни ночи, ни перемен (года), но будут вечный день и приятная умеренность. Предначертывая покой этого дня еще в пустыне, Господь смягчил дневной жар для Своего народа столпом облачным, а ночной холод и мрак — огненным». Пространное описание рая дает *Ефрем Сирин* в песне «О рае» (особ. 9-11). Особенно чудесными свойствами обладает райский воздух с ветрами, которые своим дыханием то насыщают райских обитателей яствами, то служат питием, то орошают прохладой, то умащают — наподобие того, как они приносят пищу хлебному растению; райский воздух — «море наслаждений», он «небесным своим дыханием делает людей бессмертными». Неудивительно, что при таком воздухе нет никаких суровых месяцев с бурями и ветрами там, «где господствуют мир и тишина», где «вечная весна и всякий месяц рассыпает цветы вокруг рая»... и «неиссякаемый льется поток произведений», где текут «источники вина, млека и меда», где деревья четыре раза в год приносят плоды, где природа так производительна, что «плодоносие райских деревьев подобно непрерывной цепи: если обраны и опали первые плоды, появляются за ними вторые и третьи плоды», где деревья «внизу покрыты цветами, вверху полны плодов», где, словом, «чувства утопают в волнах наслаждений, какие изливаются на всех и во всех возможных видах». В раю есть, наподобие прежнего, плодоносное дерево жизни. Такова будет некогда наша земля, по изображению слова Божия и святых отцев Церкви. Нельзя буквально понимать описания рая у святых отцев и в Св. Писании, по крайней мере — везде: в нашем языке не найдется пока еще слов, чтобы говорить о будущей земле, где природа, не изменяясь по существу, настолько изменится по форме, в которой выразится ее жизнь и деятельность, что она будет по отношению к нынешней чем-то совершенно новым. Пусть на новой земле сохранятся все формы явлений этой земли; но эти формы изменятся, улучшатся, весь порядок и строй жизни в нынешней природе — так же; кто же теперь может представить себе землю без весны, зимы и др. времен года, без дня и ночи, без тепла и холода, жизнь — без младенчества

и старости, без болезней и смерти и т.п.? Даже и ненормальное — то так плотно вошло в общий порядок и течение жизни, что оно кажется нам нормальным, законным и естественным. Вообще, мы можем только гадать о будущем и знаем относительно него лишь *отчасти* (1 Кор. XIII, 9): «Не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что Бог приготовил любящим Его» (Ис. 64, 4 и 1 Кор. 2, 9); «нельзя пересказать всего, что ожидает человека в раю» (2 Кор. 12, 4 и др.). Так же думают и святые отцы, напр. *св. Иларий* говорит: «понятия слуха и видения к грядущим благам неприложимы, и все то вечное благо, которое обещается блаженным людям, не подчиняется созерцанию, не воспринимается слухом и не понимается рассудком». По мнению *св. Ефрема Сирина*, «сокровенное лоно рая недоступно созерцанию», и потому, описывая рай, он предостерегает читателей от буквального понимания описания его: «кто слушает описание рая, тот не может судить о нем, потому что описание рая не подлежит суду. По наименованиям рая можно подумать, что он земной; но по силе своей он духовен и чист... Кто говорит, тот, кроме имен, взятых с предметов видимых, ничем иным не может слушающим изобразить невидимого... Рай облечен именами, сродными тебе, потому, что природа твоя немощна и мала пред его величием; хотя красоты его умаляются, когда очертываются слабыми, тебе сродными, образами... Бог облек древа рая именами наших древ..., листья его изображены подобными листьям, какие видны у нас». Во всяком случае из всех описаний рая одно несомненно, что новая земля не будет в точном смысле новой — по существу громадное изменение произойдет только в форме. Желание наше видеть в будущей новой земле в сущности прежнюю нашу мать — землю многострадальную, нужно думать, не случайно. Нам так больно при мысли, что все прекрасное, все милое нам на этой земле, когда-нибудь уничтожится, что мы никак не можем помириться с ней, и вожделение нашего сердца готовы отстаивать при помощи всех соображений, какие мы только можем пустить в дело, напр., идею премудрости, благости Божией и т.п. Вот образчики этого. Гебрат думает доказать изменение твари в смысле Рим. 8, 19-21 благостью

Бога: изменения этого , «можно уже ожидать от любви (Божией). Ведь нельзя думать, чтобы Бог сотворил животных только для этой земли, которая для них большей частью представляет беспрерывную боль и страдания». «Мы вполне уверены», говорит Шплиттгербер, «что на новой земле будет продолжать свое существование все разнообразие твари, и особенно благороднейшие породы из области растительного, животного и минерального царств, лишь только в лучших формах, и состоя из нетленной материи, блистая эфирным великолепием и красотой, о которой мы едва ли теперь можем иметь и самое отдаленное представление... Мы не находим в себе смелости думать, что некогда совершенно уничтожатся удивительные формы в разных областях природы, которыми теперь наслаждаются наше сердце и глаз. Неужели возможно, чтобы когда-нибудь совсем не существовало этого богатства цветов с чудным переливом красок, пение птиц, все богатство прочего животного царства, глубокая синева небес, причудливая игра цветов и света на море и все другое, чему мы удивляемся еще и на этой несовершенной земле? Напротив, не будут ли некогда солнце и звезды светить ярче теперешнего, не разрядится ли земля, как невеста, и всякое отдельное творение тогда лишь обнаружится в истинно-прекрасной форме». Если несколько всмотреться в эти и подобные заявления pia desideria, то можно заметить в них глубокую психологическую подкладку: эта подкладка, кроме привычки *ко всему здешнему,* — психологическая, скажем более, нравственная невозможность для нас представить, что все, чем мы теперь живем и дышим, на чем крепнут и зреют все силы духа человеческого, в чем находит для себя пищу все великое, прекрасное и благородное в нашем духе, — все это исчезнет, и что, следовательно, это — ложь, мираж, случайно, бессмысленно. Напротив, мы убеждены, что и искусство, и поэзия, и наука, словом — все, в чем проявляют себя благородные стороны нашего духа, что все это не случайно и не бессмысленно, коренясь в непреходящих, существенных сторонах его природы, а потому не прекратится. Как противна нам мысль о безличном пантеистическом или историческом (в памяти людей) бессмертии, так противно

и бессмертие земли в смысле ее совершенного обновления, т.е. ее замены другой землей, уничтожения на ней всего, что органически и существенно связано с жизнью нашего духа. Будущая жизнь — продолжение этой: все великое, высокое и прекрасное *здесь* будет и *там*, все дорогое, все родное нашей душе *здесь* будет и *там*; иначе нет для нас и здесь ничего высокого, прекрасного и родного: все — прах. Христианство обещает нам, что все это не только будет, но и *преизбудет,* т.е. будет в лучшем и совершеннейшем виде. В этом может нас уверить одно учение христианское о воскресении мертвых. Для него тело наше — не темница души, не грязное платье, которое с гадливостью бросают наземь, а плоть и кровь, орган души. Человек и жизнь духовная — органическое единство духа и тела; это тело необходимая часть нашего *я,* и это тело будет нам возвращено — тело, в котором нам все родное и дорогое: и глаза, некогда любовавшиеся красотой Божиего мира и произведений человеческого искусства, и уши, открывавшие нам вход в целый волшебный мир музыкальной гармонии, — все чувства, через которые душа входит в сношения с дивным Божиим миром, все это будет нам возвращено. Возвращено будет каждому его собственное тело, ибо тела так же индивидуальны, как и все в природе, — и индивидуальны тем более, что составляют органическое единство с индивидуальными душами; чтобы жил именно *я,* а не другой кто, нужно *мое* тело (*я* = тело + душа). Итак, нам обещаются по существу те же самые тела, какие мы имеем теперь; основной тип их сохранится, и не общее всем дано будет тело, но каждому свое, по форме же эти тела изменятся до неузнаваемости: им дана будет самая высшая форма, в какой они могут существовать. В христианском учении о воскресении мертвых видим, как сочувственно относится эта религия к эсхатологическим чаяниям человечества, к его pia desideria относительно будущности, ожидающей мир и человечество. Одно это учение, так ясно выраженное в Св. Писании, может служить нам порукой за то, что указанные выше чаяния будут исполнены. С другой стороны, это учение о воскресении может служить образцом того, *как* они будут исполнены. Что обещается телам, то же будет сделано и с землею: то, что составляет землю, что на ней находится, — ее материальный состав, материальная сущность останутся неизменны, как останутся неизменны в этом отношении и тела, но законы и порядок явлений на земле, земля по ее формальной стороне будут изменены, как изменятся в этом отношении и тела наши. Наконец, земля, как и тело, изменится до неузнаваемости и именно в сторону высшего совершенства, совершеннейшей формы бытия, какая только возможна; как тело, так и земля, после смерти, разрушения, встают из праха своего в таком блеске и великолепии, каких мы теперь и предчувствовать не можем: «еще не открылось, что будем» (1 Иоан. 3, 2) (Прав. Обозр. 1889 г. Окт., стр. 358).

Новый Иерусалим (XXI, 2 — XXII-5)

Ф. Яковлева

Первый и величественный предмет представится взору души в царстве Божием — это город. *И аз Иоанн видех град святый, Иерусалим нов сходящ от Бога с небесе, приготован яко невесту украшенну мужу своему* (гл. XXI, ст. 2). Место селения славы Божией, пребывания Бога, Архангелов Его, Ангелов и всех святых, Ап. Павел называет Сионом, градом Бога живаго, небесным Иерусалимом (Евр. XII, 22 и 23). Этот Иерусалим новый, т.е. совершеннейший — *сходящ от Бога с небесе.* Не служат ли сии слова удостоверением, что царство небесное снизойдет на обновленную землю? И если оно называется небесным, то не от того ли, что снизойдет от Бога с небесе? — Это будет место блаженств, приготовленное с неописанным великолепием и красотой, *подобно невесте, украшенной мужу своему.* Здесь оно сравнивается с невестою, а ниже сего в 9-м стихе названо прямо невестою Агнца. Об этой невесте царь Давид некогда иносказательно с восхищением пророчествовал: *предста царица одесную Тебе, в ризах позлащенных одеяна, преиспещренна. Вся слава дщери цареви внутрь: рясны златыми одеяна и преиспещренна* (Псал. XLIV, 10 и 14). Мы уже выразумели, что царица, невеста Христова, есть Божественная Его Церковь, сияющая красотами выспренними. А

16 Зак. 445

Церковь Христова есть святое сословие праведников, духов и душ, вечно блаженных, украшенных всеми совершенствами святости. И потому Церковь небесную, небесный Иерусалим, можно понимать за собрание святых и за местопребывание или святилище святых, столько же неизъяснимое на нашем земном языке, сколько непостижимое нашему уму. Из этого мы и заключаем, что в описании нового Иерусалима все таинственно, все имеет смысл глубокий и величественный, под вещественными образами.

И слышал глас велий с небесе глаголющ: се скиния Божия с человеки, и вселится с ними: и тии людие Его будут, и Сам Бог будет с ними, Бог их (ст. 3).

Со страхом и благоговением внемлем небесному голосу, слышанному Иоанном, который предвозвещал, что в новом небесном Иерусалиме будет пребывать Сам Бог с возлюбленными Своими, благоугодившими Ему, как некогда пребывал с Израильтянами в скинии свидения. Довольно этого одного, чтобы оценить неизъяснимое блаженство обитателей святого города. Души благочестивые, живя в этом мире, стремились к этому блаженству, но находили одно предощущение, и то полусветлое. Когда Господь Бог являлся им и беседовал с ними, то не иначе, как под каким-нибудь вещественным покровом: когда Он преимущественно ощущается в храмах, Ему посвященных, в таинствах Церкви Христовой, то не иначе, как верою и чувством сердца, осеняемого и созреваемого невидимою Его благодатью; когда целый мир говорит о Его бытии и вездеприсутствии, то не иначе, как в явлениях природы, мертвой самой по себе, но оживленной и благоустроенной вседеятельною Его силою и премудростию. А там, в царстве славы Божией, не будет никаких посредств, отымутся все препятствия, рассыплются и исчезнут все тени и мраки, которые в настоящем состоянии скрывают Божество: присносущный свет Бога осветит прямо душу человека, который познает блаженство свое в самом первоначальном источнике всех блаженств.

И отымет Бог всяку слезу от очию их, и смерти не будет ктому: ни плача, ни вопля, ни болезни не будет ктому: яко первая мимоидоша (ст. 4). Мы неоднократно замечали, что Апокалипсис написан был в ужасное время Домицианова

гонения на христиан, для подкрепления их мужества на кровавом поприще мученичества. И потому много утешительного и сладостного для подвижников веры Христовой заключается в чудном этом Писании. Участь их описана светлыми и ясными чертами; им обещаны венцы нетленные за их победы — и вот здесь повторяется то, что ожидает их в царстве небесном: слезы их, исторгнутые тиранством их мучителей, отрутся вечным веселием, плач и вопль обратятся в нескончаемую радость; болезни и раны их изгладятся навсегда, и смерть со всеми ужасами своими грозить им более не будет, потому что владычество ея прекратится. Те же самые обетования могут относиться и ко всем, ищущим благ небесных, переносящим ради них труды, лишения, прискорбия и болезни, гонения за правду и разного рода притеснения мирские; потому что Господь Иисус Христос всех таких тружеников призывал в царство новой жизни, бессмертия и вечного покоя сими словами: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Матф. XI, 28). Действительно, истинный покой: отнятие слез, скорбей, болезней и смерти, может быть не здесь, в мире превратностей, и следовательно, всегдашних беспокойств, а в царстве небесном, в котором не будет никаких тревог от того, что блага тамошние неизменяемы: их никто не может отнять или похитить, ни уменьшить их красоты и достоинства; обладание ими, однажды достигнутое, будет продолжаться во всю вечность.

И рече Седяй на престоле: се нова вся творю. И глагола ми: напиши, яко сия словеса истинна и верна суть (ст.5). Это уверение Самого Бога, утешительное для страдальцев и подвижников Божиих всех времен. Загробная жизнь темна для всякого человека. Сколько о ней было суждений и догадок языческих! и все они ни что иное, как грезы. А что Бог сказал, то непреложно, истинно и верно.

И рече ми: *совершишася*, т.е., что все, предуставленное Господом и предсказанное в пророчестве, непременно совершится и придет в исполнение — и это верно так, как бы совершилось; и почему? потому, что Господь есть Алфа и Омега, Начало и Конец, т.е. от Него все начинается и Им все оканчивается. *Аз есмь Алфа и Омега, Начало и Конец.*

Слова сии означают предведение, провидение и вечность Господа нашего Иисуса Христа. *Аз жаждущему дам от источника воды животныя туне* (ст.6). А в сих словах светлеют Его милость и благодать, от которых разливаются дары Духа Святаго безмездно на всех, которые жаждут их с верою чистою и любовью теплою.

Побеждаяй наследит вся, и буду ему Бог, и той будет Мне в сына (ст. 7). Слова животворные, сказанные сперва к воинствующим христианам, современникам св. писателя Апокалипсиса, а потом в лице их всем страдальцам за имя Господа Иисуса Христа и труженикам, возлюбившим Его явление.

Страшливым же и неверным, и скверным и убийцам и блуд творящим, и чары творящим, идоложрецам и всем лживым часть им в езере горящем огнем и жупелом, еже есть смерть вторая (ст.8).

Следуя буквальному смыслу, мы читаем здесь Божий приговор, грозящий вечною казнью беззаконникам, которыми наполнен был мир языческий во времена Римского гонения на христиан (а между тем, тот же приговор угрожает христианам всех времен). В первых словах пророчество указывало на многих новообращенных христиан того времени, которые, хотя и приняли учение Христово, но не усвоили его себе, не углубили его в сердце; оттого, при насильственных допросах Римских истязателей, приходили в страх, отрицались от веры Христовой, решались говорить хулы против нея и ея Законодателя, приносили жертвы идолам и изваяниям императоров. Вот те, которые названы *страшливыми и неверными.* Иисус Христос, говоря о семени, упадающем на каменистую почву, кажется, имел таковых людей в виду. Они не имеют в себе корня и не постоянны; *бывши же печали,* говорит Господь, *или гонению ради, абие соблазняются* (Матф. XIII, 21). Не достойны ли праведного осуждения Божия подобные люди, которые двоятся, хотят на словах принадлежать Богу, а на деле миру и его идолам? Такая неверность, по суду Божию, поставлена наравне с величайшими грехами, с убийством, блудом, волхвованием и идолопоклонством, которые тогда преобладали над языческим Римом. В пророчестве прибавлено: *и всем лживым.* Под сими словами разумеются те мрачные люди, которые ложь выдают за истину, облекая ее в красивые формы слова, в хитросплетенные софизмы и извороты, которые мало того, что сами запутывались в заблуждениях, употребляли усилия распространить их, проповедуя соблазны и величая их именами, похищаемыми у добродетели, истины и святости. Таковы были еретики апостольских времен, и тех, которые за ними последовали. Таких было множество во всех веках;довольно их и в наше время. Участь всех дальних и близких нечестивцев и беззаконников одна: правосудие Божие осуждает их на вечное мучение в огне. Не содрогнется ли кто из них, читая в пророчестве такую страшную будущность?

И прииде ко мне един от седми Ангел имущих седмь фиал исполненных седмих язв последних, и рече ко мне, глаголя: гряди, покажу ти невесту Агнчу жену (ст. 9).

Мы знаем уже, кто такова невеста Агнча. Это Церковь Господа Бога нашего Иисуса Христа. Агнчею она названа потому, что искуплена драгоценною Его кровию, *яко Агнца непорочна и пречиста* (1 Петр. I, 19). Сию-то Церковь один из Ангелов грозных вызвался показать Ев. Иоанну в чувственных формах, чтобы дать хотя некоторое понятие о красотах ея и великолепии неограниченных. Иоанн уже видел ее (ст. 2), как кажется издали; а теперь увидит в подробности всю славу ея и богатство.

И веде мя духом на гору велику и высоку, и показа ми град великий, святый Иерусалим нисходящ с небесе от Бога, имущь славу Божию: и светила его подобно камени драгому, яко камени яспису кристалловидному, и пр. (ст. 10 и 21).

Церковь небесная или святой Иерусалим, низведенный от Бога с неба на землю, представился святому зрителю в виде обширнейшего города, освещаемого славою Божиею. Этот город обведен высокою стеною (ст. 12), имевшею вид равностороннего четырехугольника (ст. 16). Стена построена из ясписа (ст. 18), основания украшены драгоценными камнями, а именно следующими: ясписом, сапфиром, халкидоном, смарагдом, сардоником, сардом, хризолифом, вириллом, топазом, хрисопрасом, гиацинтом и аметистом (ст. 19 и 20). Четыре стороны стены обращены к четырем

странам света и имели на каждой стороне по трое ворот (ст. 12 и 13). Каждые ворота были из одной жемчужины, а весь город и улица из золота, чистого, как прозрачное стекло (ст. 18 и 21). Ангел, показывавший город Иоанну, измерял его мерою человеческою и нашел, что он простирался одинаково в широту, длину и высоту на 12 тысяч стадий.

Мы не будем вдаваться в рассуждения о вычислении Ангела. Главная мысль этого вычисления нам кажется та, чтобы показать огромность, или необъятность описываемого города, если бы вздумали сравнить его с нашими величайшими городами. И потому, чтобы мы могли иметь хоть некоторое понятие об этой огромности, Ангел, как и объяснил Иоанну, употребил меру человеческую, т.е. сокращенную. Более всего нас удивляет состав цифр в вычислениях Ангела. Он совершенно однообразен, напр., 12 Патриархов, 12 Апостолов, 12 оснований, украшенных 12-ю дорогими камнями, 12 ворот, 12 тысяч стадий и 144 локтя, число кратное 12. Не означает ли это однообразную стройность всех дел и устроений Божиих, при чудесном, неисчислимом и необъяснимом их разнообразии?

Не останавливаясь на внешнем описании святого города, мы обратим наше внимание на внутренний его смысл; а он отчасти объяснен самим пророчеством, напр., на двенадцати основаниях города написаны имена двенадцати Израильских Патриархов. Вот ясное указание, что каждая черта описания св. города имеет значение не то, которое выражают буквы, но сокровенное и духовное.

Под именем святого города мы понимаем жилище славы Божией (ст. 11), Самого Бога и святых Его (ст. 3). Какой же может быть предел там, где живет Беспредельный? А между тем св. город по словам видения, имеет стены из ясписа (ст. 18). Что означает яспис? Мы видели из 3-го стиха IV главы, что цветом ясписа и сардиса означен вид Господа Бога, и из одиннадцатого стиха рассматриваемой XXI главы, что свет ясписа кристалловидного освещает город, имеющий славу Божию; то и заключаем, что стена царства Божия есть неосязаемый чувствами нашими предел, устроенный могуществом и мудростью Бога, или самое могущество и мудрость Божия, не доступные никаким другим силам, ограждающие

селение славы Божией. За этим непреодолимым пределом должна быть ужасная пропасть, разделяющая жилище праведных от места наказания грешников, на которое указал Авраам богатому (Лук. XVI. 26). В притче Иисуса Христа сказано, что богатый из мрачного своего обиталища увидел вдали рай Божий и блаженствующего бедняка (там же, ст. 23). Мы и предполагаем, что предел тот, или стена, должен быть прозрачным, если образован из какой-нибудь светлой, небесной стихии, или таинственным и невидимым для глаз грешника, и потому непрепятствовавшим ему видеть блаженное жилище праведных, но непреодолимым для всякого покушения перейти за его черту. Господь Иисус Христос восхотел утвердить эту таинственную стену, или, иначе скажем, славу Свою, и славу и спасение людей на двенадцати основаниях, которые, по исчислению пророчества, суть двенадцать Его Апостолов (ст.14). И точно, святые Апостолы были основаниями Церкви Христовой на земле, а потому и Церкви небесной, небесного города, святого Иерусалима. Иисус Христос сказал первоверховному из них: *ты еси Петр,* т.е. основный камень, *и на сем камени созижду Церковь Мою* и проч. (Матф. XVI, 18). Слова сии, конечно, относились и к прочим Апостолам, потому что всем им дано одинаковое право устраивать людей для царства небесного: *елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси: и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех* (там же, XVIII, 18).

В пророчестве сказано, что двенадцать оснований стены святого города, по числу Апостолов, украшены таким же числом, т. е. двенадцатью драгоценными камнями. Мы и почитаем сии камни за знак, что каждый камень был символическим, означающим отличительное свойство или достоинство каждого Апостола. Мы не можем объяснить, какой камень драгоценностью своей относится к тому или другому Апостолу, потому что отличительные свойства многих Апостолов нам неизвестны. Но знаем, что они украшены были всеми добродетелями, как драгоценными камнями, имея однако одну, более других видимую или преобладающую, напр. душа ап. Иоанна одарена была

неизъяснимой кротостью и неистощимой любовью, ап. Петра — твердостью и неустрашимостью духа.

Двенадцать драгоценных камней, украшающих основания св. города, имеют еще ту особенность, что в Ветхом Завете двенадцать патриархов означены также двенадцатью драгоценными камнями, из сложения которых составлялся нагрудник, носимый на груди первосвященника, называемый *Слово судное* (Исход. XXVIII, 15). Он состоял из следующих дорогих камней: сардий, топазий, смарагд, анфракс, сапфир, яспис, лигурий, ахат, амафист, хризолиф, вириллий и онихий (ст. 17-20). Восемь из них те же, какие читаем в Апокалипсисе, но анфракс, лигурий, ахат и онихий заменены халкидоном, сардоником, хризопрасом и гиацинтом. Без сомнения, этому изменению есть причина, но нам непонятная; а между тем слишком понятным и ощутительным представляется нам удивительное согласие сих знамений Ветхого и Нового Завета. Двенадцать родоначальников народа Божия были для него драгоценностью. Не в высшей ли степени драгоценны двенадцать же новых родоначальников также народа Божия, образовавшегося из всех племен христианских? Если нагрудник с именами древних патриархов, вырезанными на вышесказанных двенадцати дорогих камнях, был так важен, что первосвященник, когда входил во Святое, должен был иметь его на себе: *да возьмет Аарон имена сынов Израилевых, на слове суднем на персех входящ во Святое на память пред Богом* (Исход. XXVIII, 29), — то столько же, или еще более, важны для каждого христианина имена новых патриархов, святых Апостолов, которые он должен носить вырезанными не на камнях, а на сердце, когда обращает молитвы к Спасителю Господу Богу; — и это делать не в одно только воспоминание их, а в знак искреннейшей и глубочайшей благодарности и благоговения, что через них познал он свет истины, возродился учением Господа Иисуса Христа, ими преподанным, освятился таинствами веры, научился находить Бога, молиться Ему, покланяться духом и истиною, любить Его, как они Его любили. В таких чувствах и мыслях должны мы памятовать, что святые Апостолы поставлены Господом точно драгоценнейшие украшения оснований спасения

нашего, или того небесного города, к которому должны устремляться все наши помышления, желания, чувства и дела по их руководству и указанию.

Стена рассматриваемого нами святого города имеет двенадцать ворот, говорит пророчество, охраняемых Ангелами (ст. 12). У первобытного рая был только один вход и выход, или ворота, и те замкнуты были навсегда для преступных людей пламенным оружием Херувима (Быт. III, 24). Но, когда Иисус Христос снял с человечества бремя грехов первородных и вознесся на небо, тогда отворились вечные сии врата. Это те врата, к которым пр. Давид восторженно обращался с сими словами: *возьмите врата князи* (верхи) *ваша, и возмитеся врата вечная, и внидет Царь славы* и проч. (Псал. XXIII — 8). Это те врата, которые тот же пророк назвал Господними: *праведнии внидут в ня* (Псал. CXVI, 20). *Отверзите врата,* говорил Исаия о тех же вратах, *да внидут людие хранящии правду, и хранящии истину* (Исаии, XXVI, 2). Господь Иисус Христос расширил вход, или умножил число врат в блаженное жилище праведников; потому пророчество и насчитывает их двенадцать по числу двенадцати колен сынов Израилевых, и по числу двенадцати Апостолов, родоначальников всех христиан. А что те врата небесного города отворены для всех вообще уверовавших в Господа Иисуса Христа, в том удостоверяет их расположение: *от востока врата троя, и от севера врата троя, от юга врата троя, и от запада врата троя* (ст. 13). Не ясно ли это вразумление, что вход в царство Божие открыт для всех людей, обитающих во всех четырех странах земли?

Каждые врата, сказано в пророчестве, состоят из одной жемчужины. Огромность таких жемчужин, конечно, изумительна для нас, потому что о таких размерах мир здешний не имеет никакого понятия. Но в царстве Божием и все огромно и изумительно; — изумительно не только то, что каждые из ворот вечного города Божия казались составленными из одной жемчужины, но Господь Иисус Христос и весь тот св. город или все царство небесное в одной притче уподобил жемчужине (Матф. XIV, 45 и 46), то есть высочайшей драгоценности. И потому мы заключаем, что каждый вход в царство Божие есть драгоценность,

бесценная жемчужина, не сравнимая ни с какими редкостями и драгоценностями земными. Переступивши шаг один за сии таинственные двери, праведная душа насладится всеми услаждениями блаженной жизни.

Внутренность описываемого города и улица вся из чистого золота, подобного прозрачному стеклу. Не говорится в пророчестве ни о каких построениях города, ни о фигурных каких украшениях или искусственных изделиях — одно только чистое, прозрачное. Такого золота в мире нашем нет; это особенная, чудесная какая-то стихия, наполняющая и украшающая город, в которой непостижимо слиты понятия блеска, чистоты, прозрачности и драгоценности. Если все это мы примем за иносказание (каково оно и есть), то что может быть светлее, чище, яснее и драгоценнее святости? А святость лица ли, или места есть совокупность всех красот и драгоценностей духовных. Она точно чистое золото, проникнутое лучом Божиим, и потому прозрачное.

И храма не видех в нем. Господь бо Бог Вседержитель храм ему есть, и Агнец (ст. 22).

Чем отличался древний Иерусалим? Почему назван был городом святым? Потому что в нем был храм, в котором Господь Бог являл видимыми знаками Свое присутствие. Он был необходим, как и все наши Церкви христианские для чувственного мира, для людей земных, одетых грубым земным телом. А там — в вышнем Иерусалиме, в котором души праведных, облеченные телами прославленными и тонкими, будут принимать на себя сладостнейшее и непосредственное впечатление величия Бога и Сына Божия, будут погружаться в лучах неизъяснимой Его доброты и бесконечно разнообразной премудрости, нужен ли храм? В храме земном душа человеческая без труда возносится к Богу, проторгаясь сквозь чувственные представления, и ощущает Бога не вполне, гадательно, как выразился ап. Павел; а там узрит Его лицем к лицу (1 Кор. XIII, 12).

И град не требуя солнца и луны, да светят в нем: слава бо Божия просвети его, и светильник его, Агнец (ст. 23). *И нощи не будет тамо, и не потребуют света от светильника, ни света солнечного, яко Господь Бог просвещает я* (гл. XXII, ст. 5).

На что там солнце, где будет освещать всех и все Творец солнца? На что луна и звезды, когда ночи не будет? Нужны ли будут солнце и луна для различения времен года там, где времени не будет? Бог есть свет, и нет в Нем ни малейшей тьмы, сказал Апостол (1 Иоан. 1, 5). И потому, где светит этот непостижимый свет, там меркнут или потухают солнца и все светила небесные. Светом жизни (Иоан. VIII, 12). , недоступным для чувственных глаз, озаряться будут праведных души в царстве Господа Бога. Древний пророк издали предвидел высокую эту награду любви Божией к людям, и говорил: *не будет тебе ктому солнце во свете дне, ниже восход луны просветит твою ночь, но будет тебе Господь свет вечный, и Бог слава твоя* (Исаия XL, 19).

И языцы спасени во свете Его пойдут: и цари земстии принесут славу и честь свою в него (ст. 24). *И принесут славу и честь языков в него* (ст. 26). То же говорит пр. Исаия: *и пойдут царие светом Твоим, и языцы светлостью Твоею* (Исаии LX, 3).

Свет Христос рассеял тьму языческую, тяготевшую над людьми множество веков. Сколько же язычников, освещенных этим светом, нашли путь в святилище вечного света! Сколько царей земных принесли туда славу и честь свою, не мирскую, но славу и честь святой жизни и высоких христианских добродетелей! Можно подразумевать под словами, царей земных, тех доблестных мужей из многочисленных народов вселенной, которые умели господствовать или царствовать над страстями и заблуждениями, и торжественно с честью и славой победителей вступили в царство света. Исполнение этого пророчества продолжает совершаться даже до наших времен.

И врата его не имут затворитися во дни: нощи бо не будет ту (ст. 25). То же предвещал Исаия: *и отверзутся врата Твоя присно, день и нощь не затворятся, ввести к Тебе силу, язык, и цари их ведомыя* (Исаии LX, 11).

С того времени, как Господь Иисус Христос отверз врата неба, они не затворялись и не будут затворяться. Вход в них навсегда отворен для всех спасающихся народов, для всех, написанных в книгах жизни Господа нашего Иисуса Христа. Но этот вход, пространный и беспрепятственный, навсегда

замкнут непреодолимыми преградами для всего нечистого и оскверненного, для людей порочных и развратных, для людей, попирающих веру, истину, святость законов Божиих, воздающих твари честь, принадлежащую одному Богу, и для лжецов, исповедающих и проповедающих ложные учения и заблуждения: *и не имать в него внити всяко скверно, и творяй мерзость и лжу, но токмо написанныя в книгах животных Агнца* (ст. 27). *А вне псы, и чародеи, и любодеи, и убийцы, и идолослужители, и всяк любяй и творяй лжу* (гл. XXII, ст. 15).

И показа ми чисту реку воды животныя, светлу яко кристалл, исходящу от престола Божия и Агнца. Посреди стогны (улицы) *его, и по оба полы реки древо животное, еже творит плодов дванадесяте, на кийждо месяц воздая плод свой: и листвие древа во исцеление языков: И всяка анафема не будет ктому: и престол Божий и Агнеч будет в нем, и раби Его послужат Ему: и узрят лице Его, и имя Его на челех их* (гл. XXII, ст. 1-4), *и воцарится во веки веков* (ст. 5).

Вот три верховные блага, которые предоставлены удостоившимся будущей блаженной жизни в царстве Божием: 1) *вода жизни;* 2) *древо жизни* и 3) *лицезрение Божие.*

1) *Вода жизни* — это неисчерпаемый источник, изливающийся от престола Господа Вседержителя и Сына Божия Иисуса Христа. В Евангелии объяснено, что вода жизни означает дары Духа Святаго (Иоан. VII, 37-39). О дарах Духа Святаго мы имеем светлые понятия, вспоминая Божественное Его осенение учеников Христовых. Если дары небесного Дарователя таковы, что св. Апостолы, обложенные плотию и миром, сделались выше плоти и мира, и уподобились по вдохновению, чувствам, мыслям и делам Ангелам Божиим, то какими усовершенствованиями озарятся души праведных, когда в царстве Божием примут на себя прямое, беспрепятственное излияние благодати Духа Святаго! Тогда-то преисполняется в совершенном и полном смысле премудростью и разумом, и советом и крепостью, ведением и благочестием и страхом Божиим (Исаии XI. 2), не страхом рабским, но страхом глубочайшей покорности и почитания, который произойдет от созерцания величия Божия. Сколько же наслаждений откроется для них, когда, утоляя жажду

души из источника воды жизни, будут обладать такими сокровищами, которых слабый оттенок здесь на земле ценится за высокое благо!

2) *Дерево жизни.* В первобытном раю было такое же дерево (Быт. II, 9). В Апокалипсисе говорится, что это дерево плодовитое, приносящее плоды ежемесячные в течение года. Так объяснена приноровительно к нашему крутообращению года беспрестанная, не прерывающаяся плодотворность древа жизни. Кроме этой примечательтности, на дереве жизни — листья, целительные для народов. Что мы должны разуметь под этим иносказанием? Если это дерево есть дерево с плодами, дающими или поддерживающими жизнь и жизнь непрерывную, как непрерывны плоды, то такая жизнь есть бессмертие. Кто же дарует бессмертие, как не Тот, Кто назвал Себя, в пришествие Свое на землю, хлебом жизни, и таким хлебом, которым кто будет питаться, тот будет жив вовек, или будет бессмертным (Иоан. VI, 48-51). И потому дерево жизни, как и хлеб жизни, есть Господь Иисус Христос, обессмертивший всех смертию Своею и воскресением. От этого дерева и хлеба жизни праведники в царстве Божием будут заимствовать пищу жизни и бессмертия. Листья целительные жизнеподательного дерева означают не врачевство, когда в царстве Божием и болезней не будет, но вечное охранение от всех нечистых побуждений, которые погубили падших ангелов.

3) *Лицезрение Божие. И узрят лице Его, и имя Его на челех их.* Вот, наконец, средоточие и совокупность всех тех благ, о которых предрекали святые Божии человеки: *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (1 Кор. II, 9 и Исаии LXIV, 4). Увидеть Бога — значит, увидеть все величественное, высочайшее, священнейшее, прекраснейшее, совершеннейшее, вечную мудрость, верховную благость, неограниченную силу и непомрачаемую святость. Одно это воззрение есть возвышение над всей природой видимой и невидимой — это уже царственное состояние; а продолжение этого сладчайшего Божественного воззрения есть вполне вечное царствование: *и царствовати будут во веки веков.* — Этим оканчивается описание рая Божия или царства небесного, а

равно и пророчество святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова (Апостолы, Вып. 2 стр. 430).

О новом Иерусалиме

Филарета, митрополита Московского

Как особенную, отличительную черту нового Иерусалима, Тайновидец указует то, что в нем нет храма: *и храма не видех в нем* (Апок. XXI, 22). И как бы предусматривая, что сия необычайность покажется слишком поразительной и неимоверной, что будут спрашивать, как можно быть граду Божию без храма Божия, он тотчас объясняет, почему это так: *Господь бо Бог Вседержитель храм ему есть и Агнец.* Как бы так сказал он: человечество там усовершенно и возвышено до того, что твари не заграждают и не закрывают от него присутствия Божия; в сие святое присутствие входят там непосредственно, не имея нужды в особом святом месте, представительном сего присутствия. Нет нужды в храме потому, что человек живет в Боге и во Христе, как во храме, и в Нем Самом обретает без труда все, к чему мы подвизаемся проникнуть посредством храма. Если и там сотворенное око не объемлет света несотворенного, и потому нужно некоторое снисхождение и умерение света неприступного: то сие совершает там открытый свет Богочеловека Иисуса, Который Своим человечеством низводит и умеряет свет Божества, и Своим Божеством просвещает и блаженно творит человечество. *Светильник его Агнец.* (Из слова по освящении Градоклинск. соборн. храма. Ч. II стр. 41). (Чт. в Общ. 1876. II. 306).

ГЛАВА XXII

Толкование Андрея Кесарийского

О чистой реке, казавшейся исходящею от престола

Ст. 1 и 2. *И показа ми чисту реку воды животныя, светлу яко кристалл, исходящу от престола Божия и Агнча. Посреде стогны его.*

Река, исходящая в настоящей жизни из Церкви, есть крещение пакибытия; оно, по действу Духа Святаго, омываемых им делает чище снега и кристалла. А по вышнему Иерусалиму проходит река Божия, исполненная вод, Животворящий Дух, от Бога и Отца исходящий, и чрез Агнца, чрез высшие силы, которые именуются престолами Божиими, наполняет она стогны святого града, т.е. множество его, увеличившееся, по Псалмопевцу, *паче песка* (Псал. 138, 18).

Ст. 2. *И по оба полы реки древо животное, еже творит плодов дванадесяте, на кийждо месяц воздая плод свой.*

Река сия, сказано, напояет насажденных при ней Святых, иносказательно названных древом жизни, по причастию и подражанию древу жизни — Христу. Произращают же двенадцать плодов, т.е. произращают непрестающее возвращение плодов. Ибо не будет там греховной зимы, принуждающей древа жизни терпеть ниспадения листьев, как видим мы теперь, но непрерывно будет век плодоношения Святых; он назван здесь двенадцатью месяцами, и по обычному течению года у нас, и ради проповеди двенадцати Апостолов. Можно же и иначе истолковать все сие место. Под рекою, как сказано, можно разуметь дарования Животворящаго и Всесвятаго Духа,

которые чрез престол Отца и Сына, т.е. чрез Херувимские чины, на коих, как на престоле, восседит Бог, исходят в стогны града, т.е. в многочисленное общество Святых, как изливающиеся от первых ко вторым, по благоустроенному распорядку небесной иерархии. Древо же жизни может означать Христа, в Духе и о Духе Святом разумеваемого. Ибо в Нем Дух и Он в Духе есть покланяем и есть Податель Духа. И чрез Него двенадцать плодов Апостольского лика даруют нам не оскудевающий плод Боговедения; или возвещается лето Господне приятное и день воздаяния, предсказанный Пророком.

И листвие древа во исцеление языком.

Листья древа жизни, т.е. Христа, суть более поверхностные разумения судов Божиих, а плоды его — совершенное знание, открываемое в будущем веке. Сии листья будут в исцеление, т.е. во очищение неведения народов, низших других в совершении добродетелей. Потому что *ина слава солнцу, ина слава луне и ина слава звездам* (1 Кор. 15, 41), и много обителей у Отца, и для того, чтобы одного удостоить меньшей, другого большей светлости по соразмерности с деяниями каждого. И иначе можно разуметь сие. Под древом животным, *еже творит плодов дванадесять,* разумеем лик Апостольский по существенному причастию древа жизни, общением плоти даровавшего нам причастие Его Божества. Плоды их суть принесшие сторичный плод, листья же — принесшие в шестьдесят крат, кои принесут исцеление и тем из народов, кои принесли плоды в тридцать крат, перенося низшим луч озарения Божественного света, которое получили сами от принесших сторичный плод. Ибо какое различие есть между плодами и листьями, такое же будет различие и спасаемых; одни прославлены будут менее, другие более, как написано. Если же написано древо в единственном числе, вместо древа сие означает единое сожительство и единомыслие Святых. Обычно в Священном Писании и нередко вместо многих дерев называть одно древо и вместо иных множественных имен употреблять единственные.

Ст. 3. *И всяка анафема не будет ктому.*

Анафема (отделение, отлучение) понимается двояко, или как неприступное для многих, отделенное же для одного

Бога, или как неприкосновенное для всей твари и для всех святых сил, а отделенное диаволу, по причине решительного отчуждения от добра. Сие, думаем, и сказано здесь в усиленном значении: проклятого (κατάθεμα). Ибо не отделяется сие Сущему, но отлучается (проклинается), будучи подчиняемо диаволу и к сему присуждаемо, чего не будет в оном городе.

Ст. 3, 4. *И престол Божий и Агнеч будет в нем: и рабы Его послужат Ему: И узрят лице Его, имя Его на челех их.*

Соделавшиеся же престолом Божиим по успокоению в них Владыки, сии будут обитателями оного града, и узрят Его лицем к лицу, не в гаданиях, но как увидели Его святые Апостолы на горе святой, как говорит великий Дионисий. Будут же иметь вместо златой дщицы, которую носил древний первосвященник (Исх. 28, 36), имя Божие, написанное не на челах только, но и в сердцах, т.е. твердую, дерзновенную и неизменную любовь к Нему. Ибо начертание на челе означает украшение дерзновения.

Ст. 5. *И нощи не будет тамо, и не потребуют света от светильника, ни света солнечного, яко Господь Бог просвещает я: воцарятся во веки веков.*

Если праведные просветятся как солнце, по слову Христову, какая будет нужда в светильнике, или в солнечном свете для имеющих Господа славы своим просвещением и царем, и будут они бесконечно управляемы Им во веки веков, паче же сами воцарятся с Ним, по божественному Апостолу. (Толкование на Апокалипсис, стр. 287).

О том, что Церковь и в ней Дух ожидают славного явления Христова, и о клятве, которой подвергаются повреждающие книгу сию (16 — 12)

Аз Иисус послал Ангела Моего засвидетельствовати вам сия в церквах: Аз есмь корень и род Давидов.

Христос есть корень Давида, как Бог, а род его, как по плоти происшедший от него.

И звезда светлая (утренняя) и денница.

Звезда светлая утренняя — Он же самый, как заутра воссиявший нам тридневный; и в утро общего воскресения, имеющее быть после ночи настоящей жизни, будет светить Святым, руководя их к нескончаемому дню.

Ст. 17. *И Дух и невеста глаголют: прииди, и слышай да глаголет: прииди.*

Невеста — Церковь, и в ней Дух взывают в сердцах наших: *Авва Отче*, и призывают пришествие Единороднаго Сына Божия. И всякий верующий, слыша, чему научен, молится Богу и Отцу: *да приидет царствие Твое.*

И жаждай да приидет, и хотяй да приимет воду животную туне.

И жаждай да приидет. Нужна жажда к питию жизни для прочного обладания приобретенного. Особенно же потому, что и дар подается не тем, кои хотя и трудятся несколько, но не представляют того, что достойно величия дара, а тем, кои приносят разум благий и ражженный паче злата и сребра, равно и телесный труд.

Ст. 18 и 19. *Сосвидетельствую бо всякому слышащему словеса пророчества книги сея: аще кто приложит к сим, наложит Бог на него язв написанных в книге сей: И аще кто отымет от словес книги пророчествия сего, отымет Бог часть его от книги животныя, и от града святаго, написанных в книге сей.*

Страшна клятва на извращающих Божественные Писания, потому что дерзко и их безрассудство, способное отлучить дерзновенных от благ будущего века. А чтобы не потерпели сего мы, свидетельствует он нам, слушающим, чтобы не прилагали, не отнимали, но особенности Писания почитали достовернее и честнее аттических синтаксисов и диалектических силлогизмов. Ибо и у них, если кто находит многое несообразное с истиною, отсылается к достоверности пиитов и их писаний. А каково расстояние между знаменитостями их и нашими, трудно и в уме представить. Думаю, это расстояние больше, чем между светом и тьмою.

Ст. 20 и 21. *Глаголет свидетельствуяй сия: ей, гряду скоро: аминь; ей, гряди, Господи Иисусе. Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь.*

И я, говорит свидетельствующий о сем, говорю: к Тебе, жизни, иду я, и Сам Ты прииди, Господи. И иначе может быть сказано сие от лица Христа: *свидетельствуяй о сих,* т.е. Я, свидетельствуемый, приду скоро. А последующее — от лица Апостолов: *гряди, Господи Иисусе Христе.* Ибо

вожделенно для Святых пришествие Христово, как имеющее воздать им многоразличную мзду. Почему и настоящая книга свята и богодухновенна, как ведущая читающих ее к блаженной участи (Толкование на Апокалипсис, стр. 303).

Будущее блаженное состояние праведников
(1, 2, 4 и 5)

Н. Виноградова

При описании будущей вселенной, так же как и при изображении первобытного творения, останавливая главное внимание на земле, Новозаветное Откровение представляет ее блаженным местопребыванием праведного человечества. Черты изображения, которыми оно при этом пользуется, часто напоминают черты, которыми Бытописатель описывает рай (Апок. 22, 1, 2), частию сходны с чертами (Апок. 12, 11, 18 и д.), которыми восточное человечество привыкло выражать свои понятия о чарующем блеске и изумляющем великолепии. Но те и другие черты в приложении их к описанию будущего блаженного местопребывания человека, хотя черты частные, случайные, носят на себе однако же печать постоянства и неизменности.

По отношению же собственно к характеристике Писанием будущего блаженного состояния человечества в обновленном мире, главная и общая черта — это черта господства праведного человечества в живом единении с Богом из века в век (Апок. 21, 24; 22, 5. Ср. Рим. 8, 17, 29; 2 Тим. 2,12). Как проявится это господство истинного человечества в будущем мире, как оно выразится, когда Сам Бог явно и вполне будет определяющим началом всего, уяснением этого может служить более точное и полное определение понятия единения истинно усовершенного человечества с Богом, с чем неразрывно связывается и свидание с родственниками и вообще ближними, носящими Богоподобный образ. В основе этого единения лежит единение верующего человечества между собою и со Своим Главою, Христом. При этом истинное человечество или члены Церкви Христовой в будущем блаженном состоянии должны, по воззрению Апостола языков, дойти до единства

веры и познания Сына Божия (Еф. 4, 13). Это единство окажет влияние на дарования воскресших и прославленных верующих, на силы их познания и степени их совершенства. Праведные люди в будущей жизни должны будут соединиться в единстве веры и познания Сына Божия, но веры не первоначальной и основной, а уже славной и торжествующей, тесно граничащей с полным и совершенным ведением Сына Божия, тайны Его воплощения, силы Его воскресения и т.п. Общее обозначение будущего блаженства человека, заключающееся в признаке нравственного, теснейшего единения человека верующего и прославленного воскресением со Христом и Богом, Новозаветное Писание то частнее живописует различными образными чертами, напр., образом брачного пира (Матф. 22, 2), пиршества (Мф. 25, 1), покоя на лоне Авраамовом (Лук. 14, 13-14), наследства (1Кор. 3, 24. Еф. 1, 14, 18), достижения венца славы (1 Петр. 5, 4 и под.), то снова соединяет в светлой мысли о полном удовлетворении всех сил души человеческой, столь ненасытимых и беспредельных в своих порывах и стремлениях при настоящих, временных условиях жизни и деятельности человека. Так по отношению к познавательной нашей способности Писание Нового Завета свидетельствует, что период веры в будущей блаженной жизни сменится для нас периодом ведения (2 Кор. 5, 7); всякое частичное, отрывочное, яко зерцалом и в гадании, познание прекратится. *«Ныне познаем отчасти, по частям, отрывочно, видим, яко зерцалом и в гадании, — видим как бы чрез темное оконное стекло древних, познаем гадательно, посредственно, по заключениям от дел Божиих* (Римл. 1, 19-20), *или Его слова* (1 Кор. 13, 9-12. 2 Кор. 5, 7), *тогда же узрим лицом к лицу, узрим прямо и близко, узрим Бога* (1 Иоанн. 3, 2. Апок. 22, 4. ср. Ев. Иоанн 17, 24) *и Христа Его, а в Нем и чрез Него и все обновленное творение, познаем так, как познан каждый от Бога* (Еф. 4, 13). И это тем более, что и все обновленное творение придет в ту гармонию и единство, в какой оно было первоначально создано. Тогда разрешатся для человечества все его мировые тайны и загадки, в сфере его знаний наступит примирение всех противоположностей, явится неисчерпаемое разнообразие в совершеннейшем

единстве. Но так как каждый воскреснет в таком облике своих сил и способностей, в каком рожден и развился в здешней жизни, то значит в будущей вечной жизни познание у людей праведных будет различно по степени и силе, как и теперь различается в мире светлых Ангелов, но не по образу своего совершения или осуществления. Познание всех людей праведных и блаженных в вечной жизни будет полное и совершенное, — обновленное творение будет постигаться во всем многообразии, высокой красоте и удивительном порядке, значит, будет располагать наследовавших жизнь вечную к высшей деятельности, т.е. к совершенному Богослужению, которое будет состоять, с одной стороны — в хвале и благодарении (Апок. Иоан. 7, 10-12, 15) воскресших к Богу Отцу и Творцу, а с другой, в радостном исполнении и послушании Его Святой воле при единении со Христом (Ев. Иоан. 4, 34; 6, 38), Сыном Божиим и Искупителем. По отношению к жизни и деятельности нашего сердца в будущем блаженном состоянии истинно верующие и благочестивые будут испытывать ничем неослабляемое счастье. Если при настоящем земном бытии мы должны испытывать борьбу в нашей нравственной жизни, предостерегать себя от неизбежных погрешностей, искушений и соблазнов, то в будущей, по уничтожении всех следствий первородного греха, наше сердце, чрез ближайшее общение и единение с источником блаженства — Богом будет испытывать несказанную вечную радость. По отношению к нашей доброй воле надо сказать, что она в будущем блаженном состоянии нашем будет беспрепятственно располагать своей нравственной свободой. Никаких мрачных проявлений души, граничащих с понятиями дикого произвола и насилия, не будет. Тогда, естественно, и любовь, как выражение доброй воли и верующего сердца, начало которой еще в здешней земной жизни, первообраз же в любви Сына Божия к Богу Отцу (Иоан. 17, 21), достигнет высшей степени развития, при которой окажется в состоянии разуметь все богатство любви Божественной (1 Кор. 13, 8), постигать, что есть, по выражению Апостола, широта и долгота, глубина и высота ее (Еф. 3, 18). При гармоническом единстве и согласии всех сил человеческого духа естественно ожидать, что в будущем

праведники, по мере того, как будут более и более созерцать и постигать умом совершенства и славу Божию в обновленном мире, более и более будут воспламеняться к Нему любовию (1 Кор. 13, 8), более и более усовершаться в безусловном повиновении Его святейшей воле и в нравственном уподоблении Ему: «Возлюбленные, говорит Иоанн Богослов, мы теперь дети Божии, но еще не открылось, что будем. Знаем только, что когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (Иоан. 3, 2). Со стороны прославленной своей телесности истинно верующие во Христа дойдут, как мы знаем, до прославления, соответствующего прославлению Христа по воскресении; на аллегорическом языке Апостола языков это значит, что воскресшие верующие достигнут «мужа совершенна, меры возраста исполнения Христова» (Еф. 4, 13). Со стороны нравственных отношений истинно верующие в блаженной вечности дойдя до полного и тесного общения в Божественной жизни, будут участвовать в Божественной славе — этом отличительном характере жизни Божией. Нося по-видимому теоретический отпечаток, наше участие в славе Божественной будет в Церкви торжествующей вполне живое и деятельное.Созерцание Бога в Его славе, а также и Христа Его, неразрывно связанное с внутренним духовным общением и единением истинно верующего человека с Богом в Троице, сколько предполагает известную долю освящения человека (Евр. 12, 14), столько же и заключает в себе соответствующую долю владения славою Божественною, т.е., подобным Ей отблеском или сиянием. «Праведницы просветятся, яко солнце, в царствии Отца их» (Мф. 13, 43). Это не значит, что они будут светиться точно как солнце. Но поелику не знаем другого светила, которое было бы блистательнее солнца, то Господь употребляет образы, для нас известные. Солнце известно нам, как благотворное светило, дающее нам свет и теплоту, существенно необходимое в жизни. Поэтому оно, как образ, может означать будущее блаженное состояние истинно верующих во Христа, происходящее необходимо от лицезрения Истинного Света Бога. Это блаженное состояние

праведников будет настолько нестеснительно и свободно, что будет возвышаться над границами пространства и времени. И если в Новозаветном Писании говорится о степенях этого блаженного состояния верующих (напр., Лук. 19, 17, 19), то это скорее нужно понимать в качественном, чем в количественном отношении. Будущее наше блаженное состояние вполне станет соответствовать Богоданным силам и способностям человечества и их развитию в здешней жизни. А потому и образы для обозначения этого будущего состояния заимствуются от здешних форм бытия: говорится, что в дому Отца Небесного обителей много суть (Иоан. 14, 2). Заимствован ли этот образ представления будущего состояния от мысли о великолепных Царских палатах, включающих в себя покои не только для Царя и его непосредственно близких, но и для всех призываемых, — или же от радостного представления храма Иерусалимского, богатого своими пристройками — во всяком случае мысль об истинно нравственной свободе верующих в единении с Богом — Источником Света и жизни остается существенною чертою блаженного в вечности состояния верующих праведников. О строгом и точном выражении этой черты вечного блаженства судить при современном, суетном состоянии мира трудно: *«их же око не виде, и ухо не слыша и на сердце человека не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его»* (1 Кор. 2, 9). (О конечных судьбах мира и человека, стр. 328).

Ей, гряду скоро: аминь (20)

(Воскр. Чт. г. XI. 489-493)

Таково последнее слово Господа Вседержителя в книге откровения Его! В нем слышится голос Домовладыки, Который, благоустроив дом Свой, отошел *на страну далече прияти Себе царство, и возвратитися* (Лук. 19, 13): Он все сделал для Своего достояния: искупил его от рук похитителя и тирана, очистил от бесчисленных зол, возвысил, укрепил, украсил; преподал мудрые и благие заповеди домочадцам Своим, как и что подобает им в дому Его; не сокрыл от них опасностей со стороны врагов Его; предрек им и необходимые страдания в борьбе с противниками; обетовал

им непрестанное, невидимое и всесильное содействие Свое, указал им несокрушимое оружие в терпении и уповании, — и Сам сокрылся от *очию их,* на время, Ему Одному известное. Но еще единожды, из той неведомой страны, куда Он отошел, наш Господь, наш Домовладыка, наш Искупитель и Царь благоволил послать дому Своему, т.е. Церкви Своей, высочайшие наставления и предостережения Свои, показывая, хотя в таинственных образах, весь ход грядущих событий на земле до времени самого пришествия Своего к нам. И здесь то последнее слово Его: *ей, гряду скоро: аминь.*

Посему и доныне св. Церковь — в непрестанном ожидании Господа своего: она помнит, она слышит ежечасно последний глас Его и уготовляется во сретение Ему; уготовляется сама и уготовляет чад своих, напоминая им каждый день: *се Жених грядет!* Но когда же исполнится обетование Господне? Протекли веки ожидания, и, по пророчеству св. Апостола Петра, неверие не может ли воскликнуть: *где обетование пришествия Его? Отнеле же бо успоша отцы, вся тако пребывают от начала создания* (2 Петр. 3, 4). *Несть наше,* ответим на это словами Самого Господа, *разумети времена и лета, яже Отец положи во Своей власти* (Деян. 1, 7). Не знаем, в какое лето, в какой день и час приидет Господь наш судити живых и мертвых и устроит царство нового Израиля; но знаем несомненно, что *Он грядет скоро и время близ есть* (Ап. 21, 10), и потому должны бдеть неусыпно, *чающе и скорее быти желающе пришествия Божия* (2 Петр. 3, 12).

Для Господа нет нашего времени: *един день пред Ним, яко тысяча лет, и тысяча лет, яко един день* (2 Петр. 3, 8). Он грядет *скоро,* потому что грядет *неукоснительно:* все в Его деснице, всеми событиями мира движет Он к единой цели, к устроению нового и вечного царства Своего на земле, и нет препятствия Ему в делах Его, ничто не остановит, ничто не разрушит Его непреложных определений и обетований. Человек считает дни, месяцы и годы. Господь исчисляет не время, а правды и неправды человеческие и мерою избранных Своих определяет меру приближения того великого и просвещенного дня, с которого престанет всякое счисление лет и начнется невечерний день Его царствия. Была и прежде пора ожидания Господа Спасителя: она

началась с последнего времени райского пребывания человека и простерлась на целые тысячелетия. Между тем, чаяние и тогда хотело как бы предварить самое исполнение великого события, а неверие и забвение могло так же возвышать голос свой и восклицать с нечестивой дерзостью: *где есть обетование пришествия Его?* — Праматерь наша, по рождении первого сына своего, сказала: *ныне стяжах человека Богом* (Быт. 4, 1): не думала ли она зреть в первенце своем чадо обетования, по которому *Семя жены* долженствовало *стереть главу змия?* Но — Каин явился братоубийцей и с печатию отвержения Господня влачил жизнь свою на земле. Ламех родил сына и нарек ему знаменательное имя: *Ной,* говоря с отрадным упованием: *сей упокоит нас от дел наших, и от печали рук наших, и от земли юже прокля Господь* (Быт. 5, 29): не слышится ли и здесь голос упования на первообетованного Успокоителя и Утешителя, имевшего снять проклятие с земли, которое пало на нее с падением человека? Но — еще мало времени, и Господь сказал: *потреблю человека, егоже сотворих, от лица земли, от человека даже до скота, и от гад даже до птиц небесных: зане размыслих, яко сотворих я* (6, 7). Ной же, один обретший благодать пред Господом Богом, явился только образом спасительного семени жены. *Авраам рад бы был, дабы видел день Господень, и виде, и возрадовася* (Иоан. 8, 56); но видел духом, а по времени так отстоял от него, что был только родоначальником народа, от которого через тысячи лет произошел обетованный Мессия. Моисей говорит о подобном себе пророке так, как будто сей пророк имел быть его преемником (Втор. 18, 15-19); а между тем, в это время только начертывались образы грядущих благ и являлась сень Нового Завета, тело которого было еще далеко от Израиля. Пророки начертали почти полное Евангелие о Том, Кто был чаянием и утехой Израиля; между тем, для народа Иудейского, которому вверены были обетования, наступали самые тяжкие времена, угрожавшие ему уничтожением и рассеянием между языками. Наконец, умолкли Пророки, и чем ближе было время самого пришествия Мессии, тем таинственнее становилось сие безмолвие, доколе, наконец, глас вопиющего в пустыне не возопил о грядущем Искупителе и не указал перстом на

пришедшего. Что же? Укоснил Господь первым пришествием Своим на землю? — Не укоснил, пришел *скоро,* потому что пришел во время благопотребно. Всеведущий и Всесильный Врач наблюдал не время, а ход болезни человека, и явился тогда, когда нужно было Его всеисцеляющее врачевство.

Не коснит и ныне Господь *обетованием* второго пришествия Своего, *якоже нецыи коснение мнят.* Протекли веки ожидания Его, но над каждым веком не слышится ли с одинаковой силой непреложное обетование Его: *ей, гряду скоро: аминь.* Не раз люди думали видеть приближение последнего дня и ошибались; но это потому, что они произвольно определили день сей, тогда как им прямо сказано: *о дни и часе том никтоже весть, ни Ангели, иже суть на небесах, ни Сын, но токмо Отец* (Марк. 13, 32). Между тем, не примечаем ли и здесь ту же силу чаяния, предупреждающего, так сказать, самое явление чаемого, которую мы видели и в ветхозаветных мужах, чаявших первого пришествия Господня? С другой стороны, что пробуждало такое сильное ожидание скорого явления Иисуса Христа, со славою и властию Судии живых и мертвых? — Те именно события, которые служат предзнаменованием последнего события в нашем мире, или суды Господни над народами, предходящие суду Его над целым человечеством. Так отвержен был вконец народ Иудейский, прежде избранный народ Божий, хранивший обетования Господни, носивший в себе залог спасения для всего мира, но сам не признавший великого, обетованного Семени Своего, ради которого и храним, и благословляем, и спасаем был среди языков: Господь произнес над этим народом последний суд Свой, и страшная кончина его приблизилась. С этим невольно пробудилась мысль о суде последнем, тем более, что Самому Господу нашему Иисусу Христу угодно было соединить в Своем многообъемлющем пророчестве, сказанном Апостолам на горе Елеонской (Матф. 24; Марк. 15; Лук. 21), два события сии, из которых первое должно было служить образом последнего. Тогда были еще Апостолы, и они сами вразумили христиан, как надлежит думать о последнем пришествии Христовом (Солун. 1 Посл. 5, 1-3; Петр. 2 Посл. 3 гл.). Когда скончались судьбы всесветной Римской Монархии и устремились на нее народы,

тогда опять возникла мысль о последнем судном дне мира; потому что суд над миром Римским был точно судом окончательным. Но на развалинах Римской империи возникли новые государства, и умы верующих успокоились. Новые подобные явления не раз и после пробуждали подобные же мысли, которые проходили вместе с окончанием самых переворотов. Не то ли это значит, что в необыкновенных переворотах сих чувствуется десница Господа, поражающая и воздвигающая по одному, непреложному и неизменному, намерению Его устроить на земле новое царство Свое, слышится один и тот же глас Судии живых и мертвых: *ей, гряду скоро!* Господь наперед судит народы, потому что политическая жизнь их временна, и суд над нею совершается по времени; ни одно общество не избегает этого суда и всегда получает полное возмездие здесь, на земле. Но человек, как гражданин царства высшего, духовного, не может получить и не получает этого во времени: вечная судьба его определится после. Но пусть он смотрит и видит, как в судах временных непреложен закон правды Божией, как совершается невидимое *шествие* Господне среди царств земных, и как Он грядет, грядет скоро, на суд всеобщий, суд не царствам и народам, но человеку, каждому человеку по жизни его. *Видена быша шествия Твоя, Боже, шествия Бога моего Царя, иже во святем,* взывал некогда святой псалмопевец, обозревая судьбу Богоизбранного народа (Пс. 67, 25). Не так ли воскликнет и христианин, внимательный к путям Господа своего, являемым в целой истории народов: «видена шествия Твоя, Боже, шествия Бога Искупителя и Спасителя, и Судии живых и мертвых, грядущего на последний страшный суд человеку, грядущего скоро, по непреложному обетованию Своему».

И так *не коснит Господь обетованием, якоже нецыи коснение мнят, но долготерпит на нас, не хотя да кто погибнет, но да вси в покаяние приидут.* Долготерпение Господа не есть коснение Его в исполнении обетования Своего: долготерпя на нас, Он чрез это самое уже предустрояет суд Свой, который будет воздаянием каждому по делам его. Святый Предтеча Господень, проповедуя о приближении Обетованного Спасителя, взывал: *уже бо и секира при корене древа лежит: всяко убо древо, еже не творит*

плода добра, посекаемо бывает и во огнь вметаемо (Матф. 3, 10). И Сам Господь наш говорил пред страданием Своим: *ныне суд есть миру сему* (Иоан. 12, 31). Видите, какая тесная и неразрывная связь между первым и вторым пришествием Иисуса Христа! Он приходил собственно не судить, но спасти мир: *не приидох бо, да сужду мирови, но да спасу мир* (Иоан. 12, 47); однако же суд над миром начался уже с Его первого пришествия: *ныне суд есть миру сему... секира лежит при корене древа.* Сей суд состоит в том, что *Свет прииде в мир и возлюбиша человецы паче тьму, неже свет* (Иоан. 3, 19). Посему правда Божия изрекает уже суд на нечестие; но Любы Божия долготерпит, не хотя да кто погибнет, но да вси в покаяние приидут. — И сие-то время долготерпения Божия дерзают называть *коснением Господним!* Да слышат такие люди сие поразительное слово Апостольское: *или о богатстве благости Его и кротости и долготерпении нерадиши, неведый, яко благость Божия на покаяние тя ведет? По жестокости же твоей и непокаянному сердцу собираеши себе гнев в день гнева и откровения суда Божия* (Рим. 2, 4-5). Заметим, что св. Апостол последний суд Христов именует днем *гнева и откровения суда Божия:* день гнева противополагается дню долготерпения, благости и кротости Господней; следовательно, и день откровения суда противополагается дню суда сокровенного, который совершается в самое время долготерпения и свидетельствует о близости или неукоснительности второго пришествия Господня. Имеяй очи видети, видит вокруг себя ясные следы Судии, грядущего на суд живым и мертвым; имеяй уши слышати, слышит во всем крепкий глас Его: *ей, гряду скоро. Обидяй да обидит еще: и скверный да сквернится еще: и праведный правду да творит еще: и святый да святится еще. И се гряду скоро,* и *мзда Моя со Мною воздати коемуждо по делом его* (Апокал. 21, 12-12).

Блюдите убо, како опасно ходите. Враг нашего спасения старается всеми силами закрыть ясные следы шествия Господня на последний, страшный суд миру: вот почему и провозглашает неверие: *где есть обетование пришествия Его? отнеле же бо успоша отцы, вся тако пребывают от начала создания.* Достойно замечания, что, по пророчеству св. Апостолов, эта нечестивая мысль с особенной силой

распространится и раскроется в то время, когда дни долготерпения Божия будут приходить к исполнению или окончанию. На ней-то, без сомнения, оснуются мечтательные гадания об устроении прочного мира на земле, как на неподвижной и вечной обители рода человеческого; ибо в предпоследние времена люди рекут: *мир и утверждение!* Но *егда рекут: мир и утверждение, тогда внезапу нападет на них всегубительство, якоже болезнь во чреве имущей, и не имут избежати* (1 Солун. 5, 3). Таким образом сбудется и другое слово Писания: *яко свет бо приидет на вся живущия на лицы всея земли* (Лук. 21, 35); или: *приидет же день Господень, яко тать в нощи* (2 Петр. 3, 10). *Мы же, братие, несмы во тьме, да день нас якоже тать постигнет. Вси бо мы сынове света есьмы и сынове дне: несмы нощи, ниже тмы. Тем же убо да не спим якоже и прочии, но да бодрствуем и трезвимся. Спящии бо в нощи спят: и упивающиися в нощи упиваются. Мы же сынове суще дне, да трезвимся, оболкшеся в броня веры и любве, и шлем упования спасения: яко не положи нас Бог в гнев, но в получение спасения, Господем нашим Иисусом Христом, умершим за нас, да, аще бдим, аще ли спим, купно с Ним живем* (1 Сол. 5, 4-10).

Библиографический указатель к XXI и XXII главам

1) *Ф.Яковлева.* Апостолы. Вып. 2. Толкование Апокалипсиса. Царство небесное (XXI, 1-XXII, 5). Свидетельства, удостоверяющие, что писание Апокалипсиса божественно (XXII. 6-11). Заключение (ст. 18-21). Стр. 427-455.

2) *Еп. Петра.* Объяснение Апокалипсиса. Томск. 1885 г. Пророчество о Новом Иерусалиме (XXI, 1-8); видение нового неба и новой земли (ст. 1); видение Нового Иерусалима (ст. 2); громкий голос на небе (ст. 3-4); глас Сидящего на престоле (ст. 5-8). Продолжение пророчества о Новом Иерусалиме (XXI, 9-XXII, 7): случай к видению (ст. 9-10); великолепный вид города (ст. 10-11); устроение и части города: стены и ворота города (ст. 12-13); основания (ст. 14); форма и обширность города (ст. 15-17); великолепная красота города (ст. 18-21); слава города (ст. 22-27). Важное преимущество города в реке воды живой (XXII, 1-5); подтверждение этого пророчества (ст. 6-7); Эпилог Апокалипсиса (XXII, 8-21); частный случай с Тайновидцем (ст. 8-9); последние слова Господа Иисуса Христа к св. Иоанну (ст. 10 -17); убеждение Апостола не повреждать этой книги (ст. 18-19). Заключение (ст. 20-21). Стр. 258-287.

Оглавление